

Неизвестный
НИЛУС

Том 2

Неизвестный
НИЛУС

Том 2

Москва
Православный
ПАЛОМНИК
1995

Составители

Роман Багдасаров и Сергей Фомин

Составителя благодарят

*Г. Николаева, М. Орлову-Смирнову, П. Паламарчука, А. Стрижева,
М. Хагемайстера (Германия)*

за ряд ценных рекомендаций,

а также

за предоставленне для публикации в настоящем издании некоторых текстов

Настоящий двухтомник включает в себя малоизвестные, а то и вовсе неизвестные даже искушенному читателю произведения известного русского духовного писателя С.А. Нялуса (1862 †1929), как правило, не переиздававшиеся после первой прижизненной публикации. В особые разделы выделены письма Сергея Александровича и материалы к его жизнеописанию, многие из которых впервые извлекаются из фондов отечественных архивов и редчайших изданий русской эмиграции. Во втором томе печатается последняя книга С. А. Нялуса — «Игумен Мануил», — изданная в Киеве в 1918 г., о существовании которой до недавних пор не знали даже специалисты.

- © Публикация, составление, редакция, комментарий, фотографии, макет — Р.В. Багдасаров и С.В. Фомин
- © Оформление—А.В. Лобашвинский

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

**ДУХ БОЖИЙ,
ЯВНО ПОЧИВАЮЩИЙ НА ОТЦЕ
СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ
В БЕСЕДЕ ЕГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ
С СИМБИРСКИМ ПОМЕЩИКОМ И
СОВЕСТНЫМ СУДЕЙ
НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
МОТОВИЛОВЫМ**

Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова
Беседа Преподобного Серафима Саровского
о цели Христианской жизни

Предисловие к изданию 1968 года

Беседа Преподобного и Богоносного Отца нашего Серафима Саровского Чудотворца о цели Христианской жизни имеет огромное значение, она чуть ли не самое важное, что имеется о нем.

Как богословское поучение, оно произнесено одним из самых великих святых Православной Церкви, равным святым отцам древности. Как нечто подлинное, оставшееся во свидетельство святости великого праведника Русской Церкви, — оно явно откровение свыше. Совершенно необыкновенно находение его перед самым прославлением великого тайнозрителя. Совершенно поразительно и значение этого «из иного мира пришедшего» поучения, как бы предназначенного для христианина 20-го века! Удивительно еще и то, кому именно было суждено обрести это дивное сокровище и при каких условиях обнародовать всему сословию Великой России именно накануне исторического исчезновения Святой Руси с земли... А нам, Зарубежной Руси, вменилось передать дальше, людям всего мира, кто только «имеет уши слышать» и сердце, готовое принять пламенные слова Самой Истины, исходящие из уст действительно серафима небесного — нашего дражайшего и родненького Батюшки Серахвима.

Чудо явления на нашу грешную землю этого серафима, помимо того, что оно и по сей день живет и дышит в нашей церковной жизни, еще не сказало своего последнего слова, еще не завершилось оно. Преподобный Серафим есть достояние всей Вселенской Церкви Христовой, единой и подлинной. Заключая свою Беседу, Преподобный говорит Мотовилову, своему собеседнику: «...Господь поможет вам навсегда удержать это (учение о Святом Духе) в памяти вашей... тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира...» Не явился еще многим неведущим и во тьме находящимся Преподобный, не обжег еще сердца Божественной любовью Серафим, дабы сделать им свой окончательный выбор, и последней трубе возгреть... Но быстрым темпом сгущается беззаконие на нашей грешной земле, и, видно, скоро быть концу ее, ибо весть о Преподобном Серафиме распространяется.

Обретаена эта Беседа была Сергеем Александровичем Нилусом. Это был замечательный человек. Недаром сам Преподобный его избрал быть как бы новым «служкой убогого Серафима», и он в действительности послужил святому как изданием Беседы, так и вообще своими писательскими трудами. Ниже приводится полный текст с третьего и последнего издания Беседы, который был Нилусом поправлен и снабжен предисловием, послесловием и заметками, еще никогда не опубликованными. Беседа составляет одну из глав его первой и в высшей степени интересной книги «Великое в малом», посвященной «с чувством благоговейной признательности» своему чудесному исцелителю, Святому Праведному Отцу Иоанну Кронштадтскому.

Лето, 1967 г.

* * *

Перед самым прославлением Преподобного Серафима в 1903 году Сергеем Нилусом были обнаружены Записи друга и почитателя святого Николая Александровича Мотовилова, где оказалось целое богословское поучение Преподобного Серафима о Стяжании Духа Святаго в полном согласии с учением Свв. Отцов Церкви. До 1917 года было выпущено несколько изданий этой Беседы, с которых перепечатывались все заграничные издания ее. Но накануне революции С. Нилус, окончательно обследовав рукопись, издал дефинитивный текст 1917-го года, с которого

мы и печатаем тут без изменений, дополнив лишь предисловием с уже давно разошедшейся книги, изданной нашим Св. Германовским Братством в 1968 году*.

1990 г.

Игумен Герман (Подмошневский)

ПРЕДИСЛОВИЕ С. А. НИЛУСА

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе, Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущаго по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати (*Деяния XIX, 1–7*).

И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня (*Деяния XX, 22–23*).

И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (*1 Кор. II, 4–5*).

А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все про- ницает, и глубины Божии (*1 Кор. II, 10*).

---

* В предыдущих изданиях «Беседы» отсутствуют названия разделов I–VII, большинство восклицательных знаков в изд. 1917 г. заменено на точки. Дополнения, внесенные С. А. Нилусом в 1917 г., выделены особым шрифтом; исключенные места помещены в угловых скобках. — *Сост.*

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь (1 Кор. II, 14).

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, первый и последний. (Откр. 1, 10).

За месяц до Высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении Святого Угодника Божия, Серафима Саровского, Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц о. Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову¹. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селения праведных мать Ермиония²; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия³.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и проницательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечную, неувядающую славу, которую Господь от века уготовал всем любящим Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко солнце!»

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей, с разрешения игуменни, Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием отца Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители. Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на которой она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...

(Иоан. 14, 12).

Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной* общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты что ли хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре, и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какой неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келлию его. Батюшка о. Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте.

---

* При Дивеевской общине в начале ее существования о. Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завещанию старца, должны были приниматься одни лишь девицы.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садиться извольте.

И, усадив меня, прибавил:

— Ну, вот сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра Нижегородского помещика Мантурова Елена Васильевна⁴, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах (сестры).

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит дверь великий старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей кельи, келейник о. Серафима Павел⁵, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, о. Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт⁶ — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, но лишь для одного батюшки о. Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалел, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же о. Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «не твое дело беседовать с теми, которые убогаго Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка о. Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие. Не взыщите. Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью.

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостинником⁷, на другой день, после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II

ИЗВОЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Целую ночь проговорили мы с о. Гурием про о. Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке о. Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши, не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки о. Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена Балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия⁷, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дожидаться отворения дверей великого старца. Наконец, и они смутились духом, даже сам о. Гурий, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уже темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы*.

Но я сказал:

— Нет, батюшка, о. Гурий, поезжайте вы один назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки о. Серафима, хоть бы мне и голодную смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он двери святой своей кельи.

И батюшка о. Серафим, весьма немного погодя, действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так —

---

* Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы понять естественный страх о. Гурия.

после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйста с о. Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал о. Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином пожалуйста ко мне на ближайшую мою пажникку — там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие.

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня я хоть под конец да сподобился однако же не только узреть лицо о. Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием не изобразимой. И несмотря на то, что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличенья, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что почувствовала душа моя на следующий день?

III

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ХРИСТИАНСКОЙ

Это было в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной в ближней пажникке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворили. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определенительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не Богоугодным любопытством и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим*, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании** ДУХА СВЯТАГО БОЖЬЯГО. Пост же и бдение, и молитва и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «во всяком языке бо[я]йся Бога и дела[я]й правду, приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению

---

* Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не Серафим, а — «Серафвим».

** В предыдущих изданиях выделено от начала предложения. — Сост.

блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществлять их, или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божияго.

— Как же стяжания? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно, что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею, и говорит всем нам: «купуйте, дондеже прииду, искупающе время, яко дние лукави суть», т. е. выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой

же у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются. Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумению, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де, и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетели без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: «ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово»*. Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая Божия, все-совершенная и все-спасительная; вторая собственная своя, человеческая, т.е. если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и все-спасительная в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого не доставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет[ся] же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и

---

* «Суть путие мнящихся прави быти мужу, обаче последняя их эрят во дно адово» (Притч. 16, 25). Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти.

предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего в полнощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елей, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т.е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т.е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «се стою при дверях и толку...» разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием. «В чем застану, в том и сужу», говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет[?]. Вот почему скайю: «бдите и молитесь, да не внидите в напасть», т.е. да не лишитесь Духа Божия; ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостать не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следую-

щему примеру Священного Предания*¹: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее...» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, Грядущаго со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя, и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, т.е. с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйста, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? Из ума что ли выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет. — Так-то и до Господа Бога Духа

---

* Житие преп. Венедикта (память 14-го марта): *Земледелец некий, сына мала умерша на руку нося[ща], приступи к Преподобному, моля его воскресить сына. Преподобный же преклоня колена с братисй на молитву и глаголаша к Богу: Господи, не на грехи моя презри, но на веру человека того, о воскресении сыновнем молящагося, и отдаждь душу телу сему. Ещѣ же не скончавшейся святаго молитве, абие тело умершее нача в себе показувати силу. Святыи же вземши за руку, возстави отрока жива и здрава и даде его отцу его.*

Святаго относится. Потому-то и сказано: «упразднитесь и разумеете, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», т.е. явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т.е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творить; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечно-го, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда Израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божияго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядая все нечистое», и в общение с [Н]им не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

IV

СТЯЖАНИЕ БЛАГОДАТИ

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

— Стяжайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прирост дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в безчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божияго пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. — Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром,

который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «хочу лучше пять словес реши умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «не всяк глаголюй Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», т.е. делающий «дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них больше[й] выгоды, т.е. в ищем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божиим вы обретаетесь или нет; и если — в Духе Божиим, то, благословен Бог — не о чем горевать: хоть сейчас — на страшный суд Христов. Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать Самаряныне: «пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

БОГОМАТЕРЬ — ЯЗВА БЕСОВ

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти все удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла*: «идохом во Охайю, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеком.

Вот некоторые и говорят: «эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им, «как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?» — т.е. как-де я могу хулить Бога, [когда] Дух Святой со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама, и [про] Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне, Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и

---

* В Апостольских Деяниях: *Прошедши чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их» (XVI, 6-7).*

не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши, и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией. Вот, например, многие толкуют, что, когда в Библии говорится — «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первоизданного и созданного Им от персти земной» — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная от персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что, если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т.е. благодати Господа Бога Духа Святаго, (возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы) от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно (превосходно) создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святаго, подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу и дух, принадлежащие (каждому по роду их, но Духа Святаго внутри себя неимущим). Когда же вдунул Господь (Бог) в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», т.е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков безсмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек

премудрее и многозначительнее его. Когда Господь повелел ему нареши имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех тварей и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в рай, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость безконечно бессмертного всеблаженного, своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого безценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божия вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полноценным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину несмотря на нечестие его и его преступление удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам виде Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля.

У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божияго или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим безчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божьяго действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрели свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники признавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божию, ибо сказано: «языки, неведующие Бога естеством законная творят и угодная Богу, соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «истина от земли возсия, и правда с небесе приниче»⁸.

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведующих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т.е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, (а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было) от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божьяго 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная

по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновил дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать — возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ея силе и действиям. И вот эту-то самую огненную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в таинстве святого крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока, обозначенного свыше по промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили, то во веки пребывали бы святыми, непорочными и изъятыми от всякия скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божияго и делаемся в многообразных мерах грешными и многогрешными людьми.

Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гла-су ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: «внутри вас есть Царствие Божие и нужно есть оно, и нуждницы ее восхищают». То есть — те люди, которые несмотря и на узы греховные, связавшие их и недопускающие своим насилием и возбуждени-ем на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным по-каянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действи-тельно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов ви-дел таких людей во одеждах белых, т. е. одеждах оправдания, и «финицы в руках их» как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуиа». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Пр^с них Ангел Божий сказал: «сии суть, иже придоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его Собственною волею за спасение мира, присно и до-ныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, по-дающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного во ответ благоприятен на страшном судище Его и за-мену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человек, спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Се-мени Жены, смертию смерть поправшаго, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить челове-ка, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI

БЛАГОДАТЬ ЕСТЬ СВЕТ

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда тождественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен; а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живой и веруай в Мя не умрет во веки», имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, взяющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «в Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «и свет во тьме светится, и тьма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывш[и]м Божественным светом безценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту». А потом, при обращении грешника на путь покаяния совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой как о цели жизни христианской я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разумеет под благодатию Божией и как распознавать ее, и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: «светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо

погиб бых в смирении моем». То есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих. И на самом деле, Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людей, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его и «быша ризы Его блещущие, яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илья явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ея.

VII

МИР И ТЕПЛОТА БЛАГОДАТИ

— Каким же образом, — спросил я батюшку о Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?...» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них, или нет, и проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия,

утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам», и только на этих основаниях и предлагали свои послания как (истину непреложную на пользу всем верным — так) св. апостолы ошутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьяго... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуместь Его явление в нас. Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько.

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою... Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

О. Серафим сказал:

— Не уstraшайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божияго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: Господи, удостои его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, Которым Ты удостоиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей. И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... — Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажень кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо, — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче держайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость, — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «от тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце.

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Эта самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не въздоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь на земле? Вот и вы, батюшка, довольно так поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утрулятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений». Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, такая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего, подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездить

на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

И батюшка Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сушая правда, ваше Боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?... Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «теплотою Духа Святаго согрей мя». Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретьных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь находимся. Про это состояние именно сказал Господь: «суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе». Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую Святой Макарий Египетский пишет: «я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь. Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго... Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое, — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, т. е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, поэтому и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы (восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы) послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридцать, ово шестьдесят, ово

же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденными с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему, один — вместо двух — четыре таланта, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благодатью во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания, поспешить изволил. Не велехвался говоря я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет. «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрениа на лица, Отец бо любит Сына и все дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного истинно посыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «веруй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и примете». Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все воприимете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближним Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «вся яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь

вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Матерь Божия через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром.

И во все время беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходящее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

* * *

На этом месте заканчивается Мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого старца! Пыль, галочки и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — все в одной куче, вперемешку одно с другим и всего весу 4 п[уда] 25 ф[унтов]. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?

Разбирая этот хаос, натываясь на всевозможные препятствия, (особенно — почерк был для меня камнем преткновения), я, помню, чуть не поддавался отчаянию. А тут среди всей этой макулатуры нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранный фраза: «батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда, я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим, неужели же для того ты дал мне

возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?» От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись, и тут же получил способность разбирать Мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и *не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира...*»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках, среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? Перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме! моли Бога о нас».

С.А. Нилус

19 мая 1903 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и известным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся человеческое сердце, по всем признакам, не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника Преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможности проявления действия наития Святаго Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

«Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектанства Лабзина⁹, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святаго хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до

«прелести!» — такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд писателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что чувственные проявления благодати Святаго Духа, почившего на Преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мотовилова лишь по молитве старца и по молитве же святого старца как явление это, так и боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего мира». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один Святою Церковью прославлен как Угодник Божий и Преподобный, а другой (Антоний Воронежский¹⁰) таковым смиренно почитается всеми православно-верующими сердцами. Первый и, можно сказать, основной признак сектантства и «прелести» есть **самочиние**, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения Ее Преподобных. Вот что свидетельствует Преподобный Феогност: «хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого *как приявший обручение Духа и стяжавший небесное царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души*; но не потерпи разрешиться от плоти, непредваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом, и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»*.

По содержанию этих слов преп. Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о котором говорит Преп. Феогност, называется очень справедливо в Отеческих писаниях *известованием*, по свойству решительной достоверности. Оно производится *наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника*. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека в ту чудную молитву,

---

* Аскетическое сочинение Преподобного Феогноста помещено в «Христианском Чтении» за 1826 г., ч. XXIII.

которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. *Вся кости* того человека *рекут* неизреченным духовным благодарением и славословием: *Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты — избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его.* Душа такого человека *возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его.* Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам, — короче сказать — оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение *тому не себе живет*, но Богу. У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает *мнение такого ощущения* и отличается от благодатного по противоположным ему плодам»*.

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святаго в тех, Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас, грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святаго Духа, о которой ведется речь Преподобным Серафимом и которая изображается великим его послушником Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного, *«не всегда и великим пустынноикам подается Господнею милостью».* О, Торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..

Ей, гряди, Господи Иисусе!

С. А. Нилус

1911

(* В издании «Великого в малом» 1911 г. помещено следующее примечание из «Слова о смерти» святителя Игнатия: Вспомним св. Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике Св. Апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и, по причине чистоты ума его, очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преуспянии, что никогда не начинал Божественной Литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его.)

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ?

I

Россию невидимая рука вовлекла в стихийный круговорот невероятного страдания: события — одно страшнее другого, преступления — имени которым нет на обыкновенном человеческом языке, хаос мыслей, чувств, настроений — и над всем торжествующее царство ненависти, нечеловеческой злобы и общей муки, на кровавые клочья рвущих сердца всех, кто еще не утратил того, что прежние люди звали сердцем.

Кто живет жизнью своей Матери — Православной Церкви, тот знает, откуда и за что ниспосылаются эти муки, знают они также и к чему готовит человечество эти страдания, но... «Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так, чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить, и не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем»... (Апок. 9, 20–21).

Так не к этим «прочим» я теперь обращаю это слово, — «дух заблуждения» так властно овладел теперь их душой, что «верить они могут только лжи», — а к тем «избранным», ради которых должны сократиться дни эти, в подкрепление и в радость их веры: пусть к ним идет, если Богу угодно, слово мое, да не «поклонятся они зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?»

Отец Амвросий Оптинский, говоря о близости исполнения времен и объясняя 7-й стих второй главы второго послания к Фессалоникийцам, в котором указывается признак времени явления антихриста, — той «тайны беззакония», которая «не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды *удерживающий теперь*», — под «теперь удерживающим» разумел *Царя, или Царскую, Самодержавную, ничем и никем неограниченную власть*.

Толкование великого старца, подвижника и прозорливца, еще так недавно отшедшего от нас ко Господу, живо еще в памяти всех его современников, свято чтущих и соблюдающих в своих о нем воспоминаниях каждое его даже вкользь пророненное слово.

Признак этого близкого пришествия антихриста указан и св. Отцами Православной Апостольской Церкви, и истолкован ими в том же смысле.

II

Известный всем благоговейным читателям святой памяти преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца, Николай Александрович Мотовилов сохранил в своих о нем записках следующую, еще доселе, не без Божьей воли, сохранившуюся в моих бумагах беседу свою с ним о Царской Власти. Привожу без изменения подлинные слова записки, озаглавленной Мотовиловым так: «Копия с ответа моего следственной Комиссии — секретно спрашивавшей мнения моего о житии батюшки отца Серафима, прочитанного мною в рукописи, сочиненной бывшим иеродиаконом и поверенным Саровской пустыни, ныне же (1844 года) иеромонахом и казначеем Святыя Троицко-Сергиевския Лавры, отцем Сергием — написанного во святой Саровской Пустыни 1840 г. 1 или 2 сентября и сего 1844 года с 26 на 27 октября там же начавшегося переписываться мною:

Тамбовской Духовной Консистории члену
Соборному Ключарю, протоиерею Никифору Телятинскому
и города Кадома Соборному протоиерею, Иоанну Розанову.
Симбирского Помещика, Действительного Студента
Николая Александровича Мотовилова

Объяснение...»

Пропуская начало того объяснения, — по содержанию своему представляющее многое уже известное читателям «Московских Ведомостей», частью из моего очерка о Мотовилове, частью из великой беседы Преподобного Серафима «О цели жизни христианской», — я приведу здесь ту только часть его, в которой речь ведется Преподобным о Царской Власти, не без пророческого, по моему разумению, указания на события и лица, нам современные.

III

Вот что, в ночь с 26 на 27 октября 1844 года в Саровской пустыне было написано Мотовиловым:

... «А в доказательство истинной ревности по Боге приводил он (преподобный) святого пророка Илию и Гedeона и, по целым часам распространялся о них своей боговдохновенною и усладительнейшею беседой, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и

указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о Святом Царе, Пророке и Богоотце Давиде, и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатию Духа Святаго, сияло тогда подобно солнцу, и я, поистине, говорю, что, глядя на него, я чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я себе на память лицо Моисея, только что сшедшего с Синая. Душа моя, умироторяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такою великою радостью, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род наш человеческий, но и все творение Божие, преизливаясь ко всем Божественною любовью.

— Так-то, ваше боголюбие, так, — говаривал батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости), — избрать Давида, раба Моего, мужа по сердцу Моему, иже исполнит вся хотения Моя ... — и прибавлял, — блаженно царство, имеющее такого царя.

Разъясняя же, как надобно служить Царю и сколько дорожить Его жизнью, он приводил в пример военачальника Давида, Авессу.

— Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, — для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился ни в чем невредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к Царю. Когда же что приказывал Давид, то Авесса отвечивал: «Только повели, о Царю, и все будет исполнено по-твоему». Когда же Царь изъявлял желание сам участвовать в каком-либо кровопролитном деле для обозрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здоровья и, останавливая его от участия в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, Государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?..»

IV

Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к Царю, и, желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Господу, говаривал:

— После Православия они суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия.

Часто он от Давида переводил разговор к нашему Великому Государю Императору [Николаю I — *Сост.*], и по целым часам беседовал со мною о Нем и о царстве Русском; жалел о зломыслящих противу Всеавгустейшей Особы Его. Явственно говоря мне о том, что они хотят сделать, он приводил меня в ужас, а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

— Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обогрится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость Самодержавия Его, но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского.

Когда же, уstraшенный его рассказом, я спросить хотел о Государе: что будет тогда с Ним? — то он, не дав мне и выговорить, отвечал мне на мысль мою:

— А ты уж, батюшка, не о Нем пекись — Его Господь сохранит: он велик перед Богом — Он — в душе христианин!

И это всегда почти любимые выражения его о Государе, которые он и в прочих беседах своих со мною о Нем говаривал, приводя к тому и доказательство. И это я сам лично слышал из уст его, и готов сказать во всеуслышание не только России, но и целому миру, повторяя с отцом Серафимом:

— Блаженны мы, что имеем такого Царя!

Кстати, не могу умолчать и о том, что, по словам келейника его, Павла, батюшка отец Серафим, в день самого бунта 14 декабря 1825 года, по утру в этот день, спокойно перекладывая дрова возле своей келлии, вдруг стал бегать, восклицая:

— Драка! Драка!

И на вопрос отца Павла:

— О чем это ты, батюшка, кричишь так! — отвечивал:

— В Петербурге бунт противу Государя! — и стал подробно объяснять, что там в это время происходило.

Когда же, через несколько после того дней, взошел на престол ныне благополучно царствующий Государь Император Николай Павлович, то батюшка отец Серафим, еще до получения о том известий, говорил:

— Ну вот, это так! Слава Богу, слава Богу! Царя Богоизбранного даровал Господь земле Русской. Сам Господь избрал и помазал Его на царство!

И тому же келейнику своему, Павлу, в радости духа, неоднократно говаривал он, ублажая мудрость и попечительность о благе Августейшего Дома Государыни Императрицы Марии Феодоровны, и прибавлял:

— Я всегда молюсь, чтобы Господь продлил дни жизни Ея для счастья России.

До сих пор — рассказ отца Павла, келейника, который и подтвердить все это не откажется. Далее же помещать буду мои собственные сведения о батюшке отце Серафиме.

V

Однажды был я в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашей Православною Церковью, если современное нам зло будет все более и более размножаться, и будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии, как от приумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия в душе чрез рассеиваемые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка отец Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илиии, как я выше помянул, он сказал мне между прочим:

— Илиия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто весь он преклонил колено Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илиия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? — Седьмь тысящ мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу... Так, если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейского, верного Богу, царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седьмь тысящ мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что во Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?

Я отвечал: около шестидесяти миллионов.

И он продолжал:

— В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу! Так-то, батюшка, так-то ихже предуведе, сих и предъизбра; ихже предъизбра, сих и предустави; ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит. Так о чем же унывать-то нам?! С нами Бог! Надеющиеся на Господа, яко гора Сион, не подвижется в век живый во Иерусалиме. Горы окрест его, и Господь окрест людей Своих. Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою. Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века. Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию.

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том?

— К тому, — отвечивал батюшка отец Серафим, — что таким-то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, то есть православных

христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и ночь служащих Ему. А таковы — хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устами исповедующие благочестие Его преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа.

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу православных и благочестиво живущих, батюшка отец Серафим сказывал некогда одному знакомому моему, — то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симеону, хозяину Маслищенского двора, — что однажды, бывши в духе, видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся ко Господу».

VI

На этом месте прерывается Мотовиловская рукопись. Не нуждается она в комментариях: для верующего ее значение и смысл ясны, как свет Божий. Устами Преподобного говорит Господь, и для наших времен с угрозой подтверждает блюсти целость и неприкосновенность Самодержавия, которое «после Православия суть первый долг наш русский и главное основание христианского благочестия».

Кому это сказано? Всякому православному христианину — от Самого Царя до последнего его православного подданого.

На Западе царство антихристу врагами Христа уже подготовлено: власть самодержавная сменилась властью республиканской и конституционной толпы, управляемой невидимой, но мощной рукой закланной вражды Христу Господу.

Одна Россия во всем мире держится и крепко стоит против незримого врага, сильная своею верою и своим Самодержцем. Вот откуда к ней общая ненависть, все козни, западни, сети, капканы, в которые ее и заблудших, несчастных детей ее заманивают без числа и меры расплодившиеся враги всего христианства!

Православные! Вы, семь тысяч не подклонивших своих колен Ваалу, вы миллионы, молитвы которых еще окутывают дымом кадилным землю Русскую, из боговдохновенных речей святых Угодников наших знайте, откуда идет антихрист, и кто еще держит его связанным, — знайте, что в тот день, в который совершится взятие от среды предрержащей власти *Самодержавного* Царя нашего, ограниченного какими бы то ни было выборами из народа, — отступит от вас благодать Божия, и поклонитесь вы уже не Православному Государю, а «зверю из бездны!»

Не мои это слова, — слова Божии, заповеданные Его Угодниками.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Предисловие

к «Великой Дивеевской тайне»

Почти в канун всероссийского прославления Преп. Серафима Саровского чудесным образом была найдена на чердаке в доме Мотовилова целая кипа бумаг-записей о святом Серафиме. Когда, точно египетские иероглифы, неразборчивые рукописи близкого по духу друга Серафимова Мотовилова оказались доступны пониманию, то отгадавший почерк Сергей Нилус пришел в изумление. Перед ним открылись дотоле неведомые тайны, чудом сохранившиеся слова одного из величайших святых Христианства. Он понял их вселенское значение и, переписав, послал в церковную прессу, еп. Никону Вологодскому, дабы перед самым прославлением православная Россия была предупреждена о том, что ее ожидает. Из всего найденного в записках Мотовилова было допущено цензурой только то, что стало теперь известным как «Беседа Преп. Серафима о цели христианской жизни», а весь остальной материал, тем более теперь, после коммунистической разрухи, пропал безследно за исключением тех драгоценных крупиц, слов Преп. Серафима, которые Нилус кое-где помещал в своих замечательных писаниях.

Таким образом, помимо биографии самого Мотовилова (составленной С. Нилусом и помещенной в его книге «Великое в малом») и вышеупомянутой «Беседы», опубликованы были только пара страниц из его книг, изданных в 1917 году под названием: «Об участии верных христиан». И так оно бы и осталось, если бы не его племянница Елена Юрьевна Концевич, сохранившая кое-какие его рукописи, вернее *неизданные главы* из «На берегу Божьей реки». Одна из этих глав называется «Дивеевская Тайна».

Перед своей смертью, не желая покидать родины, Сергей Александрович переслал за границу рукописи своей племяннице с тем, чтобы она их опубликовала. Он даже с нее взял слово, что если она этого не сделает, то он будет с ней судиться на том свете. Вышеупомянутая глава, однако, содержала в себе необычайные сведения, которые дореволюционная цензура сочла рискованным опубликовать в век скептицизма, дабы не повредить делу прославления Саровского угодника. Но когда рухнула Империя, тогда ничего вообще духовного издавать уже невозможно было, а за границей ей советовали не издавать тем более, чтобы не подрывать веры у остатка верующих забитых эмигрантов. Она ждала благоприятного

времени, которое не появлялось, — а время шло. В юбилейный год полвека со дня прославления Преп. Серафима, когда она умоляла открыть тайну, ей категорически епископы запретили. Тогда явился ей ее дядя и пригрозил, но теперь у нее и возможности не было.

Это было в канун открытия нашего Св. Германовского Братства, когда я посетил моего умирающего профессора Ивана Михайловича Концевича в день памяти Преп. Германа, тогда еще не прославленного святого. Почти на смертном одре просил нас дорогой Иван Михайлович помочь его будущей вдове в одном очень важном деле, имеющем вселенское значение, притом просил ей не препятствовать. Когда она открыла мне эту тайну, я тотчас понял, что мистически время пришло, и обещал ей издать книгу Нилуса. С благословения праведника-страдальца архиепископа Аверкия¹, который сам хотел издать эту книгу, мы выпустили в свет второй том «На берегу Божьей реки», где в 8-й главе она помещается. Это первое на русском языке в книжном виде издание нашего американского Братства² дошло скоро до России и стало известно там. А за рубежом мало кого оно тронуло или смутило, но когда мы его издали в нашем журнале в переводе о. Серафима [(Роуза) — Сост.], то сдвиг к духовному почувствовался среди быстро растущего перехода в Православие молодых Богожаждущих американцев, для которых Преп. Серафим Саровский является неким вождем к всемирному покаянию.

Значение этой тайны судить не нам. Тайны Божии открываются по мере духовного роста индивидуальной личности каждого человека, созданного по образу и подобию Божию. Нынешний сдвиг в России имеет апокалиптическое значение, тайны Божии неисповедимы. Но то мировое зло, умножающееся и грозящее ныне потопить оставшееся число праведников, может быть в миг рассеяно, подобно громовой туче, дыханием уст Божиих, коли есть у верующих в Него покаяние и окрыленное упование на Его милость к Своему народу избранному, Новому Израилю, кроткому люду рода Православного.

Помещаем поэтому заветные слова нашего дорогого Батюшки Серафима Саровского, столь много говорящие ныне православному, кроткому рабу Бога Живаго из нами ранее изданных книг*.

1990 г.

Игумен Герман (Подмошенский).

---

* Далее в публикации «Русского Паломника» следовал текст «Великой Дивеевской Тайны» («Об участи верных христиан»). — Сост

Часто слыша от Великого Старца, что он плотию своею в Сарове лежать не будет, я однажды осмелился спросить его: «Как же, Батюшка, вы изволите все говорить, что вы плотию своею лежать не будете. Нешто вас Саровские отдадут?» И на сие Батюшка, приятно на меня взглянув и улыбувшись, изволил мне ответить следующее: «Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие. Какие вы. Уж на что Царь Петр, то был Царь из Царей, а захотел мощи Святого Благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а Святые Мощи того не пожелали и в Петербурге их нет». — «Как же нет? — осмелился я возразить великому Старцу. — Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской Лавре». — «В А[лександро]-Н[евской] Лавре, говорите вы, — ответил мне Батюшка. — Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, ваше Боголюбие, что их там нет». И много распространившись по сему предмету, батюшка Отец Серафим изволил мне открыть великую тайну. «Мне, — сказывал, — убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой Веры — Воскресению Христову и всеобщему Воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея превременная жизни взять и затем во утверждение догмата воскресения воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскрешение седми отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем я перейду из Сарова в Дивеев, где буду проповедовать всемирное покаяние. И на сие великое чудо соберутся в Дивеев люди со всех концов земли, и там, проповедуя им покаяние, я открою четверо мощей и сам между ними пятым лягу. Но тогда уж настанет и конец всему».

Таково сказание, которое я [С. А. Нилус. — *Сост.*] сложил в своем сердце со времени 1902 года из записок Мотовилова и которое я решился сказывать лишь ближайшим мне по духу лицам, которых всегда было не очень много. Косвенным подтверждением сему из тайников Дивеевских я слышал лично от великой старицы 85-летней игумении Марии, предреченной Преподобным Серафимом как 12-й начальницы, на которой, сказывал батюшка, «у вас и монастырь устроится». Поздравляя ее в августе 1903 года с оправданием ее великой веры открытия мощей Преподобного Серафима (она в своем Соборе не освящала с 1879 года ни одного престола, веруя, что доживет до прославления Преподобного и освятит престол в честь его и славу)³. И услышал от нее следующие высокознаменательные

слова: «Правда Ваша, батюшка мой, Сергей Александрович, это чудо. Но вот будет чудо так чудо, это когда крестный ход, что теперь из Дивеева шел в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как сказывал нам Батюшка угодник Божий, что колосьев в поле. Вот это так будет чудо чудное, диво дивное». — «Как понимать это, матушка?» — спросил я ее, совсем на ту пору забыв то, что я знал из рукописей Мотовилова. На это ответила матушка, загадочно ласково улыбувшись: «Кто доживет — увидит».

ПРИЛОЖЕНИЕ к «Великой Дивеевской Тайне»

Из семейного архива Флоренских

Будет время, когда все словеса прѣдречений Господних, сказанные Великому Старцу Серафиму о судьбах Четвертого жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо, по обетованию Господню, воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба Великий Старец Серафим и пешком перейдет из Саровской пустыни в село Дивеево — при сонме Высочайшей Фамилии, Великокняжеской, Царской, Императорской и русских и иностранных безчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там вечным опять до времени сном смерти почует и тогда-то, после сего вторичного Батюшки Отца Серафима Успения село Дивеево, соделавшись Домом всемирным, просветится паче всех не только русских, но и всех градов на свете — ибо свет веры Христовой через это воскресение из мертвых Великого Старца Серафима утвердится вселенной всей. Тогда с какой жадностью все обратятся к источникам православным для узнания о начале и ходе сего дива истории, сего 4-го жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской Женской Дивеевой Горы; сего места спасения всего мира во времена Антихриста.

(Писано было Мотовиловым 8 ноября 1867 года.)

**ИГУМЕН МАНУИЛ (В СХИМЕ СЕРАФИМ) —
ОСНОВАТЕЛЬ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЧНОГО
МОНАСТЫРЯ
В ЦЕРКОВЩИНЕ ПОД КИЕВОМ
И СВЯТО-ГЕОРГИЕВСКОГО СКИТА
БЛИЗ Г. УМАНИ КИЕВСКОЙ ГУБ.**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Тайну цареву́ добро храни́ти, дела же
Божии открывати и проповедати славно.
(Тов. XII, 17).

Имея всегда перед собою слова сии, я счел за долг не умолчать о милости Божией, видимо пребывающей над нашей святою обителью по молитвам Царицы Небесной и преподобных отцев наших, Антония и Феодосия Печерских. И се аз убогий послушник Савва, благодатию Божией проживший четыре года писцом в Скиту Пречистыя, что в Церковщине, и бывши очевидцем трудов и подвигов нашего батюшки о. Мануила по устройению обители, решил записать в свое утешение и в назидание тем, кому доведется прочитывать эти строки, о том, как, начав с малого и убогого, достиг наш отец великого и славного во славу Божию и во спасение вечное. Видел я труды его денно-нощные, коими трудился он, работая не покладая рук над спасением вверенного ему Богом стада, участвуя и личным своим трудом, и призором во всех монастырских работах, а ночью, далеко за полночь, над писанием ответных писем на многочисленные запросы жаждущих его духовного совета. Ежедневно приходилось ему получать от 20—35 и более писем. Вкупе с батюшкой работал над сим под его непосредственным руководством и аз, грешник бедный, и сколь радостны были мне труды сии!.. И вот, бывало, пройдет время за полночь, заметит отец мой на лице моем усталость и ласково скажет, отпуская меня и благословляя:

— Спаси вас, Господи! Идите теперь с Богом, отдыхайте!

Я уйду, а он еще долго работает один в келлии своей, разбирая письма и подготавливая ответы к следующему дню.

Господь видит, с каким усердием и любовью трудился я, помогая духовному отцу моему, ибо веровал, что за молитвы его не лишит меня Отец Небесный радости [зрети]* возлюбленное селение праведных, тот прекрасный Сион небесный, где о Дусе Святе во веки веков непрестанно ликуют и песнословят Царя царствующих и Господа господствующих дивною песнию Аллилуия вси от века благоугодившие Ему праведники.

Буди, буди!

Трудясь в помощь батюшке по письменной части, неоднократно слышал я от него отрывочные повествования из жизни его, обильной всякими испытаниями, в коих росла и укреплялась вера его и очищалась любовь его к Богу, Творцу всяческих. И взошло мне на сердце записать эти отрывочные воспоминания моего отца, соединить их в летописном порядке, в том самом виде, в каком они из уст батюшки коснулись моего окаменелого сердца и растворили его слезой умиления, да не будут они погребены по смерти моего старца вместе с ним во гробе молчания и да послужат они, как и мне, кому-либо из желающих жати на ниве Господней класы спасения в утешение, назидание и утверждение той великой истины, что не одолеть вратам адовым Церкви Христовой во веки.

И вопросил аз о сем отца моего, прося на то его благословения. И услышал от него такое слово:

— Бог благословит. Но да будут сия тайной до самой моей смерти!

И тогда батюшка передал мне тетрадку своеручного писания, и аз в тетради той обретох вся, елика написана суть в житии сем.

Передавая тетрадку, батюшка говорил мне:

— Все, что написано здесь, есть святая истина, а от гордости и тщеславия да избавит мя Господь!

Поклонился я батюшке до самой земли и весьма рад был обретению столь драгоценного умного бисера и тут с радостью принялся за разбор безценной тетрадки. Часто просиживал я над ней целые ночи, пользуясь указаниями и пояснениями отца моего и жалея о каждом часе, что бывал в стороне от батюшки, ибо всего-то мне в Обители его довелось просидеть безвыходно четыре года, из коих военная служба отняла два месяца, а тут возгорелась Европейская, быть может, даже и всемирная война, и унесет меня ее гроза от отца моего на страну далече... Придется ли еще и живому-то вернуться назад?..

Неполно и несовершенно составлено житие сие: не было ни батюшке, ни мне довольно времени для его составления. Занимались мы им после

---

* Пропущенное слово, восстановлено предположительно. — *Сост.*

трудоу дневных только поздними ночами, после неотложных дел по управлению Обителью и необходимой переписки, и се клич бранный — 2-я мобилизация и призыв меня на подвиг ратный. Придется ли еще живым вернуться назад? Кому дособрать тогда недособранных семян, кому усовершеншить несовершенное?..

Дорогой читатель и брат о Христе! Сотвори любовь, поминай мое недостоинство во святых твоих молитвах ко Господу Богу, и да вознаградит тебя Господь за труд твой в день праведного Своего воздаяния! Я сейчас отбываю туда, на поле брани, где льется рекою кровь, где самодержавно царствует немилосердная Смерть, собирая в житницу свою такую жатву, какой родная земля не видывала от века. Но я иду туда безтрепетно и любовно, памятуя словеса Сладчайшего моего Иисуса:

Больши сея любви никтоже имать,
да кто душу свою положит за други своя*.

С. Буренко

* * *

На сем месте рукописи рукою о. Мануила начертаны следующие строки: *Савва Буренко 31-го марта 1915 года геройской и мученической кончиной умер на поле брани. Это был земной Ангел, а не человек. Поступил в обитель 20-ти лет и прожил в ней 4 года, служа примером для братии, возносящей ныне о нем усердные молитвы ко Всевышнему Господу, да учинит Он душу его в лике мучеников во Царствии Небесном.* Игумен Мануил.

С. Нилус

---

* Иоан. XV, 13.

Игумен Мануил (в схиме Серафим)

*Автобиография, составленная С. А. Нилусом
по материалам, собранным послушником
Саввою Буренком*

Часть I

Глава I

Родители и семья Игумена Мануила. Черты из детских лет.
Видение в десятилетнем возрасте.

Сказывал мне отец Игумен:

Родился я 3-го июля 1850 года. Мирское мое имя было Митрофан Иванович Ковш, а родина — слобода Алексеевка, Воронежской губернии. Отец мой был крестьянин, уроженец той же слободы. Матери я лишился семилетним ребенком с двумя старшими братьями — Евдокимом и Павлом — сам-третий и младшей сестрой Пелагией — четвертой, остался на попечении своего родителя. Так как все мы были малолетки (старшему брату Евдокиму было 12 лет, среднему Павлу — 10, мне 7, а сестре всего 4 года), то ради воспитания детей и сохранения домашнего хозяйства, родитель мой женился вторично. В то время ему было только 35 лет.

Отец мой был человек выдающийся по своим душевным качествам: доброта его была редкостная, отзывчивость к нуждам и горю ближних исключительная, смирение истинно-евангельское. Особенно любил он принимать у себя в доме странников, и не было ни одного из них, кто бы, зайдя к нам, не был обогрет и накормлен. Больше же всего любил он храм Божий, и надо было видеть, с каким благоговением и сам он посещал Дом Господень и как к тому же приучал и нас, детей своих! Бывало, приведет он всех нас с собой в храм в воскресный или иной праздничный день, поставит нас в порядке впереди себя, и уж тут смотри, стой благочинно и по сторонам не оглядывайся. Односельцы наши нас всегда в пример ставили своим детям, и все нас в глаза и за глаза хвалили:

«Ну, уж, — говорили они, — и дети у Ковша: экие хорошие!»

А мы, слыша такие похвалы, старались сделаться еще лучше.

Отец наш за добродетели свои находился в большом почете среди своих односельчан, и к нему тянулись за советом и со всякой нуждой все, кто только в нем нуждался. Слобода Алексеевка принадлежала графу Шереметеву и состояла из 14-ти тысяч жителей крестьян, находившихся на оброке, и 80-ти тысяч крестьян разных сел и хуторов, тоже принадлежавших графу Шереметеву. Кому только из этого многолюдства не помогал мой отец и добрым словом, и материальной помощью из своего весьма нескучного по тому времени состояния?! Кто страдал от помещичьей жестокости и неправды (были, что греха таить, и среди помещиков жестокие и несправедливые люди), тот знал, что в доме отца моего он найдет всякое утешение, включая и медицинскую помощь домашними средствами; о странных людях, Божиих человеках, всю жизнь свою скитающихся ради Христа и Царства Небесного по святым местам, о тех и говорить нечего: ими всегда был переполнен весь наш дом. Да еще в доме нашем на постоянном иждивении моего родителя до самой своей смерти пребывали две старушки: одна была дальняя его родственница, ноги ее были в ранах. Другая — безродная, ростом маленькая; у этой руки и ноги были скрюченные узлом так, что сама есть не могла, и ее родители мои кормили из своих рук и носили на двор на себе. Во всех делах милосердия, особенно же помощи больным и увечным, ближайшим помощником моему родителю был я, и потому некогда было мне исправно посещать школу, и мировая наука, таким образом, находилась в пренебрежении. Но за это процветала наука слова Божия: каждое воскресенье и всякий праздничный день дом наш был переполнен жаждущими слышания слова Божия, так как отец мой любил читать и всегда читывал в эти дни вслух книги духовного содержания. Все это действовало на мою душу, направляя ее от мира и плоти к тому, что не от мира сего, к жизни духа, к горнему, к небесному. Особенное же влияние на меня оказывали беседы странников: их рассказы из жизни святых Божиих угодников, повествования о святых местах, о монастырской жизни, о подвигах и духовных дарованиях еще живых сокровенных подвижников благочестия, тайно подвизающихся в мужских и женских обителях широкой земли Русской. И уже тогда, во дни малолетства своего, я положил в сердце своем твердое решение посвятить себя на служение Богу и сделаться монахом. Девятилетним ребенком я познал впервые сладость молитвы и ради нее тайком от всех вставал ночью с постели и прочитывал по несколько раз молитву Господню. И в храм Божий я ходил неопустительно к каждой службе и, хотя от нас до церкви было две версты, поспевал к Богослужению всегда раньше звона. В жизни своей я уже и тогда старался подражать тем святым, жития

которых нам вслух прочитывал родитель. Однажды я услышал из его чтения Евангельские слова Спасителя: *тебе же творящу милостыню, да не уесть шуйца твоя, что творит десница твоя**. Глубоко запали мне слова эти в сердце, и я стал усердно подавать тайную милостыню, отдавая на нее всякую перепадавшую на мою долю копейку. Отец мой был шубник (шил полушубки и шубы). Из обрезков меха я стал делать кошельки на продажу и все вырученные за них деньги раздавал нищим. Бывало, спросят меня:

— Куда ж ты деньги деваешь от своего рукоделья?

А я отзовусь, что или потерял, или кто отнял, или на какой-нибудь детский вздор истратил, а про милостыни свои не сказывал... И вот сию я как-то раз, притулившись на печке; был день воскресный, входит к нам моя крестная и спрашивает отца:

— А где ваш Митрофан?

— Должно, на улицу пошел гулять, — отвечает отец.

— Он у вас кошельки делает, — продолжает крестная, — много ль денег приносят?

— Откуда ему приносить? — возражает отец. — Он у нас такой розява (ротозей): то сам загубит (потеряет), то кто-нибудь отнимет.

— Ну, нет, — говорит крестная, — нет, Иван Васильевич (так звали отца моего), это он милостыню раздает нищим и даже от меня укрывается, чтобы я не видела.

Крестная торговала бубликами на людном месте, где всегда было много нищих.

Так открылось мое нищелюбие.

Задумался отец и сказал:

— Уж если с этих лет стал мой Митрофан нищелюбцем, то что выйдет из него, когда подрастет? — И, конечно, препятствий с его стороны к деланию сей добродетели я не встретил.

Посты, установленные Церковью, я тоже соблюдал очень строго, иногда даже и по целому дню не едал.

И с ранних лет прозвали меня монахом.

Когда исполнилось мне десять лет, я увидел во сне Святителя Николая Чудотворца, стоящего на облаке. Угодник Божий предсказал мне всю мою жизнь, но добавил:

— Ты слаб на язык и не сумеешь сохранить тайны, а посему мои слова от тебя отнимутся!

---

* Мф. VI, 3.

И, действительно, когда я утром проснулся то ничего из предсказанного вспомнить не мог. Тем не менее, видение это произвело такое сильное впечатление, что я его доселе живо помню*.

С этого видения рвение мое к подвижничеству усилилось: я стал причать себя к еще более суровому посту и начал чаще прежнего удаляться в пустынные места для уединенной молитвы. Пост же свой доводил до того, что раз, следуя примеру Преподобного Марка Фраческого, пробовал вместо всякой пищи есть землю, но, тяжело заболев от этого желудком, искуса сего выдержать не мог, ибо он оказался выше моей меры.

Глава II

Кончина родителя. Обеднение. Жизнь в батраках. Стремление к грамоте. Приемы ее изучения. Переход в г. Бирюч.

В 1864-м году, на 44-м году своей жизни, родитель мой окончил свое земное странствование. Уходя в загробный мир, он за неделю до смерти предрек свою кончину. Благословляя меня, он предсказал мне тернистый путь жизни, а брату Павлу — скитальческую жизнь, что и сбылось впоследствии в точности.

Горько оплакал я своего отца, потеряв в нем руководителя и наставника, и на свежей его могиле решил всеми силами души во всем следовать его примеру и быть верным слугою Господу.

Месяц спустя после кончины родителя, умер следом за ним и мой старший брат Евдоким. Не прошло и года с этих двух смертей, вышла вновь замуж мачеха, а затем вскоре сгорел наш дом и все бывшее в нем имущество, без малого тысячи на две рублей, что по тогдашнему времени представляло собой капитал, равный (если не больший) теперешним двадцати тысячам. Ни дом, ни имущество застрахованы не были. Старший мой брат Павел (ему было 16 лет) ушел на заработки на Кавказ, а я 14-тилетний с 6-тилетней сестрой Пелагией остались круглыми бездомными сиротами, выброшенными на голод и холод улицы.

И трудно ж нам в ту пору было!

По милости Божией, сестру мою взяли к себе соседи, но приют этот был временный, и ей пришлось в течение нескольких лет не иметь постоянного

---

* О. Игумен Мануил так чтит доселе память Святителя Николая, что, будучи настоятелем в Церковщине, выстроил там храм во имя дивного Чудотворца. *Прим. составителя.*

крова, а переходить от одних соседей к другим, живя у каждого по неделе-по две, не более. Тяжелое было ее сиротское житье, пока она не поступила в нянюшки, но и там ей не было слаще. Родных-то у нас никого не было, и никому на всем белом свете не были мы нужны.

Всей душой захотелось мне тогда укрыть себя и свою сиротскую горькую долю под кровом святой обители, но нельзя было оставить сестру, и мне пришлось взять место у хозяев за 6 рублей в год. И что же это было за место! Довольно сказать, что мне, едва окрепнувшему, 14-тилетнему мальчугану, довелось быть единственным работником в семье, состоявшей из 21 человека. Хозяева мои были люди жестокие, безсердечные и обращались со мной без всякой милости и до крайности грубо. Не поддержи меня невидимо Господь, голод, холод, жажда и непосильная работа свели бы меня в безвременную могилу.

Угнали, помню, летом меня в поле, на пчельник, верст за десять от слободы Алексеевки да и заставили там прожить безысходно около четырех месяцев. Днем я должен был присматривать за пчельником и пахать землю, а ночью пасти лошадей. Ни днем, стало быть, ни ночью не было мне покою, и ни одного раза за все это время мне не удалось побывать в слободе ни у Божественной службы, ни помыться в бане. Горячую пищу я получал крайне редко, а смены белья мне никогда не посылались. От сухоядения и грязи и душевных страданий развелось на мне столько насекомых, что я не знал, куда от них деваться. Чтобы как-нибудь от них освободиться я мазал голову дегтем, от чего на малое время насекомые уничтожались, но зато волосы на голове слипались и образовывали непроницаемую кору. Когда волосы подросли, то слиплись от дегтя, сделались на голове, как котел, а под котлом этим появились болезненные струпья, около которых копошились мириады вшей. Без горячей воды отмыть всего этого ужаса было невозможно, а горячей воды достать было неоткуда. Ни описать этого страдания, ни рассказать о нем невозможно. Спасибо добрым людям, они со стороны заметили мое несчастное положение и пристыдили хозяев, которые и взяли меня, наконец, домой, где с трудом остригли меня, обмыли и тем облегчили мои невыносимые муки.

У тех же хозяев был со мной такой случай. Послали меня возить глину. В одном неудобном месте доверху наполненный глиною воз опрокинулся на меня и всей тяжестью придавил мне грудь и живот. Шесть недель невыносимо страдал я от этого животом, но никому до этого не было дела, и ни от кого из хозяев я не видел ни сожаления, ни слова участия.

Вскоре после того мне опять пришлось перенести тяжелое испытание и быть на краю гибели. В слободе Александровке жил богатый купец. В трех верстах от Александровки у него была *левада*^{*}, а в леваде пасся верблюд. Мальчишки загнали этого верблюда в сад, смежный с пасекой моего хозяина. В это время я с возом, запряженным парой лошадей, приехал на пасеку и стал распрягать их, не подозревая такого соседства. Мальчишки раздражились чем-то верблюда, и он, подойдя к плетню, неожиданно для меня и для лошадей заревел неистовым голосом. Услышав этот рев и увидев верблюда, лошади испугались, бросились в сторону, сбили меня с ног, и я угодил прямо под тележный шкворень. Шкворень зацепил мою одежду, и испуганные лошади протащили меня под телегой саженой сто. У меня повреждена была спина и живот, и я долго лежал без сознания. Привели меня в чувство те же мальчишки, что находились в соседстве: они ножом разняли мне стиснутые зубы и насильно вливали мне в рот воду и этим привели меня в сознание. После этого я долго страдал болью в животе и кровавым поносом.

Конечно, и до этих страданий моих никому не было дела.

В таких-то условиях и протекала моя сиротская жизнь в работниках у безсердечных хозяев.

Несмотря на тяжесть моего положения, у меня в это время явилось непреодолимое стремление к грамоте. Один знакомый крестьянин по моей просьбе немного помог мне в этом, показав мне азбуку. Выучил я наизусть все отдельные буквы, заучивая их с усердием, как, бывало, затверживал молитву Господню, но в слоги их складывать долго не мог. И солоно ж доставалась мне грамота — одних упреков от хозяев сколько пришлось перенести, и не перечсть!.. Скоплю себе от трудов своих немного деньжонок да и куплю сальных свечей. Придет ночь, возьму свою книжку-букварь, подарок того крестьянина, засяду под нары в гусиное гнездо да и примусь за науку. Знал я наизусть 50-й псалом «Помилуй мя, Боже»: вот возьму я книжку, отыщу в ней этот псалом да и начну присматриваться, как в нем буквы в псаломские слова сложены — так слагать слоги и слова и научился. Иной раз так всю ночь напролет и просидишь на гусином гнезде за своими занятиями. Ну, конечно, ночь не доспав, к работе-то и не очень-то окажешься днем способен. И попадало же мне за это от моих хозяев, всего попадало и ругани, и даже побоев. Кончилось тем, что они как-то ухитрились мой букварь отыскать и разорвали его в клочки. Это уж было для меня хуже побоев, так как в те времена в нашей местности книги раздобывать можно было с большим трудом.

---

* Огороженное усадебное место.

Таковые были мои первые опыты в изучении грамоты. Тяжелы они были правда, и нелегко досталась мне грамота, но зато она меня вывела из безпросветной тьмы невежества на святой путь служения Высочайшему Свету — в Троице Славимому Единому Богу, Свету мира Иже *во тьме светит и тьма Его не объят* (Иоан. I, 5–6). Да будет благословенно Имя Господне отныне и до века!..

Между тем, прошло два года, и мне исполнилось 16 лет. Не будучи в силах долее переносить жизнь в работниках у этих хозяев, я задумал покинуть их негостеприимный кров и перейти в г. Бирюч Воронежской губернии, известный в то время своими шубными мастерскими. Там я хотел научиться шубному делу; туда я взял и сестру с собой.

В Бирюче я прожил четыре года.

Глава III

Жизнь в г. Бирюче. Болезнь. Чудесное исцеление.

Но и в Бирюче не легка была жизнь моя.

Придя в Бирюч, я поступил на чинборный завод*, а сестру свою определил в услужение к богатому купцу.

Чтобы дать понятие о тяжести работы на подобного рода заводах, скажу, в чем она состояла. Три человека должны были каждодневно во все время производства работ на заводе выжать руками сто овчин. Овчины эти предварительно на ночь вывозились на реку и вымачивались в проруби всю ночь. Утром их промывали и, несмотря ни на какой мороз, голыми руками ножами очищали от навоза. От холода руки коченели и трескались до крови. Привезенные с промывки овчины сдавались в ченбарню, и там мы должны были сдирать с них сало и после класть на пять дней в раствор квасцов. Таким образом «вычентые» (вымоченные) овчины мы, рабочие, должны были натянуть на жерди и просушивать в течение суток, непрерывно переворачивая с одной стороны на другую. При сушке овчин жара поддерживалась невыносимая, доходившая, думается, выше 60°. При этом от овчин исходило нестерпимое зловоние. Жара и смрад заставляли выбегать из сушильни на мороз прохладиться в одном нижнем белье и затем вслед возвращаться на ту же работу, в ту же атмосферу. От такой работы я вскоре заболел мучительною болезнью: я жестоко простудился, открылись по всему телу раны; раны покрылись струпями, и все тело

---

* Где производится выделка овчины.

обратилось в один сплошной струп. От малейшего движения струпы эти ломались и причиняли невыносимую боль особенно тогда, когда приходилось сменять рубашку: снимать ее было нельзя, нужно было стаскивать, сдирая вместе и кожу с тела.

Видя мои страдания, хозяйка моя принялась меня лечить по-деревенски, как в деревнях лечат корости: сварила дегтю вместе с воробьиным и куриным пометом и этим снадобьем стала смазывать мне струпы. От этого лекарства все тело жгло невыносимо; страдания были так адски-жестоки, что я кричал и просил предать меня смерти. Окружающие боялись, чтобы я не решился на самоубийство, и прятали от меня ножи и все, чем бы я мог убить себя, чтобы не мучиться более... В нестерпимых муках молил я Бога или исцелить меня, или послать смерть, как избавительницу. Но Господь, видимо, испытывал терпение мое и веру и не давал ни смерти, ни исцеления. А тут к мукам моим присоединилось еще и унижение: хозяева, брезгуя мной и опасаясь заразы, поместили меня в подполье, под нарами, чтобы не заразилось от меня прочее семейство. Кормили меня, как зачумленное животное, из черепка, а остатки пищи после меня зарывали в землю, чтобы не заразились хозяйские свиньи и куры.

Так страдал я от Рождества и до Пасхи, когда Господу Богу угодно было меня исцелить поистине чудесным образом за молитвы, верую, Пречистой Его Матери, к Которой я неустанно обращался с мольбой во все время моей болезни. И произошло чудо следующим образом.

Настала Великая Седмица Страстей Господних, подошел Великий и Святой Четверток. Пасха в тот год была ранняя, и стояли еще довольно сильные заморозки. И вот, ни с того ни с сего, явилось у меня сильнейшее желание искупаться в реке по вере, что в этот святой Свой день Господь непременно услышит непрестанный мой молитвенный вопль к Нему и ради спасительных Страстей Своих пошлет мне исцеление. Этого дня, как спасения своего, я ожидал с невыразимым нетерпением, и каждый день перед ним мне казался годом, тем более, что страдания мои к этому времени усилились еще более, и я перед Великим Четвертком от боли и ожидания не спал почти пять дней напролет. И вот, ровно в 12 часов ночи, когда наступил Великий Четверток и все в доме спали глубоким сном, я потихоньку вылез из своего гнезда, взял ключ от ворот (хозяева мои содержали постоянный двор), открыл их, вышел со двора и пошел к реке, протекавшей верстах в двух от дома. Была темная, непроглядная ночь. Тишина стояла мертвая. Я перекрестился и, предав себя водительству Божью, смело зашагал вперед, держа в руке белье для перемены. Так прошел я с полпути. Вдруг пе-

редо мной из мрака вынырнуло что-то живое в образе человеческом, но нечеловечески страшное. У меня от ужаса на голове зашевелились и стали дыбом волосы. Я стал креститься, читал молитву «Да воскреснет Бог» и псалом 50-й. Страшилище, как вихрь, закружилось вокруг меня и троекратно пыталось кинуться на меня, но я не прекратил молитвы, и оно отступило. Когда же я подошел к реке и стал взламывать на ней попавшимся мне под руку колом тонкий лед (река прошла, но от утренников у берега вода замерзала тонким слоем льда), то вдруг послышался шум, как от ударов крыльями или деревянными лопатами по воде. И опять напал на меня страх пуще прежнего, и я дрожал, как в лихорадке, чувствуя присутствие и здесь того же страшного, что пыталось преградить путь мой к реке. Но Господь помог мне преодолеть все эти страхи: я сбросил с себя все одежды, перекрестился и погрузился в ледяную воду с молитвой веры и упования на Всемилоственного Бога. «Господи! — так возопил я к Нему, — призри на сиротское страдание мое и исцели болезнь мою!» Так помолившись, я троекратно окунулся в воду и вслед почувствовал в себе такую радость, что ее и изобразить человеческим словом невозможно. Боль мгновенно прекратилась, и душу мою осиял невыразимый, радостный, животворящий свет Христов; сердце забилося спокойно и ровно, и все чувства мои слились в один умиленный восторг, в одно торжественно-умиленное благодарение Создателю моему, Царю и Богу... Когда я вышел из воды и надел чистое белье (старое я оставил тут же, под мостками), я не заметил и не знал, как уже очутился у ворот своего дома. Совершилось это столь же чудесным образом, как и мое исцеление. Объяснить себе этого я и до сих пор не могу... Вернувшись с купанья домой, я залез опять в свое гнездо под нары и заснул вслед, как убитый. Сон мой продолжался без просыпу три дня, несмотря на все усилия встревоженных хозяев разбудить меня. За эти три дня струпы на теле засохли и стали, как чешуя на рыбе.

В Великую Субботу, после обедни, я проснулся, подкрепился пищей и пошел в баню. В бане чешуя моя отстала, не оставив по себе ни малейшего следа. Тело мое сделалось белое и нежное, как у новорожденного младенца, но такое чувствительное, что еще долго после того самая тонкая рубашка казалась мне грубою власяницей.

В бане я так ослабел, что оттуда меня принесли на простыне, и я тотчас заснул, а проснулся уже на Пасху, к обеду, значительно окрепшим и совсем здоровым.

Так дивно совершилось надо мной чудо великой милости Божией.

Глава IV

Паломничество по святым местам. Возвращение на родину.
Бегство от искушений.

После чуда исцеления силы мои стали быстро крепнуть, да и вся жизнь моя изменилась к лучшему. После того я с большим успехом проработал еще четыре года в Бирюче и за это время отлично изучил все тонкости шубного дела и стал для всех хозяев желанным мастером. Бог помог мне стяжать к себе доверие и даже любовь со стороны всех, с кем я имел отношения, и не было семьи из знавших меня, кто был бы прочь от того, чтобы путем брака породниться со мной. Но ничто меня не радовало, и сердце неустанно звало и тянулось к монастырской жизни, к служению Богу и людям житием монашеским в подвиге добром служения иноческого. Каждогдно я к Пасхе ходил в Воронеж на поклонение св. мощам великого Божьего Угодника, Святителя Митрофана, и там уносился молитвенным воздыханием в те Святые Небесные Обители, где лики праведных с ликами Ангельскими воспевают непрестанно Творцу всяческих дивную песнь Аллилуйя. В то время на всю Россию славился хор певчих Воронежского архипастыря Серафима¹. Кто из русских паломников того времени не знал или не слышал о Серафимовских Певчих?!. И вот, помню тот первый приход мой в Воронежский собор, когда мне удалось проскользнуть мимо полиции, пускавшей в собор только чистую публику, залезть между колонн в храм и впервые услышать этот двадцатиголосовый дивный хор. Был ли я тогда на небе, или на земле, не вею того, но уверен, отрежь мне кто тогда руку, я бы и не почувствовал, и не пошевельнулся. И тогда же сказалось мне в сердце и подумалось: если тут еще на земле могут так хорошо петь, то что же будет там, на небе, где поют голоса Ангелов и святых небожителей?.. И еще более с тех пор укрепилось во мне стремление к иноческой жизни, готовящей странника и пришельца земли к будущему непрестанному ангельскому славословию Отца Небесного. Но как было привести это намерение в исполнение, когда на руках моих была все еще неприютная сестра моя, которой я служил единственной опорой и поддержкой в сиротской ее доле? Сестра моя была неграмотная и не знала ни одной молитвы. Мне было уже 22 года, а ей шел 19-й год. Страшно мне стало за участь сестры, хотя и крещеной в Православии, но пребывавшей в языческой тьме неведения самых первых оснований своей веры, и надумал я совершить вместе с ней паломничество к Киевским святыням, чтобы на них показать ей всю красоту и силу святой нашей Православной веры. Там, в Киеве, в благоухании его святыни у меня с сестрой произошел серьезный разговор

о нашей с ней дальнейшей участи, и я предложил ей на выбор или заму-
жество, или поступление в монастырь. «Если желаешь пойти в мона-
стырь, — сказал я ей, — то я тебя постараюсь обучить грамоте, но я в
миру ни за что не останусь, а, как только тебя пристрою, сам тотчас же
уйду в монастырь». К великой моей радости, сестра тоже выразила жела-
ние посвятить свою жизнь Богу.

Так предопределилось у Киевских святынь наше будущее; там же мы
решили в Бирюч более не возвращаться, а идти в слободу Алексеевку, где
родились и где провели под родительским покровом все детские наши
безпечальные годы.

В Алексеевке все шубники приняли меня с распростертыми объятиями
как хорошего мастера, да еще обладавшего талантом вышивать узорами на
шубах, что в то время удваивало ценность полушубков. Я тут же поступил
на хорошее место, а сестру определил к золотошвейной мастерице обу-
читься искусству вышивать золотом и в то же время учиться грамоте.
И то, и другое должно было ей проходить для поступления в монастырь.
У самого же меня не было иного помысла, как только о монастыре и о
подвиге иноческом. Я и место-то принял только из-за того, чтобы пригото-
вить к тому же и мою сестру, для которой я был вместо отца и матери.

Вот в это-то время и пришлось мне вытерпеть тяжелую борьбу с иску-
шениями от плоти и дьявола, от которой едва осталась жива душа моя.

Началось с того, [что] все стали мне советовать вступить в законный
брак с единственной дочерью одного богатого слобожанина. Брань за бра-
нью восстали на меня помыслы: с одной стороны мое стремление к иноче-
ству, а с другой — страсти молодости, невеста, достаток, обеспеченная,
более того — богатая семейная жизнь: что выбрать, на чем остановиться?..
Дошло до того, что сам родитель богатой наследницы повел на меня энер-
гичное наступление, чтобы склонить меня к браку на своей дочери. Пом-
ню, завел он меня раз в трактир и стал уговаривать жениться:

— Это ведь счастье ваше, — говорил он мне, — вам его Бог посылает
за терпение ваше. Вот вам 70 золотых на одну лишь свадьбу, а потом идем
домой, и я вам покажу столько золота, что вы и не видавали. И все это
будет ваше!

Ой, как трудно было тогда душе моей избыть это великое искушение,
тем более трудно, что богач, так упорно и настойчиво сватавший за меня
дочь свою, был моим хозяином, и я жил в его доме. Что было делать, на
что решиться? Молод я был тогда и неопытен, посоветоваться с кем-либо
из духовноопытных было не с кем, и я не нашел способа отстранить от
себя искушение, как притвориться внезапно онемевшим. Взял и положил

себе в рот камень и неожиданно для всех онемел. Никто, конечно, этому не поверил, но я целый месяц не отверзал уст своих, как ни старались меня вывести из молчания мои хозяева: и детей ко мне подсылали, и шутками, и всяким ласкательством пытались заставить меня заговорить, но ничто не могло нарушить моего молчания. Тогда надумали устроить вечеринку и пригласили множество гостей, а, чтобы я не убежал, мать той, которую мне навязывали в невесты, спрятала всю мою верхнюю одежду и шапку так, что мне волей-неволей пришлось остаться дома. Гостей набралось великое множество. Расчет казался верным: устыдится, мол, молодой человек людей и откажется продолжать свое притворство. Но на деле вышло не так: я забрался на печку, и никакие просьбы не могли меня вызвать оттуда. Так ничем и не кончилась затея эта.

Когда разошлись гости и хозяева уснули, я слез с печки, собрал потихоньку всю свою одежду — сюртуки, пальто, шелковые жилеты — по тому времени целое богатство — завязал все в узел и понес в богадельню. Перед уходом я написал и оставил своим хозяевам записку следующего содержания: «Блажен разумевай на нищи и убоги, в день лют избавит его Господь. Меня не ищите: мой путь на четыре стороны». Дойдя до богадельни, я постучался в дверь. На стук вышла старуха-богаделка. Я вручил ей узел с одеждой и сказал:

— Молись за меня Богу!

Имя свое сказал, а лицо спрятал, чтобы не узнали.

Когда я вышел из Алексеевки, была темная, непроглядная ночь. Оглянувшись я на родную слободу, залился слезами, поклонился матери родной сырой земле, вздохнул молитвенно к Богу: «скажи мне, Господи, путь вонь же пойду!» — и направил стопы свои в Валуйский мужской монастырь, что в г. Валуйках Воронежской губернии.

Глава V

Неудача с поступлением в монастырь. Определение сестры в Белгородский монастырь².

По пути из Алексеевки я встретился с мужичком, ехавшим в Алексеевку на базар. Мужичок отпряг своих волов и пас их. Я сказался идущим тоже в Алексеевку, и мужичок предложил мне заночевать у него под возом. Я принял предложение, но заснуть не мог: сердце билось тревожно, и я, полежав немного, вновь пустился в путь. До Валук от Алексеевки считается 60 верст. С солнечным восходом я уже был в селе Никитовке, в 36 верстах от Алексеевки. Весь этот путь я прошел без шапки, непрестанно творя молитву.

В Никитовской церкви уже начиналась обедня. Когда она отошла, я попросил священника отслужить мне молебен с акафистом Спасителю. Господь видел, с какими слезами молился я Ему, прося Его указать мне путь спасения. И священник заметил мои слезы и горячую молитву и спросил меня о причине их. Я ответил:

— Хочу в монахи. Иду в Валуйский монастырь³, да, боюсь — не примут.

— Примут, — ответил мне батюшка, — отчего не принять — примут: ты человек молодой.

Бальзамом для израненного моего сердца были мне слова эти, и, узнав от батюшки, что до Валук осталось не более 16-ти верст, я принял его благословение и бодро зашагал в указанном направлении, уверенный, что еще немного и я, наконец, достигну столь желанной и долгожданной тихой пристани. Но Бог судил иное.

В то время в Валуйском монастыре подвизался один всеми уважаемый иеросхимонах; он давал благословение и советы народу. К этому подвижнику зашел и я за благословением и советом. Но, увы, меня уже ожидало горькое разочарование: от меня потребовали паспорт, а его-то у меня и не было. Сколько ни просил, сколько ни молил, обливаясь слезами, ничто не помогало — ответ был один:

— Принеси паспорт!

И только после долгих усиленных просьб иноки согласились оставить меня у себя в монастыре, и то под условием, чтобы я не заживался долее нескольких дней. Горько мне, тяжело было: и я стал усиленно молиться Богу и класть за ночь по тысяче поклонов в надежде ими вымолить у Господа перемену моей участи. Но не помогло и это и вызвало только на меня неудовольствие моих соседей по келье, других богомольцев, пожаловавших на меня за беспокойство: по ночам-де сам не спишь и нам не даешь. Позвали меня к схимнику, и он сделал мне строгий выговор за мое самочиние.

— И сам с ума сойдешь, — сказал он мне в заключение, — и других вводишь в искушение и беспокойство.

Однако после выговора обласкал, и я прожил в обители целый месяц.

И пришлось мне, к великому стыду и горю, когда прошел этот месяц, возвращаться вспять и — куда же? Опять к тем же хозяевам, откуда с такой ревностью служить Богу вышел я в ту достопамятную для меня ночь.

Первою на хозяйском дворе встретила меня хозяйская бабушка и едва меня узнала — так я переменялся от душевных тревог и всяких лишений за это короткое время. И, Боже мой, с каким плачем и радостью встретило меня это семейство, приняв в свои объятия, как вернувшегося блудного сына!

Все я порассказал им о своих злоключениях, и на этот раз они, убедившись в моем непреклонном желании уйти в монастырь и стремлении к иноческой жизни, охотно на этот многотрудный путь благословили. Но тут встретилось мне новое препятствие: старшина отказал мне в выдаче паспорта. А старшиной был тогда друг моего покойного отца, которому отец, умирая, и поручил всех нас, как покровителю*.

— Куда ты пойдешь таскаться, бросая безприютную сестру? — сказал он мне. — Сперва ее определи и обезпечь, а затем и сам ступай на все четыре стороны.

И вернулся я, несолоно хлебавши, обратно к своим хозяевам.

Прожил я у хозяев несколько месяцев и решил устроить свою сестру в Белгородский женский монастырь Курской епархии. Там была монахиней троюродная моя тетка, монахиня София: к ней-то я и надумал отвести мою сестру. Сказал я об этом старшине, и на этот раз отказа им в виде на жительство уже не было, хотя все же он выдал мне только краткосрочное двухмесячное свидетельство, а не паспорт, как я того домогался.

В Белгород мы с сестрой пришли Великим Постом. Тетка приняла сестру, но с условием, чтобы я помогал ей и давал денег на ее содержание. Было у меня тогда с собою 60 рублей: я все их отдал тетке, приложив к ним и свою верхнюю теплую одежду, оставшись сам в одной летней, несмотря на холодное время. Но все мне было нипочем на радостях, что наконец-то сестра моя устроена, и я, как птица, свободный, могу теперь идти, куда угодно. По шестидесяти верст в день уходил я, когда оставил сестру свою в Белгороде: немало помогало мне в этой быстроте и то, что я остался налегке без теплой верхней одежды — поневоле и бежать иной раз приходилось, чтобы отогреть застывшие от холода члены.

Глава VI

Ночлег у разбойников.

И пошел я, держа свой путь по святым обителям, присмотреться к ним и остаться в той из них, какая больше полюбится. Первой, лежавшей мне на пути и намеченной мною, была Белобережная Пустынь Орловской епархии⁴: к ней я и направился через город Орел.

---

* Имя его было Илья Васильевич Кривенко. Впоследствии он вступил в число братии Скита Церковщины, восстановленного о. Мануилом, где 3-го февраля 1912 года, приняв от его руки пострижение, и скончался с именем Терентия.

На всем моем пути из Орла до обители мне не встретилось ни одного селения. Прошел я день, стало смеркаться, настала ночь. Стал я спускаться в балку по соседству с известными своими разбоями Брянскими лесами и наткнулся на одиноко стоящий двор и избушку. Там жили лесные объездчики, и меня пустили к ним ночевать за три копейки. Кроме меня, уже находилось в избе шесть мужиков и одна старуха. Лица у этих мужиков были, точно звериные, такое же было и у старухи. Все они ругались между собою и о чем-то спорили. Тогда один из них схватил нож и бросился на старуху с яростным криком:

— Замолчи, растакая-сякая, а то я тебя зарежу!

У меня, что называется, душа ушла в пятки. Что тут было делать? И порешил я всю ночь ту провести в углу вместе с бывшими там тремя телятами... Мужики скоро затихли, поужинали и улеглись спать. Старуха указала мне место на печке; но сон далеко убежал от моих глаз. Когда все уснули, я тихонько собрал свои пожитки и, затаив дыхание, пробрался из избушки к воротам, вынул из-под ворот доску и с большим трудом протиснулся на дорогу. И, о, радость! В это время мимо двора по дороге шли два крестьянина, и я почувствовал, что спасен от смертельной опасности. Крестьяне с любовью приняли меня в свою компанию и были крайне удивлены, что я живым и невредимым выбрался из [этого страшного]* разбойничьего вертепа.

— И как же это ты, — говорили они, — ушел из их рук? Ведь это разбойничья шайка: кто бы к ним ни забредал, живым не возвращался.

У меня дрожали ноги, и сам я весь трясся, как в лихорадке, слушая рассказы этих добрых людей о злодейских подвигах разбойников и благодарно ограждая себя крестным знаменем.

— Летом, — сказывали мне крестьяне, — здесь ни пройти, ни проехать от смрада разлагающихся человеческих трупов, вся балка полна ими, выкинутыми туда вместе с навозом. Не приведи Бог, что там у них делается!

Отошли мы с версту от этого страшного места и стали подыматься в гору. Ночь была лунная... Вдруг сзади нас послышался лай собак: это разбойники, проснувшись и заметив мое исчезновение, пытались натравить на мой след собак: но, к счастью, безуспешно, так как ночевал я один, а собаки чуяли след троих, что и путало разбойников. Так и пришлось им оставить свои поиски.

Я был спасен и от всей души возблагодарил Господа.

— Дивное дело! — говорил мне один из моих богодарованных спутников, — мы ведь завтра днем идти хотели, да мне ночью что-то не поспа-

---

* Утраченная часть текста восстановлена предположительно. — *Сост.*

лось: я и говорю товарищу: «вот что, кум! пойдём-ка в Белые Берега пораньше, а то посойдутся утром соседи, и потеряем мы с тобой целый день». Так и сделали — и спасли человека.

Тут подъехал к нам с перекрестка мужичек в санях, запряженных одной лошадкой. Посадил он нас всех троих с собой, и мы вместе доехали до большой Карачевской дороги, здесь стоял большой крест, на нем было написано, что здесь разбойники убили человека и нашли у него 3 р., которых не взяли, а оставили на его погребение. Здесь уже мы были в полной безопасности.

Велии же, Господи, и чудны дела Твоя, и ни единое слово довольно будет к пению чудес Твоих!..

Глава VII

Таинственный старик.

В Белых Берегах, в монастырской гостинице, довелось мне встретиться со старичком-странником, который уговорил меня там не оставаться, а идти с ним ближайшей дорогой в Оптину Пустынь к славившемуся в то время своей богоугодной жизнью и прозорливостью старцу-иеросхимонаху Амвросию. Странная была эта встреча, и я в ней доселе, как следует, разобраться не могу. Бог все Один весть. Сказываю я об этой встрече потому, что оставила она во мне такое сильное впечатление, что оно и до нынешнего дня не может изгладиться из моей памяти.

Был канун Благовещения. Только два дня прошло, как я пришел в Белобережную Пустынь. За эти два дня я свел знакомство с каким-то стариком. Несмотря на преддверие великого праздника, старик этот стал меня уговаривать торопиться с уходом из монастыря, уверив меня, что неподалеку будет где заночевать, а наутро попасть и к обедне. Не хотелось мне под такой праздник быть в дороге, но спутник настоял на своем, уверив меня, что нам с ним к Пасхе необходимо быть в Новом Иерусалиме⁵, где все делается и служба правится, совсем как в Старом священном граде Иерусалиме. Я послушался, и мы отправились в путь.

Дорогой я спросил своего спутника, почему, несмотря на холодное время и приближающуюся распутицу, он путешествует не в сапогах, а в лаптях.

— Если желаешь, — ответил он мне, — то я тебе расскажу.

И он рассказал мне следующее:

— Я был пять лет подрядчиком в Москве на шоссежных дорогах. Зарабатывал я очень хорошо. Был я женат, но детей у меня не было, а были

только старик-отец да жена, которым я и посылал ежегодно по несколько сот рублей от своих прибытков. Прошло пять лет, я вернулся домой, но не на радость, а на горе: узнал я, что отец мой — снохач и живет блудно с моей женой. Вскоре узнали и они, что тайна их стала мне известна, и задумали они извести меня ядом; подсыпали они мне его в пищу, да порции не рассчитали — мало положили — и я жив остался. Сводили меня судороги, корчило меня и бросало во все стороны, и я временно лишился рассудка. Воспользовавшись моим безумием, они забрали находившиеся при мне пятьсот рублей, посадили меня, как умалишенного, на собачью цепь, прикрепили ее к костылю, вбитому в стену, а сами пошли к колдуну.

Вскоре я пришел в себя. На мое счастье, возле меня лежал макогон*, я отбил им костыль, к которому была прикреплена цепь, и с цепью в руках пошел к роднику, который вытекал из-под горы поблизости от нашего селения. В конце села я встретил жену с отцом; позади их шел колдун. Повстречавшись со мной, колдун сказал мне:

«Не думай того, что думаешь!»

Я был сильно раздражен и ответил:

«Отойди, собака!»

Но колдун не унимался и все продолжал твердить одно:

«Не думай того, что ты думаешь!»

Я не удержался и в ярости одним ударом макогона по голове свалил его на землю.

Отец и жена закричали:

«Бей во второй раз!»

Я ответил:

«Добрый молодец по два раза не бьет: будет с него и одного раза».

А есть поверье, что от второго удара колдуны, убитые первым ударом, оживают.

Отец и жена остались при колдуне, а я быстрыми шагами направился к источнику, напился там воды, подкрепился кусочком хлеба, прочитал какие знал молитвы и, ограждая себя крестным знаменем, отправился к старцам в Площанскую Пустынь** за советом.

Старцы не посоветовали мне жить дома, а указали обосноваться в каком-нибудь монастыре. Пока же я был в Площанской Пустыни, у меня

---

* Тяжелый деревянный пестик, которым в прежнее время деревенские бабы в ступе толкали коноплю на масло.

** Орловской губернии, Севского уезда. В то время она славилась духовным опытом монашествующих.

украли сапоги, и мне пришлось идти оттуда до ближайшей деревни босиком. В деревне этой я прожил целый месяц, занимаясь плетением лаптей. Заработал я там рубль в месяц, там же и себе сплел лапти и в них теперь иду за советом к знаменитому Оптинскому старцу о. Амвросию, чтобы он указал, как жить мне на белом свете.

Этот рассказ расположил мысль к старику-страннику, и я от души пожалел, что суждена была ему такая скорбная участь.

Отошли мы версты две от обители и вошли в дремучий, темный лес. Настала ночь, едва видно; дорога незнакомая; под снегом всюду вода. Страх напал на меня и уныние. Но старик все меня подбадривал, говоря, что скоро дойдем до назначенного для ночлега места. А мне с чего-то очень жутко было... Ровно в полночь дошли мы до какой-то избушки.

— Сторожка лесного объездчика, — сказал мне мой спутник.

Собаки почуяли нас, подняли тревогу и, как разъяренные львы, бросались к забору изнутри двора и грызли доски. На их лай вышла старуха, уняла их и провела нас в свою сторожку.

За всю свою жизнь не встречал я ничего, подобного тому, что я по жизни увидел в этой сторожке!..

Первое, что я увидел, войдя в избу, то был какой-то страшный мохнатый старик, сидевший на печке, весь оборванный и черный, как эфиоп. Не успели мы переступить порог, как он уже кричал нам с печки:

— Нет ли у вас, рабы Божии, табачку? Я уже несколько дней пропадаю без табаку.

И когда мы ответили, что нет, то он заворчал на нас:

— Что ж вы за рабы Божии, коль нет у вас табаку!

И, порезав чубук от трубки, наложил его полную трубку и тем удовлетворил свою страсть. И жалко, и страшно было смотреть на такое чудище!..

Старуха светила лучину; кругом шныряли ребяташки, все черные, полунагие, закоптелые от грязи и дыму до того, что у них одни только глаза да зубы белели. Белья, видно, они никогда не мыли и не снимали, а носили его до тех пор, пока оно не сносится, не разорвется в клочки и само не свалится с тела. На стенах избы везде была сажа, ползали черные тараканы, а воздух был такой, что впору было задохнуться от вони. И немудрено: тут же в избе, под печкой, помещались телята и свиньи, и тут же доили коров.

Так жили люди эти от осени до Рождества, когда переходили в другую избу через сени, а эту замораживали, сметая со стен и с печки тараканов и вычищая навоз. После Рождества вновь переходили на старое пепелище, опять копили всякую грязь и нечистоту, опять под Пасху переселялись

через сени в соседнее помещение — и так и жили, кочуя от праздника к празднику из одного жилья в другое, едва сохраняя на себе подобие человеческого.

Поглядел я на такое жилье и не чаял от этого ночлега и в живых остаться. К счастью, были у меня с собой в котомке баранки и крестики. Я стал ими щедро одаривать и ребятишек, и хозяев. Это сразу изменило их расположение в нашу пользу. Хозяйка засуетилась и стала готовить ужин, состоящий из холодных шей и гнилого хлеба, в котором копошились черви. Меня чуть не стошнило, когда я увидел разрезанный на ломте этот хлеб и в нем разрезанных червей. А хозяйке это, видимое дело, было не в диковинку, и она усердно хлопотала, приготавливая:

— Кушай, мой касатик, кушай!

Но я отказался кушать и попросил в свою деревянную чашку холодной воды, намочил в ней сухари и посыпал их мукой из толченых груш. На моей родине сушат груши, толкут их и эту муку берут с собою во всякое путешествие, особенно же в паломничество по святым местам. Та же мука могла служить и вместо квасу — на стакан воды чайную ложку муки.

Заметил мою стряпню старик на печи и заинтересовался.

— Чем ты, малый, посыпаешь-то?

Я объяснил, что у нас на родине в хохлатчине растет такое дерево, что грушей прозывается, и что из плодов ее делают муку.

— Ею, — говорю, — и посыпаю.

— Съем-ка, — говорит, — малый, я попробую!

Я подал ему чашку на печку. Старик отведал и заговорил:

— Вишь, малый-то гладкий! Хотите, чтобы он после своего дерева нашей щипы хлебал!

Одобрил, значит.

Все семейство, точно саранча, сразу набросилось на мою похлебку, детишки даже подрались над ее остатками; пришлось приготовить им другую чашку...

Мой спутник все время сидел молча и к еде не прикасался. Я стал приглашать его к столу, так как в течение трех дней я не замечал ни разу, чтобы он кушал, но он и на этот раз отказался от пищи.

Немало меня это тогда удивило.

Переночевали мы в этой сторожке ночь на Благовещение и утром в самый праздник спешно отправились в путь, чтобы поспеть в ближайшее село к литургии. Дорога шла лесом. Был легкий морозец, на низинах стояла вода, а по балкам весенняя вода шла широким потоком. В одной из балок, через которую нам пришлось переходить, вода разлилась саженой на пятьдесят. По самой се-

редине водополя виднелся мостик, а вода от утренника покрылась тонким слоем льда. Обойти воду было негде, и мы поневоле решили идти в брод. Сапоги у меня хорошие, с длинными голенищами. Оградил я себя крестным знаменем и, пробивая палкой с железным наконечником лед, я пошел вперед. Спутник мой все не решался идти вслед за мною и пошел только тогда, когда увидал, что я перешел уже самую глубокую воду под мостиком. Сняв с себя лапти, он босыми ногами отправился по моему следу. От быстрой и холодной воды старик едва мог добраться до мостика и, упав на мосту, стал метаться во все стороны. Я не был в силах ничем ему помочь. Вдруг он поднялся, обмотал ноги онучами, надел лапти и быстро стал переходить вторую половину разлива. Саженья в трех от берега я вошел в воду, взял его под руки и с большим трудом довел до берега. Бледный, как мертвец, старик упал на землю, и глухой стон вырвался у него из груди. Я перепугался и стал срывать с его ног лапотки и оборки. Наскоро собрав между кустами сухой травы, я подостлал ее в лапти и, обернув ноги старика сухой онучкой-суконкой, с трудом надел на него мокрые лапти. Жутко и страшно мне тогда было...

Кое-как поднял я старика с земли и, взяв его под руку, пошел с ним далее, все более и более углубляясь в чащу леса. Прошли мы так несколько верст и вышли, наконец, на опушку. По выходе из леса, у самой дороги, стоял столб, а на столбу в футляре икона Божьей Матери. Перед иконой горела кем-то возженная свеча. Подойдя к этой иконе, старик пал на колени и долго и очень горячо молился. Молитва его была самосложная и настолько сильна, что я никогда ни раньше, ни после не видал, чтобы кто-нибудь из людей так молился. Молитва же его была о воплощении Бога Слово от Пресвятыя и Пречистыя и Пренепорочныя Девы Марии.

Позарительно мне это было видеть и слышать...

Прошли мы немного от иконы и увидели село, куда торопились к обедне, но когда подошли к церкви, то из нее народ уже расходился: обедня кончилась, и так мы и остались в великий праздник без обедни.

Заметила нас какая-то женщина, выходящая из храма (впоследствии оказалась матерью местного псаломщика), и пригласила к себе в дом. Там нам предложили горячего чаю и свежих пирогов, но и тут мой спутник от всего отказался, сказав при этом:

— Брата моего угостите, а я пойду к знакомому мне священнику.

Попросил себе мой спутник дать ему коты*, надел их и ушел, а я после тяжелого пути и пережитого страха, подкрепив себя чаем с пирогами, прилег отдохнуть и крепко заснул. Когда проснулся, то было уже четыре

---

* Большие ботинки.

часа пополудни, и на столе уже снова стоял самовар и пироги. К этому времени вернулся и мой спутник. Мы сели за стол. Хозяйка стала упрашивать старика сесть с нами и покушать, но он отказался, ссылаясь на то, что хорошо закусил у священника.

Так я и не видал за всю дорогу своего спутника за трапезой или что-либо евшим.

Гостеприимная старушка-хозяйка предложила нам на дорогу кое-что из белья и немного денег. Я взял все предложенное, но спутник мой от всего отказался.

День уже клонился к вечеру, когда мы оставили гостеприимный дом псаломщика и пошли своей дорогой. Зашли мы в лошинку, изредка поросшую мелким кустарником и раkitником. Я шел впереди старика, изредка перебрасываясь с ним словами. Так прошли мы версты четыре. Вдруг, к великому моему изумлению, старика не стало — как в воду канул. Куда он девался и что это был за старик, я и до сих пор не знаю и не понимаю. Скрылся же он из моих глаз чудесным образом, ибо место кругом на далекое расстояние было открытое и спрятаться ему от меня было некуда. Был ли он мне посланец Божий во спасение, про то один Бог весть, но память о нем у меня жива в сердце еще и доселе, особенно же по той горячей молитве, которую он сотворил тогда пред иконой Божией Матери, на опушке леса, в свят день Благовещенский.

Глава VIII

Цыганская деревня. Мое спасение. Оптина Пустынь. Старец Амвросий.
Иеромонах Даниил у Саввы Звенигородского. Его прозорливость.

Потеряв столь неожиданным и чудесным образом своего спутника, я совершенно растерялся и не знал, что делать. Близилась ночь, а я остался один в незнакомом пустынном месте. Что было делать? Назад идти было далеко, ночевать на пустыре и безлюдье было жутко... решил идти вперед.

Вскоре я увидел деревушку; туда я и направился в надежде там переночевать. Деревушка эта оказалась сплошь заселенной цыганами. И что ж тут со мной было — как я только жив остался?! Как только завидели меня цыгане, то встретили меня такими ругательствами, каких я сроду и не слыхивал, бросили в меня камнями, свалили меня в лужу и тут надругались надо мной, сколько было душе их угодно. Они, наверно, и убили бы меня, если бы на ту пору не послал Господь проходившего той же дорогой, где я валялся в луже, мужичка, завидев которого цыгане оставили меня и разбежались.

— Уходи скорее отсюда, — сказал мне мужичек, — уходи, раб Божий, а то эти цыгане не отпустят тебя живым. Тут неподалеку есть село — там и заночуешь.

Я скорее, сколько было силы, бросился бежать вон из цыганской деревушки, пока не добежал до леса, где остановился, почувствовав себя в безопасности от возможной за мной погони. Стою я и горестно думаю: куда ж мне идти? Вдруг слышу лошадиный топот: кто-то едет в мою сторону... Меня объял ужас: видно, гонятся за мной цыгане — не уйти мне от них живым! Я скинул шапку и, дрожа от страха, стал читать 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго» и твердить слова: «в руце Твои, Господи, предаю дух мой...» Во всю жизнь мою не был я так близок к Господу Богу, как в те страшные минуты, прося помилования в помощи от надвигавшейся на меня гибели... Тут подъехал ко мне всадник; это был некий юноша из того села, куда я направлялся, и я был спасен: вместо ожидаемого разбойника он оказался моим проводником и спасителем. Посадил он меня позади себя верхом на лошадь и, подобно доброму Самарянину, избавил меня от руки разбойников, привез в дом своих родичей.

Когда я несколько оправился от пережитых волнений, я стал расспрашивать, где я нахожусь и далеко ли до Оптиной Пустыни, где живет старец о. Амвросий, и узнал, что об о. Амвросии никто не имеет никакого понятия, а до Оптиной Пустыни, вернее до г. Козельска, около которого находится эта Пустынь, 300 верст.

Переночевав в том селе и не узнав ни от кого дороги на Оптину Пустынь, я пошел вперед, рассчитывая только на одну Божию милость и водительство. Пройдя порядочное расстояние, я набрел на место, от которого расходились три дороги. Предав себя воле и промыслу Божью, я вырезал три палочки по числу дорог, поделал на них зарубки — на одной одну, на другой — две, а на третьей надрезав крест, положил их в шапку, встряхнул их несколько раз, перекрестился и вынул палочку с одним надрезом. Выбрал я ту дорогу, которая обозначена была этой палочкой и с помощью Божией дошел по ней до Оптиной Пустыни, нигде не заблудившись.

В Оптиной Пустыни я прожил недели две, но, к прискорбию, с великим старцем о. Амвросием беседовать и посоветоваться мне не пришлось: в то время он был болен, и мне удалось только принять его благословение.

Из Оптиной Пустыни я отправился в Московскую губернию, в обитель Св. Саввы Звенигородского⁷, куда и дошел милостью Божией благополучно. Первым долгом вошел я в храм, где в то время шла литургия. В конце нее ко мне подошел древний старец-иеромонах. Это

был о. Даниил⁸, славившийся святостью своей жизни и прозорливостью. Подал он мне ключ от своей кельи и сказал:

— Вот что, брат Митрофан, иди ставь-ка самовар — будем пить чай.

Я впервые с ним встретился и был поражен, что он, никогда не выдавши меня, назвал меня по имени.

Напился я со старцем чаю, побеседовал с ним по душе и стал собираться в путь, чтобы к Пасхе поспеть в Новый Иерусалим и оттуда в Троице-Сергиеву Лавру, но старец стал настаивать, чтобы я остался у него до третьего дня Пасхи.

— Поговеешь, — прибавил он, — причастишься в Великий Четверг — я тебя и поисповеду, — а потом и пойдешь, а иначе я тебя не отпущу.

Отказываться было нельзя, чтобы не оскорбить старца, оказавшего мне столько любви и заботы, и я остался. Каждый день он звал меня к себе и обращался со мной, как родной отец. В Великий Четверг я приобщился Св. Христовых Таин, а когда о. Даниил меня исповедывал, то во время исповеди преподал мне много добрых советов и еще более удивил тем, что рассказал мне подробно все мои грехи, как будто он сам был в них моим соучастником. Дивное это и поразительное было для меня дело, показавшее на живом примере, что есть истинное монашество и чего можно им достигнуть в жизни духа, если не уклоняться с пути правильного монашеского подвига.

На третий день Пасхи, согласно воле старца, я собрался в путь. Старец о. Даниил подарил мне на дорогу книгу «Путеводитель по св. местам» и пошел со мною сам показывать мне путь. Пройдя версты полторы, он стал прощаться со мною и сказал мне на прощанье:

— По пути встретятся тебе испытания и искушения. Ты пройдеши много монастырей. Будут тебе предлагать остаться в них, но ты не останешься в этот раз. Когда же вернешься домой и поживешь с год, тогда у тебя появится такое непреодолимое желание поступить в монастырь, что ты себя не сможешь удержать, и тогда иди и поступай в тот монастырь, куда пожелаешь, и терпеливо переноси все наносимые тебе от диавола искушения, потому что не даст тебе диавол покоя до самой твоей смерти.

На этих словах, как с отцом родным, распростился я с дивным старцем и пошел своей дорогой, направляясь в святые места, прославленные подвигом отца монашествующих, великого во святых Угодника Божия, Преподобного Сергия, Радонежского и всея России Чудотворца.

Глава IX

Волк. Журавли. Разбойник. Дядя. Возвращение на родину.

Слова прозорливого старца о Даниила: «по пути тебе встретятся испытания и искушения» — не прошли мимо. Прошел я верст с двадцать, как уже наткнулся на первое. Шел я лесом. Вдруг вижу — передо мною, как из земли, вырос волк, да такой огромный, страшный; стоит сгорбившись, хвост поджал под себя, ошетинился и морду держит вниз к земле. Вид у него был такой злой, что я до полусмерти было испугался, но тут — благодарение Богу — вспомнил про силу Честнаго Животворящаго Креста Господня, овладел собою, оградил себя крестным знамением и произнес вслух, обращаясь к зверю и указывая ему рукой дорогу:

— Молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергия, Радонежскаго Чудотворца иди ты в свою сторону!

И волк, наклонив голову, послушно сошел с дороги и побрел в сторону.

Как же я тут возрадовался и возблагодарил Господа Бога, дивного во Святых Своих!

Иду я дальше лесом. Место глухое, пустынное. Далеко кругом нет и следа жилья человеческого. Вдруг слышу, в стороне от дороги, неподалеку, какой-то особенно сильный крик журавлей. Меня это заинтересовало. Зная, что птица эта крайне осторожная и умная, я ползком, стараясь не производить ни малейшего шума, стал пробираться кустами лесной чащи по направлению скошенного куста. И что же я увидел? Я бы не поверил, если бы не видел того своими глазами. Среди кустов, в чаще леса находилась полянка. На этой поляне, расположившись кольцом, чинно стояло парами больше сотни журавлей. Посреди кольца стоял старый журавль, видимо, ихний набольший. И вот, вижу я, этот набольший наклоняет свою голову, как бы подавая этим какой-то условный знак, и по этому знаку из журавлиного круга выступает вперед пара журавлей на середину круга, делает поклон во все стороны; старший журавль затягивает протяжно песнь: «крю-крю!» — и журавлиная пара пускается в пляс под эту удивительную и не лишенную своеобразной красоты музыку. Каждая пара плясала минут десять. Так на моих глазах перетанцевало несколько пар и все в таком же удивительно странном порядке. Пролежал я за кустом более часу, любясь на Божие творенье; день уже стал склоняться к вечеру, и мне надо было идти дальше. Заслышав произведенный мной шорох, вся журавлиная стая, по сигналу старшего журавля, снялась и улетела, а я направился далее, дивясь премудрости Божией, даровавшей разум всякой твари и установившей всюду и во всем свой вековечный, незыблемый порядок.

Только человек один по грехопадению своем явился и доселе является его нарушителем: и сколько же за то горя и слез человеку, нарушающему порядок и закон Божий!..

Дальнейший мой путь до Нового Иерусалима был благополучен, но по дороге оттуда в Троице-Сергиеву Лавру новое испытание уже подстерегало меня по слову старца о. Даниила.

Из Нового Иерусалима в Лавру я пошел через Москву. На пути к Москве, верстах в четырех от нее, по обеим сторонам дороги появились пустые ракиты. Смотрю, из-за крутого поворота дороги идет мне навстречу, еле двигаясь избитый и весь в крови какой-то старик. Дойдя до меня, он раскрыл свой рот, чтобы сказать мне что-то, но от пережитого ужаса не мог сразу вымолвить ни одного слова. Наконец, несколько опомнившись, он прокричал не своим голосом:

— Меня разбойник ограбил: отнял сумку, восемь рублей денег и паспорт!

Простирая ко мне свои окровавленные руки, он с плачем сказал мне:

— Спаси меня, раб Божий, ради Христа!

— Далеко ли тебя ограбили? — спросил я.

— Вон на той закруглине! — сказал он и тут же прибавил:

— Не ходите туда, а возвращайтесь назад, а то и вас там убьют разбойники!

Было около четырех часов пополудни. Слышно было, как в Москве звонили к вечерне. Это было на пятый день Святой Пасхи... Долго я стоял и думал, не зная, что делать и на что решиться: возвращаться назад, надо было идти до деревни верст двадцать, а в Москву — не миновать, опять идти тем же путем. На мое счастье ехал по этому пути подвыпивший мужичок и с ним мальчик. Мужичок растянулся в телеге и спал, а мальчик правил лошадей. Я у мальчика попросился подсесть на телегу, но как только я на нее взобрался, как из-за куста выскочил разбойник, подбежал к телеге и, не заметив лежавшего в ней мужика, бросился на меня, намереваясь стащить меня с телеги и ограбить. Я перекинулся от него на другую сторону телеги. Разбойник забежал с другой стороны. Я опять назад. Так три раза, желая меня схватить, разбойник обошел вокруг телеги. В это время мальчик разбудил спящего в телеге мужика; тот вскочил, схватил с телеги кол и кинулся на разбойника. Разбойник, перепуганный неожиданностью, бросился бежать, и я был спасен. Куда девался тот ограбленный старик, я с перепугу не заметил.

Проехав с мужичком разбойничью заставу и поблагодарив его за спасение, я слез с телеги и пешком пошел в Москву, а оттуда в Лавру, в Гефсиманский

Скит⁹ и к другим подмосковным святыням. Наконец зашел я в Скит Параклит¹⁰. Здесь я сшил мантию старца великому отцу Иакову^{*11}. Из Свято-Духова Скита-Параклита я отправился в соседнюю Владимирскую губернию, к родному своему дяде, Даниилу Васильевичу Ковшенку, управлявшему в то время в Юрьеве-Польском уезде именем графа Шереметева при селе Самыньском. Там я прожил около трех месяцев, подучивался грамоте. Занимался я там и рыболовством, налавливая к удовольствию дяди ежедневно от 10 фунтов до пуда рыбы. К рыболовству я был способен и понимал это дело, научившись ему по слову покойного моего родителя, говорившего нам:

— Деточки мои! Старайтесь с младости беречь старость и учитесь чему-нибудь полезному; счастье скоро проходит, а наука никогда.

Поставлю я, бывало, у дяди три ятера¹², перегороджу ими быстротекущую, каменистую речку и наловлю ему столько рыбы, что он диву дается. За это дядя выхлопотал мне взамен двухмесячного моего просроченного отпуска новый паспорт; но, узнав о моем стремлении к иноческой жизни, сильно на меня вознегодовал и возмущился.

— И чего ты себя вздумал мучить, — кричал он на меня, — и не думай, и не помышляй о монастыре!

Но дядины речи и негодование не переубедили меня, а заставили уйти от него в новое странствие по святым обителям, которых я и прошел тогда немало в ближайших местах Владимирской и Московской губерний. Был у святынь и в самом г. Владимире.

Во время этих странствий у меня родилось непреодолимое желание пойти домой. Долго я колебался, но слову о. Даниила и тут суждено было сбыться, и я через Москву, где прожил 9 дней у шубника, отсюда направил свой путь на родину, в родную слободу Алексеевку.

Глава X

Странник Павел. Новое странствие. Видение Спасителя и диавола.
Поступление в Св.-Троицкий монастырь старца Ионы. Последняя встреча с Павлом.

Вернувшись домой в слободу Алексеевку, я застал там свою сестру, что меня сильно удивило и огорчило. Оказалось, что тетя, у которой я оставил

---

* По-видимому, текст искажен при наборе. Предположительно правильное чтение: Здесь я сшил мантию старцу великому отцу Иакову. Скорее всего имеется ввиду великая схима. — Сост.

сестру, израсходовала в течении трех месяцев 60 рублей, мною данных на ее содержание, а ее отослала домой, сказав при этом:

— Если брат будет присылать деньги, то будешь дальше жить, а иначе — иди домой.

И пришлось мне идти опять в работники к хозяевам. И была мне эта жизнь не жизнь, а одно сплошное мучение. Все мечты мои разом рухнули, и остался я, как рак на мели. Куда ни пойдешь, на тебя чуть-что пальцем указывают — монах! святоша! — смотрят, как на чужого, глумятся... С другой стороны, старые старухи чуть на тебя Богу не молятся, почитают, как угодника Божия. Жизнь моя совершенно расшаталась... Пошел я было опять к старшине за паспортом для поступления в монастырь, но вновь получил отказ.

— Пока не определишь сестры, паспорта не получишь!

С таким ответом, казалось, была потеряна для меня всякая надежда на освобождение от уз мира. И взмолился я тут к Единому Сердцеведцу Господу Богу, и не презрел Он, Всеблагий, горячей моей молитвы. Но прежде Богу было угодно провести меня через новое испытание моей к Нему любви и веры, а также и стремления моего к иночеству.

Спустя некоторое время после этого, через слободу Алексеевку проходил странник, молодой человек лет 22-х, неся с собой для продажи книги духовного содержания. Я зазвал его к себе, за три рубля купил у него молитвослов и, питая особую любовь к странникам, пригласил его в чайную. Имя странника было Павел. В беседе за чаем я объяснил ему о давнишнем своем стремлении к иноческой жизни, о тех препятствиях, которые воздвигались мне на этом пути, и просил его совета, как победить мне их и уйти в монастырь.

— Поклянись мне, — сказал Павел, — что ты никому не скажешь обо мне, и я выведу тебя из трудного твоего положения.

Я пообещал сохранить все в тайне.

Тогда Павел сказал:

— Я, славы ради Господа, странствую по святым местам уже два года без паспорта. Я — единственный сын богатого купца Костромской губернии. Задумал я, подобно тебе, идти в монастырь и открылся своим родителям, но они воспротивились моему желанию и захотели меня женить. Но я, по глаголу Господа нашего Иисуса Христа — «аще кто любит отца или мать, или жену, или детей, брата или сестру паче Мене, несть Мене достоин» — тайно ушел из родительского дома и вот милостью Божьею два года уже странствую по святым местам без всякого паспорта, питаюсь от продажи книг и грамоток. Если желаешь, пойдём со мной странствовать

вдвоем, — вдвоем нам будет веселее, — а сестру Господь не оставит, как сказано: «возверзи печаль твою на Господа и Той тя пропитает» [sic].

И пришлось мне эти слова Павла по сердцу; сблизились мы тут с ним и решили больше не разлучаться до самого гроба.

Из чайной мы с Павлом пошли в дом одних благочестивых людей и стали там готовить все необходимое на дорогу. Хозяева этого дома были люди бездетные и любили меня еще с детства, почитая во мне как бы старца за то, что я им когда-то, еще будучи мальчиком, сказал на желание их усыновить меня:

«Не дал вам Господь детей, за все благодарите Его. Теперь и свои-то, кровные, и те не хотят почитать родителей, не только чужие».

Старики заплакали тогда, слыша такие речи, и с тех пор прозвали меня своим старцем.

Заказали мы со своим спутником кузнецу вериги фунтов на двадцать весом, надели на тело, захватили в котомку самое необходимое для дороги и ночью с котомками за плечами двинулись в путь, вернее, бежали из Алексеевки.

Найдя себе мужа по сердцу, я так увлекся ожиданием близкого события всех своих надежд, что от радости забыл и про паспорт, и о сестре, хотя на первое время и оставил ей сто рублей на расходы. Старик и старуха, у которых перед уходом мы прожили две недели, провожали нас версты три от Алексеевки и простились с нами, говоря:

— Идите, деточки, да за нас молитесь Богу!

Путь наш на Киев лежал через Свято-Горский монастырь¹³. Странствование наше, продолжавшееся десять недель, было очень трудное; грязь невылазная, голод и холод. Домашние запасы вскоре истощились, и мне приходилось работать у крестьян и за себя, и за Павла. Я шил крестьянам одежду и, получив за то хлеба и денег, продолжал, таким образом, путь свой далее, прокармливая и себя, и своего спутника. Так как в запасе у нас белья для перемены не было, то вскоре на нас напали вши в невероятном количестве. Их было так много, что мы доходили от них до полного изнеможения. Но хоть плоть и немоществовала, зато дух наш был бодр и, несмотря на всю трудность подвига, мы крепились и вериг с себя не снимали, пока не открылись на теле нашем от них гнойные раны. Тогда волей-неволей вериги пришлось снять. Павел закопал свои тут же в землю, а я свои донес в котомке до Киева, где и закопал их у ворот моста, ведущего из Лавры в Выдубецкий¹⁴ и Св.-Троицкий монастыри¹⁵.

Думал я, что в Киеве-то меня уже непременно примут в монастырь, хотя и без паспорта, но горько пришлось мне разочароваться в этом: не только

в число иноков меня не приняли, но даже и в ночлеге мне всюду отказывали, так что негде нам с Павлом было приклонить усталых голов своих. Видя такое безвыходное положение, я решил вернуться домой, чтобы раздобыть себе во что бы то ни стало паспорт, но Павел восстал против такого решения и убеждал меня продолжать без паспорта наше путешествие, пока не заберет нас, как бродяг, полиция и не сошлет в Сибирь, где мы выкопаем себе землянки и будем жить подобно древним подвижникам. Я возражал, что прежде, чем решиться на такой подвиг, нам необходимо сперва пожить в монастыре и поучиться у опытных старцев; но Павел и слушать меня не захотел. На том мы и расстались. Я отправился на вокзал, чтобы вернуться домой, а спутник мой пошел далее.

Это было в 1873 году.

С одним рублем в кармане пришел я на вокзал. Что тут было делать? Не долго думая, помолился я Богу, забрался в вагон под лавку и так, никем не замеченный, под лавкой и добрался до Курска. Остальные 180 верст от Курска до Алексеевки я прошел пешком.

Вернувшись домой, я на этот раз не с коротким пристал к старшине требованием выдать мне паспорт. Сестру я брал с собою, и старшине ничего не оставалось делать, как выдать нам обоим паспорта на руки.

Получив паспорта, я тотчас же велел сестре собираться со мной в Киев.

В ночь перед выходом я увидел во сне дивной красоты и богатства чертог. В нем стоял Спаситель мира и с улыбкой смотрел на меня. Два раза я хотел подойти к Нему и не мог, и только в третий раз я был допущен приблизиться к моему Искупителю.

Два раза впоследствии просился я поступить в Троицкий монастырь, но меня не принимали, и только на третий приняли меня в число братии. Так и исполнилось на мне видение это.

По пути в Киев, в одном странноприимном доме мне было еще видение: откуда-то явился мне диавол в образе какого-то громадного чудовища. Он разинул свою огромную пасть и кинулся на меня, чтобы поглотить меня. Неистовым голосом закричал я во сне так, что весь народ сбежался на мой крик. С большим трудом привели меня тогда в чувство и успокоили. До сих пор памятен мне пережитый мною ужас.

Когда же мы пришли в Киев, то оказалось, что сестру ни в один из женских монастырей без вклада не приняли, да и меня постигла такая же неудача. И порешил я уйти на Афон и там навеки скрыть себя от мира, но прежде этого отправился на совет к великому старцу Ионе¹⁶, основателю и настоятелю Св.-Троицкого общежительного монастыря. У него, наконец, по троекратной моей просьбе, и решилась наша участь с сестрой: мы были им

приняты в его обитель: сестра — в прачешную в монастырском имени «Гусеницы» в Полтавской губернии, в 70-ти верстах от Киева, а я — в монастырь, на послушание в портняжескую мастерскую.

Произошло это величайшее в нашей жизни событие 24-го мая 1874 года.

Вскоре по вступлении моем в монастырь мне еще раз пришлось встретиться с бывшим моим спутником Павлом. От него я узнал, что после нашей разлуки он странствовал еще более года, пока не был взят за бесписьменность под стражу, предан в полиции пыткам и, не вынеся их, открыл место своей родины и имя родителей, куда и был препровожден этапным порядком. В доме родителей, однако, Павел жить не захотел и стал настойчиво просить их отпустить его на Афон. Видя его непреодолимое стремление к иноческой жизни, родители дали ему на дорогу триста рублей и отпустили его с миром. Из дома Павел пошел пешком прямо в Киев и по дороге был ограблен разбойниками, отнявшими у него половину денег. Полтораста рублей уцелели, потому что были зашиты под подкладкой одежды. Я уговаривал Павла остаться в Киеве, но он не захотел и ушел на Афон. Подарил я ему на память свою кожаную сумку. С той поры мы уже с ним более не видались.

Глава XI

Знамение Божие. Болезнь сестры. Испытание и вразумление свыше. Новое вразумление.

Первым помыслом моим по принятии меня в обитель, было пойти в Божий храм и воздать благодарение Господу Богу за великую к нам с сестрою милость. Вошел я в храм, взглянул на иконостас и едва устоял на ногах от восторженного изумления: на местной иконе я увидел Спасителя в том самом виде, каким Он являлся моему окаянству в сонном видении пред выходом нашим с сестрою из слободы Алексеевки. От страха и радости у меня даже подогнулись колени, и я вынужден был в порыве душевного волнения присесть на лавку, пока не пришел в себя и не оправился. Это было для меня явным знаменем милости Божией, указавшей мне, что здесь место мое, предуказанное Самим Богом. Так я это и тогда понял. Но такова немощь веры нашей: несмотря на такое знамение, я при первом же испытании подпал под искушение и не устоял.

Живя в прачечной, сестра моя во время одного водополя, сильно простудилась, не имея теплой одежды. Жаль было мне сестры, а помочь было нечем. Тогда вместо того, чтобы возложить печаль свою на Господа, да нас препитает, я взял благословение у старца Ионы якобы на устройство дел

своих на родине и пошел искать средств для поддержания слабого здоровья сестры. Но тут явилась задача: откуда их взять? Вернуться на родину и опять поступить в работники казалось неудобным, а для людей даже и соблазнительным — скажут: «Вот так монах: намонашил!» Было у меня девять рублей, и я порешил начать на них торговлю. Купил я на эти деньги в Воронеже иконочек, крестиков и других предметов веропочитания и направился с ними через Рязань на Москву с целью распродажи их и с тем, чтобы в Москве вновь закупить тех же товаров и по пути через Харьков в Киев распродать их с барышом, на который и обезпечить сестру теплой одеждой. Таким образом я разчитывал заработать не менее ста рублей.

Через несколько дней моего путешествия у меня вместо девяти рублей образовалось уже 24 рубля наличных денег и на 4 рубля товару. План мой по-видимому казался верным, но Бог судил иначе.

Не доходя до Рязани, я зашел в Петропавловский мужской монастырь¹⁷. Там я познакомился с о. экономом монастыря. Узнав, что я путь держу на Рязань, о. эконом сказал:

— Вот что, братец, завтра я по этому пути еду верст тридцать на монастырскую мельницу. Лошади наши, монастырские, и я тебя подвезу. Я люблю гуторить с хохлами — они народ очень простой.

На другой день, рано утром мы и поехали. Дорогой о. эконом стал меня расспрашивать о цели моего путешествия. Выслушав мои объяснения, он сказал:

— Это тебе, раб Божий, искушение. Ты хочешь обезпечить сестру уже после того, как сам поступил в монастырь. А если бы ты умер и тебя не было бы, как ты думаешь, оставил ли бы Бог твою сестру? Это — одна мечта твоя. Советую тебе оставить все свои планы, возвратиться в монастырь и предаться во всем в волю Божию. Господь Сам вами управит, как и в Св. Писании сказано: «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает».

— Верю я словам вашим, батюшка, — ответил я о. эконому, — но в том же слове Божиим сказано, что устроить сироту дороже пред Господом, чем церковь построить, а потому я и возложил на себя труд этот не ради себя, а ради сироты-сестры. И вот что я вам скажу: если слова ваши от Бога, то пусть Он накажет меня болезнью, а если этого не случится, то я до конца исполню намерение свое.

— Помоги тебе, Господи, молодой подвижник! — сказал мне о. эконом, — только ты уж очень высоко о себе думаешь.

На этом разговор наш о цели моего путешествия и окончился.

Доехав до того места, где с дороги на Рязань сворачивают к монастырской мельнице, я распрощался с о. экономом и пошел по шоссе на Рязань.

Подойдя к рязанскому лесу, я почувствовал себя дурно, сел под кустиком и заснул. Проснулся я, когда солнце уже давно закатилось. Идти дальше я оказался уже не в силах — так меня скрутила внезапная болезнь. Собрав последние силы, я с трудом прополз подальше от дороги в кусты и там заснул крепким сном. Проснулся я на другой день рано утром и не только не мог продолжать далее своего путешествия, но почувствовал себя настолько больным и слабым, что не в силах был отогнать от себя мух, которые целыми роями кружились и садились на меня. Был август месяц. Жара стояла невыносимая. Мне уже почудилось как бы реяние смерти надо мной. Я испугался и зарыдал.

— Господи! — подумал я, — умру я здесь; съедят мое тело черви, и кто тогда будет хлопотать о моей сестре? Живет она хоть и при монастыре, да не на месте: не в мужском же ей жить монастыре, а надо в женский пристроить. Что мне делать теперь?

И со слезной горячей молитвой обратился я к Господу Богу, прося выздоровления, и обещался немедленно возвратиться в монастырь. И была услышана моя молитва: совершилось чудо — я сразу почувствовал себя здоровым.

«О, глубина богатства премудрости и разума Божия! Яко неиспытаны судьбы Его и неисследованы пути Его!»

Кто уразумеет милости Господни, совершающиеся над нами не по нашим заслугам, а только лишь по неизреченной благодати Его?!

На обратном пути в Киев я зашел в Троицкий монастырь, что в 3 верстах от Тулы. Там я инокам стал раздавать, кланяясь всем в ноги, оставшиеся у меня крестики и иконочки, прося у каждого его святых молитв. В обители меня сочли за юродивого и оказали всякую любовь и почтение, а о. архимандрит, настоятель монастыря, распорядился даже в трапезу меня поместить с особым почетом. Туда мне монахи стали носить ежедневно и просфоры, и жареные грибы, и всякую снедь, чтобы оказать мне свою любовь и усердие, как к мужу святу и богоугодну. По-видимому, и о. архимандрит весьма мною заинтересовался. Подозвал он однажды меня к себе и стал спрашивать, откуда и кто я и куда путь держу. Я все ему рассказал. Тогда он предложил мне остаться у него келейником. Поначалу я наотрез отказался, устремляясь всей душой к прежнему своему старцу о. Ионе, но когда от о. архимандрита вернулся к себе в трапезную, взяло меня раздумье и все на той же мысли о необезпеченности сестры моей и о том, как помочь ей устроиться. И опять взмолился я ко Господу, прося Его указать мне путь мой. Взял я тут же, в трапезной лежащую на аналое книгу жития святых, по которой совершается чтение во время

братской трапезы, и порешил, что первым откроется, то и будет мне изъяснением воли Божией. И что же? Открылось житие и подвиги св. Феодора, столпника Едесского¹⁸, память которого совершается 9-го июля. И в житии том я прочел нижеследующий ответ святого на вопрос Святителя Феодора, епископа Едесского¹⁹, о том, что заставило его взойти на столп и столько лет подвизаться на нем.

«С миром, — ответил он, — мы расстались вместе с старшим братом моим. Сначала три года мы провели в монастыре, а затем ушли в пустыню и, нашедши здесь пещеры, поселились в них каждый в отдельной пещере. Время мы проводили в молитве и безмолвии, только в воскресные дни сходились вместе. Такая жизнь для меня в пустыни, однако, продолжалась недолго. Раз, когда мы оба вышли из пещер для собирания злаков и корней в пищу и были в недалеком расстоянии друг от друга, я вдруг заметил, что брат мой внезапно остановился на одном месте, как будто чего-то испугавшись, а потом стремглав побежал в свою пещеру. Недоумевая, что бы это значило, я пошел к тому месту, чтобы посмотреть, что же там такое, и что же? Вижу громадное количество рассыпанного золота. Недолго думая, я снял с себя мантию и в нее собрал найденное сокровище, с трудом принеся его в свою пещеру. Не сказавши брату ни слова, я немедленно ушел с найденным сокровищем в город, где купил большой дом и устроил в нем странноприимницу и больницу и при этом устроил монастырь на сорок человек братии. Поставив для братии игумена и вручив им на нужды тысячу златниц, а другую тысячу роздав бедным, я снова оставил мир и возвратился в пустыню к брату своему. На пути я начал высокоумствовать и осуждать брата за то, что он не захотел сделать добра из найденного им прежде сокровища; а когда же стал подходить к братней пещере, то помыслы высокоумия и осуждения совершенно завладели мной. Вдруг является Ангел Божий и говорит: «все сделанное тобою добро не стоит и одного братнего скачка, и он выше и достойнее тебя пред Богом. Ты даже недостойн и видеть его и не увидишь его до тех пор, пока не загладишь своего греха покаянием и молитвой». — После сего Ангел стал невидим, и я пошел в братнюю пещеру, но, к ужасу моему, не мог видеть брата и так много пролил слез, что совершенно изнемог. Наконец, Господь сжалился надо мною и указал мне место спасения, на котором я нахожусь уже 49 лет и на котором ты видишь меня. Ангел возвестил мне полное прощение и обещал, что я увижусь с братом в обителях небесных». — Прочитав это в житии святых, я понял, что все мои предприятия не что иное, как одна мечта. Поэтому, роздав все оставшиеся у меня иконочки и книжечки на молитвенную память инокам того монастыря, я немедленно отправился обратно в Киев.

Глава XII

Новое искушение. Видение во сне Божией Матери.

Вернулся я в Киев, в Свято-Троицкий монастырь, под руководство великого старца о. Ионы и, казалось бы, после всего пережитого и переиспытанного должен был бы успокоиться — но нет: искусительный помысл об оставлении предуказанного мне места спасения все еще не оставлял меня, продолжал тревожить мою душу и увлекать ее за ограду на страну далече. «О сестре, — думалось мне, — правда, не следует прилагать заботы — ее Господь пропитает и управит к вечному спасению, — но о своей душе я должен пещись и подыскивать ей место, где бы ей всего удобнее было управлять себя в Царство Небесное. Что выше для этого и удобнее может быть прославленного царства иноков, Святой Горы Афонской, этого великого жребия на земле Самой Царицы Небесной?» И душа моя, непрестанно волнуемая этим помыслом, неудержимо устремлялась к этому земному монашескому раю...

Прошло уже 4 года со дня моего водворения в Свято-Троицком монастыре. Наш монастырь посетил один Афонский схимник, оказавшийся моим земляком по Воронежской губернии. Узнав о моем стремлении быть на Афоне, он предложил мне отправиться туда с ним вместе, обещаясь провести меня туда без заграничного паспорта. Жаль мне было оставлять сироту-сестру, жаль было оскорбить и старца моего о. Иону, но стремление уйти на Афон было столь сильно, что никакие препятствия были уже не в силах побороть его. Но прежде, чем принять окончательное и безповоротное решение, я пошел со схимником помолиться в Киево-Печерскую Лавру с тем, чтобы на следующий день, если Богу угодно, пораньше утром бежать из своей обители навсегда.

Тяжело и скорбно было у меня на душе, когда я вернулся из Лавры, слезы ручьями текли из глаз. Почти всю ночь проплакал я, с горькими слезами прося Матерь Божию разрешить мое недоумение: бежать мне на Афон или же оставаться в Троицком монастыре?

В этой мучительной борьбе я заснул. Во сне увидел я себя молящимся в Троицком монастыре пред чудотворной иконой, именуемой «Троеручница». И вот, когда я молился, послышался вдруг большой шум в левой стороне храма. Я оглянулся и увидел Матерь Божию, приближающуюся ко мне в архиерейской мантии, с венцом на главе, с архиерейским жезлом в руке. Окружена была Царица Небесная безчисленным множеством святых дев неописанной красоты. Все они были облечены в монашеское одеяние. Приблизившись ко мне, Пресвятая Дева грозно ударила жезлом о помост и сказала:

— Что ты так дерзко призываешь Меня?

Я припал к Ея пречистым стопам, облобызал Ея десницу и сказал:

— Матушка, Царица Небесная, ищу старца!

Пресвятая Владычица рекла:

— Мой Сын приемлет тебя в ученики. И се — отрок, который и доведет тебя до Него.

Сказавши это, Матерь Божия поставила передо мной некоего отрока, и мы с ним, приняв Ея благословение, отправились в путь. Пришли мы к Днепру и переправились через него, как по суше. Сначала мы шли по глубокому и зыбкому песку. И был крайне утомителен и тяжел путь тот. Затем песку начало становиться все меньше и меньше, стала появляться растительность; и чем дальше мы шли, тем гуще становилась растительность. Наконец, вступили в такое место, что красоты его и описать невозможно. Воздух того места был напоен неизреченным благоуханием от несметного множества цветов невиданной красоты и разнообразия. Хор бесчисленных птиц умилял душу неизглаженным умилением; и пение их было так прекрасно, что никаким земным подобием его и изобразить невозможно. На месте том раскинулся прекраснейший луг, и так был он чудно прекрасен, что по нем ступать боялась нога моя. И вот, подошли мы, наконец, к некоему дивному в красоте своей чертогу. И сказал мне мой спутник:

— В чертоге этом обитает Сын Пресвятой Девы, что послала нас сюда. Его нет здесь: Он отошел на некоторое время и придет паки судить живых и мертвых. Если ты хочешь быть Его учеником, то вот Его заповедь...

И он указал мне перстом на столб. На столбу же было надписание:

«От Марка глава X-я, стих 43-й».

На этом я проснулся. Трепет, ужас и радость объяли душу мою по пробуждении. Я перекрестился, взял в руки Святое Евангелие, нашел в нем указанное место и прочел:

«Иже аще хочет вящий быти, да будет всем слуга, и иже аще хочет в вас старей быти, да будет вам раб. Ибо и Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою за други своя».

И долго сидел я в раздумьи, размышляя в сердце своем, что означает собой и видение это, и эти Евангельские слова применительно к моему положению, и пришел, наконец, к тому убеждению, что все мои советования с Афонским схимником и его увещания не иное что, как козни диавола, стремившегося совратить меня с пути Божия.

С того времени я стал избегать встреч и бесед с этим Афонским выходцем, несмотря на все его старания видеть меня и говорить со мною. Так и уехал он, не успев сманить меня из обители старца Ионы.

Год спустя, как дошло до слуха моего, схимник этот попался в чем-то уголовном, был судим и посажен в тюрьму.

После этого искушения я твердо решил остаться в Троицком монастыре и не покидать его самовольно.

«Даже если и выгонят меня из него, — говорил я себе, — и тогда не отойду от него, а лягу и буду умирать под его оградой».

Глава XIII

Начало построения в Киеве Введенского женского монастыря. Явная помощь Божией Матери в устройении сестры и моей участи. Козни дьявола.

Вскоре после этого заботами Петербургского митрополита Исидора²⁰ началась строиться в Киеве Введенская женская обитель²¹. Строительницей этого монастыря им назначена была монахиня Казанского монастыря²² Тверской епархии Исидора. Как строительница, она часто ездила к старцу Ионе за советами. К ней, улучив удобный случай, я и обратился, прося ее принять мою сестру в свою обитель. С благословения старца Ионы она не только определила ее в свой монастырь, но и приблизила к себе, взяв в свои келейницы. Великая то была мне радость, и в ней я усмотрел явную помощь Царицы Небесной, к Которой я неустанно обращался с молитвой о сестре.

Сестра, таким образом, была устроена, и я счел себя вправе думать, что с ее определением в монастырь порвалась последняя моя связь с миром. Но не тут-то было. Прошло три года, и из Алексеевского волостного правления поступило ко мне требование уплатить недоимку за землю, оставшуюся после смерти отца. Я обратился к казначею, прося его помочь мне. Казначей отказал, ссылаясь на устав монашеского общежития. После этого мне ничего более не оставалось делать, как возвратиться на родину и там, на месте изыскать средства для уплаты недоимки и уже тогда окончательно расстаться с миром, взяв увольнительное свидетельство из общества для поступления в монастырь.

И вот тут вновь оказалась явная помощь Царицы Небесной, Скорой Помощницы всем, с верою к Ней притекающим.

Оставив обитель, я с горькими слезами пошел в Киево-Печерскую Лавру. Забрался я там на хоры в Великой Церкви и беспомощно опустился на колени пред иконой Божией Матери, моля Ее о помощи в моей горькой сиротской доле. Слезы катились из глаз моих градом. Из глубины моего

скорбящего сердца взывал я: «Мати Божия! Я служу Тебе: дай Ты мне руку помощи». И чудесная помощь не замедлила: вняла Царица Небесная горячей молитве. Сошел я с хор, вышел из храма; смотрю, идет мне навстречу какая-то неизвестная мне госпожа. Увидала она меня, остановила и спрашивает:

— Куда ты идешь?

Я объявил, что иду из монастыря на родину за увольнением из общества.

— Ты, — говорит, — его не получишь. Тебя обскубут там, как гусочку. Пойдем со мной!

И она повела меня за собой в Лаврскую гостиницу, в свой номер. Там она обо всем подробно меня расспросила и взяла мой паспорт. Паспорт оказался просроченным. Тут же она застраховала паспорт для пересылки по почте в 25 рублей, приложила к нему 15 рублей недоимки и написала в Алексеевское волостное правление требование о немедленной высылке увольнительного свидетельства. Позвала она к себе полицейского чиновника, велела ему выдать годовую отсрочку на паспорт и отправить пакет в волостное правление. Госпожа эта оказалась весьма важной и влиятельной особой: она была начальницей Красного Креста, вдовой убитого в Севастополе генерала. Звали ее Анна Никитична Степанова. Происходило же все это в 1878 году.

Отпуская меня, благодетельница моя наградила меня фунтом чая, 10 фунтами сахара и дала еще 10 рублей денег. Мало того, сама проводила меня за ворота Лавры.

И не знал я от радости, во сне ли или наяву все это происходило. И как же, от всей полноты своей душевной, возблагодарил я тогда Царицу Небесную!

Когда я вернулся в свой монастырь и объяснил все со мной бывшее старцу о. Ионе, то он немало подивился и в благодарность за оказанную мне помощь послал со мной Анне Никитичне две просфоры. Анна Никитична была этим присылом очень обрадована. В разговоре со мной она спросила:

— А дают ли тебе молока?

Я ответил, что не дают, так как в обители коров очень мало. Тогда она своей прислуге велела мне носить еженедельно по ведру молока (у нее на черном дворе у коменданта крепости была своя корова). Но недолго пришлось мне пользоваться этой милостью. Братья стали подозревать меня в чем-то недобром, видя, что ко мне каждую неделю ходит женщина и носит молоко. Пошел я к Анне Никитичне и просил ее не приносить больше молока.

— Тогда возьми, — сказала она, — в монастырь к себе корову, а я напишу старцу, чтобы он приказал тебе давать молока.

И отослала в монастырь корову.

Вскоре было получено из волостного правления мне увольнительное свидетельство, и 18-го декабря 1879 года я был приукажен, как действительный послушник Свято-Троицкого Киевского общежительного монастыря, и поставлен рухольным*.

Вскоре моя односельчанка, старуха-крестьянка Парасковья Евфимиевна Рубинштейн, оставшись после смерти всех близких совершенно одинокой, распродала все свое имущество (более, чем на 2 тысячи рублей), купила себе келью в Писарском Воронежской епархии женском монастыре, внесла за себя вклад, а оставшиеся 700 рублей отдала мне для обеспечения сестры моей Пелагии. Деньги эти в государственной ренте я передал за сестру ее игумении Евфалии на хранение.

Не прошло и полгода, как явилась ко мне с родины еще одна моя землячка, Варвара Михайловна Шестакова. Она внесла мне на то же дело обеспечения моей сестры 300 рублей.

Перед своей смертью первоначальница Введенского женского монастыря, игумения Исидора, у которой сестра моя была келейницей, подарила мне 200 рублей да сестре 300 рублей, при кончине же своей еще добавила сестре 200 рублей за ее честное и усердное исполнение послушания.

Еще одна помещица София Николаевна Кислинская, любившая и уважавшая нас с сестрой, оставила нам, умирая, через душеприказчицу свою Леонову по 300 рублей каждому.

Еще одна Петербургская благотворительница Анна Николаевна Касаткина, неожиданно со мной познакомившаяся, вручила мне для обеспечения сестры 500 рублей. И многие иные благотворители и благочестивые люди, питая ко мне любовь и уважение, давали мне для той же цели обеспечения сестры деньги, так что я без всяких забот и мирских хлопот, помощью Божию и добрых людей, смог устроить будущее моей сестры, как нельзя лучше.

Часто вспоминал я — да и теперь вспоминаю — своевольный выход свой из монастыря, чтобы торговлей книжечками, крестиками и образками накопить денег для обеспечения сестры, вспоминаю и дивлюсь безграничному милосердию Божию, во благо управляющему стопы наши на пути служения Ему в преподобии и истине. Будь ты только верным служителем Его, ищи прежде всего Царствия Божия и правды Его, и все остальное приложится к тебе мерой доброй, утрясенной, переполненной...

Пока сыпались на меня и на сестру вся эта благостыня милости Божией, не дремал и исконный враг и душитель рода человеческого. Некоторые из братья

---

* Заведующим рухольной. Рухольной зовется мастерская и склад всякой монашеской одежды, начиная с белья и кончая обувью.

Троицкого монастыря, узнав, что у меня есть деньги и что они хранятся у игумении Евфалии, стали подозревать меня в том, что я нечисто веду дела в рухольной. Доказать свою невиновность мне не составило особого труда, так как все закупки по рухольной я производил не один, а или с казначеем монастыря, или с кем-либо из доверенных иеромонахов, да к тому же на каждый истраченный рубль я в любое время мог представить оправдательные документы в виде оплаченных счетов от продавцов; но, тем не менее, скрытая, глухая зависть и злоба вражьи не угасали и не давали мне покою. Мало-помалу дело дошло до того, что я, расстроившись, хотел было уйти от искушения в Киево-Печерскую Лавру. Там на ту пору епископом был мой земляк, архимандрит о. Валентин, и он меня звал к себе в Лавру. Но об этом узнал старец о. Иона и стал меня уговаривать не обращать на клевету и досаждения никакого внимания. Не желая оскорбить старца, я остался, и, таким образом, были разрушены все козни дьявола, устремленные на то, чтобы вывести меня вон из обители, в которой я дал обет пребывать до смерти или до тех пор [...].

И вот, вскоре после этого испытания проснулся я ночью в полночь и слышу, как под окном моей кельи пляшут два беса и в такт своему танцу припевают свои дьявольские напевы. Один из них был как запевало и тонким женским голосом выводил:

— Тю-рю-рю, фить-фить-фить, тю-рю-рю!

Плясали они так немалое время и потом прокричали мне в окошко:

— Наведем на тебя искушение: и не только от отцов, но и от монастыря откажешься! Палестинский патриарх не такой, как ты, да и тот с нами песни поет, а с тобой-то мы легко управимся. — Вот скоро наш!

Я испугался, стал креститься и класть земные поклоны. Поклонов до 500 положил я тогда. После этого бесы стали удаляться и, наконец, гонимые молитвою и призыванием имени Божия, совсем исчезли.

Это было в 1885 году.

Четыре года спустя я был пострижен в монашество с именем Мануила.

Глава XIV

Страшное видение после пострига. Клевета и наказание клятвopеступника.
Дивное видение.

В первые дни моего монашества мне было страшное видение, показавшее тайные козни дьявола и послужившее мне предостережением на случай нападения на меня этого исконного клеветника и человекоубийцы.

По уставу Киево-Троицкого монастыря, новопостриженные иноки должны в первые пять дней после пострига пребывать неисходно в храме Божиим. Поэтому и мне после пострига моего надлежало провести указанное время в храме. В ночь на пятый день я заснул легким, тревожным сном, и вдруг глазам моим представилось следующее страшное видение.

Чистое поле. На этом поле толпа бесов в образе эфиопов зажигает подземный пламень. Тут же толпа неких белоризцев прилагает усилия, чтобы потушить этот пламень. Среди этих белоризцев я вижу и себя: помогаю и я им в этом деле. Победа остается на стороне белоризцев.

После этого все исчезло, и я остался один среди чистого поля. Вокруг меня необозримое пространство, которому, казалось, [нет конца... Я попытался разыскать свою обитель. Подхожу к какому-то громадному зданию и знаю, что мне через него надо пройти. Вхожу в него и вижу, что дно полно уродливых, отвратительно-звереподобного вида бесов. Бесы, по видимому, о чем-то страшно скорбели... У меня не было никакого страха, и смотрел я на них только с любопытством, не испытывая ни смущения, ни боязни... Вдруг вдалеке показался яркий свет адского пламени. Шел сам князь бесовский в сопровождении полчищ бесовских. Вид его был ужасен и подобен льву, ищущему кого поглотити. На голове его был венец, изпод которого торчали три рога, а сзади был длинный хвост... Подойдя к скорбевшим бесам, он грозно спросил их:

«Почему вы, друзья мои, так унываете?»

Бесы встали перед ним навтыжку, по-военному, и ответили:

— Как же не унывать нам, наш повелитель, когда о. Иона столько народу постригает в монахи?***

На это сатана ответил им:

— Ах, какие вы малодушные! Монахов боитесь! Постараемся же, друзья, показать им мир: все тогда наши будут... Этих ли нам монахов бояться?

И при этом пальцем показал на меня. Все бесы при этих словах повалились ему в ноги, как гром, а я в ужасе проснулся.

Предупрежденный этим видением, я усугубил свою осторожность, но не дремал и диавол. Вскоре меня по рухольному послушанию вновь оклеветали в расхищении вверенного мне монастырского имущества. Нашелся среди клеветников один брат, который ложное свое на меня показание подкрепил даже целованием Св. Креста и Евангелия; но этого клятвопреступника Господь вскоре покарал жестоко: терзаемый угрызениями совести, он заболел и

---

* Текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

** В то время постригалось 26 человек. В их числе был и я.

через шесть недель умер. Тем не менее, после этого состояние моей души было мучительно тяжелое; я даже говорить не был в состоянии, и вся моя надежда была только на Правосудного Бога и Его Пречистую Матерь: от Них одних я только и ждал избавления от напасти и оправдания.

В таком-то горестном состоянии, возвратясь однажды вечером с послушания в свою келью, я заснул с чувством великой скорби. И представилось мне, что будто бы я уже умер. Душа моя, расставшись с телом, имела вид малого ребенка. Я смотрел на лежащее передо мной мертвое мое тело и так рассуждал сам с собою:

— А где же те Ангелы, где же демоны, которые, как говорится в слове Божиим и в священном предании, являются при разлучении души с телом?

В то же время я обернулся лицом по направлению к Киеву и увидел, что весь город как бы озарился адским пламенем, а с неба, как сливы с дерева, когда его трясут, падали звезды. Весь народ стонал и кричал неистовым голосом.

Невозможно описать, какой ужас испытывала тогда душа моя при этом страшном зрелище!

И вдруг явились два Ангела. Одеты они были в светлые диаконские одежды, опоясанные крестообразно орарем; в руках у них были хоругви с двумя наконечниками, как это обычно пишется на иконах Воскресения Христова. От кроткого и лучезарного взора их мучительное состояние моей души мгновенно перешло в неизреченную радость.

— Куда же мы определим его? — спросил один из них, указывая на меня.

— Ты его блюститель, — сказал другой, — ты и должен позаботиться о нем.

— Что ж, — продолжал первый, — нужно его окрылатить.

И вдруг при этих словах у меня, как у птицы, выросли на спине крылья. Ангелы сказали мне лететь на восток, чтобы поспеть к ранней обедне, и показали мне дорогу. Дорога шла среди глубочайшего мрака и представляла собою как бы луч солнечного света шириной аршина в полтора, пробивающийся в скважину темного места.

На этой дороге я встретил свою сестру. Сестра была без крыльев. Я схватил ее и стал тащить, хватая то за руки, то за волосы. С обеих сторон дороги клубились адские огни, и слышны были неумолкаемые человеческие стоны и вопли... Наконец мы вместе с сестрой прилетели в неведомую прекрасную обитель. Сестру приняли внизу, а мне свет указывал лететь выше, как бы на второй этаж. И здесь я увидел дивное зрелище:

Предо мной — беспредельное поле, и поле это было сплошь покрыто как бы полками Святых Угодников Божиих. Полк Святителей стоял от-

дельно; тут же, отдельно, стояли полки преподобных, мучеников, хоры Ангелов: и все они воспевали величие и славу Творца Небесного. Увидел я тут вдали и себя в том же образе ребенка. Группа иноков, среди которых я не усмотрел никого из своих, приняла меня на руки, как младенца, и я услышал невыразимо сладкое пение: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф! Исполнь небо и земля славы Твоя. Осанна в вышних!..» И я чувствовал и сознавал, что недостойн этой славы, и скорбел, что так плохо жил на земле с братией и не любил их так, как здесь любят... И услышал хор Ангельский, и пел он на Лаврский напев: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. Аллилуия, аллилуия, аллилуия». Пения того ни изобразить, ни даже представить себе невозможно: нет слов на языке человеческом, нет подобия, которому бы уподобить было можно это сладкое пение. От пения того сердце мое бысть аки воск таяй, и сам я точно растаял, как бы превратился в некую жидкость не чувственную, а духовную, умную, коей я и пролился с неба на землю. Пролываясь или летя на землю (изъяснить сего состояния человеческим языком невозможно), я сохранял, однако, в себе свои человеческие чувства и сознавал, что возвращаюсь с неба на землю.

Когда очнулся я от этого видения, то в течение нескольких часов не мог прийти в себя от изумления, быв вне себя от пережитого и перечувствованного, и не знал, где я нахожусь — на небе ли или на земле. Стал я ощупывать себе лицо, руки, ноги — все тело свое: я ли это или не я? сон ли это или явь? Объяснить того состояния, в котором я тогда находился, совершенно невозможно... Наконец, я ощупал стенку кельи и, ползком наощупь добравшись до двери, выбрался на двор. Была прекрасная, ясная, светлая звездная ночь. Я с горьким плачем присел на лавку и только тут понял, что мне было видение, а не простой сон. На душе у меня стало так тихо и мирно, что сердце мое было готово принять все страдания и муки с полной покорностью воле Творца моего и Бога, посетившего скорби души моей Своею милостью. Тут постиг я самым опытом, что значит озарение души благодатью Божией, коею Христовы Апостолы, мученики, исповедники и все святые победили мир подножием Креста Господня, ни во что вменяя все страдания свои и муки.

Две недели после этого видения я находился как бы вне мира сего и даже вне себя. Все видимое и окружающее меня было, как прах или пепел. Идет братия в трапезную, а я стараюсь незаметно забраться или в кусты, куда-нибудь подальше, или в темный коридор и сижу там неподвижно, углубившись в себя, пока не хватятся меня и не отыщут.

«Ах, если бы ты знал, — сказывал так однажды Преподобный Серафим Саровский некоему иноку, — какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты бы решился во временной жизни переносить

всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал на свою келью) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголенные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам Св. Апостол Павел (2 Кор. XII, 24), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горняго явления, в котором водворятся души праведных*.

Блажени есте, егда поносят вам и ижднут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех**.

О, если бы Господь не лишил и меня, грешного, сей великой небесной награды, предвкушение которой дано было мне испытать во дни великой моей скорби от клеветы человеческой!

Глава XV

Скорби по послушанию. Ропот и осуждение. Знаменательное, вразумляющее сновидение. Усиление скорбей. Отказ от послушания. Грозное видение. Прозорливость старца о. Ионы.

Значение и сила послушания. Назначение на приход. Видение во сне митрополита Феогноста и виноградной лозы. Толкование сновидения. Перевод в Церковщину.

После этого дивного видения я долго с любовью к Богу переносил всякие находящие на меня обиды и неприятности.

11-го октября 1887 года я был рукоположен во иеродиакона.

Оставаясь на послушании заведующего рухольной, я продолжал нести тяжкое иго гонений, скорбей и всяческой напраслины. Хлопот было много, а неприятностей и того больше. Дело было в том, что наш настоятель, великий старец о. Иона, нося сам старческую, плохонькую одежду, ходя и зиму, и лето в валеных сапогах, требовал той же скромности и от братии, и потому в рухольной запасов, особенно одежды, не делалось; братия же с этим не мирилась и от меня, как от рухольного, требовали одежды приличной, которою удовлетворить всех я не мог. Отсюда и все мои скорби, ибо меня многие обвиняли во всем, не желая подчиниться духу простоты

---

* [Архимандрит Серафим (Чичагов).] Летопись Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Изд. 2-е. СПб., 1903. С. 362.

** [Мф. 5, 11]

и смирения, которыми столь изобиловал дивный наш настоятель. Чтобы избавиться от нареканий и обвинений, я неоднократно отказывался от своей должности, но старец о. Иона и слушать меня не хотел. Доходил я иногда, бывало, до того, что с себя самого снимал последнюю одежду, чтобы сколько-нибудь удовлетворить нуждающихся, но это было каплей в море, и я тогда начал роптать и осуждать своего старца, забывая все величие и святость своего наставника, отца и благодетеля.

И вот заснул я однажды и во сне увидел лежащего на земле нагого человека. Подойдя к нему, я снял с себя одежду и прикрыл его наготу. Тут подошли ко мне какие-то двое, ставшие около него и, видимо, власть имеющие; подошли они ко мне и сказали:

— Так как ты живешь старым языком, то ты наш пленник.

Связали они мне руки, повели по какому-то незнакомому пути. На пути пришлось нам переходить через балку. По правой стороне ее шло пять прекрасных дев. Эти девы остановили ведущих меня и спросили:

— Куда вы его ведете?

Те ответили:

— Он наш пленник, так как живет старым языком.

Тогда старшая из дев сказала:

— Еще жив Господь Бог: мы не допустим его до обиды и берем его на поруки.

Затем, обратившись ко мне, она сказала:

— Если ты обещаешься жить новым языком, то мы тебя отпустим.

Я понял, что это означает не осуждать ближних и творить Иисусову молитву, и обещал жить «новым языком». Тогда говорившая со мной дева, развязав мне руки, взяла меня за них и довела до некоего чудного места, огороженного оградой, в которой были только одни ворота. Когда мы дошли до этих ворот, то они сами собой раскрылись, и глазам моим представился чудесный сад, в котором росли прекрасные цветы и деревья. От них исходил такой аромат, что от чрезмерного благоухания, казалось, даже и дышать было трудно. В саду этом я увидел души праведников в белых ризах] [...] [Зрелище]* было до того поразительное и так было прекрасно место это, что я боялся даже ступить по земле дивного этого сада. И услышал я голос:

— Это селение, в котором говорят на новом языке.

На этом я проснулся и, проснувшись, решил, что это мне вразумление, чтобы я не осуждал старца, не смел роптать и занялся бы изучением великого умного делания молитвы Иисусовой. На сем я и успокоился.

---

* Утраченная часть текста восстановлена предположительно. — *Сост.*

Так прожил я год.

Ежедневные недоразумения по делу заведывания рухольной довели все-таки в конце концов меня до того, что я окончательно решил отказаться от заведывания ей. Решив так, я взял ключи, принес их к старцу и заявил ему, что отказываюсь заведывать рухольной. О. Иона сначала пытался меня уговаривать добром, успокаивая меня, а затем, видя, что уговоры не действуют, строго объявил мне, что бросить послушание мне не позволит и что для меня лучше будет, если я возьму ключи обратно. Но я снова наотрез отказался и вышел из кельи старца, бросив ключи от рухольной у него на столе и сказав при этом:

— Лучше из монастыря уйду, нежели приму ключи.

Прошла неделя, прошла другая, а оставленные мною ключи как лежали на столе у старца, так и продолжали лежать, пока не созвали собора и на нем не постановили возвратить ключи мне же, оставив меня на том же послушании в рухольной. Вызвали меня на собор и объявили мне его решение. Я схватил шапку и со словами:

— Господь с вами и с вашими ключами, — убежал и заперся в своей келье.

От сильного волнения я прилег и не заметил, как уснул. И увидел я во сне дивное и знаменательное для меня видение:

Вижу я рай Божий, обнесенный высокой оградой с воротами неописанной красоты. У райских врат сидела Мать Божия, одетая в власяное рубище. Я хотел было пройти в райский сад, минуя Ее, но врата были закрыты; пошел искать других, но не нашел. Тогда стоявшие у врат стражи сказали мне, указывая на Божию Матерь:

— Что ты врат ищешь, а Вратарницы не спросишь?

Тогда я пал ниц перед Нею, стал целовать пречистые Ее ноги и говорю Ей:

— Матушка, Царица Небесная, пусти меня в рай.

[...] [Преодо мною предстала]* отвратительно обезображенная и необыкновенно уродливая женщина: нос ее отгнил, все конечности отгнили, и от нее несся отвратительный смрад.

Пречистая указала мне на эту женщину, велела ее поцеловать и при этом сказала:

— Поцелуй эту женщину — тогда пушу в рай!

Ослушаться я не посмел и, прикоснувшись осторожно и брезгливо к носу женщины, поцеловал ее. Тогда Мать Божия сказала женщине:

— Покажи ему дела человеческие.

---

* Текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

И страшная эта женщина своими руками разодрала прямо против сердца утробу свою, и я с ужасом увидел там бесчисленное множество разнообразнейших и отвратительнейших гадов, которые там копошились, извивались и ползали, смешиваясь друг с другом, как каша.

Святая Вратарница рекла женщине:

— Набери и дай их ему в припол (т.е. в одежду).

Та набрала гадов обеими руками и подала мне. И что же это было за ужасное зрелище! Гады извивались, высовывали жала, тянулись ко мне своими отвратительными, злобными головами... Я оцепенел от ужаса...

— Бери, бери еще, — услышал я голос Царицы Небесной, — иначе не попадешь в рай!

Я взял вторично и проснулся.

Поразительно было это сновидение, и я в нем ясно усмотрел волю Царицы Небесной, чтобы я продолжал нести свое послушание, несмотря на все чинимые мне скорби, клеветы и нарекания, и что если я буду слушником Ее велению, то не спасусь и рая не удостоюсь. Сон этот произвел на меня глубочайшее впечатление, означая под гадами монастырскую братию, досаждавшую мне всевозможными клеветами.

Наутро меня позвали в келью о. Ионы, где уже были собраны соборные старцы. Отец Иона, обратясь ко мне, погрозил на меня пальцем и сказал:

— Матери Божией угодно, чтобы ты был рухольным, а иначе ты, батюшка, не попадешь в рай!

Я горько заплакал и, пораженный прозорливостью старца, покорно принял от него ключи, поклонился ему и всем присутствующим и, ни слова не говоря, вышел.

Прошел я в свою келью, забрался на чердак, положил несколько поклонов, прося помощи и заступничества Царицы Небесной, и принялся вновь за свое послушание, почувствовав себя сильно укрепленным в духе против наветов вражеских и клеветы человеческой.

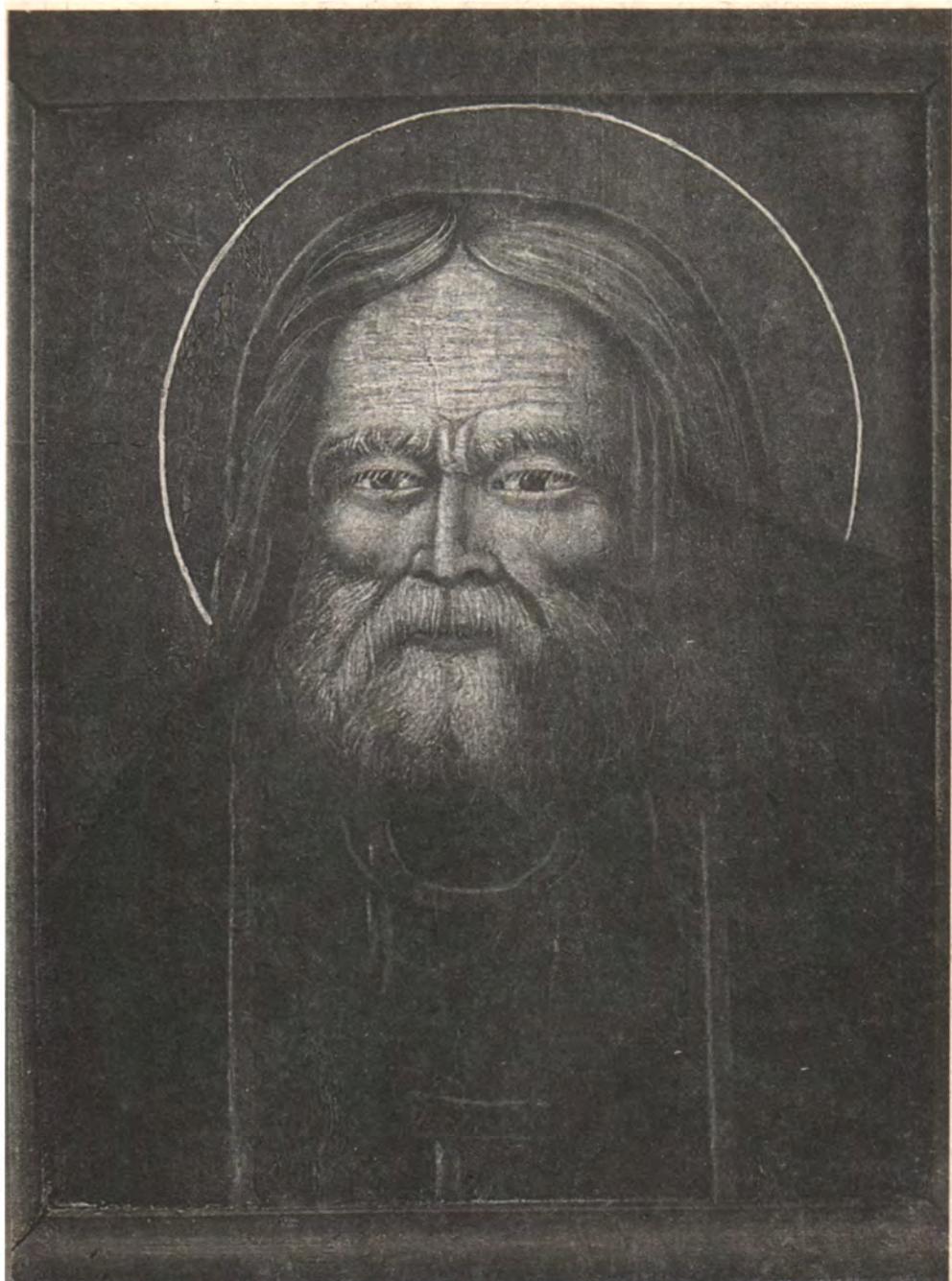
Таковы значение и сила послушания.

Вскоре после этого, 30 марта 1897 года я был возведен в сан иеромонаха.

Год спустя, как бы в новое подтверждение значения и силы послушания я имел следующее видение:

Вижу я, стоит старец о. Иона на высокой горе; вершина этой горы упирается в облачное небо. Лицо старца было светло и сияло подобно солнцу. Возле старца стояла некая величественная Жена, одетая в монашеское одеяние. И был я как бы без чувств от этого видения. Придя в себя, я спросил:

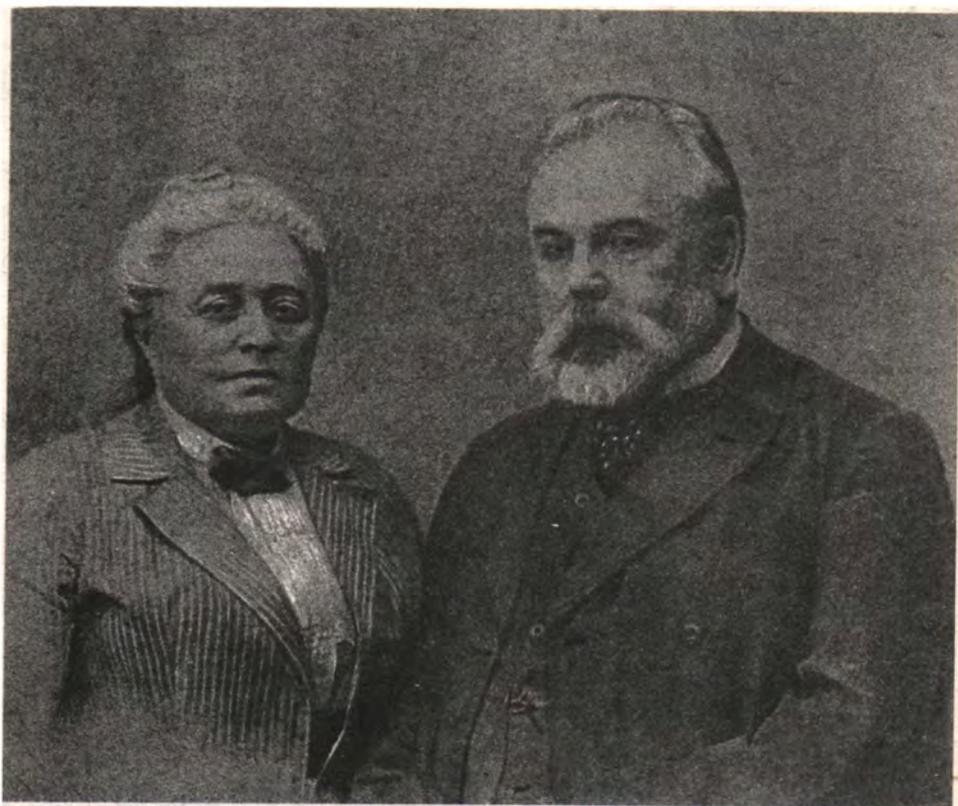
— Это ты, батюшка?

Преподобный Серафим. Прижизненное изображение

Николай Александрович Мотовилов (1808 †1879).
Публикуется впервые

С. А. и Е. А. Нидусы

Послушник Митрофан Ковш,
будущий игумен Мануил.
1879 г.

Иеромонах Мануил. 1897 г.

Храм во имя Рождества Пресв. Богородицы в Церковщине
Качество снимков обусловлено воспроизведением их
в уникальной книге С.А. Нилуса

Игумен Мануил у входа в пещеры

Игумен Мануил с братией за расчисткой пещер

Игумен Мануил (Ковш, 3.7.1850 †11.5.1920)

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России

Святитель Тихон с митрополитом Петром (Полянским, †10.10.1937)
на ступенях храма Христа Спасителя в Москве

Священномученик Вениамин
(Казанский, †12.8.1922),
митрополит Петроградский и Гдовский

Митрополит Агафангел
(Преображенский, †16.10.1928),
Ярославский и Ростовский

Митрополит Иосиф
(Петровых, † после 1937),
Петроградский

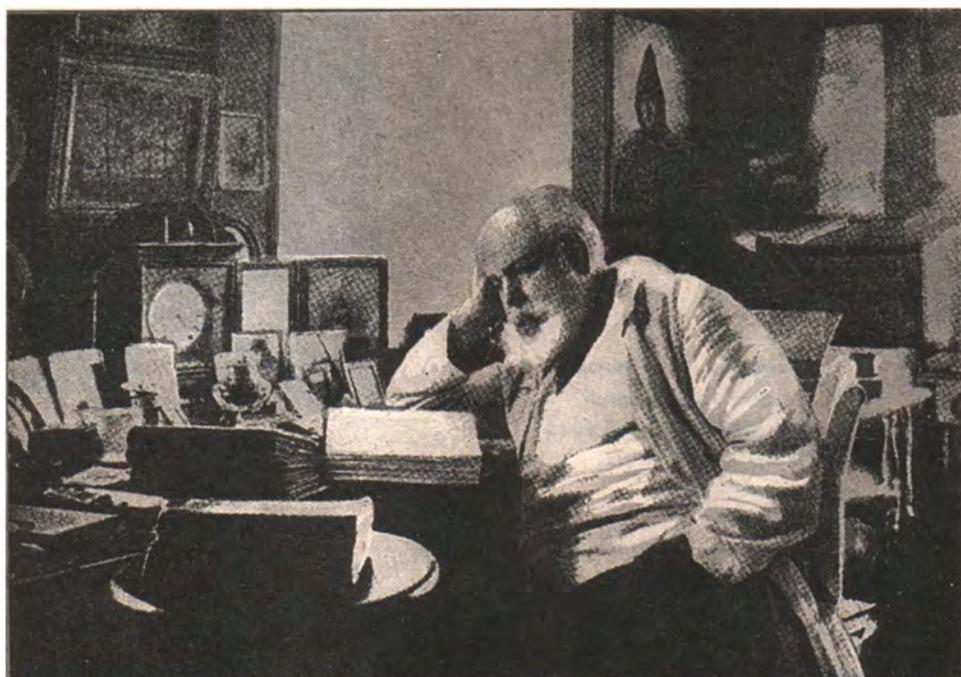

Митрополит Арсений
(Стадницкий, 28.8.1936),
Новгородский

Митрополит Кирилл
(Смирнов, †20.11.1937),
Казанский и Свяжский

Патриарх Московский
и всея Руси Сергей
(Страгородский, †15.5.1944)

С. А. Нилус в кабинете дома в Линовице

Архиепископ Никон (Рождественский, 1851 †1918), Вологодский и Тотемский
— издатель трудов С. А. Нилуса

Дом кн. В.Д. Жевахова в Линовице, в котором жили Нилусы в 1917–1923 гг.

Епископ Феофан (Быстров), Полтавский и Переяславский

Публикуется впервые

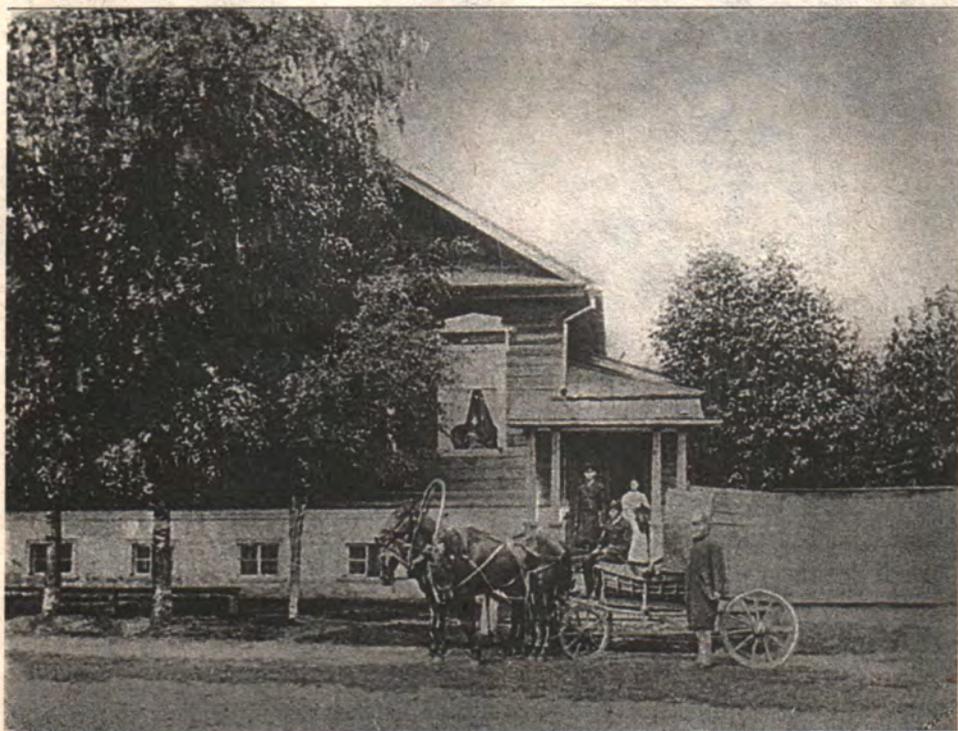
О. Димитрий Иванов передает письмо С. А. Нилусу

Отец И.М. Концевича
— Михаил Иванович (†1921) —
слева, с братом

А.И. Концевич (урожд. Лисеневская)
с двумя старшими сыновьями:
Иваном (†6.7.1965) и
Владимиром (†13.1.1914)

Дом Концевичей в Харькове

Старец ответил:

— Да, это я.

— А кто же, — спрашиваю, — возле тебя стоит?

— Это, — отвечает, — пришла из Палестины Госпожа и за всех вас требует от меня отчета. Есть ли у тебя чем заплатить за себя?

Я ответил, что денег у меня нет.

— Я знаю, — сказал на это старец, — что у тебя денег нет, а мне все-таки нужно за вас всех расплатиться. А можешь ли оправдать себя послушанием?

Я ответил:

— Не знаю.

— Ну я тебя испытаю, — сказал старец.

На эти слова мой старец сбросил мне с горы толстое треугольное стекло по подобию того треугольника, который пишется на иконах Бога Отца.

— Поди, — сказал мне старец, — и принеси это стекло.

Я пошел за ним, поднял его и понес к старцу, держа обеими руками. Страшный ветер не давал мне ходу. И я нес стекло с большим трудом, становясь к ветру и боком, и задом, и, наконец, с большими усилиями донес его все-таки, до старца. А о. Иона и та Госпожа стояли все время на горе и смотрели на мои труды. И когда я принес стекло, то старец Иона сказал:

— Ну, слава Богу, что ты послушанием оправдал себя.

Тем видение и кончилось. Я понял его как новое подтверждение мне значения и силы послушания, помогшего мне оправдать себя пред старцем и Госпожею, в которой я предположил Царицу Небесную, и соблюсти в чистоте (подобно чистому стеклу) веру мою православную в Триипостасного Бога (треугольник).

Вскоре после этого видения я за послушание был послан для исполнения Богослужения и треб в приход в село Шибеное взамен больного приходского священника. Это меня вначале очень порадовало, так как освобождало от обязанностей рухольного, которые я с таким трудом и скорбями нес в течение 20 лет. Но радость моя вскоре превратилась в печаль, так как приход оказался сильно запущенным, а я в исправлении мирских треб как монах был совершенно несведущ.

Не успел я приехать в с. Шибеное, где я остановился в доме священника, как ко мне явились сельчане и заявили, что у них на кладбище похоронено 20 человек без священника и что нужно отпеть и отслужить панихиду. Затем сразу принесли крестить 9 младенцев. С совершением Таинства Св. Крещения я как монах не был знаком. Затем псаломщик заявил

мне, что на субботу и воскресенье у меня будет до 300 исповедников, так как приход с. Шибеного оказался довольно большим. Тут же и крестьяне стали просить пройти по приходу с молитвой, так как их пастырь уже 4 года не ходил с молитвой по домам своих прихожан. Одно время я даже растерялся было от наплыва стольких многообразных обязанностей, но затем с Божией помощью стал справляться с делом. Невзирая ни на какую погоду, на дождь, грязь и холод, я стал ходить по приходу, но кончил тем, что жестоко простудился, и, прослужив с великим трудом семь месяцев, подал прошение об увольнении меня с прихода и о возвращении обратно в свой монастырь. Вернувшись домой в монастырь, должен был подвергнуться операции, так как на левой ноге у меня от расширения вен образовались большие раны. После благополучно перенесенной операции, я был вторично послан на приход в село Шупики Киевской губернии, Каневского уезда, где пробыл четыре месяца.

Это было на 51-м году моей жизни, в 1900 году. Отмечаю это событие потому, что в это время совершился великий перелом в моей жизни, вызвавший меня волей Божией на новый путь служения Богу и Его Святой Церкви.

Незадолго до отъезда моего из села Шупиков явился мне во сне митрополит Киевский Феогност²³, еще находившийся в то время в живых. Около митрополита стоял некий светоносный муж, в руках своих он держал прекрасную виноградную лозу, покрытую, однако, тонким слоем льда, как то бывает иногда во время гололедицы. На лозе местами видны были почки. Митрополит пел какие-то духовные стихи, касающиеся меня, но я не мог запомнить ни одного стишка. Затем он велел тому светоносному мужу отрезать от лозы ветвь и передать мне. Я принял ее с великим благоговением и усердием, с мыслью развести от нее в саду побольше отводков и на этом проснулся.

Наутро приехал ко мне мой знакомый миссионер о. Ва[силий. Я спросил его о значении сновидения.]*

— Лоза, покрытая льдом, — истолковал он мне, — это какое-нибудь запущенное, забытое и как бы мертвое духовное место, которое будет поручено вам оживотворить высшим духовным начальством. Что почки были видны на лозе, означает, что место сие хранит в себе достаточно жизнеспособности для своего возрождения. Вручение же вам лозы митрополитом в полном облачении с пением духовных стихов означает вручение вам начальствования и строительства на том запущенном месте. Не миновать вам, стало быть, о. Мануил, быть настоятелем в какой-нибудь обители, ныне находящейся в великом запустении.

---

* Предположительное чтение. — Сост.

Верность толкования сновидения вскоре оправдалась самым делом. Две недели спустя, в марте 1901 года, когда я еще жил на приходе, я получил от сестры своей, монахини Поликсении, письмо; в письме этом она меня поздравляла с назначением начальником и строителем «Церковщины». По возвращении в монастырь с прихода, то же и с тем же поздравлением я получил уже почти от всей братии. От нее же я узнал, что ректор Киевской Духовной Академии, он же настоятель Киево-Братского монастыря, епископ Димитрий^{*24} три раза приезжал к старцу о. Ионе хлопотать о том, чтобы он отпустил меня от себя для начальствования и строительства Скита Пречистыя в Церковщине.

Наконец, 10-го апреля 1902 года указом Киевской Духовной консистории я был уволен из Киевского Свято-Троицкого монастыря и назначен в «Церковщину» в Скит Пречистыя настоятелем его и строителем.

Так начался третий и, надо полагать, последний этап моей жизни перед переходом моим в вечность, в Небесные Обители Творца моего и Бога, аще удостоен буду от Него сей великой милости.

Богу нашему слава.

Часть II

Глава XVI

Древние предания и свидетельства исторические об иноческой обители «Церковщина»^{**}.

Многими великими подвигами просиял, яко звезда пресветлая, первоначальник в Российской земле монашеского общего жития, сподвижник Преподобного Антония по устройению славной Киево-Печерской обители, игумен ее, преподобный и Богоносный отец наш Феодосий²⁵.

Измлада Христа возлюбив, в юные годы жизни Феодосий оставил родительский дом, пришел в Киев к Преподобному Антонию и умолил принять его в число подвижников пещерных. На 24-м году жизни, по благословению Преподобного Антония, Феодосий пострижен был в иноки (в 1032-м году). В течение двадцати лет иноческого жития он тру-

---

* Впоследствии архиепископ Одесский и Херсонский.

** Прот. И. Троицкий. «Скит Пречистыя» у пещеры Преп. Феодосия Печерского в «Церковщине». Киев, 1913; П. Лашкарев. Дача Киево-Братского монастыря «Церковщина»: реферат; В. Палицын. Начало восстановления Скита Пречистыя; [Краткая история восстания «Церковщины» (Скита Пречистыя, Киевской губ.). 1913 // ОР ЦНБ ім. В.І. Вернадського АН УР. Ф. 160.1109. 16 л. — Сост.]

дился в обители Киево-Печерской более других начальников ее: носил другим воду, рубил дрова, молот рожь и относил каждому муку; ночью отдавал тело свое комарам и мошкам. Кровь текла по телу, а он пряд волну и пел псалмы. В храм Божий являлся он первым и, став на своем месте, не сходил с него во все время Богослужения, с благоговейным вниманием слушая пение и чтение церковное. В 1054-м году Феодосий был поставлен иеромонахом, а в 1057-м году избран игуменом Киево-Печерской общины, после — Лавры, построил в ней Великую церковь и келии и ввел общежительный монастырский Устав Студийский. Будучи игуменом, он исполнял самые черные работы по обители и во всем являл братии поучительный пример. Слава Преподобного Феодосия как игумена Киево-Печерского монастыря привлекла в обитель множество иноков. И сами великие князья того времени любили наслаждаться беседою Феодосия и в храме, и в келье, и у себя во дворце. Преподобный не боялся обличать и сильных мира сего. Обращал он в христианскую веру и евреев, живших в г. Киеве. Особенно же любил Преподобный бедных и странников: для них он построил в обители общий двор, и здесь они бесплатно кормились.

Пищей для самого Преподобного Феодосия был сухой хлеб и вареная зелень без масла. Ночи у него проходили почти без сна, а если и спал он малое время, то сидя, а не лежа. Одеждою его была жесткая власяница, надетая прямо на тело, сверху нее была свитка и то весьма худая. Такими трудами и болезнями умерщвлял он тело свое, уготовляя его в честное жилище Духа Святаго.

Верстах в двадцати от Подола, за селом Пироговым, у села Лесники, приблизительно в таком же расстоянии от Киева, как дача Михайловского монастыря Феофания (ныне скит), во владении Киево-Братского монастыря находилась небольшая дача, известная у окрестного населения под названием «Церковище» или «Церковщина». Трудно найти местность, до такой степени со всех сторон закрытую от наблюдения прохожих и проезжих, как «Церковщина». Сама по себе местность и в настоящее время привлекательна своей уединенной своеобразной красотой; но что же была она в те, отдаленные от нас времена подвигов первых иноков Печерских, когда еще во всей первобытной красе и мощи была незатронута девственная сила и величие приднепровской природы?!.. Чтобы иметь представление об этой красоте, нужно лично побывать там.

Из жития Преподобного Феодосия Печерского известно, что в неделю мясопустную он, обыкновенно, удалялся из монастыря в пещеру, в которой потом был погребен, и затворялся в ней до вербной недели. Но затворив-

шись в ней, он, по словам жития, «оттуду паки многожды и яко того не ведушую никому же, в нощи восстав, и Богу того соблюдающую, отходяше един на село монастырское, и ту уготован суще пещере в скровьне месте, и никому же тому ведушую, пребыва[ше] в ней един до вербных недели, та-коже и паки в нощи и в прежереченную пещеру, и оттуду в пяток вербных недели к братии излазаше».

Сохраняющиеся с глубокой старины предания лаврские указывают это монастырское село и бывшую в нем пещеру Преподобного Феодосия именно в даче Киево-Братского монастыря под Лесниками, именуемой «Церковщиной».

Смежно с Лесниками село Ходосовка²⁶, именовавшееся первоначально Хутором Феодосиевкой (Хвеодосиевкой, Хвеодосовкой — Ходосовкой). Смежные селения Лесники... Ходосовка принадлежала в старину к Лаврским именам. В Патерике Печерском оба эти села называются «селами Пресвятыя Богородицы». «Церковщина», как «село монастырское», упоминается в Печерском патерике двукратно по поводу впечатления, которое оно производило на покушавшихся разорить его злодеев и подовцев. Один раз были введены в город пойманные и связанные разбойники. Когда, — рассказывает Патерик, — «по изволению Божию, случися им мимо миновати село монастырское, един от злодей тех связанных, покивав главою на село то, глаголаше: «якоже неколи во едину сушу ночь приходом ко двору тому, разбои хотяще творити, поимати вся сушая, видехом город сущий высок зело, яко не помощи нам приблизитися ему...» Сице бо бе благий Бог оградил невидимо вся та содержанья молитвами праведного сего мужа (Феодосия), — замечает сказатель жития.

Другой случай рассказывает Георгий, Ростовский тысяцкий, сын Симона (Шимона) варяга²⁷:

«Везде молитва Феодосиева заступает. Егда бо приходом на Изяслава М[с]тиславича^{*28} с Половцы²⁹, и видехом град высок издалеча, и идохом ныне. И никто же знаяше, кый се град. Половцы же бишаха у него и мнози явлени быша, и бежахом от града того: последе же увидехом, яко се бысть село Богородицы, града же николиже бывало; ниже сами сущие в селе разумеша бывшего; но изшедша видеша крове пролитие и почудишася бывшему».

Естественный характер местности «Церковщины» как нельзя более отвечает тому впечатлению, какое она произвела в том и другом случае. Урочище имеет вид глубокой котловины, образовавшейся внутри горы

---

* В книге: Метиславича — вероятно, опечатка. — Сост.

с окрестными приподнятыми выше горизонта гор[ами]* в виде окружающего котловину вала. Обитатели Церковщинской котловины кажутся до такой степени удаленными и огражденными от всего окружающего, что могли действительно, как это отмечено во втором случае, не иметь представления о том, что за окраинами в известное время кипела битва, тем более, что огнестрельных орудий в то время не существовало.

Вот эта самая «Церковщина» вблизи от Ходосовки, среди чудной по красоте холмистой местности, подле холма, в глубине которого устроены пещеры, издавна называвшиеся пещерами Преподобного Феодосия, и была тем самым «сокровенным местом», где Преподобный Феодосий и совершал свои великопостные уединенные молитвенные подвиги.

После блаженной кончины Преподобного Феодосия (3-го мая 1074 год[а]) «сокровенное место» — пещеры, где в дни светлой Четырнадцатницы совершал он свои молитвенные подвиги, стало привлекать любителей безмолвия и пустынного жития из Киево-Печерской обители, и образовался в XII-м веке монастырь близ «села Богородицы», получивший название «Гнилецкого».

В этом монастыре в первой половине XII-го века подвизался Преподобный Герасим, основатель Троицкого Кайсарова монастыря близ г. Вологды³⁰, Вологодский чудотворец. Преподобный Герасим еще юношей прибыл в Гнилецкий монастырь³¹, усердно прося пустынную братию принять его в свое сожитие. Согласились добрые старцы, видя его усердное желание, и постригли его 4-го марта в монашество. Под руководством опытных старцев он стал подвизаться в совершенном послушании и непрестанных трудах. И какое чудное время тогда было для иноческой жизни! Еще свежи были и живы предания о жизни Богоносных Печерских первоначальников; еще некоторые из братий Гнилецкой пустыни знали лично Преподобного Феодосия и как очевидцы рассказывали об его подвигах в их пещере. Внимал этим рассказам о Преподобном Феодосии и других славных Печерских подвижниках инок Герасим и с великим усердием и ревностью проходил свое иноческое послушание. По настоянию пустынной братии он принял сан пресвитерский и каждодневно стал приносить Богу безкровную Жертву, а ночи часто проводил в Феодосиевой пещере в богомыслии и молитвенных подвигах.

Промысл Божий судил Преподобному Герасиму выйти из Гнилецкого монастыря и идти в Вологду для распространения христианской веры среди язычников этого северного края. В 1147-м году Преподобный Герасим

---

* В книге: горы. — Сост.

достиг берегов реки Вологды вблизи ручья Кайсарова, среди лесной чащи, в тиши уединения поставил себе хижину и предался богомыслию и иноческим подвигам. В этой местности он поставил храм во имя Живоначальной Троицы и положил начало древнейшему в северных краях России Троицкому Кайсарову монастырю. В этом храме он нашел себе вечный покой 4-го марта 1178-го года.

Из жития Преподобного Герасима, Вологодского чудотворца, можно видеть, что в XII-м веке монастырь, основанный на месте великопостных подвигов Преподобного Феодосия Киево-Печерского процветал: в нем была церковь, много в нем было и братии. Монастырь этот существовал и в следующем XIII-м веке. Когда совершилось нашествие татар на Киев и разорение ими Киево-Печерской Лавры (в 1240-м году), иноки этой обители вынуждены были удалиться в леса и пещеры близ Киева. В это время некоторые из Киево-Печерских иноков удалились в Гнилецкий монастырь и расширили здесь Феодосиеву пещеру наподобие пещер Киевских. В нашествие Батыево Гнилецкий монастырь пострадал, но не уничтожился. Полное разорение его произошло, по мнению ученых, «от татар» после нашествия Едигея в 1416-м году или Менгли-Гирея в 1480-м году. «Татарове воеваша около Киева и монастырь Печерский пограбиша, и пожгоша, и со землей соровна (Едига), яко оттоле Киев погуби красоту свою и даже доселе уже не може быти таков», а о Менгли-Гирее говорят, что он «град Киев взя и огнем сожже» и что его татары, уведши в плен безчисленное множество населения, «землю Киевскую учиниша пусту». Вот тогда-то церковь в монастыре Гнилецком и была разрушена до основания, а иноки, спасавшиеся в пещерах, были засыпаны землей и здесь предали души свои Богу.

Так после четырехсот лет окончилась пора первоначального цветущего существования монастыря «Святых-Пречистых Гнилецкого», основанного на месте великопостных подвигов Преподобного Феодосия.

С разорением монастыря и запустением местности его оказалась заброшенной и пещера Преподобного Феодосия. Перестав быть местом хотя бы и временного только подвига монастырских отшельников, пещера была предоставлена естественной судьбе такого рода подземелий. Обрушившиеся края устья пещеры завалили спуск в нее и прекратили приток внутрь ее наружного воздуха. Скоплявшаяся вследствие этого внутри нее сырость повела за собой и внутренние обвалы, и на месте святе, таким образом, водворилась мерзость запустения, продолжавшаяся свыше четырехсот лет. Уцелели в эти годы одни развалины, густо поросшие лесом, и среди них остатки фундамента церкви — «Церковище», — от которых все монастырское урочище получило в народе название «Церковщина».

Опустевшая «Церковщина», принадлежавшая Киево-Печерской Лавре, перешла во владение — сначала Киево-Софийского наместничества, т. е. Киевского Митрополитанского Дома (в XVI-м и первой половине XVII-го вв.), а затем Выдубецкого монастыря. Во второй половине XVIII-го века она вошла в состав государственных имуществ, а с 1835-го года и по настоящее время находится в ведении Богоявленского Киево-Братского монастыря.

Такова история «Церковщины».

Глава XVII

Начало восстановления «Церковщины».

Преосвященный Иннокентий (Борисов) и мальчики-пастухи.

Преосвященный Димитрий и иеромонах Свято-Троицкого монастыря Мануил.

Продолжение автобиографии игумена Мануила. Благословение старца Ионы и его духовное завещание. Перевод в Церковщину.

Начало восстановления Церковщины после четырехсотлетнего запустения связано с именами двух преосвященных ректоров Киевской Духовной Академии и настоятелей Киево-Братского монастыря Иннокентия (Борисова)³² и Димитрия (Ковальницкого).*

В тридцатых годах прошлого столетия преосвященный Иннокентий, будучи ректором Киевской Духовной Академии, часто по временам проживал летом в соседнем с Церковщиной хуторе Киево-Братского монастыря — Пироговке (Володарке).

«Каждый раз, как приеду в Пироговку, — рассказывает преосвященный Иннокентий студенту-священнику Гапонову, — особенно весной и летом, первым моим и любимым делом было ходить по лесам. Места здесь, вообще, хороши. Но одно из них особенно обратило на себя мое внимание. Оно известно под именем «Гадючьего Лога», видно, оттого, что в нем действительно водится много змей.

Раз, — это было весной (около 1835 года), — прихожу я к Гадючьему Логу, смотрю: близ колодца разложен огонь, по лесу бродит скот; пастухов, однако ж, не видно. Где же это они? Стою и думаю себе. Вдруг услышал я говор мальчиков. Я обратился туда, откуда послышался мне говор, и увидел на холму трех мальчиков. Я пошел к ним, смотрю — их там нет. Взошел на самый холм — нет, обошел холм вокруг, смотрел

---

* Впоследствии оба архиепископы Одесские и Херсонские.

туда и сюда — все их нет. Что за диво? Между тем, по правую сторону, при спуске с холма, я увидел взрытую землю, подошел туда, вижу — какая-то нора. Я тотчас догадался, что мальчики здесь скрылись. Моя догадка вскоре оправдалась: голоса мальчиков слышались в норе. Я уклонился несколько в сторону, чтобы дать время выйти им оттуда (впоследствии оказалось, что они, увидев меня, испугались да со страху и скрылись в нору). Действительно, один из мальчиков выполз из норы. Я постарался приласкать его, дал ему монету и спросил, где же прочие его товарищи?

«Там, в яме», — отвечал он.

«А что же это за яма? Глубока ли она? Не лисья ли это нора?»

«Ни, це, кажуть, печери».

«Печери?!.. Позови-ка своих товарищей, скажи им, чтобы они меня не боялись: я добрый человек».

Выползли, наконец, и те. Для ободрения их, я [и] этих наделил деньгами.

«Скажите же теперь, хлопцы, можно ли мне туда слазить?»

«А чему невозможно? Можно!»

«Да ведь там темно? Ничего не увидишь?»

«Да-к що ж, що тэмно? Мы визьмемо с собой огню, наберемо сухих три-сочек, засветим и пойдём. Мы всё так робим».

«Ну сделайте ж это сейчас».

Они тотчас же побежали, собирали сухих щепок, где-то нашли несколько соломы, принесли огня.

«Да вы, паноче, — сказал один из мальчиков, — скиньте с себя одежду, вона така хороша, як-небудь замараете».

В самом деле. Я послушался и скинул с себя рясу.

«Господи, благослови!»

Спустились ползком в нору, зажгли огонь. Один из мальчиков пошел вперед, я за ним, двое за мною. Как же я удивился! Лишь прошли мы шагов несколько, я увидел, что это в самом деле пещеры точно такие, как и в Лавре, судя по их улицам и проходам. Дальше я даже не ходил, предоставив другому времени запастись свечью и рассмотреть их, как следует.

На другой или третий день я снова приехал в Пироговку, пришел сюда, нашел по уговору тех же мальчиков. Они ожидали меня не с боязнью, а с радостью. Мы тотчас приступили к делу. Опять ползком спустились в пещеры (проход в них от времени завален и зарос кустарником; оставалось одно лишь небольшое отверстие). Зажгли свечи и пошли уже спокойно рассматривать пещеры. Оказалось, что весь холм (в объеме своем холм

будет сажен около 15-ти)* покрыт мелким лесом, изрыт пещерами. Улицы, или проходы идут извилисто, в разные стороны, и потом сходятся к одному какому-нибудь месту, например, к церкви или к трапезе. Я заметил и другой выход из пещер на другую сторону холма, но он совсем завален землею.

Вот какую редкость нашел я в «Гадючем Логу».

Как ценил значение этого открытия сам преосвященный Иннокентий, свидетельствуют следующие его слова:

«Лаврские пещеры, — говорил он, — много изменены чрез расширение и повышение, конечно, ради богомольцев; а вот эти настоящие, подлинные, как были ископаны святыми отшельниками — почем знать? — может быть, самими преподобными Антонием и Феодосием или, по крайней мере, близкими к ним современниками».

По ходатайству преосвященного Иннокентия и с Высочайшего соизволения, в 1835-м году этот «Гадючий Лог» перешел во владение Киево-Братского Монастыря под именем «Церковщины».

Впоследствии преосвященный Иннокентий предпринял некоторые меры к поддержанию пещеры и благоустройству местности, но за переводом его на самостоятельную епископскую кафедру «Церковщина» опять надолго осталась без надлежащего благоустройства.

С 1900-го года преосвященный Димитрий (Ковальницкий), бывши в то время ректором Киевской Духовной Академии и настоятелем Киево-Братского монастыря, возымел желание возобновить монастырь в Церковщине и начал в нем постройку храма в честь и память Рождества Пресвятыя Богородицы, по достоверному предположению, что и в глубокой древности на этом месте был Рождество-Богородичный храм. Церковь эта была начата постройкой на месте древней, на ровной площади, кругом обсаженной садовыми деревьями и окруженной высокими горами, покрытыми лесом...

* * *

И вот, — *сказывал мне отец мой, священно-игумен Мануил (так продолжает описатель жития его)*, — когда затем было сие восстановление Церковщины и построение в ней храма, то владыка Димитрий стал подыскивать себе нужного человека, которому он мог бы доверить его продолжение. Сам он мне, убогому Мануилу, сказывал, что спрашивал о нужном ему человеке всех известных ему игуменов, иеромонахов и даже послушни-

---

* Верхний поперечник холма имеет 15 саженей ширины; в окружности же, при основании, холм имеет 175 саж., а окружность верхней части холма равна 45 саженям.

ков, не знают ли они такого иеромонаха, который бы задуманное им дело мог довести до конца. И указали тогда ему на меня, грешного. До четырех раз приступал владыка к старцу Ионе, прося его отпустить меня в Церковщину для устройства в ней общежительного скита, но старец все никак на это не соглашался, считая меня необходимым для своей обители. Наконец, на четвертый раз, когда приехал к нему с тою же настоятельной просьбой преосвященный, старец Иона согласился отпустить меня и благословил на этот подвиг. Горько заплакал я, когда он благословлял меня, и я говорил ему:

— Куда вы меня посылаете, батюшка? Я здесь прожил 28 лет и желал бы и кости свои здесь сложить.

Старец оградил себя трижды крестным знаменем, вздохнул и ответил:

— Я тебя, батюшка, не забуду ни в сей жизни, ни в будущем веке.

Произошло это в первой половине 1901-го года, а 9-го января 1902-го года старец Иона скончался.

После погребения его, пред поминальным обедом было прочитано духовное завещание старца, и в нем было упомянуто и обо мне в следующих выражениях: «О. Мануил, мной испытанный и проверенный, вполне может защищать монастырские права, а поэтому он должен быть соборным старцем».

При чтении этого духовного завещания присутствовал и преосвященный Димитрий. Это его еще более утвердило в мысли об официальном со стороны высшей духовной власти переводе меня в Церковщину, что и состоялось по указу Киевской Духовной Консистории от 10-го апреля 1902-го года.

Глава XVIII

Пещеры в Церковщине. Перевод епископа Димитрия.
Храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Самой большой достопримечательностью Церковщины являются древние пещеры — место великопостных подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Феодосия, Киево-Печерского чудотворца. Я по назначению своему в Церковщину застал их приблизительно в том виде, в каком они некогда были описаны протоиереем о. И. Троицким в брошюре его «Скит Пречистыя»*.

«В первый раз, — так пишет о. И. Троицкий, — я осматривал пещеры в Церковщине 19-го августа 1901 года, т.е. в самом начале благоустройства Скита Пречистыя.

---

* Прот. И. Троицкий. «Скит Пречистыя» у пещеры Преп. Феодосия Печерского в «Церковщине». Киев, 1913.

Проводник подвел меня к южному входу в пещеры, имеющему вид входа в подгорный погреб с наружным деревянным навесом. Зажгли мы восковые свечи и, перекрестившись, двинулись по подземному жилищу пещерных отшельников как бы по подземному коридору шириной около полутора аршин, а высотой в сажень. Песчано-глинистые стены и своды по местам осыпались, и комья земли лежали на нашем пути. Двигаясь медленно, при мерцающем свете восковых свечей, приблизились мы к тому месту, где по обе стороны хода увидели небольшие три келлии. Каждая келлия не более 2-х аршин ширины и 3-х длины. В каждой келлии у стены — лежанка (земляное ложе). Здесь пещерный ход разделяется. В месте разделения хода на два особые находится более обширное помещение (несомненно — церковь), в которой при выемке земли у восточной стены оставлен столб-материк. Столб этот на высоте $1\frac{3}{4}$ аршина от основания, разрезом накрест, разделен на 4 столба, образуя, таким образом, престол с киворием³³. На левой стороне церкви выделана в стенке ниша в том месте, где устроится жертвенник. Церковь эта имела большое сходство с Лаврскими пещерными церквами, да и сами пещеры, кстати сказать, напоминали Лаврские, только в более первоначальном виде.

Осыпавшаяся земля не позволила нам пойти по пещерам далее, и пришлось обратно возвратиться тем же путем. При выходе из пещеры проводник указал нам вход в виде ямы в нижний ряд пещер, но спускаться туда было небезопасно».

Вот за эти-то пещеры мне, убогому и немощному монаху, и пришлось приняться и с приведения их в порядок начать благоустройство Церковщины. Храм, начатый постройкой преосвященным Димитрием в 1900-м году, уже был почти готов к освящению, построен был при нем, в нескольких сажнях от храма и дом на восемь человек братии общежития, пришедших со мной. Пещеры надо было расчистить и укрепить, чтобы они были доступны для посещения паломников. Этим, главным образом, я и занялся в сотрудничестве с братией, которых вместе с двумя сторожами было всего-навсего 10 человек.

При первых расчистках пещер в них было найдено множество человеческих костей, более 50-ти человеческих черепов и один неистлевший палец. В одном уголке пещеры тогда же был найден целый скелет человека в сидячем положении. Впоследствии же, при раскопках, мы нашли также цельный костяк человека в стоячем положении, а пред ним подсвечник, у ног — остатки кожаного переплета истлевшей, очевидно, богослужебной книги. Положение костей в пещерах подтвердило, что в пещерах нашли себе вечный покой засыпанные в них землею

во время разорения Церковщины татарами. Но обнаружившееся после расчистки первоначальное устройство пещер показало также, что в них были устроены, по восточному образцу, и братские усыпальницы. Таких усыпальниц было найдено свыше 20-ти. Человеческие кости и черепа, обнажившиеся при расчистке пещер, мы собрали в усыпальницу (кости положены во гроб, а черепа поставлены в стенах ниш пещер).

Открыты были в пещерах и отшельнические кельи, числом 8, имеющие в длину около 3-х аршин, а в ширину около 2-х аршин. В кельях найдены малые земляные лежанки, сделанные, очевидно, для отдыха, а в переднем углу выступы для моления.

В усыпальницах и иноческих кельях мы нашли хорошо сохранившиеся иноческие одежды и другие вещи Афонского образца: параманцы³⁴, аналавы³⁵, сандалии³⁶, [...образы] Успения Божией Матери и других святых ликов, толстые огарки старинных восковых свечей, крест-складень, напрестольный крест, подвижнические вериги и др. предметы.

Возобновил я и древнюю пещерную церковь (впоследствии, 21-го августа 1905 года она была освящена преосвященным Платоном³⁷ в честь Преподобного Феодосия Печерского). Много пришлось трудиться, а что — скорбей перенести за то время, того и не перечислить!..

С великим смущением и тревогой переходил я в Церковщину, зная хорошо, что много мне потребуется положить на нее подвига душевного и телесного, но я принял это назначение с преданностью воле Божией, за святое послушание. С полной верою, что без воли Божией не спадет с головы человека и волос один, я принялся за новое дело, не без упования, однако, на помощь и содействие преосвященного Димитрия, который меня уверял в том, говоря:

— Да не смущается сердце ваше: я вас беру под свое крыло, Церковщины я никогда не оставлю.

Не прошло и месяца со дня моего перехода в Церковщину, как во второй половине мая 1902 года преосвященного Димитрия перевели на самостоятельную кафедру в Тамбов, а на его место настоятелем Киево-Братского монастыря назначен был епископ Платон. Таким образом, непосредственное попечение о Церковщине епископа Димитрия прекратилось, а [игумен и брат]ия Братского монастыря оказались к судьбе ее совершенно равнодушны. И скит, и я очутились в крайне печальном, можно сказать, критическом положении, потому что выдача муки и прочих продуктов с Братского монастыря прекратилась, и я остался представленным собственной участи, подобно рыбе, выброшенной на берег далеко от родной стихии.

Единственной отрадой в то тяжелое для меня время было окончание постройки нашего храма в честь Рождества Пресвятыя Богородицы и освящение его 11-го июня 1902 года. Великая это была для меня радость и знамение милости Божией к восстанавливаемому святому месту, которому я призван был служить в мерах сил своих и разумения.

Для нашего общежития храм вышел довольно обширным. Построен он в форме базилики³⁸ с двумя боковыми пристройками к закругленной части, расположенными на юг и на север (ризница³⁹ и пономарня⁴⁰). Храм украшен тремя главами по длине корабля и увенчан блистающими крестами, покрытыми алюминием. Выстроен он из крепкого дуба, обмурован кирпичом; иконостас резной, золоченый, изящной работы, пол из дубовых досок. Большие окна дают много света. Притвор⁴¹ с колокольней в три яруса; из них средний предназначен для хранения церковного имущества, а в верхнем повешены колокола.

Впоследствии, 8 лет спустя, стены и потолок храма были расписаны священными изображениями и орнаментами на средства, пожертвованные монахиней Казанского монастыря Тверской епархии, М[атерью] Евстафией.

Храм этот был мне светом очей моих в то многоскорбное время и в явное подтверждение слов Господа и Бога моего, изрекшего Божественными устами Своими через пророка Исаию: «Забудет ли жена исчадие утробы своея? Но аще и жена забудет, то Аз не забуду тебе»*.

Глава XIX

Скорби и искушение. Неожиданная помощь. Поездка к епископу Черниговскому, к епископу Димитрию, к о. Иоанну Кронштадтскому, к о. Варнаве Гефсиманского Скита.

В то время лошадей в Церковщине не было, поэтому мне часто приходилось ходить в Киев пешком. От Церковщины же до Демиевки 12 верст. Сходишь, купишь там на кое-какие гроши, что нужно для насущной потребности, взвалишь все на «бендюжного» извозчика, а сам опять рядом с ним пешком отмериваешь версты от Киева до Церковщины. А покупать на первых порах приходилось все, что называется, «от ложки и до плошки»: и хлеб насущный, и лемех, и иголку, и нитки, и рубахи... И неоднократно приходилось голодать нам с братией по целым суткам.

---

* Ис. 49, 15.

— Бедная душа моя! — говорил я иногда себе, — что мне делать? Бежать ли, или же переживать все это с терпением?..

И был я тогда близок к бегству. Но Господь Бог и Его Пречистая Мать не оставили меня: в этом крайне затруднительном и тяжелом положении я совершенно неожиданно от неизвестного лица получил для скита со станции железной дороги 75 пудов ржаной муки да с Житного базара из Киева 25 пудов.

Эта неожиданная и очевидная помощь Божия очень подкрепила тогда уже совсем было упавший дух мой.

Тем не менее, искушение оставить Церковщину все еще не покидало меня.

Узнав о крайне тяжелом и, казалось, совсем безвыходном моем положении, преосвященный Антоний, епископ Черниговский⁴², прислал за мною своего эконома. А с владыкою я был знаком давно, когда он, еще будучи студентом Академии, проживал в Свято-Троицком монастыре старца Ионы. Преосвященный Антоний предлагал мне перейти в Чернигов и устраивать скит на месте, где ископал пещеры Преподобный Антоний Печерский во время своего изгнания из Киева.

Когда приехал ко мне о. эконом и я узнал цель его приезда, то рассудил прежде, чем решиться на принятие предложения епископа Антония, съездить в Тамбов к преосвященному Димитрию и объяснить ему всю безвыходность того положения, в которое он меня поставил, изводя из Свято-Троицкого монастыря и не дав никаких средств к существованию затеянному им делу.

Да простиат Господь, Мать Божия и преподобный Феодосий немощь моей веры!.. Очень уж тяжело мне тогда было! Не говоря уже о материальных недостатках, вернее сказать — о полной нищете устрояемого скита, достаточно указать на следующий случай из жизни моей того времени, чтобы дать понятие о том, что приходилось мне переносить, как непосильное для меня бремя:

По освящении храма в Церковщине не было ни одного певчего. Я обратился в Киево-Братский монастырь, которому принадлежала Церковщина, с просьбой дать мне на первое время какого-нибудь певчего. Монастырь отказал, ссылаясь на то, что у него самого нет певчих. И пришлось мне в силу необходимости принять певчего алкоголика. Это был замечательный бас, прошедший все московские монастыри и нигде не удержавшийся из-за несчастной слабости. И вот, 5-го января 1903 года, в самый сочельник Богоявления Господня, напился этот мой певчий пьян вдребезги и перед самой вечерней упал у врат монастырских в безчувственном состоянии. Пришли ко мне крестьяне и сообщили об

этом для того, чтобы я распорядился убрать пьяного. А убрать было некому: всей братии тогда было 10 человек, и все они были [разными послушаниями заняты. Пришлось позвать]* крестьян, и они пьяного певчего, как мертвого, втащили в гостиницу... (За этот год мы при всей своей скудости успели устроить небольшое помещение под гостиницу...) Наступило время вечерни, и пришлось мне одному служить ее и за иерея, и за певчего. Вышел я на воду и с трудом начал читать паремии. Прочитал первую и вторую благополучно, но при чтении третьей так разволновался, что горько заплакал. Заплакали, глядя на меня, и собравшиеся богомольцы, особенно женщины. А собралось в новый монастырь послушать пение и Богослужение народу полна церковь. И пришлось мне чего словами не дочитать, то слезами докончить и тем завершить освящение воды.

По милости Божией, на народ такое Богослужение произвело умиленное впечатление, и он с радостью и как бы даже в духовном восторге стал разбирать воду, освященную благодатию Духа Святаго и слезами. Но мне-то каково было?!

По дороге в Тамбов я заехал в Чернигов к преосвященному Антонию. Владыка был мне очень рад и встретил меня словами:

— Вас Сама Матерь Божия прислала ко мне!

— Ваше преосвященство, — ответил я на его приветствие, — я приехал к вам за советом, а не на жительство, зная ваше архипастырское незаслуженное ко мне расположение. Меня старец Иона благословил на подвиг в Церковщину восстановить древнюю, запустелую обитель, и я считаю долгом своей совести довести дело сие до конца. Но меня постигли такие испытания и так взволнована душа моя, что требуется совет, и его-то я и прошу у вашего преосвященства.

Тут я изложил все дело владыке и спросил:

— Как же благословите мне теперь поступить: ехать ли к преосвященному Димитрию в Тамбов, или же переходить к вам?

Владыка выслушал меня, подумал, внутренне, мнится мне, помолился и ответил:

— Конечно, прежде вам надо побывать у преосвященного Димитрия, а затем приезжайте ко мне!

Прощаясь со мной, преосвященный дал мне на дорогу 12 рублей и велел отвезти на станцию железной дороги на лошадях архиерейского дома.

---

* Утраченный текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

Тем мое путешествие в Чернигов и окончилось. Для преосвященного Димитрия приезд мой в Тамбов явился со[вершенно] неожиданностью...]* Изложил я ему тут все свои скорби и недоумения, сообщил и о том, что зван в Чернигов владыкой Антонием. Выслушав меня, преосвященный ни под каким видом не согласился на переход мой в Чернигов и посоветовал, в крайности, перейти к нему в Тамбов вместе с братией, обещая настоятельство. Напутствовал же он меня, прощаясь, такими словами:

— Поезжайте обратно в Церковщину и живите там. Церковщины я никогда не оставляю.

На прощанье владыка дал мне 100 рублей и преподал свое архипастырское благословение. С тем я и отъехал.

Но такой ответ преосвященного Димитрия меня не успокоил и не удовлетворил, и я из Тамбова приехал прямо в Петроград к о. Иоанну Кронштадтскому.

Великого пастыря я встретил в Петрограде в алтаре церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг. Объяснив вкратце свое положение, я получил от него такой ответ:

— Боже вас спаси! Бросать Церковщины не советую. Нужно терпеливо все переносить, и Господь все вам устроит.

При этом о. Иоанн добавил:

— Об этом подробно я поговорю с вами завтра. Приезжайте ко мне в Кронштадт.

Я повиновался и, по слову батюшки, рано утром на следующий день приехал в Кронштадт. Это было 19-го октября 1903 года, день Ангела о. Иоанна, и я, к великой для меня радости и изумлению, угодил к такому торжеству, какого ни раньше, ни после мне не приходилось видеть. Мне пришлось участвовать в Богослужении, которое совершалось 33 священнослужителя, а после Литургии — в обеде, за которым обедало более 3-х тысяч душ обоюбого пола.

Поговорить, однако, подробно обо всем с о. Иоанном мне из-за необычайной суеты и спешного его отъезда в Петроград не удалось, и я, приняв его благословение, отправился в Москву, а оттуда в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры к другому великому старцу, известному своей великой жизнью и прозорливостью, иеромонаху Варнаве⁴³. С отцом Варнавою мне удалось обо всем подробно побеседовать и посоветоваться, и он тоже не благословил меня бросать Церковщину, а велел терпеливо переживать нужду.

---

* Утраченный текст восстановлен предположительно. — Сост.

— Господь, — сказал мне старец, — все устроит.

В благословение старец Варнава дал мне икону Спасителя, дал и денег, и я от него, окрыленный духом, поехал обратно в назначенную мне Богом Церковщину, как на святое и несменяемое послушание.

Икона, данная мне о. Варнавою в благословение, в настоящее время хранится в алтаре Скитского храма.

Глава XX

Возвращение в Церковщину. Видение о. Ионы. Николай Васильевич и Анастасия Никифоровна Бочаровы. Мои сновидения о них. Новая помощь.

Когда я возвратился в Церковщину, то нашел на всех кладовых и сундуках наложенными монастырские печати: правление Братского монастыря в мое отсутствие порешило, что я в Церковщину более не возвращусь, а потому и братии оставаться в ней не для чего. В невыразимой печали братия собралась уходить, да и сам я смалодушничал было и стал увязывать корзины и собираться в Чернигов. Горько плакал я тогда, прощаясь мысленно с местом, с которым уже успела сродниться моя душа. И вот, как-то раз в 12-м часу ночи читал я у себя в келии правило ко святому Причащению, готовясь наутро причащаться Святых Христовых Тайн. Вдруг слышу за дверью кто-то как будто козлиным голосом начинает молитву:

«Молитвами святых отец... — но словами — Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас», — не кончает.

Открывая двери, я говорю: «Кто там?» — но за дверями никого не было.

Тогда я возвратился в келию, где у изголовья слышу собачий лай «гау», «гау». Сильно усталый, я, не обращая внимания, лег в постель и уснул. Во сне явился мне тот же дух злобы и говорит:

— Ты питаешь алчущих, напоишь жаждущих, прославишься между людьми, но вечного блаженства не достигнешь, — на что я, не оробев, ответил:

— Зато ты достигнешь...

После этого чудовище заворчал и, замотав головой, исчезло, а я проснулся. Ставши на молитву, в слезах я просил Господа об избавлении меня от пережитых ужасов и напастей и во время молитвы услышал голос: «Я тебя избрал — не бойся», — отчего сердце мое исполнилось неизреченного мира и радости о Духе Святе.

И вот, в скорби сердечной уснул я тонким сном. Во сне явился мне старец мой о. Иона и спрашивает:

— Отчего ты так горько плачешь?

— Как же, — говорю, — мне не плакать, батюшка, когда в Церковщине жить невозможно?

— А ты, — говорит старец, — не бросай Церковщины: я тебе помогу; я для тебя приготовил шестьдесят тысяч, но ты получишь пока три тысячи, потому что меня безсовестный Мельхиседек обобрал до гроша*, — при этих словах старец горько заплакал.

Когда я проснулся, то всякая мысль об уходе из Церковщины меня оставила, и я решил все терпеть до конца, а не покидать своего послушания.

Вскоре сновидению моему суждено было осуществиться на самом деле.

Когда я жил еще в Свято-Троицком монастыре — было это в 1889-м году, — я познакомился с курским купцом Николаем Васильевичем Бочаровым, одним из крупнейших благотворителей Свято-Троицкого монастыря. Бочаров часто посещал монастырь и старца Иону, к которому относился с истинно сыновнею любовью и великим почтением. Приехал он как-то в августе 1889-го года и пожелал соорудить к особо чтимым иконам Божией Матери «Троеручицы» и «Взыскания Погибших» бархатные пелены. Старец Иона послал меня в помощь Бочарову за покупкой бархата. Когда мы съездили с ним в город и вернулись обратно в монастырь, то Николай Васильевич, которому я почему-то полюбился, пригласил меня к себе на чай. Завелась у нас с ним беседа, да такая задушевная, что у обоих растворилось сердце великой любовью друг к другу. Поведал я ему за беседой всю сиротскую жизнь свою, все ее минувшие скорби, страдания ее и злоключения, поделился с ним всем, чем богата была жизнь моя, паче же милостями Великого Бога моего и Спаса Иисуса Христа, не оставлявшего меня в самые тяжелые минуты моей жизни.

Смотрю: плачет мой Николай Васильевич.

— О чем, — спрашиваю я, — вы так плачете, Николай Васильевич?

— Как же, — отвечает, — мне не плакать? Всего у меня довольно, но кому достанется все это богатство, не знаю: детишек у меня нету.

Я стал утешать его, чем мог. И сорвись тут с моего языка от полноты преисполнившей мое сердце жалости такое слово:

— Не горюйте, дорогой Николай Васильевич! Истинно сыновней любовью полюбил я вас: смотрите на меня, как на родного вашего сына. Нет у меня ни матери, ни отца, и буду я молиться за вас и любить, как сын отца своего родного.

---

* Заместитель по настоятельству в Троицком монастыре почившего [старца Ионы].

Дошло слово это до сердца нового моего друга. Обнял он меня, поцеловал несколько раз, и с той поры стал мне Николай Васильевич истинно, как родной отец. В 1900-м году он скончался. В течение же 11 лет нашей дружбы он был моим постоянным щедрым благотворителем и другом, не оставлявшим своим попечением и помощью ни одной моей нужды, которой у всякого монаха, живущего в общежитии, если только оно не Лавра, бывает предовольно, а у старца Ионы — в особенности. Старец Иона сам был такого духа, что не принадлежал уже ни к чему земному; того же требовал он и от братии. Но мы, в числе их и я, далеко еще были от духовного совершенства нашего великого аввы и часто скорбели от всяких недостатков. И вот, все эти недостатки, бывало, щедро и пополняла неоскудевающая в благодеяниях рука Николая Васильевича. Первый мой по рукоположении иерейский крест был даром того же незабвенного моего друга. Царство ему Небесное!

Очень скорбел я по кончине моего друга и благодетеля. Жена покойного Анастасия Никифоровна, зная, какую любовь ко мне питал ее муж, прислала мне по смерти его всю его одежду. Часть ее я переделал на свою потребу, а часть раздал кое-кому из своих монахов, прося молитв о упокоении раба Божия Николая.

Прошел год после смерти Николая Васильевича. Явился он мне во сне: вид его был измученный, худой — еле узнать можно.

— Где это вы были, ^а — спрашиваю, — что такой худой?

— В больнице.

— Неужели ж вас там ничем не кормили?

— Кормили, — говорит, — железными палками.

При этом он обнажил плечи свои, а на плечах, смотрю, следы от палочных ударов. И стал тут Николай Васильевич благодарить меня, что я помог ему вылечиться.

Я понял, что это он благодарит за молитвы по нем как по усопшем. С этим я и проснулся.

И вот, прошло с той ночи еще побольше года. Вскоре после того, как привиделся мне старец мой Иона, обещавший мне три тысячи рублей в помощь, вижу я во сне: сидит будто бы мой Николай Васильевич [...в] кресле. Надета на нем белая, шелкового атласа одежда и по атласу чудные розы, распространявшие от себя дивное благоухание. На лице Николая Васильевича играла приветливая и радостная улыбка. Возле него стояла и жена его Анастасия Никифоровна и тоже в белом атласном одеянии, но по нем не розы были, как у Николая Васильевича, а темные пятна. Я спросил Анастасию Никифоровну:

- Откуда вы себе такую чудную одежду взяли?
— От своих, — отвечает, — трудов прикупила.
— Как бы, — говорю, — и мне прикупить такую же?
— За чем же, — отвечает, — дело стало? Время еще не ушло: можно прикупить.

Смотрю, вслед за этими ее словами Николай Васильевич схватился с места, быстро пошел в свой кабинет, вытащил оттуда большой саквояж, весь насыпанный деньгами.

— Держи, — говорит он мне, — дружок мой и отец!

Я подставил полу своей одежды, и в нее Николай Васильевич всыпал мне две части бывших в саквояже денег со словами:

— Вот тебе, отец, на одежду!

Остальную, третью часть денег, он отдал своей жене.

Деньги были смесь золота, серебра и меди.

Увидел я это множество денег да и говорю Николаю Васильевичу:

— Не мешало бы их посчитать!

А он мне на это:

— Ты, — говорит, — дружок мой, смотри только, чтобы тебя Анастасия Никифоровна не обсчитала.

Я на это сказал, что она не обсчитает, да и я ее никогда не оставлю... Смотрю, между деньгами, откуда ни возьмись, свечные церковные огарки и ладан в бумаге. Стал я их выбирать из денег и передавать в руки Анастасии Никифоровны, а она улыбается мне и их с любовью принимает от меня с рук на руки.

На этом я проснулся.

Вскоре я вновь заснул и вижу, что я нахожусь в доме Анастасии Никифоровны и говорю ей:

— Какой я про вас чудный сон, Анастасия Никифоровна, видел.

И стал ей рассказывать только что бывшее мне сновидение. Она слушает и плачет, плачу и я. Когда я проснулся, то все изголовье мое было омочено слезами.

После этих снов я написал письмо Анастасии Никифоровне. [Ответ от нее прийти]* не замедлил. Пишет: «Дорогой батюшка! По получении моего письма немедленно приезжайте ко мне и получите капитал, завещанный Вам Николаем Васильевичем. Свой родовой капитал он оставил мне и при смерти просил меня употребить его на какое-нибудь благое дело, а, куда именно, не сказал. Я измучилась с ними, не зная, куда их определить, и

---

* Утраченный текст восстановлен предположительно. — Сост.

глубоко верю, что Вам Сам Господь Бог открыл об этом. Прошу, приезжайте немедленно за деньгами».

Я тотчас же по зову ее выехал к ней в Курск. Приехал я в ту пору, когда у нее в доме было много гостей, так что говорить с ней не пришлось. Улучив удобное время, она вышла в кабинет своего мужа и вынесла мне тайком от гостей платок и в нем сверток. По приезде в Церковщину я раскрыл его: в нем оказались деньги.

И было их ровным счетом три тысячи рублей. С тех пор усугубилась моя грешная молитва и молитва братии о супругах Бочаровых: Николае Васильевиче — о упокоении в селении праведных, а супруги его — о здравии и благоденствии.

Так и смешались с их деньгами виденные мною во сне огарки (от молебнов) и ладон (от поминовения за упокой).

Глава XXI

Будущее состояние Церковщины. Видение старца Ионы.

Получивши столь чудесно помощь свыше чрез А. Н. Бочарову по предсказанию и молитвам великого моего старца о. Ионы, я совершенно успокоился духом и ревностно принялся за дело благоустройства Церковщины и ее пещер, свидетелей тайных подвигов преподобного и Богоносного отца нашего Феодосия, Печерского чудотворца. В это время Господь сподобил меня следующего видения:

Вижу я, что стою посреди просторного поля, поросшего низенькой пшеницей вершков так четырех-пяти — и такую редкою, что от колоса до колоса было не менее полутора аршина. И знаю я, что это поле находится в моем заведывании и что мне надо его осмотреть и перейти. Иду я по этому полю и чем дальше иду, тем гуще и выше становится пшеница и колос ее толще. Наконец, я дошел до такого места, где уже стало затруднительно и продвигаться далее из-за густоты выросшей пшеницы... рост¹ ее был, как у кукурузы или камыша, а колос длиною около 8 вершков. Сорвал я один такой колос и стал его тереть в своих руках. Зерно в нем оказалось величиною с боб или крупную фасоль, в руке же моей оно стало увеличиваться и дошло до размеров средней величины огурца. Стал я рассматривать это диковинное зерно, смотрю, а верхняя его оболочка уже лопнула, и из нее стало выходить новое зерно. В моих

---

* Утраченный текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

руках это зерно тоже стало увеличиваться так, что его и удержать было нельзя, и оно осыпалось из рук на землю. Когда же я вышел из этой пшеницы, явился мне старец о. Иона и подал мне святое Евангелие величиною с аршин. Я взял его на свое левое плечо — оно было необыкновенно тяжелое, и с ним пошел вперед, а старец мой — за мною. Путь мне лежал по болотистой местности. Смотрю, недалеко от берега болота, в топком месте, лежит другое Евангелие, и из грязи виднеется только лишь один угол его.

— Пойди, — сказал мне старец Иона, — возьми и это Евангелие.

Повинуясь старческому велению, держа на плече одно Евангелие, я пошел по болоту по колена в грязи и с трудом правой рукой вытащил из грязи и второе Евангелие. И когда я с ним вышел на берег, то услышал старца моего Иону, говорящего мне:

— Слава Богу, что вытащил и другое Евангелие.

На этом окончилось мое видение. Было оно мне в тонком сне, и я проснулся от него, быв как бы в восторге.

И сему видению судил Господь исполниться самым делом на Церковщине, а впоследствии, в 1907-м году, на Св.-Георгиевском скиту, что близ города Умани Киевской епархии, отродившемся от Церковщины, подобно виденному мною во сне зерну, вылупившемуся в моих руках из оболочки пшеничного зерна. О нем речь будет впереди. Что была Церковщина и что стала теперь? Гнездилище змей, место выпаса крестьянского скота, теперь же — за молитвой Преподобного Феодосия и по благословению великого моего старца — приют молитвенного подвига почти двухсот человек братии!.. Недаром, когда, обуреваемый духом уныния, я многократно собирался уходить из Церковщины под тяжестью, казалось, непосильного для меня послушания, являлся мне мой великий старец Иона и всякий раз запрещал мне это делать, говоря:

— Не уходи: я тебе помогу!

Недаром, благословляя меня еще при жизни своей [... он говорил]*: «Я тебя, батюшка, не оставляю ни в сей жизни, ни в будущем веке».

Дивен Бог во Святых Своих, Бог Израилев!..

Глава XXII

Новая помощь Божия скиту Пречистыя.
Явление во сне старца Ионы и обещание денежной помощи.

При новом оскудении средств летом 1904-го года, во время постройки дома, Господь за молитвы Пречистыя Своя Матери явил новое чудо Своей

---

* Утраченный текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

милости. Средства в скиту оскудели, и нечем было закончить постройки дома и оправки пещер. По примеру старца моего о. Ионы, я собрал малое свое духовное стадо в церковь и там вместе с братией усердно помолились Господу Богу и Пречистой Его Матери. Отслужили мы всенощное бдение, а на другой день после Литургии Акафист Б[ожией] Матери и Св[ятителю] Николаю. Насельники скита усердно просили в нужде своей помощи и заступничества Пресвятой Девы Богородицы и Св. Николая. Службы были долгие, и я, придя к себе в келью, от переутомления прилег отдохнуть и уснул. Вдруг меня будят:

— Батюшка, батюшка! — говорят, — проснитесь. У нас чудо: собака в зубах принесла двести рублей, зашитые в пояс.

Надо ли сказать, каково было мое удивление и радость. Нам на первую нужду и этих денег было довольно, чтобы не прекращать начатых работ. С чувством величайшей благодарности Промыслу Божию, повелевающему и животным служить человеку во славу Его Пресвятого Имени, я немедленно собрал в храм всю братию и вместе с нею в присутствии многих посторонних лиц, бывших свидетелями и нашего моления, и совершившегося по нашему прошению чуда, мы отслужили благодарственный молебен. Чудо этого события так подействовало на народ, так как слух о нем распространился чрезвычайно быстро, что мною в течение двух недель было получено с разных мест жертвы более трех тысяч рублей.

Впоследствии оказалось, что у нас в скиту более недели прожил послушник Троице-Сергиевой Лавры. Он часто ходил гулять по лесу, окружающему нашу обитель, и там потерял этот пояс. Наша монастырская собачонка нашла его и принесла к своему логову как раз в тот час, когда мы [...], когда у нас и своих денег собралось уже довольно, послушник этот вернулся в Киев искать свои деньги. Искал он их и в Киево-Печерской Лавре, а затем приехал в Церковщину, где тоже чудом обрел свою пропажу. Получив от меня свой пояс и деньги, он из них тут же пожертвовал на наши нужды в дар Пречистой 50 рублей.

Слух об этом чуде продолжал чрез очевидцев распространяться все шире и шире. Народ щедро жертвовал скиту деньги, и мы на них безбедно достроили корпус, расчистили древние пещеры и привели в надлежащий вид древний пещерный храм в честь Преподобного Феодосия Печерского, который и был освящен 21-го августа 1905-го года.

Часто Господь, по неизреченному милосердию Своему, укреплял немощь мою замечательными сновидениями, предзнаменовавшими мне грядущие судьбы Церковщины. Он же чудесным образом посылал мне и материальную

помощь через добрых людей, как это уже и видно из событий всей предшествующей моей жизни. В видениях же своих чаще всего я посещаем бывал великим моим старцем о. Ионою. Как обещал он, благословляя меня на Церковщину, не забывать и в будущей своей жизни, так и исполнял нерушимо обещание свое святое.

Собранные деньги вскоре на помянутую потребу были израсходованы. Приток новых пожертвований сократился настолько, что когда пришло время освящать пещерный храм, то оказалось, что средства иссякли. Я загоревал и, признаться, немало поплакал. Помолился я и уснул. Во сне является мне старец мой Иона и спрашивает:

— Зачем ты плачешь?

— Как же, батюшка, — отвечаю я, — мне не плакать? — Не на что освятить храм в честь Преподобного.

— Я тебе помогу, — говорит старец.

С этими словами он надел на себя епитрахиль и ризу и говорит мне:

— Пойдем храм освящать!

— Батюшка, — возражаю я ему, — да в храме-то еще и иконостаса нет.

Старец подумал и, немного помолчав, сказал:

— Тебе на это дело одна женщина поможет.

Когда я проснулся, то почувствовал себя охваченным какою-то особою радостью.

По некотором времени приходит ко мне из Киева одна раба Божия по имени Мария Ивановна Осипова, вручает мне восемьсот рублей и говорит:

— Простите меня, батюшка, что даю вам не полную тысячу.

А я ей на это отвечаю:

— А я вас с нетерпением ожидаю по предсказанию мне об этом во сне старца Ионы. Скажите же, — говорю, — какая причина заставила вас принести именно нам такую жертву, которая так нужна нашей обители в данное время.

— Я, батюшка, — ответила она, — великая грешница. Мне уже 65 лет, а я еще и доселе нигде не записала себя на поминание. Часто я об этом тосковала. И задумала я себя записать, куда придется, куда Господь укажет. Деньги-то, что я вам принесла, у меня не последние. И вот, раз во сне вижу я чудный новый дом. Я спрашиваю провожатого моего: чей это дом? «Это, — говорит, — твой». — «Кто ж мне его выстроил?» — «В Церковщине, — отвечает, — тебе монахи выстроили». После этого я пробудилась в великой радости, но об Церковщине и что такое Церковщина узнала только теперь, а ранее и понятия о ней не имела, и ни от кого о ней ничего не слыхала.

Впоследствии эта жертвовательница добавила еще 100 рублей да на 400 рублей купила колоколов для пещерной церкви. Они у нас теперь находятся на пещерной звоннице.

Спустя шесть дней после этого события, в Киево-Никольском монастыре⁴⁴ сильно захворал игумен о. Дамиан. В болезни своей он начал думать, куда бы ему определить свой капитал, находившийся у него в тысячерублевой государственной ренте. И вот, представились ему во сне какие-то древние пещеры в разоренном виде; в пещерах этих идет расчистка, но еще не окончена, начата живопись, но недописана.

Когда о. Дамиан проснулся, то был в недоумении, что бы означало это видение. Рассказал он свой сон монаху о. Феофилакту, тот ему и объяснил, что подобные пещеры находятся в Церковщине, куда о. Иона послал о. Мануила, а он над ними трудится уже три года, старается оправить, да денег не хватает. И церковь уже у него опрaвлена, а освятить не на что. Так это повлияло на о. Дамиана, что он тут же свою ренту передал о. Феофилакту для передачи мне и при этом сказал:

— Господи! Как же я рад, что Ты открыл мне, куда определить мне мои деньги.

Чудо это совершилось в первых числах августа. О. игумен Дамиан через пять дней после того оправился от своей болезни, приехал в Церковщину и был поражен тем, что виденные им во сне пещеры оказались точь-в-точь теми самыми, что он увидел по приезду своем в Церковщине. Это так подействовало на о. игумена, что он все время только и делал, что крестился и восклицал:

— Господи, да как же я рад-то, что Господь открыл мне сие. Теперь-то уж я уверен, что меня будут здесь поминать по смерти.

21-го августа 1905-го года пещерный храм в честь Преподобного Феодосия Печерского был уже освящен чудом помощи великого моего старца о. Ионы и добрых людей.

Кто Бог велий, яко Бог наш?!

Глава XXIII

Мысль о построении в скиту второго храма. Новое чудо милости и помощи Божией.

Православный народ, узнав об открытии в Церковщине древних пещер, во множестве потянулся к нам в обитель, так что в главной нашей церкви Рождества Богородицы стало причащаться Святых Таин по пятьсот и больше богомольцев, а храм наш может вместить только около трехсот человек.

Пещерный же храм так мал, что и вовсе сколько-нибудь многочисленного народа вместить не может. Это обстоятельство понудило меня заложить пред входом в пещеры новую церковь, на что явлена была воля Божия и молитвенное дерзновение пред Богом павших от татарского меча и почивающих здесь в костях мучеников.

В то время по случаю с торгов было куплено 150 тысяч кирпича по 9 рублей за тысячу. Одна госпожа на эту покупку пожертвовала тысячу рублей да свой о. казначей дал 700 рублей. Кирпич был заготовлен, разрешение от Митрополита выхлопотано, и план церкви был составлен, а заложить храм было не на что. А тут настоятель Киево-Братского монастыря, к которому приписана Церковщина, преосвященный Платон, получил назначение в Америку и, собираясь отъезжать туда, хотел, чтобы храм сей был заложен при нем, до его отъезда.

В это самое время в Церковщину приехали из Петрограда две довольно зажиточные старушки: Екатерина Гаврииловна Соболева и Анна Николаевна Касаткина. Зная их отзывчивость и христианское усердие, я им рассказал о своем безвыходном положении. Одна из них, Соболева, и задумала было мне помочь, да в то же время в ее душу закралось и смущение, так как на это дело надо было выложить не менее 700 рублей. И вот, во время этой душевной борьбы, в первую же ночь, проведенную ею в Церковщине, является ей во сне множество монахов и послушников, все кланяются ей в ноги и в один голос вопиют:

— Помогите, помогите, помогите!

Бедная старушка проснулась и так перепугалась, что всем телом дрожала от страха. Поняв сердцем, что это ей из загробного мира явились мученики, ожидающие молитв за них в предпещерном храме, старушка вскочила с постели и, как была, не успев даже и умыться, захватила с собой 1500 рублей и в душевном волнении и со слезами на глазах прибежала ко мне и, положив деньги на стол, начала класть земные поклоны, говоря сквозь слезы:

— Приими, Господи, жертву сию от рабы Твоея!..

И тут же рассказала мне, какое ей было во сне видение.

— А я-то, — приговаривала она со слезами, — окаянная-то грешница, вчера пожалела было жертвовать. Уж, батюшка, ты мой дорогой, не откажись только принять от меня эту жертву. С такою радостью я жертвую, что и выразить вам не могу.

Все это так подействовало на ее спутницу-товарку Анну Николаевну Касаткину, что и она мне тут же принесла полторы тысячи рублей.

Таково было над нашей нуждой новое чудо милости Божией.

Так как новый, предположенный к постройке храм должен был быть по плану двухэтажный с тремя престолами: в честь Святителю Николая

(нижний), в честь Преподобного Серафима Саровского и в честь преподобного Антония Печерского (верхний), то я собрал братию скита и соборно отслужил благодарственный молебен Господу Богу, Богоматери, акафист Святителю Николаю с припевами преподобным Антонию и Феодосию Печерским и Серафиму Саровскому чудотворцу.

По окончании молебна о Мануил обратился к братии со следующими словами: Отцы и братия! Мы в настоящее время вознесли свои убогие молитвы ко Всемиловитому Господу Богу и Его Пречистой Матери, а также и угодникам Божиим: Св. Николаю и преподобным и богоносным отцам нашим Антонию и Феодосию Печерским и Серафиму Саровскому за те блага, которые они неожиданно послали нам чрез Екатерину Гавриловну и Анну Николаевну, тут же стоящих. Это столь неожиданное над нами милосердие Божие совершилось по молитвам павших здесь мучеников от меча татарского. Явившиеся Екатерине Гавриловне в великом множестве, по ее объяснению, монахи и послушники — все в один голос кричали: помогите, помогите! Из этого ясно видно, что мученики жаждут восстановления Церковщины для неусыпного славословия Божия. Мы же, братия, постараемся пролить пот и приложить свой труд к труду над врученным нам от Господа Бога делом; за что, без сомнения, недалеко будем от мучеников, павших здесь. Нужно, братие, помнить то, что это место освящено подвигами преподобного и Богоносного Отца нашего Феодосия, который и состоит нам и всем здесь почивающим духовным отцом по делу: он начал, а нам пришлось кончать, по слову Спасителя Мира: «ин есть сеяй и ин есть жняй» (Иоан. 4 гл., ст. 38). Мы же в жатву его вступили. Который и скажет св. Феодосий о нас Господу Богу на втором пришествии: «се аз и дети, яже ми даде Бог». — А потому своя работа по обители прекращается, пожалуйста на расчистку места для храма Божия! Эти благотворительницы дают нам руку помощи: я же надеюсь на вашу любовь и послушание; дело не ждет, нужно расчистить гору.

Радости не было конца; вся братия плакала навзрыд и долго не могла успокоиться. Успокоив плачущих иноков, о. Мануил отправился с ними на место для расчистки горы под храм, где благословил братию на труд. Это было 5-го июля 1907 года.

Глава XXIV

Закладка храма при пещерах. Помощь Божия по молитве Святителю Николаю.
Чудесное пожертвование по внушению Преподобного Серафима Саровского.

Благословив братию на труд, я поехал к преосвященному Платону. Рассказал ему все происшедшее и просил его назначить день закладки храма.

Владыка очень был обрадован моим сообщением и назначил днем закладки 17-е июля, так как 20-го июля ему уже предстоял отъезд в Америку.

Оставалось, стало быть, всего десять дней. Надо было торопиться. В течение этих десяти дней руками братии — помяни, Господи, труды ея! — было вынута более ста кубических сажен горы, прокопаны канавы под фундамент, и к 17-му июля 1907 года заложен был и самый фундамент.

Сам владыка митрополит Киевский Флавиан⁴⁵ пожелал совершить закладку храма, а с ним приняло в этом участие: четыре архиерея, четыре архимандрита, а иеромонахов столько, что и не упомню. На торжество пожаловали и профессора Академии, а народу было такое множество, что только одних киевских было более трех тысяч человек. Всем был предложен от обители бесплатный чай и обед. Радость и подъем духа у всех присутствовавших на торжестве были огромные. В тот же день новой жертвы на создаваемый храм собралось более тысячи рублей.

В том же 1907 году, исключительно трудом братии фундамент был закончен и выведены две стены первого этажа храма, но за недостатком средств дальнейшие работы были приостановлены.

В строящемся храме мы соорудили временную часовню и в ней поставили большую медную чашу с крестом. В эту чашу самонапором струится вода, подаваемая из горных источников. Воду эту мы ежедневно летом, после ранней обедни, освящаем, и в народе она почитается целебной.

В 1908 году Господу Богу и Его Пречистой Матери благоугодно было, по молитвам Святителя Николая, явить Церковщине новое чудо.

На постройку храма было приготовлено в долг 15 тысяч кирпича, постройку же вести средств совершенно не было. По примеру великого моего старца Ионы, я обратился за помощью к Святителю Николаю. В будний день отслужил соборне всенощное бдение, а на другой день после Божественной Литургии двинулся крестным ходом к источнику, к месту заложенного в честь Святителя Николая храма при входе в пещеры. Здесь был отслужен соборне акафист Святителю Николаю и прочитаны с коленапреклонением все три молитвы Святителю.

Через день я получил письмо из Ораниенбаума от одной знакомой мне старушки. Пишет: «Дорогой батюшка! Приезжай скорее. Я умираю... Получишь 5 тысяч рублей».

За год до письма старушка эта была в Церковщине и обещала оказать помощь в постройке храма. По приезде из скита домой старушка о своем обещании позабыла. Накануне того дня, когда у нас в Церковщине совершалось всенощное бдение в честь Святителя Николая старушка так

заболела, [...] ее к смерти. Тогда же она вспомнила о своем обете и тотчас написала мне письмо, вызывая в Ораниенбаум.

С трудом выхлопотал я себе отпуск и поехал на зов старушки.

Старушку я застал в живых, но уже слабой. Она очень обрадовалась моему приезду, приказала прислуге удалиться из комнаты под предлогом исповеди и вручила мне ренту в 5 тысяч рублей.

— Спаси вас, Господи, — говорила она мне, — что вы приехали. Я так этому рада. Теперь спокойно умру, зная, что вы будете поминать меня в молитвах. Я дала своему наследнику — племяннику — тысячу рублей, а он их пропил. Оставляю ему эти пять тысяч, он и те пропьет, а помянуть меня будет некому.

К этим 5 тысячам жертвовальница прибавила мне еще сто рублей на дорогу.

Вскоре по отъезде моем старушка скончалась, успев пред кончиной своей распорядиться по завещанию отказать Церковщине все свои вещи в двух сундуках пудов в десять весом.

Ренту я продал за 4500 рублей, и на эти деньги был выстроен по плану весь первый этаж храма при пещерах, были установлены четыре железобетонные колонны и зацементирован потолок.

Но дальнейшие постройки приостановились по случаю Уманского дела: настало время вытаскивать мне из болота, по виденному мною во сне благословению старца Ионы, второе Евангелие, пришел час воли Божией создать новый скит во славу Божию и в честь Святого Великомученика Георгия Победоносца, что близ города Умани в Киевской епархии. Об этом речь будет ниже, а пока поведаю еще о чуде Преподобного Серафима Саровского Чудотворца, находящемся в связи с построением предпещерного храма.

Храм этот, как я уже говорил, был заложен в честь Святителя Николая с двумя приделами. Так как наш пещерный храм был освящен в честь Преподобного Феодосия Печерского, то один из приделов новостроящегося храма мною было предназначено освятить в честь Преподобного Антония Печерского. Относительно же того, кому посвятить второй придел, я колебался и не мог сразу порешить. И вот, в одну из ночей августа 1907 года, является мне во сне Преподобный Серафим Саровский, вручает 350 рублей [и говорит:]*

— Это тебе на постройку храма!

С этим я проснулся. Сердце мое было преисполнено великой радости.

В тот же день, по окончании Литургии, был отслужен молебен Преподобному Серафиму.

---

* Чтение предположительное. — Сост.

Не успел я вернуться из храма к себе в келью и выпить стакана чаю, как жалуется, смотрю, ко мне иеромонах Выдубецкого монастыря о. Петр и вручает мне на постройку храма ровным счетом 350 рублей*. Это было явным для меня указанием свыше на то, что второй придел должен быть освящен великому Божьему Угоднику и Чудотворцу, Преподобному Серафиму, тем более еще и потому, что мой старец Иона, благословивший меня на Церковщину, прожил при ноге Преподобного Серафима 8 лет и от него получил указание и благословение на дальнейший путь иноческого своего подвига, а я под руководством старца Ионы прожил 28 лет и им был послан на труды строительства и настоятельства в Церковщину.

Такова одна из тайн Божия домостроительства, в которой предопределил мне Промысел принять посильное участие во славу Божию и Его Святого Угодника.

Часть III

Глава XXV

О том, как началось созидание Свято-Георгиевского Скита близ г. Умани.
Митрофан Коленчук и повесть о нем брата Мирона Кериза.

В созидаании храмов Божиих, в особенности же святых обителей, Всемогущий Господь и Его Пречистая Матерь, Заступница рода Христианского, невидимую благодатную силою Своею всегда помогали и будут помогать верующим людям до окончания века. Недаром сложилось народное слово:

«Храм сам себя строит»...

Так-то, но не без великих скорбей и болезней сердца помог мне Господь, Матерь Его Пречистая и Святой Великомученик Георгий построить скит в честь и славу Свою на хуторе «Левада», отстоящем от г. Умани Киевской епархии в шести верстах.

Начало этому святому делу было положено крестьянином села Кочержинец Митрофаном Коленчуком. Вот что об этом поведал мне мой келейник, брат Мирон Кериз, друг и сотаинник Коленчука, уроженец села Подобной Уманского уезда.

---

* Сей благославнейший перер Божий и впоследствии не оставял своими [заботами обитель].

«Я был еще юношей, — так сказывал брат Мирон, — это было в 1897 году. Я только что окончил церковно-приходскую школу и стремился всей душой к продолжению дальнейшего учения. Желание мое было поступить в какое-либо среднее учебное заведение, но бедность родителей моих заставила прекратить учение, и в 1903-м году я занял должность сидельца в казенной чайной лавке в г. Умани, где и прожил до 1910 года. Тут я и познакомился с Коленчуком. Он в то время служил сторожем в Уманской вольно-пожарной дружине. Коленчук часто заходил ко мне, так как здание, где помещалась вольно-пожарная дружина, находилось неподалёку от чайной. От людей я слышал, что Коленчук копал какие-то пещеры. Я очень этим заинтересовался и несколько раз при удобном случае просил его рассказать мне, что побудило его этим заниматься. Долго он не хотел признаваться мне в этом, но потом по неотступной моей просьбе рассказал мне обо всем подробно. Вот что я от него услышал:

«Пещеру я копал лет десять тому назад, еще будучи юношей. Мне часто приходилось пасти лошадей по ночам на хуторе, называемом «Углярки-Левада». Хутор этот прилегает к казенному лесу... В одну ночь я въяве, а не во сне увидел чудесное явление: от земли к небу в одном месте восходил огненный столб. Со мною были товарищи. Я говорил:

«Смотрите-ка: что за чудо? Видите: там столб огненный».

Но они никакого столба не видели и начали смеяться надо мной, думая, что я хотел их обмануть. И я видел, как столб этот, постояв некоторое время на месте, стал медленно подниматься вверх и, наконец, скрылся в облачном небе.

Явление это глубоко запало мне в душу.

Прошло некоторое время. На том же месте явление это повторилось, и оно было видимо только мне одному. Поразило оно меня еще больше прежнего, но я не мог понять, что бы оно значило.

Вскоре после того явился мне во сне старец с бородой, борода рыжеватая.

— Митрофан, — сказал он мне, — иди, копей пещеру на том месте, где ты видел огненный столб.

По этому видению я несколько раз ночью ходил на то место, чтобы начать копать пещеру, но всякий раз на меня нападал такой страх, что я не в силах был продолжать начатой работы. Место было пустынное, да к тому же чрез него пролегалла большая дорога, и я боялся, что меня заметят. Работу, таким образом, пришлось оставить.

Прошло после того много времени. О пещере я забыл и думать. Я успел жениться и обзавелся своим хозяйством. И вот, в одну ночь является мне во сне тот же старец и строго мне говорит:

«Я до тебе буду довше ходыть. Иды и копай! Я сам тоби покажу, як копать».

Несмотря на вторичное явление мне старца и строгое его приказание, я не мог все-таки решиться идти копать пещеру: все чего-то боялся.

И вот, явился мне этот старец во сне в третий раз. В руках у него была палка.

«Иды ж, копай!» — сказал он мне грозно и при этом ударил меня два раза палкой.

От этих ударов я проснулся и почувствовал боль в тех местах, по которым меня старец ударил.

В ту же ночь, когда жена еще спала, я потихоньку вышел из дома, взял железную лопату и пошел копать пещеру на указанном месте. Копать мне было необыкновенно легко: точно кто помогал мне в этом. И вот, с тех пор я каждую ночь тайком проводил за этой работой. Но, несмотря на все мое старание сохранить тайну, я не мог укрыться от своего семейства, и оно, заметив частые мои отлучки по ночам неведомо куда и зачем, стало прятать от меня и обувь, и одежду. Но это не помогло: я так предался своему делу, что даже в зимнюю пору в одной рубахе убежал в пещеру, где и проводил время без пищи и питья, неустанно работая.

Вскоре о моих ночных подвигах стало известно многим. Прошло уже около месяца с тех пор, как я начал копать пещеру, и хотя я, чтобы скрыть свою работу от стороннего глаза, разносил вынутую из пещеры землю по полю, несмотря на это, я был замечен, и ко мне стали приходиться желающие со мной вместе потрудиться ради святого дела. Я никому не отказывал.

«Трудись, — говорю, бывало, — во славу Божию, если тебя на это привела сюда Царица Небесная».

Желающих потрудиться во славу Божию было так много, что слух об этом прошел далеко за окрестности. Народ потянулся к пещере вереницей, неся с собой кто хлеб, кто одежду, а кто и святые иконы. Хлеб и одежду я раздавал приходящим нищим, а святые иконы поставил в нишах пещеры. И стали перед ними возжигать лампы и читать псалтирь.

Узнав о неусыпном чтении псалтиря в пещере, народ начал кроме хлеба и вещей приносить и деньги. В день стало поступать доброхотных приношений деньгами до ста рублей и более. Деньги эти я не задерживал у себя, а при первой возможности старался раздать нищим. Но тут нашему делу позавидовал враг-диавол, и открылось гонение. Нашлись люди, которые о начинании моем довели до сведения местных властей на основании якобы того, что пещера может обвалиться и за-

давить приходящих. Полиция не замедлила явиться на место и запретила копать пещеру.

Несмотря на запрещение, народ не перестал, однако, приходить к пещере, и я, зная, что никакого обвала произойти не может, стал по-прежнему продолжать начатое дело. Дьявол опять вмешался. Опять наехала полиция, пришло несколько пьяных мужиков; меня связали, взвалили на телегу, сверх меня положили деревянный крест, стоявший при входе в пещеру, и повезли в город, а народ весь разогнали. Из города меня как умалишенного отправили в Киев, в Кирилловскую больницу.

Что я перенес тогда, про то знает Один только Господь Бог. Недаром сказано в Писании: «аще хочещи работати Господеви, уготови душу во искушение».

В больнице мне стали давать лекарство. Чувствуя себя здоровым, я от лекарств отказывался и не хотел их принимать. Тогда мне стали железом разжимать зубы и насильно вливать в рот лекарство. Пришлось подчиниться врачам и принимать добровольно их снадобья, веруя слову Спасителя, сказавшего, что «аще что и смертное испиют, не вредит их». И, действительно, лекарства их ничем мне повредить не могли.

По ночам, когда все больные засыпали, я становился на молитву. Но это было замечено, и, конечно, как вредное, по мнению врачей, для здоровья было запрещено.

Тогда я стал проситься у мучителей своих, чтобы они мне разрешили ходить на какую-нибудь работу. Это было мне разрешено, и я стал ходить на кухню чистить картофель.

Пока я томился в заточении, нашлись добрые люди и стали хлопотать об освидетельствовании меня и об отпуске домой. Назначена была комиссия, которая признала меня здоровым, я был отпущен на все четыре стороны и благополучно прибыл домой».

Глава XXVI

Продолжение повести брата Мирона Кериза.

«17-го февраля 1906-го года, — *так продолжал рассказ свой брат Мирон*, — зашла ко мне утром в чайную женщина, прилично одетая, лет приблизительно сорока от роду, роста выше среднего. Судя по одежде, она походила скорее на монахиню, чем на мирскую горожанку. Войдя в чайную, она поздоровалась со мною и назвала меня по имени.

На мой вопрос, откуда она знает меня, она ответила, что знает меня уже три года.

— Я, — говорит, — послана к вам покойным Антонием болящим⁴⁶. Он жил в Грановском монастыре, Подольской губернии, Гайсинского уезда⁴⁷. Год тому назад он скончался.

Я на это ей ответил, что с Антонием знаком не был и даже не слышал о нем, и просил объяснить, по какому же делу она прислана ко мне. Женщина эта на мой вопрос дала мне понять, что это тайна, о которой на людях говорить неудобно. Я собирался в то время идти за покупками для буфета чайной и пригласил ее с собой. Дорогой она мне сказала:

— Антоний болящий, когда еще был жив, сказал мне: «Ровно через год после моей смерти пойдешь в Умань к Мирону, и пусть он напишет и издаст в пяти тысячах экземплярах все то, что я тебе скажу». Я стала отказываться, говоря, что не знаю вас. На это он мне сказал: «Когда приедешь в Умань, то на пути от станции ты увидишь женщину, несущую воду. Имя ей будет Мелания. Муж у нее пьяница, но сама она женщина благочестивая. Эта женщина укажет тебе того Мирона, о котором я тебе говорю». Так и вышло: эта женщина мне и указала вас.

Услышав, что мне предстоит что-то написать и издать, я подумал: не прокламации⁴⁸ ли какие-нибудь? В том году наше отечество особенно ими наводнялось: революционная пропаганда сеялась повсюду, и в мои руки попало несколько таких прокламаций, которые я немедленно же и представил в полицию. Тотчас пошли допросы, дознание, откуда они ко мне попали; а тут в чайную ко мне забрело как-то пять человек революционеров, с ними была и женщина. Я поставил им закуску, а сам пошел заявить о них в полицию. Но пока я ходил и вернулся с урядником в чайную, их и след простыл. Всем этим я был так напуган, что когда незнакомка эта стала мне говорить об издании чего-то, в голове моей мелькнуло: уж не товарка ли она тех революционеров и не собирается ли она и меня запутать в их сети? И только успел я об этом подумать, как она уже мне на мою мысль ответила:

— Что вы, брат Мирон, сомневаетесь? Не думайте, что я какая-нибудь революционерка: я к вам прислана совсем по другому делу. В этом вы сами убедитесь, когда будете писать.

Я был поражен такой прозорливостью, стал извиняться и просить, чтобы она мне открыла свою тайну, но она повела речь совсем о другом и о тайне своей ничего не сказала.

В это время мы уже были с ней в центре города. Спутница моя вдруг указала мне на городские здания да и говорит:

— Смотрите: какие дома, какое устройство! Все это разрушится — не останется камня на камне. А через три года в окрестностях Умани будет явление чудотворной иконы Божией Матери, и откроется монастырь.

Я тут же подумал: не на том ли месте, где Митрофан Коленчук копал пещеры, но спросить не осмелился, так как спутница моя говорила, как власть имеющая или как пророчица. Но на мои мысли она ответила, что здесь и монастырь будет.

— В этот монастырь будет большое стечение народа: архиереи, генералы, монашество, духовенство, гражданское и военное начальство, князья и даже сам Государь посетит его со своей свитой, и будет там много чудес. Монастырь устроится за третьим разом, и первые его благодетели сделаются его же первыми врагами. Но Господь сказал: созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей.

Теперь, брат Мирон, идите домой, запасайтесь бумагой и чернилами, а завтра пораньше приходите сюда: я здесь буду вас ожидать, а пока подыщу себе квартиру.

Я предложил ей было три рубля на квартиру, но она отказалась и просила только не говорить никому ничего.

Такое желание тайны опять навело меня на мысль, не революционерка ли она, и я вновь настроился подозрительно против нее. Когда я вернулся домой, то пригласил к себе одного знакомого, рассказал ему о таинственной незнакомке и попросил его совета, как мне поступить в дальнейшем. Знакомый мне советовал быть с нею как можно более осторожным, и, по совету его же, я хотел было пригласить кого-либо из полиции, чтобы он тайно проследил за нами, когда я буду писать за этой женщиной то, что она мне будет говорить.

На другой день утром — это было 18-го февраля 1906-го года, я спешно стал собираться идти на условленное место свидания, но вчерашняя моя собеседница меня упредила и сама пришла ко мне в чайную. Она, видимо, была чем-то встревожена.

— Часов в двенадцать ночи, — сказала она мне, — когда я еще не успела заснуть, явился ко мне вдруг страшный зверь. Из пасти его восходил огонь. Разинув пасть, он бросился на меня, но я не растерялась и сотворила на себе крестное знамение. Страшилище исчезло. Утром же, когда я проснулась, то увидела на стене надпись: «Не пишите завтра, а то будете арестованы. Писать будет иной». Я и пришла предупредить вас об этом. Тому же, что я вам говорила, я хочу, чтобы кто-нибудь был свидетелем. Позовите кого-нибудь.

Я позвал Митрофана Коленчука.

Когда Митрофан вошел в чайную, она взглянула на него и сказала:

— И вы много претерпели за имя Христово.

А Митрофан ее никогда и в глаза не видал. Подумав же, что она знает о нем от меня, ответил:

— [Обрыв страницы. — *Сост.*]

— Терпи, — сказала она ему, — до конца. Я вас призвала, чтобы вы были свидетелями тому, что я была у брата Мирона.

На вопрос же его, в чем же дело, ответила:

— После узнаете.

Когда женщина эта собралась уходить, я спросил ее имя и фамилию. Она сказала, что зовут ее Анной. Она назвала и фамилию, да я забыл. Приглашала она меня в село Россоши Уманского уезда, где она собиралась служить панихиду по усопшем Антонии болящем и где должно было совершиться в это время, по ее словам, какое-то чудо, но я не согласился... На третий день Пасхи ко мне зашел незнакомый человек, спросил мое имя, а затем сказал, что чудо на панихиде было, и вслед поспешно скрылся.

Спустя год я написал к женщине этой в Россоши письмо и послал его с Митрофаном Коленчуком. Митрофан навел о ней справки. Она, действительно, оказалась там живущей, но кого только он о ней ни спрашивал, все говорили, что она сумасшедшая.

Когда Коленчук вошел к ней в дом, она с места встретила его такими словами:

— Чего ты пришел ко мне? Мне твое письмо не нужно. Я знаю, от кого оно. Почему он не исполнил того, что я ему велела?

Затем она стала говорить какие-то непонятные слова. Митрофан застал ее одетой в одной грязной рубахе. Жители Россошей говорили ему, что она уже давно больна и никуда не ходит, но это была та самая женщина, которая являлась ко мне.

Что это за человек, Бог весть, но только кое-что из предсказанного ей уже исполнилось, на месте, где была пещера Коленчука, уже возносятся молитвы около ста человек братий новоустроенного там мужского скита в честь Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Сбудутся ли другие ее предсказания, покажет будущее, которое всецело в руках Божиих».

* * *

«Это мне, — *сказывал так старец мой, батюшка о. Мануил*, — поведал брат Мирон, и с его слов это было записано в особой тетрадке, тетрадка эта и доднесь сохраняется у меня как материал для истории Скита, если будет на то изволение Божие».

Глава XXVII

Продолжение истории созидания Св.-Георгиевского Скита.

По выходе из больницы Митрофан Коленчук преуказанного ему места подвига не только не оставил, но замыслил нечто значительно большее, чем копанье пещеры. Руководствуясь всем, что для него являлось как бы внушением свыше, он обратился ко всем знаемым и сочувствующим ему с предложением пожертвовать от своих земельных угодий хотя бы по малому участку под постройку на избранном месте монастыря, но не женского, о котором предсказывала брату Мирону раба Божия Анна, а мужского. Призыв этот не остался гласом вопиющего в пустыне: благочестивых жертвователей нашлось двое Кочержинских и двенадцать Уманских крестьян. Они выразили готовность пойти навстречу доброму начинанию и из своих земель назначили 8 десятин и 1500 кв. сажень для будущего монастыря.

После этого Митрофан Коленчук отправился в Киев искать строителя обители. Обошел он все Киевские монастыри, но не обрел ни в одном желающего принять на себя такой подвиг, потому что жертва крестьян была слишком скудна. Некоторые старцы Киево-Печерской Лавры указали Коленчуку на меня:

— Попробуй, — говорили они, — сходи к о. Мануилу в Церковщину: не возьмется ли он?

Пришел он ко мне. Я выслушал его просьбу и сказал ему:

— На сие великое и святое дело на малом участке земли, да еще без всяких средств, никто не согласится. На устройство обители требуются большие затраты как деньгами и иными средствами, так и трудом, а у вас нет ничего.

Стал меня Коленчук уверять, что за этим дело не станет: жертвователей найдется много, было бы лишь начато дело.

— Ну, — говорю, — приводи своих жертвователей, потолкуем — увидим.

Вскоре явилось ко мне восемь человек от числа жертвователей. Первым долгом помолились в храме Царице Небесной, потом пришли ко мне. Церковщина и все ее порядки, начиная с пения и чтения, так им пришлось по душе, что усердие их воспламенилось еще более. Выслушал я их просьбу и направил за советом к преосвященному Платону, тогдашнему ректору Духовной Академии и моему начальнику [обители] по зависимости ее от академического Киево-Братского монастыря. [Сразу после разговора с ними я сам]* поехал к владыке и все ему поведал, не исключая и своих сомнений:

— Что ж, — говорю, — делать, владыко?

---

* Чтение предположительное. — Сост.

— Что Бог ни делает, — отвечает он, — все к лучшему. Я вам, бабушка, не советую отказываться. Предайтесь совершенно воле Божией: Господь и Пречистая Его Мать все устроят.

Пока шла у нас с владыкой беседа, пришли крестьяне-жертвователи. Преосвященный вышел к ним, благословил, выслушал и сказал:

— Весьма радуется меня, что вы от земельной скудности своей жертвуете на святое дело половину. В простых сердцах почивает Бог. Бог вас да благословит, а вы просите этого старца: он вам все устроит.

И указал на меня.

Поклонились крестьяне владыке, получили его напутственное благословение и отбыли на родину, а я остался лицом к лицу пред новым крестом.

Так началось мое Уманское дело. Было это ранней весной 1907-го года.

Глава XXVIII

Хлопоты по созданию Георгиевского Скита. Вражьи козни.

После этого, в последних числах марта 1907-го года, я, по благословению преосвященного Платона, поехал в Умань осматривать землю, даримую крестьянами под монастырь. Жертвователи встретили меня на вокзале с хлебом-солью и пригласили в приходское училище, чтобы там заняться обсуждением нашего дела.

— Не по моему делу это силам и способностям, — сказал я крестьянам, — но помощью Божиею и Пречистой Богоматери, за святое послушание, общими силами, Господь поможет создать и осуществить задуманное. Помолитесь прежде всего Царице Небесной «Нечаянной Радости», да поможет нам Заступница рода христианского совершить задуманное вами великое и святое дело. Трудов и скорбей будет много, ибо диавол не престанет творить нам козни и препятствия, а человек без благодати Божией, что рыба без воды, сам собою ничего не может.

Отслужил я молебен Царице Небесной. С великим умилением и верою пели тогда молившиеся со мной припев [акафиста]*:

«Радуйся, нечаянную радость верным дарующая».

Верили мы и уповали, что не посрамит веры нашей Царица Небесная.

Помолившись Богу, мы сели пить чай, и тут же под диктовку слепого адвоката Евдокима Андреевича Андреева учительница школы Христина

---

* Чтение предположительное. — Сост.

Ивановна написала от имени жертвователей заявление на жертвуемую землю.

На другой день я поехал осматривать эту землю, известна она под именем «левада». Слух об этом немедленно же разнесся по городу. Пошли сплетни, кто во что горазд, и когда я вернулся в Киев, то за мною вслед поспешила и кляуза в виде прошения в консисторию со стороны местного белого духовенства, жаловавшегося на то, что я смущаю темный народ, поместился без дозволения в приходском училище и без разрешения местного священника служил там молебен с акафистом Божией Матери. В народе возбуждено-де этим волнение и всякие толки. — Сообщая об этом, жалобщики просили подвергнуть меня взысканию, как возмутителя народа.

Я по жалобе этой был вызван в консисторию для объяснений. Объяснение свое я дал, начав с того, что совершил я эту поездку с благословения своего начальства, преосвященного владыки Платона, и к объяснению своему добавил:

— А если вам неуютно, то я брошу это дело. Это сделать тем легче, что средства на него таковы, что на них ничего и сделать-то нельзя: ни земли достаточно, ни денег; а какая есть земля, то она вся в клоках по разным местам.

На мое счастье принимал от меня объяснение достойнейший член консистории, протоиерей о. Павел (впоследствии епископ Чигиринский)⁴⁹. Выслушал он меня, понял, откуда сие, и сказал:

— Бог благословит. Дело это хорошее. Только держитесь и поступайте осторожнее, чтобы не возбуждать против себя местного духовенства.

Тем дело на этот раз и кончилось.

Узнав, что в консистории по-ихнему не вышло, жалобщики написали на меня обширный доклад самому владыке митрополиту Флавиану. Благостнейший архипастырь вызвал меня к себе и по виду весьма сурово принял меня:

— Чем это ты возмущаешь и бунтуешь народ? — сказал он. — Вот послушай-ка, что на тебя пишут.

И стал мне владыка читать, что было в жалобе написано. Кости мои трепетали от стыда и ужаса, слушая, какая нанесена была на меня в ней клевета и ябеда от врага рода человеческого.

Выслушав мое объяснение, владыка-митрополит согласился с тем, что в деяниях моих не было ничего ни предосудительного, ни незаконного и заметил при этом, что рано ли, поздно ли, а в Умани быть монастырю, так как Уманский епископ со временем должен будет жить в Умани, а без монастыря жить ему негде.

— Ну, Бог тебя благословит, — сказал мне и митрополит, — будь только поосторожнее с этим делом и не возмущай против себя белого духовенства.

Горько заплакал я при этих словах владыки, поклонился ему в ноги и сказал:

— Неповинен я в этих обвинениях ни в чем. Вы сами, владыко, знаете, что это не что иное, как козни дьявола, который не желает допустить до святого начинания.

Ушел я от митрополита со слезами, не видя перед собою дороги, и пошел на хоры в Великую церковь. Пал я там на колени пред Чудотворной иконой Божией Матери и стал Ей слезно молиться, прося помощи и заступления. «Матушка, Царица Небесная, — вопиял я к Ней со слезами, — Ты Сама была строительницею сего храма и поныне управляешь сею святою обителью. Прошу и молю Тебя, Матушка, прими меня под Свой покров и руководи мною, яко Сама веси и хочеши».

Так помолился я и после молитвы на душе своей почувствовал такую необыкновенную радость, что, аки крилатый орел, не пошел, а полетел к преосвященному Платону, которому и рассказал подробно все бывшее у митрополита. Преосвященный меня успокоил, а сам немедленно поехал к митрополиту, велел мне быть у него на следующий день. Когда на другой день я был у владыки Платона, то он меня встретил словами:

— Ничего не бойтесь. Владыка-митрополит благодушно к вам настроен и даже смеялся, когда рассказывал мне о вас. «Ну, — говорил он, — и перепугал же я вашего Мануила...» Не бойтесь же ничего, — сказал мне преосвященный Платон, — Бог благословит.

Так и на этот раз был посрамлен ненавидяй добра враг дьявол.

Глава XXIX

Первое прошение жертвователей. Официальный ход Уманскому делу.
Дивное чудо милости и помощи Божией.

Крестьяне-жертвователи, тем временем, не покладали рук на пользу святого дела и успели собрать и прибавить к прежнему пожертвованию еще 3 десятины земли — всего, стало быть, 11 десятин 1500 кв. сажень.

5-го апреля 1908 года от них поступило на имя митрополита такое прошение:

Его Высокопреосвященству

Члену Святейшего Правительствующего Синода

Высокопреосвященнейшему Флавиану,

Митрополиту Киевскому и Галицкому,

Священно-Архимандриту Киево-Печерския Лавры

Крестьян: жителя села Кочержинец Уманского уезда, Киевской губернии Антона Коленчука; жителей предместья г. Умани: Христины Ивановны Янчинской, Мефодия Семеновича Адаменка, Евфимия Афанасьевича Чаплаусского, Поликарпа Исидоровича Чаплаусского, Ивана Ивановича Чаплаусского, Василия Ивановича Колесниченка, Игнатия Антоновича Коваленка, Михаила Янкового, Параскевы Николаевны Чаплаусской и жителя с. Громы Уманского уезда, Мефодия Андреевича Рябина

Прошение

Господу Богу и Царице Небесной угодно было явить пред некоторыми благочестивыми людьми Свои чудесные знамения на хуторе «Левада», находящемся в 6–7 верстах от Умани. На этом месте многие из крестьян удостоились видеть такие чудесные явления, как восходящую от земли на небо церковь, огненный столб, простирающийся до облаков, икону Божией Матери, нисходящую с небес. Некоторые слышали подземный колокольный перезвон. Местность эта представляет неглубокую балку, обрамленную казенным лесом и замечательную по красоте своего местоположения. В середине ее протекает небольшой ручей с чистой родниковой водой, пользующейся у нас целебной известностью. По пролегающей вблизи дороге, на поклонение Киевским святыням, во множестве проходят богомольцы, которые, обыкновенно, отдыхают здесь и часто остаются на ночлег. Этим воспользовались штундистские⁵⁰ вожаки соседних сел Киевской и Херсонской губерний и стали являться к месту отдыха православных путников. Своими [...] не одна уже душа, таким образом, погибла для Православной Церкви.

Движимые ревностью к Святой Православной вере и видя перст Всеблагого Промыслителя, чудесными знамениями указующий, где должна воссиять благодать Божия для ограждения и укрепления веры отцов наших, мы, в числе многих других жителей окрестных местностей, возымали искреннее желание, чтобы на сем месте вознесся Крест Христов, и чтобы место это навсегда оставалось святыней Православия и оплотом веры Православной против пагубных сектантских учений. С этой целью мы приобрели означенную «Леваду» и сверх того предназначили для той же

цели из нашей, расположенной вблизи, собственной земли 8 десятин 1500 кв. сажень, а с «Левадой» 11 десятин 1500 кв. сажень. Всю эту землю мы жертвуем в собственность Скита Пречистья в Церковщине, дабы на ней первоначально была построена часовня с жилыми помещениями для иноков, а потом и общежительный мужской монастырь, что действительно необходимо для местных православных жителей уже и потому, что в окрестности на большом протяжении нет монастырей.

С чувством глубокого смирения просим о принятии оного дара и о назначении начальником и строителем часовни иеромонаха Мануила, начальствующего в Ските Пречистья. Дерзаем просить о сем, движимые чувством христианского восторга пред благолетием служения и церковного пения, слышанного нами и другими в храмах Скита Пречистья, и желая иметь у себя обитель, где бы местные люди могли слушать то же истовое уставное служение и прекрасное церковное пение и получить душевное назидание и руководство к жизни благочестивой.

На прошении этом Его Высокопреосвященству 10-го апреля 1908 года за № 1731-м благоугодно было положить резолюцию: *На рассмотрение Консистории.*

Духовная консистория на основании этой резолюции при постановлении своем от 12-го мая 1908 года за № 13045 препроводила прошение благочинному 4-го Округа Уманского уезда, священнику о. Лаврентию Крижановскому на заключение и для безпристрастного отзыва о чудных явлениях на хуторе «Левады».

Таким образом, было положено начало официальному ходу Уманского дела.

Пока прошение крестьян-жертвователей находилось у бла[гочинного Владыки... За это]* время жертвователи подыскали еще участок земли, расположенный возле Уманского вокзала и заключающий в себе 10 десятин по цене 250 рублей за десятину. На покупку этой земли они собрали между собой 700 рублей, которые и внесли в задаток; остальной же суммы уплатить не могли за неимением средств. Обратились они ко мне за помощью.

— Что вы, — говорю, — братцы? Не то что двух тысяч, у меня и двухсот рублей нет.

Приуныли мои жертвователи. Что делать, как быть? Не пропадать же задатку, да и земля-то по всему удобнее и придумать нельзя.

— Не будем, — говорю, — унывать, рабы Божии. Если дело это Богоугодное, то Всеблагий Бог и Его Пречистая Матерь невидимую рукою пошлют средства. Тогда мы сугубо будем уверены, что начатое дело есть от Бога.

---

* Текст восстановлен предположительно. — *Сост.*

По возвращении своем на родину жертвователи известили меня, что продавец земли Дрозденко уезжает в Сибирь на вольные земли и долее трех дней ожидать не может и что на его землю есть уже другие покупатели, которые дают ему по 300 рублей за десятину, но с рассрочкой платежа на три года, чего Дрозденко не хочет, желая получить наличными.

Известие это я получил телеграммой, и — о, велие чудо Божие! — вместе с этой телеграммой повестку из Государственного Банка на перевод 2000 рублей на мое имя на нужды Скита, из Харбина от совершенно неизвестного мне лица.

Не в первый раз приводилось мне получать свыше явным чудом милость Божию, но и я был потрясен совершившимся. Ведь подумать только: едет человек в Сибирь, ждать не может, а тут из той же Сибири одновременно и для него, и для нас развязка по делу святому и Богоугодному!.. Без умиленной и благодарной слезы к Богу и Матери Его Пречистой я и доселе об этом чуде вспомнить не могу.

Впоследствии узналось, что жертвователем этих денег был умирающий в одном из Харбинских госпиталей солдат. Умирал он от ран, а в Государственном Банке у него хранилось 7000 рублей. В госпитале работала в качестве сестры милосердия одна монахиня Е.: она и посоветовала ему 5 тысяч послать на Афон, а 2 тысячи в Скит Пречистыя.

И надо же было быть тому, что ровно столько, сколько нам было нужно — ни копейкой больше, ни копейкой меньше. Дивны дела Господни!

Глава XXX

Второе прошение крестьян-жертвователей митрополиту.
Дознание о чудесных знамениях на месте пещеры Коленчука.
Преграды к созданию скита.

Крестьяне-жертвователи, получив 2000 рублей, сейчас же внесли их продавцу в уплату за землю, совершили купчую крепость на имя одной из благотворительниц Христины Ивановны Янчинской и купчую эту представили митрополиту Флавиану при следующем прошении:

В первых числах апреля 1908 года нами было подано Вашему Высокопреосвященству прошение с приложением документов на участки земли, расположенной между с.с. Кочержинцы и Громы Уманского уезда, каковые участки мы возымали желание принести в дар Скиту Пречистыя в Церковщине в лице начальника оного, иеромонаха Мануила, почему и просили архипастырского ходатайства Вашего Высокопреосвященства об испро-

шении *Высочайшего* соизволения на закрепление за упомянутым выше Скитом даримой нами земли для устройства на оной мужского монастыря.

Ваше Высокопреосвященство, любвеобильный архипастырь и отец! Приносимый нами дар вызывается тем, что мы, будучи движимы чувством безпредельной преданности нашей Матери, Святой Православной Церкви, скорбим о том, что нас окружают как местные, так и шатающиеся самозванные проповедники, желая сбить кого-либо с пути истинной Православной веры, а местные власти смотрят на это равнодушно. Мы, к великому нашему прискорбию, не находим тех высоких христианских идеалов, которые бы укрепляли нас в Православной вере, так как в приходских церквах все Божественные службы совершаются с большой поспешностью и то не каждый день; иногда и в праздничные дни, по случаю болезни священника или по каким-либо другим причинам, остаемся и вовсе без Богослужения. Поэтому невольно иногда переносимся мыслью в Киевские святыни, где так много тех примерных монастырей, в которых Богослужение совершается торжественно и располагает душу к молитвенному настроению. Мы избрали более выдающийся порядок Богослужения в Ските Пречистыя в Церковщине. Желает душа наша, точно елень на источники водные⁵¹, видеть у себя те высокие примеры духовно-просветительного порядка, которые мы видели и слышали в Ските Пречистыя.

На основании изложенного мы, желая более обезопасить Скит Пречистыя в Церковщине, вновь приобрели покупкой на Христину Ивановну Янчинскую в Ивангородском предместье г. Умани, вблизи вокзала, усадьбу с постройками и участком пахотной земли количеством в 10 десятин, каковой участок мы приносим в дар тому же Скиту. Представляя при сем документ и план на землю, честь имеем смиреннейше просить Ваше Высокопреосвященство принять на себя милостивое архипастырское ходатайство об испрошении Высочайшего соизволения на закрепление за Скитом Пречистыя в Киевской епархии, кроме вышеупомянутых участков, и сего даримого нами участка земли в количестве 10 десятин с находящимися на оном постройками.

Владыка-митрополит направил прошение в Консисторию, а та потребовала от благочинного незамедлительного представления подробных сведений о чудесных явлениях на хуторе «Левада». Благочинный же все медлил и требуемых сведений не доставлял. Тогда уже сами крестьяне взялись за это дело и настояли пред благочинным о скорейшем исполнении предписания Консистории. Тогда только и дан был делу надлежащий ход путем опроса лиц, видевших чудесные явления. Эти лица под присягой показали:

1) Крестьянин с. Громов Пимен Запорожец: 28-го декабря 1907 года он возвращался из г. Умани часов в шесть вечера и видел над тем местом, где были ископаны пещеры Митрофаном Коленчуком, огненное пламя, снявшееся над тем местом наподобие пожара, а затем вытянувшееся в огненный столб, державшийся в воздухе минут двадцать, затем постепенно померкнувший.

2) Крестьянин с. Громов Нестор Джевач: в субботу, пред новым годом, он возвращался из г. Умани и видел над местом, где пещера Митрофана Коленчука, огонь в виде хмарки (тучки), которая поднималась все выше и выше, наконец, обратилась в огненный столб, который начал садиться все ниже и ниже и, наконец, исчез минут через двадцать после появления.

3) Крестьянин с. Громов Игнатий Янковый: года два тому назад он с братом пас лошадей в поле. Время было осеннее. За два часа до рассвета, проснувшись, они пошли разыскивать лошадей и, вдруг, саженьх в тридцати от них, левее Митрофановых пещер, из земли поднялся огненный столб, очень яркий. Они испугались, повернули назад, и когда оглянулись опять, то столба уже не было. На другой день они осматривали всю местность и никакого горючего материала или остатков от него вроде пепла не нашли.

4) Крестьянка с. Громов Евгения Пироговская: за неделю до Праздника Рождества Христова она с мужем ехала в г. Умань на рассвете и видели над тем местом, где находятся пещеры Митрофана, икону Божией Матери, которая в виде яркого облака спускалась с неба. Икона была четырехугольная, размером в квадратный аршин. Лик Богоматери она видела ясно. Икона опустилась и скрылась в лесу, и сейчас же по всему лесу покатился туман*.

Представляя дознание свое и всю переписку, благочинный о. Крыжановский донес Духовной Консistorии, что по делу постройки монастыря создалось в той местности серьезное движение, которое-де возбудил и поддерживаю, я в каких-то, надо думать, своекорыстных видах. «Чтобы поддержать в народе веру» в затеянное дело, о. Мануил-де, распорядился начать на «Леваде» какую-то постройку. Жертвователи объявили, что это строится дом на тот случай, что когда приедут архиереи для закладки монастыря то чтобы было место, где остановиться. «При таком положении дела, — пишет благочинный, — прекращать его было невозможно, так как это повело бы к какому-то серьезному брожению в народе, которым бы заинтересованные лица постарались воспользоваться, чтобы его раздуть с целью произвести давление на высшую епархиальную власть».

---

* Дело № 198—1908 г. Киевской Дух[овной]. Консistorии, по 3-му столу.

Для выхода из такого положения благочинный о. Крыжановский предлагал такую меру:

Чтобы не оскорблять добрых чувств истинных жертвователей и не создавать почвы для разных наветываний, следует объявить жертвователям, что дар их принимается с благодарностью, но что епархиальное начальство, минуя о. Мануила, само уже позаботится о том, чтобы жертвуемая земля как можно лучше была использована для блага Церкви и местного населения и чтобы имена жертвователей не были забыты в молитвах пред престолом Божиим. Жертвуемую же землю лучше всего отдать в распоряжение миссионерского комитета, которому и поручить представить свои соображения, какое лучшее назначение дать земле. Что же касается его, благочинного, личного мнения, то он бы полагал, что на жертвуемом месте удобнее всего было бы устроить временную (дачную), если не постоянную, резиденцию архиерея с домашней, возможно больших размеров церковью. Здесь же можно было бы устроить и дачные помещения с даровым содержанием для епархиальных миссионеров, где, действительно, среди прекрасной природы эти истинные труженики на ниве Христовой могли бы иметь временный отдых и запастись силами для дальнейшего своего труда. Средства на все это, если бы не хватило местных, могли бы дать монастыри и церкви епархии. Архиерейские соборные служения, с прекрасным чтением и пением, для чего на место можно было бы командировать чтецов и певцов из монастырей, живое апостольское слово миссионеров — все это привлекало бы сюда всегда массу богомольцев из разных классов. Помимо этого, сюда можно было бы устраивать нарочитые паломничества и массовые крестные ходы из соседних сел, чему благоприятствовали бы масса праздников весенних и летних, свободное от работ время и присущая православному человеку любовь к паломничеству.

Таково мнение о. благочинного: все, что угодно, но только не монастырь и не о. Мануил.

Кончает свое донесение о. Крыжановский тем, что не желает вдаваться в подробности того, что могла бы здесь хорошего создать миссия, ибо это преждевременно да и не дело-де это его компетенции, но, — пишет он, — *не надо быть пророком, чтобы предсказать, что миссия создала бы здесь действительно оплот Православия и что Крест Христов возвысился бы здесь на страх врагам Церкви, а не на поругание, о чем так старается о. Мануил с жертвователями.*

Получив донесение благочинного, епархиальное начальство определением своим от 6-го октября 1908 года постановило:

Объявить лицам, ходатайствующим об учреждении мужского монастыря вблизи г. Умани на жертвваемой ими для сей цели земле в количестве 11 д. и 1500 кв. с.:

а) что ввиду отсутствия средств, необходимых для сего дела, разрешение сего вопроса представляется преждевременным;

б) что жертвваемая ими земля временно может быть причислена к скиту «Церковщина»;

в) что для исходатайствования Высочайшего соизволения на закрепление их жертвы за сим скитом они должны представить в консисторию надлежащие документы; и

г) что до передачи установленным законным порядком выстроенного ими на одном из участков выше упомянутой земли дома в духовное ведомство предполагаемый ими крестный ход не может быть разрешен епархиальным начальством.

На определении сем преосвященный Феодосий, заместитель епископа Platона по должности ректора Академии — настоятель Киево-Братского монастыря и в то же время епископ Уманский⁵², положил такое мнение:

Как настоятель Братского монастыря, к которому причислен скит «Церковщина», считаю возможным согласиться с постановлением Консистории»*.

Определение консистории и мнение преосвященного Феодосия резолюцией владыки-митрополита 21-го февраля 1909 года, за № 683 утверждаю, а указом Духовной Консистории от 4-го марта 1909 года за № 6028 объявлено жертвователям.

Таковы были препятствия к осуществлению великого и Богоугодного дела строения новой обители иноков, которые восстали в самом начале ее возникновения. Но так строились на Святой Руси все монастыри, на создание которых свыше изъяслялась Божественная воля: пот, слезы и даже кровь — вот то основание святым обителям, егоже положи во власти Своей и утверди Господь, дондеже определил Он стояти им и строитися на Святой Руси⁵³.

Таков удел и всем хотящим благочестно жити.

---

* В этом месте при наборе, вероятно, был допущен незначительный пропуск текста.
— Сост.

Глава XXXI

Посещение епископом Феодосием «Левады». Новый ход делу устройства Уманского скита. Неожиданное искушение. Божие наказание и вразумление искушившемуся и его раскаяние. Вящее прославление Имени Божия. Вражье искушение.

23-го апреля 1909-го года, на день празднования Св. Великомученика Георгия Победоносца, Преосвященнейший Феодосий, епископ Уманский, настоятель Киево-Братского монастыря и мой непосредственный начальник по Церковщине, посещая уманскую паству, пожелал посетить и место вновь устроенного скита. При многочисленном стечении народа владыка благословил и освятил там место и для молитвенного дома в честь Св. Великомученика Георгия Победоносца. При этом, обратясь к народу, преосвященный сказал трогательное и сильное слово, коснувшись в нем устройства создаваемой обители. Владыка благодарил благотворителей за их ревностное старание об ее устройстве и указал, что только те монастыри высоко стояли и стоят на Святой Руси, которые воздвигались потом и слезами.

— Препятствующих же этому делу, — добавил Владыка, — да посрамит Сам Господь!

4-го сентября 1909-го года я представил в духовную консисторию необходимые документы для испрошения Высочайшего соизволения на закрепление за Церковщиной жертвуемого имущества. По рапорту моему, по которому были эти документы представлены, состоялось 15-го сентября того же года такое определение консистории:

Признавая возможным ввиду скудости средств скита «Церковщины» принять приносимые ему в дар крестьянами Янчинской и Коленчуком земельные участки, консистория полагала бы:

а) ходатайствовать перед Святейшим Синодом об испрошении Высочайшего соизволения на закрепление земель за упомянутым скитом и

б) поручить начальнику скита, иеромонаху Мануилу, ныне же принять в свое заведование это имущество и представить в консисторию свои соображения о способах эксплуатации сей земли.

Определение было утверждено митрополитом Флавианом, и владыка-митрополит 29-го сентября того же года вошел с ходатайством в Святейший Синод об испрошении Высочайшего соизволения на закрепление за скитом «Церковщиной» даримой земли.

13-го декабря, в том же году, я обратился к митрополиту с новым прошением разрешить мне приспособить дом, выстроенный на жертвуемой земле, под домовую церковь. В этом чувствовалась большая нужда, так как

окрестное население уже издавна стремилось к молитвенному подвигу на этом месте.

Владыко-митрополит уже на следующий день положил на моем прошении такую резолюцию:

Разрешается устроить домовую церковь на хуторе «Левада», в Уманском уезде, но лишь после укрепления за монастырем земли и по представлении надлежащего плана предполагаемого храма.

22-го декабря того же года за № 17498-м митрополиту Флавиану последовал указ Синода о том, что Государь Император в 7-й день декабря 1909-го года Высочайше соизволил на принятие недвижимого имущества, жертвуемого Янчинской и Коленчуком в пользу Скита Пречистая, в «Церковщине» за совершение непрестанного поминовения о здравии и по смерти об упокоении рабов Божиих Христины, Антона со сродниками.

После укрепления за скитом земли было приобретено еще 4 десятины пруда с водяною мельницею за 3 тысячи рублей. Всей же земли, с прудом и водяною мельницею, было приобретено к тому времени уже 25 десятин.

С наступлением весны мы уже собирались готовиться к приспособлению дома на «Леваде» к устройству в нем домовой церкви, как случилось неожиданное обстоятельство, повернувшее наше дело на новый путь: Антон Коленчук, по навету врага-диавола и наущению [не]доброжелателей скита, отказался не только подарить, но и продать за какие бы то ни было деньги свой участок земли, который он присоединил было к новостроющемуся скиту с целью подарить его монастырю. Участок этот состоит из $1\frac{3}{4}$ десятины и расположен как раз у входа в монастырские ворота. Вокруг этого места находится казенная земля, и другого выезда, кроме как через этот участок, не имеется. Крестьяне-жертвователи предлагали Антону Коленчуку за этот клочок земли по тому времени огромные деньги, полторы тысячи рублей, но он уперся.

— И за десять, — говорит, — тысяч не уступлю.

Так и пришлось отказаться в то время от мысли устройства храма на «Леваде». Очень тяжело мне было тогда это испытание, но, как последствия показали, искушение это было к славе Божией и к вящему прославлению Его святого Имени.

Спустя четыре года после того, как Антон Коленчук отказался от своего обещания, он в первой половине мая 1913 года был поражен параличом. Сознав свою вину и карающую его Десницу Божию, он чистосердечно раскаялся в своем грехе и по духовному завещанию отказал эту землю скиту с тем, чтобы скит уплатил его жене тысячу рублей, что в свое время и было исполнено.

А что искушение это было попущено к вящей славе Божией, явилось впоследствии в следующем:

Когда произошло это недоразумение с Антоном Коленчуком, пришлось тогда волей-неволей боголюбцам направить усердие и силы свои на тот участок скита, который доселе находился как бы в тени и не привлекал к себе того внимания, каким пользовалась «Левада». 11-го августа 1911-го года я вошел к митрополиту с прошением о разрешении соорудить часовню близ станции Умань на пожертвованной и укрепленной за скитом земле в количестве 10 десятин с прудом и водяною мельницей. Разрешение было дано. Но вслед за сим, обсудив вопрос этот со старшею братиею, мы пришли с ней к общему решению: просить епархиальное начальство разрешить вместо часовни построить там храм. Разрешение было дано и на это. Тогда местные крестьяне, движимые Духом Божиим, пошли навстречу этому святому делу и в своем селе Кочержинцах купили на снос старую дубовую церковь и перевезли ее на место предполагаемой постройки. Храм этот предположено было заложить в 1912 году в честь Преображения Господня с приделами в честь иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная Радость», и в честь Святителя Иоасафа, Белгородского Чудотворца. Но Богу угодно было сотворить дело Свое не по нашему предположению, а по Своей Святой воле. Весь строительный период 1912-го года ознаменовался такими проливными дождями, что нечего было и думать о возведении постройки на новом месте: канавы, вырытые для фундамента, заливало водой, и не было возможности подвозить с «Левады», где у нас был устроен кирпичный завод, кирпича, песку и камня. Пришлось весь заготовленный заранее материал для церкви и подвезенный по железной дороге употребить на постройку братского корпуса вблизи станции с пристройкой к нему алтарной части с целью освящения ее для домово́й церкви. К тому времени братии там собралось уже до 70 человек.

10 января 1913-го года алтарь этот и при нем домовая церковь была освящена в честь иконы Божией Матери «Нечаянной Радости». Освящение совершал преосвященный Иннокентий, епископ Каневский⁵⁴.

Тако изволися Царице Небесной, Хозяйке скита Ея Пречистыя, чтобы первый храм на новом месте подвигов скитской братии был посвящен Ея Пресвятому Имени. Святое и великое событие это было предварено чудесными исцелениями, совершавшимися и донныне совершающимися от Ее скитской Чудотворной иконы в часовне «Нечаянной Радости», находящейся в г. Киеве*. Вскоре явилась необходимость освятить и второй престол

---

* [...]

во втором этаже этой же церкви, ибо народу стало собираться так много, что в праздничные дни бывало причастников до полуторы тысячи человек, так что храм не мог вмещать молящихся.

Второй престол в том же 1913-м году, 26-го октября, был освящен епископом Каневским Иннокентием в честь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона.

По смерти Антония Коленчука я все усилия употребил на то, чтобы из купленной крестьянами старой дубовой Кочержинской церкви устроить и освятить в «Леваде» храм в честь Св. Великомученика Георгия Победоносца. С помощью Божиею совершилось и это святое дело: храм был окончен и 6-го июля 1914-го года освящен епископом Каневским Иннокентием при огромном стечении молящихся. Одних листов религиозно-нравственного содержания было роздано богомольцам более 10 тысяч.

Не могу умолчать и об одном таинственном случае, имевшем место в последние годы моей жизни.

Живо вспоминая неизреченные милости Божии, являемые мне в течение всей жизни моей, я, памятуя, что *тайну цареву подлежит добро хранить, дела же Божии прославляти славою* [sic]⁵⁵, заносил в свои памятные записки наиболее достопримечательные случаи из жизни моей. И вот, сидя в своей келлии за упомянутыми записками — было это в 1918 году — я отлучился на короткое время из келлии своей, по возвращении куда с ужасом заметил, что драгоценная тетрадь моя почти вся обуглилась и без ведомой причины, ибо огня вблизи не было...

Так-то ненавистны врагу нашего спасения дела милости Божией...

Благо, что у меня имелась другая тетрадка того же содержания.

Богу нашему слава, Ему же честь и держава во веки.

Аминь.

Извлечение из келейных записок послушника Саввы Буренко

Приложение к автобиографии игумена Мануила

После мученической кончины присного ученика и послушника игумена Мануила, брата Саввы Буренко, сохранились две тетрадки черновых его записок. В эти тетрадки заносилось покойным для памяти все, что в той или иной степени оставалось его вниманием; главным же предметом этого внимания для почившего был все тот же руководитель его, наставник и отец, духом своим его породивший, о. игумен Мануил.

От плод познаете их, — глаголет Господь. По Савве-послушнику познаем и его «авву»: всяко бо древо доброе плоды добры творит⁵⁴.

В тетрадке № 1-й, на первых ее страницах списано рукою брата Саввы себе в назидание письмо игумена Мануила к неизвестным рабам Божиим Платониде и Марии. В нем написано следующее:

Христос посреде нас. Боголюбивые благодетельницы наши, матушки Платонида и Мария! Благословение Божие и державный покров Царицы Небесной да почует на вас вовеки.

Как я рад, что вы, по внушению Божественного Промысла, прислали мне на украшение св. церкви сто рублей. Действительно, из этого видна милость Самой Царицы Небесной, пекущейся о нашей обители. Для уверования же вашего подробно объясню, как совершилось это чудесное событие.

11-го июля 1902 года митрополит Феогност благословил меня иконой Успения Божией Матери, художественно изображенной на кипарисовой доске. На обороте иконы своеручная надпись митрополита:

«С благословения Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшаго Феогноста, Митрополита Киевскаго и Галицкаго, от Успенския Киево-Печерския Лавры Скиту Пречистыя у пещеры Преподобнаго Феодосия Печерскаго в «Церковщине» — в благословение».

Пред сей иконой теплится неугасимая лампада. Я особенно благоговею пред этой иконой и чту ее, как драгоценнейший дар Божией Матери. Такою же ведь иконою Сама Царица Небесная благословила Преподобных Антония и Феодосия на устройство в Киево-Печерской Лавре церкви в честь Ея Успения.

Тридцатого августа сего года явилось у меня желание устроить эту св. икону по образцу Лаврской, т.е. чтобы икона эта, будучи помещена над Царскими вратами, по особо устроенному механизму спускалась бы

для благоговейного ее лобзания и чтобы при спускании ее певчие пели «под Твою милость прибегаем», а братия и богомольцы во время сего пения подходили и прикладывались к ней... Подумал я о сем и с горечью сказал себе: «Что ж, и сделал бы это для Царицы Небесной, да денег нет». — На том, стало быть, и делу конец. Смотрю, на Покров неожиданно является ко мне одна знакомая женщина, лет семь тому назад пожертвовавшая в наш скит Плащаницу, и говорит мне:

«Что же вы, батюшка, до сих пор не устроили иконы Успения Божией Матери над Царскими вратами?»

Я подивился да и говорю:

«Вы отвечаете на мою мысль. Я бы и очень был рад устроить, но беда в том, что не хватает денег даже на насущную потребу братии. Подходит зима: нужен хлеб, отопление, освещение...»

«Не скорбите, — говорит, — батюшка: не оставит вас Царица Небесная, да и я помогу вам». Вынимает из кармана сто рублей и подает мне. Поблагодарил я Царицу Небесную и жертвовательницу и вслед отправился в город к мастеру. Мастер объявил мне, что устройство иконы будет стоить двести рублей. Я ответил, что пока больше ста рублей дать не могу, а остальные пусть ждет, доколе не пришлет их Царица Небесная. Мастер ответил:

«Матерь Божия не замедлит».

Возвращаясь от мастера домой, заехал на почту, а там от вашего любящего ровным счетом сто рублей и притом не на иное что, а на украшение храма.

«Переписал я это письмо с черновика, составленного самим о. Мануилом, — *так записывает в своей тетрадке брат Савва*, — и пошел с ним в кабинет к батюшке.

— Вот видишь, — говорит он мне, — будем мы только жить по Божьему, а Господь и Царица Небесная не оставят нас. Вот видишь: не успел я и погоревать, а Царица Небесная уже прислала».

* * *

Возвращался наш батюшка из Киева в скит. Напал на него среди бела дня разбойник, сорвал с него золотой наперсный крест, серебряные часы и полученные с почты братские 300 рублей и скрылся с ними в соседней роще. По приезде домой батюшка со слезами отслужил молебен Царице Небесной и Св. Иоанну Воину, прося защитить его и вознося благодарение за свое спасение. Вскоре после этого разбойник был арестован и попал в тюрьму. Из тюрьмы он написал письмо батюшке, преисполненное угроз, даже покушением на его жизнь. Прошло немного времени, злодей, все еще

находясь в тюрьме, был поражен тяжелой болезнью ног. После этого от него пришло письмо, и в нем он уже смиренно просит у батюшки прощения. Батюшка не только простил его с любовью, но и послал ему нечто от любви своей, между прочим, утешительное письмо и несколько книг духовного содержания.

* * *

При приеме в число братии пришедших из мира, батюшка сначала посылал прибывшего на общие работы. Если пробудет честно месяца два или три на этих работах, то одевал в подрясник и зачислял в число временных послушников. Первым его вопросом всегда бывало:

— Скажи по совести, чего ради пришел ты сюда: ради ли Иисуса или ради хлеба куса?

При приеме же брата, вышедшего из другой какой-либо обители, он всегда говорил своим:

— Будьте с ним осторожны и мудры, как змии. Раз он вышел уже из обители, значит, он больной. Пусть сперва поработает за деньги, а там видно будет.

* * *

Пожертвовала одна Киевская госпожа тысячу рублей для скита. Прошло сколько-то времени, приезжает она в скит и спрашивает батюшку:

— Что сделано у вас на мои деньги?

И что же? Повел ее батюшка показывать, подвел к мусорной яме, подвел к помойным трубам.

— И это, — говорит, — тоже на ваши деньги.

Очень расстроилась этим госпожа та и, не захотевши выпить даже стакан чаю, уехала домой. Через несколько дней батюшка поехал к ней.

— Не гордитесь, — говорит, — своей жертвой, а меня простите великодушно, что я вас оскорбил.

И привел жертвовательницу в сознание своей недостаточности духовной: она и впоследствии не переставала благотворить обители.

* * *

Приходит к батюшке эконоом и говорит:

— Батюшка! там-то стена дала трещину, а там валится.

— Ничего, — отвечает батюшка, — мы еще разов несколько перестроим. Ему все нипочем: такова крепкая у него вера.

* * *

8-го сентября, на день Рождества Пресвятыя Богородицы было у нас в скиту огромное стечение народа. Богомольцев было столько, что братия с трудом протискивалась на хоры. Литургию служили собором, начав с 8 часов утра и до часу пополудни. По окончании Литургии сборщик сообщил батюшке, что всей жерты поступило только четыре рубля.

— Царица Небесная! — ужаснулся батюшка, — что ж я теперь буду делать с этой бедной братией? Что ж они будут кушать?

С сердечной скорбью вышел он из церкви.

«Смотрю, — говорит батюшка, — подбегает ко мне какая-то женщина и говорит: «Снимите, батюшка, с меня эту змею, которую я уже 25 лет как ношу». И подает мне 125 рублей».

Это я от самого батюшки в тот же самый день слушал.

Рассказывая об этом, батюшка добавил: «Видишь ли, как близок к нам Господь! Наше дело творить добро по силам нашим, творить его искренно, с любовью, радостью, а Господь уже Сам знает, когда и как наградить нас. Только веруй, только знай навверное, что ни одно доброе дело, ни одна добрая мысль, ничего ради Господа содеянное не пропадет даром. За все получишь награду свою...»

* * *

К себе батюшка принимал всех: как мужчин, так и женщин. Но бывали случаи, когда некоторых не только не принимал, но и говорить с ними не хотел.

«Поди, — скажет в таком случае, — спроси, что надо».

* * *

После обеда, в субботу, на 1-й неделе Великого Поста, когда вся братия уже отговелась, батюшка обратился к ней со следующим словом:

«Вот, братия, Преподобные отцы наши Антоний и Феодосий не вкушали такой пищи, какой сегодня мы напитались. Царица Небесная удостоила нас перед сим приобщиться Святых Христовых Таин. Будем же осторожны как в делах, так в словах и помышлениях своих, ибо диавол, как лев рыкающий, ищет кого бы поглотить⁵⁶. Чтобы обезопасить себя от него, ходите к духовнику и, кого что будет беспокоить в совести, объясняйте ему. Таковые без труда спасутся; а кто будет крыться и делать по-своему, тот погибнет навеки, ибо ни к кому диавол так не подходит, как к самочинникам... Время наше печальное. Мы переживаем дни всеобщего развращения: уже

весь мир поклоняться стал идолам, посты забыты, Церковь оставлена, даже от Самого Бога и от Того отступили люди. Нам же надо стоять крепко. Ученики Преподобного Антония Великого вопрошали его о последних монахах, каковы будут они. Преподобный ответил им:

«Мы, — сказал он, — имеем благодать. После нас грядущие наполовину иметь ее будут, а последние — только наглавники на головах своих носить будут, уйдут из пустыни и устроят себе хоромы, как цари, и будут горды. Но найдут скорби на них и обрящутся выше отец своих».

На скорби, братия, только и надежды. Будем же благодушно переносить все находящие на нас скорби и невзгоды, ибо ясно уже видно, что вдруг, неожиданно для всех последует с неба последний удар, и мы погибли».

После этих слов все во главе с батюшкой пошли в церковь и отслужили молебен Царице Небесной, Удостоившей нас причаститься Св. Пречистых Таин Тела и Крови Христовых. После молебна батюшка просил затвориться каждому в своей келлии и заняться чтением душеполезных книг.

* * *

Сказывал мне брат Николай:

«Вернулся я в скит с дальней дороги, устал. Звонили на правило. Помысл мне говорит: «Ты уморился. Прочитай в келлии молитву да ложись: ты ведь с дороги наморился». Я не захотел слагаться с помыслом, преодолел себя и пошел в церковь. В церкви стоять было одно мучение: ноги подкашивались, всего меня ворочало, так что я чуть было с ног не свалился. Я все терпел. Измученный борьбой, но не сдаваясь, я открыл глаза и вижу, что у образа еле теплится лампада, а братии никого не видно. В церкви стоял густой сумрак. Вдруг из этого сумрака явился диавол. Пасть его была раскрыта, вид безобразен. Диавол хотел поглотить меня. Я задрожал от страха и закрыл глаза. Взглянул опять — опять то же. Я стоял ни жив, ни мертв. Чтец читал в это время молитву «Многомилостиве и всемилостиве Боже мой, Господи Иисусе Христе...» Я еще раз взглянул: видение исчезло, и в церкви стало по-прежнему светло».

После этого брат Николай пошел к батюшке и подробно объяснил ему все бывшее. Батюшка его утешил и сказал:

«Да, этот гость того вечера и у меня был. Вышел я из кабинета в залу; вхожу обратно, а у меня за письменным столом какой-то господин сидит и что-то пишет. Я оградил себя крестным знаменем и, творя молитву, вошел в кабинет. Незнакомец встал с места, подошел к аналою и стал невидим».

Брат Николай спросил:

«Что мне, батюшка, делать? Я поначалу испытал великую ревность, влекущую меня в церковь, а теперь такая лень обуяла, что не могу долго стоять в церкви».

«Нуди себя, — отвечал батюшка, — ибо нуждающие восхищают Царствие Божие. Благодать Божия, как мать чадолубивая, воспитывая дитя иногда как бы оставляет его, прячась от него. Дитя с испуганным плачем бросается искать ее и, когда находит, сугубо радуется. Подобно сему и благодать Божия оставляет на некоторое время человека, а потом возвращается, управляя и наставляя его на все доброе».

* * *

Один раз — это было в августе 1912 года — батюшка не спал за трудами своими до 12 часов ночи. В четвертом часу утра, проснувшись, я почувствовал себя не совсем хорошо, наскоро оделся и пошел на воздух проветриться, прогуляться. Взошел я на хребет нашей горы. Смотрю и глазам не верю: на противоположной стороне, опершись на перила изгороди, где посажены сосны, стоит батюшка. Я, разумеется, поспешил сойти вниз. Так мало времени отдавал батюшка отдыху.

А то, бывало часто, зайду я к нему в кабинет, а батюшка, до крайности утомленный, говорит:

— Бери ручку, садись, пиши, а то я решительно ничего не в силах делать. И в то же время уже готовился ехать в Киев по делам обители.

* * *

17-го сентября 1912 года. Было половина двенадцатого. Трапезный, по обыкновению, три раза ударил в колокол. Созывал на трапезу. Стала братия сходить, пришел и батюшка. Братия сходилась так медленно, что батюшке пришлось просидеть в ожидании около четверти часа. После обеда, когда батюшка благословил трапезного и повара, он велел братии отстаться, а посторонним удалиться.

— Спасибо, брат Николай, — сказал он повару, — пищу ты варишь хорошо, но только нехорошо ты делаешь, что отпускаешь кушанье в келью. Вот смотри, братии почти нет.

— Благословите, — отвечает повар, — никому не буду давать, а то придет иеромонах, как ему отказать?

— Иеромонаху или кому другому, — прервал его батюшка, — кто бы ни пришел, все равно никому не давай. Когда я жил у старца Ионы, то он говорил, что кто в трапезе бывает, тот особую от Бога благодать получает,

потому что в трапезе пища благословляется и вкушается по общей молитве и при чтении душеспасительных книг...

— А ты, — обратился батюшка к трапезному, — после обеда никому — ни куска хлеба, разве крайность какая: кто, например, с дороги не поспел к обеду — тому необходимо, конечно, дать обед в келью. А то сколько уже раз я вызывал всю братию к помойным кадушкам и наказывал, чтобы никто ни одного кусочка хлеба не бросал в них. А теперь загляните-ка, сколько там кусков.

— Простите, батюшка, — ответил трапезный, — это с келлий: у меня этого никогда не бывает.

Тогда батюшка обратился к братии и строго сказал:

— Это могут делать только те, кто пришел сюда не ради Иисуса, а ради хлеба куса, потому что не зна[ю]т, как этот кус добывается. У нас никаких доходных земель нет, а есть только одна над нами великая милость Божия. Это помнить надо и ею дорожить. На одни Уманские постройки я израсходовал уже десять тысяч, а откуда они добыты, никто не знает. Здесь постройка за постройкой, за 700 рублей сено, да 3000 рублей за картофель, да хлеба нужно с вагон. А ведь братии — слава Тебе, Господи — до двухсот человек: надо всем обуться, одеться. Я ни в чем не стесняю: надо сапоги — иди, бери, надо подрясник — бери; разве только готового нет, тогда поневоле откажешь. Одним словом, живи только друг с другом в любви да Бога благодари. А будем мы небрежно относиться к милости Божией, то, не дай Бог, она оставит нас, что тогда нам делать? Как клопы, разлеземся по разным углам, потому что и богатые обитатели и те разоряются, а о нашей и думать нечего. Трудитесь же, молитесь да хлеб берегите, яко зеницу ока. Я когда пришел сюда, то нужду имел в куске хлеба такую, что, бывало, пойду пешком в город да на коленях выпрашиваю у иноков Братских отпустить мне хоть сколько-нибудь хлебца, а они и говорить не хотят. Вернусь домой тощий часам к двенадцати, отслужу вечерню, а затем утреню и опять бреду за хлебом в Киев. Там вымолю, выпрошу, найму «бендюжного» да и привезу муки на малое время. Так я жил целых два года. И было нас тогда всего — два сторожа да я; а теперь, вишь, вас сколько. Дорожите ж, молю вас Христом Богом, хлебом и не расточайте его на поправление, да не в грех вам сие будет.

* * *

20 сентября 1912 года. Зашел я к батюшке в кабинет. Сидит, читает книгу.

— Батюшка, — говорю, — там госпожа одна просит выслать ей еще брошюрок. Как благословите? Я перешлю ей через часовню, а то имени ее я не знаю. Может, вы помните?

— Поверь мне, — отвечает, — у меня так слаба голова, что я, думая, думаю другой раз, как тебя звать и никак не удумаю, а то чтоб ее помнить? Сколько их, Господи! Пиши ей так, как будто показываешь вид, что я ее не помню. Старые благодетели — другое дело, а то, сохрани Господи, эти знакомства!

Так неискателен мой дорогой батюшка.

* * *

Когда еще канцелярия находилась на третьем этаже, в одном коридоре с покоями батюшки, я, подойдя со смирением к батюшке, бросился на колени и сказал: «Дорогой батюшка, благословите меня написать мне Вашу биографию, ибо жизнь Ваша так назидательна и многому может научить читателя...» Батюшка любовно посмотрел на меня и спросил: «А ты разве можешь сохранить сие в тайне до смерти моей?» Я поклялся, что сохраню тайну. Тогда батюшка, с миром отпустил меня, сказал: «Бог благословит».

Для этого я часто уединялся в свою келью и там приводил в порядок и переписывал батюшкины черновички. Батюшка потом все сам пересматривал и исправлял. Были у него тетрадки о житии его, написанные каким-то студентом, прожившим в скиту во время летних каникул, но батюшка не сохранил — плохо был[о] написан[о].

Когда наш старший канцелярист о. Симеон и его помощник Вячеслав уехали от нас, то батюшка поручил мне канцелярию, и мне пришлось тогда оставить писать его биографию.

4 августа 1913 года. Сидел я с батюшкой за чаем на балконе, что против церкви Рождества Пресвятыя Богородицы. Батюшка говорит:

«Когда умер наместник Братского монастыря архимандрит Антоний, отказавший мне в куске хлеба, я не мог о нем молиться. И вот, является он мне, да не во сне, а прямо-таки вижу тень его наяву: руки сложены на груди, и мне кланяется. С той поры преодолел в себе это искушение и стал молиться за него».

* * *

В трапезе, после обеда, 7-го января 1914 года, батюшка обратился к братии со следующим кратким словом:

«Отцы и братия! Семь лет уже прошло, как, по милости Божией, заложен храм при пещерах. Достройке его помешала Уманская обитель.

Средств у нас нет, а поэтому прошу вас, пожалуйста сегодня убирать храм, а завтра будем служить всенощное бдение Святителю Николаю, ибо Господь говорит: стучите, и отверзется вам. Да поможет нам Угодник Божий, и да ниспошлет он нам нужные для его храма средства, а затем начнем доставку кирпича».

8-го января, в половине четвертого, послышался звон большого колокола, и вся скитская братия скорыми шагами направилась в церковь Рождества Богородицы, где, отслушавши вечерню, ожидали выхода в недостроенную, что над пещерами, церковь крестного хода. Из алтаря вышли два иеромонаха — о. Аполлинарий и Кесарий, — взяли на свою руку икону Святителя Николая, стоящую в киоте левого клироса, и крестный ход со святыми иконами и хоругвями направился к пещерам. Несмотря на глубокую зиму, погода стояла хорошая, свечи в руках певчих и на подсвечниках горели всю дорогу и не тухли. Батюшка о. Мануил встретил нас в облачении, с крестом в руке, в сопровождении иеродиакона о. Иоанна с кадиллом. Подойдя к иконе, батюшка сотворил поклон и приложился. У батюшки в это время был такой вид, что он весь ушел в молитву с несомненной верой и надеждой на помощь угодника Божия. Глядя на него, я не мог не прослезиться, но скрыл это даже от своего сотрудника, несшего подсвечник.

Сначала был отслужен с водосвятием молебен Угоднику Божию, и все иконы и люди были окроплены святой водой. Затем началось служение утреди. На душе что-то было особенное. Я мысленно обращался в то время к родителям своим, братьям, сестрам и ко всем знакомым, приглашая их прийти и разделить с нами радость эту.

После 1-й кафизмы, сам батюшка читал народу из жития Угодника Божия Святителя Николая и в заключение добавил следующее:

— Да, — сказал он, — великую он нам оказывал помощь. Это хорошо известно здешним старожилам, насельникам нашей обители. Угодник Божий — это моя путеводная звезда. Я от самого младенчества питаю к нему глубокую веру. Никогда я не представлял себе, чтобы на этом месте был храм, но мне пророчески сказал об этом дедушка уставщика нашего левого клироса, брата Феодосия, он же отец нашего пасечника Петра, старец Полагута. Человек он был очень благочестивый и ежегодно присылал нам по 60–100 пудов хлеба, хотя своего и не имел, а сбирал по крупице с мира. Пред освящением пещерного храма в честь Преподобного Феодосия я посылал ему приглашение приехать к нам и вместе с нами разделить нашу великую радость. Отчасти по болезни, отчасти и по другим обстоятельствам, он приехать не мог к назначенному дню. Когда же приехал, то со слезами говорил мне:

«В ночь после освящения у вас храма Преподобного Феодосия я видел во сне такое видение: вижу я, на пещерный храм собираются со всех сторон светоносные юноши, и у каждого из них копье в руках, а на копьях по яркой звезде, и звезды эти одна от другой, как говорит Св. Апостол Павел, «разнствуют в славе своей»⁵⁷. Я смотрел на них, недоумевал, что бы это значило. Смотрю: у источника стоит Преподобный Феодосий Печерский и с ним старец Иона, который послал меня сюда. Я подошел к ним да и говорю:

«Отцы святии, что это за светоносные юноши?»

А преподобный Феодосий отвечает:

«Сегодня в скиту в Церковщине освящен храм Преподобного Феодосия, а где стоит полк юношей, там будет построен собор».

Как видите, братия, сами угодники, павшие на месте сем от меча татарского, ожидают прославления их мученического подвига храмом Божиим. И быть тому, ибо на сие есть изволение Божие.

Батюшка сказал слово это в таком духе, что не только мирские, но даже и братия тронута была до слез.

* * *

25-го мая 1914 года. День Св. Троицы*. Церковь Рождества Богородицы в этот день походила не на храм земной, рукотворенный, а на Эдем сладости⁵⁸, только что исшедший из творческих рук Создателя и Бога всяческих. Голубой цвет стен, ясная позолота иконостаса, зеленые ветви деревьев, сквозь которые просвечивали лики святых, чудное пение клиросной братии и соборное благоговейное служение — все это такой небесной благодатью веяло на душу, что, кажется, веки не вышел бы из храма Пречистыя Богородицы.

Литургию соборне служил батюшка, а затем и вечерню. Началось чтение молитв Святому Духу. Став на колени и отерев рукою набежавшие на лоб капли горячего пота, он начал внятно читать первую молитву. Читал он просто, но умиленно. И вот слышу, голос его стал ослабевать, и вдруг из глаз его покатались горячие слезы. Слезы неоднократно прерывали чтение молитвы, особенно на тех местах, где молитва возносилась о прощении грехов и освобождении нас от власти диавола. Вся церковь преисполнилась плача. Остальных молитв от душевного волнения и потоков слез батюшка читать был уже не в силах; за него их прочел казначей о. Аполлинарий.

Вот как в простых сердцах почивает Бог.

---

* В рукописи подчеркнуто.

16-го июля 1914 года. На другой день после торжественного празднования памяти Св. Князя Владимира в часовне на Крещатике, находящейся в заведовании скита, батюшка о. игумен Мануил возвратился в скит совсем больной. Болезнь (дизентерия) уложила его в постель, и батюшка заболел не на шутку. Два дня спустя расстроенное его здоровье еще более поколебалось: неожиданно для всех объявлена была мобилизация по случаю войны с Австрией и Германией. Келейники доложили, что забирают лошадей, повозки, упряжь и требуют братию, как раз тех, которые являются, можно сказать, нужнейшими членами общежития, как то: заведующих столярней, кузницей, уставщика, фельдшера, канцеляристов; взяли и записчика — о. Филиппа, только что перед тем заболевшего дизентерией. О. Филиппа, по освидетельствовании, как больного, оставили и препроводили в Киевскую Кирилловскую больницу, где он 28-го июля и скончался. Царство ему Небесное! Святой он был жизни человек. Много он молился и постился, целые ночи проводил не ложась, но сидя на койке и не раздеваясь, и, чем только было можно, смирял себя. Трудился больше всех. Зайдет, бывало, в алтарь — и это по крайней нужде — и там старается слова лишнего с братией не только с меньшей, но и со священнослужителями, не вымолвить, памятуя присутствие в алтаре Господа... Батюшка услышал, что забрали братию, загоревал, умолк и тихо опустился на постель. Это было 13-го июля. После сего благословил двух ставленников — о. Михаила и о. Пантелеимона — и велел им идти в Братский монастырь для рукоположения — первого во иеромонаха, а второго во иеродиакона. Призвав к себе в залу, батюшка взял крест и, после краткой молитвы благословил нас, уходящих (в их числе и меня), и сказал:

«Не скорбите, братие: Господь все устроит на пользу нашу!»

Я не удержался и зарыдал, зарыдали и бывшие со мною. Да и кто бы не заплакал при взгляде на покрытое сединами, так быстро осунувшееся и исхудалое лицо старца, держащего в руках крест и благословляющего им братию на бой с врагами?

Благословив нас, батюшка того же дня уехал в Киев в Лаврскую больницу, откуда и прислал нам в благословение по серебряной иконочке; мы же, ратники ополчения, остались в обители до следующего дня, а те из братьев, кто состоял в запасе армии, ушли раньше.

Жаль было расставаться с обителью, и, сколько ни старался я не скорбеть, ничего с собою не мог поделать: плоть, несмотря на бодрость духа, онемощнела, и горячие слезы катились из глаз. Жаль было расставаться с пустынею, и особенно я жалел о том, что больше мне не придется найти

такого наставника и руководителя, каким был о. игумен Мануил. Скажу, что другой отец родной так не печется о своем сыне, как заботился он обо мне. Я плакал, но плач этот был не в горечь, а в сладость. Я скорбел не так, как неимущие упования. Чтобы скрыть слезы свои от братии, я мысленно начал утешать себя, приводя на память примеры из Св. Писания. Но кто-то будто говорил мне:

«Это свойственно человеку».

Я согласился с этими словами и говорил сам себе: ведь, и Господь, егда восхоте отдать живот Свой за душу мою, скорбию великою объят был...

Буди воля Божия!..

По уходе из обители — это было в воскресенье 20-го июля — мы втроем заехали к батюшке, чтобы в последний раз, как думал я, проститься с ним и получить последнее его благословение. Батюшка, благословил нас, опять сказал: «Не унывайте, братия: предайтесь во всем воле Божией!»

Так мы и расстались.

Два дня мы пробыли на сборном пункте, где ожидали сформировки. Требуемое число было набрано, мы за излишком были оставлены. Я с уставщиком и другим братом возвратились в обитель. Из обители я написал в свое волостное правление, так как из-за меня местные власти беспокоили моих родителей, объяснив все подробно, и просил старшину сообщить мне распоряжение начальств. Старшина написал мне немедленно явиться. По приезде на родину, в г. Александрию, я справлялся в канцелярии воинского начальника. Мне сказали, что я свободен. Из Александрии заехал на родину, где прожил одни сутки и, простившись с родными, 4-го августа в 3 часа утра уехал в Киев. Долго меня упрашивали родители пожить хотя бы еще несколько дней, но мне так жаль было обители и моего батюшки, что я ни на какие их мольбы не согласился.

В Киев я приехал в 2 ч. утра 5-го августа. Узнав, что батюшка уже в обители и поправляется (он проболел 12 дней), я, несмотря на свою усталость, порешил 15 верст из Киева до обители идти пешком. Придя в обитель, был встречен самим батюшкой. Радости моей не было конца. Батюшка, хоть и слаб был, а обласкал меня и позвал попить с ним чаю. То-то мне была радость!

* * *

10-го августа 1914-го года. Во время обедни, после «Тебе поем», батюшка позвал меня в алтарь. Подойдя к нему, я взял благословение. Батюшка был только в мантии⁵⁹ и епитрахили⁶⁰.

«Иди, — сказал он мне, — прочитай мне благодарственные молитвы».

А сам стал читать еще не прочитанные молитвы ко Св. Причащению. Глядя на него, я не мог удержать слез. Жаль было мне смотреть на исхудалое лицо моего старца. Сознывая свое недостойнство, я еще более умилился и говорил себе: Господи! достоин ли я послужить такому старцу, да еще где? — в алтаре, пред святым Твоим жертвенником? Я плакал, закрывшись дверью ризницы, размышляя в себе: ну, а если батюшка умрет, кто ж попечется о мне тогда так, как он?.. Я весь взволновался и, когда читал батюшке молитвы, читал их с большим напряжением, так как слезы не переставали катиться из глаз.

По прочтении молитв батюшка велел мне скушать принесенный ему антидор⁶¹ и запить из корчика⁶² теплотою⁶³. Из алтаря я провел батюшку в келию, а сам возвратился слушать окончание литургии.

* * *

17-го ноября 1914 года. Я стоял в пещерной церкви за ранней литургией. Еще до чтения часов батюшка позвал меня в пономарку⁶⁴ да и говорит:

— Видел я дивный сон в эту ночь: будто вышел я из корпуса возле трапезной и вижу, что весь пещерный холм объят каким-то чудным светом, деревья же, растущие на холме, сделались неопишуемой красоты; птиц же над храмом было так много, что, казалось, это была туча, и пели они так чудно-хорошо, что и передать невозможно. Когда я проснулся, то пение их все еще продолжало звучать в ушах моих. И когда я смотрел и дивился на все это, то ко мне подошла жена некая и сказала:

«Что это за красота, что за пение птиц».

На это батюшка ответил: «А еще нет соловьев... А как Господь весною еще соловьев пришлет сюда... и начнут они славить Господа и людей своим пением улаждать... Истинный рай...» — «Это рай Божий, ах, Боже мой, какая красота, чудная обитель!»

И вспомнив об этом сне своем, батюшка добавил:

— Это, должно быть, мученические косточки, что здесь почивают, радуются Богослужению в их храме и созиданию нового. Птицы же — это наша певчая братия⁶⁵. Пускай с сегодняшнего дня служится здесь ежедневно ранняя обедня, а братия пусть к ней ходит и поет, как те птицы.

* * *

25 ноября 1914 г. Батюшка к 3 ч. пополудни возвратился из Киева. Позвал меня в кабинет и, вручая почту, сказал:

— Сегодня Божия Матерь сотворила чудо со мною. Я все время думал, как бы о. Сильвестру помочь обзавестись лавочкой в домике, что возле

пруда. Приезжаю в часовню, а о. Зосима выносит мне 100 рублей да и говорит: «Это принесла какая-то девочка и сказала: помолитесь. Деньги эти от неизвестного лица».

Я взял эти деньги, возблагодарил Господа и Его Пречистую Матерь и послал о. Сильвестру.

При том батюшка добавил:

— Что-то я стал ослабевать. По ночам стал у меня появляться сильный пот, после чего я чувствую себя очень нехорошо.

Помилуй и спаси его, Господи!

* * *

На сем прерываются тетрадки черновых записей брата Саввы, послушника и ученика о. игумена Мануила. Из этих тетрадок извлечено только то, что касалось лично самого о. игумена и взаимоотношений между ним и учеником его. Не много этих заметок, но в этом немногом просвечивает так много теплого света, так много говорит от сердца к сердцу, что и этого самого слишком достаточно, чтобы показать, что и в наше время царства тьмы «свет еще и во тьме светится, и тьма не объяла его».

И свет этот — **Любовь** во Христе Иисусе Господе Нашем, та любовь, которая «никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»*.

Богу же Нашему Слава и честь и держава во веки веков.

Аминь

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В Скиту Пречистыя

*Фрагменты из «Воспоминаний»
кн. Н. Д. Жевахова*

Брат⁶⁶ и я [...] оставались [В Скиту Пречистыя] 3 месяца, вплоть до изгнания большевиков из Киева Добровольческой армией генерала Деникина, вступившей в город 18 августа 1919 года.

Эти три месяца были, с одной стороны, непрерывным страданием, с другой — непрерывным свидетельством дивных знамений Божиих, теми

---

* [1] Кор. XIII, 8.

аскетическими, хотя и подневольными опытами, которые возводили настроение до предельных высот религиозного напряжения, возможного только при необычных условиях вне мира. И брат, и я были облачены в послушнические одежды, ходили в подрясниках, с скуфейками на головах, и, искренне желая слиться с прочей монастырской братией, радостно и охотно подчинялись общему укладу монастырской жизни. При всем том, однако, мы не могли на первых же перах, не почувствовать той высокой стены, какая стояла между нами и братией, состоявшей сплошь из крестьян окрестных сел и деревень, и какую эти последние не только не могли, но и не желали перейти. Насколько внимателен был к нам расположенный к моему брату игумен Мануил, впоследствии схигумен Серафим, пользовавшийся разного рода благодеяниями со стороны моего брата, в последнее время почти единолично поддерживавшего скит хлебом и продуктами из своего имения, настолько недоверчиво и неискренне относились к нам прочие насельники скита. Глухое недовольство и ропот, с трудом сдерживаемые первое время, стали все более резко обнаруживаться по мере того, как большевики, грабя окрестные обители, стали добираться и до скита. Наряду с жалобами на «объедание» игумену стали приноситься и жалобы на то, что, укрывая «князей», он подвергает опасности весь скит. Возможно, что такие опасения и были основательными, однако старец-игумен приходил в страшное негодование от этих жалоб, указывая, между прочим, и на то, что весь скит кормится тем вагоном хлеба, какой был пожертвован моим братом. Препирательства игумена с маловерною братией все более учащались, и мы с братом не раз задумывались о том, куда идти и где искать приюта, о чем и заявляли игумену. Но он и слышать не хотел о нашем уходе и мужественно, не церемонясь в выражениях, пробирал свою братию, называя ее разжиревшими на монастырских хлебах, зазнавшимися хамами, не только забывшими, но никогда не знавшими Бога, Который сильнее всяких большевиков и может защитить обитель от каких угодно зверей, лишь бы только обитель любила Добро и творила его, утверждалась бы на страхе пред Богом, а не пред людьми.

Какою мудростью веяло от этих слов престарелого игумена, сколько подлинной веры выражали они!

— По человечеству, я и точно навожу опасность на обитель, укрывая вас, — говорил нам игумен, — а по Божиему, я творю добро, спасая вас от смерти, за что же Господь будет наказывать меня и обитель?! Они, — говорил игумен, указывая на братию, — не знают, что Господь скорее

накажет меня, если я выпущу вас на растерзание большевиков, имея возможность укрыть вас... Живите себе спокойно, пока не скажется воля Божия, а на человеческую волю братии не обращайтесь... Они все большевики, и если бы я им дался, то меня бы первого они разорвали.

И действительно, прошло немного времени, как братия предъявила игумену Мануилу требование об уходе на покой, и старец советовался с нами, как ему реагировать на такого рода наглое требование. Разумеется, и брат мой, и я усиленно убеждали игумена не только отклонить такое требование, но и использовать всю полноту его власти для обуздания зачинщиков. Кончилось тем, что игумен созвал всю братию и выбрал ее площадною бранью, проявив при этом совершенно исключительное мужество, изумительную находчивость и из ряда вон выходящую смелость. После учиненного разноса братия мгновенно смирилась, и жизнь обители вошла в свое обычное русло. Это была едва ли не единственная в епархии обитель, где еще держалась власть законно поставленного игумена. Во всех прочих монастырях братия быстро революционизировалась, изгоняла прежних начальников, заменяла их выборными и проявляла открытое неповиновение к законной власти.

Личность игумена Мануила до того примечательна, что я должен остановиться на ней подробнее.

Крестьянский сын игумен Мануил с детства чувствовал влечение к иноческой жизни. Он несомненно родился не только с дарованиями, но и с той тоской по идеалу, которая обезценивала в его глазах все окружающее и гнала его из мира. Заглушая эту тоску, он подвергал себя не только аскетическим опытам, но и тяжелым епитимиям, добровольно налагая на себя всякого рода испытания, носил вериги, предавался посту, проводил ночи в поле на молитве и пр. Будучи сыном состоятельных родителей и не испытывая нужды, он добровольно бичевал себя, помогал больным, отказывая себе в куске хлеба, и горел только одним желанием всецело предать себя воле Божией и поступить в монастырь. Однако родители были против такого намерения и, пристроив его на службу приказчиком в соседнем городе, думали женить его⁶⁷. Это решение до того испугало 16-летнего юношу, что он без оглядки бросился бежать, куда глаза глядят, пока не добежал до ближайшего монастыря, где и укрылся. Чистосердечно рассказав настоятелю монастыря о причинах, заставивших его бежать из родительского дома, он попросил принять его в число братии, что тот и исполнил, обещая заступиться за него пред родителями.

Как протекала дальнейшая жизнь игумена Мануила я не знаю, ибо познакомился с ним лишь незадолго до революции, а ближе узнал его только во дни своего пребывания в скиту. Это был уже глубокий старец, очень растолстевший и обленившийся, ничем не интересовавшийся и равнодушный ко всему окружающему. Он еле передвигался с места на место, да и то с помощью двух послушников, поддерживавших его, хотя не пропускал ни одной церковной службы и аккуратно являлся в храм четыре раза в сутки на утреню, раннюю обедню, вечерню и всенощную, где предавался дремоте. Тем не менее от его зоркого наблюдения не ускользал ни малейший промах священнослужителей, которых он грозно окрикивал, замечая ошибку. Его игуменское кресло стояло раньше в алтаре, но по требованию братии, заявившей игумену, что он своим присутствием в алтаре вносит соблазн, было вынесено на левый клирос. Игумен Мануил подчинился требованию, однако не простил его и, сидя на клиросе, проявлял свою игуменскую власть в формах еще более строгих, чем раньше.

— Чего ты вертишься в алтаре, как скотина, — раздавался с клироса властный голос игумена, обращенный к новопоставленному диакону, неумело совершавшему каждение.

В устах всякого другого такие приемы и напрашивались бы на осуждение, однако со стороны игумена Мануила здесь было столько простодушия и незлобности, столько опытов дознанной уверенности в неприменимости никаких иных приемов отношения к его невежественной и грубой братии, что, конечно, осуждать его было бы несправедливо. И сам игумен прошел суровую школу жизни, сам вышел из крестьян и братию свою дисциплинировал способами, казавшимися ему наилучшими, не допуская и мысли, что его методы и системы воспитания братии могут рождать соблазн. Скит, начальником которого он был, являлся в его глазах вотчиной, а братия — его даровыми работниками. И со своей точки зрения он был прав, ибо никак не мог стать на другую точку зрения. Игумен Мануил, вступив в управление скитом, застал там только заброшенное ущелье между горами, не поддававшееся никакой обработке, усеянное пнями от срубленного леса, однако, обладая исключительной энергией и большим практическим умом прирожденного строителя, привел скит в цветущее состояние, обновил старую маленькую церковь, заложил фундамент и довел до первого этажа огромный каменный храм, выстроил игуменский и братский корпуса, гостиницу для паломников, создал дивную пасеку и фруктовый сад и заставил говорить о себе и своей деятельности не только Киев, но и

соседние губернии. Так как в этой работе ему не только никто не помогал, а наоборот, все, кто мог, мешали, то игумен Мануил, закончив свою строительскую деятельность, замкнулся в скиту, не входил в общение даже с архиерейской властью и проявлял чрезвычайную независимость и самостоятельность.

С назначением митрополита Владимира⁶⁸ в Киев, Владыка, объезжая свою епархию, посетил и «Скит Пречистыя», расположенный на окраине города. После торжественного богослужения и достойного приема митрополиту была предложена роскошная трапеза, стол ломился от питий и яств, а в хрустальных вазах, откуда-то взятых напрокат, красовались дивные груши-дюшес. Залюбовавшись ими, митрополит взял одну:

— Вот Вы взяли грушу, — сказал игумен Мануил митрополиту, — а того не знаете, что каждая из них стоит 10 рублей. А кто мне дал денег, чтобы купить их?! Лавра? Нет, своим потом и трудом заработал их, да теперь и Вас угощаю! Вот оно что! Кушайте, Владыка, на здоровье!

Митрополит поморщился, но ничего не ответил, зная, что с игуменом Мануилом препирательства бесполезны и психологию крестьянина переделывать невозможно.

Часто вспоминая о посещении скита митрополитом Владимиром, игумен Мануил любил рассказывать и об эпизоде с грушами, и я однажды не удержался, чтобы не сказать игумену:

— Как же Вы так нелюбезно поступили с митрополитом, да еще Вашим гостем!

Игумен сделал очень удивленное лицо и, недоумевая, спросил меня:

— Почему нелюбезно? Это вот братия моя точно отговаривала меня от лишних затрат, ну, а я, ради митрополита, не пожалел и 100 рублей за один только десяток груш. Оно, конечно, за трапезою кому-либо из братии более бы пристало сказать об этом митрополиту и тем подчеркнуть мое усердие, но братия, как нарочно, сидела, точно воды в рот набравши, и все молчали, как рыбы. Я крепился и выжидал, да так ничего и не дождался. Тогда я сам сказал об этом митрополиту, чтобы Владыка знал, что я не поскупился на прием, хотя последний и влетел мне не в одну сотню рублей, одна рыба чего стоила, а кроме рыбы чего только не было! За месяц того не проешь, что проели за один только день, прости Господи!

Побуждения игумена были чистые, а выливались они в форму, обычную в крестьянском быту, и попытки изменить эти формы явились бы бесполезными.

Брату моему была отведена келлия в игуменском корпусе, меня же поместили на пасеке, где я жил в соседстве с старцем-монахом Петром и послушником последнего в маленьком домике, окруженном со всех сторон фруктовыми деревьями и цветами. Пасека была отрезана не только от всего мира, но даже от Скита, и вокруг царил удивительная тишина. Если бы не беспокойство и тревоги о сестрах, из которых одна томилась в N-ской губернии, а другая уехала на неизвестное в N-скую губернию, о брате, которого я хотя и видел каждый день, но в безопасности которого не был уверен, о друзьях и знакомых, повсюду рассеянных и трепетавших за свою участь, то я должен был бы признать, что не нашел бы лучшего места для духовной жизни. Там, на пасеке, было все, что возносило дух к небу, что успокаивало мятежную душу, научало и возрождало ее. [...]

А, между тем, вокруг меня были только грубые, неотесанные мужики, жившие интересами желудка, не способные учесть ни благодатных условий внешней обстановки, ни проникаться сущностью и красотою монастырского богослужения. Они шли в храм, точно на работу, какую тяготились, шли нехотя и лениво, ибо все их интересы вращались вокруг хозяйства скита и его доходов, вокруг черной работы в поле и на огороде, а богослужение в храме только отвлекало их от этой работы.

В свободное же от черной работы время шли суды и пересуды, и, разумеется, более всего доставалось игумену Мануилу, которого невежественная братия хотя и побаивалась, но изрядно ненавидела, быть может, именно потому, что он в духовном отношении стоял неизмеримо выше всех прочих насельников скита. [...]

Таков был состав братии Скита.

И глядя на нее, я с новой силою ощущал то великое недоразумение, какое представлял собой нынешний состав современных монастырей.

С точки зрения мира, братия монастыря состояла из монахов, доводивших свое смирение до таких пределов, что даже настоятели в сане архимандрита или игумена, иеромонахи и иеродиаконы не гнушались черной работы в поле, на огороде или в конюшне, сливаясь в братском единении со всеми послушниками обители. На самом же деле там были не священ-

нослужители, занимавшиеся черной работой, а чернорабочие, по недоразумению носившие рясы и облеченные священным саном.

Будь то действительные монахи, чернорабочие по послушанию, а не по призванию, по природе же культурные, образованные люди, сознательные христиане, какую бы огромную нравственную силу вносили бы они в жизнь, каким бы явились несокрушимым оплотом Православия и противовесом злу мира! [...]

Внешнее расстояние между нашими положениями теперь и раньше было действительно огромным, однако и брат, и я, тянувшиеся к иночеству, любившие и понимавшие его, если и тяготились в скиту, то не положением послушников, ибо никаких послушаний не несли, а окружавшей нас средой, с которой не находил общего языка и которая не высказывала нам открыто своего недоброжелательства и не расположения лишь потому, что боялась игумена.

Такое отношение не мешало, однако, той же братии обращаться к нам за разного рода нуждами и даже вести с ними в часы досуга беседы на отвлеченные темы. Особенно интересовалась братия вопросами астрономии и космографии, в какие вкладывала своеобразное содержание, рассматривая светила небесные как места пребывания Бога и ангелов и интересуясь расстоянием этих мест от земли. Конечно, наши рассказы и объяснения никогда не удовлетворяли братию, ниспровергавшую доводы разума и науки такими репликами, против которых возражать было трудно.

— И одного только я не возьму себе в толк, — горячо возразил однажды один из таких оппонентов, — зачем это нужно господам морочить нам головы и говорить то, чему и малый ребенок никогда не поверит... И где же это видано, и кто же сему поверит, что земля вертится?! Да если бы она вертелась, то первыми бы попадали наши колокольни, прости Господи... А коли не падают, значит, по милости Божией, земля пока стоит на своем месте... И опять-таки, зачем ей и понадобилось бы вертеться!.. Все это ни к чему...

— Так-то оно так, — возразил другой, — а про то бывают и землетрясения...

— А где же они бывают, — запальчиво возразил первый, — бывают, да не у нас, а у басурман, да и опять-таки только затем, чтобы они познали Бога, а православному люду землетрясения без надобности, их Бог и не посылает.

— Это, конечно, — мешался в разговор третий монах, — ну, а на чем же, собственно, держится сама земля-то?!

— На чем держится, — скептически посмотрел на вопросившего первый монах, говоривший уверенно и пользовавшийся авторитетом у братии, — на том и держится, на чем ей полагается держаться...

— Батюшка, батюшка, а вот ученые говорят, что даже знают, сколько верст от одной звезды до другой, да во сколько дней бы можно было доехать к ним от земли, если бы можно было построить железную дорогу до неба, — сказал какой-то молодой послушник...

— А ты им и веришь, — скептически заметил батюшка. — Во-первых, не нашлось бы и такой длинной лестницы, чтобы ее приставить к небу, а во-вторых, если бы и нашлась такая, то до чего ты ее зацепишь, чтобы держалась? Ну, положим, на земле бы еще и можно было ее утвердить, ну, а на небе-то к чему ее приставишь, коли там один только пар? А если не к чему приставить, то и не полезешь на нее, а если не полезешь, то и не вымеряешь и не пересчитаешь... Глупости это все...

Неизвестно, до чего бы договорилась братия, если бы на горизонте не показался игумен Мануил. Тяжело опираясь на руку моего брата, игумен медленно поднимался по крутой тропинке, направляясь в пасеку, куда заходил ежедневно для осмотра огородных продуктов и фруктовых деревьев, составлявших предмет его особенных забот и попечений. Чего только не было на огороде?! Ярко-красные пухлые, сочные помидоры, огурцы, арбузы, дыни и клубника, морковь, редька и редиска, упитанные, красивые, свидетельствующие своим видом о нежном уходе за ними хозяина.

Между ними на расстоянии одной сажени друг от друга росли фруктовые деревья, яблони и груши разных сортов, сливы, вишни, персики и абрикосы, а вокруг сада, с трех сторон, огромные кусты всевозможных ягод... Там была и малина, и смородина, и крыжовник, и ежевика и чего только не было!.. И любуясь плодами своих трудов, игумен с любовью останавливался подле каждого дерева и кустика и, срывая фрукты, наполнял ими свои карманы... Особенно часто он останавливался на помидорах и то и дело наклонялся к земле, чтобы сорвать наилучшие, приговаривая при этом: «Если я их не беру сегодня, то завтра уже их не будет... Придут «черти» и покрадут». Под «чертями» игумен разумел свою братию, которая действительно часто появлялась на пасеке, занимаясь «тайнодением». Я не мог воздержаться от улыбки, глядя на то невероятное количество разного рода плодов, какое помещалось в карманах игуменского подрясника. Оказалось, что там были не карманы, а

привязанные к обеим сторонам мешки, один из которых предназначался специально для помидоров, часто даже недозрелых, которые потом отлеживались на солнце, а другой для прочих плодов, в том числе для арбузов и дынь...

К ним игумен Мануил проявлял особенно трогательную заботливость.

Как-то однажды гуляя с игуменом по огороду и обратив внимание, что он срывает огромные листья лопуха и покрывает ими арбузы и дыни, я сказал: «Зачем Вы это делаете, батюшка, они любят солнце, скорее созреют, а Вы покрываете их лопухом...»

Игумен тяжело вздохнул и ответил: «Конечно, любят, но если их не скроешь, то они и не уберутся от братии... Братия — это те же большевики... Чуть только увидят хорошенького «кавунчика» (так в Малороссии зовется арбуз) или красавицу дыню, так сейчас же и проглотят их... Вот я и спасаю их под лопухами, авось, не приметят...»

Мирно и тихо протекала наша жизнь в скиту в первые дни нашего приезда. Скрытый в ущелье горы скит был отгорожен от мира точно высокими стенами, мало кому был даже известен, и его трудно было найти. Но вот прошел месяц, большевики неистовствовали в городе все больше, из Киева доходили слухи один ужаснее другого, и от моего взора не укрывалось то безпокойство и те тревоги, какие переживала братия. На расспросы или не отвечали, или успокаивали меня.

И тут, быть может, впервые предо мною раскрылась нежная, полная братской любви душа моего брата Владимира. Странные отношения связывали меня с моим братом. Мы точно боялись признаться друг другу в своей любви, никогда и ни в чем ее не выражали вовне, оба были достаточно угрюмы, необщительны, тогда как оба в одинаковой мере тревожились друг за друга и внутренне были между собой связаны неразрывными нитями. Безпокойство моего брата обо мне выражалось всегда так наглядно, он так мало умел скрывать его, что мне достаточно было только взглянуть на него, чтобы угадать какую-либо беду. Так случилось и тогда, когда брат, узнав о расстреле кузена Димитрия⁶⁹, скрыл от меня эту ужасную весть, и я узнал о ней лишь позднее, да и то случайно, от одного из иеромонахов, совершавших панихиду по «убиенному рабе Божиим Димитрии», который на вопрос мой, о ком он молился, выдал тайну моего доброго брата.[...]

Все чаще и чаще покидали мир лучшие люди, все сиротливее становилось на душе, и не за кого было держаться.

Вокруг же бушевали стихии ада, владычествовал сатана...

Было страшно и жутко... Стою я однажды в храме за всенощной, и мой взор случайно пал на высокое окно, через которое виднелись очертания горы, у подножия которой стоял наш скитский храм. Затрепетало мое сердце, когда на фоне зарева заходящего солнца я увидел черные силуэты большевиков, осторожно пробиравшихся с ружьями в руках через кусты и спускавшихся по направлению к церкви...

Увидела их и братия, и ледяной ужас сковал всех. Как сейчас, помню то страшное безпокойство, какое охватило особенно священнослужителей, совершавших богослужение... Дрожащим голосом, тихо, точно про себя, они подавали возгласы, и, будто приговоренные к смерти, не знали, продолжать ли богослужение или прервать его, заблаговременно скрыться или ждать нападения на храм. Страшно волнуясь, они беспомощно и робко оглядывались на игумена Мануила и, казалось, безмолвно вопрошали его, что им делать и как поступить...

— Чего ты уставился на меня, как баран, — крикнул на весь храм игумен, и этот властный голос старца с корнем вырвал панику, охватившую монахов. Богослужение продолжалось, хор стал петь еще громче, нисколько не смущаясь присутствием большевиков, которые в числе 5—6 человек вошли в храм.

По окончании всенощной игумен Мануил, поддерживаемый с двух сторон послушниками, не обращая ни малейшего внимания на большевиков, вышел из храма по направлению к своим покоям. Его сейчас же окружила толпа богомольцев, подошедшая под благословение.

— А вы, черти, почему не подходите под благословение, — обратился игумен к большевикам, — безбожники вы, нехристы, чего лазите по монастырям да мутите народ, грабители...

— Батюшка, батюшка, — шепнул послушник, дергая игумена за рясу и останавливая его.

— Чего там, батюшка, — оборвал игумен, а затем, обращаясь к большевикам, сказал им:

— Вас сколько здесь, 6 человек, ну, а нас 26, убирайтесь, откуда пришли, а то прикажу выгнать...

Большевики, привыкшие, что перед ними все трепетали, и не ожидавшие такой встречи, пришли в страшное замешательство и до того смутились, что, глядя на них, богомольцы и особенно бабы заступились за них.

А кто же из знакомых с деревней и крестьянским бытом не знает, в каких формах проявляется такое заступничество крестьянских баб, отражающее

столько юмора, им одним свойственного? Недаром крестьянские парни так боялись привхождения в их взаимные споры баб, особенно жалостливых, движимых только участием, но еще более обострявшим всякого рода споры. Так случилось и здесь. Желая сгладить неприятное впечатление от слов игумена, бабы сказали ему:

— Батюшка, да то они так только сдуру, а ребята они ничего себе...

Сказанные на малороссийском языке, эти слова приобретали обидный смысл и задевали самолюбие большевиков, которые были пристыжены настолько, что ушли из скита, ничего не тронув и отказавшись даже от предложенной им трапезы.

— Не жизнь, а каторга, — нередко раздавалось в среде братии...

И умный игумен Мануил всегда находил слова, вразумлявшие братию.

— На каторге только подневольный труд, а нет страха за завтрашний день, за свою жизнь, все живут на готовом, обо всех заботится начальство, только воли нет свободной... А на что она монаху... А сейчас Господь послал такое время, что позавидовать можно и каторге... Трепетать приходится день и ночь, от страха работа валится из рук, молитва на ум и на сердце не идет, дрожим все, точно приговоренные к смерти... Не знаем, на что и для кого трудиться... Завтра придут жида и все заберут, да вдобавок еще и убьют... Вот оно что! А откуда же трепет, откуда не знающий жалости к жертве страх?.. От маловерия! От непонимания, что значит нести крест Господень и в чем сей крест заключается!.. Заключается же крест Господен в скорбях, печалях и болезнях, в трудах и заботах, в досадах, огорчениях и неудачах, в туге душевной и телесной. Многозаботливость и многопопечение увеличивает тяжесть креста, а смелое предание себя воле Божией снимает эту тяжесть. Думайте не о грядущих напастях, а о том, что вы — дети Божии, хотя и окаянные, и недостойные, а все же Его дети... Он ли, Милосердный, не попечется о вас?! Тогда и страха не будет...

Игумен Мануил представлял собой в данном отношении полную противоположность своей братии. Он вырос и состарился в совершенно иных условиях жизни, отвергал революцию, как таковую, вовсе не считался с ней, не признавал ее и даже не хотел верить тому, что революция — совершившийся факт, с которым приходится считаться поневоле. Он был слишком умен для того, чтобы радоваться революции, однако же, как и всякий крестьянин, был уверен, что революция коснется только интересов господского класса и не заденет ни его лично, ни результатов его упорного долголетнего труда.

На большевиков он смотрел так же, как смотрел на каждого бунтовщика и смутьяна в стенах своего скита, и, не допуская соглашательства с последним, не мыслил иного отношения и к большевикам, возмущаясь общим пресмыкательством перед ними и жалуясь на то, что русский народ без боя сдал свои позиции «страха ради иудейска». В этом игумен Мануил был безконечно прав, а своим собственным примером оправдывал свои теории.

Положение в Киеве становилось все более нестерпимым; с просьбой о приюте в скиту обращались к игумену Мануилу даже епископы, но игумен категорически отказывал им, ссылаясь на то, что содержание епископов разорит скит. Тем не менее, каким-то образом в скит пробирались не только монахи из Киевских монастырей, но даже миряне, причем последние без ведома игумена, а по протекции nižшей братии.[...]

С каждым днем настроение в скиту делалось тревожнее... Достаточно было большевикам найти дорогу к нему, дабы их посещения участились, и не проходило дня, чтобы жизнь не нарушалась внезапными налетами негодяев. Одновременно росли и слухи, один ужаснее другого, и эти слухи впоследствии подтверждались. В соседнем монастыре большевики перерезали братию и ограбили имущество; в одном из прилежавших к скиту сел убили священника, жену и детей его; в Уманском имении, принадлежавшем скиту, расстреляли настоятеля храма, заведовавшего имением, и нескольких монахов. Братия скита трепетала... Один только игумен Мануил сохранял невозмутимое спокойствие. И как же дорого было это спокойствие для окружающих, с какой любовью взирали на игумена даже те, кто втайне его ненавидел, когда игумен, сидя за обедом, смаковал его, продолжая спокойно сидеть за столом в те моменты, когда большевики грабили хозяйство скита и угрожали игумену убийством. В этих случаях растерянная братия бросалась к игумену и, вместо того, чтобы защищать его, сама пряталась за игумена и просила его защиты. Между тем, в распоряжении игумена кроме запаса бранных слов не имелось никаких других средств самозащиты. Он был немощен и стар, толст и неподвижен, и вся его наружность отражала нечто до крайности комическое, его природа была точно насыщена юмором. Он не испытывал ни малейшего страха перед большевиками, а наоборот, был убежден, что они боятся его, ибо должны бояться, должны ценить в его лице игумена и подчиняться ему.

Был день, когда большевики, ворвавшись в скит, начали открыто грабить его. Братия прибежала к игумену и подняла вопль.

— Гони их к чертям, не дадут даже пообедать спокойно, — сказал игумен, громко отрыгнувшись.

Однако братия была до того терроризована и запугана, что без игумена не решалась возвращаться к большевикам, которые собирались увести лошадей и коров.

И, приказав вести себя под руки, игумен Манул, тяжело переваливаясь с одной ноги на другую, вышел к большевикам и разразился страшной бранью. Эффект, однако, получился на этот раз обратный. За каждым его словом следовала такая отрыжка, какая мешала ему говорить и какая в результате вызывала дружный смех не только у большевиков, но и у братии. Я уже упоминал о наружности о. игумена, на которую нельзя было смотреть без улыбки, и читатель может себе представить эту картину разноса большевиков игуменом, вся фигура которого и отрыжка, сопровождавшая каждое его слово, так настойчиво опровергала его ссылки на скудость материальных средств скита, живущего впроголодь.

Пересмеиваясь между собой, большевики делали свое дело, однако игумена не тронули, а уходя из скита и увозя лошадь и корову, даже сделали в шутку под козырек.

— Оставьте же хотя корову, подлецы, на какого черта она нужна вам, — бросился им вдогонку игумен, — разве вы, такие-сякие, не знаете, что коровка здесь и выросла в скиту... И игумен замахнулся на них палкой, приведя своей смелостью в изумление братию, которая удерживала игумена, опасаясь худшего, и хватала его за руку.

— А почему мы знаем, где коровка выросла, нам это без последствий, — огрызнулся кто-то из большевиков.

Но таковы уже свойства русской, крестьянской логики, коим верны остались и большевики. Спор немедленно перешел в другую плоскость, и началась перебранка по вопросу о том, где выросла коровка, и судьба ее была поставлена в зависимость от того, как этот вопрос разрешится. Конечно, вся братия начала клятвенно заверять, что коровка и родилась, и выросла в скиту, и ... в результате коровку удалось отстоять, а лошадь большевики увели с собой.

На радостях игумен приказал дать коровке двойную порцию сена.

— Да прибавьте ей еще чего-нибудь, — сказал игумен, погладив коровку по голове с той любовью, о которой говорили его добрые глаза.

Эти налеты до крайности нервировали брата и меня, и мы жили не только под угрозой быть ежеминутно схваченными, но и под угрозой при-

чинить много огорчений скиту, нас приютившему. Появлялись большевики и на пасеке, причем меня всякий раз прятали, запирая на ключ мою келлию и заставляя дверь с наружной стороны тяжелыми шкафами. Между тем, Киев непрерывно осаждался то повстанцами, то полками белой армии Деникина, и большевики доживали свои последние дни. Сильнейшая канонада раздавалась днем и ночью, и мы со дня на день ждали своего спасения. Однако прежде, чем оно наступило, пришлось пережить еще одно последнее, но зато и самое тяжелое испытание, о котором я и до сих пор вспоминаю с нервной дрожью. В ночь с 5 на 6 августа, под праздник Преображения Господня, послышался робкий стук в дверь моей келлии. Я вздрогнул и спросил, кто там.

— Не бойся ничего, — сказал мне глухим голосом мой брат, — открой дверь...

Я увидел пред собой брата, иеромонаха С., казначея скита иеромонаха Корнилия и еще кого-то, точно не помню. Было 2 часа ночи.

— Не бойся, — сказал мне еще раз мой брат, — одевайся скорее... Получилось известие, что большевики узнали, где мы находимся, и хотят сделать обыск в скиту. Нам нужно скрыться в другое место, куда мы сейчас и пойдем пересидеть некоторое время.

Я почувствовал, как сильно затрепетало мое сердце... Мое волнение еще более увеличилось, когда я взглянул на брата, который силился меня успокоить, но сам испытывал такое же волнение. Я быстро оделся и покинул свою келлию. Весь скит уже был на ногах, и общая суета и тревога не укрывалась от меня. Я догадывался, что от меня что-то скрывали, но глядя на идущих со мной, не расспрашивал их. Мы вышли в противоположную сторону не по направлению к выходу из скита, и я спросил: «Куда мы идем?»

Кто-то ответил мне, что не стоит идти через двор и ворота скита, а для сокращения расстояния лучше идти напрямик. И мы пошли по прямой линии, преодолевая всякие препятствия, перелезая через высокие заборы, причем мне то и дело напоминалось, что не нужно делать шума и стараться идти молча, незаметно. Я недоумевал, зачем нужны были такие предосторожности, когда большевики только «собирались» являться в скит, и было даже неизвестно, когда явятся. Я не знал того, что от меня скрывалось, именно, что большевики уже давно пришли и в тот самый момент, когда мой брат явился за мной, они уже рыскали по всему скиту и обыскивали келлии монахов. Об этом

мне сказали мои спутники лишь тогда, когда мы вышли за территорию скита и находились в лесу.

Моросил мелкий дождь, тучи стремительно неслись по небосклону, то скрывая луну, то заволакивая ее тонким покровом. Казалось, что не тучи, а луна куда-то летела, то прячась за тучи, то выглядывая из них для того, чтобы показывать нам дорогу.

Мы шли в лесную дачу, принадлежавшую Покровскому монастырю и отстоявшую от скита на расстоянии 4—5 верст. Однако прошло уже два часа, а мы все шли и шли, а дача не показывалась. Я чувствовал, что начинаю уже терять силы. Навстречу попадались нам костры и возле них силуэты солдат с ружьями за плечами.

«Это большевики», — раздавалось шепотом, и мы сворачивали в сторону и обходили их. Таких встреч было несколько, но Господь невидимо хранил нас, и мы успевали замечать их вовремя и менять направление дороги. Наконец мы подошли не то к протекавшей в лесу реке или ручью, не то к огромной луже, настолько глубокой, что перейти ее вброд не представлялось возможным. Обходить же ее было опасно, ибо мы неминуемо встретились бы с большевиками. Мы остановились в нерешительности, не зная, что делать. Выручил нас иеромонах Корнилий, который снял сапоги, подвернул до колен брюки и поочередно перенес на своих богатырских плечах сначала брата, а затем меня. Мы пошли вперед... Какое-то непонятное ощущение овладевало мной... Тоска давила меня, предчувствие чего-то тяжелого, неотвратимого, неизбежного теснило меня и сковывало, и в то же время какая-то необъяснимая апатия овладевала мной... Сознание не работало, я шел, вперив взор вперед, машинально переступая ногами, и чувствовал такую безконечную усталость, такое безмерное томление духа, что, казалось, отдался бы большевикам, не сделав ни малейшего усилия вырваться из их рук.

Вдруг, точно вкопанный, я остановился на месте и едва не вскрикнул. В нескольких шагах от меня, пересекая нам дорогу, шло какое-то неведомое животное, окрашенное в ярко-пепельный цвет, величиной в теленка. Животное шло медленно, точно не обращая никакого внимания на идущих, мотая головой и разваливаясь во все стороны, как ходят тигры, и вдруг мгновенно исчезло на моих глазах, каких я не сводил с него.

«Видели?» — спросил я своих спутников, трепеща всем телом...

Никто ничего не видел, я же остался в убеждении, какого держусь и доныне, что видел днавола в образе неведомого, не существующего на

земле животного. Я не допускаю, что мои нервы, как бы ни были развиты, могли создать в моем воображении подобную картину, ибо необычайную фигуру этого на редкость гнусного по виду животного вижу и до сих пор перед своими глазами.

Прошло уже четыре часа, как мы вышли из скита, и я от утомления с окровавленными ногами свалился на землю и не мог идти дальше.

Было уже светло... Но мы находились уже на расстоянии нескольких сот сажен от лесной дачи, и между моими спутниками было решено, что иеромонах Корнилий пойдет на разведку и предупредит о нашем приходе матушку, заведывающую дачей, а остальные останутся дожидаться в лесу.

Прошло не более получаса, как о. Корнилий вернулся, заявив, что лесная дача занята большевиками, которые пока еще спят, и что нам нужно, как можно скорее, спастись от них бегством. Куда? Никто не знал. Это известие, как громом, поразило нас и особенно меня, не имевшего уже физической возможности подняться с земли. Однако делать было нечего. Страх победил усталость, и мы снова выбрались из леса и очутились в поле, не зная, что делать дальше и в каком направлении двигаться.

Но Милосердный Господь, охранявший нас в пути, послал нам неожиданно чудесную помощь. Не прошло и часу, как мы услышали шум подъезжавшей к нам кибитки, посланной за нами из лесной дачи вдогонку с известием, что большевики, переночевав в даче, ушли в неизвестном направлении и что мы можем вернуться обратно. Так мы и сделали и, приехав в дачный домик, улеглись, измученные и усталые, спать...

Было уже около двух часов пополудни, когда мы вновь были испуганы неожиданно прибывшим из скита послушником с каким-то поручением к иеромонаху Корнилию от игумена Мануила. Страх, однако, быстро рассеялся. Послушник объявил, что большевики уже уехали из скита, увезя с собой жившего в скиту без ведома игумена Мануила какого-то бывшего казначея или кассира, служившего раньше у них, а затем им изменившего, что предположение о намерении их разыскивать «князей» оказалось неосновательным, что они даже не спрашивали обо мне и брате, а явились к этому кассиру и, арестовав его, увезли с собой. В заключение игумен просил нас всех вернуться обратно в скит.

Чудо Божие снова свершилось над нами, и мы благополучно вернулись в скит, где игумен ожидал нас с чаем, сидя за самоваром.

— Учитесь прозревать благую волю Господню о нас в событиях повседневной нашей жизни, — сказал игумен, слушая наш рассказ о том, как мы сбились с пути, и вместо того, чтобы пройти три версты, проблуждали ночью около 15 верст.

Если бы не сбились с дороги, то наткнулись бы на большевиков, а они бы и перестреляли вас всех, вот Господь и не захотел этого и укрыл вас, — закончил мудрый игумен.

И, вспоминая теперь об этом новом заступлении Божиим, таком очевидном, таком чудесном, я только и могу воздать хвалу Богу, не постигая того, как безмерна любовь Божия к грешному человеку и как близок к нам Милосердный Отец наш Небесный.

Неделю спустя добровольцы ворвались в Киев, выгнали оттуда большевиков, и мы с братом могли вернуться к себе в дом.

Это было 15 августа 1919 года, в день Успения Пресвятой Богородицы.

Долг глубокой благодарности к игумену Мануилу заставляет меня почтить сердечной признательностью его память.

Это был человек старого закала, своеобразный, настойчивый, подчас тяжелый и трудный в общении, но человек глубокой, чисто детской веры, являвшейся для него и крепостью, и силой. Мало образованный и просвещенный светом знания, весьма скептически относясь к завоеваниям науки, он опирался только на свою веру и сквозь призму ее рассматривал и оценивал окружающее. Его вера раскрывала пред ним необъятные горизонты невидимого, казалось, обнажала и тайны загробного мира и давала ему такое спокойствие, рождала такую силу духа, которая заражала малодушных и какую не в силах были ослабить никакие земные ужасы и страхи, так жестоко терзавшие маловерных.

И, глядя на игумена Мануила, я все более убеждался в том, что каждому человеку нужно ровно столько знания, чтобы уметь сквозь призму его видеть, познавать и любить Бога, что надмевает не знание и наука, а гордость, что приближает к Богу не простота и невежество, а смирение, и что гордость и смирение одинаково могут принадлежать и ученым, и простецам.

Великая вера игумена Мануила никогда не посрамляла его, и благодать Божия видимо почивала на нем, охраняя и защищая его, и благославляя его труды.

11 мая 1920 года он скончался и погребен там же, в скиту, в заранее приготовленном склепе. Мир праху твоему, великий труженик и честный монах! Упокой, Господи, смиренную душу раба Твоего, схигумена Серафима!

II
ПИСЬМА

Монахине Юлии¹

Апрель 1905
 Петербург, Лесной, Песочная 15

Воистину Христос Воскресе!
 Дорогая Матушка Юлия!

За радостную для меня память Вашу обо мне, глубокую приношу Вам благодарность. Истинно утешили Вы меня к Светлому Празднику — спасибо Вам! Понемногу начинаю сживаться с Петербургом и новым своим положением казенного человека: к чему только человек не привыкает! Не подумайте, однако, что под словом «сживаться» я разумею сжиться в одной жизни, жить одними интересами с тем, с чем сживаешься. Нет, — для меня Петербург — чужое болото, и общего у меня с ним — одно небо, да те сокровенные рабы Божии, которыми еще стоит и на которых держится этот русский Вавилон, блудница великая. Вот только горе: нетрудная у меня служба, но день она у меня настолько ворует, что дня-то и не видишь, а домой вернешься, не можешь взяться ни за какую работу — умаешься от служебного полуделия настолько, что впору поесть, чаю напиться да спать ложиться. И так — день за днем. А тут еще думы одна другой тяжелее о Родине, о Царе, о народе, о той разверзшейся под их ногами бездне, в которую неудержимо катится наше горемычное Отечество, от которого за наши грехи и беззакония въяве отступает благодать Божия. И, ведь, вот еще горе: я не только предугадываю гибель, но я ее знаю, откуда она идет, от кого происходит, что в близком будущем ждет всех нас, если только не преклонится к нам милость Господня, и... помочь ничем не могу: голосу правды никто не внимлет. И оком видят, и слухом слышат — и не разумеют. Сердце мое скорбит и чует грозу неминуемую. Вам, моим радостям монастырским, готовятся венцы великие от отступнического мира, который точит на вас жижи булатные, разжигает костры кипучие. Пока творится все это под маской лицемерного благочестия, но недалеко уже то время, когда восстанет на вас открытое гонение.

На днях в «Новом Времени» досталось Шамордину за «безчеловечное» отношение к приюту Матушки Веры Александровны². Шамордин не назван по имени, но точки над буквою і так поставлены, что кто Шамордин знает, узнает его и под этим подлым пасквилом. Скорбями, видно, и впрямь приходится спасаться.

Целую Ваши дорогие ручки, шлю привет дочке, обнимаю Гаврюшу. Попривечайте от меня весь дорогой Шамордин и в особенности — Матушку Хрушеву, Матушку Екатерину Лебедеву, Матушку Марию Францеву, Графиню^{2а}, болящую Матушку Параскеву и всех всех моих родных молитвенниц.

Всем сердцем Ваш *С. Нилус*.

[К письму приложен двойной листок о заупокойном поминовении отца С. А. Нилуса — Александра.]

2

Архиепископу Никою (Рождественскому)

1906

Пароход: Рыбинск — Нижний Новгород

Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь и Отец!

Богу угодно вызвать нас с женой и о. Архимандритом³ недели на 2–3 в Дивеев и Саров. Сообщаю Вам на случай, если бы Вы до исполнения этого срока надумали бы заехать в Бабайки⁴. Пишу на открытке, чтобы дать представление о Бабайках.

Сердцем Ваш *С. Нилус*.

3

Ему же

22 августа 1908
Оптина Пустынь

Дорогой Владыко-Милостивец!

Наспех пишу Вам ответ на последнее Ваше письмо: к нам сегодня приехала сестра жены, Вировская игуменья⁵, и нет свободной минуты... С рукописью благословите поступить, как заблагорассудите, а мне дайте с полсотни оттисков⁶. Письмо Ваше сегодня же переслал Иверскому Архимандриту⁷... Простите, что обременяю Вас тем, что предлежало бы делать мне: говорю о заголовках. Помолитесь о нас грешных.

Сердцем Ваш *С. Нилус*.

Куда писать о. Неофиту⁸?

Моя «Жатва жизни»⁹ — статья оконченная и продолжения иметь не будет. Книги Оптинского издания, сколько мне известно, Вам уже посланы.

4

Архимандриту Ксенофонту (Клюкину)

18 декабря 1912
Валдай

Дорогой и глубокочтимый Батюшка!

Поздравляем Вас с Праздником Рождества Христова, Новолетием благодости Господней. Молимся о Вас, как умеем, и всем сердцем желаем Вам выздоровления от постигшего Вас недуга. Тяжкое бремя настоятельства с жестоковыйностью современного послушничества плохо в ладу живет, и никто, как мы, так хорошо не знает трудов Ваших и болезней по управлению Обителью. Помним Вас всегда и по-прежнему любим.

Спаси Вас, Господи, за книгу жития Батюшки Амвросия¹⁰.

Не забывайте в молитвах сердечно Вас почитающих и любящих

Сергея и Елену Нилусов.

5

Ему же

29 января 1913
Валдай

Дорогой Батюшка Отец Архимандрит!

Сегодня по Вашему благословию отослал на Ваше имя ту иконку, о которой Вам писал. Увидите, что на нее никто из сплетников не покорыствуется.

О, мой родимый, как мне Вас жаль, как жаль Обитель, у которой в лице Вашем уже почти «отъят держай» и по болезненному Вашему состоянию, и по умалению власти настоятельской. Не то же ли, правда, и во всей России? Все на волоске держится, как и в Оптиной. Знайте только, дорогой Батюшка, что мою к Вам любовь и преданность, а также и женину, мы донесем в нашем сердце до могилы. Молиться за Вас молимся, как умеем, и Вы не забывайте в св. молитвах.

Благословите

Ваших Нилусов.

6

Ему же

20 декабря 1913
Валдай

Глубокоуважаемый и дорогой Отец Архимандрит!

Поздравляем Вас всем домом с Праздником и от души желаем мира и радости о Дусе Святе.

Благословите

Ваших Нилусов.

7

Ему же

Пасха 1914
Валдай

Христос Воскресе,

Глубокочитимый и дорогой Батюшка,
Отец Архимандрит!

Жена, я и весь дом наш от души поздравляем Вас с Светлым Праздником Воскресения Христова и просим не забывать в святых молитвах

*Ваших Сергея и Елену
Нилусов.*

8

Иеросхимонаху Нектарю (Тихонову)

Без даты
(1913–1914)

Христос Воскресе,
Дорогой наш Батюшка Отец Нектарий!
Не забывайте в святых молитвах

*Ваших любящих Вас
Серг[ея] и Ел[ену] Нилусов.*

9

Ему же

Назаретская Пустынь¹¹
29 июля 1915

Дорогой наш Батюшка,
Отец Нектарий!

Благословите в путь к Вам шествовати хотящих. 8-го или 9-го Августа, утром, если Господу угодно, будем в Оптиной¹². Вот радость-то!

Благословите скорое свидание с Вашими

Нилусами.

10

Ему же

Пасха Христова
10 апреля 1916
Валдай

Христос Воскресе,
Дорогой Батюшка Отец Нектарий!

Всем домом нашим поздравляем Вас с Светлым Праздником.

Не забывайте любовь нашу.

Если увидите В. А. Львову¹³, передайте ей, что я писал ей и даже по делу, но ответа не получил. Дошло ли до нее мое письмо?

Сердцем Ваши

С. и В. Нилусы.

11

Иероднакону Кириллу (Зленко)¹⁴

17 ноября 1916
Валдай

Дорогой мой Отец Кирилл!

Человек предполагает, а Бог располагает: до сих пор никуда из Валдая не уехал, хотя предстояло ехать неоткладно, казалось, в два места. Поторопился Вас об этом предупредить и оказался... в дураках. Простите моей немощи.

Не помню, писал ли я Вам, что один епископ высокой духовной жизни¹⁵, в ответ на посылку ему моей книги «На берегу Божьей реки», прислал мне письмо и в нем написал мне, между прочим, следующие чрезвычайной для меня важности слова (думается, важные и не для одного меня): «...от истинно-верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт. Даже более того. На ком почиет благоволение Божие, им будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина мира *точно...*»

Я и сам так всегда думал, основываясь на слове Господнем, что только день и час — останутся до конца неизвестны. Но кто я? А это — епископ.

И вот, мой милый, в то время, когда уже печатается моя книга «Близ есть, при дверех», одна раба Божия, никакого касательства к моим исследованиям не имеющая, о судьбах мира никогда не задумывавшаяся, но сердцем благоговейно и просто верующая, в ночь с 24-го на 25-е октября под утро, увидела такой сон (пишу ее словами): «Дорогая мама, — так пишет она своей матери, — с понедельника на вторник (24 и 25 октября) видела странный и страшный сон. Находилась я в незнакомой местности, и около меня были люди, но точно на улице прохожие, незнакомые. И вот смотрю я на небо: будто не ночь, но и не очень светло; и вижу в чистом небе большую луну. И пока я гляжу, эта луна начинает превращаться, и из нее делаются огромные часы, — циферблат черный, а цифры белые. Стрелки показывают *3 часа 17 минут*. Я чувствую, что это конец мира начинается, и охватывает меня тревога. А кругом меня точно никому и дела нет. Затем стали будто набегать тучки, и на одну из тучек под часами, вдруг прилетела и села большая ворона. Все это мне показалось так страшно, что я проснулась и отчетливо помню, как на часах было *3 часа 17 минут...*»

Спрашивает толкования, ибо сном весьма обезпокоена.

Мне сон этот как-то сразу вошел в сердце и показался вещим. Не удовлетворяясь, однако, своим толкованием, я, не объясняя ей, описал этот сон такому же, как и Вы, другу моему и единомысленнику, протоиерею-академику, вдовствующему 14 лет, тайно подвизающемуся в молитве Иисусовой, человеку глубокой и живой веры¹⁶. И вот каков был его ответ: «Луна положена Творцом во времена, а обратившаяся в часы тем более означает время — время последнее («конец мира начинается»). Но на что тут обратить внимание: на 3 ч. 17 мин., или на остающиеся

(до *полуночи*) 8 часов 43 минуты? Часы, очевидно, означают годы, а минуты — недели. Три часа прошедших и 17 минут не могут означать времени кончины мира, ибо прошли, а 8 ч. 43 мин. (8 годов и 43 недели) похоже на дело — 1925-й год!* Ворона *или ворон* считается у нас вещей птицей, и появление ее под часами усиливает вешее значение. До Пришествия Жениха, Грядущего в полуночи, остается, по этому сну, 8 лет и 43 недели... Так или иначе, а все-таки дни наши и всего мира сочтены и взвешены у Бога...»

Теперь слушайте далее. Помните круг из 7 огурцов, показанный мне великой блаженной Дивеевской? Он мне показан был 30 июня 1915-го года. Я тогда понял, что завершен круг седмичного счисления (нынешнего века) и что остается 7 лет — но до чего? до конца ли мира, или до антихриста? До этого сновидения (заметьте: дошедшего до меня, хотя не мне описанного) я определить этого не мог. Ныне же ясно, что до антихриста, ибо 7 лет от половины 1915-го года будет половина 1922-го года¹⁷ и 3 1/2 года его царствования — половина 1925-го года и конец его, то есть как раз почти полное совпадение со сновидением, выше мною описанным.

Как хотите, а это наводит на размышление и вполне соответствует великопостному проречению. А день и час остаются и до конца останутся неизвестными. Что скажете Вы на все это, дорогой друг мой?

Поздравляю с наступающим Праздником всей Обители. Как грустно нам быть так далеко от нее в такие дни!

Буду с нетерпением и любовью ждать от Вас весточки. Земной поклон старцам живым и почившим.

Душой Ваш

С. Нилус.

Жена Вас сердечно приветствует. Что нового в Скиту и Пустыни?

Собирается к Вам один истинный раб и служитель Бога Вышняго, иерей Свято-Троицкого женского монастыря Подольской епархии (местечко Сатанов¹⁸), о. Иоанн Лукианович Васильев. Я его направил к Вам. Примите его, как брата.

---

* От 26 октября 1916 года 8 лет и 43 недели придется около 14 сентября 1925 г. —
Примечание С. А. Нилуса.

Иеродиакону Зосиме

6 августа 1917
День Преображения Господня

Дорогой о Господе о. Зосима!

Письмо Ваше получил и благодарю от души за любовь Вашу и молитвы. Не могу отказать Вам в удовлетворении просьбы Вашей осведомить Вас по важнейшему в наши дни вопросу об антихристе и о лукавстве переживаемого нами истинно последнего времени. Так как, судя по Вашему письму, от писаний моих книг пользуетесь не Вы только один, но и весьма многие, ищущие разуметь значение и смысл переживаемых событий, то, прежде всего, считаю долгом совести перед Богом, Коему служу, как умею, и пред Православными Христианами, которым от всего сердца желаю в разум истины придти, объяснить Вам самое важное в моей проповеди устной, письменной и печатной — *«кто мя на оную постави»*.

Вопрос этот потому важен, что от его разрешения зависит определенно законность моей проповеди и ее духа, от Бога ли она, или от духа лести? Как Вам известно, вся полнота благодати Св. Духа находится в обладании епископов Православной Церкви, или передается тем, кого они признают достойными. С тех пор, как я передал себя и дар свой на служение Богу и Его Христовой Церкви, я ни одной строки, особливо об антихристе, не передавал печати без благословения епископского в лице Архиепископа Никона... Но мало того, когда вышла из печати книга моя «На берегу Божьей реки», то великий праведник и подвижник истинно монашеского духа Епископ Феофан Полтавский писал по поводу ее следующее: «Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами, упорно и с каким-то ожесточением гонят они от себя самую мысль о кончине мира и о пришествии антихриста. Их очи духовно ослеплены. Они видя не видят и слыша не разумеют. Но от истинных чад Божиих смысл настоящих событий не скрыт. Даже более того, на ком почует благоволение Божие, им будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина мира точно. Когда Господь изречет Свой грозный Суд над грешным миром: «не имать пребывать Дух Мой на человецех сих, зане суть плоть», тогда Он скажет верным

рабам Своим: *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте не прикасайтесь, и Аз приму вы* (2 Кор. 6, 17).

И сокроет их от взоров мира, въздыхающего в страхе о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух мира всего благовременно и безвременно со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2). Ваш искренний почитатель и богомолец Епископ Феофан. 1905 г. Ноября 24-го».

Из подчеркнутых слов сего письма Вы усмотрите, коею властью и по чьему полномочию я творю дело моей проповеди. Пишу Вам о сем не для Вас, а для сомневающихся. По выходе в свет моей книги «Близ есть, при дверех» также Богомудрый и Богопросвещенный Владыко по поводу ее писал мне следующее: «Достоуважаемый Сергей Александрович, да не будет у Вас никакого сомнения, что антихрист действительно уже существует и ожидает только времени для явления миру. Он находится недалеко от пределов России. Больше ничего не могу сказать, равно и того, как я знаю это». Письмо это было 20 февраля сего 1917 года. 20 апреля я, по милости Божией, переселился в пределы епархии Владыки Феофана Полтавского. Перед переселением сюда мне недели две пришлось провести в Киеве в общине с людьми высокой духовной настроенности, и там в Киеве игуменья¹⁹ предоставила мне возможность видеть старицу Ржищева монастыря (ниже Киева по Днепру²⁰) и при ней послушницу 14-тилетнюю девочку Ольгу Зосимову Бойко²¹. Эта малограмотная деревенская девочка 21 февраля сего года во вторник *Второй недели Великого Поста* впала в состояние глубокого сна, продолжавшегося с небольшими перерывами до самой *Великой Субботы*, всего ровно сорок дней. Во время этого сна при пробуждениях, последние же две недели и во сне девочка эта питалась только одними Св. Христовыми Тайнами. В *Великую Субботу* Ольга проснулась окончательно, встала, умылась, оделась, помолилась Богу, пошла на свое клиросное послушание и отстояла всю Пасхальную службу, не садясь, несмотря на уговоры. Во время своего этого сна Ольга имела видение жизни загробной и сказывала сонная и когда просыпалась, что видела, а за ней записывали. В Киеве с ее слов и слов ее старицы записал я, о чем главное повествую теперь и Вам.

Во вторник второй недели Великого Поста, в 5 часов утра Ольга пришла в моленную (псалтырню) и, положив три земных поклона, обратилась к сестре, которую она должна была сменить, и сказала: «Прошу прощения и благословите, матушка, я буду умирать...» Сестра ответила ей: «Бог благословит... час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла». После этого Ольга легла спать на кровати в псалтырне и заснула. В шесть

часов сестра стала будить Ольгу, потом будили другие сестры и не могли добудиться, через несколько времени дыхание у нее прекратилось, и лицо приняло мертвенный вид. Спустя после того 2 часа она проговорила во сне: «Господи, как я уснула!» И начала снова дышать. В сонном состоянии много говорила вслух в присутствии сестер. Так продолжалось трое суток, после чего она проснулась, проснувшись, рассказала следующее: «За неделю до этого я видела во сне Ангела, который сказал мне, что через неделю во вторник я пошла бы в псалтырню, чтобы там умирать, но этого сна мне не велено было говорить. Когда во вторник я шла в псалтырню, то увидела как бы пса, бежавшего на двух лапах, и в испуге бросилась в псалтырню, там в углу, где иконы, я увидела Св. Архистратига Михаила, в стороне смерть с косою; я испугалась, перекрестилась, а потом легла на кровать, думая уже умереть. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств». Затем пришел Св. Ангел, который и стал ее водить по разным светлым и темным местам.

Всех видений Ольги я Вам описывать не буду, ибо они во многом очень похожи на все видения подобного рода. Опишу Вам только важнейшие и имеющие касательство к нашему времени... «И увидела я, — сказала Ольга, — за большим рвом много людей, скованных цепями. Я спросила, что это за люди. «Это те люди, — был мне ответ, — которые примут печать антихриста...» Затем дошла до темного места и остановилась. Тут я увидела замечательно красивого молодого человека лет 28-ми в красном одеянии. Он быстро побежал мимо нас, и когда я взглянула ему вслед, то он показался мне уже не человеком, а дьяволом. Я спросила Ангела: «Кто это?», и Ангел ответил, что это и есть самый антихрист, который будет мучить последователей Христовых за св. веру, за Церковь, за Имя Божие. Затем я увидела необыкновенный свет, и в свете том стоял большой хрустальный стол, но стола этого не было видно из-за множества лежащих на нем фруктов. За столом сидели в разноцветных блестящих одеждах св. апостолы, пророки, мученики и все святые, а в стороне над ними в небесной высоте в ослепительном свете на неописуемом дивном Престоле сидел *Спаситель*, а возле Него по правую руку наш Государь, окруженный ангелами. Государь был в полном царском одеянии, светлой белой порфире, короне, со скипетром в руке... И я слышала, как беседовали между собой мученики, радуясь, что наступает последнее время и что число их умножится. Говорили они, что мучить будут за Имя Христово и за неприятие печати и что церкви и монастыри скоро будут уничтожены, а живущие в монастырях будут изгнаны, что мучить будут не только духовенство и монашество, но и всех, кто не захочет принять печати и будут стоять за

Имя Христово, за веру, за Церковь... Слышала я, как они говорили, что Царя уже не будет и земное время приближается к концу, слышала я, но не очень ясно, что если Господь не прибавит сроку, то конец всему земному будет в 22-м году. Затем слышала, что при антихристе Св. Лавра Киевская подымется в воздух, все святые угодники уйдут своими телами на небо и все, живущие на земле, избранные Богом, будут восхищены на воздух, то есть на небо...»

1-го марта в среду вечером Ольга просыпалась и, проснувшись, сказала: «Вы услышите, что будет на 12-й день ее сна». В самый этот день в Ржищеве по телефону из Киева узнали об отречении Государя от Престола. Когда вечером в этот день Ольга проснулась, старица обратилась к ней и в волнении рассказала. Ольга ответила: «Вы только теперь узнали, а у нас там давно об этом говорили, давно слышно. Царь там давно сидит с Небесным Царем». Старица спросила: «Какая же тому причина?» Ольга ответила: «То же, что было и Небесному Царю, когда его изгнали, поносили и распяли. Наш Царь, — сказала она, — мученик». «Что же теперь еще будет?» — спросила старица. Ольга вздрогнула и ответила: «Молитесь, молитесь, последнее время». «Кто же теперь будет после Царя?» — спросили Ольгу. «Царя уже не будет, — ответила Ольга, — будет антихрист, а пока новое правление». «А будет ли это к лучшему?» «Нет, — говорит, — новое правление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри, готовьтесь все к странствованию». «Какое странствование?» «Потом увидите». «А что будем брать с собою?» «Одни сумочки». «А что же в сумочках понесем?» Тут Ольга сказала старице одну старческую тайну (и старица, и Ольга окормлялись у старца Голосеевской пустыни схииеромонаха Алексия²², скончавшегося в марте 1917 года) и прибавила, что все тоже возьмут. Из этого старица поняла, что всякий возьмет свои дела... «А что будут делать с монастырями?» — спросила старица. «То же, что и с церквами», — ответила Ольга. «Разве одни монастыри будут гнать и теснить?» «Всех будут гнать, кто будет стоять за *Имя Христово*, и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать, но боли чувствовать не будут (как бы сухое дерево резали), помня, за Кого они страдают». Старица спрашивает: «Зачем же разорят монастыри?» «Затем, что в монастырях живут или считаются живущими ради Бога, а такие должны быть изгнаны». «Но мы, — сказала старица, — и в монастырях друг друга гоним». «Это, — ответила Ольга, — не вменяется». Сестры при этом пожалели Государя и сказали: «Бедный, бедный, несчастный страдалец». Ольга улыбнулась и сказала: «Наоборот, из счастливых счастливец. Он — мученик. Тут пострадает, а там с Небесным Царем будет».

Таково, в главном, видение послушницы Ольги Бойко из Ржищева монастыря Киевской епархии.

30 июня 1915 года я был в Дивееве у блаженной Параскевы Ивановны, истинно великой и святой прозорливицы. От нее приточно получил я известие, что круг седмичного исчисления закончится через 7 лет, то есть в половине 1922 года.

Из многих других источников чисто духовного происхождения год 1918 был указан как год роковой для Государя и мира. Если 1922 год будет действительно конечным годом земного исчисления, то 1918 год будет годом явления антихриста.

Пишет мне из Новгородской епархии один благоговейнейший иерей: «В нашем городе Новгороде распространяется воззвание Универсальной лиги следующего содержания²³: «Русские граждане! Вы блестяще начали дело свободы! Остается с такой же решительностью довести дело до конца. Вы должны теперь понять, что христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено согласно миропониманию провидевших его евреев и некогда казвивших позорною смертью Того, Кто создал это рабство. Вся сила теперь у нас: промышленность и торговля у нас, банки и биржа у нас, железные дороги наши, мы проникли всюду и перенесли свою деятельность на войска. Результат у всех на глазах. Вскоре армия уже будет нашей. Наконец, в наших руках золото всего мира. Мы держим в своих руках весы Европы и когда наступит время, сотрем силу Вильгельма II-го²⁴ способом, еще неведомым миру, так как среди нас *обладатель* могущественнейших воли и разума в полном расцвете духовных сил. В целях безопасности имя его еще не подлежит оглашению. Идите к нам, мы избавим вас от духовного рабства, в которое ввергло вас христианство. Знаком сочувствия целям лиги служит треугольник всякого цвета, обращенный вершиной вниз. Знай: это символ Триипостасного Бога, но только обращенный не вверх, а вниз — в знак низвержения Богочеловеческим сердцем или, что то же, отречения, отступления от Него христианина».

Да будет вам известно, что этим знаком еще в 1912 году было заклеено все казенное белье нашей армии.

23-го апреля сего года в Петрограде представительница ордена звезды на Востоке, некая В. Н. [Пушкина. — Сост.], читала лекцию под названием: «Новое небо и новая земля». В этой лекции она объявила слушателям о «грядущем великом брате»: «Все должны, — говорила лекторша, — встретить великого учителя с великой любовью. А если не так, то всех тех мы смятем и уничтожим».

Прот. Николай Сангушко-Загоровский
(†30.9.1943)
— духовник И.М. Концевича

И.М. Концевич — унтер-офицер
Белой Армии

Олег Концевич,
будущий архиеп. Нектарий (†24.2.1983)
— слева, с матерью (А.И. Концевич) и
сестрой Верой

Иван Михайлович
и Елена Юрьевна Концевичи. 1935 г.

Супруги Концевичи у красного угла своей парижской квартиры. 1950 г.

Е. Ю. Концевич (урожд. Карцова)
с архимандритом Амвросием (Коноваловым, †1971)
Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль.

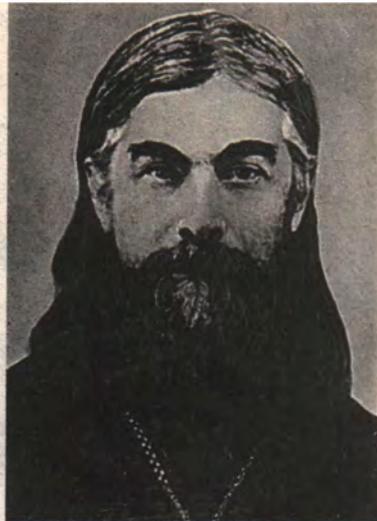
*О. Амвросия на монашество благословил о. Георгий Коссов.
Будучи монахом Троице-Сергиевой Лавры, не раз приезжал в Оптину пустынь.*

Е. Ю. Концевич с монахиней Вероникой (†1949)
на последней своей парижской квартире. 1948 г.
М. Вероника — до пострига драматическая актриса,
духовная дочь оптинского старца о. Анатолия (Потапова).
После ареста выслана на Запад. Скончалась в Париже

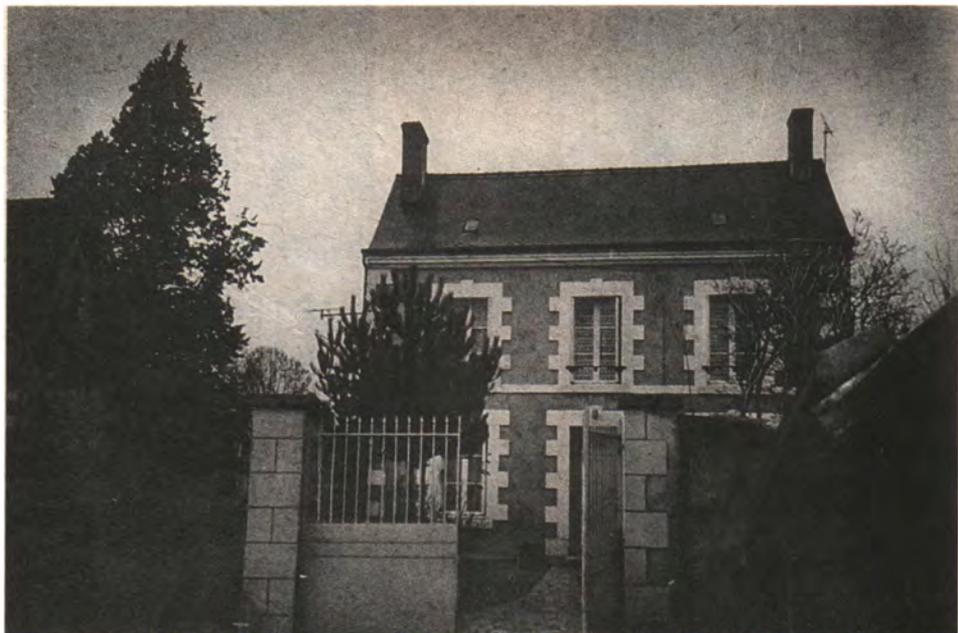
Монахиня Таисия (Карцова),
сестра Е.Ю. Концевич,
племянница С. А. Нилуса

Архиепископ Феофан
(Быстров, 1873 †1940)
в последние годы земной жизни

Дом Пороховых в Клараре, в котором жил владыка Феофан

Дом в Моун, в котором владыка Феофан жил вместе с семьей Пороховых

Могила архиепископа Феофана на кладбище в Лимерэ

Священник Василий Арсеньевич Смирнов (19.1.1874 †14/27.12.1937)
с матушкой Юлией Алексеевной, урожд. Соколовой (6.5.1878 †17/30.12.1956).

Публикуется впервые

Юлия Алексеевна Смирнова. Село Крутец.
Публикуется впервые

Отец Василий Смирнов с дочерью Марией. Село Крутец.
Публикуется впервые

Отец Василий Смирнов с внучкой Леной.
Село Марьинское Ивановской области. 1933 г.
Публикуется впервые

Лев Александрович Орлов с сыновьями Ермогеном и Серафимом.
Москва. 1933 г.
Публикуется впервые

Мария Васильевна Смирнова-Орлова с дочерьми Лидией,
Евфросинией и Анастасией (сидит на коленях у матери).
Москва. 1938 г.
Публикуется впервые

Отец Л. А. Орлова
— генерал-майор Александр Кириллович Орлов (6.4.1855 †8/21.11.1941) —
фортификатор, почитатель С.А. Нилуса.
Публикуется впервые

Мать Л. А. Орлова — Лидия Николаевна Орлова,
урожд. Нарожницкая (14.11.1879 †17/30.10.1919).
Скончалась от последствий ушиба, полученного при покушении
на Вел. Кн. Сергея Александровича в 1905 г.

Публикуется впервые

Л. А. Орлов (1889 †1967).
Публикуется впервые

М. В. Смирнова-Орлова.
Публикуется впервые

Мария Васильевна Смирнова-Орлова (справа) с дочерью Ульяной Львовной.
Публикуется впервые

Село Крутец. Дом купца Зубова

М.Я. Овчинникова показывает место, где был похоронен С.А. Нилус.

Слева направо:

С.Э.Трубачев, протоиерей Сергей Боскин (†6/19.1.1992),
С.М. Половинкин и А.Н. Стрижев. Крутец. 2/15.11.1986 г.

Архиепископ Аверкий (Таушев, 1906 †1976), Сиракузский и Троицкий,
по благословению которого увидела свет Великая Дивеевская Тайна

Та же лекция была повторена в Москве. Теперь смотрите сами, как далеко зашло антихристово дело и как оно воистину близ есть, при дверех. Есть уже некоторое как бы указание даже на имя его.

Из еврейских газет мне еще в феврале стало известно, что Американское еврейство (этот цвет всемирного кагала) назначило на май сего года всемирный конгресс еврейства. Собраться этот конгресс должен был в столице Северо-Американских Соединенных Штатов. И где находятся все государственные учреждения Штатов, и где живет президент. Зовется эта столица Вашингтон. Конгрессу этому жида придавали и придают огромное решающее значение. Если антихрист действительно существует, о чем теперь открыто говорят и сами жида в лице Универсальной лиги, то, надо полагать, без него на конгрессе не обойдется. И вот что прочел я в № 128 «Русско[го] Слов[a]» от 8-го июня сего года:

«Вашингтон 7/20 июня. Русская дипломатическая миссия прибыла сюда, в Вашингтон, сегодня и была встречена горячими выражениями глубокого доверия американцев и новой европейской демократии. Огромная толпа народа приветствовала русских, когда они, под двойным эскортом кавалерии, направились к дому знаменитого инженера Ганнен-Феникса, где будут иметь пребывание».

Кто этот доселе никому неизвестный и в то же время знаменитый инженер, носящий царственно-пророческое имя Давид и явно придуманную фамилию Ганнен-Феникс?

По-русски петух — Феникс, легендарная птица, возрождающаяся из пепла²⁵. Почему к нему первому, не обладающему никаким положением, помимо воли президента Вильсона, явилась на поклонение наша миссия, которая у него же и будет иметь пребывание? Не есть ли он тот обладатель могущественнейшей воли и разума, который сотрет силу Вильгельма II-го способом, еще неизвестным миру. Недаром же он «знаменитый инженер». Такие мысли пришли мне в голову при чтении этой телеграммы («Русского Слова»). Заметьте, что печать (герб) зверя «Еврейского народа» — печать (герб) антихриста. Зовется эта печать «Мохин Давид» — щит, что то же и герб Давидов. В этой печати заключено число 666, в ней же и имя Давид, следовательно, и в имени Давид заключается число зверя 666, не Давид ли будет имя антихристу; по-моему, да. Искали числа зверя в имени антихрист по буквенному способу, но оно в нем находится совсем иначе. Итак, мне сдается, что антихрист в данное время находится в Америке в Вашингтоне на Всемирном Еврейском конгрессе, имя ему Давид Ганнен-Феникс. Так мне думается. Если доживем, то увидим.

В заключение моего братского послания, дорогой мой молитвенник, сообщу Вам сновидение одного Киевского старца-протоиерея²⁶, друга детства, впоследствии и сотаинника старца моего и отца духовного Схиархимандрита Варсонофия Оптинского. Сон этот был им виден до революции. Вот он с его слов: «Вижу я, что служу Литургию в Великой Лаврской Церкви, в правом ее приделе, мне надо преподавать мир молящимся в храме, для сего я выхожу из церковных врат главного Алтаря и говорю: «Мир всем». В это время я замечаю на хорах, прямо против меня, настоятеля Киевского Софийского собора протоиерея Златоверховникова, который с большим недоброжелательством следит за каждым моим движением. В то же время вижу по правую и по левую сторону храма по священнику, с таким же недоброжелательством следящими за мною. Преподав мир, я возвращаюсь в Алтарь, где совершаю Литургию, я обращаюсь к дискосу²⁷, на котором лежит Агнец²⁸, хочу произнести слова: «Приидите, ядите», и когда поднимаю руку, чтобы ею указать Агнца, то вижу, что дискос стоит не на своем месте, а по правую сторону потира²⁹, и что на дискосе Агнца уже нет. В ужасе я указываю на дискос стоящему в Алтаре наместнику Лавры (нынешнему) Архимандриту Амвросию и говорю монаху-пономарю: «Беги скорее за новой Агнчей просфорой, и я ее потом освящу незаметно для молящихся, чтобы не смутить их и не прервать Литургии. Затем обращаюсь к Св. Чаше и хочу указать на нее и сказать: «Пийте от Нея вси», и в великом смятении вижу, что вместо потира стоит подсвечник и в нем нагоревшая потухшая свеча. На этом было мое пробуждение в великом страхе».

Видите, мой батюшка, сколько написал я Вам, но не для Вас одних, а для всех, через [Вас] желающих жать класы спасения и разуметь сокровенное лукавых наших дней. Очень желал бы, чтобы с содержанием моего письма ознакомились прежде всего те, кто законно поставлен во главе старческого окормления Св. Вашей Обители, ибо хочу к Вам войти дверьми, а не отъинуду³⁰, путем правильным, Богоуказанным, да не лишусь мзды своея.

Затем, испрашивая св. молитв Ваших и всех, кто через Вас послание мое пользуется, прошу о получении сего послания и о последующем известить слугу Вашего и любителя

Сергия Нилуса.

ВЪ СМЫСЛѢ ЛАВРА ВЪСХОДУЪ КОВАКЪ С. А. НИЛУСА:
„Близъ есть при дверехъ“

О томъ, чему не желаютъ вѣрить

и

что такъ близко.

4-е издание книги „Близъ грядущей антихристы и царство диваго на землѣ“, переделанное и значительно дополненное последними исследованиями и наблюдениями. Съ 27 рисунками.

Цена 2 р. 75 коп., а съ пересылкой 3 р.

Получать можно въ редакціи „Троицкихъ Листковъ“, Сергіевъ монастырь Московской губ.

ВЫШЛА
НОВАЯ КНИГА
С. А. НИЛУСА: **„Близъ есть, при дверехъ“**

О томъ, чему не желаютъ вѣрить и что такъ близко.

4-е издание книги „Близъ грядущей антихристы и царство диваго на землѣ“, переделанное и значительно дополненное последними исследованиями и наблюдениями. Въ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ: Часть I. Исследования времени. Часть II. Сборникъ сатанинскихъ. Часть III. Тайна беззаконія. Часть IV. Печать антихриста и число зѣбра—666.

Цена 2 р. 75 коп., съ пересылкой 3 руб.

Получать можно: въ редакціи „Троицкихъ Листковъ“, Сергіевъ монастырь, Моск. губ.; въ Петроградѣ: въ Обществѣ Религіознаго-вѣствованія, Прострѣнскія, Стрѣлнинск., 20, въ магазинѣ бывш. Тузова Садовая, Гостинный дворъ, 45 и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Книга Нилуса „Близъ есть при дверехъ“ уже давно есть въ продажѣ.

Архiep. Митинъ.

Объявление о книгѣ С. Нилуса в «Троицкихъ листкахъ».

Автографъ С. А. Нилуса.

13

Архиепископу Никону (Рождественскому)

22 ноября (ст.ст.) 1917

Линовицы

Срочная телеграмма

С. Посад, Лавку Аж.[? нрзбр. — Сост.] Лавра, Архиепископу Никону.
Кончайте известныхъ условияхъ по ответѣ вышло дополнения Нилуса³¹.

Л. А. Орлову

Письмо адресовано Льву Александровичу Орлову (1889 †1967), мужу М. В. Смирновой-Орловой, автора воспоминаний о последнем периоде жизни С. А. Нилуса в селе Крутец Владимирской губернии (см. разд. «В последние дни»). Лев Александрович был большим почитателем Нилуса, имел переданную ему отцом, инженером-генерал-майором Александром Кирилловичем Орловым (1855 †1941) книгу «Великое в малом» 1911 г. издания. В период написания письма он жил в Москве, где работал бухгалтером, а его жена, Мария Васильевна, с детьми находилась у своего отца, священника, в селе Крутец.

В 1926 г. тесть Л. А. Орлова, о. Василий Арсеньевич Смирнов (1874 †1937), настоятель храма во имя Успения Пресвятыя Богородицы с. Крутец, узнал о бедственном положении Нилусов, высланных «минус б» из предыдущего места жительства и искавших пристанища. Мария Васильевна сообщила об этом мужу, и тот попытался связаться с Нилусом, чтобы предложить ему остановиться у них, но опоздал. В Москве, куда Орлов приехал вслед за Сергеем Александровичем, ему рассказали, что в Чернигове нашлись люди, приютившие писателя. Это были граф Митрофан Николаевич и его дочь Ольга Митрофановна Комаровские. Получив адрес, Л. А. Орлов сразу же написал С. А. Нилусу о готовности принять его семью и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, «в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в этом нужда»³².

В 1928 г. эта нужда настала — С. А. Нилуса выслали и из Чернигова, ввиду его возросшей известности и авторитета. В конце апреля он приехал в дом о. Василия Смирнова, в Крутец, который стал его последним пристанищем среди «градов Израилевых». За время пребывания там, писатель много общался с Л. А. Орловым, поведал ему о своей близкой кончине: «Уже последние звонки мне даны, Левушка».

Впервые атрибутируемое и публикуемое полностью письмо является ответом на несохранившееся — Л. А. Орлова, где тот задает С. А. Нилусу несколько вопросов, касающихся прежде всего «Декларации» от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) и возглавляемого им Временного Священного Патриаршего Синода.

Также как Лев Александрович и его семья, о. Василий не принял «Декларации», пойдя путем исповедничества церковной чистоты, стал «непоминающим», был неоднократно репрессирован, а затем расстрелян.

С похожими вопросами к С. А. Нилусу, вероятно, обращались и другие знакомые. В магистерской диссертации архимандрита (ныне митрополита) Иоанна (Снычева) приведены отрывки из послания «По поводу «Воззвания» митр. Сергия, 15/28.9.1927» (Машинопись. Архив митрополита Мануила (Лемешевского). № 63)³³. С небольшими разночтениями они повторяют аналогичные в публикуемом тексте, что дает основание считать послание, хранившееся у митр. Мануила, также принадлежащим С. А. Нилусу. Хотя полностью в этом можно удостовериться только после сличения текстов друг с другом (не исключено, что Нилус процитировал какое-то третье, авторитетное для него лицо).

Чернигов, 9[-11]-го февраля [19]28 г.

Драгоценный мой Лев Александрович!

Давно не умилялся я так, как был умилен сегодня от чтения Вашего письма. В 28-то лет, да еще в наше-то лукавое и пребеззаконное время и сохранить так свою душу. Как Господь помог сохранить ее Вам — как же тут было не умилиться?! Исполать Вам, родной мой, и слава и честь родителям Вашим, наипаче же Господу Богу, соблюдающему Вас седмитысячным в среде неподклонивших выи своей Ваалу³⁴! Радуюсь и паки реку — радуюсь и благодарю Создателя моего и Вашего, что хоть и на дванадцатом часе моей жизни я встретился с Вашей душой, но все же на ее примере я лишний раз убедился, что как ни мало стадо Христово, но не одолеть его и самым вратам адовым. От всего сердца обнимаю и целую Вас, жемчужинка Божия драгоценная! Храни Вас и соблюди от всякого зла и навета вражьего Господь и Матерь Божия!

По любви и вере Вашей Господу угодно, чтобы письмо мое это шло к Вам не почтой, а с оказией и потому, с Божьей помощью, надеюсь дать им на все Ваши вопросы исчерпывающие их ответы. Начну с важнейшего — с Сергиевской смуты.

В письме своем Вы пишете, что, почитая всякую законную власть и церковное единство и не видя в действиях м[итрополита] Сергия³⁵ ничего противоканонического, Вы молитесь о нем и о теперешнем Синоде, равно и за всех правящих иерархов Российской Церкви. Но скажите мне: Кайафа и Анна³⁶ каноничны были, или нет, с точки зрения ветхозаветного формального правоведения, когда осудили Господа на пропятие? А Иуда не был ли единым от двенадцати? Однако, первые христиане не решились бы молиться за них, как о *право правящих слово истины* [здесь и далее выд. предположит. — *Сост.*]. Таково в глазах моих (да и не одних моих) деяние м. Сергия и иже с ним от 16/29 июля 1927 года³⁷. Деяние это, по бесовски меткому выражению советского официоза, «Известий», есть попытка «построить крест так, чтобы рабочему померещился в нем молот, а крестьянину — серп». Иными словами: заменить крест советской печатью — печатью «зверя» (Апок. XIII, 16).

Вот что по этому, всякого плача достойному поводу, размышляли мы, нехотящие подклонять выи своей Ваалу и «зверю, рана которого исцелела». «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф. За то [и] Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепритствуете в делах закона» (Малах. II, 7–9). Эти слова пророка Божия пришли нам на память после прочтения воззвания от 16/29 июля 27 г. м. Сергия и организованного им Врем[енного] Свящ[енного] Патр[иаршего] Синода³⁸. Восстали они, как обличение того пути, на который так решительно и безоглядно стали они в этом своем «Обращении». Может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия, при каких угодно случаях и для каких угодно целей становиться на путь лжи и чело-векоугодничества? Нет, ибо это безусловно воспрещается словом Божиим (Деян. IV, 19; Иезек. III, 18). Все, что говорится от лица Церкви, должно дышать истиной Христовой, исходить из нее, быть сообразно с ней; и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лица Христова, и для Церкви, в конечном итоге, оказывается всегда позорным и вредным. Позорно и вредно ей и то дело, которое начато м. Сергием, позорно и вредно потому,

что в нем нет истины, а все оно полно лжи, соображений и расчетов человеческих.

После Октябрьского переворота Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти не только безрелигиозной, но ярко антихристианской, в существе своем отрицавшей Христианство и Христу противоположно-враждебной, а потому фатально обреченной на борьбу с Ним. Церковь стоит поперек дороги коммунизму в самых главных основных пунктах. Она является отрицанием коммунизма в области материалистической философии, его категорических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между «да» и «нет», между утверждением и отрицанием, и поэтому враждебные действия государственной власти против Церкви были неизбежны. Однако, власть не находила до сих пор в себе достаточной силы открыто начать бороться с Церковью, как таковой, — она делала это под видом борьбы с политической контрреволюцией церковной иерархии и церковных организаций. Но если явления политической контрреволюции и имели место в словах и деяниях отдельных немногих личностей церковной иерархии, то они, во-первых, были весьма немногочисленны и, во-вторых, быстро прекратились. Кроме того, несомненно, что если бы этих явлений и совершенно не было, то все-таки враждебные действия Соввласти по отношению к Церкви проявились бы обязательно, как вытекающие из гораздо более глубоких причин (Вы их из моей книги знаете³⁹), чем случайное поведение тех или иных личностей, и, значит, объяснять отношения между Церковью и властью лишь только настроением отдельных иерархов ни в коем случае невозможно. Когда таким образом поступает власть, то это еще понятно, но, когда то же исходит от церковного деятеля, когда и он напряженные отношения между властью и Церковью стремится объяснить только, как следствие контрреволюционных политических настроений церковных кругов, — такому поведению трудно найти имя, до сих пор такими инсинуациями занимались «обновленцы»⁴⁰ и прочие предатели и враги Церкви Христовой. И мы и за себя лично, и от лица всей Церкви, с негодованием отвергаем все такие обвинения как ложь и клевету.

Но теперь к этому хору лжесвидетелей присоединился и заместитель Патриаршего Местоблюстителя со своим «Врем[енным] Патр[иаршим] Свящ[енным] Синодом». Объясняя, почему Православная Церковь в России до сих пор гонима, они пишут: «Мешать нам может лишь то, что мешало и

в первые годы Советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности — это недостаточность сознания всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Соввласти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным». В другом месте недоверие Правительства к Церкви м. Сергей называет «естественным» и «справедливым», т.е. вину за него возлагает всецело на Церковь, а не на правительство. Таким образом, убийство сонма священно- и церковно-служителей, разгром церковных организаций, тюрьмы и ссылки весьма многих епископов, отнятие храмов и всякого церковного имущества, — незаконные даже и с точки зрения нынешних законов, — по мнению м. Сергея и его «Свящ. Патр. Синода» законны и справедливы. Более того: оказывается, что все эти гонения и, вообще, отсутствие мира власти по отношению к Церкви, по мнению м. Сергея, имеют причину только в том, что Церковь со дня на день ждала краха советской власти, противясь в чем-то этой власти, что, поэтому правы были не мы, а «живисты-обновленцы», сразу «оценившие конъюнктуру» и поспешившие еще пять лет назад сделать то, что теперь с таким опозданием сделал м. Сергей⁴¹.

Неизвестно, какими побуждениями высказаны м. Сергием все эти невероятные в устах православного иерарха утверждения, но для всякого православного христианина ясно, что в этих утверждениях нет истины, что это опасная клевета на Церковь, на ее епископов и, что в действительности, враждебное отношение соввласти к Православной Церкви не было «естественным» и «справедливым», как то пытается утверждать м. Сергей.

Одна неправда влечет за собой другую. Мы показали, как несправедливо обвиняет м. Сергей православных епископов в контрреволюционном политиканстве, становясь, таким образом, единомышленником обновленцев и других врагов Церкви. И вот, зная, что эти его выступления вызовут справедливое возмущение и сопротивление истинно верующих, м. Сергей, с целью защитить себя, снова говорит неправду. Эта новая неправда состоит в том, что м. Сергей старается заранее опорочить перед правительством и перед народом тех, кто по совести не сможет присоединиться к несправедливым деяниям его и Синода. Этим несогласным с ним он снова навязывает политическую контрреволюционность, говоря будто все, кто не поддерживает его в новом его начинании, думают, что «нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием». М. Сергей знает, что опасно в настоящее время даже самое легкое подозрение в контр-

революционности и, тем не менее, не боится эту опасность навлекать на служителей и рядовых членов Церкви, на своих братьев и детей, обвиняя их в контрреволюционности, и за что же? За то, что они не в состоянии по совести признать, что «радости и успехи Советского Союза — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»⁴², что «всякий удар, направленный в Союз, сознается нами, как удар, направленный в нас». Разве христиане, которые не всякую радость безбожного, воинствующего против всякой религии, коммунизма могут счесть своей радостью и не всякий успех — своим успехом, тем самым политические враги советской власти? Да и можно ли требовать от верующего христианина такого отождествления в жизненных оценках с безбожным коммунизмом, какого требует м. Сергей? Пусть м. Сергей не укрывается за казуистические различия Советского Союза и коммунизма: это исключается многочисленными заявлениями членов правительства, вроде сделанного Бухариным⁴³, заявившим, что «наша партия неотделима от СССР» («Известия», 18/VII 27 г., № 187/3121). И так оно, конечно, и есть. Поэтому всецело на совести м. Сергея и грех несправедливого и напрасного обвинения своих братьев в тяжких политических преступлениях и грех унижительной чудовищной лжи и пресмыкательства пред сильными мира сего, совершаемые им от лица Святой Церкви, вопреки прямому запрещению Апостола «сообразоваться с веком сим» (Римл. XII, 2).

Что же понудило м. Сергея к такому греху против Церкви Русской? Очевидно, желание этим путем добиться легального существования церковных организаций, вопреки примеру Господа, решительно отвергшего путь сделок с совестью ради получения возможности иметь поддержку в силах мира сего (Мф. IV, 8–10). М. Сергей сам заявляет об этом результате печатно в дополнение к «Обращению» («Изв[е]стия») за 19 авг. 27 г.). Сам м. Сергей сознается, что «его усилия, как будто не остаются бесплодными, что с учреждением Синода укрепляется надежда не только на приведение всего церковного управления в должный строй, но возрастает уверенность в возможность мирной жизни». Он не уверен даже в том, что легализация распространится далее Синода, а только *надеется*, т.е. кроме туманных посулов и неопределенных обещаний покамест ничего не получено. Печальный итог даже с точки зрения житейских соображений.

«Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся в положении нашей Православной Церкви», — говорит

м. Сергей. Да, едва ли и нужно, потому что все ясно. Ясно, почему вместе с легализацией Синода не легализуется тем самым и вся Церковь. Так оно и должно было бы быть, если бы Синод был, действительно, центром Церкви, единым с ней в мысли и жизни. Но на самом деле это не так, и, с легализацией Синода, Церковь продолжает пребывать в беззаконном состоянии, ибо легализована не Церковь, а всего лишь новая ориентация, носящая к тому же ярко политический характер. Церковь же легализуют лишь тогда, когда она, в лице собора, даст окончательное одобрение предпринятому м. Сергием «делу», т.е. совершит тот же грех самооплевания и преступного компромиса. Ясно и то, почему м. Сергей говоря о «втором Поместном Соборе», говорит не о том, что этот собор изберет Патриарха, как должен был бы сказать, [а] только о том, что он изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление. Умолчание знаменательное. Ясно для чего потребовалась такая обостренная формулировка новых отношений Церкви и власти, по которой «радости и успехи ее — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» и т.д. Эта явная, унижительная, смешная и бесполезная ложь, по справедливости оцененная в газетных комментариях к «Обращению» («Изв.», 19/VII-27), необходимая, однако, для того, чтобы сделать условия легализации, проводимой м. Сергием, по возможности наиболее неприемлемыми для всех честных церковных деятелей и тем самым, как бы, уже не по суду государства, а по суду якобы, самой Церкви, оплевать их политическими контрреволюционерами, лишив, таким образом, лучших пастырей Церкви возможности принимать участие в церковной жизни и тем окончательно ослабить Церковь. Ясно, наконец, и то, как будет проходить легализация: будут анкеты в том или ином роде, в роде как во время оно у «живистов», с известными уже по воззванию, а может быть, еще и неизвестными обязательствами. Отвергшие эти обязательства будут заключаемы, заточены в тюрьмы. Словом, все остается по-старому, а истинная Церковь будет гонима. Новое же во всем этом печальном деле будет лишь то, что это гонение на Русскую Церковь будет оправдываться временным ее предстоятелем, м. Сергием.

Делая то, что он делает (Иоанн, XIII, 27), м. Сергей, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от м[итрополита] Агафангела⁴⁴, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского⁴⁵ и прочих претендентов на создание новых ориентаций, — испросить благословение от своего иерархического начальника. Ведь, м. Сергей только заместитель

Местоблюстителя⁴⁶, т.е., лицо не самостоятельное и обязанное действовать, во всяком случае, не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной литургии, как своего Господина. Поэтому он должен был запросить м[итрополита] Петра⁴⁷ о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному делу и только с его благословения действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Обращении» нет и следов указаний на то, что это было сделано, и что благословение получено. Наоборот, обоснование на покойного Патриарха Тихона⁴⁸ а- и его довольно апокрифические слова⁴⁹ (что [sic] страшно сближать м. Сергия с ВЦУ⁵⁰, Лубенцами⁵¹ и прочими, якобы продолжателями дела покойного Патриарха), -^а дает полное основание заключить, что санкций от м. Петра не получено.⁵² А если это так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для м. Сергия получить благословение м. Петра показывает то соображение, что, в случае его несогласия с деятельностью своего заместителя, м. Сергия, сей последний сразу становится таким же «похитителем власти», как и те лица, о которых он упоминает в своем обращении.

Таково, дорогой мой Лев Александрович, было мое и единомышленных об «Обращении» м. Сергия. Вопрос, затронутый им об отношении к эмигрировавшему духовенству⁵³, мы рассматривали с той же точки зрения, с какою отнеслись и ко всему «Обращению». — Вы ее теперь знаете. — Недоставало нам, в утверждение ее, авторизованного высшим посвящением голоса Церкви истинной в лице ее епископата. И голос этот не замедлил. Из прилагаемой при сем копии «Обращения»⁵⁴ к м. Сергию наиболее авторитетной части Петроградского духовенства с санкцией м[итрополита] Иосифа⁵⁵ и епископов Димитрия⁵⁶ и Сергия⁵⁷, а также письма к м. Сергию еп. Воткин[ского] Виктора⁵⁸, Вы увидите, что м. Сергию и его синоду голос этот уготовал место в среде «Церкви лукавнующих», от которого и Вас и меня да избавит Господь.

Покончив с Сергиевой смутой, отвечу теперь Вам на вопрос Ваш, почему я не принял священства. Прежде всего потому, что на то не было воли Божией, несмотря на глубокое мое желание послужить в сем сане Церкви Божией. А воли Божией на то не было потому, что у меня до моего рукоположения был мой «Адеодат»⁵⁹, горячо любимый сын, рожденный во дни

а - а В редакции послания «По поводу «Воззвания» митр. Сергия, 15/28.9.1927» из архива митр. Мануила это место отсутствует. — *Сост.*

еще моего студенчества и впоследствии законно мною усыновленный. Таким образом, по 17-му Апостольскому правилу⁶⁰, в клире состоять не мог. От брака моего с женою моею, Еленой Александровной⁶¹, детей у меня не было, и мой «Адеодат» стал любовью ея к нему и к его матери, нашим общим сыном. Такова была воля Божия, сообщенная нам четверым старцами Оптиной Пустыни, в которой мы с женой и с матерью нашего сына имели несравненное счастье прожить 5 лет, и духовному разложению которой, на наших глазах, поработал с усердием не по разуму, Ваш духовник, архимандрит Георгий, в то время бывший иеродиакон⁶². На его душе лежит этот тяжкий грех, повлекший за собою болезнь и смерть Настоятеля Оптиной Пустыни, святой жизни старца схиархимандрита Ксенофонта⁶³, а также удаление из обители ее Старца и Скитоначальника архимандрита Варсонофия⁶⁴, нашего духовника и старца, последствием чего была также и его кончина. Таков Георгий. Таков и я⁶⁵.

Еще вопрос Ваш: «Что нам делать и куда идти?» По глубочайшему моему убеждению, Истинная Церковь Христова, «Жена облеченная в солнце» (Апок. XII, 1), уже находится в пустыне, ибо ангелы Церкви нашей — Кирилл⁶⁶ и Петр, первостоятели и епископы-исповедники поместных Церквей — все они в ссылке и изгнании в местах пустынных — следовательно, и мы, верные Церкви той, тоже находимся в пустыне. А в пустыне же что иного делать, как только молиться? Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Пока есть и храм Божий не от «Церкви лукавнующих», ходи, когда можно, в церковь, а нет — молись дома; если же и домашние — враги человеку, то молись в клети сердца: Г[осподи] И[исусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] м[я], г[решнаго]! и: Пресвятая Богородице, спаси мя! Скажете: а причащаться где? у кого? Отвечу: Господь укажет, или же Ангел причастит, ибо в Церкви лукавнующих нет и не может быть Тела и Крови Господних. У нас в Чернигове, из всех церквей, только церковь Троицкого осталась верной Православию; но если и она сохранит поминовение Экзарха Михаила⁶⁷ и, следовательно, молитвенное общение с ним, действующим по благословию Сергия и Синода, то мы прекратим общение и с нею. Веруем, что за веру нашу Господь пошлет к нам во время благопотребное, как Пр[еп]. Марии Египетской, своего Зосиму⁶⁸.

Так веруем. Так исповедуем. 1928-й год — год критический: по утверждению евреев он — год явления миру их мессии. Это я от них самих знаю⁶⁹...

Ну, вот, я Вам все сказал и показал. Да послужит Вам сие во свидетельство моей к Вам любви и доверия. За любовь — любовью.

Когда получите это письмо, сообщите, но помните, что почта на службе состоит в известном учреждении.

Обнимаю Вас и заочно люблю.

Ваш С.

Жена Вас приветствует. Меня пока оставляют в покое. Что будет дальше, покажет Господь.

Бутылочку с водицей Батюшки Пр[еп]. Серафима берегите до случая.

Спаси Вас Господи!

* * *

«Оказия» отъезд свой откладывает, и к сказанному об «Обращении» м. Сергия хочется добавить еще от Писания: «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху, не вопросивши уст Моих, идут в Египет, чтобы подкрепить себя силою фараона и укрыться под тенью Египта. Но сила фараона будет для вас стыдом и убежище под тенью Египта — безчестием... Все они будут постыжены из-за народа, который бесполезен для них; не будет от него ни помощи, ни пользы, но стыд и срам» (Ис. XXX, 1–5).

Вспомните сновидение, в котором показано прощение козла и креста вместе. Если Вы читали мою книгу «Близ есть, при дверех», то Вам ясна будет эта символика⁷⁰. Таково значение Сергия и его синода. М. Сергей был руководителем безбожных «Религиозно-философских собраний»⁷¹ в Петербурге во дни м[итрополита] Антония (Вадковского)⁷² и покаявшихся «обновленцев»⁷³. Могло ли добру от него быть? М[итрополит] Арсений Новгородский⁷⁴, хоть и значится в списке Синода, но, как стало мне известно, отказался от этой чести, предпочитая, по его словам, «готовиться к переходу в иную жизнь». Кого мне из всего этого соборница кровно жаль, так это Епископа Сергия (Гришина)⁷⁵, заведующего делами Синода. Очень бы мне хотелось довести до сведения этого, поистине хорошего, человека эти строки. Я знал его в Оптиной, куда он приезжал еще студентом Академии.

В заключение письма моего, разросшегося безмерно, сообщу Вам из письма моего приятеля, живущего в Палестине, некоторые сведения, исполненные глубокого значения для христиан всех толков, для нас же, православных, — в особенности. 16-го ноября 1918 г. англичане вступили в Иерусалим⁷⁶.

На касках их, на седлах кавалерии и на всей амуниции были поставлены знаки еврейского «Мохин-Давида» ☆. Ими были открыты замурованные во все время турецкого владычества «Золотые Врата», через которые, по преданию, совершил Свой вход в Иерусалим Господь наш Иисус Христос. И на эти врата ими же поставлены были те же знаки. А блаженнейший патриарх Дамиан⁷⁷ английского губернатора, еврея Самюэля, ввел через Царские врата в алтарь Храма Воскресения, где Голгофа и Св. Гроб Господень⁷⁸. 28 июня 1927 года в Иерусалиме и во всей Палестине произошло сильнейшее землетрясение, совершенно разрушившее на Иордане древнейший храм Св. Пр[ор]. Иоанна Крестителя и другие греческие храмы. От этого землетрясения купол и стены Храма Воскресения дали такие трещины, что Богослужение в нем было прекращено⁷⁹. Известие это у меня от августа минувшего года. Возобновилось ли после того Богослужение на сем мировом «месте святе», того не знаю, но для меня, как знамения, довольно того, что оно прекращалось, хотя бы и на время после акта совершенного патриархом Иерусалимским.

* * *

11 февр. — Оказия все еще не едет, а так много, безчисленно много нужно еще сказать из того, чему свидетелем поставил меня Господь — то-чю свидетелем.

Вот, например, лежит передо мною обширное послание нарочитых «свидетелей истины» — епископов, Соловецких заточников. Оно тоже обращено к м. Сергию по поводу его «Обращения». И сколько же в послании этом и негодования и скорби! Оно большое и переписать его для Вас у меня нет ни времени, ни силы (я ведь, больной сердцем, «кочный больной», по свидетельству Комиссии от ГПУ⁸⁰). Вот что, между прочим, пишут Соловецкие страдальцы-епископы:

«...Что скажем мы, когда управляющий наш святитель произносит нам строгий приговор о «словах и делах». Не ставят ли эти слова черный крест над всеми мучительными и невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние года — над всей этой борьбой, которая казалась героической? Не объявляют ли подвиг Церкви преступлением? И как прочитают эти слова те, кто теперь в далеком изгнании? Что почувствуют, увидев обвинителя в лице своего ответственного собрата? и не сорвется ли страшное слово «клевета» с их побледневших уст? Не покажется ли им, что даже покой усопших (убиенных за слово Божие) тревожит этот приговор, подписавших декларацию епископов?»...

И далее: «...По поводу предполагающейся легализации, м. Сергей предлагает «выразить всеподданную нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения».

За что же благодарить?

Покамест мы знаем один факт: м. Сергей и члены Синода имеют возможность заседать в Москве и составлять декларацию.

Они в Москве.

Но первосвятитель Русской Церкви м. Петр, вот уже не первый год без суда обречен на страшное томительное заточение.

Они в Москве.

Но м. Кирилл, потерявший счет годам своего изгнания, на которое он обречен, опять-таки, без суда, находится ныне, если только жив, на много [верст] за пределами Полярного круга.

Они в Москве.

М. Арсений, поименованный среди членов Синода, не может приехать в Москву и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И сонм русских святителей совершает свой страдальческий подвиг между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса...

Так не за все ли это благодарить?! За эти неисчислимые страдания последних лет?! За то, что погасла лампада Пр[еп]. Сергия⁸¹?! За то, что драгоценные останки Пр[еп]. Серафима, а еще раньше — святителей Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа — подверглись неимоверному кощунству⁸²?! За то, что замолкли колокола Московского Кремля и закрылась дорога к Московским Святителям⁸³?! За то, что Печерские Угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых⁸⁴?! За то, что северная наша обитель (Соловецкая) стала для нас и других местом непрекращающихся страданий⁸⁵? За мучения эти, за кровь м[итрополитов] Вениамина⁸⁶, Владимира⁸⁷ и других убиенных святителей?!

За что же благодарить?!»⁸⁸

Дальнейших выписок из этого святительского исповеднического «Плача» не продолжаю — довлеет ми и Вам, рука едва повинуется писать от сердечного волнения. Добавлю от себя: не за Дивеев ли благодарить, разогнанный в ответ на приглашение м. Сергия «благодарить за внимание»⁸⁹?

* * *

Доколе же, о Господи!

А м. Сергия центром служения — Данилов монастырь, который почитаем «Оплотом Православия», и где духовничествует и «окормляет» многие православные души духовный разоритель великой старческой обители, Георгий⁹⁰.

Имеяй уши слышати да слышит!

Храни Вас, дорогой мой, Господь и Матерь Божия.

Ваш С.

III
МАТЕРИАЛЫ
К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

ЗАПИСЬ В ДВОРЯНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ КНИГЕ

№ 362 от 14 Января 1858 года

Нилус Александр Петрович, титулярный советник, сорок одного года, в отставке, жительствует в Мценском уезде. Холост. Недвижимого имения за ним в Мценском уезде крестьян 202 души.

Титулярный советник Александр Петрович Нилус указом Герольдии, последовавшим в Смоленский Кадетский корпус 18 октября 1823 года за № 7257, по заслугам отца его генерал-майора Петра Богдановича Нилуса признан в дворянском достоинстве. В Дворянском депутатском собрании определение состоялось 1854 года июня 17 дня.

Титулярный советник Александр Нилус утвержден в дворянстве указом из Герольдии, последовавшим 14 января 1858 года за № 362. *Стало быть, отец Сергея Нилуса родился в 1816 году*¹.

Князь Н. Д. ЖЕВАХОВ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС

(Род. 25 августа 1862 г. † 1 января 1929 г.)

Краткий очерк жизни и деятельности

[...] Приступая к изданию [...], я желал собрать по возможности исчерпывающий материал по затронутым вопросам в пределах, доступных оглашению в настоящее время, но эта задача мне не удалась в полной мере. Имеются и письма С. А. Нилуса, и даже его позднейшие неопубликованные рукописи, имеются и фотографии, но отсутствие идейных устремлений, невежество и «страх иудейский» — заставляют держателей этих ценностей не выпускать их из своих рук и даже не отвечать на обращаемые к ним запросы. Плохую услугу памяти С. А. Нилуса оказывают эти люди, неспособные подниматься выше уровня своих личных интересов. Исчерпав все способы заручиться дополнительным материалом, включительно до личного свидания с его обладателем, и не достигнув цели, я был вынужден ограничиться имеющимися у меня данными и выпустить книжку в том виде, в каком она предстает теперь пред читателем. [...]

*Н. Ж.*²

Барн

27 октября/9 ноября 1935 г.

Нет уголка на земном шаре, где бы не слышали о «Сионских Протоколах»³, нет ни одного образованного человека, который бы их не читал, а между тем и до сих пор мало кто знает имя автора этой ужасной книги и продолжают строиться легенды об ее издателе С. А. Нилусе.

Обыкновенно каждая книга связывается с именем ее автора или издателя. «Сионские Протоколы» составляют исключение. Переведенные чуть ли не на все существующие европейские и азиатские языки и распространившиеся по всему свету, «Сионские Протоколы» умышленно скрыли имя своего автора, еврея Ульшера Гинзберга⁴, и дали всемирную известность С. А. Нилусу, который не был ни автором, ни даже первым издателем этой необычайной книги, а получил ее рукопись уже из третьих рук. Почему так случилось, усматривается из самого содержания «Протоколов». Эту книжку мало назвать гениальным произведением человеческого ума. Это в буквальном смысле слова произведение сатанинское, созданное евреем, проникнутым необычайной злобой к христианскому миру, писавшим под диктовку днавола, раскрывшего перед ним способы разрушения христианской государственности и тайну овладения всем миром. Разумеется, такое произведение составляло еврейскую тайну, не подлежало оглашению, и Ульшер Гинзберг должен был скрывать свое имя. Однако тайна была раскрыта, рукопись была обнаружена, и, переходя из рук в руки, попала к С. А. Нилусу, который первый указал на нее как на *мировую опасность, грозящую всему христианскому миру со стороны международного еврейства*, первый забил в набат. В этом и заключалась заслуга С. А. Нилуса, давшая ему мировую известность и славу. Правда, его набат мало кто услышал, изданная им в 1905 г. рукопись «Сионских Протоколов» не имела успеха, и ни правительство, ни общество и печать не обратили на нее должного внимания⁵. Но это понятно, и иначе и не могло быть. Истина никогда не завоевывает сразу своих позиций, и для утверждения ее в умах и сердцах людей требуется много времени... Но теперь, когда с момента появления «Сионских Протоколов» прошло уже тридцать лет, и они нашли верную оценку, книга приобрела чрезвычайное значение, а имя С. А. Нилуса заслуженную славу.

Не помню, где и при каких условиях я впервые встретился и познакомился с Сергеем Александровичем, но хорошо помню, что мое свидание с ним в С.-Петербурге осенью 1905 года, о котором у меня сохранились вполне отчетливые воспоминания, не было первым, ибо мы беседовали

друг с другом уже как старые знакомые, связанные общими духовными интересами. Значит, мы встретились и познакомились раньше 1905 года, и не в Петербурге, куда я переехал на жительство лишь летом 1905 г., а где-либо в другом месте, скорее всего в г. Киеве, где я часто бывал. Мы часто запоминаем подробности знакомства с людьми, с которыми случайно встретились в жизни и не продолжали общения, и забываем об обстоятельствах встречи с теми, с которыми постоянно жили и которые становились как бы членами нашей семьи. Я убежден, что познакомился с С. А. Нилусом не позже 1900 года, но отчетливые воспоминания о нем начинаются у меня только с конца 1905 года.

Как ни часто я встречался с С. А. Нилусом, но никогда не расспрашивал его о прошлом, о котором поэтому и имею лишь неполные и отрывочные сведения.

Родители С. А. Нилуса были состоятельными помещиками Орловской губернии. Состав их семьи мне неизвестен. Знаю лишь, что председатель Московского Окружного Суда Дмитрий Александрович Нилус был братом Сергея Александровича. Оба брата учились в гимназии и университете в Москве. С. А. Нилус был, по-видимому, более склонен к деревенской жизни, ибо после смерти отца, унаследовав его имение, поселился в Орловской губернии. Женился Сергей Александрович поздно на фрейлине Государынь Императриц Елене Александровне Озеровой, дочери посланника в Афинах, а затем в Берне обер-гофмейстера Александра Петровича Озерова*. Она имела двух сестер: Марию Александровну Гончарову и княгиню Ольгу Александровну Шаховскую, впоследствии игуменню Софию, управлявшую Вировским монастырем и Зарайскою общиною и известную своею высокою подвижническою жизнью, и четырех братьев, из которых один, Давид Александрович, был Управляющим Императорским Аничковым дворцом, другой — Борис Александрович — Келецким

---

* Брак между Сергеем Александровичем Нилусом и Еленой Александровной Озеровой был заключен в старости обоих, когда каждому из них было лет по 60 или около того. Он не имел под собою никакой плотской основы, а явился закреплением их долголетней дружбы, установившейся на почве общей им глубокой религиозности. О. Иоанн Кронштадтский приветствовал при встрече не обычный брачный союз, а теснейшее соединение двух душ, близких его душе по своей религиозной настроенности. Светские родственники и знакомые Нилусов, далекие от религии и не разбиравшиеся в душевных переживаниях двух старых друзей, видели в женитьбе Сергея Александровича карьерные цели, которых на самом деле и в помине не было, и позволяли себе злословить, не имея для этого ни малейшего основания.

губернатором, третий, преображенец, был убит в Турецкую войну, а о четвертом у меня не имеется сведений. С. А. Нилус не был ни ученым, ни профессором, ни писателем, как его обычно называют. Он был довольно богатым помещиком Орловской губернии, с увлечением занимавшимся сельским хозяйством, каковое вел самыми новыми усовершенствованными способами.

Но миссия помещика не была его призванием. Хозяйство свое он вел неумело и в результате разорился, был вынужден продать свое имение и искать другого поприща деятельности. Имея юридическое образование, С. А. Нилус поступил куда-то на службу (не помню куда) чиновником, но и государственная служба его не удовлетворяла, и он вскоре ее оставил. Не знаю точно, раньше ли поступления на государственную службу или после оставления ее, С. А. принял должность воспитателя в семье губернатора одной из восточных губерний и в течение всей следующей своей жизни не прерывал общения с этой семьей.

В религиозном отношении Сергей Александрович также был неустойчив и к религии равнодушен, хотя сведения, приводимые Гр. Бостуничем⁶ в его брошюре «Правда о Сионских Протоколах» (Митровица, 1921, с. 11) о том, что С.А. Нилус был в молодости соблазнен Теодором Герцлем⁷ и посвящен в масонство, а затем возвращен в лоно Православия протоиереем Иоанном Кронштадтским, нужно отнести к досужим вымыслам, не имевшим под собою ни малейшей почвы⁸. Такого факта в жизни С.А. Нилуса никогда не было. Будучи в молодости равнодушным к религии, он в то же время несомненно принадлежал к числу тех «богоискателей», которые страдали и томилась своим безверием и добросовестно искали выходов из положения. В этих случаях Сам Господь, не желая смерти грешника, идет к нему навстречу и подает Свою благодатную помощь. Так случилось и с С. А. Нилусом. Об этом моменте своего обращения к Богу, или точнее своего духовного возрождения, С. А. Нилус рассказывает в своей книге «Великое в малом» [...].

Жизнь С. А. Нилуса получает иное содержание и направление. Кончилось мучительное томление духа, заспокоилась исстрадавшаяся и тоскующая душа, Нилус нашел свое призвание и занялся литературой. Таково уж свойство русского духа, природы русского человека, способного умирать в одиночку, но не способного в одиночку спастись! Воскреснув духовно, Нилус ринулся спасать косневших во мраке духовного невежества своих ближних, делиться с ними своими духовными приобретениями, пробуждать их заснувшую веру

и совесть, вследствие чего все сочинения Нилуса, проникнутые глубокою верою, высоким религиозным настроением и чувством, приобретали неизъяснимую прелесть и заняли совершенно особое место в русской литературе.

Не блещущие никакими особыми литературными достоинствами, они выделялись на книжном рынке именно тем, что были вполне самобытны и оригинальны, а, главное, тем, что являлись чрезвычайно своевременными и нужными. Они не принадлежали к общему типу литературных произведений, их нельзя было отнести ни к повестям, ни к рассказам, ни к разряду статей исторического или публицистического содержания, ни смешать с произведениями религиозной литературы.

С. А. Нилус ничего не выдумывал и не «сочинял». Предпочитая жить вблизи прославленных русских монастырей и пользоваться монастырскими книгохранилищами, С. А. Нилус извлекал из богатых монастырских архивов драгоценный материал и перерабатывал его.

Чтобы понять и оценить значение этой работы С. А. Нилуса, нужно знать, во-первых, уклад жизни русских монастырей в эпоху их расцвета и, во-вторых, содержание монастырских архивов. Внешняя жизнь монастыря не только не отражала подлинной, настоящей жизни обители, а нередко скрывала ее, подобно тому, как подвижник скрывал пред лицом мира свои сокровенные подвиги, стараясь казаться самым заурядным человеком. Великие старцы обители, достигшие нравственного совершенства, стяжавшие недоступную миру премудрость, сиявшие потусторонним знанием, живя в монастыре среди прочей братии, часто не знали друг друга и рассматривались как заурядные монахи, ничем не отличавшиеся от прочих. Уставы монастырей не позволяли выносить наружу духовные приобретения и оберегали духовный рост подвижников от соблазнов; убегали от славы мирской и сами подвижники, смирение которых заставляло их скрывать свои духовные преимущества пред прочими; но то, что тщательно пряталось и скрывалось от людского взора, то на досуге, часто ночью, заносилось трепетной старческой рукою в тетрадки, какие изо дня в день отмечали многотрудную жизнь подвижника с ее легендарными подвигами и трудами, с ее никому невидимой духовной бранью, с ее борьбою со страстями и с ее страданиями при отречении от мирских привязанностей, очищавшими душу подвижника и возносившими дух его на небо. Это не были дневники в обычном значении этого слова, излагавшие содержание того или иного прожитого дня, это были величайшие откровения духа, отмечавшие

каждый шаг по пути к нравственному очищению, каждую мелкую извилину и тропинку по пути к Богу, каждую свою победу над страстями и каждый свой грех и падение, все то, что укрепляло дух, и то, что его ослабляло и угнетало, всякое малейшее изменение в настроении или в отношении к ближнему и его причинны, словом, все то, что в итоге давало драгоценнейший материал для учебников святой жизни, каким официальные учителя жизни, духовные вожди русского народа, пастыри и архипастыри пренебрегали и о котором, возможно, даже не знали.

И вот, эти тетрадки после смерти их авторов и попали в монастырские архивы, откуда и поступали в распоряжение С. А. Нилуса, составив содержание его книге «Великое в малом», «Святыня под спудом», «На берегу Божьей реки» и др., заглавия которых уже исчезли из моей памяти. Помнится, что последующие издания Нилуса знакомили читателя с чрезвычайно ценными рукописями Валдайского монастыря и воспроизводили подлинный дневник одного великого подвижника схимника-затворника, изо дня в день, на протяжении десятков лет отмечавшего этапы своего восхождения к Богу, а также все то, что открывалось его духовному взору в области внешних повседневных фактов жизни.

Это была удивительная книга... Ведь одни и те же факты, имеющие одинаковую внешность, воспринимаются разными людьми различно. Одни видят в них заурядное явление текущей жизни, то, что лежит на ее поверхности; другие, обладающие духовным зрением, улавливают в них связь с предыдущими событиями и рассматривают их как результат предшествующих причин; третьи, с более обостренным духовным зрением, видят еще больше и, сопоставляя факты настоящего и прошедшего, предусматривают будущую концепцию фактов, характер и направление будущих событий. По-видимому, автор этой замечательной книги принадлежал к категории этих последних духовидцев, ибо останавливался на событиях нашего времени, наступивших лишь 80 лет спустя после его смерти. В этом отношении откровения автора имели много сходства с откровениями знаменитого старца Илиодора из Глинской Пустыни⁹, которому незадолго до официальной смерти Императора Александра* была открыта во мгновение времени картина царствования последующих русских Императоров, начиная с Императора Николая I и кончая

---

* Император Александр I, как известно, ушел из мира и под именем странника Феодора Кузьмича жил в Сибири, где скончался в глубокой старости в 1864 году, имея от роду свыше 80 лет. Народная молва давно уже причислила его к лику святых Православной Церкви.

Императором Николаем II, и который в течение всей последующей жизни предвещал верующих о близкой гибели России... Увы, ему никто не верил... И пастыри и пасомые оставались одинаково глухими к предостережениям старца Илиодора, раздававшимся за 100 лет до катастрофы 1917 года.

Не ограничиваясь изъяснением событий переживаемого времени и пре-
дуказанием будущих мировых событий на земле, анонимный автор «Дневника» раскрывал перед читателем картины будущего загробного мира с таким реализмом, который свидетельствовал не только о его интуиции, но и об особых, получаемых им от Бога откровениях. Так, мне помнится его рассказ об одном отроке, проклятом своею матерью, который был восхищен неведомою силою от земли в безвоздушное пространство и прожил 40 дней жизнью духов, вращаясь среди них и подчиняясь царившим там законам... В этом рассказе было столько необычайного, что совершенно исключало возможность вымысла и фантазии и свидетельствовало о действительном существовании загробного мира и жизни духов. Я смутно припоминаю подробности этого рассказа, ибо имел возможность лишь бегло просмотреть его, но и то, что я помню, никогда не исчезнет из моей памяти...

Словом, этот «Дневник» был книгою необычайной ценности, живым, наглядным руководством к святой жизни¹⁰.

Таким образом, книги С. А. Нилуса являлись не только сборниками интересного и назидательного чтения, но и в некотором роде пособиями для духовно-нравственной жизни, рождавшими религиозное настроение и укреплявшими его, но именно по этой причине вызывали они к себе неблагоприятное внимание со стороны тех иерархов, которые скептически и с предубеждением относились к духовной литературе светских писателей. Тем не менее, имя С. А. Нилуса было весьма известно в среде верующей интеллигенции, его книгами зачитывались так же, как и сочинениями Е. Поселянина, и отчасти по этой причине «Сионские Протоколы» по своему обнаружении были переданы ему. В тот момент «Протоколы» рассматривались с мистической точки зрения, и мало кто связывал с ними политическое значение.

* * *

Вопрос о том, как была обнаружена рукопись «Сионских Протоколов», кому первому она попала в руки, когда и от кого была получена — нужно признать и до сих пор невыясненным¹¹. [...]

В 1905 году «Протоколы» были изданы С. А. Нилусом в составе 2-й части его книги «Великое в малом» под заглавием «Антихрист, как политическая возможность». Хотя сам Нилус и понимал политическое значение изданного им документа, но заглавие, ему данное, отшатнуло от него широкие круги, увидевшие там мистику и фантазию, а не реальную опасность, с которой бы надлежало бороться. Между тем, это заглавие совершенно точно передает конечный результат осуществления намеченных «Протоколами» программ.

* * *

Получив экземпляр «Протоколов», Нилус совершенно правильно оценил документ не только с эсхатологической, но и с политической точки зрения, и справедливо усмотрел в нем предостерегающий глас Божий, обращенный к безпечному, утопающему в довольстве русскому народу.

Материальное положение Нилуса было весьма тяжким. Не могло быть и речи об издании рукописи на личные средства, их нужно было изыскивать. Не менее тяжким было и его душевное состояние... Он часто переезжал с места на место, ибо проживал или в самой ограде монастыря, или же вблизи последнего, а уставы монастырские не позволяли мирянам пользоваться гостеприимством монастырей более положенного времени.

Вот как описывает С. А. Нилус историю первого издания «Протоколов»:

«Впервые «Сионские Протоколы» увидели свет только в конце 1905 года, во 2-м издании* книги моей «Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность». Тогда был самый разгар всероссийского пожара, так называемого «освободительного движения», с исключительной ясностью и силою оправдавшего нашу уверенность в подлинности «Протоколов»**. Один Господь знает, сколько мною было потрачено от 1901-го по 1905-й год тщетных усилий дать им движение с целью предварения власть имущих о причинах грозы, уже давно собиравшейся над безпечной, а теперь, увы, обезумевшей Россией. И только в 1905 году совершилось печатание зловещей рукописи в предостережение всем тем, кто еще имеет уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видеть...

---

* В подстрочном примечании к стр. 330 цитированной нами книги «Великое в малом» в издании Ф. В. Винберга¹², С. А. Нилус называет издание 1905 г. означенной книги — третьим по счету.

** Курсив наш.

«Протоколы собраний Сионских мудрецов» при беглом, первоначальном их обзоре легко могут представиться тем, что мы привыкли называть общими местами; но эти общие места выражены с резкостью и ненавистью такими, какие для так называемых общих мест не совсем обычны. *Гордая, закоренелая, непримиримая, древняя и притом долго скрытая, племенная и, что всего страшнее, религиозная злоба так и кипит между строками, клокоча и прорываясь из переполненного сосуда ярости и мести, уже предощущающих близость свою к конечному торжеству**.

Нельзя попутно не заметить, что название рукописи не вполне соответствует ее содержанию: это не протоколы собраний, а чей-то, власть имеющего, доклад, разделенный на части, не всегда даже между собою логически связанные; впечатление остается такое, что это как будто отрывок чего-то гораздо более значительного, начало и многие подробности которого или утрачены, или не были отысканы**. Указанное мною выше происхождение рукописи дает тому удовлетворительное объяснение. Антихристово дело, по преданию свв. Отцов, должно быть во всем пародиею дела Христова: оно и не обошлось без своего Иуды. Но, конечно, с земной, человеческой точки зрения, Иуда антихриста, выдавший тайны своего учителя, не достигнет цели своего предательства, и хотя кратковременное, но полное торжество всемирного владыки может считать себя обеспеченным.

Меня могут, пожалуй, упрекнуть — и справедливо — в апокрифичности представляемого документа. Но если бы возможно было доказать его подлинность юридически, обнаружить лиц, стоящих во главе всемирного заговора и держащих его кровавые нити в своих руках, то была бы нарушена и сама «тайна беззакония», а она должна остаться нерушимой до воплощения ее в «сыне погибели». Для вдумчивого христианского наблюдателя не достаточно ли доказательств подлинности «Сионских Протоколов» в окружающей его среде и в тех отечественных и мировых событиях, смена которых в вихре всякого беззакония совершается на его глазах, безпрерывной молнии подобно?

---

* Курсив наш.

** Издавая «Протоколы», Нилус тогда еще не знал имени их составителя Ульшера Гинзберга. Это имя стало известным значительно позднее, если не ошибаюсь, в 1920 году, будучи разоблачено графом Ревентловым¹³. Заглавие рукописи «Протоколы Сионских Мудрецов» совершенно точно, ибо она излагает мысли, частью принадлежащие Гинзбергу, частью заимствованные из сочинений тех именно евреев, которые живут в памяти еврейства, как сионские мудрецы.

Для «имеющего уши слышати» довольно уже и того, что удастся, как очевидно, в настоящем труде с целью возбуждения внимательных блюсти себя и быть настороже. Для моего христианского чувства и долга довольно будет и того, если я, по милости Божией, достиг важнейшей для меня цели — предупреждения братьев моих христиан о близ грядущей смертельной опасности и не возбудил в чьем-либо сердце вражды к ослепленному до времени* еврейскому народу, в своей пламенной, хотя и ложно верующей массе неповинному в сатанинском грехе своих руководителей — книжников и фарисеев, уже раз погубивших Израиля...

Гнев Божий — над головами нашими; но как бы ни был близок он, от нашего покаяния и обращения на путь истинный зависит преклонить к себе чашу милосердия на весах правосудия Божия и отвратить гнев Господень, праведно на ны движимый.

Но возможно ли искреннее покаяние пред Богом современного нам отступнического мира?

Невозможное для человека возможно для Бога; невозможное для мира возможно еще для верующей России, доньше еще наполняющей храмы Божии в праздники Господни, Богородичные и великих Святых Православной Христовой Церкви.

Не то на Западе, в Европе и в ее мировых колониях: там современное политическое положение государств и нравственное состояние их граждан в массе уже достигло меры возраста, предуказанной Первоверховным Апостолом языков¹⁴. В стремлениях усовершенствовать свою временную жизнь и в поисках за лучшим осуществлением идеи государственной власти, могущей обеспечить каждому его материальные блага, а обществу — царство всеобщей сытости, обезверенное человечество, признав с чужого голоса своих патентованных учителей христианство будто бы дискредитированным и не оправдавшим возложенных на него надежд, обратилось к новым путям исканий. Повергая старые кумиры, изобретая новые, воздвигая на пьедесталы новых богов и создавая им храмы один другого роскошнее и грандиознее, вновь повергая и разрушая недосозданные храмы, человечество на Западе вытравило уже из своего сердца образ Царя Истинного и с Ним идею Богодарованной власти Царя-Помазанника, обратившись в состояние, близкое к анархии. Еще немного, и держатель конституционно-представительных и республиканских весов перетрется: весы опрокинутся и увлекут в своем падении все мировые государства на

---

* См. Посл. к Римля. 11, 25.

дно бездны мировых войн и самой разнузданной анархии. *Из бездны этой анархии и должно, по преданию свв. Отцов, явиться антихристу.*

Последний оплот миру, последнее на земле убежище от надвигающегося бешеного урагана — некогда Святая Русь, дом Пресвятыя Богородицы: еще в сердцах многих сынов и дочерей нашей матери-родины жива и горит ярким пламенем их святая, непорочная Православная вера, и стоит на страже Своего царства неподкупный и верный его хранитель и оберегатель, Божий Помазанник, Самодержавный Царь Православный.

Все усилия тайных и явных, сознательных и бессознательных слуг и работников антихриста, близ грядущего в мир, устремлены теперь на Россию. Причины понятны, цели известны; они должны быть известны и всей верующей и верной России.

Чем грознее надвигающийся исторический момент, чем страшнее скрытые в сгущающемся мраке громы грядущих событий, тем решительнее и смелее должны биться безтрепетные благородные сердца, тем дружнее и безстрашнее должны они сплотиться вокруг священной своей хоругви — Божией Церкви и Престола Царского. Пока жива душа, пока бьется в груди пламенное сердце, нет места мертвенно-бледному призраку отчаяния.

Ниневия падет. Ниневия идет к своему разрушению, но от нас, от нашей веры, любви и верности зависит преклонить к нам Божие милосердие и отсрочить час страшного суда на неопределенные сроки, которые положит во власти Своей Божественная Премудрость, безконечная любовь и безпредельная сила Честнаго и Животворящаго Креста Господия...

За веру, за Царя, Православные, за дом Пресвятой Богородицы — за родную мать, святую землю Русскую!»

Так пламенно и красноречиво взывал С. А. Нилус к русскому народу, выпуская в 1905 году свое первое издание «Протоколов».

Теперь его слова кажутся пророческими, но тогда никто не обращал на них внимания.

Гробовое молчание было ответом на его пламенные призывы.

Молчала Церковь, молчало государство, умышленно замалчивала книгу еврейская печать, а ... через 12 лет Россия погибла.

Последующие издания также воспроизводили «Протоколы» в составе 2-й части книги «Великое в малом», и только последнее издание, выпущенное в свет в январе 1917 года, за месяц до революции, и конфискованное и уничтоженное по приказу скомороха Керенского¹⁵, значительно дополненное и тщательно пересмотренное С. А. Нилусом,

составило самостоятельную объемистую книгу под новым заглавием: «Близ есть, при дверех», с подзаголовком, указывавшим на «Протоколы». Во всю величину заглавного листа, равно как и на обложке книги, отпечатан был четырехконечный крест.

Материальное положение Нилуса, как я уже указывал, было весьма тяжелым, но еще тяжелее для него было то, что он не имел определенного местожительства, и, вынужденный переезжать с места на место, не мог сосредоточиваться на своих литературных занятиях. Как-то однажды я навестил его в Валдайском монастыре, где он тогда жил со своею женою. Нилус, обрадованный встречей, с горечью стал жаловаться на необходимость вновь искать себе пристанище, и точно ожидал от меня помощи и совета. «У вас столько друзей, что, наверное, они не откажутся приютить вас», — ответил я, указав на имение на юге России, где бы он мог поселиться. Нилус радостно ухватился за эту мысль и, списавшись с владельцем имения и получив его приглашение, немедленно туда отправился. В усадьбе имелось несколько флигелей, в одном из которых находилась домовая церковь во имя преп. Серафима Саровского, особенно почитаемого Нилусом. Там он и поселился со своею женою¹⁶.

Я часто приезжал в это имение и вел продолжительные беседы с Нилусом, обмениваясь с ним по жгучим, злободневным вопросам и удивляясь слепоте людей, не замечавших, какие зловещие тучи надвигались на бедную Россию и какой невиданной силы ураган грозил ей гибелью.

Последнее издание «Протоколов», выпущенное отдельною книгою под заглавием «Близ есть, при дверех» с подзаголовком, указывавшим на Сионские Протоколы, Нилус и готовил в имении своих друзей и часто беседовал со мною по поводу этой книги и связанных с нею грядущих событий.

«Это — творение не человеческого, а дьявольского ума, — говорил Сергей Александрович, — «Протоколы» сосредоточивают в себе всю силу еврейской злобы против христиан и являются гениальною программю разрушения всего христианского мира; пред их натиском не устоит никакая твердыня. «Протоколы» идут на верный успех, и с их помощью мировое еврейство разрушит весь мир и овладеет им. Это только вопрос времени. Только Господь может преградить это победоносное шествие евреев, овладевающих не только сокровищами и богатствами разоряемых ими христиан, но и их душами...

Разве при этих условиях можно считать «случайностью» получение мною этих «Протоколов», раскрывающих интриги мирового еврейства и разоблачающих его вековую преступную работу?!

Разве не обязаны были бы все христиане, весь христианский мир, видеть в самом факте вручения мне «Протоколов» предостережение Божие о надвигающейся катастрофе, орудие для борьбы с нею, и сплотиться между собою для защиты христианской цивилизации и культуры, для спасения достояния Христова, оставленного в наследие людям и так небрежно ими хранимого?!

А, между тем, прошло уже около 8 лет* с момента их появления в печати, а я не могу добиться того, чтобы к «Протоколам» отнеслись серьезно, с тем вниманием, какого они заслуживают. Их читают, их критикуют, часто высмеивают, но весьма мало тех, кто придает им значение и принимает их как реальную угрозу христианству, как программу разрушения христианской государственности и овладения всем миром евреями. Этому никто не верит, считая подобные цели утопическими, а «Протоколы» несерьезной книгою», — закончил С. А. Нилус.

Обращаю особое внимание на эту беседу, так очевидно опровергающую клевету со стороны тех, кто утверждает, будто бы С. А. Нилус не был убежден в подлинности «Протоколов» или предполагал возможность их составления русскими жандармами. Наоборот, подлинность «Протоколов» являлась для С. А. Нилуса настолько несомненною, что получение их он объяснял даже чудом милости Божией к русским людям, не замечавшим нависшей над ними опасности со стороны еврейства, и в этом он не ошибался. Господь, действительно, явил это чудо, но русские люди его не поняли и не оценили. [...]

* * *

Появление «Протоколов» на русском книжном рынке явилось событием чрезвычайным, однако ни правительство, ни широкая публика не сумели оценить его.

Книга успеха не имела и той цели, какую преследовал благородный С. А. Нилус, желая «предупредить правительство о надвигавшейся опасности и открыть глаза широкой публике на истинные причины нараставшего в России революционного движения», — не достигла, встретив пренебрежение, равнодушие и непонимание не только со стороны не-

---

* Разговор шел в 1913-м году.

вежественной толпы, но и со стороны правительства, и в кругах общественных и даже церковных. [...]

Первое издание «Сионских Протоколов» было целиком скуплено евреями и уничтожено. Вероятно, та же участь постигла и последующие издания, ибо в одном 1905 году книга была издана два раза. Книга моментально исчезла на книжном рынке, но широкая публика даже не знала о выходе ее в свет, а те, кому она попадалась в руки, не обнаруживали интереса к ней. [...]

Такое отношение к книге широких кругов населения объяснялось, кроме того, столько же непривычною русской читающей публики к вдумчивому и сосредоточенному политическому мышлению, сколько и еврейскою пропагандою. Те же евреи, которые устами левой печати высмеивали «Протоколы», на самом деле чрезвычайно боялись и продолжают бояться разоблачений, содержащихся в этой страшной для них книге. «В Совдепии есть даже тайный приказ для «Чека»¹⁷ и «Вохры»¹⁸: если при обыске найден будет хотя бы один экземпляр С. Нилуса (или Шмакова «Великая книга Тота»¹⁹), — расстрел на месте, даже без отвода в застенок. Таков страх евреев и шабес-гоев перед безумной до ужаса правдой о них...» (Г. Бостунич. Правда о Сионских Протоколах. С. 18—19). И то же «Возрождение»²⁰, называющее писания Нилуса «бездарными и безцветными» [3.07.1934. № 3317. С. 2], сообщает всего три дня спустя, 6 июля, в № 3320 (С. 5), что большевики включили «Протоколы» в тайный индекс ГПУ²¹ и ссылают в Сибирь... переплетчиков только за попытку переплести эту страшную для них книгу. Владельцев же этой книги, как мы знаем, расстреливали на месте... [...]

Независимо от указанных причин, имели значение и те условия, какие, по чисто политическим соображениям, мешали распространению книги Нилуса и проникновению ее в широкие круги населения. Эти условия сводились к тенденции тогдашней печати всячески замалчивать еврейский вопрос и препятствовать разоблачению еврейства, тенденции старой, прусской и современной печати, бережно охраняющей еврейство.

Вредило книге и то несколько своеобразное освещение, какое ей придал С. А. Нилус и о котором А. П. Рогович²² в предисловии к книге «Всемирный Тайный Заговор» (Берлин, 1922. С. 7) [...] говорит:

«Являясь человеком глубокой религиозной настроенности и углубившись в изучение вопроса о кончине мира (в эсхатологические изыскания), Нилус из сопоставления содержания «Протоколов» с указаниями Священного Писания

и святоотеческих предвидений последнего времени приходил к заключению о неизбежном в ближайшем будущем появлении антихриста и о близкой кончине мира, имеющей наступить после кратковременного царства антихриста. Этого одного было достаточно для того, чтобы наложить на эту книгу печать пренебрежения, как содержащую якобы праздные и фантастические вымыслы. Такой же участи незадолго перед тем не избег и знаменитый философ В. С. Соловьев, когда он в своих «Трех разговорах» коснулся тех же вопросов». [...]

* * *

Понятно, что при таких условиях всякого рода попытки обратить внимание представителей христианских церквей на необходимость идейного разоблачения еврейства не только не достигали цели, но и вызывали со стороны косных иерархов ярость и чуть ли не открытое обвинение в ереси.

Могла ли посему иметь успех книга Нилуса, которая не только предупреждала Россию о приближавшейся победе еврейства, не только объясняла причины нараставшего революционного движения, но самим фактом своего появления изобличала косность духовных вождей, не умевших распознавать знаменья времени и влекших Россию к гибели?!

Вот на эту косность и жаловался мне Нилус, когда, при встрече со мною в Петербурге летом 1905 года сказал мне:

«Теперь осталась надежда только на Государя Императора, но если и Царь не обратит внимания на мою книгу, тогда Россия погибла»...²³

Перед этим, в начале года, в январе, Сергей Александрович был в Москве, желая заручиться помощью и содействием Московского генерал-губернатора, Великого князя Сергея Александровича²⁴, и передал свою книгу Его Высочеству. Великий князь был одним из немногих членов Императорского Дома, знавших еврейский вопрос. Изучив историю еврейского народа, его идеалы, цели и задачи, внимательно присмотревшись к способам их осуществления на протяжении веков, учитывая тот факт, что христианство без боя сдавало свои позиции еврейству и даже не собиралось начинать борьбу с ним, Великий князь считал победу еврейства неотвратимой и настолько близкою, что в ответ на полученные от Нилуса «Протоколы» передал ему только одно слово: «Поздно».

И, действительно, месяц спустя, 4 февраля 1905 года, Великий князь был убит бомбою, брошенною преступником Каляевым²⁵, сыном полицейского чиновника, служившего в Варшаве. [...]

Не знаю, удалось ли Нилусу добиться Высочайшей аудиенции или иным путем довести до сведения Государя о «Протоколах Сионских мудрецов», но, насколько мне помнится, он, кажется, и здесь потерпел неудачу, продолжая оставаться «гласом, вопиющего в пустыне»...

Между тем, события стремительно мчались вперед.

Еврейство завоевывало все новые и новые позиции, а в конце февраля 1917 года разразилась революция со всеми своими атрибутами: обысками, выемками, узаконенным грабежом, насилиями и казнями.

В конце февраля 1917 в Петербург прибыло из Москвы два вагона последнего издания «Протоколов», выпущенного С. А. Нилусом в январе 1917 года. Книги были немедленно конфискованы и уничтожены, и при последующих обысках революционная власть, представляемая еврейчиками и ротой солдат с телачьими выражениями лиц искала не столько оружия, якобы скрытого, и следов контрреволюционной деятельности, сколько этой страшной евреям книги С. А. Нилуса, разоблачавшей и обличавшей их тайны. Интерес к книге сразу возрос, а отношение к ней со стороны новой власти раскрыло, наконец, хотя и поздно, русскому обывателю глаза на значение «Протоколов». Их стали не только читать, но и изучать, всматриваясь и вдумываясь в каждое слово. Уцелевшие экземпляры нового издания, частью спасенные от аутодафа в С.-Петербурге, частью привозимые из Москвы, из типографии Троицко-Сергиевской Лавры, где книга печаталась, стали переходить из рук в руки, и цена на книгу, возросшая уже до 600 рублей, стала подниматься все выше и выше, пока осенью при большевиках, когда держатели книги уже расстреливались на месте, не поднялась до 200.000 рублей.

Но большевики опоздали. Им не удалось скрыть ни своей работы, ни корней ее, ни своих задач и целей. Массовый террор и неслыханное в истории избиение христиан, погибавших миллионами от голода, болезней и казней, вызвало паническое бегство несчастных русских людей за границу. Вместе с беженцами попал в Германию, а оттуда распространился по всему свету, и экземпляр книги Нилуса «Сионские Протоколы», привезенный в Берлин двумя юношами-офицерами столь ненавистой евреям «Белой Армии». [...]

* * *

Хранимый Богом, С. А. Нилус и после революции продолжал жить в имени своих друзей, занимая небольшой двухэтажный домик в глубине

тенистого парка. В верхнем этаже домика помещалась домовая церковь и покои схиархимандрита [Иоасафа]²⁶, бывшего настоятеля одного из соседних монастырей, разоренных большевиками, в нижнем этаже жил С. А. Нилус с женою. Там же помещалась и сестра владельца усадьбы²⁷, вынужденная скитаться по разным местам России, спасаясь от преследований большевиков. О том, как протекала их жизнь, свидетельствуют письма С. А. Нилуса и его жены за это время. Так, 23 сентября (5 октября) 1921 года Сергей Александрович писал своей племяннице²⁸:

«...Что мы пережили за время нашей разлуки, ты легко себе представишь, зная, что мы живем на пути всех катившихся чрез нас волн нашествия иноплеменных и междоусобных браней. По воле Божией и под покровом Божией Матери, мы доньше не только целы, но даже благоденствуем. Ты подумай только: служит (когда может) и живет у нас 2-й год (в твоей комнате) схиархимандрит [Иоасаф], ему сослужит иеромонах о. С. (из той же [Густынской] обители), очень хороший и усердный священнослужитель, при них келейник Григорий, чудесный малый²⁹. В доме у нас масса паломников (иногда заночевывает 30—40 человек), и мы ни разу ни в чем не имели нужды, несмотря на многократные посягательства на наше благополучие со стороны внешних... Но мы все внешние злоключения почитаем за ничто, так явно велика над нами милость Божия, в прах пометающая все козни вражия. Вот тебе вмаля и вкратце вся наша жизнь, как явное и дивное свидетельство тому, что Христос вчера, днесь и во веки — Тот же...»

Того же дня его жена Елена Александровна пишет:

«...У нас бывает 4 раза в неделю обедня...³⁰ Много постоянно причастников, многие соборуются, одним словом, жизнь церковная полна. Это такая отрада. Бывает много священников, напр., 19 июля, без всякого приглашения, явилось их четверо, и семь человек певчих, а народу — тьма. Такой себе батюшка Серафим устроил в свой день праздник!»

Как ярко отразились здесь не только неизреченная милость Божия, но и Божие всемогущество, пред которым ничтожны все сатанинские козни и ухищрения!..

В то время, как держатели «Протоколов» расстреливались на месте, а книга, приобретающая все большую известность, переводилась на всевозможные европейские и азиатские языки, распространяясь по всему свету и скопляя вокруг себя бешенную ярость и сатанинскую злобу мирового еврейства, С. А. Нилус продолжал жить в усадьбе, захваченной евреями,

в одном из флигелей, где вдобавок ко всему совершалась ежедневная литургия благостным старцем-архимандритом, нашедшим там приют! Не только усадьба была захвачена евреями, но и все соседние помещичьи усадьбы находились в их руках, а в селе бушевал местный совдеп, состоявший из преступников, возглавляемых евреями, но никто из них не чинил С. А. Нилусу ни малейшего беспокойства, ибо, разумеется, не подозревал в нем издателя «Сионских Протоколов», которого одни считали давно умершим, а другие считали даже мифической личностью.

В том же 1921 году С. А. Нилус писал:

«...Сейчас среди «избранного» народа что-то происходит; на весь их народ, начиная с восьмилетнего возраста, наложен в каждый четверг пост, и «старцам», 12 человекам на чреду, предложено неким великим раввином производить по синагогам³¹ и хедерам³² день и ночь моления о скорейшем явлении Мессии. Или у них «он» уже есть и должен явиться в ближайшем будущем, или у них что-то не вышло, не выгорело — одно из двух...»

Я не имею дальнейших подробностей, но их и нельзя было получить, ибо писал Сергей Александрович редко, так как вся корреспонденция перлюстрировалась, и требовалась величайшая осторожность при сношениях с людьми, жившими за границею. Подлинным чудом Божиим являлся самый факт пребывания С. А. Нилуса в насиженном месте и притом в условиях исключительного благополучия.

Чудесно хранимый Богом, С. А. Нилус прожил в усадьбе около 6 лет после революции, предаваясь обычным своим занятиям и даже переписываясь через третьих лиц со своими друзьями за границею. Затерянный в глубине большого тенистого парка усадьбы домик, приютивший в своих стенах С. А. Нилуса, мало кому был даже известен, обитатели его не имели никакой надобности отлучаться из него, ибо все требуемое для жизни имели при себе, питаясь домашнею птицею и огородными продуктами, плодами с деревьев и ягодами, и не испытывая недостатка в продовольствии... Но враг не дремал. Тот факт, что в усадьбе оставались «паны», хотя и выселенные из главного дома, но продолжающие жить в одном из флигелей, мучил представителей местного совдепа, и на совещании злодеев было решено убить всех живущих в садовом домике.

Такое решение отнюдь не имело в виду личности С. А. Нилуса, о существовании которого, повторяю, злоден даже не знали, а было направлено против «господ», как таковых, сделавшихся для крестьян вследствие

еврейской пропаганды до того ненавистными, что одно упоминание о них, хотя бы то были и их бывшие благодетели, уже вызывало бешеную ярость, требовавшую выхода. Возможно, что и упомянутое решение было продиктовано пароксизмом³³ такой ярости.

Нужно сказать, что в описываемое время почти каждое село было переполнено беглыми каторжанами и дезертирами с фронта. Красноармейцы являлись хозяевами села, и перед ними трепетали не только запуганные крестьяне, но и те сельские «власти» из юрких еврейчиков и бандитов, которые никому не подчинялись и никого не боялись.

В назначенный час, в темную ноябрьскую ночь 1921 года, банда из 8 красноармейцев под предводительством местного бандита, вооруженная ружьями и ножами, забралась в парк и, крадучись в кустах и озираясь по сторонам, стала медленно приближаться к садовому домику, решив в первую очередь убить престарелого схимника-архимандрита.

Но чем ближе они приближались к дому, тем явственнее слышали звуки колотушки ночного сторожа, который ходил вокруг дома и усиленно колотил деревянной рукояткой с привязанным к ней шариком. Злодеи решили выждать, пока сторож уйдет, и были весьма озадачены, встретив в лице сторожа охрану, существования которой не предполагали.

Было ветрено и холодно, злодеи прождали свыше часа и, сидя в кустах, ооченели от холода, то и дело согреваясь водкой... Прошел еще час, а старичок сторож все не уходил, а как бы с новыми силами все усерднее колотил своей колотушкой и ходил вокруг дома. Перепившиеся злодеи окончательно захмелели и проснулись лишь на рассвете, когда приведение в исполнение их преступного замысла казалось уже рискованным. Они решили повторить попытку следующей ночью... Казалось, все благоприятствовало им. Вместо вчерашнего ветра и мороза стояла чудная погода, было тихо, почти тепло, ярко светила луна, все вокруг было погружено в глубокий сон, но... ненавистный старик-сторож и на этот раз продолжал безстрашно ходить вокруг дома и усиленно колотил свой колотушкой, точно съезжая на помощь, точно издеваясь над преступниками...

— Чего смотреть, — вдруг скомандовал главный вожак, теряя терпение, — нас десять, а он один, идем!..

И злодеи с ружьями на плечах, ободренные командой и уверенные в победе, направлись к старику, не считая более нужным прятаться от него. Они были уже на расстоянии нескольких шагов от него и могли хорошо рассмотреть его. Это был тщедушный сгорбленный старик, с белой

бородой, уверенно ходивший вокруг дома и не проявивший ни малейшего смущения и робости при их приближении.

— Хватай его, — скомандовал раздосадованный атаман шайки злодеев и, приблизившись к старцу, со всего размаха ударил его топором по голове...

Удар пришелся по воздуху, старец исчез, и злодей замертво упал на землю, потеряв сознание... Смертельно перепуганные товарищи-злодеи бросились к своему атаману, не подававшему признаков жизни, и унесли его домой.

Прошло несколько дней, но никто из обитателей дома даже не догадывался о своем чудесном спасении от угрожавшей каждому из них смерти. Никто бы, верно, и не узнал о покушении, если бы к схимнику-архимандриту не явилась жена злодея и не рассказала о преступлении. Бросаясь на колени и заливаясь слезами, несчастная женщина взваливала всю вину на черта, попутавшего ее мужа, взывала о помощи лежавшему в параличе мужу и просила вымолить у Бога прощение его страшному греху.

— Если бы не сторож, — говорила она, заливаясь слезами, — то злодеи поубивали бы вас всех; только он, спасибо ему, спас и вас от смерти, и душу злодеев от вечной гибели...

— Какой сторож? — в недоумении спросил архимандрит.

— Да тот, что всю ночь, не смыкая глаз, ходил вокруг дома и колотил стучалкой...

— Что ты, Господь с тобою, — ответил архимандрит, — какие теперь сторожа, и кто их теперь держит?! Мы прячемся от людей, скрываемся от них, боимся, чтобы большевики не добрались до нас, а ты говоришь о стороже, какой всю ночь колотил стучалкой... Никакого сторожа у нас нет и не было...

— А он, когда покался, так только и говорит о стороже, и сейчас то и дело вспоминает о нем... Да вы, батюшка, сами расспросите его, — просила женщина.

— А как же расспросить, если лежит разбитый? — спросил архимандрит, — разве говорить может?

— Может, — ответила женщина, — он и видит, и слышит, и языком ворочает, и все понимает, только ни руками, ни ногами двигать не может, и лежит, как колода, так что и отойти от него невозможно, всех посвящал и на работу не пускает, — рассказывала сквозь слезы готовая впасть в отчаяние несчастная жена злодея.

— Принесите его сюда, пусть исповедуется и причастится, приложится к образу Угодника Божия Преподобного Серафима, и Господь развяжет его, — сказал архимандрит [Иоасаф].

В тот же день разбитый параличом злодей был принесен на носилках в храм и, прежде чем приступить к исповеди, архимандрит подошел к нему с иконою Св. Серафима, прося приложиться к ней.

Глаза злодея встретились с глазами благостного старца, Божиего Угодника Серафима, и... истерический крик огласил маленькую церковь.

— Он, он! — кричал несчастный злодей, узнав в лике Преподобного Серафима старичка-сторожа, ходившего с колотушкою вокруг садового домика и охранявшего его. Слезы умиления градом покатались из его глаз, а любовь Божия не только исцелила его мгновенно, но и совершенно его преобразила. После литургии, удостоившись причастия Святых Таин, он еще долго оставался в храме и подробно рассказывал всем присутствовавшим о чуде Преподобного Серафима, после чего был совершен благодарственный молебен Преподобному за чудесное спасение от смерти живущих в доме.

С. А. Нилус подробно описал это чудо.

Это потрясающее свидетельство безмерной милости и близости Господней к грешному человеку быстро распространилось по всей округе, передавалось из уст в уста³⁴, и не только не обострило отношения местного совдепа к С. А. Нилусу и прочим обитателям садового дома, а, наоборот, надолго обуздало зверские инстинкты черни.

В другой раз злодеи подговорили местных крестьян разгромить усадьбу, но также потерпели неудачу. Об этом факте мне сообщила гостившая в то время у Нилусов их племянница письмом от 21 мая 1922 г., описывая загробное явление своей матери.

«Когда зною в усадьбу должны были явиться крестьяне громить нас, о чем нас известили, она накануне этого извещения предупредила свою кузину (Е. А. Нилус), и сказала, чтобы мы не безпокоились. Мы тогда все причастились и оделись потеплее в ожидании, что нас всех выгонят и убьют. Но в последнюю минуту погром был отменен...»

К этому времени относится и письмо С. А. Нилуса к своей племяннице от 16/29 июля 1922 года:

«...Писал ли я тебе про массовое обновление старых икон, чему мы были сами многократно изумленными свидетелями?! Весь прошлый год прошел у нас в Малороссии в этом сплошном чуде. Обновлялись целые церкви, кресты и купола позолоченные на храмах и колокольнях... В Ростове-на-Дону обно-

вился собор и много церквей. У нас по деревням и хуторам не было почти дома, где бы не совершилось подобное чудо, где бы, по крайней мере, о нем не говорили: становились в тупик пред ним даже самые ярые гонители Христовой Церкви, даже жида предпочитали умолкнуть...»

Невероятно, чтобы такого рода письма доходили в целостности за границу, но, поистине, все возможно Богу, и из России, несмотря на чрезвычайную бдительность и перлюстрацию, получали письма еще более откровенного содержания, но... Европа им не верила — до того невероятными они казались.

Прошло еще два года после описанного чудесного спасения С. А. Нилуса. Завоевания революции все более углублялись. Дорезывались последние остатки интеллигенции. Обитатели садового домика, будучи принудительно выселены, разбрелись в разные стороны. Старичок схиархимандрит [Иоасаф] вернулся простым послушником в свой бывший монастырь, разграбленный и опустошенный, и вскоре Господь призвал его к Себе. С. А. Нилус очутился в соседней губернии, где продолжал жить никому неизвестным бездомным старцем, терпевшим нужду и лишения в то время, как «Протоколы», переведенные к тому времени на все существующие языки и расходившиеся в миллионах экземпляров по всему свету, обогащали издателей, наживавших на них огромные деньги.

Осенью 1924 года С. А. Нилус был арестован и заключен в тюрьму. Подробностей этого ареста нет, но из кратких частных писем можно было заключить, что большевики или не установили прикосновенности С. А. Нилуса к «Протоколам», или не решались предъявить к нему обвинения в их издании, дабы не рекламировать книги, какую они тогда особенно упорно замалчивали. Из письма Е. А. Нилус видно, что большевики не нашли у Сергея Александровича ни контрреволюционных преступлений, ни вмешательства в политику, и что прокурор дал благоприятное заключение по делу. И, действительно, чудо совершилось, С. А. Нилус был выпущен из тюрьмы и вскоре выехал в другой город.

В 1927 году, в 1-й день Св. Пасхи, С. А. Нилус был вновь арестован. На этот раз, казалось, не было надежды на спасение, однако Господь снова помиловал Своего верного раба и по освобождении от ареста С. А. Нилус вынужден был вновь переменить свое местожительство, уехав в одну из северных губерний. Это было в 1928 году.

Как сложилась его жизнь в этот период времени, неизвестно, но в конце 1929 года С. А. Нилус опять был на новом месте, вблизи Москвы³⁵. К этому моменту его здоровье было уже окончательно разрушено.

Периодические аресты, коим предшествовали всякого рода обыски и выемки, вечный страх не столько за себя, сколько за близких, физические лишения и гнетущая борьба за существование — все это настолько надломило здоровье С. А. Нилуса, что обмороки и сердечные припадки стали чуть ли не ежедневным явлением.

1 января 1929 года С. А. Нилус, перемогая себя, с великим трудом отправился в церковь, где удостоился причастия Святых Тайн. По возвращении домой его постиг обморок, после которого он с трудом пришел в себя. В 5 часов пополудни, в тот самый момент, когда начали звонить ко всенощной по случаю памяти Преподобного Серафима Саровского, обморок повторился, и С. А. Нилус скончался.

Господу Богу было угодно призвать к Себе Своего смиренного раба как раз накануне дня Преподобного Серафима Саровского, которого так горячо любил и благоговейно почитал почивший.

В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

1

Письмо протоиерея о. Павла Левашева¹ Архимандриту Ксенофонту (Клюкину)

31 июля 1908

Железная дорога Петербург—Варшава. Ст. Сиверская. Дача.

[...] могу сказать, что Оптиная Пустынь, действительно, уголок неба на грешной земле. [...] 25-го июня мною чрез С. А. Нилуса, препровождена на нужды обители посильная лепта и покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие не забыть в своих святых молитвах: иерея Павла, Анну [...]. На ближайших днях я отправляю конспект издаваемых мною духовно-нравственных листков и журнала «Доброе Слово»² за 1907 и 1908 года в 10 экземплярах на имя Сергия Александровича Нилуса и прошу его, чтобы он по своему усмотрению, все что найдет возможным из числа листков и номеров [...], передал в Обитель для раздаривания богомольцам. [...]

2

Переписка Епископа Никона (Рождественского) с Оптиными старцами — Архимандритом Ксенофонтом (Клюкиным) и Игуменом Варсонофием (Плеханковым), 1909—1910 годов

После I Всероссийского съезда монашествующих, состоявшегося в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 5—13 июля 1909 года, на котором почетным председателем съезда был избран Митрополит Владимир (Богоявленский), Московский и Коломенский, а заседания вел епископ Никон (Рождественский), Вологодский и Тотемский, переписка между последним и Оптиными старцами сделалась еще более оживленной. Основным вопросом, который обсуждался архимандритом Ксенофонтом (Клюкиным), настоятелем Оптиной Пустыни, игуменом Варсо-

нофием (Плиханковым), начальником Скита (оба являлись делегатами и активными участниками съезда) и владыкой Никоном, было издание специального монашеского печатного органа. Четвертым участником переписки старцев был С. А. Нилус (его письма еп. Никону на эту тему пока не обнаружены) — и оптинцы, и вологодский Преосвященный неоднократно совещались с ним. Впоследствии идеи, высказанные в ходе этого совещания, претворились в «Троицком Слове» (1910—1917), еженедельнике, главным редактором и цензором которого стал сам владыка Никон, а Сергей Александрович — постоянным его сотрудником и автором.

* * *

Епископ Никон — архимандриту Ксенофонту и игумену Варсонофию

17—25 августа 1909

[Просит о присылке ему письма Митрополита Филарета (Дроздова)³ к Оптинским старцам; копирование письма просит поручить о. Ерасту (Вытропскому)⁴.]

С. А. Нилус прислал рукопись. Думаю ее поберечь для монашеского издания. [Далее обсуждается недавно основанный в Нижнем Новгороде журнал «Монастырь». Добавка 25.8.1909:] Какой же будет вред если он [«Монастырь»] перейдет в жидовские руки. А жида несомненно его подстерегут.

Письмо С[ергея] Александр[овича] заронило во мне мысль: не искушение ли вся наша затея относительно журнала. [...] Боюсь, что Вы сочтете письмо Сер[гея] Ал[ександровича] ответом мне окончательным. Посылаю. [...]

Обратили ли внимание в «Церковных Ведомостях» на статью Поселянина? Ведь надо ему ответить. Опять речь о «благотворительных учреждениях»⁵... Когда же этому будет конец? Опять покушения на монашество... и еще где? В органе Св. Синода... Дошли мы, нечего сказать.

* * *

Игумен Варсонофий — епископу Никону

15 сентября 1909

[Весьма осторожно высказывается о задумке журнала.]

* * *

Архимандрит Ксенофонт — епископу Никону

15 сентября 1909

[Присоединяется к мнению о. Варсонофия, но добавляет:] ...не признаете ли возможным... не дать в этом органе места полемике с газетами жидовствующими и вообще отрицающими, антихриста, например, а самый орган назвать «Охрана». [Тем не менее архим. Ксенофонт выслал материалы для этого органа. См. также его письмо от 20 сентября.]

* * *

Епископ Никон — архимандриту Ксенофонту

9 января 1910

[С этого года начал издаваться журнал «Троицкое Слово», в каждом выпуске которого печатался «Мой дневник» вл. Никона. Журнал получил высокую оценку старца Варсонофия.] Время опасное для Церкви Православной. Все силы ада против нее. [...]

* * *

Архимандрит Ксенофонт — епископу Никону

7 февраля 1910

Ваше Преосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

На любвеобильное письмо Вашего Преосвященства, обращенное снисхождением Вашим к нашей худости, молитвенно ответствуем: да благословит

Всецедрый Господь благое начинание Ваше во спасение избранных Его во дни многобедственные, ныне переживаемые Святою нашею Соборною и Апостольскою Православною Церковью и верными чадами Ея. Подмена идеалов православно-христианской жизни производится не со вчерашнего дня. С тугою сердечною и нам приходится примечать, с какою тонкою лестию проникает богоборческий дух времени в сердца православных русских людей, пытаясь соблазнить их, аще возможно. [...]

3

Переписка по поводу оптинских изданий С. А. Нилуса

Архимандрит Ксенофонт — С.А. Нилусу⁶

Оптина Пустынь
25 февраля 1910

Ваше Высокородие

Милостивый Государь Сергей Александрович!

Преосвященный Никон, Епископ Вологодский и Тотемский, прислал мне письмо о предполагаемом им помещении в еженедельном журнале «Троицкое Слово», рукописи «Святыня под спудом» и просит сообщить ему о количестве отдельных оттисков (книг) означенной рукописи и условиях наших с Вами относительно издания этой рукописи.

Помню, что мы с остановились с Вами на следующих условиях:

- 1) Гонорар денежный от Редакции за помещение «Святыни под спудом» в журнале поступает в Вашу пользу;
- 2) Третья часть отдельных оттисков (книг) поступает в собственность Оптиной Пустыни, без всяких с ее стороны расходов, как то: за бумагу, печатание и проч., которые Вы принимаете на себя и в возмещение которых Вам остается две трети книг.

Посему, предполагая, чтобы было отпечатано всего три тысячи (3000) экземпляров, остается таким образом в пользу Оптиной Пустыни одна тысяча (1000) экземпляров;

3) На будущее время право издания «Святыни под спудом», как и Вы согласились остается за Оптиной Пустынью.

Не откажите сообщить мне, на сем же, относительно всего вышеизложенного, для уведомления Его Преосвященства, Епископа Никона.

С истинным почтением имею честь быть

Вашего Высокородия покорный слуга

Архимандрит Ксенофонт

[*Приписка С. А. Нилуса:*] С любовью и сыновнею преданностью на все и на всякие условия согласен. *Сергей Александрович Нилус*

Оптина Пустынь

25 февраля 1910

* * *

Епископ Никон — архимандриту Ксенофону⁷

С. Петербург, Александро-Невская Лавра

7 ноября 1911

Ваше Высокопреподобие

возлюбленный о Господе отец Архимандрит!

Следуя совету Вашему, я вошел в соглашение с Лаврою, в силу коего будет издаваться для мирян «Троицкое Слово» еженедельно. В этом издании будет печататься и Ваша рукопись — «Святыня под спудом». Теперь надобно решить сколько же ее печатать в книге? Думаю, надобно побольше, чтоб она вышла подешевле. Книга будет интересная. Помнится, книгу Сергея Александровича [«Сила Божия[...»] печатали 2500 [отметка карандашом архим. Ксенофонта: 3000]. Мне надобно точнее знать — забыл: Вы, кажется, писали мне — условия с Нилусом. Напишите, переговорите с ним. № 1-й уже печатается.

Простите, что пишу кратко. Уж очень много срочного дела, да и здоровье мое — ох — как плохо! Прошу святых молитв Ваших и прочих досточтимых отцов и братьев обители Вашей.

Ваш сомолитвенник

Никон Еп. Вологодский и Тотемский.

Адрес: Петербург, Невская Лавра.

Кстати, сколько печатать оттисков продолж[ения] рассказа странника⁸? [Отметка архим. Ксенофонта карандашом: 5000.]

[Надпись на письме архим. Ксенофонта:] Ответ — 25 февраля 910 г. «Святыня под спудом» — согласно условию с С.А. Нилусом — 3000 к[ниг]; «Рассказы странника» — 5000 экз.

* * *

Епископ Никон - С. А. Нилусу⁹

С. Петербург[, Александро-Невская Лавра]
7 декабря [1]911

Дорогой Сергей Александрович!

Милость Божия буди с Вами. Надеюсь, Вы уже дома. А враг подстерег нас и устроил немалое искушение особенно для меня. Вот — суть:

Тузов¹⁰ взял из Лавры «Святыни под спудом» 100 экз. по 80 к. (со скидкой - на 60 р.), а Оптиная отдала по 40 к. ... Судите сами: приходится Тузову возвращать деньги...

Со стороны старцев простота, а мне - искушение. Надо было уговориться, какая будет скидка, чтобы гг. Тузовы, у коих на уме только нажива, не обирали нас дочиста. Теперь ясно: он будет книгу брать в Оптиной, а Ваша будет лежать на полках, ибо уступать 50% сему человеку — значит отдавать даром...

Уладьте дело как-нибудь.

Пусть Оптиницы напишут, что ошиблись в счете, что цена книги 80 к., а уступка, ну хоть 30%... довольно с него! Я очень встревожен этим случаем. Обидно, что Вас оставляют с книгами, перебивая покупателей... И что за нужда делать такие уступки! Тогда пусть выкупят Ваши книги у меня, да и продают как знают...

Простите, что причиняю Вам неприятность. Но что мне-то делать? Переговорите с отцом архимандритом. Авось он решит «не перебивать рынок».

Когда выйду — не знаю еще. Какое-то все колебание у врачей. Господь Вас храни и благослови!

Ваш доброхот

Е[пископ] Никон

* * *

Епископ Никон — архимандриту Ксенофонту¹¹

[С. Петербург, Александро-Невская Лавра]
15 декабря 1911

Ваше Высокопреподобие,
досточтимый отец Архимандрит[!]

Писал я Сергею Александровичу, но кажется он еще не вернулся в Оптину. Меня глубоко огорчило, что Ваша обитель ввела во искушение Тузова, который поносит меня за то, что не отдаю ему «Святыни под спудом» за 28 к., считая продажную цену 40 к. как вы ему уступили ее... А на книге — 80 к.

Судите сами: кто же будет брать у Нилуса книгу за 80 к. (при скидке 35% за 53 к.), когда Тузов ее продает по 40 к.? И будет книга лежать, пока Вы ее *всю* распродадите за полцены. Вы имели право и даром отдать, но не вводить во искушение меня. Ведь С[ергей] А[лександрови]ч все передал мне, ибо задолжал мне зело. По 28 к. я взял бы у Вас все издание сразу, с тем, чтобы Вы не печатали, пока распродано будет 3000 экз. (Ваша 1000 и 2000 его, С[ергея] А[лександрови]ча.

Больной лежу 7-ю неделю в больнице¹². Простите, что худо пишу.

Помолитесь о мне.

Ваш сомолит[венник]

Е[пископ] Никон.

* * *

Архимандрит Ксенофонт — епископу Никону¹³

черновик письма

Оптина Пустынь
19 декабря 1911

Ваше Преосвященство
Милостивый Архипастырь!

В ответ на письмо Вашего П[реосвященст]ва от 15 сего дек[абря]...
(Далее зачеркнуто: Сергей Александрович Нилус сообщил нам письмо Вашего Преосвященства, из коего видно, что мы назначением Тузову цены на книгу «Святыня под спудом» 40 коп., перебили у него покупателя на эту книгу и, между прочим, причинили беспокойство этим Вашему

Преосвященству.) Спешу доложить Вашему Преосвященству, что назначение нами 40 к. за книгу «Св[ятыня] под спуд[ом]» сделано было нами без всякого умысла, за что испрашиваю прощения.

Одновременно с сим извещаем Тузова о цене на эту книгу в 80 к. со скидкой (зачеркнуто: 25%) 35% как изволите Вы назначить.

Испрашивая святых Ваших молитв и Архипастырского благословения себе и всему братству нашему, с искренним высокопочитанием имею честь быть Вашего Преосвященства (Милостивого Архипастыря и Отца) покорный послушник

Архимандрит Ксенофонт

[Помета карандашом: 80 к. — 35%.]

4

Из рассказов Елены Александровны Нилус

Елена Александровна Нилус рассказывала нам¹⁴, что в один из разов, когда они пришли с мужем исповедаться к Старцу¹⁵ (а он их исповедовал одновременно, зная, что у них нет тайн друг от друга), он спросил Сергея Александровича, совершил ли он такой-то грех. «Да, — ответил он, — но я это и за грех не считал». Тут Старец объяснил Нилусу грешность его деяния или помысла и воскликнул: «Ну, и вексель же вы разорвали, Сергей Александрович».

Молодая девица — Софья Константиновна, приехавшая гостить к Нилусам в Оптину пустынь, на исповеди пожаловалась Старцу, что, живя в чужом доме, она лишена возможности соблюдать посты. «Ну, а зачем же вы теперь в пути в постный день соблазнили колбасой?» — спросил ее старец. С. К. ужаснулась: «Как мог это узнать старец?» [...]

О первых шагах старчества о. Нектария записала монахиня Таяния¹⁶ со слов Елены Александровны Нилус, жившей несколько лет в Оптиной пустыни и хорошо знавшей отца Нектария:

«Батюшка о. Нектарий был духовным сыном о. Иосифа, преемника батюшки о. Амвросия, и его же — о. Иосифа, духовником.

Принимал он в хибаре покойных своих старцев о.о. Амвросия и Иосифа, где и стал жить сам. Но по глубокому своему смирению старцем себя не считал, а говорил, что посетители приходят собственно к батюшке о. Амвросию в его келлию, и пусть келлия его сама говорит с ними

вместо него. Сам же о. Нектарий говорил мало и редко и притом часто иносказательно, как бы полуюродствуя. Часто давал что-нибудь, а сам уходил, оставляя посетителя одного со своими мыслями. Но этот молчаливый прием в обвеянной благодатью келлии величайшего из Оптиных старцев, где так живо ощущалось его личное присутствие, как живого, эти немногие слова его смиренного заместителя, унаследовавшего с даром старчества и его дар прозорливости и любви к душе человеческой, это одинокое чтение и размышление оставляли в душе посетителя неизгладимое впечатление.

Был случай, когда посетил отца Нектария один протоиерей-академик. «Что же я мог ему сказать? Ведь он ученый, — рассказывал после сам старец. — Я и оставил его одного в батюшкиной келлии. Пусть сам батюшка его и научит». Протоиерей же, в свою очередь, горячо благодарил старца за его прием. Он говорил, что оставшись один, обдумал всю прошлую свою жизнь и многое понял и пережил по-новому в этой тихой старческой келлии.

Но не всех принимал старец таким образом. С некоторыми он много и очень оживленно говорил, поражая собеседника своими многими и всесторонними знаниями. В этих случаях он оставлял свою манеру немного юродствовать. После одной из таких бесед его собеседник, также протоиерей с академическим образованием, поинтересовался: «Какой, батюшка, Академии?» Еще в другой раз о. Нектарий имел разговор с одним студентом об астрономии. «Где же старец окончил университет?» — полюбопытствовал этот последний.

5

Свидетельство игумена Иннокентия (Павлова)¹⁷

Как у ног Старца Макария был И. В. Киреевский, а у Старца Амвросия К. Н. Леонтьев, так у Старца Варсонофия был Сергей Александрович Нилус, муж большого ума, многосторонней одаренности и пламенно любящего верующего православного сердца. Ему Господь судил больше всех потрудиться в деле увековечения просиявшей святости в безсмертной Оптине. С благословения старцев, Сергей Александрович с супругой поселился возле Оптины в доме, где ранее жил Леонтьев, и

заялся исследованием неизданных агиографических материалов в монастырской библиотеке. Результатом его трудов появились дивные книги, свидетельствующие о духовной мощи подвижников на Св. Руси. А именно, «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом», «Жатва жизни, пшеница и плевелы» и его оптинский дневник «На берегу Божьей реки» в двух частях (во второй дана его биография). В этом дневнике имя Старца Варсонофия встречается нередко. Он был старцем четы Нилусов, их духовником, и они постоянно приходили к нему на благословение.

Иногда старец поручал им отвечать на те письма, ответ на которые был прост и несложен. Таким образом общение между ними не прекращалось.

В бытность Нилуса в Оптине пребывал там и о. Иннокентий, несший свое послушание и в монастырской канцелярии.

Делясь с нами своими оптинскими воспоминаниями, он упоминал и о С. А. Нилусе. «Часто приходилось мне, — писал о. Иннокентий, — помогать Нилусу упаковывать книги его сочинения и из домика, где они жили с женой, носить эти книги в иконно-книжную лавочку. Почти каждый день приходил Нилус к нам в канцелярию, беседовал, работал с нами. Помню случай, кажется, в 1909 г., во время такой беседы канцелярский послушник о. Павел Крутиков сказал ему: «Сергей Александрович, вы наводите на нас такую жуть: ведь сейчас в России ничего не ощущается, быть может, это и будет, но теперь нет основания так беспокоиться». С. А. сказал: «Эх, отцы, отцы! Эти стены скрывают от вас ту ужасную обстановку, среди которой мы живем; и слава Богу, что вы всего не знаете, но я не пророк, а скажу вам, что вы сами на себе испытаете все то, что я вам говорю». И действительно, не много нам пришлось мирно пожить в монастырской ограде».

В Оптиной Нилус жил в самые яркие годы старчества о. Варсонофия.

«...от уст твоих сужду ти, лукавый рабе!»
(Лк. 19, 22)

«Веры нашей ради Бог может превращать собачьи кости в чудотворные мощи; может Он и лжеца заставить возвещать Правду».

С. А. Нилус

«ЛЖЕЦ, ВОЗВЕЩАЮЩИЙ ПРАВДУ»

1

В Крыму

19 апреля ген[ералом] Врангелем¹ издан следующий приказ:

«Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости — Крыму.

Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие Начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями.

Пример этому — Штаб Донского Корпуса.

Передо мною издание Штаба — «Донской Вестник».

Газета восстанавливает казаков против прочих не-казачьих частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским атаманом² приказываю генерал-лейтенанту Сидорину³ сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову⁴. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса, генерал-лейтенанта Кельчевского⁵ и генерал-квартирмейстера, генерал-майора Кислова⁶. Начальника политического отдела и редактора газеты, сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, «что в Единении — наш долг перед Родиной»⁷.

Граф А. М. дю-Шайла

ВОСПОМИНАНИЯ О С. А. НИЛУСЕ

А. Дю Шайла

От редакции [газеты «Последние новости»]⁸

Автор печатных пяти фельетонов о Нилусе и «Сионских Протоколах» А. М. дю-Шайла — отставной подвесаул Войска Донского — прожил весь 1909 год в Оптиной пустыни, куда он отправился с целью изучения внутреннего быта Русской Церкви. В 1911 г. дю-Шайла поступил в Петербургскую Духовную Академию, в которой прослушал четырехлетний курс. Написал несколько исследований на французском языке по истории русской культуры и по славянским и церковным вопросам. С 1914 г. дю-Шайла состоял в военной службе и был начальником передового перевозочного отряда при 101-й Пехотной Дивизии. В этом звании за непосредственное участие в боях был награжден Георгиевскими медалями всех 4-х степеней. С декабря 1916 года по август 1917 г. служил в 8-м броневом автомобильном дивизионе. Затем перешел на службу в Штаб 8-й Армии, где оставался до овладения Штабом большевиками. В 1918 году поступил в службу в Штаб Донской Армии. С 1919 года занимал последовательно должности штабного офицера для поручений по дипломатическим делам и начальника политической части.

Введение

В первых числах апреля 1921 г., после эвакуации из Крыма и четырехмесячного пребывания в Константинополе я прибыл в Лион. Каково было мое удивление, когда я увидел среди новинок, выставленных в окнах книжных магазинов на «Place Bellecour», французское издание «Протоколов Сионских мудрецов», т.е. ту самую книгу, которая была издана моим знакомым, Сергеем Александровичем Нилусом, в начале 900-х годов.

Обширное предисловие, составленное французским издателем, Mgr Jouin, пыгающееся дать критический разбор предыдущих изданий, установить происхождение самого документа и определить личность русского издателя, содержит немало вполне понятных, впрочем, неточностей⁹.

Далее, при чтении издаваемых в Париже русских газет я убедился, что вокруг «Сионских Протоколов» в различных частях света, да и в среде самой русской печати, завязалась полемика.

Совокупность этих наблюдений побудила меня поделиться воспоминаниями о С. А. Нилусе и его писательской деятельности.

Считаю необходимым оговорить здесь, чтоб к этому больше не возвращаться, что приводимые мною сведения о личности и деятельности Нилуса собраны при длительном непосредственном общении с ним и людьми, хорошо знавшими его, причем все источники сведений вполне беспристрастны и честны.

К Сергею Александровичу Нилусу никаких дурных чувств я не питаю, да и не имею основания питать. Поэтому во многих отношениях считаю себя обязанным коснуться его личной жизни, лишь поскольку она соприкасается с общественной жизнью и поскольку это требуется выявлением правды, памятуя изречение: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» [Платон мне друг, но истина дороже. *Аристотель*].

В Оптиной Пустыни

В конце января 1909 года движимый религиозным искательством, я по совету покойного Петербургского митрополита Антония¹⁰ поселился вблизи Оптиной Пустыни.

Монастырь, находящийся в 6 верстах от города Козельска (Калужской губ.), расположен между опушкой густого соснового леса и левым берегом р. Жиздры. Около монастыря имеется несколько дач, на которых жили миряне, пожелавшие в той или иной степени приобщиться к монастырской жизни.

В эпоху, к которой относятся мои воспоминания, братия состояла из 400 монахов, занимавшихся земледельческим трудом и созерцательной жизнью под руководством трех старцев — о.о. Варсонофия, Иосифа и Анатолия.

В свое время Оптина Пустынь была источником заметного духовного влияния на одно из крупных течений русской мысли. Оптинское старчество в лице о.о. Макария и Амвросия возымело учительское значение для ранних славянофилов. На братском кладбище рядом с упомянутыми старцами покоятся их ученики — оба брата Киреевских; А. С. Хомяков¹¹ и Аксаков¹² часто бывали в монастыре, а Константин Леонтьев¹³ провел в нем почти все последние годы жизни, приняв даже тайно постриг.

В монастырской библиотеке хранилась весьма ценная переписка старцев с этими лицами, а равно с Гоголем¹⁴ и Достоевским¹⁵. Последний в художественном образе старца Зосимы обезсмертил о. Амвросия¹⁶ и его мистическое учение.

Л. Н. Толстой тоже часто посещал Оптину, и, конечно, всем памятно, что там был предпоследний этап его земного пути¹⁷.

Нелишне будет подчеркнуть здесь, что оптинские старцы решительно ничего общего не имели с проходимцами, именовавшимися старцами и окружавшими последнего Царя¹⁸. Оптинские старцы были люди просвещенные, проникнутые духом любви и терпимости, всегда чувствующие себя свободными по отношению к власти имущим и внимательные только к человеческому горю; близкие к народу и понимающие его безграничную печаль, они отдавали буквально все свое время на утешение стекающихся к ним тысячами несчастных и обиженных.

Наличие старчества, а равно сохранившиеся там традиции церковной культуры, привлекали в Оптину Пустынь тех представителей русской интеллигенции, кто увлекался религиозным исканием. На следующий день после моего приезда настоятель монастыря архимандрит Ксенофонтий [sic] предложил познакомить меня с живущим при монастыре «церковным писателем С. А. Нилусом». О последнем я еще раньше, в Петербурге, слышал от В. А. Тернавцева¹⁹, чиновника особых поручений при Синодальном обер-прокуроре и члена религиозно-философского общества, как о человеке безусловно интересном, но с большими странностями.

Мое знакомство с С. А. Нилусом

После обеда в покоях настоятеля я познакомился с С. А. Нилусом. То был человек 45-ти лет, типичный русак, высокий, коренастый, с седой бородой и глубокими голубыми глазами, слегка покрытыми мутью; он был в сапогах, и на нем была русская косоворотка, подпоясанная тесемкою с вышитой молитвою.

С. А. Нилус прекрасно владел французским языком, что было очень ценно тогда для меня. Оба мы были рады знакомству, и я не преминул воспользоваться его приглашением.

С. А. Нилус жил на одной большой, из 8—10 комнат, даче, где раньше поселялись уволенные на покой архиереи. Вокруг дома был большой фруктовый сад. С. А. занимал сам с семьей из трех лиц только 4 комнаты; в остальных же помещалась содержавшаяся за счет получаемой его

женой из придворного ведомства пенсии богадельня для всякого рода калек, юродивых и бесноватых, чающих исцеления; одним словом, та часть дома представляла собой настоящую Cour des miracles [«Двор чудес»]²⁰.

Квартира Нилуса была убрана в старом помещичьем вкусе со множеством царских и великокняжеских портретов, снабженных автографами и подаренных его жене, несколькими хорошими картинами. Была большая библиотека по многим отраслям знания и особая молельня для домашнего богослужения, которое совершалось по мирскому чину самим С. А. Впоследствии воспоминания об этой обстановке всегда сочетались у меня с образами раскольничьих скитов, описанных Лесковым²¹.

Происхождение Нилуса

Род Нилуса происходил от одного шведа-выходца, переселившегося в Россию при Петре Первом. С. А. уверял, что по женской линии текла в его жилах кровь Малюты Скуратова²². Быть может, поэтому, будучи при этом большим почитателем крепостного права и крепкой старины, он любил защищать память Грозного²³.

Сам С. А. Нилус был разорившийся Орловский помещик, притом, если память мне не изменяет, сосед по имению М. А. Стаховича²⁴, которого он поминал часто, хотя и не добром за вольнодумство.

Родной брат С. А. — Дмитрий Александрович Нилус — был председателем Московского Окружного суда. Братья враждовали между собою: С. А. считал Д. А. атеистом, а тот смотрел на брата, как на сумасшедшего.

Нилус был, несомненно, человек образованный. Весьма успешно окончивший Московский университет по юридическому факультету, он владел в совершенстве французским, английским и немецким языками и знал основательно современную иностранную литературу.

Как я потом узнал, С. А. почти ни с кем не уживался, у него был бурный, крутой и капризный характер, вынудивший его бросить службу по судебному ведомству, в которое он кратковременно определился на должность следователя в Закавказье, на русско-персидской границе. Пытался он заняться хозяйством в имении, но для такого рода занятий он был тогда человеком со слишком большими умственными запросами. Стал он увлекаться ницшеанством²⁵, теоретическим анархизмом и коренным отрицанием современной культуры.

При таких настроениях жизнь в России была не по духу С. А. Уехал он за границу с одной дамой, госпожой [Н. А. Володимировой]. Жил подолгу

во Франции, главным образом в Биаррице, пока управляющий его орловским имением не сообщил ему, что он вконец разорен²⁶.

Тогда, около 1900 года, под влиянием материальных невзгод и тяжелых моральных испытаний он пережил сильный духовный перелом, приведший его к мистицизму.²⁷ О дальнейшем развитии этого религиозного процесса будет речь ниже.

Жена С. А. Нилуса

С. А. представил меня жене, Елене Александровне, урожденной Озеровой, бывшей фрейлине Императрицы Александры Федоровны; она была дочь гофмейстера Озерова, бывшего российского посланника в Афинах и сестра ген.-майора Давида Александровича Озерова, управлявшего тогда Аничковским [sic] дворцом²⁸.

Елена Александровна Нилус была женщиной в высшей степени доброй и безответной, совершенно подвластной мужу, до полного отречения от самой себя. Это уже видно из того, что она великолепно относилась к бывшей подруге жизни С. А., которая, также разорившись, нашла приют у них.

Сложившееся, таким образом, знакомство с С. А. Нилусом длилось непрерывно все девять месяцев моего пребывания при Оптиной Пустыни, т. е. с последних чисел января по 10 ноября 1909 года. Впоследствии при посещениях мною обители я также навещал С. А., пока, ввиду полного отсутствия терпимости с его стороны по отношению к инакомыслящим, не пришлось отказаться от личного общения с ним.

Мне известно, что в 1917 и 1918 гг. он жил в гостинице при Покровском женском монастыре в гор. Киеве²⁹. У меня имеются также данные о том, что зимой 1918—19 гг., после падения гетманства, С. А. Нилус уехал в Германию, где поселился в Берлине. Последние сведения получили частичное подтверждение еще в Крыму со стороны старшей сестры Лазарета № 10 Белого Креста, бывшей фрейлины Карцевой³⁰, когда я лежал в этом лазарете³¹.

Хартия царства антихриста

С самого начала мое знакомство и общение с С. А. Нилусом ознаменовались бесконечными спорами. Ведь встречались в нашем лице самые ярые протнвики — люди, подходящие к одной и той же идее с различных сторон, рассматривающие ее с противоположных точек зрения и одинаково притязующие на обладание этой идеей и верность ей.

Из прежнего своего анархического мышления С. А. удержал отрицание современной культуры, перенося это отрицание в область религиозного мышления и отвергая возможность применения научных методов к религиозному познанию. Восставал он против духовных академий, тяготел к «мужицкой вере» и высказывал большие симпатии к старообрядчеству, отождествляя его с верою без примеси науки и культуры. Отвергал он все это вместе с современной культурой, видя в ее выявлениях «мерзость запустения на месте святом»³², подготовку к пришествию антихриста, воцарение которого, по его мнению, совпадет с расцветом «псевдохристианской цивилизации».

Напротив того, к кораблю Православия принесли меня те либеральные течения Западного христианства, которые смыывают с церковью исторические наслоения искусственного и чуждого Христу происхождения. Модернизм³³ и старокаатолическая критика³⁴, как независимые методы научно-религиозного познания, восстановили в моем сознании образ истинной христианской церкви, дальнейшее раскрытие которой совершилось под влиянием А. С. Хомякова, В. С. Соловьева и более современных представителей русской религиозной мысли.

Однако, несмотря на ожесточенные споры, С. А. Нилус прощал мне много «заблуждений». Причиной тому было мое пребывание в монастыре и хорошее отношение ко мне со стороны старцев, а потому он пока что не подвергал меня отлучению, а наоборот, прилагал много усилий к моему «обращению».

«Сионские Протоколы»

На третий или четвертый день нашего знакомства, во время обычного спора о взаимоотношениях между христианством и культурой, С. А. Нилус спросил, известно ли мне об изданных им «Протоколах Сионских Мудрецов». Получив отрицательный ответ, С. А. подошел к библиотеке, взял свою книгу и стал переводить мне на французский язык наиболее яркие места из «Протоколов» и толкования к ним. Следя за выражением моего лица, он полагал, что я буду ошеломлен откровением, а сам был немало смущен, когда я ему заявил, что тут ничего нового и что, по-видимому, данный документ является родственным памфлетам Эдуарда Дрюмона и обширной мистификации Лео Таксиля³⁵, несколько лет тому назад одурачившего весь католический мир, включая и его главу, Папу Льва XIII³⁶.

С. А. заволновался и возразил, что я так сужу, потому что мое знакомство с «Протоколами» носит поверхностный и отрывочный характер, а кроме того, устный перевод понижает впечатление. Необходимо цельное впечатление, а впрочем, для меня легко будет познакомиться с «Протоколами», так как подлинник составлен на французском языке.

С. А. Никус рукописи «Протоколов» у себя не хранил, боясь возможности похищения со стороны «жидов». Помню, как он меня позабавил и какой переполох был у него, когда еврей-аптекарь, пришедший из Козельска с домочадцами гулять в монастырском лесу, в поисках кратчайшего прохода через монастырь к парому как-то попал в Ниусову усадьбу. Бедный С. А. был долго убежден, что аптекарь пришел на разведку. Я узнал потом, что тетрадь, содержащая «Протоколы», хранилась до января 1909 г. у иеромонаха Даниила Болотова (довольно известного в свое время в Петербурге художника-портретиста), а после его кончины — в Опгинском Предтеченском скиту, в полверсте от монастыря у монаха о. Алексия (бывшего инженера).

Срочное дело

Несколько времени спустя после нашего первого разговора о «Сионских Протоколах», часа в 4 пополудни, пришла ко мне одна из калек, содержащихся в богадельне на даче Ниуса, и принесла мне записку: С. А. просил пожаловать по срочному делу.

Я застал С. А. в своем рабочем кабинете; он был один; жена и госпожа [Н. А. Володимирова] пошли к вечерне. Наступали сумерки, но было еще светло, так как на дворе был снег. Я заметил на письменном столе большой черный конверт, сделанный из материи; на нем был нарисован белый осьмиконечный крест с надписью «Симъ Победиши»³⁷. Помню, еще была наклеена также бумажная иконочка Архангела Михаила; по видимому, все это имело заклинательный характер.

С. А. трижды перекрестился перед большой иконой Смоленской Божией Матери, копией знаменитого образа, перед которым накануне Бородинской битвы молилась Русская Армия³⁸; он открыл конверт и вынул прочно переплетенную кожей тетрадь.

Как я узнал потом, конверт и переплет тетради были изготовлены в монастырской переплетной мастерской под непосредственным наблюдением С. А., который сам приносил и уносил тетрадь, боясь ее исчезновения. Крест и надпись на конверте были сделаны краской, по указанию С. А., Еленой Александровной.

«Вот она, — сказал С. А. — Хартия царствия антихристовая».

Раскрыл он тетрадь.

На первой странице замечалось большое пятно бледно-фиолетовое или голубое. У меня получилось впечатление, что на ней [sic] была когда-то опрокинута чернильница, но, тотчас же чернило было смыто. Бумага была плотного качества и желтоватой окраски. Текст был написан по-французски разными почерками, как будто бы даже разными чернилами.

«Вот, — сказал Нилус, — во время заседания этого Кагала секретарствовали, по-видимому, в разное время разные лица, оттого и разные почерки».

По-видимому, С. А. видел в этой особенности доказательство того, что данная рукопись была подлинником. Впрочем, он не имел на этот счет вполне устойчивого взгляда, ибо я в другой раз слышал от него, что рукопись является только копией.

Показав мне рукопись, С. А. положил ее на стол, раскрыл на первой странице и, подвинув мне кресло, сказал: «Ну, теперь читайте».

Рукопись

При чтении рукописи меня поразила ее язык. Были орфографические ошибки, но, мало того, обороты были далеко не чисто французскими. Слишком много времени прошло с тех пор, чтобы я мог сказать, что в ней были «руссицизмы»; одно несомненно — рукопись была написана иностранцем. Читал я часа два с половиной. Когда я кончил, С. А. взял тетрадь, водворил ее в конверт и запер в ящик письменного стола.

Пока я читал, Елена Александровна Нилус и госпожа [Володимирова] пришли из церкви, так что к моменту окончания моего чтения чай был подан. Не зная, насколько госпожа [Володимирова] была посвящена в тайну рукописи, я молчал. Между тем, Нилусу очень хотелось знать мое мнение и, видя, что я стесняюсь, он правильно разгадал причину моего молчания.

«Ну, — сказал он шутя, — Фома неверующий, уверовали ли вы теперь после того, что трогали, видели и читали эти самые «Протоколы»? Ну, скажите свое мнение, не бойтесь — здесь ведь нет посторонних: жена все знает, а что касается госпожи [Володимировой], то ведь благодаря ей раскрылись козни врагов Христовых; да вообще тут нет тайны».

Я понтересовался, неужели через госпожу [Володимирову] «Протоколы» дошли до С. А. Нилуса? Мне казалось странным, что эта огромная, еле движущаяся, разбитая испытанными болезнями женщина могла когда-либо проникнуть в «тайны кагала Сионских мудрецов». «Да, — сказал Нилус, — госпожа [Н. А. Володимирова] долго жила за границей, именно во Францин; там, в Париже, получила она от одного русского general'a эту рукопись и передала мне. General'у этому прямо удалось вырвать ее из масонского архива.

Я спросил, является ли тайной фамилия этого генерала.

«Нет, — ответил С. А., — C'est le general Ratchkovsky*³⁹. Хороший, деятельный человек, много сделавший в свое время, чтобы вырвать жало у врагов Христовых».

Женераль Рачковский

Тогда мне вдруг вспомнилось, что, когда еще во Франции я брал уроки русского языка и русской литературы у одного эмигранта, студента-филолога Езопова, последний говорил, что русская политическая полиция не дает покоя русским эмигрантам во Франции и что во главе этой полиции был некий Рачковский.

Я спросил С. А., не является ли «генерал Рачковский» начальником русской тайной полиции во Франции.

С. А. был удивлен и даже как будто бы несколько недоволен заданным мною вопросом; он ответил неопределенно, но сильно подчеркнул, что Рачковский самоотверженно боролся с масонством и дьявольскими сектами. Однако Нилусу захотелось знать, какое впечатление получилось у меня от чтения.

Я открыто сказал ему, что остаюсь при прежнем мнении: ни в каких мудрецов сионских я не верю, и все это взято из той же фантастической области, что «Satan demasque», «Le Diable au XIX Siecle» и прочая мистификация.

Лицо Нилуса омрачилось.

«Вы находитесь прямо под дьявольским наваждением, — сказал он. — Ведь самая большая хитрость сатаны заключается в том, чтобы заставить людей не только отрицать его влияние на дела мира сего, но и существование его. Что же вы скажете, если покажу вам, как везде

---

* Это генерал Рачковский (фр.). — Сост.

появляется таинственный знак грядущего антихриста, как везде ощущается близкое пришествие царствия его».

С. А. встал, и все за ним перешли в кабинет.

«Доказательства»

Нилус взял свою книгу и папку бумаг; притащил он из спальной небольшой сундук, названный потом мною «Музеем антихриста», и стал читать то из своей книги, то из материалов, подготовленных к будущему изданию. Читал он все, что могло выразить эсхатологическое ожидание современного христианства; тут были и сновидения митрополита Филарета⁴⁰ предсказания Преп. Серафима Саровского и каких-то католических святых, цитаты из энциклики папы Пия X-го⁴¹, и отрывки из сочинений Ибсена⁴², В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского⁴³ и пр. Читал он очень долго, затем перешел к вещественным доказательствам, открыв сундук. В неописуемом беспорядке перемешались в нем воротнички, галоши, домашняя утварь, значки различных технических школ, даже вензель императрицы Александры Федоровны и орден Почетного Легиона⁴⁴. На всех этих предметах ему мерещилась «печать Антихриста» в виде либо одного треугольника, либо двух скрещенных.

Не говоря уже про галоши фирмы «Треугольник»⁴⁵, но соединение стилизованных начальных букв «А» и «В», образующих вензель царствовавшей императрицы, как и пятиконечный крест Почетного Легиона, отражались в его воспаленном воображении как два скрещенных треугольника, являющихся, по его убеждению, знаком антихриста и печатью Сионских мудрецов. Достаточно было, чтобы какая-нибудь вещь носила фабричное клеймо, вызывающее даже отдаленное представление о треугольнике, чтобы она попала в его «музей»*.

С возрастающим волнением и беспокойством, под влиянием мистического страха С. А. Нилус объяснил, что знак «грядущего сына беззакония» осквернил все, сияя в рисунках церковных облачений и даже в орнаментике на Запрестольном образе новой церкви в скиту.

«Мистика»

Мне самому стало жутко. Было около полуночи. Взгляд, голос, сходные с рефлексам движения С. А. — все это создавало ощущение, что

---

* Почти все эти его наблюдения вошли в издание «Протоколов» 1911 года.

ходим мы на краю какой-то бездны, что еще немного, и разум его *растворится в безумии*.

Произошло чрезвычайно любопытное явление.

Я стал успокаивать Нилуса, доказывать, что ведь в «Протоколах» ничего не сказано о зловещем знаке, а потому нет между ними никакой связи. Убеждал я С.А., что ничего нового он даже не открыл, ибо знак этот отмечен во всех оккультных сочинениях, начиная с Гермеса Трисмегиста⁴⁶ и Парацельса⁴⁷, которых во всяком случае нельзя причислить к «Сионским мудрецам», и кончая современниками — Папюсом⁴⁸, Станиславом де-Гюэтом⁴⁹ и пр., которые евреями не были. Мало того, упомянутый знак ничего противохристианского не знаменует, выражая мысли о нисхождении божества к человечеству и восхождении человечества к божеству.

С. А. лихорадочно записывал справки, и вскоре я убедился, что попытка образумить его не только не привела к цели, а наоборот, обострила до крайних пределов его болезненные переживания.

Несколько дней спустя С. А. отправил в Московский книжный магазин Готье большой заказ на книги по тайным наукам, а в 1911 г. вышло его 3-е издание «Протоколов», обогащенное новыми данными из области оккультизма и картинками, позаимствованными у цитированных мною авторов. На обложке под новым заглавием «*Близъ Грядущаго Антихриста или царство дьявола на земле*» красовалось изображение короля из игры карт «Таро»⁵⁰ с надписью: «Вот он — антихрист».

Таким образом и портрет Антихриста нашелся. Я заканчиваю эту главу штрихами, довольно четко рисующими физиономию С. А. Нилуса.

«Дело не в Протоколах»

В 1909 г., в бытность мою в Оптиной Пустыни происходило как раз в Петрограде разбирательство судебного дела о бывшем директоре Департамента полиции Д. Ст. Сов. Лопухине⁵¹. Полицейское подполье старого режима поневоле раскрывало свои недра. Я спросил С.А., напоминая ему о Рачковском: «Не думаете ли вы, что какой-нибудь Азеф⁵² надул «женераль Рачковского» и, что, того не зная, вы оперируете подлогом».

«Вам известно, — ответил С.А., — мое излюбленное изречение у Апостола Павла: «Сила Божия в немощи человеческой совершается». Положим, что «Протоколы» подложны. Не может ли Бог и через них раскрыть готовящееся беззаконие? Ведь пророчествовала же Валаамова

ослица⁵³. Веры нашей ради Бог может превращать собачьи кости в чудотворные мощи; может Он и лжеца заставить возвещать Правду».

Летом того же года происходила вторая младо-турецкая революция. Салоникская армия Махмуд-Шефхет-паши⁵⁴ подходила к Константинополю. Раз прихожу к С. А. и застаю его в большом возбуждении. Перед ним была развернута бывшая в приложении к «Русскому Знамени» карта Европы, о которой идет речь на странице 128 французского издания «Протоколов». На этой карте изображен ползущий змей и обозначен датами его исторический путь через завоеванные им европейские государства, причем Константинополь является последним этапом на его пути к Иерусалиму⁵⁵.

Видя С. А. страшно расстроенным, спрашиваю: «Что случилось?»

«Голова змеиная приближается к Царьграду», — ответил он.

Потом С. А. пошел служить молебен о даровании победы султану над младо-турками. Чередной иеромонах не счел возможным помянуть Абдул-Гамида⁵⁶. Стоило многих усилий покойному старцу о. Варсонофию, чтобы доказать С.А., что Абдул-Гамид понес заслуженную кару за массовые избиения христиан и гонения на наших единоверцев. Впрочем, С. А. не успокоился и вернулся в великом гневе и негодовании на старца⁵⁷.

С. А. Нилус в роли издателя «Протоколов»

Приступая к изложению своих воспоминаний о С. А. Нилусе и «Сионских Протоколах», я сознавал, что имеющиеся в моем распоряжении данные являются только материалами для тех, кто на основании всестороннего его освещения вырешит вопрос о происхождении «протоколов». Поэтому я твердо решил не вступать в полемику ни с французскими издателями, ни с органами печати, трактовавшими данный вопрос.

Считаю все же совершенно необходимым, прежде чем изложить стеченные обстоятельства, сделавших С. А. Нилуса владельцем и издателем рукописи, обратить внимание на одну особенность издания 1917 года, отмеченную Mgr Jouin'ом. Я имею в виду заявление С. А. о том, что рукопись передана ему в 1901 г. предводителем дворянства Алексеем Николаевичем Сухотиным⁵⁸. Эта версия противоречит сделанному мне С. А. Нилусом сообщению, что рукопись была им получена от Рачковского через госпожу [Н. А. Володиминову].

Мне, знающему подоплеку семейных отношений С. А. Нилуса, совершенно понятно, что он не мог открыть читателям госпожу Наталью

Афанасьевну, ту таинственную «даму», про которую говорится во всех изданиях. Я далек от мысли, чтобы считать А. Н. Сухотина мифом, но я уверен, что он был не более как посредником или курьером, передавшим лично С. А. Нилусу полученную в Париже от госпожи Натальи Афанасьевны драгоценную рукопись. В книге Нилуса, по вышеизложенным соображениям личного характера, Сухотин стал ширмой, скрывающей от читателя самую Наталью Афанасьевну⁵⁹.

Добывание рукописи

Что касается передачи рукописи в распоряжение С. А. Нилуса, то она произошла при следующих обстоятельствах.

В 1900 г. разорившийся С. А. Нилус возвратился в Россию⁶⁰ и, обратившись к Богу, стал путешествовать, вернее — странствовать по монастырям, питаясь иногда одними просфорами. В это время он писал свои «Записки православного, или Великое в малом», которые при содействии заведовавшего типографией Троицко-Сергиевской Лавры архимандрита (впоследствии архиепископа и члена Государственного Совета) Никона, были напечатаны в «Троицком Листке», выходившем в Сергиевом Посаде. Эти записки тогда же были выпущены отдельными оттисками.

Книжка, описывающая обращение интеллигента-атеиста и процесс его мистического перерождения, приобрела известность благодаря рецензиям Л. А. Тихомирова в «Московских Ведомостях» и архимандрита Никона в «Московских Епархиальных Ведомостях»⁶¹. Дошла она до Великой княгини Елизаветы Федоровны⁶², которая заинтересовалась автором ее.

Великая княгиня Елизавета Федоровна всегда боролась против мистиков-проходимцев, окружавших Николая II-го. Боролась она, между прочим, с влиянием лионского магнетизера Филиппа⁶³ и сильно недолюбливала царского духовника, престарелого отца Янышева, за неумение оградить Царя от нездоровых мистических влияний. Великая княгиня считала тогда, что С. А. Нилус как русский человек и ортодоксальный мистик сможет благотворно повлиять на Царя.

При Великой княгине Елизавете Федоровне состоял ген.-майор Михаил Петрович Степанов, брат прокурора Московской Синодальной Конторы Филиппа Петровича Степанова и дальний родственник Озеровых. Он пользовался полным доверием Княгини и продолжал состоять при ней даже тогда, когда она стала настоятельницей Марфо-Мариинской Общины.

Через него именно С. А. Нилус был направлен в Царское Село к фрейлине Елене Александровне Озеровой. То было в 1901 году.

Между тем, уезжая из Франции, С. А. Нилус оставил в Париже весьма близкое ему лицо, а именно Н[аталию] А[фанасьевну].

Потерявшая также почти все состояние, сильно подавленная разлукой, она тоже склонилась к мистицизму и стала интересоваться оккультическими [sic] кружками Парижа. При этих условиях она получила от Рачковского, тоже возвращавшегося в этих кружках, рукопись «Протоколов Сионских Мудрецов», которую она и переслала С. А. Нилусу.

Планы Рачковского

Можно полагать, что Рачковский, стремившийся в свое время к уничтожению влияния Филиппа на Царя, узнав о предстоящей роли С. А. Нилуса, пожелал использовать сложившуюся обстановку с целью одновременно вытеснить Филиппа и заручиться расположением нового временщика. Как бы то ни было, когда С. А. Нилус явился в 1901—1902 гг. в Царское Село, он уже имел в руках «Протоколы»⁶⁴.

С. А. Нилус произвел большое впечатление на фрейлину Озерову и придворный кружок, враждебный Филиппу. При содействии этих лиц он в 1902 г. выпустил 1-ое издание «Протоколов» в качестве приложения к переработанному тексту книжки о собственных мистических опытах⁶⁵. Книга вышла под заглавием «Великое в малом и антихрист, как близкая полнитическая возможность». Книга была представлена Царице и Царю⁶⁶.

Одновременно, в связи с кампанией против Филиппа выдвигалась следующая комбинация: брак С. А. Нилуса с Е. А. Озеровой и по рукоположении приближение его к царю, дабы он занял впоследствии место духовника. Дело шло так успешно, что С. А. Нилус уже заказал священническую одежду. Помню, как весной 9-го года вывешивали в саду всякую одежду, среди которой были сшитые еще в 1902 г. рясы С. А. Нилуса.

Партии Филиппа удалось, однако, парировать удар, сообщив духовному начальству о наличии известного мне канонического препятствия к принятию духовного сана С. А. Нилусом.

После этого С. А. впал в немилость и должен был покинуть Царское Село. Вновь, на скудные средства, вырученные от сотрудничества в «Троицком Листке», начались для него дни скитанья по монастырям. Женитьба была невозможна, так как у Е. А. Озеровой, кроме пенсии

по должности отца, ничего не было, а в случае выхода замуж она должна была лишиться и этих средств.

Высочайшее соизволение

В 1905 году не стало больше враждебного Нилусу влияния Филиппа. Придворные друзья Е. А. Озеровой исходатайствовали у Николая II-го высочайшее соизволение на предоставление права на дальнейшее получение пенсии в случае выхода замуж. Тогда же заботами Е. А. Озеровой вышло второе издание «Протоколов» с новыми материалами, касающимися Серафима Саровского⁶⁷. Помнится мне, что это издание носило несколько измененное заглавие; вышло оно в Царском Селе и, мне кажется, как издание местной общины Красного Креста, к которой имела отношение Е. А. Озерова⁶⁸.

Вслед за всем этим С. А. и Е. А. повенчались, но каноническое препятствие не отпало, и нельзя было думать ни о священстве, ни о духовном влиянии на Царя. Впрочем, зная С. А. как человека простого и крутого нрава, я полагаю, что его влияние не оказалось бы продолжительным и что он сам, пожалуй, весьма мало об этом мечтал.

После женитьбы С. А. и Е. А. Нилусы покинули навсегда Царское и Петербург; поселились они сперва при Валдайском монастыре, а потом, в 1907 г., при Оптиной Пустыни, где я застал их в 1909 году.

Жили они, как я сказал, скромно, и большая часть шеститысячной пенсии Е. А. шла на содержание странников, юродивых и калек, приютившихся у них. В их доме нашла приют и разоренная вконец больная Наталья Афанасьевна, благодаря которой увидели свет и наделали немало шуму и беды «Протоколы Сионских Мудрецов», замечательное изобретение «женерая Рачковского».

Отношение Церкви

Появление двух первых изданий «Протоколов» (1902—1905 гг.) прошло совершенно незаметно. Только, кажется, в 1907 г. Лев Тихомиров откликнулся в «Московских Ведомостях» на появление «Протоколов», выпустив эсхатологическую передовицу под заглавием «Ганнибал у ворот». Быть может, поводом к этой статье послужило издание «Протоколов», выпущенное Бутми⁶⁹ в 1907 году.

Богословские журналы, издававшиеся при Духовных Академиях, не обмолвились ни словом об этих и последующих изданиях; впрочем, навряд

ли первые издания могли доходить до широких кругов, ибо тираж был ограниченный, а продажа ничтожная.

Из всего Епископата только Архиепископ Никон Вологодский, член Государственного Совета, известный своими призывами к гонениям на инославных и иноверцев, придавал значение этой книге и посвятил ей одну заметку в «Троицком Листке».

Высшие представители иерархии относились не только без всякого доверия к изданию Нилуса, но опасались в нем нового вида сектантства, ибо, если пророчествовать о пришествии антихриста, надо возвещать и второе пришествие Христа⁷⁰.

Довелось мне говорить о Нилусе и его издании с двумя видными русскими иерархами, Митрополитом Антонием и Архиепископом Сергием⁷¹. Оба иерарха, пострадавшие впоследствии за честное и открытое выступление против Распутина⁷², были решительными противниками тайных влияний на Царя. Знали они о Нилусе только по его изданиям, а потому относились к нему отрицательно, предполагая, что им преследовалась корыстная цель⁷³, с чем, поскольку это касается самого Нилуса, я не соглашался, так как продолжаю считать его убежденным фанатиком.

Изгнание С. Нилуса из Оптиной Пустыни

Что касается старцев оптинских, то, пока С. А. воздерживался от пропаганды своих идей, они относились к нему с большой снисходительностью и некоторым вниманием. Ведь последнее издание «Протоколов» относилось к 1905 году, а в промежутке с 1905 по 1911 годы С. А., прибывший в Оптину Пустынь в 1907 г., кроме благотворительности и строгого соблюдения церковных правил, занимался лишь писанием душеполезных листков и житий святых. Выпустил он в 1907 г. небольшой сборник красочных рассказов о смерти праведных. Таким образом, не было повода к выявлению отрицательного отношения к С. А. со стороны старцев.

Необходимо отметить, что все же и в эту эпоху нельзя было причислить оптинских старцев к числу последователей С. А. В частности, о. Варсонофий несколько раз спрашивал меня, не надоедает ли Нилус своими «Протоколами», упрекая его притом в стремлении возводить частное мнение в догмат⁷⁴.

Совершенно новым оказалось их отношение к С. А. после выпуска издания 1911 года, сделанного за счет одного Козельского старообрядческого купца⁷⁵.

К появлению этого издания Нилус приурочил открытие устной проповеди о скором пришествии антихриста. Он обратился к Восточным Патриархам, к Св. Синоду и Папе Римскому с посланием о необходимости созвать VIII Вселенский собор для принятия общих для всего христианского мира согласованных мер против грядущего антихриста. Одновременно проповедуя оптинским монахам, он определил, что в 1920 году явится антихрист. В монастыре началась смута, вследствие которой С. А. попросили оставить монастырь навсегда⁷⁶.

Погромная пропаганда

Первые признаки интереса к «Протоколам» я заметил в бытность мою на Дону еще при атамане Краснове⁷⁷ в 1918 году. Издание же 1917 года прошло совершенно незаметным из-за революционных событий. Выпуском нового удешевленного издания «Протоколов» в Новочеркасске в 1918 г. руководил присяжный поверенный Измайлов и писатель, войсковой старшина Родионов, автор «Нашего преступления»⁷⁸. «Протоколы» рекламировала издаваемая названными лицами погромная газета «Часовой».

Еще до ухода атамана Краснова донской войсковой круг потребовал прекращения субсидий «Часовому», который и перестал выходить в [феврале] 1919 г. Тогда же центр антисемитической пропаганды и склад издания «Протоколов» были переведены в Ростов, где после ухода заведовавшего короткое время отделом пропаганды в Особом совещании Н. Е. Парамонова⁷⁹ началось вновь их распространение. Мне, как бывшему начальнику политической части штаба Донской армии, известно, что распространением «Протоколов» занялись не только В. М. Пуришкевич⁸⁰, но и другие отважные публицисты в Ростове, Харькове и Киеве. «Протоколы» рассылались в войсковые части Добрармии, включая и Кубанские, конечно, без участия Кубанского Правительства. Служили они пищей для погромной агитации и дали в этом отношении самые блестящие и печальные результаты. Пропаганда, развращая войска оправдыванием грабежей, была одной из причин нашего поражения. Протопресвитером военного духовенства о. Георгием Шабельским⁸¹ [sic] был разослан циркуляр полковым священникам о недопущении такой агитации. Но его влияние было парализовано действиями некоторой части офицерства.

Летом 1918 года в Ростове появился бывший проф. Московской Духовной Академии Малахов⁸² (не духовное лицо), приступивший к антисемитской агитации на основе «Протоколов». Ростовскому градоначальнику,

ген.-лейт. Семенову⁸³ не удалось запретить эти лекции, так как они устранивались Отделом пропаганды Особого Совецания.

На Дону, начиная с февраля 1919 г. и до конца фактического существования Донской государственной власти как власти независимой, «Протоколы» не были допущены к распространению.

На Украине и в Крыму

«Протоколы» сыграли крупную роль в бывших на Украине погромах. Один из моих знакомых, полковник Дзугарев, по происхождению осетин, рассказывал мне следующий характерный случай. Очутившись в Киеве во время борьбы между гетманом⁸⁴ и Петлюрой⁸⁵, в ноябре 1919 года, он, переодевшись, бежал на Дон. В Лубнах его задержали петлюровцы и привели в штаб. Его приняли сперва за еврея и хотели расстрелять: «нбо, — говорил ему атаман, — вы хотите поставить нам царя с золотой головой. Это было сказано на заседании ваших Сионских Мудрецов».

Причина погромного движения на Украине, по-видимому, заключалась в этой подпольной агитации, а не в политике Укр[аннской] Директории⁸⁶.

Правление ген. Врангеля в Крыму оказалось эпохой антисемитической пропаганды на основе «Протоколов». Проф. Малахов, священник Востоков⁸⁷, журналисты Ножин и Руадзе, субсидируемые правительством, говорили на всех перекрестках о «Протоколах» и «жидо-масонском» всемирном заговоре. Однако большого и реального успеха эта шумиха не имела.

Заключение

В итоге, в самой России, где «Протоколы» увидели свет, их влияние долгое время казалось ничтожным. Появилось оно только как попытка принципиального оправдания разбоев, сопровождавших гражданскую войну.

Поэтому я был немало удивлен, узнав, что «Протоколы Сионских Мудрецов» переведены почти на все главные европейские языки. Можно полагать, что интерес к ним появился в связи с необъяснимыми для многих «апокалиптическими» событиями нашего времени. Мне кажется, что такой способ объяснения исторического катаклизма имеет большое сходство с гаданием восточных женщин на набережной Галаты⁸⁸, где в случайных узорах брошенных камешков и монеток показывают смутные начертания настоящего и будущего.

Поучительно в истории распространения «Протоколов» то, что за исключением небольшой группы лиц представители Русской Православной Церкви, несмотря на крупные ошибки недавнего прошлого, воздержались от всякого содействия делу. Знаменательным оказалось отношение оптинских старцев к Нилусу. Я глубоко верю, что не Востоковы и Малаховы являются выразителями духа Православия, а Оптинские отшельники, постигшие мудрость Учителя. Для подлинно религиозных людей, для тех, кто не смотрит на веру как на «*ancilla politicae*»*, христианская эсхатология выражается не в болезненных откровениях пророка духовного вырождения С. А. Нилуса, а в светлом учении современного учителя Церкви Вселенской В. С. Соловьева, предчувствовавшего [в своем «III разговоре о последних временах»] грядущее единение всех сынов единого Бога для защиты общего достояния, ибо вся наша духовная культура покоится одинаково на вечных основаниях обоих Заветов⁸⁹

3

**Письма А.М. du Shayla В. Л. Бурцеву,
1937–1938**

15 декабря 1937
Suresuez [?], 5 avenue des Sufitances [?]

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

Через И. М. Черикова⁹⁰ знаю, что Вы пишете исследование о «Протоколах». Очень бы хотелось побеседовать с Вами.

По-прежнему думаю, что отчет Св. Синоду о ревизии Оптиной Пустыни Архиепископом Серафимом (Чичаговым)⁹¹ является документом, основательно освещающим личность и деятельность С. А. Нилуса и его окружения.

Ревизия привела к удалению С. А. из монастыря. Я думаю, что дело о ревизии должно быть либо в архиве Св. Синода, либо в Центральном архиве.

Примите уверения в глубоком уважении и совершенной преданности.

А. Дю Шайла.

---

* «Служанку полтяки» (лат., по аналогии с католическим постулатом, впервые сформулированным Цезарем Баронием: «*Philosophia ancilla theologiae*» («Философия — служанка богословия»).

28 декабря 1937

S...[неразборчиво] [пометка карандашом:] Lion

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

Вследствие небрежности прис[яжного] пов[еренного] Лившица⁹² я только недавно ознакомился с материалами апелляционного процесса.

Сын Рачковского опровергает знакомство Наталли Афанасьевны с некоторыми оккультистскими кругами Парижа, знакомство, явившееся прикрытием для передачи работы г[оспод] сотрудников Рачковского.

Между тем, я знал лично Генштаба полковника графа Муравьева-Амурского⁹³, друга Папюса (Paris). Это тот же Муравьев-Амурский, который, будучи военным агентом в Париже, предпринял какие-то опрометичные [sic] шаги по делу в Житомире. Немного позже, вследствие избинения им жандарма, Мур[авьев-] Ам[урский] был уволен в отставку, правда, с чином Ген.-майора.

Знал он Наталию Афанасьевну, и она же дала мне письмо к нему.[...]

Разорившийся вследствие «добрых» советов Папюса Муравьев-Амурский возненавидел его и крепко повинил в Протоколах. «Маг Папюс» никакого отношения к настоящему масонству не имел. Знакомство мое с Мур[авьевым-]Ам[урским] относится к 1909 г.

* * *

27 февраля 1938

Suresuez [?], 5 avenue des Cnifirences [?]

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

Благодарю Вас за посылку Вашей книги и особенно за надпись: Вы вознаградили меня за клевету и всякие неприятности со стороны противника.[...]

Книга Ваша замечательно логично, свежо написана; она должна убедить всякого человека, беспристрастно подходящего к вопросу.

Разрешите некоторые замечания.[...]

3) стр. 174. «Все, что говорилось против дю-Шайла, или не выдерживает никакой критики, или к делу не относится». Дело в том, что я совершенно не знаю, что «говорилось против» меня или узнал слишком поздно: а) в деревне я получил от Лившица открытый пакет, содержащий документацию на немецком языке. Просил поставить точные вопросы;

ответа не получил; б) от Бруншвига⁹⁴ 19 октября получил письмо относительно моего столкновения с Врангелем. В ответ я ему послал полный текст приговора Севастопольского Военно-Морского Суда о моем оправдании «за отсутствием состава преступления»; с) о показаниях С. С. Нилуса ничего не знаю; d) о показаниях сына Рачковского узнал после процесса, а текст получил от И. М. Чериковера в конце ноября.

4) У меня сохранилась переписка и материалы, свидетельствующие о моем длительном пребывании в Оптиной Пустыни. О моем пребывании может свидетельствовать Митр[ополит] Евлогий и Т. А. Алишеров[?]⁹⁵.

5) Справка из книги «На берегу святой[*sic*] реки» ко мне не относится. Речь идет о французском аббате Морель (Morel), посетившем Оптину, кажется, за год до меня⁹⁶. Аббат Морель — весьма интересная личность и, во всяком случае, не антисемит, был проникнут идеями Владимира Сергеевича Соловьева о воссоединении Церквей для единого фронта против грядущего антихриста («III Разговор»). Его издаваемый в Париже журнал «Revue Catholique des Eglises» был запрещен Римом. Действительно, он верил, что масоны и оккультисты готовят путь антихристу. Аббат Морель гостил в имении Хомяковых, в Смоленской губернии, где и погиб, утонув во время купания в реке.

Вот, глубокоуважаемый Владимир Львович, если Вы напишите мне все, что *говорилось против меня в Берне*, то обещаю Вам интересные ответы (письменные) и сообщение интересной, вероятно, документации.

* * *

5 июня 1938
Saint-Jeoire en Faucigny. Hte Savoie.

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

Готов я написать все, что нужно будет для Ваших новых изданий, но все возвращаюсь к необходимости иметь точный перечень подлежащих разъяснению вопросов. До сих пор не могу выяснить, что говорилось обо мне на Бернском суде.

Знаю, что утверждали, будто бы был я осужден к смертной казни в Крыму. Наоборот, я был оправдан, и приговор был составлен в весьма похвальных для меня выражениях. Относительно Сов. Правительства скажу, что я совершенно, в принципе, не чужд идеи социализма, что не принимаю многих явлений сов. жизни и правит[ельственной] деятельности (например, советское

понимание «свободы совести»), но не могу не сочувствовать когда Правительство Союза совершает национальное дело (например, гос. обороны), возвращается к историческим ценностям (почитание Александра Невского, Суворова и пр.) и к необходимости в общих интересах обеих сторон политики союза с Францией. Это тем больше, что «национальная политика» Сов. Правительства вполне совпадает с интересами Франции.

Впрочем, с этими же оговорками получил с большой благодарностью Вашу новую книгу.

Мне думается, что лучше и целесообразнее было[, если] бы С. Г. Сватиков⁹⁷ составил и прислал мне опросный лист.

С глубоким уважением и искренней преданностью

A. du Chayla.

* * *

26 июня 1938
Saint-Jeoire en Faucigny. Hte Savoie.

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

Обращаю Ваше внимание на P. Charles S.J. Les Protocoles des Sages du Sion. In 12.32 p. 5 panes. Castesmonn ed. 66 me[?] Bonaparti. 66.

Автор, иезуит, доказывает подложность протоколов.

С глубоким уважением

A. du Chayla.

* * *

28 августа 1938
Saint-Jeoire en Faucigny. Hte Savoie.

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

При сем посылаю Вам проспект-набросок ответа в виде письма к Вам⁹⁸. Для окончательного поражения противника я предложил бы напечатать еще три документа фототипическим способом:

- 1) открытку с почтовым штемпелем г. Козельска;
- 2) приказы 101 тех[нической] дивизии о моей боевой службе;
- 3) приказ атамана Богаевского о моем производстве после процесса.

Посылаю Вам свою брошюрку (оттиск) о масонстве, вышедшую в издании «Международного масонского союза».

Примите уверения в глубоком почтении и совершенной преданности.[...]

Приказ 101 див. имеется у меня в официальном французском переводе Российского консульства в Лионе.

4

Генерал барон П. Н. Врангель

ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

Возвращаясь в Севастополь⁹⁹, я на несколько часов остановился в Симферополе, где принял в вагоне ряд лиц, в том числе прибывшего из Евпатории редактора газеты «Евпаторийский вестник» Ратимова, добивавшегося иметь со мной личный разговор. Ратимов ходатайствовал о поддержании издаваемого им органа весьма сочувственного армии направления. Положение газеты в Евпатории было весьма трудное, ибо поддержки со стороны расположенного там штаба Донского корпуса газета не встречала. При штабе корпуса издавалась газета «Донской вестник»¹⁰⁰, и в «Евпаторийском вестнике» штаб корпуса видел конкурента и противника, ибо самое направление донского органа было определено враждебно главному командованию. В подтверждение своих слов Ратимов передал мне целый ряд номеров «Донского вестника». Просмотрев их, я просто оторопел. Орган издавался при ближайшем участии командира корпуса и начальника штаба, что было мне хорошо известно. Редактором состоял начальник политической части, сотник граф Дю-Шайля. О нем я уже ранее имел сведения самого неблагоприятного характера, он принимал деятельное участие во враждебной главному командованию политике донцов.

Оппозиция донского командования не была для меня новой, однако то, что я увидел, превосходило все мои ожидания.

В ряде статей официального органа разжигалась самым недопустимым образом вражда казаков против добровольцев, восстанавливалось казачество против «генералов и сановников», проводилась мысль об отделении всего казачества от России¹⁰¹. Я не знал чему более удивляться, подлости ли изменнической работы лиц, стоявших во главе донцов, или наглости их

открытой, ничем не прикрашиваемой работы. Я предложил господину Ратимову проехать со мной в Севастополь.

Прибыв туда, я немедленно послал за донским атаманом генералом Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского вестника» и предложил лично переговорить с Ратимовым. Оставив генерала Богаевского и Ратимова вдвоем, я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал:

«По соглашению с донским атаманом, приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту [Ф.Ф.] Абрамову. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Келчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следовательно по особо важным делам¹⁰² немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть».

Закончив приказ, я вошел к генералу Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии.

— Да, конечно.., — видимо, с громадным трудом, едва слышно, ответил атаман.

Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения.

Проведенное следствие обнаружило полную виновность генералов Сидорина и Келчевского. Сотник граф Дю-Шайля являлся второстепенным исполнителем. В момент ареста он попытался покончить жизнь самоубийством и тяжело себя ранил. Генерал Сидорин пробовал привлечь на свою сторону офицеров корпуса, однако успеха не имел.

Ознакомившись с результатами следствия, я предал генералов Сидорина, Келчевского и сотника графа Дю-Шайля военно-полевому суду¹⁰³. Суд под председательством генерала Драгомирова¹⁰⁴ приговорил обоих генералов к каторжным работам¹⁰⁵, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы с лишением мундира.

Сотник граф Дю-Шайля, тяжело раненый, лежал в госпитале, и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того, что граф Дю-Шайля был не более как мелкий проходимец, простой исполнитель, и что я нашел возможным смягчить участь главных виновников, суд

сотника графа Дю-Шайля оправдал. Последний выехал за границу и после оставления нами родной земли продолжал враждебную армии политику¹⁰⁶.

5

В. Х. Даватц

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

После падения кабинета Стамболийского [в Болгарии], о корыстных действиях убитого премьер-министра было широко опубликовано новым правительством; к сожалению, я не имею под рукой этих документов. В дознании же, произведенном по поручению нового Министра Внутренних Дел специальной Комиссией «о злоупотреблениях и преступлениях земледельческого правительства в отношении контингентов Русской Армии в 1922 г.», под председательством г. Добриновича, установлено, что «русское советское правительство...» подкупило: Райко Даскалова (Министра Внутренних Дел), Георгия Косовского (главного секретаря Министерства Внутренних Дел), Димитрия Мустанова (Начальника Жандармерии и Общественной Безопасности) и Стаичо Трифонова (Помощника Софийского Градоначальника) с тем, чтобы они совершали в Болгарском Царстве противозаконные деяния, с корыстной целью, в пользу русского советского правительства, т.е. совершили преступление, наказуемое по ст. 146, 428, 431 Закона о наказаниях».

Председатель Совета Министров г. Стамболийский уехал в Геную и имел тесное общение с приехавшим из Москвы Чичериным. Флирт с большевиками переходил скорым темпом в блок, а блок — в прямое подчинение: у всех на глазах совершалась «советизация» Болгарии, причем совершалась она без переворота и восстания, а мирной сдачей позиций, и не при помощи штыков и пулеметов, а при помощи одного московского золота.

«Границы Болгарии, — пишет г. Добринович в своем обвинительном акте, — открываются для большевистских агентов, которые прибывают с целями шпионажа, пропаганды, разрушения и провокации. Первым прибывает генерал Комиссаров — всем известный мошенник-провокатор... Немедленно после него прибывает моряк Сергей Чайкин. Оба образуют шпионскую, конспиративную и провокаторскую

---

* Перечисляются подкупившие лица.

группу, становясь открытыми советниками Даскалова. Комиссаров делается одновременно интимным другом начальника жандармерии. Чайкин — становится интимным другом помощника софийского градоначальника Станчо Трифонова, постоянно сидит в градоначальстве, как свой человек». К этой группе «присоединяются еще: Иван Дмитриевич Анисимов (полковник и член большевицкого военного совета в Москве), начальник сети шпионажа на Балканах, Борис Николаевич Краснославский (Шапошников), Роберт Петрович Озоль*, по прозвищу Барон, подписывающийся Ловягиным (убийца незабвенного болгарского генерала Радко Дмитриева), Семен Фирин (Гольдштейн), родственник Троцкого, Александр Грузенберг, Булацель, юнкер Володя — художник-каллиграф, гардемарин Шурка, Филька, Юрий Грузин и Герман — все русские большевики». К этой почтенной группе присоединился «болгарский коммунист Александр Димитров, присланный из управления болгарских коммунистов» и «русский большевик, французской народности, граф дю-Шайля». Имеются доказательства, что с графом дю-Шайля неоднократно совещался сам министр-председатель Стамболийский.

РЕЗЮМЕ

Граф Александр Максимович Дю-Шайла (1885 - ум. после 1938) — загадочная фигура в оптинском окружении С. А. Нилуса. Его загадочность, пожалуй, сравнима лишь с непроницаемой завесой вокруг деятельности земляка Александра Максимовича, магнетизера Филиппа¹⁰⁷, так же как он родившегося в колыбели французской революции Лионе и посетившего Россию накануне революционной смуты. «Народный целитель» и простой «сын мясника» попытался основать мартинистскую ложу при Дворе Императора Николая II. Действиями месье Филиппа руководил известный маг, доктор Папюс (А. Жерар), Великий магистр Восточного Ордена Храма и Ложы Мемфиса и Мицраима во Франции. Показательно, что Дю-Шайла, будучи прекрасно осведомленным о деятельности того и другого (см. серию его статей «Монархическая идея и действительность», 1921), даже в конце

---

* Озоль, Комиссаров, Чайкин и дю-Шайля образовали русскую большевицкую чрезвычайку, по приговору которой был убит Агеев (за измену большевикам) и — как опасный противник — генерал Покровский.

1937 г. упорно отрицал принадлежность Папюса «к настоящему масонству».

Трудно объяснить, для чего это понадобилось графу, активно включенному в работу обвиняющей стороны на Бернских процессах¹⁰⁸.

По-видимому, интерес к масонству проявился у этого на редкость многостороннего и трудолюбивого человека достаточно давно. Так, уже в частной беседе с С. А. Нилусом 4.9.1909¹⁰⁹ он проявляет недюжинное знание предмета. Непонятно только, зачем ему понадобилось отрекаться от этого и других подобных разговоров, зафиксированных Нилусом в «На берегу Божьей реки» (ч.1)¹¹⁰? Ведь Сергей Александрович совершенно определенно именуется «нашего француза» «виконтом» («На берегу...», 4.4.1909), уроженцем Лиона (4.9.1909), проживавшим в их «корчемнице», в которой «кого, кого только не перебивало!» В записях Нилуса несложно отыскать дату предполагаемого (31.10.1909) и реального (2.11.1909) отъезда Дю-Шайла из Оптиной, — дату более точную, чем «француз» укажет в 1922 г. сам (10.11.1909). Подлинная дата и другие записи С. А. Нилуса находят подтверждение в Скитской Летописи и Дневнике послушника Николая Беляева, печатаемых ниже в разделе «Оптинская смута...».

Тем не менее, в письме к историку революционного движения Владимиру Львовичу Бурцеву (1862—1942) Дю-Шайла замечает мимоходом: «Справка из книги «На берегу святой [sic] реки» ко мне не относится. Речь идет о французском аббате Морель (Morel), посетившем Оптину, кажется, за год до меня» (27.2.1938)¹¹¹. Таким образом, граф, не отрицая своего пребывания в Пустыни, утверждает, что в малознакомой ему книге Нилус рассказывает не о нем, а об аббате Морель... Да, возможно, здесь сбылось простодушное пророчество воспитанницы Нилусов Любочки, сказанное в день отъезда «нашего француза» о том, что «надо будет ему на молебне [о путешествующих] пропеть и вечную память». Ведь «он так далеко едет, а на дороге мало ли еще что может с ним случиться» (На берегу..., 30.10.1909)...¹¹²

«Оптинский период его жизни кончился, наступает новый. Помоги ему, Господи!» — напутствовал Сергей Александрович своего любознательного гостя¹¹³. И молитва его не осталась неслышанной. Поначалу жизнь прошедшего монастырский иску «виконта» протекала вполне благочестиво. Благодаря рекомендациям члена Св. Синода митрополита Антония Санкт-Петербургского и его обер-прокурора

В. К. Саблера Александр Дю-Шайла поступает в Петербургскую Духовную Академию. А уже в следующем году выходит его французский перевод труда другого влиятельнейшего архипастыря Церкви, Антония (Храповицкого): *S. Em. M-gr Antoine, Archeveque de Volhynie et de Jitomir. L'idée morale des dogmes de la T.S. Trinite, de la divinite de Jesus Christ et de la Redemption/ Trad. d'après la troisième ed. rus. par le C-t A.M. du Chayla. Paris, 1910.* «Среди прочих труд графа А. Дю-Шайла нельзя не признать удачным как по выбору интересного трактата, так и по выполнению перевода, ясному, точному, почти буквальному и вместе с тем вполне литературному», — писал рецензент в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» (20.8.1911, № 34. С. 1461). — Вспомним, что в Оптиной, по просьбе архимандрита Ксенофонта, Нилус преподавал графу литературный русский язык, а в юности Дю-Шайла мог слышать о важности хорошего знания языка страны, в которой собираешься проповедовать, от своих воспитателей-иезуитов.

С 1914-го по 1920 г. Дю-Шайла на военной службе, закончившейся печально, — дознанием и бегством от трибунала после инсценированной попытки самоубийства. Об этом, правда, не было упомянуто в редакционной врезке газеты «Последние новости», поместившей сенсационные мемуары Дю-Шайла о С. А. Нилусе ровно через год после сообщения о его военном преступлении (19.4.1920). Со стороны редакции такая оплошность вполне объяснима: П. Н. Милюков, параллельно с «Еврейской трибуной»¹¹⁴ предоставивший печатную площадь Дю-Шайла, вступил в редакторскую должность лишь с февраля 1921 г. — Пришло время исполнения второго пророчества, сказанного графу самим С. А. Нилусом, — о «лжецах, по воле Божией возвевающих правду».

О времени проживания (точнее, как всегда, — службы) Дю-Шайлы в Болгарии сохранилось мало сведений. Однако, можно совершенно определенно утверждать, что его близость «идее социализма», не ограничивалась одной лишь идейной областью.

Свидетельства Дю-Шайла о жизни Нилуса ценны именно тем, что писались совершенно с определенным подтекстом и послужили в качестве якобы «неоспоримого» источника для всех позднейших инсинуаций вокруг имени С. А. Нилуса. Воспоминания написаны живым языком, очень уверенным тоном, так что у неосведомленного читателя (особенно после декларации «боевого прошлого» мемуариста) должны рассеяться все сомнения относительно истинности самих показаний Дю-Шайла. А уверенности виконту могло прибавить хорошее знание

того, что могло быть извлечено из фондов советского Централархива теми (если таковые обнаружались бы в СССР), кто пожелал бы схватить его за руку. — Ничего опасного, чтобы поколебать уверенность в его правдивости и объективности. ...Но лишь на тот момент. Дю-Шайла не знал и не мог знать о двух недоступных ему источниках, содержащих сведения, полностью подтверждавшие его описание Нилусом в «На берегу Божьей реки». Первый источник — Скитская Летопись, которая не проходила ни по одной архивной описи, ибо не была еще к тому времени учтена и описана (это произошло только в 1953 г.)¹¹⁵. Второй — Дневник послушника Николая Беляева — вообще на госхранении никогда не содержался, а лежал у духовной дочери старца Никона (Беляева) монахини Марии (Добромысловой).

Показания Дю-Шайла, дававшиеся им на Бернском суде, а также сведения, сообщенные Бурцеву, требуют отдельного исследования, как, впрочем, и его дальнейшие отношения с наставниками юности — иезуитами. Нас же интересует не разоблачение этого умелого провокатора, а те ценные черты в облике Сергея Александровича Нилуса, которые в мемуарах Дю-Шайла безусловно содержатся. Именно благодаря его близости к великому русскому писателю мы не забыли и о «нашем французе», «Ажеце, возвецающем правду»¹¹⁶.

ОПТИНСКАЯ СМУТА И КОНЧИНА СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ

1

И. М. Концевич

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ

(Фрагменты)

...Уменьшились не «сила и слава» старцев, а число верующих.

Возникновение оптинской смуты берет начало с далеких времен, а именно с момента кончины великого старца о. Амвросия.

Калужский еп[ископ] Виталий¹ был враждебно настроен по отношению к покойному старцу Амвросию из-за своего непонимания сущности старчества. [...] Он намеревался вывести насильно из Шамордина² о. Амвросия, который там отдавал свои последние силы на созидание этой обители, и застал старца в гробу.

Такое непонимание постигло и старца о. Анатолия [Зерцалова]. Это было делом «ревностных» лиц из мирян, которые опасались за судьбу о. Иосифа.

Действительно, в эту минуту положение о. Иосифа не имело той твердой почвы под ногами, подобно той, какой пользовался о. Амвросий, несмотря на то, что считался по болезни «на покое». Его «начальник» о. Анатолий с благоговением стоял перед ним на коленях и считал себя его учеником. Теперь же отношение к о. Иосифу во многом зависело от о. Анатолия — начальника скита.

Тихий, смиренный, скромный о. Иосиф казался своим защитникам неспособным сам себя отстаивать. В его жизнеописании указано, что еще при жизни старца Амвросия, в бытность его в Шамордине «прошел слух», будто о. Иосифа хотят выселить из хибарки о. Амвросия. Ему советовали поехать жаловаться старцу. Однако о. Иосиф отнесся к этим «слухам» безразлично. Эти советы и были началом последующих интриг против скитоначальника о. Анатолия.

Когда же скончался о. Амвросий, эти защитники о. Иосифа нашли способ восстановить епархиального архиерея против о. Анатолия. Из-за того же непонимания природы старчества еп. Виталий не мог судить о духовности

о. Анатолия и испытывать к нему уважение, подобно еп. Игнатию (Брянчанинову), беседовавшему с ним об умно-сердечной молитве. Он поверил клевете и отстранил о. Анатолия от старчества в Шамордине и даже запретил ему въезд в обитель.

Батюшка о. Анатолий очень тяжело переживал это запрещение. Выйдет, бывало, на большую дорогу до того места, откуда видна Шамординская обитель, и велит кучеру остановиться, посмотрит в ту сторону, слезы потекут из глаз, и велит ехать обратно. О. Анатолий преставился вскоре после о. Амвросия (1894).

Когда старца Анатолия не стало, положение его ближайших учеников оказалось нелегким. О. Варсонофий ушел в затвор. В течение десяти лет он занимался изучением святоотеческой литературы и молитвой Иисусовой. В это время его духовником был о. Нектарий, который также, как и он, в свое время был духовным сыном старца Анатолия. Об этом о. Нектарий свидетельствует сам в жизнеописании о. Амвросия*.

Между ним и о. Варсонофием сохранилась близость до конца жизни.

Когда началась японская война, о. Варсонофий был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете имени преп. Серафима. Как довелось слышать, в скиту опасались этого умного, образованного и способного быть властным человека. Другой ученик о. Анатолия, о. Венедикт, из белого духовенства, был назначен настоятелем Боровского монастыря³. [...]

Когда же по окончании войны о. Варсонофий вернулся обратно в Оптину Пустынь, о. Иосиф уже настолько состарился и ослабел, что управлять внешними делами скита был уже не в состоянии. К тому же некоторые люди делали злоупотребления, пользуясь его добротой и мягкостью, и на скиту оказались долги. От Синода была прислана ревизия. Он подал на покой, зная, что того желают епархиальные власти. А на его место скитона начальником был назначен о. Варсонофий, возведенный в сан игумена.

Но какой мудростью должны были бы обладать духовные чада о. Иосифа, чтобы взглянуть на эту перемену безпристрастным оком? Ведь о. Иосиф был столпом старчества, непосредственным преемником и учеником о. Амвросия, продолжателем традиции великих старцев. А о. Варсонофий, поступивший уже после кончины о. Амвросия, казался им человеком пришлым, чужим. Почувствовали себя обиженными за своего старца и Шамординские сестры,

---

* Схиархимандрит Агапит (Беловидов). Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца перосямонаха Амвросия. М.: Издание Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. Ч. 1. С. 134. — *Сост.*

хотя о. Иосиф продолжал старчествовать и руководить ими. В Оптиной снова стало два старца... Понятно, что при создавшемся положении у о. Варсонофия со многими из старшей братии были лишь официальные отношения, как было с о. Илландором, которому он дал «на дорогу» горсть леденцов в день его смерти⁴.

Между тем, новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в скиту: он внес в его казну 60 тысяч рублей личного своего капитала, уплатил долги, ремонтировал скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допускавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии, был полон о них забот. Он не стеснялся смирять, когда это требовалось. Но к кающимся о. Варсонофий был милостив и говорил, что тех, кто не хочет спастись по доброй воле, тех надо спасать силой, и силу эту применять умел. И многие из числа братии, не говоря о тех, которые поступили уже во время его управления, были всецело под его влиянием, испытав на себе всю пользу от его мудрого, благодатного руководства. В Шамордине, куда поступали его духовные дочки, им приходилось смиряться перед Иосифовскими «дочками», которые имели над ними старшинство.

Особенно много занимался о. Варсонофий с интеллигентной молодежью, посещавшей Оптину Пустынь, и был единственным старцем оптинского скитского братства. До сих пор дело ограничивалось только натянутыми отношениями между Варсонофиевскими и Иосифовскими учениками и ученицами. У коренных оптинцев все же царил в конце концов дух смирения, да и влияние духовников оо. Анатолия (Потапова), Феодосия⁵ и Нектария, употреблявших все силы для поддержания мира, делало свое дело. Например, когда о. Варсонофий опасно заболел и послал к о. Иосифу просить благословение на принятие схимы, в этот момент в кельи о. Иосифа оказался его духовник о. Нектарий, который и настоял на том, чтобы это благословение было дано.

Много было у о. Варсонофия неприятностей после кончины о. Иосифа. Разные лица предъявляли свои претензии, кто относительно своих процентных бумаг, кто — вещей, якобы оставленных на хранение у о. Иосифа, и т.п. Были и личные обиды на о. Варсонофия. Например, в скиту скончался о. Даниил (Болотов), родной брат Шамординской игуменни Софии (Шамординские сестры звали его «Дядюшкой»). Он много потрудился в деле христианской проповеди среди интеллигенции. С целью проповеди

его часто отпускали из монастыря в мир. Перед смертью он хотел принять схиму. Но о. Варсонофий указал ему на несовместимость его апостольского подвига с обетами схимы, требующими полного отречения от мира. Он спросил его, согласен ли он отказаться от своей апостольской проповеди в случае выздоровления. Подумав, о. Даниил отказался от схимы и так скончался простым иеромонахом. Родственники его не могли простить этого о. Варсонофию.

Между тем, подземная работа врага рода человеческого не ослабевала⁶. Им готовилась катастрофа. С целью добиться упразднения старчества и закрытия скита новые монахи являлись из упадочного предреволюционного мира. Им дела не было ни до о. Варсонофия, ни до о. Иосифа. Им нужно было свергнуть существующую власть и захватить в свои руки начальственные должности.

Таковыми людьми оказались иеромонах Патрикий⁷ и монах Георгий⁸. Они затеяли бунт, вещь доселе неслыханную в Оптиной Пустыни. Конечно, это была лишь небольшая горсточка братьев. (В Оптиной Пустыни до войны было 300 человек братьев). Настоятель архимандрит Ксенофонт, строгий монах, но несколько слабый в управлении, послал за скитоначальником о. Варсонофием, который сразу усмирил бунт, умиротворил братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта. Последние не сложили оружия и подали жалобу в Синод и одновременно донос на о. Ксенофонта, будто он неправильно ведет лесное хозяйство. Их жалоба и донос нашли в Синоде благоприятную почву. Уже давно находились люди, недовольные о. Варсонофием, пока некая Мария Михайловна Булгак, рожденная Бартенева, начальница Гродненской гимназии и крайнеправая политическая деятельница⁹, не произвела того взрыва, который был причиной отъезда о. Варсонофия из Оптиной Пустыни.

Произошло это так. Сначала эта особа проявила обожание к о. Варсонофию. Она обещала завещать скиту Оптиной Пустыни свой капитал в сто тысяч рублей*.

Но на этом основании она решила, что ей дозволено распоряжаться в скиту. Произошел конфликт, и Мария Михайловна возненавидела о. Варсонофия. Одно время она собиралась поступить в Шамординскую обитель. Узнав об этом, о. Варсонофий покачал головой и сказал: «Ох! И набулгачит же там Булгак!» Желая отомстить о. Варсонофию, Булгак

---

* М. М. Булгак оставила свой капитал на содержание и пропитание своих двух собак, о чем, как о курьезе, было написано в газете «Новое Время».

явилась в политический петербургский салон графини [С.С.] Игнатъевой, где можно было встретить епископов членов Синода, и выложила там весь багаж привезенных из Оптиной клевет и сплетен. Проверять слухи поехала в Оптину Пустынь сама гр. [С.С.] Игнатъева. Она сделала визит настоятелю о. Ксенофонту и заявила, что также сделает визит и о. Варсонофию, но как скитона начальнику, а не как старцу. О. Варсонофий попросил М. Н. Максимович, супругу варшавского генерал-губернатора, присутствовать при приеме графини. Последняя почти безвыездно жила в Оптиной Пустыни и была тихая и смиренная старушка. Она вела разговор с графиней, а о. Варсонофий молчал. Вернувшись в Петербург, графиня доложила членам Синода, посещавшим ее салон, что в келье скитона начальника стояли цветы и что чай разливала дама.

В результате всех этих жалоб и слухов Святейший Синод назначил ревизию. Для ведения следствия был назначен епископ Серафим (Чичагов). Он прибыл в Оптину Пустынь под 1-е января 1912 г. и после всенощного бдения выступил для произнесения проповеди. Он начал с того, что монахи бывают послушными и непослушными. Все ожидали, что речь коснется удаленных за бунтарство монахов, их своеволия и непокорности. Но каково было всеобщее горестное изумление, когда он начал грозить и поносить оо. настоятеля и скитона начальника, двух старцев, склонивших перед ним свои убежденные головы и поддерживавших его под руки.

«Какой ты старец?» — крикнул епископ на о. Варсонофия.

Смиренный игумен ответил кротко:

«Я не самовольно старчествовую, Владыко, меня Синод назначил».

Народ, свидетель этого, покидал собор возмущенный и взволнованный.

На другой день епископ Серафим собрал братию и поставил вопрос о принятии обратно удаленных за бунт монахов. О. архимандрит Ксенофонт соглашался их принять, «если покаются». Но старец о. Варсонофий отнесся отрицательно, говоря, что он не верит в их покаяние. Но монастырская братия, видя, что обратный прием этих бунтовщиков епископу желателен, стали давать со страху ответы уклончиво. К сожалению, столпы оптинские, оо. иеромонахи Анатолий, Нектарий и Феодосий отсутствовали... Смутьяны были не только приняты, но даже один из них был назначен казначеем¹⁰.

После этого твердая и непоколебимая жизнь в Оптиной Пустыни была нарушена. Старец о. Варсонофий был назначен настоятелем монастыря

в Голутвине. Мирянам, жившим вокруг обители, было предложено выехать и пребывание богомольцев было ограничено 10-ю днями. Был даже поднят вопрос о закрытии скита и о прекращении в Оптиной Пустыни старчества. К счастью, это не было исполнено. Отец архимандрит Ксенофонт оправдался от обвинений, но вскоре умер от пережитых огорчений. Его заместителем стал о. Исаакий Второй¹¹. Скитоначалником был назначен о. Феодосий, духовный сын старца Варсонофия. С ним вместе старчествовали в скиту о. Нектарий и бывший келейник старца Амвросия, о. Анатолий (Потапов). Между тремя старцами царило братолюбие и согласие. Но отголосок смуты между братии не был изжит до конца существования Оптиной Пустыни.

2

**Письмо обер-прокурора Св. Синода
В. К. Саблера
Архимандриту Ксенофонту (Клюкину)**

27 января 1909
Санкт-Петербург

Ваше Высокопреподобие Отец Архимандрит.

По благословению Владыки Митрополита Антония¹² в Оптину Пустынь направляется француз Виконт дю Шайла. Года три тому назад он присоединился к Православию и ныне приехал в Петербург, желая поступить в Духовную Академию. Владыко посоветовал ему ближе ознакомиться с церковным и монастырским уставом и с сею целью указал ему на Оптину Пустынь. Благоволите с любовью принять его и направить в Скит. По-русски он понимает сносно.

Прошу Ваших молитв, Ваш покорный слуга

Владимир Саблер.

Дневник послушника Николая Беляева¹³

1908 год

5 марта

Вчера вечером я окончил читать псалтирь в 8 часов и пошел к Батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с Батюшкой. [...]

Потом Батюшка вместе с собой посадил меня на диван и, обняв, сказал: «С первого же раза я расположился к вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить. Живите здесь. Одно только мешает — военная служба... Ну, и это, Бог даст, ничего. Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни — смирение. Есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет. Можно даже без всяких дел смирением спастись».

Здесь пришел келейник о. Никита¹⁴, приготовил Батюшке что нужно в келье, взял у Батюшки благословение на сон, простился со мной и ушел. А Батюшка продолжал: «Это время, когда я был болен, я уже не думал, что встану. Но за меня стали молиться, и мне дана отсрочка. Есть одна блаженная, она видела сон: как будто она подходит к скиту и видит, что меня через св. ворота выводят из скита какие-то муж и жена. «Я, — говорит, — и спрашиваю: «Куда же вы выводите Батюшку?» — «В монастырь». — «Зачем же вы его в монастырь? Ведь в монастырь из скита, только когда умрет, выносят, а Батюшка в скиту нужен. Оставьте его». — «Никак нельзя». Тогда я со слезами начинаю просить: «Да оставьте его, пожалуйста!..» Тогда муж тот и жена стали советоваться и решили, что можно оставить, и увели опять в св. ворота, в скит». Это она рассказала Нилусу, а он — мне. Ему она это рассказала, когда я еще был здоровехонек, за несколько времени до болезни, и говорила, что из этого она заключает, что со мной должно что-то случиться.

Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в своем сердце, и не тесно там. Но что поделаешь? Не хотят некоторые, сами не идут. Да и их я не виню. Все это дело дьявола, они не виноваты.

И против о. Иосифа ничего не имею, Бог с ним. Правда, были на меня гонения, да Господу вот как угодно было сделать...» [...]

16 апреля

[...] Сегодня за трапезой читал один манатейный монах. Он мне казался всегда довольно странным, грубым, даже холодным; и вот сегодня он читал очень хорошо, с чувством, с выражением, по обыкновению — и вдруг заплакал от умиления. Он, по-видимому, очень сдерживал себя и продолжал читать далее. Вот как можно обмануться в человеке. Поэтому никогда нельзя осуждать кого-либо, особенно по наружному поведению и виду. Удивительная это страсть, и трудно с ней бороться. И не хочешь осуждать, а все-таки осуждаешь.

Примечание И. М. Беляева¹⁵

По праздникам в трапезе читали поучения или сказания старшая братия — манатейные монахи. В данном случае читал, очевидно, о. Патрикий. По поступлению и по постригу он был старше некоторых иеродиаконов и иеромонахов. Почему он не имел священного сана, я никогда не выпытывал у него. Он действительно был несколько замкнутым. Был старшим на правиле. Читал множество книг. Иногда в словах бывал резок. Помню, что-то грубоватое сказал он о. Нектарию, чем вывел его из равновесия. Это случалось на моей памяти два раза. Когда о. Нектарий расстраивался, он выражал свое неудовольствие особым способом, как и в этом случае. Тут же, в присутствии обидчика, он обратился к о. Афанасию (тоже уже старей) и произнес: «О. Афанасий! Скажи о. Патрикию, что он — невежа!..» И быстро удалился. Впоследствии, когда о. Нектарий стал старцем, о. Патрикий пошел к нему с каким-то вопросом, именно как к старцу. Вопрос какой-то был сложный, и о. Патрикий, как признавался, не думал, что о. Нектарий может его разрешить. Вернувшись от старца, он с изумлением сказал: «Как велика сила старчества! Отец Нектарий разрешил такой вопрос, который впору разрешить было бы только великому старцу!» Читать о. Патрикий мог очень хорошо, так как всегда винкал в суть читаемого и проникался чувством. Вот это-то и поразило брата.

30 апреля

[...] Вчера с полчаса девятого до 9¹/₂ часа вечера оба были у Батюшки¹⁶. Все время спрашивал почти я один у Батюшки о своих недоумениях и вопросах, а Иванушка только слушал. Вот я и думаю, с Божнею помощью, записать про вчерашнее. [...]

«У Батюшки Амвросия не было особенно приближенных учеников, только вот о. Анатолий был действительно приближенным, его сотаинником, так сказать. Врагов у него не было, он всех любил, даже тех, которые его не любили, он их как бы более любил, чем других. А также были и сейчас есть в монастыре, которые не могут слышать про Батюшку о. Амвросия. Воистину, «несть пророк без чести, разве во отечествии своем» [ср. Мф. 13, 57]. Преп. о. Серафима Саровского почитала вся Россия, а в монастыре его ненавидели... Да. «Несть пророк без чести, токмо во отечествии своем»...

31 мая

[...] Когда мы были на даче, я ночевал в одной комнате с Батюшкой. Обыкновенно ночью я не просыпаюсь и сплю очень крепко, но там я проснулся среди ночи и увидел, что Батюшка зачем-то встал с дивана, на котором он с вечера лег, и стоял не одеваясь. Смотреть, что делает Батюшка, я счел неудобным, а потому повернулся к стене и быстро заснул. Когда Батюшка приехал вечером, он мне сказал: «Какой страшный сон видел я в ту ночь, когда мы вместе с вами ночевали на даче, я даже встал и помолился...» Я сказал Батюшке, что заметил, как он проснулся среди ночи. Тогда Батюшка рассказал мне этот сон и прибавил: «Да, теперь я знаю, как врагу ненавистен наш скит...» Этот сон я записывать не буду, ибо Батюшка, рассказав его, счел нужным предупредить меня, что об этом я не должен говорить кому бы то ни было...

Давно я пометил у себя о Батюшкиной беседе, бывшей 15 марта сего года. Много Батюшка говорил, поэтому записать эту беседу мудрено. Говорил Батюшка и о страшной силе гипнотизма. Воистину, это страшная сила. Обыкновенно этой силой пользуются колдуны, чародеи и другие злые люди для совершения зла. Например, приказывают человеку убить себя, и он убивает. Почти единственной, если не единственной силой против него является Иисусова молитва.

**Летопись Скита
во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня,
находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни**

1909

Июня, 2

В Скиту поселился прибывший в Оптину Пустынь минушею зимою и до сего дня проживавший в монастырской гостинице молодой француз граф дю Шэла [sic]. Сын ревностных католиков, воспитанный в незуитской школе в Лионе, граф усумнился в чистоте римского верования и решил познакомиться с вероучением Православной Церкви. Наставленный в истинах его настоятелем нашего храма в Женеве, граф принял православие и прибыл в Россию для получения богословского образования. По совету Митрополита С.-Петербургского, он приехал в Оптину Пустынь, чтобы ближе узнать монашество и пользовался пребыванием в Опт[иной] Пустыни писателя Нилуса, чтобы выучить русский язык. Достаточно ознакомившись с ним, граф, по предложению о. Скитона начальника, переместился в Скит и занял большую половину в корпусе, некогда отстроенном для ученого Оптинского инока о. Климента (Зедергольма)¹⁷.

Июня, 4

Вчера в 10-м часу вечера прибыл в Оптину Пустынь преосв. Вениамин, епископ Калужский¹⁸. [...]

В 1-м часу [владыка Вениамин] прибыл в сопровождении о. Оптинского настоятеля в скит. Встреченный в св. вратах о. скитона начальником и братией, владыка при колокольном звоне проследовал в храм Св. Предтечи, при входе в который его ожидал неромонах о. Нектарий с Животворящим крестом и св. водою. Приложившись к кресту, владыка вошел в храм и направился в алтарь Предтеченского придела, где приложился к св. престолу и находящейся на горнем месте чтимой Тихвинской иконе Богоматери. Затем, выйдя на амвон, преосвященный обратился к братии с кратким словом. Пожелав им счастья и в разум истины прийти, присовокупил, что дня не проходит, чтобы он не вспомнил об Оптиной Пустыни и честном ея ските. Братия ответила на слова владыки глубоким поклоном благодарности. Потом владыка обратился с приветливым

словом к присутствовавшим в храме старцу о. Иосифу и к о. скито-начальнику и затем пожелал видеть графа дю Шэла, с которым немного поговорил и выразил желание видеть предоставленное ему в скиту помещение. Оттуда преосвященный прошел в новый скитский храм¹⁹. [...]

5

Дневник послушника Николая Беляева

6 июня

[...] 3 июня в 8 вечера к нам в Оптину приехал Калужский Преосвященный Вениамин²⁰. Мы, скитяне, ходили встречать его в монастырь. А 4 июня Владыка служил литургию. [...] Около часа Владыка приехал в Скит. Был дождь. Мы все встретили его. Владыка прошел в старый храм, затем к французскому графу Ди-ша-ля [sic], который помещен Батюшкой в нашем корпусе, насколько помню, 2 июня. Относительно графа скажу потом. От графа Владыка пошел в новый храм, затем к Батюшке, потом к о. Иосифу. От отца Иосифа Владыка прошел к св. вратам и отправился к о. Архимандриту на обед.

Кстати уже о графе. Его зовут Александр Максимович. Уверовав в истину Православия в далекой Франции, насколько помню в г. Лионе, он там же и решил перейти в Православие, что и сделал. Ему около 25 лет. Мать простила его, но отец не прощает и, кажется, проклял. Он, приехав в Россию, был у митрополита Антония. Тот указал ему Оптину. И он жил на гостинице несколько месяцев. Он думает поступить в Духовную Академию. [...]

12 июня

[...] В святоотеческом писании говорится, что старец иногда сам не знает, что для чего он делает. Часто только через год или два становится ясным, почему сделал такое-то дело старец. Господь внушает старцу сделать и выставляет некоторую причину, но не главную, которая сама собою выйдет наружу, когда дело будет сделано. [...]

13 июня

Сегодня Господь сподобил меня, грешного, принятия св. Христовых Таин вместе со всею скитскою братиею. Батюшка не приобщался по множеству исповедников и исповедниц. Французский граф приобщался. Ему было очень трудно готовиться, т.е. принимать пищу без масла, ибо это для него непривычно. [...]

14 июня

Все идут дожди и дожди. И у нас в Скиту, и, как слышно, повсеместно молятся о прекращении дождя. Это, кажется, уже третье или четвертое лето сырое и дождливое. [...]

5 июля

[...] Сегодня в Троице-Сергиевой Лавре торжество. Все представители от больших монастырей должны уже быть там, а может быть, они все и служат. А мы здесь служили после литургии молебен о здравии Батюшки. Молебен был не для всей братии, а я просил обыкновенный. Нас было всего 4 человека. Мне сказали, что сегодня день рождения Батюшки.

27 сентября

[...] Затем Батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так: «Лучше умру, а не уйду из Скита!» К Батюшке был не расположен скитоначальник о. Иосиф, будучи раздражаем по действию днаволю другими. Зная это, я спросил Батюшку:

— Как же вы относитесь к о. Иосифу?

— Я относился к нему как к своему начальнику. На все я брал от него благословение. Например: выйти из Скита и прочее. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их о. Венедикту, и то решился на это не иначе, как с благословения о. Иосифа. Я веровал, что через него, как через поставленного на сие место, действует благодать. [...]

29 сентября

Вторник

27 числа в воскресенье Батюшка сказал мне: «Если Богу угодно будет, вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре, но знайте заранее, что это — тяжелый крест. Свв. отцы сказали, что самых тяжелых

креста два: первый крест — царя, второй — настоятеля обители иноческой... Заметьте, ведь это было сказано еще в то блаженное время. А уж про настоящее время и говорить нечего... Батюшка о. Амвросий говорил: «Монаху простому нужно терпения воз, а настоятелю — целый обоз». [...]

27 мая 1910 г.

Вознесение

[...] Есть времечко, думаю записать то, что давно хотел записать. Было это 26 октября 1909 года, перед моим призывом на военную службу. Батюшке очень хотелось, чтобы я остался. [...] Теперь начну записывать и отдельные выдержки из беседы, и общий их ход.

«[...] В миру не дал мне враг заняться молитвой Иисусовой. Вот я и думал — займусь ею в монастыре. А здесь поднял на меня всю братию. Хоть уходи из Скита. Вот как ненавистна ему молитва. А теперь ничего не вижу. Весь разобран там... — Батюшка показал рукой на женскую половину. — Конечно, по времени лепечу молитву. Уж не знаю, снимет меня Господь с сего поста или уж здесь придется умереть...» [...]

6

Летопись Скита...

Ноября, 2

Упомянутый в сей летописи под 2-м июня граф дю Шэла выбыл из Оптиной Пуст[ыни] в С.Петербург.

Ноября, 19

По самочинному распоряжению помощника скитского эконома рясофорного монаха о. Максима²¹ срублены две прекрасные липы около нового братского корпуса, что за новым скитским храмом. Такое самочиние вызвало великое негодование о. скитоначальника, который помянул, что еще покойным старцем о. Амвросием было заповедано хранить растущие на сем месте липы. С о. Максима временно снят рясофор²².

Дневник послушника Николая Беляева

23 ноября

Понедельник

[...] Насколько помню, 19 числа я увидел, сидя в келлии своей, что падает дерево. Я стал смотреть внимательно и увидел, что это дерево тянут за веревку помощник о. эконома с рабочим. Меня словно в жар бросило. Я только что утром слышал, как Батюшка говорил: «Пока я в Скиту, я не позволю ни одной ветки срубить...» Поэтому я подумал, что это делается без ведома Батюшки. И тем более, что про эти деревья мне Батюшка рассказывал следующее летом, во время вечерней прогулки: «Вот здесь стоят два-три дерева, липы. Незадолго до моего поступления Батюшка о. Амвросий, указывая на эти деревья (тогда их было очень много здесь, целая рощица), заповедуя беречь их, сказал: «Приедет барин и будет здесь жить, а в этой рощице будет чай пить». Вскоре приехал я, и меня назначили как раз в этот корпус, и, вероятно бы, я пил чай. Но их почти все срубили. Остались эти два-три дерева...» Это находится за южной стороной нового храма, между двумя корпусами. И вот я вижу, что эти деревья срубили. Теперь там ни одного деревца нет. Я пошел и сказал Батюшке. Батюшка, узнав, призвал помощника о. эконома, сделал выговор, снял рясофор с него и поставил на поклоны в трапезе. Батюшка хоть и покрыл меня, но все-таки догадываются, что сказал я. Быть может, придется потерпеть какие-либо скорби из-за этого, но я не мог смолчать. Да будет во всем воля Божия!.. [...]

6 декабря

Воскресенье

[...] На днях я был свидетелем благоразумия Батюшки, рассуждения, любви, смирения и даже не знаю, что сказать. Есть в монастыре монах, уже старый, лет пятьдесят живущий в монастыре. Мне Батюшка говорил про него, что его не могли сморить ни о. Исаакий, ни о. Досифей, ни теперь о. Архимандрит Ксенофонт. На все обличения он отвечал грубостями и дерзостями. Вот на этого монаха поступила к Батюшке жалоба от монастырских братьев. Батюшка решил позвать к себе этого монаха. Он пришел. На первое же слово Батюшки

он начал говорить дерзости и грубости и даже закричал на Батюшку. Ворча и угрожая, вышел он от Батюшки и ушел. Батюшка позвал казначея и благочинного и сказал им, чтобы с него была снята мантия и даже рясофор. Но монах не послушался и сказал, что не желает этого. Тогда Батюшка сумел распорядиться так, что этот монах пришел неузнаваемый к Батюшке, упал на колени с плачем, прося прощения и благословения, изъявляя покорность. Батюшка тотчас же простил: «Бог тебя простит». Но монах, не вставая с колен, все просит прощения. «Бог простит, меня прости», — говорит Батюшка и, успокоив немного монаха, отпустил его. Когда я вошел, Батюшка сказал мне: «Это — чудо! Слава Тебе, Господи!» Батюшка встал перед иконами и помолился. Всякому понятно, что Батюшка все это делает для пользы братьев, т.е. смиряет и утешает, и все другое. А о смирении Батюшкином я уже не буду и говорить.

10 декабря

Четверг

Сейчас, когда Батюшка ложился отдохнуть после обеда, я был возле него, и, между прочим, Батюшка сказал мне так:

— Знайте, что вы меня похороните. Мне уже недолго осталось жить...

Я, помолчав, сказал:

— Как?

— Похороните, конечно, не один, а вместе со всею братиею. Но чувствуется мне, что вы будете при мне, что вы закроете мне глаза и, быть может, взгрустнете. Нет, мол, уже Батюшки Варсонофия... Но в каком чину вы тогда будете — я не знаю...

19 декабря

Суббота

[...] Когда я пришел к Батюшке сегодня в 2 часа, Батюшка мне рассказал, что он недавно, в 10—11 часов, чуть было не попал в смертельную опасность, а именно: в варенье ему попало шарообразного вида с острыми углами хрустальное стекло. Конечно, если бы Батюшка по неосторожности проглотил его, то умер бы от этого. [...]

Сейчас приходил к Батюшке монастырский ризничий-пономарь. Когда я вошел к Батюшке после его ухода, Батюшка мне сказал: «Страшные вещи сейчас рассказал он мне, страшные вещи про одного монаха. Что будет тогда, когда Оптина Пустынь наполнится такими людьми... Я, конечно, не доживу, а вам придется бороться с этим. Много придется вам пролить крови и слез... Да, много придется вам пролить поту, слез и крови... Конечно, Господь не попустит, Оптина будет стоять...» Иногда Батюшка говорит, как бы размышляя, предполагая, а иногда твердо, уверенно. Такие слова мне запоминаются более. Так и сегодня особенно ударил на слова: «пролить поту, слез и крови». Даже повторил их. Хотя первый раз и не сказал слова «поту». Буди воля Господня!

Вечером.

16 декабря у меня была беседа с Батюшкой. Кое-что из этой беседы я уже записал. Теперь хочу еще немного записать.

Как-то после бдения Батюшка указал мне на изображенне преподобных отцов в Предтечевом храме, на стене около двери, и сказал, чтобы я напомнил ему об этом. И вот, 16 декабря Батюшка сам начал мне об этом рассказывать. «Когда скончалась моя мать, я не поехал ее хоронить, ибо я был уже в Скиту, а поручил все дело сделать одному доверенному лицу. После ее похорон мне прислали 100 рублей, и я решил дать эти деньги о. Иосифу на вечный помин за деда, первую, родную мать, вторую, неродную мать, и себя. Я был тогда уже рясофорным. Не знаю, почему, меня записали на главную табличку, как и следует по сумме вклада, но как раз после о. Иосифа. И я, и все, конечно, слышали, как всегда поминали: неросхимонаха Иосифа, монаха Павла и далее. И вот мне помысл и говорит: «Ты будешь после него начальником и старцем. Ты будешь его преемником». Я отвечаю: «Как я могу быть, когда я всеми унижаем, презираем, гоним и не способеи по болезни глаз...»

Проходят года. Я остаюсь тем же бедным послушником. Начали ремонт старого храма. Прежде на том месте, где теперь четыре преподобных — Иосиф Песнописец, Варсонофий Великий, преп. Иоанн Пророк и Авва Дороефей, было их только три. Преп. Варсонофия Великого не было. Вот я прихожу после ремонта и вижу, что после Иосифа Песнописца еще изобразили преп. Варсонофия. А помысл мне говорит: «Да, ты будешь после о. Иосифа начальником и старцем...»

Еще проходят годы. Я остаюсь все таким же... Приезжает Епископ Макарий. Вся братия собралась в Предтечевом храме. Тут о. Даниил всегда и всем предлагавший сняться как любитель-фотограф, предложил это Владыке. Владыка согласился. Принесли аппарат, все стали устанавливаться, а я, чтобы не выйти на снимке, отошел от всех и стал в угол позади всех. Когда сняли и уже изготовили карточку, я, взглянув на нее, увидел, что вышел на карточке, хотя и далеко стоял. И вышел как раз по прямой линии за о. Иосифом. А помысл мне говорит: «Ты будешь начальник и старец после о. Иосифа...»

Проходят годы, настает японская война, и я еду по назначению за послушание и говорю своему помыслу: «Ну вот, как же я буду старцем? Когда я возвращусь? Да и придется ли возвратиться — я слаб, могу и не доехать, а война, говорят, продлится лет на двадцать?»

Потом оканчивается война, и я возвращаюсь в Скит. Заехал к преп. Серафиму Саровскому. Было воскресенье. Стою я за обедней, вдруг подходит ко мне совершенно незнакомый монах и говорит: «С памятью старца вас, Батюшка». Я говорю: «Какого?» «Батюшки о. Амвросия. Ведь сегодня день его кончины». — «О, да, знаю, знаю», — сказал я, ибо мне было совестно признаться, что я забыл про это. Я пошел, вынул просфору за Батюшку о. Амвросия... Потом, когда я приехал в Скит, я узнал, что в то самое время о. Иосиф так захворал, что до утра даже, казалось, не доживет. Думал он служить сам, пришел от бдения и захворал... Я приезжаю, и, действительно, меня назначают духовником, старцем и, наконец, начальником Скита.

Вот я говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл... Я не желал и не искал этого своего положения, не просил. И стою на этом посту за послушание. И думаю — быть может, и лучше было бы для меня, если бы я жил в той своей келльке, терпел бы скорби и творил бы молитву Иисусову... Но если бы я не был начальником Скита, вас бы не приняли в Скит.. Но все мне думается — быть может, и даст мне Господь успокоение, когда я займусь приготовлением себя к той жизни исключительно, а теперь это невозможно. Весь я разорван по частям. То то, то другое. А все-таки я думаю — быть может, сподобит Господь! Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я ездил к о. Варнаве, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: «Будут тебе все кланяться...» И, действительно, кланяются... А потом: «Будешь жить и творить молитву Иисусову...» А хорошо бы так...

Когда это Батюшка говорил, я стоял сбоку его, в дверях, около дивана, на котором Батюшка сидел под портретами старцев. Хорошо я помню эту картину. В келлии — полумрак. Горит только лампада перед образом Божией Матери, освещаая Ее Божественный Лик. Кругом — тишина. Только и слышно, как тикает маятник часов. А Батюшка, с открытой головой, весь белый, сидит и произносит свои глубоко вдумчивые и осмысленные слова, быть может, пророчества. А я стою около сего великого старца, молчу и смотрю на дорогого моего Батюшку... [...]

8

Летопись Скита...

Декабря, 31

[...] Летом сего же года ошпукатурен братский корпус «Зедергольмский». [...]

9

Дневник послушника Николая Беляева

1910 год

24 [января]

[...] Незадолго до трапезы Батюшку очень расстроили некоторые из братьев. Я их призывал к Батюшке. Когда они ушли, Батюшка сказал мне: «Вот через 20—30 лет вы увидите то же самое и скажете: «Все это мне знакомо... Я был при Батюшке Варсонофии...» Это вам прекрасная школа. Но я вам скажу — тогда будет хуже... Сейчас, по-крайней мере, на колени становятся, а тогда прямо будут говорить: «Ну, что же из того, что ты настоятель? Что мне настоятель?» Батюшка махнул рукой: «Того и гляди, хлестнет... Тогда вы вспомните меня. Никого тронуть нельзя!.. Чуть что: «Я уйду!» Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, тот смирялся больше всех. А теперь, лишь заметит, что нужен, возгордится, и тронуть его нельзя. — «Я уйду!»

А вчера, кажется, Батюшка сказал: «Думается мне, что скоро я уйду от вас. Осиротеете вы тогда, деточка моя, осиротеете...» [...]

30 января

Батюшка был расстроен поведением о. Пиора. «Нет, Николай Митрофанович, — сказал мне Батюшка, — не становитесь настоятелем. Теперь таких два-три человека, а в ваше время будет таких $\frac{2}{3}$ братства...» Затем, когда Батюшка ложился отдохнуть после обеда, он мне сказал: «Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала до конца. И вот тут-то и нужна молитва Иисусова. Без нее ни одна душа не выдержит». [...]

Примечание И. М. Беляева

О. Пиор²³, скитский иеромонах. Грешен я пред Господом, но никогда сердце мое не лежало к этому человеку. Движения его были резкие. Так же и служил он. За все годы я не слышал от него теплого, приветливого слова, и, пожалуй что, это был единственный человек из скитской и монастырской братии так настроенный[и]. Упокой, Господи, душу его!

5 марта

Пятница 1 седмицы Великого Поста

[...] Батюшка, глядя на меня, улыбнулся, но вместе с улыбкой по лицу его было видно, что он или расстроен, или скорбит о чем, или очень утомлен. — Я не могу определить, что именно это было, а что было — это несомненно.

[...] После исповеди Батюшка сказал мне: «Будьте всегда деточкой... Но только по злобе, а не по уму. По уму будьте — муж совершенный...»

28 марта

Воскресенье. 4 неделя [Великого Поста]

[...] В обители у нас произошла неприятность. На о. Архимандрита ложно донесли. В Скиту сегодня Батюшка со всеми иеромонахами служил панихиду по всем старцам, побуждаемый к тому всеми скорбными обстоятельствами последнего времени.

Летопись Скита...

1910

Марта, 28

Воскресенье

Сего числа после литургии, совершенной о. скитона начальником с иеромонахом о. Адрианом²⁴, была им же отслужена соборне с иеромонахами оо. Адрианом, Ираклием²⁵ и Кукшею²⁶ панихида по усопшим старцам Оптинским: архимандритам Моисее, Исаакии и Досифее, игуменам Антонии и Авраамии²⁷, иеросхимонахам Льве, Макарии, Амвросии, Иларионе и Анатолии. Побудительною причиною к сему, по сообщению о. скитона начальника, послужило следующее: до сего времени, за молитвы усопших старцев Оптинских, мирное житие братии Оптиной Пустыни не нарушалось никакою смутою. В настоящее же, понстине «злое» время, когда враг нашего спасения усиливается сеять смуту в православной России, им внесено смущение и в нашу обитель. Четыре из старших братьев Оптинских: иеромонахи Моисей²⁸ и Ираклий²⁹, иеродиакон Георгий и монах Михей³⁰ позволили себе сделать доклад преосвященному Калужскому на честнейшего настоятеля Оптинского архимандрита Ксенофонта, обвиняя его пред владыкою в нанесении ущерба обители нерасчетливым ведением монастырского хозяйства. Это прискорбное выступление упомянутых братьев против своего аввы, нарушившее мирную жизнь обители, и побудило искать поминовения усопших старцев Оптинских их загробных молитв об умиротворении братства. В монастыре после ранней литургии, о. настоятелем со всеми иеромонахами была также отслужена панихида по почившим старцам, а после поздней — служился молебен о испослании мира обители.

11

Дневник послушника Николая Беляева

29 марта

Понедельник 5 седмицы В[еликого] Поста

[...] Батюшка ходил в монастырь на собор старшей братии — иеромонахов. И сейчас мне передавал о том, как и что он говорил и чем дело

решено. Что Бог даст завтра. Батюшка всячески стоит против устроения подворья, говоря, что это будет разгром обители. Если не разгром, то пролом в е[е] стенах, через который враг может влезть в обитель.

11 апреля

Батюшка видел двух демонов, глядевших в окно алтаря, где Батюшка стоял в Макарьевском приделе. Вид их, как мне Батюшка рассказывал, — какая-то смесь зверя с человеком. Рогов не было, но вид ужасно безобразный, черный, злобный. Они были у яблони, и Батюшке видны были только их головы. [...]

2 мая

Воскресенье Жен Мироносиц

[...] Все говорят о комете [Галлея], но я ее еще не видел и не слышал, чтобы ее кто-либо видел из скитян. [...]

24 мая

Понедельник о слепом

Вчера вечером, то есть 23 мая, Батюшка захотел пройтись по Скиту и взял меня с собой. [...] «Вы находитесь в таком же положении, как и я. Ко мне был очень расположен Батюшка Анатолий. Духовно я стоял к нему ближе всех. Он называл меня подвижником, а это возбуждало негодование в некоторых из братий. Правда, так близок к Батюшке Анатолию, как вы ко мне, я не был, но всегда пользовался некоторыми льготами. И вот, после смерти Батюшки Анатолия на меня были нападения...» [...]

31 мая

Понедельник

Сегодня утром Батюшка взял Библию, раскрыл 3-ью Книгу Ездры и, указывая на место, отмеченное синим карандашом, сказал мне:

— Читайте.

Я прочел: — ...Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости; так как век разделен на двенадцать частей, и

девять частей его, и половина десятой части... (Глава XIV, ст. 10—12), — и Батюшка закрыл Библию.

Это же самое мне Батюшка прочел 16 января 1909 года. Давно я хотел спросить Батюшку об этом, но никак не удавалось. Затем Батюшка сел на диван и начал говорить:

«Вообще — эта книга таинственная. Многие делали вычисления, и конец падает на наше время, то есть 20-е столетие. И, действительно, много есть признаков. Мы-то уже уйдем, ну, а вы будете участником и современником всех этих ужасов. До ужасных времен доживете вы. А кто может ручаться? Может быть, и я буду жив...» Затем Батюшка говорил про евреев, про Китай и про то, что все идет против России, вернее сказать, против Церкви Христовой, ибо русский народ — Богоносец. В нем хранится истинная Вера Христова.

Это все Батюшка говорил до обеда, а после обеда сказал так: «Становитесь на ноги, ибо после меня будет на вас напор. А мне что-то думается, что я скоро умру. И тогда на вас, как на меня после смерти Батюшки Анатолия, все обрушится. Когда Батюшка Анатолий был жив, я имел поддержку. Даже тогда, когда Батюшка лежал больной, никого не принимал, я все еще имел надежду, что встанет он. Я все-таки чувствовал его присутствие. Но когда он скончался, тогда словно во мне что-то оборвалось...»

27 июня

Воскресенье

[...] Чувствую в себе раздражение на Батюшку, на его поступки, иногда раздражение совершенно бессмысленное и без всяких причин. Я не раз уже говорил об этом Батюшке. Батюшка сказал, что это зависть врага, желающего поселить между нами раздор. Но что ему Господь не попустит сделать это. Бороться против этого надо молитвой. Когда почувствую раздражение, то надо сразу обращаться к Богу: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и помоги мне молитв ради старца моего Батюшки Варсонофия. Я так и делаю, и чувствую от этого пользу. Батюшка мне говорил, что враг будет всячески стараться разъединить нас, и я, помня батюшкины слова и наставления, все говорю ему.

[11 июля во время тяжелой болезни игумен Варсонофий был пострижен в схиму у себя в келье. — *Сост.*]

13 июля

Во вторник навещал Батюшку о. Иосиф. В тот же день Батюшка говорила мне: «Схима — это край, — или смерть, или выздоровление. Я чувствую — схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка. О. Нектарий теперь мой восприемный отец. Приходит он сегодня и говорит, между прочим, следующее: «А вот, что на трапезе сегодня читали. — Один монах умер и ожил и рассказал братии, что ему было сказано, что дается отсрочка на пятнадцать лет. И ровно через пятнадцать лет в этот день он скончался действительно...» О. Нектарий мог этого не заметить. Однако заметил и рассказал. А он теперь имеет ко мне отношение как восприемный отец». [...]

18 августа

Среда

[...] 17 августа особенного ничего не припомню. Заходил ко мне в келлию о. Феодот, благочинный, по делам. Приехал в Скит о. Венедикт, назначенный для расследования заявлений нескольких монахов, кои подали прошение на о. Архимандрита. Сегодня Батюшка уходил на заседание в монастырь. [...]

11 сентября

Суббота

[...] Батюшка очень часто говорит об адских муках, ибо видит их почти каждую (если не каждую) ночь во сне. Так и сегодня мне Батюшка говорил, что видел ужасный сон. [...]

19 сентября

Воскресенье

[...] Сегодня, выходя со мной из церкви после обедни, Батюшка сказал мне: «Сегодня в два часа я совсем было приготовился к смерти. Не хотел даже к обедне идти...» Спаси, Господи, Батюшку! [...]

26 сентября

Воскресенье

Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось 22 года.

Батюшка служил. В конце обедни, когда Батюшка вышел с крестом

Животворящим, сделав отпуст, он сказал: «Честные отцы и братья! Вот я с Животворящим крестом в руках прошу и умоляю вас прекращать между собою неудовольствия. Неудовольствия, если не сказать вражда, увеличиваются. Если это так в мире, то да не будет сего между нами в обители. Первая заповедь — любовь. Апостол Павел сказал: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, но любви не имею, то я — ничто. Если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я — кимвал звенящий» [ср.: 1 Кор. 13, 1–2]. Любовь выше всего. Я вам решил это напомнить в день памяти Св. Иоанна Божьего Слова, Апостола любви... Не останавливайтесь на одной внешней исправности, хотя и она нужна. Но, главное — это искоренение из сердца страстей, в особенности злобы...» Вот общий тон и содержание сказанного Батюшкой. [...]

1 октября

Пятница

26 сентября вечером, на откровении помыслов, Батюшка сказал по поводу читанного на трапезе о талантах: «[...] уподобляются зарывающим свой талант те, которые отказываются от того, куда их поставляют согласно воле Божией. Например, Преп. Серафим Саровский отказался от настоятельства. А что он из-за этого перенес? Едва не впал в отчаяние... Какие великие скорби и искушения!.. Так что потребовалось поднять на себя великий подвиг — трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказываться... Так вот и я стою на этом месте. Боюсь отказаться... О. Архимандрит мне говорил: «А перенесете ли вы то, что может быть, если вы откажетесь?..» Вот я и стою...» [...]

5 октября

Вторник

Бдение правил у Батюшки. Батюшка служит в монастыре. [...]

Скорбь теперь всем истинно любящим обитель нашу святую. Пока Скит еще стоит в стороне. Но вот, сию минуту комиссия пришла осматривать наш новый храм. Как и зачем — не знаю. [... Далее (после записи 7.11.1910) текст утрачен. — Сост.]

Летопись Скита...

Октября, 5

В скнту была для осмотра здания нового скитского храма комиссия из нескольких иереев, назначенная от Святейшего Синода по поводу доноса, упомянутого в сей летописи под 28-м числом марта, поданного подписавшими его сначала местному епархиальному начальству, а затем и в Синод.

[28 октября. Прибытие в Оптину Льва Толстого.

4 ноября. Телеграмма Св. Синода с распоряжением бывшему скитона-
чальнику старцу Иосифу ехать на ст. Астапово.

5 ноября. Выезд на ст. Астапово оо. Варсонофия и Пантелеимона.

7 ноября. Смерть Толстого.

8 ноября. Возвращение оптинцев в Скнт. — *Сост.*]

1911

[Январь. Назначение нового архиерея — преосв. Александра (Головина).

9 мая. Кончина старца иеросхимонаха о. Иосифа. — *Сост.*]

Июня, 13

[...] В это лето особенно много приехало в Оптину желающих по-
дольше пожить при обители: все помещения заняты за большую плату.
При гостинице, находящейся на северной стороне монастыря, строится
большой дом для приезжающих: низ каменный, верх деревянный.

Декабря, 30

В 9 ч. утра скитяне по звону монастырского колокола ходили в мона-
стырь встречать Пр[еосвященного] Серафима [Чичагова], Епископа Ки-
шиневского, приехавшего для ревизии Оптиной Пустыни, по поручению
Св. Синода.

Декабря], 31

Сегодня скитяне ходили в монастырь ко бдению, которое служил Пр. Серафим.

1912

Января, 1

Воскресение и Новолетие благодати Господней.

К поздней литургии скитяне ходили в монастырь. Литургию и после оной молебен служил Преосвящ[енный] Серафим. Пред молебном Владыка сказал поздравительное слово, в котором вместе с пожеланием всем приобрести праведность советовал усерднее молить Царицу Небесную покрыть Своим Покровом Россию и сохранить ее в наступивший тревожный год от всех врагов внутренних и внешних.

[Января], 2

В 9 ч. утра о. иг[уменом] Варсонофием соборне был отслужен молебен Пр[еп]. Серафиму Саровскому и Св. Феодосию Черниговскому. В начале 4-го часа Скит посетил Пр. Серафим, Еп. Кишиневский, после обычной встречи в Предтеченском храме он в кратком слове к братии советовал терпеливо пребывать в Скиту и, поддерживая друг друга братскою любовью и единением, не оставлять оной по какой-либо кажущейся уважительной причине. Преподавая Архипастырское благословение, каждого лобызал в уста; осмотрев затем новый храм, Владыка проследовал в келлию Скитоначальника для уединенной беседы с о. Игуменом и в начале 5-го ч. отбыл в монастырь.

Января, 5

Крещенский сочельник

К литургии, начавшейся в 1-м часу, скитяне ходили в монастырь, по возвращении оттуда кропили св. водой по келлиям и другим зданиям Скита. Вчера Пр. Серафим отбыл из монастыря.

Март, 12

Понедельник 6-й седмицы В[еликого] Поста

Скитяне по ежегодному обычаю занимались сегодня уборкою и чисткою храма к празднику Пасхи. В мон[асты]ре был собор старшей братии для выбора казначая. Большинство голосов выбран иером[онах] о. Гавриил. Скитона начальником и братским духовником временно назначен иером[онах] о. Нектарий, т.к. игумен о. Варсонофий, с повышением в сан архимандрита, переводится в Московскую епархию настоятелем в Старо-Голутвин м[о]н[асты]рь³¹, и его неоднократные прошения об оставлении в Скиту на покое не уважены. Собор происходил в храме Св. Марии Египетской, после собора был молебен и панихида по старцам.

Март, 25

Светлое Христово Воскресение и Благовещение

Очень редко эти два великие праздника соединяются в один день. Утреню и литургию служил соборне архимандрит Ксенофонт. Во время литургии была сильная снежная метель и ожидаемый весенний день превратился в зимний. Богомольцев по случаю разлития р. Жиздры было менее обыкновенного.

Апрель, 2

Понедельник Фоминий недели

В 8-м часу у[тра] в храме Св. Предтечи и Кр[естителя] П[осподня] Иоанна игумен Варсонофий соборне служил молебен напутственный, с коленопреклонением. После молебна старец сказал краткое прощальное слово, заключив оное земным поклоном с испрашиванием прощения. О. Нектарием от лица всех скитян была поднесена старцу икона Св. Предтечи И[оанна] Кр[естителя]. Из храма все отправились на трапезу, где был предложен чай, а затем в келлию старца, здесь о. игумен благословлял каждого иконою и дарил на память мелкие вещи, как то: пасхальные яйца, четки, свои карточки, картины, закладки, платочки, полотенца и проч. В 10 ч. о. игумен отправился в мон[асты]рь на молебен и для прощанья с монастырской братией. В 5-м часу скитяне собрались в келлию старца, где после молитвы о. игумен преподал общее благословение и в утешение скорбящей братии сказал следующее: «О. игумен *Марко*, недавно скончавшийся

в монастыре, рассказывал мне, что когда умирал бат[юшка] о. Макарий, то предсказал, что после него будут старцами о. Амвросий, о. Иларион и о. Анатолий, и что в Скиту не оскудеет старчество. Среди последующих старцев будут люди еще выше по духовным дарованиям, чем великие старцы оо. Лев, Макарий, Амвросий и Анатолий». О. игумен завещал также не оставлять молитвы к Б[ожией] М[атери] Неопалимая Купина, которая по обычаю читается в Скиту по Воскресным дням после литургии. В 6-м часу старец в сопровождении скитян и мирских, собравшихся у св. врат, отправился в мон[асты]рь, где после прощания с о. Архимандритом отбыл на вокзал. Сопровождают о. игумена: его келейник, послушник Григорий (Ермаков)³² и послуш[ники] Иоанн Беляев и Михаил Ежов³³.

Май, 14

Обедня и бдение были свои; по случаю дня коронавания Гос[ударя] Имп[ератора] в мон[асты]ре был царский молебен, на котором присутствовали и скитяне. В 2 часа дня в кедровой роще было устроено утешение скитской братии: чай с пряниками и конфетами. Уехал проживавший при обители в корпусе архим[андрита] Ювеналия Сергей Александрович Нилус, т.к. по новому указу мирянам запрещено жить при монастырях. В гостиницах допускается жить не более 10 дней. За последние годы многие миряне стали селиться близ Оптиной, в особенности летом.

13

Письма Епископа Никона (Рождественского) Архимандриту Ксенофонту (Клюкину)

3 сентября 1912
Гурзуф, дача Скворцова³⁴

[...] После известной истории, причинившей Вам и мне немалую скорбь, не было повода писать, и я молчал. А за это время много воды утекло: я уже ушел с Вологодской кафедры, стал членом Синода, все болею, лечусь, живу на юге... Не знаю даже, удался ли из Оптиной прежде столь усердный сотрудник мой С. А. Нилус и где искать его? Будто буря какая пронеслась над обителью Вашей и разрушила все отношения к ней... Но время все залечит. И дай Бог, чтобы мир Божий снова водворился в обители [...].

Покорнейше просил бы также, если Вам известен адрес С. А. Нилуса, то и его сообщить мне. Не понимаю, что это значит: молчит, спрятался куда-то, уж не от антихриста ли?.. [...]

* * *

20 декабря [1]912

[...] Примите мою глубокую благодарность за новую книгу о незабвенном старце Амвросии: я принял ее как новогодний подарок³⁵. Что сказал бы старец Божий, если бы поднялся теперь из гроба? Какую скорбю сжалось бы его сердце? А грозы Божии за грехи наши еще впереди... Но будто никому и дела нет — высокие люди заняты игрою в парламент... Молитесь, отцы святые, за несчастную Русь! [...]

* * *

8 января [1]913

[...] Скорблю скорбию Вашей. [...] Знаю, что не одни болезни, но и иные скорби удручают дух Ваш. Мужайтесь! покажите свое болящее сердце Господу-Сердцеведу и в общении с Ним обрядете утешение.

Тяжелое бремя свалилось на меня. Поручено рассмотреть книгу «На горах Кавказа». Верно, и до Вашей обители коснулась смута, возникшая по поводу сей книги... Не скажете ли, что мыслят о ней Ваши старцы? [...]

14

Архив Оптиной Пустыни

Дело № 111 по жалобе крестьянки Дарьи Федоровой Финяевой

Копия [оптинской канцелярии].

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Александру,
Епископу Калужскому и Боровскому

Крестьянки Мещовского у., Дарьи Федоровой
Финяевой, живущей Козельского у., Прысковской вол.,
на земле Тайного Советника Н. С. Кашкина, возле
Оптиной Пустыни

ПРОШЕНИЕ

Предшественнику Вашего Преосвященства послано мною еще в 1910 году прошение в том, что около 30 лет состояла я духовной дочерью приснопамятного старца Коз[ельской] Введ[енской] Опт[иной] Пуст[ыни] о. Амвросия и проживала при монастыре, по причинам, о которых будет сказано ниже. Я с дозволения г[-на] Кашкина построила возле монастыря для своей жизни скромный домик, сохранив таким образом связь с монастырем и близость привычных монастырских служб, что для меня, ныне 60-тилетней старухи, является насущной потребностью. И вот, по распоряжению монастырского Начальства, мне, горькой, было воспрещено ходить в монастырские церкви. Такая страшная кара постигла меня, Преосвященнейший Владыко, не за какую-либо вину мою, а по желанию и настоянию проживающего в Оптиной Пустыни неизвестно с какими целями г[-на] Нилуса, разыгрывающего на глазах у всех роль светского старца. Около трех лет назад и я, грешная, вместе с другими богомольцами принималась г[-ном] Нилусом для духовного наставления и даже была им оставлена у себя на жительство.

При ближайшем, однако, ознакомлении с интимной жизнью ложного старца, оказалось, что г[-н] Нилус проживает в монастырском доме с двумя своими женами, из которых одну (по закону чужую жену, от которой однако имеет взрослого сына), именует своею «духовною сестрою». Такое семейное положение человека, живущего постоянно в монастыре, конечно, не может не блазнить чуткую человеческую совесть, а в рядах, враждебных религии, вызывало и вызывает справедливые нарекания на покладистость монастырского уклада жизни.

Но этого мало, самой пример такой терпимости на удобной почве и случайной наличности постоянной жеиской прислуги в семействе г[-на] Нилуса в числе трех душ, создала на квартире своеобразный центр, возле которого группируется монашеская братия, к вящему соблазну видящих это и лишенных возможности вызвать нужное воздействие, так как при одном моем откровенном указании г[-ну] Нилусу на сношение прислуг его с монашествующими, я была немедленно удалена из монастыря и вынуждена поселиться на чужой земле в своем доме, по доброжелательной милости г[-на] Кашкина.

Но гнев г[-на] Нилуса и тут преследовал меня: сначала полицейскими мерами, а по неуспешности последних, имел такое влияние на монастырское

начальство, что последнее запретило мне, 60-тилетней старухе, посещать службы в монастырских храмах.

В прощении моем я просила Епископа Вениамина избавить меня, старуху, от самочинного незаслуженного наказания от монастырского начальства и открыть мне, православной, храмы обители святой.

Когда в конце 1910 года возникло следственное дело о нестроениях в монастырском хозяйстве, на совете братии монастыря было предложено г[-ну] Нилусу оставить монастырь, что он и сделал, тогда и гонение на меня пало само собою. Но вот враг мой недавно вернулся в монастырь и опять мне, бедной, предстоит оскорбления и гонения, на время его отсутствия затихшие.

Преосвященнейший Владыко, разъясните мне, темной старухе, крепко чтущей старый уклад Оптинского спасения: 1) подобает ли человеку такого семейного уклада, как г[-н] Нилус, с десятком пришлых женщин жить в самом монастыре, чуть ли не общей с монашествующими жизнью? 2) что такое за «светское старчество», которым подвизается г[-н] Нилус, и какое оно должно иметь значение рядом с существующим рядом в обители изстари старчеством, в то время, как все монашество блазнится им и его ролью в обители, но «страха ради» и «послушания», покорно молчит?

И еще прошу, Преосв[ященнейший] Владыко! Ввиду бывшего ранее предписать монастырскому начальству не обижать меня, старуху, и не затворять мне храмы обители, где я 50 лет молилась и молюсь по своему разумению.

Вашего П[реосвященст]ва смиренной паствы

смирная Дарья Феняева,

а по безграмотстве ее и личной просьбе,

подписала Анна Михайловна Гайдукова

* * *

[вх.] № 7931/ 895

[Резолюция еп. Александра:] № 2587. 26 мая 1911. Потребовать от Настоятеля Введенской Оптиной Пустыни объяснение по содержанию настоящего прошения.

Еп. Александр

* * *

Указ Калужской духовной консистории
№ 7900, 13 июня 1911 г.

Настоятелю Козельской Введенской
Оптиной Пустыни, Архимандриту Ксенофонту

[...] Калужская Духовная Консистория, препровождая при сем прошение крестьянки Мещовского уезда Дарьи Федоровой Финяевой, предписывает Вам резолюцию Его Преосвященства, положенную на сем прошении исполнить по надлежащему.

Член Консистории Пр[отоиерей] И. Остроглазов
Секретарь Д. Соколов
И.д. Столоначальника П. Богданов

[Отметка о получении в Оптиной:] 16.6.1911.

* * *

[Иск.] № 678, 19 августа 1911
[Черновик]

В Калужскую Духовную Консисторию
Настоятеля К[озельской] В[веденской]
О[птиной] П[устыни], А[рхимандрита]
К[сенофонта]

РАПОРТ

Исполняя указ Дух[овной] Консистории от 13 сего июня за № 7900, с возвращением положенного при оном прошения крестьянки Дарьи Федоровой Финяевой, долгом считаю объяснить противу изложенных в этом прошении претензий просительницы следующее:

1) Прошение Финяевой есть не что иное, как настоящий пасквиль на семейство известного православного писателя г[-на] Нлуса, составленный просительницей (что она и не скрывает) по злобе на него в выражениях, позорящих честь лиц, достойных уважения;

2) Прощение Финяевой есть продолжение возникших в 1910 году доносов на администрацию Пустыни, со стороны трех монахов, руководимых мирянами и лицами: оно печатано на той же машинке, как и прежние доносы, одним и тем же слогом и даже с упоминанием о связи этого пасквиля с «временем, когда в конце 1910 года возникло следственное дело о нестроениях с монастырским хозяйством».

Обращаясь к существу прощения Финяевой, считаю необходимым указать на следующие обстоятельства:

Финяева пишет, что в Оптиной Пустыни проживает «неизвестно с какими целями г[-н] Нилус, разыгрывающий на глазах у всех роль светского старца». Семейное положение его будто бы не может не блазить человеческую совесть, что будто бы по его влиянию монастырское начальство запретило ей посещать службы в монастырских храмах; что прислуга г[-на] Нилуса имеет сношение с монашествующими.

Но пасквиль это[т] основан на лжи. Семейство г[-на] Нилуса состоит из лиц высшего общества, удалившихся от светской жизни, и живет не в Оптиной Пустыни, а в отдельной даче в полуверсте от монастырских врат, называемой Ювенальевскою. Сам он, человек преклонных лет, известный строго-православный писатель по духу и по жизни, состоит сотрудником Преосвященного Никона по редакции Троицких изданий; супруга его, бывшая Фрейлина Высочайшего Двора и начальница женского Института, Елена Александровна, рожденная Озерова, состоит в духовном родстве с нынешним Обер-Прокурором Св. Синода В. К. Саблером. Жизнь этого семейства в Пустыне заключается в делах благотворительных: воспитывают круглых сирот, матери которых, прибыв на богомолье, случайно умерли в гостиницах Пустыни (два случая) и вообще оказывают благодеяния бедным.

Этим благодеянием года три тому назад пользовалась, как сказано в прощении, и сама просительница; но, как и создалась, была удалена полицейскими мерами. С тех пор она питает злобу на г[-на] Нилуса, так, что подтвердила даже в настоящем прощении, сказав между прочим: «ворог мой недавно возвратился в Монастырь».

По роду сочинений своих г[-н] Нилус, получив благословение Оптинских старцев, покойного О. Иосифа и Игумена Варсонофия, на пользование материалами библиотеки Оптиной Пустыни и Скита³⁶, а потому монашествующие, по мере надобности, имеют сношения с г[-ном] Нилусом, и каждый выход давался им с моего разрешения.

Что же касается до самой просительницы Финяевой, то необузданный ее характер, кроме приключений у г[-на] Нилуса, обнаружился в храме Оптиной Пустыни во время богослужения в прошлом году, за что, обидев одну женщину, [она] подвергнута была аресту. Затем в нынешнем году в приемной комнате для женщин у Скитона начальника Игумена Варсонофия — нанесла оскорбление одной приезжей госпоже, объявив ее женщиной разврата, о чем составлен был урядником протокол, но обиженная особа, ввиду срочного отъезда из Пустыни на родину, нашла невозможным судиться с обидчицею формальным судом, почему со стороны церковных сторожей и было внушено Финяевой, что ее посещение Скита и храмов Пустыни нежелательно. Лично же от меня ей восприятия не было.

Подлинное прошение Финяевой и копия приговора Члена Калуж[ско-го] Окружного Суда по Козельск[ому] у. от 1 сент. 1910 г. при сем прилагаются.

Подписал:

Наст[оятель] Арх. Ксенофонт

* * *

Письмо уездного члена Калужского окружного суда по Козельскому у. в ответ на запрос архим. Ксенофонта

№ 1438, 7 июля 1911

Вх. [Оптинной Пустыни] № 179 6/ № 504

Его Высокопреподобию

Настоятелю Козельской Введенской Оптиной Пустыни

Вследствие отношения от 22 июня сего года за № 488, имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что копия приговора моего по делу о крест[ьянке] Дарье Финаевой [sic], обвинявшейся в нарушении общественной тишины, не может быть Вам выслана, как не участвовавшему в деле лицу.

Уездный Член Окружного Суда [подпись неразборч.]

[Отметка о получении в Оптиной:] 8.7.1911

* * *

Копия с копии

ПРИГОВОР

По указу Е.И. В. 1910 г. сентября 1-го дня, Уездный Член Калужского Окружного Суда по Козельскому уезду, разобрав в открытом заседании уголовное дело по обвинению кр[е]с[тъян]ки Дарьи Федоровой Финяевой по 1 п[ункту] 75 ст[атьи] Угол[овного] Улож[ения] и, приняв во внимание, что собственным сознанием, согласным с обстоятельствами дел, обвиняемая Финяева достаточно изобличена в том, что 30 декабря 1909 г. в Оптиной Пустыни в Казанском соборе, во время обедни громко выругала, находившуюся в храме богомолицу Анастасию Полевою «шлюхою» и другими скверными словами, что произнесение непристойных слов в церкви предусмотрено 1 п. 75 ст. Угол. Улож. и что сознание обвиняемой позволяет назначить ей наказание в размере ниже среднего, — руководствуясь 1 п. 75 ст. Угол. Улож. и 119 п. 122 ст. Уст[ановлений] Угол[овного] Суд[а], —

ПРИГОВОРИЛ

кр[е]с[тъян]ку Дарью Федорову Финяеву, 64 лет, подвергнуть аресту на десять дней. Приговор неокончательный, порядок обжалования апелляционный объявлен.

Подлинный подписал и с подлинным верно

*Уездный член Окружн[ого] Суда по Козельскому уезду
(подпись неразборчиво).*

* * *

Отношение из Калужской духовной консистории в Козельское уездное полицейское управление

№ 12810, 20 сентября 1911

[Вх.] № 3120, 22.9.1911

Д. № 171—1911 г.

Духовная Консистория просит Полицейское Управление, объявить крестьянке Мещовского уезда Дарье Федоровой Финяевой, живущей на земле

помещика Н. С. Кашкина, Прысковской волости, что ей никто не препятствует бывать за богослужением в храмах Козельской Введенской Оптиной Пустыни, но в то же время, она не должна оскорблять никого из богомольцев, за что и была уже подвергнута аресту на 10 дней приговором Уездного Члена Окружного Суда от 1 сентября 1910 года, и что вопросы относительно Г[-на] Нилуса, как ни на чем не основанные и праздные, оставлены Епархиальным Начальством без последствий.

Подлинное подписали:

*Член Консистории Пр[от.] И. Остроглазов
Секретарь Д. Соколов
и Столоначальник М. Чулков.*

С подлинным верно...

* * *

[Вх.] № 3885

Его Высокопреосвященству
Архιεрею Калужскому
Кр[естьянки] Калужской губернии
Мещовского у., Фроловской вол., села Белкичево [?],
Дарьи Феодоровны Свинаяевой [sic], живущей близ
Оптиной Пустыни в лесу в имении Няколая
Сергеевича Кашкина

ПРОШЕНИЕ

Имею честь Вашему Высокопреосвященству, сообщить следующее: в *Оптинской Мужской Пустыни* [здесь и далее курсив соответствует подчеркнутому красным карандашом. — *Сост.*] проживает *Матушка Александра Фирсова* [фамилия надписана простым карандашом. — *Сост.*], имеющая от роду 30 лет, которая *делает разврат* в монастыре и меня, Свинаяеву, имеющую от роду 66 лет ревнует к монаху скитскому Московской губ., с. Пушкина Михаилу Михайловичу Ежову, и ходит ко мне в лес и хочет бить меня и стекла в моей убогой хижине.

На основании вышеизложенного, имею честь всепокорнейше просить Ваше Высокопреосвященство обратить на это внимание и войти в защиту меня,

престарелой женщины, потому что настоятель не обращает никакого внимания.

Июля 15 дня 1912 года

Дарья Свиняева, неграмотная.

Свидетельница этого дела [Седова? Садовая? — неразборч.]

[Помета карандашом:] Не отвечено.

[Помета еп. Александра:] Получ. 18 июня 1912. Передать О. Настоятелю Оптиной Пустыни Архимандриту Ксенофонту для сведения.

Е[пископ] Александр.

15

Летопись Скита во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни

1913 год

Апрель, 1

[...] Получена телеграмма из Голутвина о смерти арх[н]м[андрита] Варсонофия. В 1-м часу была отслужена в скиту первая панихида по новопреставленном схиархим[андрите] Варсонофии, а за нею еще две — усердствующими скитянами. Братия желают, чтобы тело почившего было привезено в Оптину.

В Бозе почивший старец схиархимандрит Варсонофий (в миру старший адъютант Штаба Казанского Военного Округа Полковник Павел Иванович Плиханков) происходил из потомственных дворян, образование получил в средне-учебном заведении; поступил в скит в 1891 году по благословению ст[арца] Амвросия. Отличался строгостию жизни. В Русско-Японскую войну был командирован на театр военных действий духовником в военный госпиталь; по возвращении оттуда вскоре был назначен скитоначальником с повышением в сан Игумена; вместе с тем он был утвержден братским духовником и старцем. Строгое отношение к своим многочисленным обязанностям, смирение и

нелицемерная любовь к ближним быстро привлекли к нему массу духовных детей не только из монашествующих, но и из мирян. Постоянные приемы богомольцев и братьев, масса писем с духовными запросами сильно утомляли старца; при всем том он не переставал заботиться и о внешнем благоустройстве скита: при его управлении скитские постройки украсились и отремонтировались, братская трапеза всегда готовилась из лучших и свежих продуктов; скитский капитал из 18 т. увеличился почти до 100 тысяч; в ризницу почти ежемесячно поступали новые облачения... Перед Пасхой 1912 года неожиданно пронеслось известие о переводе старца в Голутвин м[о]н[асты]рь и, несмотря на его неоднократные просьбы остаться в скиту, хотя простым послушником, он был переведен. Перед отъездом он говорил иным: «Еду на смерть...»; «С тобой больше не увидимся...» Предсказания его исполнились и на этот раз, как исполнялись они и в других случаях, бывших при старческом его окормлении. Умирая, он просил похоронить себя в Оптиной, и его положили рядом с возлюбленным его учителем и старцем иер[о]сх[и]м[онахом] Анатолием.

Апрель, 3

Сегодня в 9-м часу вечера скончался от параличного удара скитский ряс[офорный] монах о. Никита Костинский³⁷ 67-и лет. [...]

Апрель, 4

Лазарева Суббота

[...] После трапезы была отслужена панихида по арх[и]м[андрите] Варсонофии, т.к. в этот день совершалось отпевание его в Голутвине.

Апрель, 8

Вход Господень в Иерусалим

Сегодня во 2-м часу тело почившего арх[и]м[андрита] Варсонофия от паромы на руках братии с крестным ходом внесено во Введенский собор, и тотчас же была отслужена соборная панихида; возгласы священнослужителей прерывались от внутреннего волнения. В 5 ч. вечера скитяне принесли гроб с незабвенным старцем; в храме Св. И[оанна]

Предтечи, где год тому назад батюшка смиренно кланялся при прощании, была отслужена панихида; весь храм был заполнен молящимися обоюбого пола; после панихиды гроб был обнесен вокруг храма и после нескольких литий возвращен в монастырь. В 7 ч. в Казанском соборе началось бдение, на котором о. Феодосий сказал надгробное слово почившему и прочитал его завещание. В своем завещании старец, испрашивая прощения у всех и сам всех прощая, просит своих духовных чад прилежать молитве, чтению Св. Писания и Святоотеческих творений, а наипаче вооружаться против гордости.

По словам братьев, бывших при последних минутах старца, батюшка скончался очень спокойно: незаметно заснул. Во время болезни сильно страдал от боли в желудке и не принимал пищи 17 дней.

Апрель, 9

Вторник Страстной седмицы

Сегодня после обедни и панихиды было совершено погребение арх[им]андрита Варсонофия. Панихиду служил скитоначальник о. Феодосий, 20 иеромонахов и 3 иеродиакона. Гроб поставлен в кирпичном склепе. Стечение народу было большое. Вместо поучения на литургии мон. Кирилл [Зленко] сказал прощальную речь старцу от духовных чад его.

Апрель, 13

Сегодня, во время выноса плащаницы, в больнице скончался скитский схимонах о. Рафаил³⁸; происходил из кр[естьян] Орловской г., Ливенского у., 36 лет; хворал около 4-х недель (предполагается, что у него была чахотка). Последние дни ежедневно причащался Св. Таин и за день до смерти был пострижен в схиму. Послушание проходил старшего цветовода и замещал иногда регента на правом клиросе. Отличался молчаливостью и тихостью. Жил в Ю[го]-западном корпусе № 13, что близ трапезы.

Апрель, 14

Светлое Христово Воскресение

[...] Во время крестного хода на утрени впервые был устроен фейерверк. [...] Погода прекрасная, почки на деревьях уже распустились.

Мая, 10

40-й день со дня блаженной кончины старца схиархимандрита о. Варсонофия. В скиту отслужена литургия и соборная панихида. На трапезе после литии братии был предложен чай. Позднюю литургию в мон[асты]ре служил благочинный, архимандрит Венедикт, соборне. После обедни на могиле старца была отслужена соборная панихида, на которой присутствовало много приезжих духовных детей старца. Трапеза была общая в мон[асты]ре. Накануне служилось заупокойное бдение в мон[асты]ре.

[Июнь — осуждение Св. Синодом ложного учения о Имени Иисуса Христа (имябожия), распоряжение об уничтожении книги «На горах Кавказа». — *Сост.*]

Октябрь, 6

Воскресенье

В монастыре постригли в мантию 4-х ряс[офорных] послушников. [...] О. Василия [назвали] Варсонофием. [...] При наречении имени Варсонофия с одной из молящихся женщин сделался припадок беснования. Дикий, болезненный вопль оглашал храм, пока выводили больную наружу.

Ноябрь, 12

[...] Скитский уставщик иер[о]м[онах] Кукша видел на днях во сне почившего старца схиархимандрита Варсонофия, который, подойдя к нему в храме, попросил, чтобы после литургии пропели: «Под Твою милость...» По окончании обедни о. Кукша спросил старца, понравилось ли ему пение. «Да, — ответил батюшка, — и вы всегда так делайте». По этому случаю, распоряжением скитонач[альника] о. Феодосия в скиту введено вышеозначенное пение.

1914 год

Июль, 1

На панихиду и трапезу скитяне ходили в мон[асты]рь по случаю похорон привезенного тела почившей благодетельницы Марии Булгак, пожертвовавшей в мон[асты]рь [выделено — *Сост.*] около 20 000 р.

**Журнал заседаний Собора старшей братии
Козельской Введенской Оптиной Пустыни
и материалов к ним**

18 августа 1915

Председательствующий: Архимандрит Исаакий II [Бобриков].

[...] **6 п[ункт]**. *Слушали:* заявление настоятеля, что С. А. Нилус просит разрешения поселиться при пустыни и предложение настоятеля обсудить это дело.

Постановили: Ввиду Указа Святейшего Синода от 12 июля 1910 года за № 19³⁹ принимать неудобно, тем более теперь, когда ожидаются беженцы и в помещениях настоят[ельная] нужда.

17

**Письмо юродивого «Мити» Козельского
к Императору Николаю II**

Прости меня, дорогой папаша, что беспокою тебя.

Оптина Пустынь — жемчужина Православной Церкви, Самодержавия и Русского народа. Вам, дорогой Государь, известно, что враги Русского Государства хорошо сознают, что с лишением авторитета Церкви, падет авторитет Самодержавия, и возникнут неизлечимые раздоры в самом Русском Народе, в алтаре Самодержавной России. Святая святых ее будет поругана. Святая же святых Православной Церкви хранится в сердцах святых обителей, где Игумения — Пресвятая Божия Матерь.

Сама Божия Матерь Влахернская в 1073 году дала Свой образ-икону Киево-Печерской Бога Матери в Киев и послала золото с четырьмя грекам преподобным святым Антонию и Феодосию для постройки Успенского храма и сказала: «Я Сама буду пребывать там и охранять Русский Народ». И действительно в 1664 г. Сама Божия Матерь прибыла в Россию и помещена в Успенском соборе.

Враг не может разрушить устоя наших монастырей, если внутри монастырей не будет беспорядка. Вот почему я, как житель Оптиной Пустыни,

написал письмо тебе, великий Царь, прося восстановить порядок в этой жемчужине Русской Церкви.

Посланный по Твоему повелению преосвященный Серафим сказал лично мне при других лицах: «Там беспорядку оказалось гораздо больше, чем в твоём письме».

В настоящее время, после отъезда Серафима, открылось новое злоупотребление — расхищено 20 000 рублей, принадлежавших монастырю. Об этом представлено Серафиму донесение для доклада в Синод.

Прости меня, дорогой папаша, что я принужден писать Тебе правду, огорчающую Твое сердце. Но я боюсь, что Тебе доложат эту правду в мягкой форме, чтобы не огорчить Твое сердце, и доложат, что везде бывают подобные злоупотребления и за всеми не усмотришь. Эти докладчики не понимают, что охраняя Твой покой, постепенно разрушают подножие Твоего трона, и когда трон поколеблется, тогда они только поразятся и ахнут, как поразились, когда появилась глупая революция. В те дни храбрые вожди Твои предложили дать конституцию для спасения трона, — хорошо, что дали кудую, как говорят теперь революционеры. Вот до чего доводят успокаивающие доклады услужливых Твоих слуг.

Прими преосвященного Серафима доложить Тебе всю правду. Если он сам не заинтересован, не посмеет доложить иначе, чем я Тебе писал, дорогой папаша.

Всей душой Твоей, всем сердцем Твоим, всей Твоей Самодержавной властью приведи в порядок эту великую святую обитель. Она — опора Твоего трона.

Благословит и сохранит Господь Бог Тебя, Мамашу, Алешу, Ильки и все Твое семейство на многие лета.

Чистый молещик Твой

Митя Козельский.

Из воспоминаний прот. Василия Шустина

Нашлись люди, которым мудрость батюшки не давала жить, и враг не дремал. Поселился в скиту некто Митя Косноязычный из гор. Козельска. Был он пьяница, и тайно развращал монахов. Батюшка не мог этого тер-

петь и выселил его из скита. Сейчас же против батюшки ополчился целый легион... В Оптину приехала одна из женщин петербургского религиозно-политического кружка графини Игнатьевой, и собрала против батюшки все обвинения, какие только можно было измыслить: что батюшка вольнодумен, что он любит роскошь, ибо украшает свою келью цветами, что он вольно обращается с женщинами, плохо управляет скитским имуществом, берет себе деньги с богомольцев... Приезжавший в Оптину епископ Серафим (Чичагов) обелил батюшку, но дело его отзывает из Оптиной уже было, где-то, решено. О. Варсонофий должен был покинуть скит... Я, как раз к этому времени приехал в Оптину. Батюшка встретил меня с радостью, поведал мне о своих обстоятельствах, и рассказал, как, накануне, дьявол ополчился не только на его имя, но и на его жизнь.

«Приехал сюда один офицер и стал требовать от меня записку в том, что я согласен на его брак с одной девушкой, очень религиозной, но мне незнакомой. Он хотел обманом жениться. Я категорически отказался дать ему такую расписку. Даже надписать св. Евангелие. Тогда тот начал кричать на меня, наконец, выхватил шашку из ножен и стал ею размахивать, наступая на меня, а я, — говорит батюшка, — скрестив руки стою перед ним. Он махал, махал, но никак не мог меня задеть. С ругательством, вложил шашку в ножны и побежал, но в безумии своем не мог найти выхода из скита. Встретив одного монаха, он велел вывести его из скита и проводить его до гостиницы; тот сказал, что не имеет права выходить без благословения старца. Тогда офицер выхватил револьвер и заставил его идти с ним. Конечно, я мог бы возбудить дело против него, я знаю, какого он полка, и мог бы написать в офицерский суд, но это не наше дело, это не монашеское дело, мы должны сказать: да будет воля Божия». Потом батюшка сказал: «Пойди в келью отца Нектария и скажи, что я прислал тебя».

В день отъезда батюшка служил в скиту литургию и затем прощался с братией у себя. Прощание было трогательное, почти всем он кланялся в ноги, а некоторым, поклонившись, не хотел и вставать. Много было слез. В три часа совершил напутственный молебен и отправился на вокзал: вещей у него было, один маленький ручной саквояжик. Погода была отчаянная, поднялась страшная выюга с мокрым снегом. Прямым путем на вокзал нельзя было ехать, т.к. река Жиздра разлилась. С большой опасностью перебрались мы через реку. С батюшкой до вокзала провозжать

на маленьком пароме поехал его духовник и о. Нектарий. Я ехал вместе с духовником батюшки о. Феодосием. Он был поражен смиренным отца Варсонофия и всю дорогу умилялся. Ехали мы до вокзала вместо обычного часа три с половиной часа. Дорогой батюшка совсем окоченел. Благодарение Богу, что поезд опаздал и батюшка мог согреться чаем. Билеты, по распоряжению батюшки, были взяты третьего класса. Но при пересадке я уговорился с обер-кондуктором и не дал батюшке войти в третий класс, и вместе с двумя келейниками поместилась мы в купе 2-го класса. Дорогой батюшка почти не спал, но при этом почти не говорил ничего.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ЧИТАЕТ С. А. НИЛУСА

Император Николай II, познакомившись с «Протоколами» в 1906 году по Царскосельскому изданию 1905 г. книги С. А. Нилуса «Великое в малом», оставил пометки на полях предоставленного ему экземпляра:

«Какая глубина мысли!»

«Какая предусмотрительность!»*

«Какое точное выполнение своей программы!»**

«Наш 1905 г., точно, под дирижерством мудрецов»***.

«Не может быть сомнений в их подлинности».

«Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства»².

По свидетельству жандармского генерал-майора К. И. Глобачева (1870 †?), представил Государю «Протоколы» дворцовый комендант (до этого, с апреля 1905 г. — министр внутренних дел) генерал-майор свиты Д. Ф. Трепов (1855 †1906), получивший их от Московского губернатора, генерал-майора свиты В. Ф. Джунковского (1865 †1938). «Чтение «Протоколов», — вспоминает К. И. Глобачев, — произвело очень сильное впечатление на Николая II, который с того момента сделал их как бы своим политическим руководством. [...] Заинтересовавшись получением «Протоколов», Николай II обратил внимание на заграничную агентуру и наградил многих орденами и денежными наградами»³.

Однако на этом история представления Государю «Протоколов» не кончилась. Тот же К. И. Глобачев пишет: «Под давлением Лопухина Столыпин приказал произвести расследование об их происхождении двум жандармским офицерам — Мартынову и Васильеву». Дознание установило «подложность» «Протоколов». В результате «на докладе правых о возможности использовать» их Император Николай II, по словам жандармского генерала, написал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело делать грязными способами»⁴.

---

* В другом месте передававший слова Государя дает их в несколько измененном виде: Какое предвидение!

** В др. варианте: Какая точность исполнения!

*** В др. варианте: Наш пятый год, точно, под их дирижерством!

Чисто внешнюю канву событий, опираясь на семейную традицию, рисует сын министра внутренних дел и председателя Совета Министров Российской Империи А. П. Столыпин (1903 †1990): «Данные, собранные комиссией, были весьма вескими. Когда мой отец поехал с докладом по этому делу к Императору Николаю II и сообщил, что на основании заключений комиссии намерен запретить распространение «Протоколов» в России, Монарх был потрясен. Быть может, он верил в существование мирового еврейского заговора или допускал его возможность. Но методы, примененные Рачковским, глубоко возмутили рыцарскую натуру. Он одобрил доклад моего отца, содержащий запрет «Протоколов», осудив применение «порочных методов».

Категорическая позиция, занятая моим отцом, и запрет Государя не полностью обезоружили реакционный лагерь. Некоторые люди, в том числе и вполне добросовестные, продолжали отстаивать подлинность «Протоколов». Текст передавался из рук в руки, но дело заглохло. В Царской России широкого распространения «Протоколов» не получили»⁵.

Однако, чтобы вполне оценить выводы комиссии, которые заставили Императора изменить свое первоначальное мнение (к которому, как мы дальше увидим, он вновь возвратился), нужно обратиться к характеристике, скороговоркой названного генералом К. И. Глобачевым Лопухина, «под давлением» которого, как мы помним, П. А. Столыпин приказал произвести расследование о происхождении «Протоколов».

Ангажированность Алексея Александровича Лопухина (1864—1928), в 1902 г. пересевшего из кресла прокурора харьковской судебной палаты в кабинет директора Департамента полиции, не вызывает сомнения. Известно, что в 1903 г. он расследовал причины и обстоятельства еврейского погрома в Кишиневе. Именно к нему обращался небезызвестный председатель Комитета министров С. Ю. Витте с чудовищным предложением царубийства⁶. В 1906 г. наряду с давлением, оказанным на П. А. Столыпина, А. А. Лопухин «сделал попытку свести свои счеты» с возглавлявшим политический отдел Департамента полиции П. И. Рачковским (1853 †1911). Получив через бывших своих сослуживцев компромат, «убранный» из Департамента А. А. Лопухин «выступил в печати с разоблачениями о печатаемых в Департаменте полиции погромных прокламациях». Деятельность А. А. Лопухина была прервана в 1909 г., когда он был арестован и предан суду особого присутствия Сената по обвинению в оказании помощи эсерам в разоблачении Азефа⁷ как агента

охранного отделения. Был приговорен к лишению всех прав, состояния и ссылке в каторжные работы на пять лет, замененные ссылкой на поселение в Сибирь⁸.

* * *

Знакомство Царской Семьи с книгой С. А. Нилуса продолжилось уже в ссылке. 20 марта 1918 г. Государыня пишет А. А. Вырубовой из Тобольска: «Большевики у нас в городе — ничего, не беспокойся. Господь везде, и чудо сотворит. Не бойся за нас. Зина⁹ мне послала свою книжку «Великое в малом» Нилуса, и я с интересом читаю ее...»¹⁰

Генерал М. К. Дитерихс свидетельствовал: «Часть... книг, взятых с собой Царской Семьей в Тобольск из библиотеки Царского Села, оказалась в помещении Волжско-Камского банка. [...] В Екатеринбурге в доме Ипатьева тюремщики лишили возможности Царскую Семью пользоваться книгами. [...] Филипп Проскуряков [охранник дома Ипатьева. — *Сост.*] рассказывал, что обыкновенно читал Государь или Государыня, а все остальные заключенные, собравшись вместе в столовой, слушали и занимались каким-либо рукоделом»¹¹.

В первых числах августа 1918 г. и.д. следователя А. Наметкин осматривал дом Ипатьева и в «Протоколе осмотра» за 6 августа отметил: в комнате и спальне Великих Княжен «в заднем левом углу у печки стоит высокая, окрашенная черной краской подставка для цветов, на которой три книги: «Великое в малом и Антихрист» Сергея Нилуса, «Война и мир», т. 1, Толстого и «Библия» на русском языке»¹².

Книга С. А. Нилуса была одной из девяти «неразлучных спутниц», принадлежавших Государыне Александре Феодоровне, и фигурирует в описях, подписанных генералом М. К. Дитерихсом и следователем Н. А. Соколовым¹³. Перечисляя книги, последний подчеркивал: «В них весь их моральный облик, вся их душа»¹⁴.

Читал книгу и Государь (причем, судя по названию в «Протоколе осмотра», все то же второе Царскосельское издание 1905 г.), о чем не преминул сделать запись в дневнике под 27 марта 1918 г. (вторник): «Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и масонов, — весьма современное чтение»¹⁵.

И в заключение приведем один имеющий немаловажное значение факт. Именно С. А. Нилус обратил внимание на промыслительное значение евангельского чтения в день цареубийства. Это он не раз подчеркивал в разговорах в последний год своей жизни, что хорошо запомнила М. В. Смирнова-Орлова*.

Как известно, убиение Царской Семьи произошло 4/17 июля 1918 г., в среду 3-й седмицы по Пятидесятнице (Пасха в 1918 г. приходилась на 22 апреля, Пятидесятница — на 10 июня), во время Петрова поста. На Божественной литургии в этот день читается Евангелие от Матфея, 36-е зачало, т.е. глава 10-я, 16–22 стихи**:

Се аз посылаю вас, яко овцы посреде волков: будите яко мудри яко змия, и цели яко голубие. Внемлите же от человек: предадут бо вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас. И пред владыки же и цари ведени будете Мене ради, во свидетельство им и языком. Егда же предают вы, не пещытеся, како или что возглаголете: даст бо ся вам в той час что возглаголете. Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец чадо: и восстанут чада на родители, и убьют их. И будете ненавидими всеми имене Моего ради: претерпевый же до конца, той спасен будет.

Однако самым удивительным является, пожалуй, то обстоятельство, что в Службе Свв. Царственным Мученикам Русской Православной Церкви Заграницей на утрени читается именно это Евангелие. Дело в том, что это евангельское чтение является одним из двух, принятых Православной Церковью для чтения на общей службе мученикам.

---

* См. заключительный раздел наст. тома.

** За раскаты, совершенные 4/17.7.1995 г., приносим благодарность прот. Валериану Кривотову.

АРХИПАСТЫРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

1

*Священномученик Владимир (Богоявленский),
Митрополит Московский и Коломенский,
Епископ Никон (Рождественский)*

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ В ЭТИ ТРЕВОЖНЫЕ НАШИ ДНИ?

*Слово, произнесенное по распоряжению
высшей Московской Епархиальной Власти во всех
храмах города Москвы 16 октября 1905 года*

Духовный очерк С. А. Нилуса «Антихрист, как близкая политическая возможность», с включенными в него «Протоколами Сионских мудрецов» впервые был издан как вторая часть книги писателя «Великое в малом» (Царское Село: тип. Царскосельского комитета Красного Креста, 1905). Программа порабощения христианского мира сатанистам, изложенная в «Протоколах», обратила на себя пристальное внимание архипастырей и пастырей Русской Церкви (прежде всего в лице Св. праведного о. Иоанна Кронштадтского и епископа Никона (Рождественского)), однако ввиду политической остроты нилусовского очерка они не спешили с его печатной оценкой. Тем временем, диавольский план по подготовке революции в России, о котором предупредил Сергей Александрович, начал приводиться к исполнению. Грянула первая «русская» революция 1905 года, по удачному выражению Ленина, «генеральная репетиция» октябрьского переворота 1917-го. На улицах первопрестольной столицы пролилась православная кровь, подверглись нападению от распоясавшихся уголовников многие храмы, попирались государственные законы, самое имя и портреты Государя Николая Александровича осквернялись. Тогда подошел срок открыть глаза верующему народу на истинный смысл происходящего, прямо назвать виновников бунта.

Важным шагом в этом отношении явилась проповедь святого митрополита Владимира (в будущем — Киевского и Галицкого, первомученика из числа архиереев¹), занимавшего тогда московский святительский престол. Эта проповедь была написана при ближайшем

участии епископа Никона (Рождественского), викария Московской епархии. По распоряжению митрополита в воскресенье 16 октября 1905 года во всех столичных храмах в конце литургии было произнесено составленное им слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?». В святительском обличении опубликованные С. А. Нилусом «Пропоколы» рассматривались как секретный документ, излагавший истинные цели лыстящих простому народу заговорщиков. Знаменательно, что слово было произнесено священномучеником Владимиром в Успенском соборе Московского Кремля накануне 17 октября, когда Русской Церковью было установлено служение благодарственных молебнов в честь чудесного избавления от смерти Императора Александра III и всей его Семьи во время крушения Царского поезда вблизи ст. Борки, и накануне Высочайшего манифеста 17.10.1905 о даровании гражданских свобод, который окончательно развязал руки революционерам. Совершивший в церкви Епархиального Дома богослужение преосвященный Трифон (Туркестанов), епископ Дмитровский (верный ученик и последователь Оптиных старцев²) призвал православный народ к молитве, посту и покаянию.

Глубоко назидательное слово произвело на пришедших к воскресной службе сильное впечатление, многие из богомольцев не могли удержаться от слез и плакали. После литургии следовало молебенствие о прекращении смуты, сопровождавшееся возношением особой молитвы Господу («Владыко Господи Боже наш, высокий и славный Человеколюбче, воздай комуждо противу трудов честь и славу...») и т.д.)³.

Проповедь священномученика Владимира вызвала негодование в либерально-демократической прессе, а также среди духовенства, симпатизировавшего реформе государственной власти в России. Шестидесятилетний архипастырь был обвинен в «погромных» настроениях, в поддержке «Союза русских людей», что среди либерально настроенного духовенства не приветствовалось⁴. Несмотря на злобные нападки, святой владыка остался верен избранному пути и ни в чем не отступил от своих взглядов, продолжая являться на заводы и фабрики и после молитвы вести беседы с рабочими о вреде увлечения социализмом, как бы пророчески предсказывая, к какому несчастью приведет Россию это антихристианское учение⁵.

По словам одного из зарубежных русских архиереев, «кроткий и смиренный, ничего для себя лично никогда не искавший, правдолюбивый и честный Владыка Владимир постепенно и тихо восходил на высоту

иераршей лестницы и сразу высоко поднялся своим авторитетом и привлек сердца церковной и патриотической России в дни всеобщего шатания и измены (1904—1905 г.), когда немногие оставались верными долгу и присяге, твердыми в защите Православной Церкви. Владыка Митрополит Московский тогда явил доблестный образец твердого и неподкупного стража Церкви и Родины...»⁶

По распоряжению высшей Московской Епархиальной Власти в воскресенье, 16 октября [1905 г.], во всех храмах Первопрестольной Столицы во время литургии последуют следующие прошения:

1) На Великой ектении.

После: *О плавающих:*

О еже услышати глас молитвы нас, недостойных рабов Твоих, и простити нам вся прегрешения, имже раздражихом, ярость же и негодование Твое на ся воздвигохом, Господу помолимся.

О еже отвратити [sic] весь гнев ярости Своея, праведно на ны движимый, и милостиву и благоуветливу быти нам недостойным, Господу помолимся.

О еже вскоре сердца непримирительная озлобленных людей, от кровопролитного их желанья к братолюбью и умирению преложити, и утолити междуусобную брань, Господу помолимся

2) На Сугубой ектении.

После: *Еще молимся о всем их христолюбивом:*

О еже искоренити вся зависти, рвення, гневны, и братоненавидения, и вся прочия страсти, в нас обретающияся, из нихже истекают вся крамолы, раздоры и нестроения, ныне сущия, Господу помолимся.

Еще молимся Господу Богу нашему, о еже призрети на стенание, слезы и вопль людей Своих, и видево озлобление, нищету и смирение наше, милостиву быти и отвратити от нас весь гнев Твой, праведно движимый на ны, и помиловати нас.

Еще молимся, о еже утолити вся крамолы, нестроения и раздоры, грех ради наших сущия, и утолити вскоре междуусобную брань, и помиловати нас.

Еще молимся, о еже не оставити стадо Твое озлобленными лукавых и враждебных человек погубити и умалятися, но вскоре свыше Твою помощь, заступление же и отраду верным, аще и недостойным, рабом Твоим подати, и от всякаго злаго обстояния силою благодати Своея избавити, и помиловати нас.

Господи Боже наш, остави вся грехи и беззакония наша, имже раздражихом Твое человеколюбие и прогневахом Твою благодать: но отврати от нас весь гнев Твой, праведно движимый на ны, и утолити вся крамолы, нестроения и раздоры, ныне сущия и междуусобныя брани утолити и подаждь мир и ти-

шину, любовь же и утверждение и скорое примирение людям Твоим, иуже честною Твоею искупил еси кровию: славы ради имени Твоего, утверждения же и укрепления Церкви Твоея святая, молим Ти ся, услыши и помилуй.

В конце литургии будет произнесено следующее слово:

*Заступнице усердная,
Мати Господа Вышняго,
всех нас заступи!..*

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междуцарствия, — обратилась, и Москва была освобождена от Поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Блазится день, когда Москва благодарственно вспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле со слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: *Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..*

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не Поляки, не внешние враги, а свои же, Русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожай⁷, то болезни, то несчастная война⁸, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у Русских людей. По приказу подпольных крамольников начались повсюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот, дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает, а сколько тысяч грудных младенцев, сколько несчастных старцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне — завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов — подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это — так называемые «социал-демократы», это — революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы

избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое учение Христово. Так, заповеди Христовы говорят: не укради, не пожелай себе чужого, а они говорят: все — общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповеди Христовы говорят: делись с ближним твоим последним куском, последней копейкой, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповеди Христовы говорят: воздадите Кесарева Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь — тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обрешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого... Берегите же себя, возлюбленные братья, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазна, — говорит Спаситель, — но еще больше горе тому, через кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя — целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнительей — крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой страшный суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную лень и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лезть их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знаменем, взглянем опасности прямо в глаза. Ведь еще немного и — люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божии, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого — то и желают, этого — то и добиваются всячески и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? — что делать? — вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? — очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из ближних наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо.

Она подскажет, Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу за — говорит с нами о том, что надо делать. Она скажет нам, что прежде всего — надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братьев своих, если это будет Богом суждено. Это — в самих себе. А затем — около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, *да вразумит их Господь ими же весть путями* — словами любви и братского увещания к ним попытаемся, приложим все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это — святое, христианское дело. *Обративый грешника от заблуждения пути его*, — говорит слово Божие, — *спасет душу от смерти и покроет множество грехов* — и его и своих. — А затем — каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальницы — матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми — нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: *чти, люби, береги свою мать!* Защити ее от безумца брата, лиши его возможности вредить ей! — Если бы твой лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцем вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата — безумца? — Но вот, смотри: твою дорогую Мать, родную твою Русь, ее несчастные безумцы — дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню — Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку — Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть покойным при этом, *Русский* человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданическую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои безтрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, по — нынешнему мещанин, Кузьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним всю Русь на защиту Родной Земли. Посмотри, как он на своем памятнике благородно — энергически по — зывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца

Кремль болящему князю Димитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный Костромич, крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, в куски изрубленный врагами — Поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство — народ возлюбите! Сам Христос подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал — рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громное *Осанна*. Нам ли не любить земли отцев своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы костями нашими в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братия возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Мать Божия, по молитвам предков наших, спасла землю Русскую в тяжкую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия Поляков и Литовцев — сегодня прольем пред Нею и Ея Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении Родной Земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помогимся Ей о несчастных братьях наших, смутною увлеченных на погибельный путь...

Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаем от множества прегрешений! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо Едино надежду имамы...

2

Епископ Феофан (Быстров) Полтавский

ПИСЬМО С. А. НИЛУСУ

24 ноября 1915 г.

Досточтимый Сергей Александрович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше внимание ко мне, выразившееся в посылке мне Вашей книги «На берегу Божьей реки». Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами. Упорно и с каким-то ожесточением гонят от себя самую мысль о кончине Мира и о пришествии антихриста. Их очи духовно

ослеплены. Они видя не видят и слыша не разумеют. Но от истинно верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт, даже более того: на ком почиет благоволение Божие, им будут открыты и время пришествия антихриста, и кончина мира точно. Когда Господь изречет Свой грозный суд над грешным миром: *не имать пребывати Дух Мой в человецех сих, яже суть плоть; тогда Он скажет верным Своим рабам, изыдите от среды их и отлучитесь и нечистот не прикасайтесь. Аз прииму вы* (2 Кор. 6, 17; ср. Исаии 52, 11). И сокровит их от взоров мира, воздыхающего в страхе грядущих бедствий. Поэтому велика заслуга тех, кто напоминает людям века сего о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух мира всего благовременно и безвременно со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2)!

Ваш искренний почитатель и богомолец, *Епископ Феофан.*

3

*Письмо Епископа Феофана Архиепископу Никону
(Рождественскому)*

1917.1.8
Полтава

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Сердечно благодарю Вас за Ваше братское о Христе приветствие с праздниками. Со своей стороны взаимно Вас приветствую и желаю Вам грядущее новолетие провести в добром благополучии и многоплодном служении Св. Православной Церкви.

Я вполне согласен с Вами, что мы переживаем тяжелое во всех отношениях время.

Тяжелая опасность надвигается на русское Государство и на русскую Православную Церковь.

Критическое положение церковных дел осложняется тем, обстоятельством, что религиозное брожение и шатание коснулось и самой иерархии.

Я думаю, что такое неопределенное положение не может продолжаться долго. Оно определится в ближайшем будущем. Пришествие антихриста, полагаю, недалеко от нашего времени. Но до наступления этого момента как бы ни было тяжело положение Церкви, «благодатный останок», — по нашему глубокому убеждению и вере, останется

непоколебимым в истине православной. Верю, что Господь в нужное время воздвигнет решительных и ревностных защитников истины православной из среды этого «останка»⁹. Нам же нужно быть готовыми во всеоружии веры, истины и правды встретить надвигающуюся опасность со стороны новых и последних врагов Православия... Я живу этим предчувствием и, по мере моих сил, готовлюсь к предстоящей духовной брани... Если в настоящее время я молчу, то потому, что ожидаю выступления со стороны «сильнейших»... А отчасти тщательно проверяю произведения новейшей богословской мысли с точки зрения святоотеческой литературы, чтобы возможное слово мое не было легковесным и пустым биением воздуха...

Очень рад выходу в свет книги С. А. Нилуса. Усердно прошу выслать мне 50 экземпляров этой книги. Деньги *незамедлительно* вышлю по высылке книг.

Усердно прошу Ваших святейших молитв о моем недостоинстве.

Ваш недостойный богомолец и послушник
Феофан, Епископ Полтавский

P.S. Книги прошу выслать независимо от заказа Преосв[ященного] Неофита.

4

*Письма архиепископа Феофана Полтавского
Е. Ю. Концевич*

1925.V.23.
Yertsegnovi

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

Получил Ваше письмо. Искренно благодарю за сведения Ваши, сообщения о С. А. Нилусе. Очень рад, что он жив и здоров и Господь не оставляет его среди трудных и спорных обстоятельств современной жизни. Писать ему что-либо я опасаясь. По несомненным данным, за моей перепиской следит советская агентура, поэтому в Россию я не пишу никаких писем. О схииерхимандрита Иоасафа из Густынского монастыря я знаю. О бывшем ему пред кончиной видении я очень желал бы знать. Но я думаю, что нет нужды пересылать описывающего это видение в подлиннике письма. Достаточно в Вашем письме передать сущность видения. Письмо

ведь может затеряться. Когда будете писать С. А. Нилусу, передайте ему от меня приветствие, не называя моего имени полностью, а передавая приветствие от В. Ф. Полтавского.

Вы спрашиваете меня о ближайшем будущем и о последних временах. Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровения старцев. А они передали мне следующее. Пришествие антихриста приближается и очень близко. Время, отделяющее нас от него, нужно считать годами и, в крайнем случае, несколькими десятилетиями. Но до пришествия антихриста Россия должна еще восстановиться, конечно, на краткое время. И в России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто.

Будем ожидать исполнение открытого. Судя по многим признакам, оно приближается, если только по грехам нашим Господь Бог не отменит и не изменит обещанного. По свидетельству Слова Божия, и это бывает.

Желаю Вам здравствовать. Призываю на Вас благословение Божие.

Ваш искренний богомолец и покорный слуга,

архиепископ ФЕОФАН

P.S. Если будете писать, то прошу писать по адресу:
Serbie, Srem Karlovci, Patriarchie, Archeveque Theophane.

А. Ф.

* * *

1925. XI. 2.

София.

Русское посольство

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

С великим сожалением узнал я из Вашего письма об аресте С. А. Нилуса и его супруги. Мне так хотелось, чтобы он как-нибудь выехал за границу. Здесь он, с присущим ему талантом, мог бы многое написать в пользу и защиту Св. Православной Церкви перед неверующей Европой. Будем молить Господа о его спасении.

Я очень рад, что Вы установили, хотя и заочно, духовную связь с О. А. и Т. А. Бурман. Мне кажется, что знакомство Ваше, особенно с Т. А. Бурман, будет полезно Вам. Она имеет очень чуткую и добрую душу, и Вы с ней можете быть откровенной. А одинокой Вам в настоящее время жить трудно. О. А. и Т. А. Бурман думают уезжать из Сербии. Трудно там найти заработок. Е. Е. Митрофанова зовет их в Париж, а они собираются переселиться в Болгарию. Здесь обещают устроить их некоторые из моих знакомых русских людей.

Не знаю, как Вы живете в настоящее время. Но надеюсь, что не унываете. По многим несомненным данным время спасения России приближается. Грядущая радость с избытком покроет все наши настоящие печали и скорби. А в последнее скорбное время все верующие и верные Господу будут жить под особенным покровом Божией благодати, которая защитит и спасет их от всех козней антихриста!

Будьте здоровы и хранимы Господом. Молю Господа о Вашем благополучии и спасении.

Архиепископ ФЕОФАН

* * *

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

Давно я не получал от Вас никаких известий ни о Вас, ни о Вашем дяде, С. А. Нилусе. Последнее письмо получил я от Вас в октябре месяце 1925 года. В нем Вы сообщали мне, что Вашего дядю, С. А. Нилуса, арестовали и перепроводили в Москву. Отчасти болезнь моя, а отчасти церковные дела не дали мне возможности списаться с Вами по этому случаю. В настоящее время я вновь вспомнил о Вас, и явилась у меня потребность написать Вам письмо. Будьте добры, сообщите мне, какова судьба Вашего дяди. Что произошло с ним после ареста? Как Вы сами живете и чувствуете себя? Так ли трудно жить Вам в настоящее время, как и прежде, или немного улучшилось Ваше положение? Я был бы очень рад, если бы Вы написали мне обо всем этом, насколько позволяют Вам обстоятельства Вашей жизни.

Искренно Вас уважающий и о Вас памятующий,

архиепископ ФЕОФАН

1926. VII. 10

P.S. Писать мне в настоящее время можно по адресу:
Archeveque Theophane
rue Paraskeva, № 21 (Chez Mr. Abboth)
Warna, Bulgarie

5

Е. Ю. Концевич

АРХИЕПИСКОП ФЕОФАН ПОЛТАВСКИЙ

Личные воспоминания

За свою многолетнюю жизнь я имела счастье многократно встречаться с лицами высокой духовности.

Среди них одно из первых мест в моих воспоминаниях занимает Владыка Феофан Полтавский. Я его не так много знала и не так много с ним общалась, но то малое общение, какое я имела с ним, оставило во мне чувства особого благоговения.

Другим святым подвижником, которого я, может быть, более встречала на своем жизненном пути, был Владыка Иоанн¹⁰. Я была в Париже, когда он был во главе Западно-Европейской епархии, а потом знала его в Калифорнии. Но о нем уже много написано ближайшими современниками.

В противоположность этому о Владыке архиепископе Феофане редко можно встретить упоминание в печати. Поэтому так безконечно дорога книга архиепископа Аверкия¹¹, только что вышедшая в свет, где дается образ владыки Феофана как архипастыря-подвижника. К повествованию автора приложены письменные свидетельства лиц, знавших и почитавших покойного архипастыря, а также приложен сборник его проповедей, произнесенных в Болгарии. Таковые являются поистине жемчужинами, ибо раскрывают глубочайшее значение каждого церковного праздника в его духовном понимании. Так может говорить только ученый богослов и подвижник.

Книга архиепископа Аверкия включает в себе подробное изложение жизни Владыки Феофана, я же могу только рассказать о том малом, которое выпало на мою долю.

В первый раз я увидела Владыку Феофана, когда мне было 12 лет.

Я тогда жила у моей тети Елены Александровны Озеровой в Царском Селе в Китайской деревне... «Деревня» — это здание, построенное Императрицей Екатериной Второй для придворных лиц. При «деревне» был китайский театр с драконами на крыше. Остальные крыши на домах были просто разноцветные и стилизованные под китайскую архитектуру. Дома эти тянулись вдоль шоссе, ведущего от «полу-цыркуля» Большого дворца в Софию, где квартировал гусарский полк. В начале шоссе была арка, которая называлась «Большой каприз». Не знаю, осталось ли теперь что-либо от всего этого? Дома были фундаментально построенные, комнаты с высокими потолками и широкими окнами, кафельные печи жарко натоплены, было светло и тепло. Тетя имела право пользования этим домом как незамужняя дочь после смерти отца, жившего здесь, когда он состоял при особе Императрицы Марии Александровны, супруге Александра Второго. Стояла в тот год чудная царскосельская зимняя погода: снежные сугробы, яркое солнце. Воздух восхитительный благодаря высокому положению над уровнем моря. Все это вспоминается, как дивный сон!

В эту зиму 1905 года тетя моя была в Царском Селе председателем Крестной Комиссии¹². Это было время японской войны. Лазарет для раненых находился при Александровском дворце, где жила Царская Семья. Императрица уделяла этому лазарету большое внимание. Она часто посещала палаты, иногда читала солдатам вслух Гоголя. На Рождество Христово устроили елку. Она любила, чтобы елка напоминала дерево, покрытое снегом, и потому все украшения были серебряного цвета. Тетя рассказала мне об одном случае, когда чего-то не хватило, и Императрица сама побежала во дворцовые покои, перебегая двор в одном платье, несмотря на мороз, чтобы поспешить доставить необходимое.

Я помню еще другой случай: посредн дня в китайском доме вдруг раздался в передней звонок. Выбежала открыть двери сама тетя. Вошла Императрица. Она приехала за моей тетей, чтобы с ней вместе отправиться осматривать одно из основанных ею учреждений. Это были: школа для девиц, обучавшихся уходу за детьми, а кроме того была основана кустарная школа, где, между прочим, трудились над составлением красок из смеси натуральных. Императрица помогла тете накинуть на плечи ее старую меховую пелерину и увезла ее с собой. Императрица уважала тетю, а с ее стороны видела безпределную преданность.

Я описываю всю обстановку для того, чтобы объяснить появление в китайском доме архимандрита Феофана, тогда инспектора Петербургской

Духовной Академии, ученого богослова. Он был негласным духовником Императрицы. Целью его прихода был разговор о Распутине. Архимандрит выражал тревогу по поводу вторжения во Дворец этого, по его мнению, нежелательного элемента.

Когда разговор кончился и о. архимандрит готовился уйти, тетя меня позвала в гостиную, чтобы я могла получить благословение от ею почитаемого подвижника. Прошло с тех пор 70 лет, но я, как сейчас, ясно вижу перед собой эту маленькую, уютную гостиную с удобной старинной мебелью. Могу до сих пор описать, как она была расставлена. Отец архимандрит уже стоял, собираясь уйти. Запомнился мне его строго-монашеский облик: молодой, худенький, небольшого роста, с темной бородой. Ему ведь тогда было около 30 лет. Он меня благословил, и я унесла образ этого праведника в своем сердце навеки.

Это была моя первая с ним встреча.

Тетя часто со мной говорила, как со взрослой. Очевидно, она мне сказала о своей тревоге, связанной с именем Распутина, ибо этот случай сохранился у меня в памяти по сию пору.

Прошло еще 4 года. В 1909 г. состоялась хиротония архимандрита Феофана во епископы и его назначение ректором С.-Петербургской Духовной Академии. На этом посту Владыка пробыл всего лишь один год. В следующем году он навсегда расстался со столицей и с ученой карьерой.

В это самое время, как я пишу эти строки, я имела возможность через мою сестру обратиться к живому свидетелю, бывшему в Болгарии келейником Владыки, — Александру Павловичу Севрюгину с просьбой сообщить мне о том, как отзывался Владыка Феофан о Распутине.

На мою просьбу последовал следующий ответ: «Владыка Феофан никогда не произносил о Распутине резких слов. Он говорил лишь, что Распутин был «на плохом пути». Владыка, будучи необыкновенно деликатным и сдержанным, не был способен иначе выражаться. Он говорил, что Распутин был одарен духовно и что такие люди или доходят до святости, или погибают. Владыка, предвидя грозные последствия, многократно пытался вразумить Распутина. Он говорил ему: «Григорий, ты на опасном пути...» «Беседы наши с Владыкой, — говорит Севрюгин, — происходили не на той даче, где имели место таинственные явления. Ее пришлось покинуть из-за ишествия змей. Владыка приписывал их появление действию злых сил. Мы переехали на дачу «Руми». Там Владыка

приходил к нам на кухню и часто делился с нами пережитыми им в прошлом событиями»¹³.

В 1910 г. Владыка Феофан был назначен епископом Таврическим и Симферопольским, а через два года был переведен в Астрахань. Здесь он пробыл всего один год и заболел малярией. Полюбившая его паства силой противилась его отъезду. Толпа народа легла на рельсы, не давая поезду двинуться в путь. В 1913 г. Владыка вступил в управление Полтавской епархией, тем благодатным краем, где «все обильем дышет, где реки льются чище серебра». В этом чудесном крае он также был любим паствою. Он пробыл там вплоть до отъезда из России. Многие очевидцы, в том числе и мой муж, рассказывали, как полтавцы горячо почитали владыку Феофана. Когда он прибывал в собор для служения, ступени храма и весь путь при входе посыпался цветами. Моя тетя, о которой речь была выше, поселившись в Полтавской губернии, ездила в Полтаву к Владыке и также мне рассказывала об общей к нему любви его паствы. Из ее уст я слышала, между прочим, следующий случай: в Полтаве жила особенно благочестивая пара. И муж, и жена были преданы Владыке. Когда умер ее супруг, скорбящая вдова спрашивала Владыку: известна ли ему загробная участь ее мужа? Владыка ей ответил, что, может быть, через некоторое время он даст ей ответ на ее вопрос. Владыка молился и смог дать вдове утешительный ответ.

О другом случае при мне рассказывал князь Владимир Давидович Жевахов, впоследствии принявший епископский сан с именем Иоасафа¹⁴. Он спросил Владыку Феофана о загробной участи Белгородского архиерея, которого нашли повесившимся в уборной. Погибла ли его душа? Владыка сказал, что этот епископ не погиб. Он не сам себя повесил, но это совершили бесы. Оказывается, что архиерейское подворье перестраивалось. Строители кощунственно соорудили уборную в том месте, где в прежнее время помещался алтарь домово́й церкви и стоял престол. Когда оскверняется освященное место или там, где совершается убийство или самоубийство, оттуда отходит благодать Божия, и в этом месте поселяются бесы. Неизвестно, в какой мере этот епископ был виноват в столь недопустимом недосмотре, но он оказался жертвой¹⁵.

Мирная жизнь Владыки Феофана в Полтаве продолжалась всего лишь 4 года: с 1913 по 1917, когда вообще окончилась мирная жизнь в России. После революции был созван Всероссийский Собор¹⁶. На Соборе владыке Феофану было поручено исследование вопроса об имябожничестве¹⁷. Пять

лет перед этим, а именно в 1912 году, возникла на Афоне трагическая смута, связанная с этим вопросом. В 1917 году эта смута была далеко не изжита. Владыка Феофан собрал огромный материал касательно этого вопроса и готовил обстоятельный доклад. Что случилось с этим его трудом, если ему удалось вывезти его за границу, и вообще со многими учеными трудами Владыки?

После больших испытаний и тюремного заключения от украинского правительства Владыке удалось перебраться за границу. Он пребывал в Сербии и Болгарии и был членом Синода Зарубежной Церкви. Во Францию он переехал в начале тридцатых годов.

С самого начала революции и мне пришлось очутиться за границей. Условия жизни были тяжелыми, но потерю родины я переживала как потерю самого главного. Вспоминалось мне, как в былое время я возвращалась домой из заграницы, какую радость испытывала я, попадая в ширококолейный вагон, радовалась даже, увидев на платформе форму русского жандарма! Вот из окна вагона начинает мелькать незатейливый пейзаж: поля, березки, сосны... Но это все свое — русское! Какое великое счастье — я в России, я дома! Здесь мое место! Но это все теперь ушло навеки! Кроме потери родины рухнула связь со многими лицами, представлявшими для меня Святую Русь, на которых можно было опереться. Надо было работать и не думать. Но душа была полна скорби. Если в России все святое уничтожается, — может ли мир дальше существовать? Узнав о пребывании на Балканах Владыки Феофана, я ухватилась за мысль обратиться к нему письменно. Надежда меня не обманула: я получила от Владыки ряд утешавших меня писем. Относительно конца мира и надежды на возможность возрождения России Владыка мне ответил следующее: *Вы спрашиваете меня о ближайшем будущем и о последних временах. Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровение старцев. А они передавали мне следующее: пришествие антихриста приближается, и оно очень близко. Время, отделяющее от него, надо считать годами и в крайнем случае несколькими десятилетиями. Но до пришествия антихриста Россия еще восстановится, конечно, на короткое время. И в России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто. Будем ожидать исполнения открытого. Судя по многим признакам, оно приближается, если только по грехам нашим Господь Бог — не отменит и не изменит обещанного. По свидетельству слова Божия, и это бывает.*

Когда Владыка в начале тридцатых годов переселился во Францию, он жил с моими давнишними знакомыми: то были Феодор Николаевич и Лидия Николаевна Пороховы. Они выехали из России под фамилией финляндских граждан Вальконен. Лидия Николаевна была дочерью камерфрау Императрицы г-жи Герингер¹⁸. С ними выехала их верная горничная Настя под видом их племянницы. Настина сестра была монахиней в Выксунском монастыре, основанием старцем Вариавой [Гефсиманским (Меркуловым)]. — *Сост.*] Двери дома Пороховых-Вальконен были заперты решительно для всех. Меня принимали в виде исключения. Я их еще знала по Петербургу и обедала у них однажды с моей тетей. Кроме меня приходил молодой человек, который был в Полтаве посошником у Владыки. Лидия Николаевна мне говорила, что к Владыке просился приходиться о. протоиерей Сергей Четвериков¹⁹, чтобы беседовать на тему об Иисусовой молитве. Но ему было поставлено условие прекратить всякое общение с «Христианским Союзом Молодых Людей». О. протоиерей не согласился.

Пороховы жили в предместье Парижа Кламаре. Я ездила туда от времени до времени. Мне приходилось присутствовать при служении Владыкой литургии.

После обедни пили чай в столовой. Владыка рассказывал присутствующим случаи из жизни святых. Я сидела на дальнем конце стола и уже тогда начинала глохнуть, поэтому мне было трудно уловить нить его рассказа, но я помню, что речь шла об египетских пустынноиках.

В один из моих приездов Владыка велел мне принести ему для просмотра тот материал, который я получила из России десять лет перед этим. Там была рукопись книги «На берегу Божией реки», которую удалось только недавно напечатать, а именно в 1969 году. Прочтя рукопись, Владыка не одобрил в ней автобиографию старца Ионы Голосеевской Пустыни. Слова Владыки были для меня законом, но в этом случае я сама разделяла его взгляд. Таким образом, эта довольно объемистая часть не попала в печать²⁰.

В 1935 году я вышла замуж. Нас обоих пригласили приехать в Кламар. Мы пили чай в присутствии Владыки.

Скромный и молчаливый, муж мой не проронил ни слова о том, что он давнишний, еще с Полтавы, почитатель Владыки и ездил к нему в монастырь, который находился вблизи Херсонеса, получив отпуск на фронте во время гражданской войны. Когда же я заговорила в следующий

мой приезд в Кламар о том, что нам желательно принимать участие в попечении о нуждах Владыки, со стороны Лидии Николаевны я встретила полный отпор. Это было, очевидно, понято как некое нежелательное вторжение в их жизнь, недоверие к моему мужу. Войти в непосредственное сношение с Владыкой помимо его окружения не представляло возможности. Никогда не пришлось говорить с Владыкой с глазу на глаз²¹.

Муж мой, как инженер, работал по электрофикации отдаленных от центра местностей, и мы попали в Париж только во время войны. За эти 5 лет в жизни Владыки произошли следующие перемены: переезд из Парижа в провинцию на ферму бывшей полтавской помещицы²², где вскоре Пороховы умерли²³ и Владыка остался с этой помещицей и Настей²⁴ вплоть до своей кончины 6/19 февраля 1940 года.

Уже живя в Америке, узнала я об обстоятельствах жизни Владыки в провинции. Очевидно, для него не было отдельного помещения в обыкновенном фермерском доме. Он поселился в меловой пещере, вырытой в горе. Я теперь себя горько упрекаю в том, что мы не проявили большей настойчивости. Если бы заранее знали о положении вещей, у нас хватило бы средств на постройку келли. В таком климате, где бывает снег и морозы, Владыке, несомненно, было очень тяжело, особенно при его слабом здоровье.

После кончины Владыки в Париж приезжал о. Варнава²⁵, который хоронил Владыку. Мы его пригласили обедать в надежде услышать от него какие-либо подробности о жизни Владыки на этой ферме. Отец Варнава был монастырским иеромонахом, по натуре он был «израильтянином без лукавства». Для него покойный Владыка был просто обыкновенным архиереем на покое. Он нам ничего не рассказывал. Вероятно, и мы не сумели его расположить к большей откровенности.

Заканчивая, хочу упомянуть об одном ближе мне известном случае. Александр Иванович Диковский, ротмистр Иркутского гусарского полка, был убит в сражении в 1914 году осенью. Это был христианин и человек праведной жизни. Тело его было привезено в город Кременчуг. Ко времени погребения из Полтавы прибыл Преосвященный Феофан, который отслужил заупокойную литургию и отпевание. В частной жизни он не знал семью покойного. Он прибыл по собственной инициативе. Вдова покойного мне говорила, что Владыка служил, как

ангел. Служение его было невыразимо прекрасным и умиротворяющим. Это дивное служение внесло в ее окаменевшую от скорби душу мир и утешение²⁶.

6

Архиепископ Никон (Рождественский)

НЕЧТО О ТАЙНЕ БЕЗЗАКОНИЯ

Из дневника епископа

Мир добра, света и красоты и мир зла, тьмы и всякого уродства конечно противоположны друг другу, до полного взаимного отрицания, а человек живет посреди сих двух миров, склоняясь своею свободною волею то в сторону добра, то в сторону зла. Его сердце способно возноситься до превыспренних высот небесных, к самому престолу Бога, Творца и Вседержителя, и опускаться до преисподних глубин сатанинских; духовная природа человека может совершенствоваться до богоуподобления и ниспадать до осатанения. И опасность для человека в том, что он не может стоять на одной точке: он или идет к совершенству, или ниспадает долу в нравственном отношении, причем и в том, и в другом случае он влечет за собою других, с ним соприкасающихся людей.

От веков древних были выдающиеся люди того и другого типа. Христианская древность дала нам высочайшие образцы духовного совершенства святых людей; язычество дало нам образцы противоположные. Вседействующая сила благодати спасающей избирает себе от всех народов земных всех, способных воспринять спасение во Христе, — так совершается тайна спасения людей; сатана ловит в свои сети всех, кто не способен становиться к восприятию благодати Божией: так совершается тайна беззакония, о коей говорит св. апостол Павел. И чем ближе подходит к концу круг Богом определенных для бытия сего мира времен, тем менее остается среди людей избранных благодати, тем дерзостнее становится враг Божий в распространении своего царства, тем ужаснее раскрываются глубины сатанины, о коих пишет святой апостол Иоанн Богослов, тем более открывается и тайна беззакония. В наше время зло уже не считает нужным лицемерно только прикрываться именем добра: оно без всяких колебаний объявляет, что оно-то и есть настоящее добро. И до каких

поистине ужасных пределов разрастаются замыслы сатаны в борьбе с добром — страшно подумать! Теперь уже не тайна, что существуют тайные общества, имеющие специальною целью уничтожение христианства, разрушение государства, семьи, уничтожение собственности и всей культуры, тысячелетиями накопленной в человечестве, и обращение всего человечества к состоянию дикости каменного века... Не тайна это, а между тем, многие ли верят этому факту? Недавно один из уважаемых святителей говорит мне: «Да что такое масоны? Что-то чудовищное говорят о них, а где они? Кто они? Это похоже на какую-то сказку...» И в обществе нередко приходится слышать шутивное отношение к этой «сказке».

Недавно вышла небольшая книжка графини С. Д. Толь под названием «Ночные братья: Опыт исторического исследования о масонстве в Германии»²⁷. Эту книжку я усердно рекомендовал бы прочитать всем, сомневающимся в существовании масонства как опаснейшей организации для всего культурного мира. Речь идет о Германии, но когда читаешь книжку, то невольно страшно становится за нашу матушку Россию. Уж если хитроумные немцы попались на удочку этим агентам сатаны, то тем скорее может попасть на эту удочку наше простодушие, наша широкая русская натура. И перечитывая то, что совершалось в Германии, невольно вспоминаешь и то, что творилось в последние годы у нас на Руси...

Автор упомянутой книжки имеет целью фактами доказать и убедительнейшим образом доказывает, что 1) масоны, или, как они называются в книжке, «ночные братья» — озлобленные враги всякой христианской веры, а в особенности Божественной Личности нашего Спасителя; 2) что они враги всякого монархического правления и вообще государственности; 3) что они враги семейного начала и — 4) упорные преследователи института частной собственности кроме, конечно, своего личного имущества. Для достижения вышеозначенных целей они действуют тремя способами: лукавством, насилием и изменой. Для тех, кто склонен считать масонство сказкой, может оказать незаменяемую услугу опубликованная еще в 1818 г. так называемая «Кельнская хартия». Ничего бы не пожалели масоны, если бы было возможно уничтожить или, по крайней мере, дискредитировать этот документ; по счастью для человечества этого сделать невозможно. Эта грамота была найдена в архиве главной масонской ложи в Гааге с постановлениями Конвента Вольных Каменщиков, бывшего в Кельне 24 июня 1534 г. Насколько этот документ важен для самих масонов, видно уже из того, что в 1835 году ими была выбита особая медаль в память

300-летия этой хартии. Из этой хартии видно, что масонство представляет собою тайное государство в государстве, что во главе его стоит «мало кому ведомый, невидимый начальник или патриарх», что при этом патриархе имеется «совет мастеров высших степеней», что богослужение масонов совершенно отличается от церковного богослужения, что и само масонство совершенно чуждо и враждебно христианству, и последняя фраза этой хартии: «по летосчислению, называемому христианским», дышит явным пренебрежением ко Христу, почти ненавистью к Нему. Но что особенно поразительно, что особенно должно бы обратить на себя внимание верующих лютеран — это три — из 19-ти — подписи лиц, вполне исторически известных. Вот эти лица: Гарманнус, архиепископ Кельнский²⁸, приложивший все свои усилия, чтобы перевести свою паству из католичества в лютеранство, адмирал де-Колнньи, бывший главою гугенотов во Франции²⁹, и, наконец, знаменитый Филипп Меланхтон³⁰, всем известный друг Лютера³¹, его сподвижник и самый близкий к нему человек. Итак, трое известнейших деятелей реформации являются отрицателями Христа, врагами христианства, врагами не только католичества, но и самого лютеранства со всеми его безчисленными разветвлениями... Отсюда нетрудно вывести заключение, что и сама реформация³² была делом рук масонов, причем если еще не доказано, что Лютер был масон, зато теперь бесспорный факт, что его присный друг, имевший на него беспредельное влияние, был один из главарей масонских... Справедливо замечает графиня Толь: «После этого как-то странно звучит название «Евангелической церкви», которое так любят присвоить себе последователи Виттенбергского монаха, почему-то присвоившие себе исключительно монополию святого Евангелия». После этого, замечу и я от себя, становится понятным, почему масоны так усердно стараются совратить и наш русский народ из Православия в то же лютеранство: ведь оно, это лютеранство, есть их же детище, созданное для разрушения христианства при помощи тех искажений христианства, какие допустило католичество. Далее автор и показывает, как масонство шло рука об руку с лютеранством, как оно возродилось в немецком иллюминатстве³³, приводит из секретных документов масонства речи к посвящаемым, в коих раскрывается теория происхождения священников и царей, патриотизма, любви к родине... Инструкции этим «священникам» в сильной степени напоминают недавно опубликованные «Протоколы Сионских мудрецов». Любопытно, что сам основатель иллюминатства

Вейсгаупт³⁴ в письме к своему сообщнику смеется над своими же последователями: «О люди! — восклицает он, — подумаешь, что можно внушить вам такие мысли! Никогда не думал я, что сделаюсь основателем новой религии...»

Интересна та страшная клятва, какую приносят масоны в сохранении тайны своего учения: уже из этой клятвы можно заключать, как ужасна эта тайна. «Если я не сдержу, — говорит масон, — этой тайны, то — да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по ветру, чтобы на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника...»

Пусть вдумаются в эту ужасную клятву те, которые считают масонов какими-то невинными мечтателями. Автор замечает при этом: «И это — не пустые угрозы; дословно они теперь, конечно, не исполняются, но масону, изменившему ордену, несдобровать и в наши дни...»

Но что же это за ассоциация — масонство? Какая его цель? Кому оно нужно?

Автор отвечает: «Существуют два предположения: или масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все народы, чтобы завладеть мировым могуществом, или оно создано иудеями для достижения той же цели. Выдающуюся роль Англии в насаждении масонства легко доказать исторически, так как основателями всех лож во всем мире всегда являлись англичане. Проследить же иудейское влияние исторически пока невозможно. Его фактами нигде доказать нельзя, его можно доказать только логически. Рассеянные уже более двух тысячелетий по лицу земли, часто гонимые, упорные и мстительные, ненавидящие арийские народы, иудеи, привыкшие действовать тайно, хотя бы из чувства самосохранения, всегда мечтали царствовать над миром, а этого они могут достигнуть лишь тогда, когда рушатся все устои христианской цивилизации, а для этого нужно объявить беспощадную войну христианству, монархическому строю, семейному началу и праву собственности, т.е. сделать то, что делают масоны».

Если мы вспомним, что богоотступный народ иудейский ослеплен непримиримой злобою к самому имени Господа нашего Иисуса Христа, что он сам на себя призвал страшную клятву за христоубийство, что за это ужасное преступление на время некое (Рим. 2, 25—26) отступила от него та благодать Божия, которая промыслительно охраняет все народы земные,

приготовляя их к принятию учения о спасении, что именно от этого народа произойдет последний враг христианства — антихрист, то невольно приходишь к заключению, что именно сей народ и является орудием сатаны в осуществлении им тайны беззакония по всякому образу и в том числе в виде страшного масонства... В безумной вражде против Бога и люди могут дойти до осатанения и потерять здравый разум, который должен бы подсказать и масонам, что в общей гибели культуры неизбежно погибнут и они, как бы ни хитро были сплетены их мудрецами — «мастерами» — козими, направленные против христианства и всей христианской культуры.

7

Архиепископ Никон (Рождественский)

ДВА СЛОВА О КНИГЕ С. А. НИЛУСА

В Церкви Христовой есть тайна спасения, а в сонмище сатаны — тайна беззакония. Тайна спасения, от веков и родов сокровенная, открылась в пришествии в мир для спасения мира Господа нашего Иисуса Христа; тайна беззакония совершенно откроется с пришествием антихриста. Всякая тайна до времени ее открытия остается более или менее прикрытою, так и тайна беззакония прикрывает себя от взоров верующих, чтобы внезапным своим открытием поразить их и увлечь в отступление от Бога; но поскольку это Господь находит потребным, постольку для верующих и эта тайна не может укрыться. А поелику время открытия тайны беззакония совпадает с явлением антихриста, то и признаки его пришествия суть вместе с тем признаки открытия тайны беззакония.

Меня спрашивают: насколько я придаю веры и значения известным Протоколам сионских мудрецов, опубликованным в известной книге С. А. Нилуса «Близ есть, при дверех».

Почтенный С. А. Нилус не сомневается, что эти Протоколы стоят в прямой связи с тайной беззакония, делом антихриста, и суть плоды работ «сонмища сатаны», о коем говорится в Апокалипсисе, гл. 2, ст. 9. Вчитываясь в них, нельзя не прийти к заключению, что это действительно не есть работа одного лица, а пронзведение не одного даже поколения врагов Церкви, хитрых, лукавых, в числе коих были люди незаурядного ума и крепкой воли, люди притом, не имеющие ни одной искры христианских начал нравственности, готовые на все, чтобы достигнуть своей цели.

А их цель — основание всемирного царства под главенством своего царя. Все это очень похоже на заветные мечты иудеев о всемирном своем царе, а по учению Св. Отцев — антихристе. Протоколы сплошь проинкнуты иудейским духом, иудейским идеалом. С другой стороны в то же русло вливается темная струя буддийских бредней, дабы еще больше замутить течение жизни всего человечества, и странное дело: идеалы буддистов каким-то образом сплетаются с идеалами иудеев. Казалось бы: что общего между иудеем и буддистом? Но они идут рука об руку к общей цели. Ясно, что у них общий вождь — враг Бога и людей. Это — он подготавливает путь своему ставленнику — антихристу.

И при всем том я должен сказать тем, кто меня спрашивает, что я думаю о Протоколах сионских мудрецов, конечно, с целью узнать мое мнение о временах и сроках грядущих всемирных событий последних судеб мира: вместо моих суждений zelo убогих выслушайте вот мнение великого отца нашей Русской Церкви святителя московского Филарета о знамениях последних времен: «Знамения времени испытывать нелегко и даже небезопасно, если не оградится человек рассуждением, осторожностью и наипаче смирением. Прочитайте начало второй главы второго послания к Солунянам. Заметьте выражение: *не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися ниже духом*. И на то, что кажется духовным прозрением, не вдруг позволено показать. Далее: *откроется человек беззакония и еще: тайна бо уже деется беззакония*. И так, это дело до времени закрытое. Нелегко узнать тайну, проникнуть закрытое, когда, может быть, еще и время открытия не настало. Скорее можно поручиться за то, что пророчества исполнятся не так, как люди думают, нежели за то, что некоторые люди думают о сем правильно». — А вот еще мнение того же святителя о времени предсказанного Апостолом Павлом всеобщего обращения иудеев: «Что днвиого, — писал он, — что ослепление Израиля на время продолжается другую тысячу лет? Как мало это время, когда на него смотрят из вечности!... Изречение: *весь Израиль спасется*, не значит, что все до одного, но будет великое обращение общественное, вместо того, что прежде были только частные обращения, а масса Израиля оставалась в протнвленинн. Но как сему быть — узнаем во время исполнения. Даниил, молитвенник и созерцатель пророчества, о семидесятилетнем плене вавилонском понял уже в конце сего периода, следственно, другие и в сие время не понимали еще, хотя пророчество кажется просто. И так, мы хотели бы быть больше Даниила, если бы хотели заранее определить исполнение предсказаний Апостолов Павла и Иоаина, которых предметы

о времени без сравнения обширнее пророчества о плене вавилонском» (Письма Митрополита Филарета (Дроздова) к Е. В. Новосельцевой, п. 99 и 214-е).

Обращение евреев, Апостолом предсказанное, стоит в связи с событиями последних времен, и то, что сказал святитель о сем великом событии, можно сказать и об обстоятельствах, имеющих предварить явление антихриста. Не будем считать себя умнее не только уж Пророка Даниила, но и нашего смиренного в своем величии святителя и скажем: знаем, что придет последний враг Христов, и сего довольно с нас, а как и когда это будет — узнаем в свое время, если будем со страхом соделывать свое спасение, ибо не может быть, чтобы Господь попустил погибнуть от неведения того, что потребно к нашему спасению — спасению тех, кто работает Ему день и ночь... По мере приближения событий будут пред нами раскрываться и перспективы их, подобно тому как пред взором путешественника раскрываются картины окружающей природы, только бы мы со страхом проходили свой жизненный путь, предавая себя в руки Божии и сберегая каждую минуту жизни на исполнение заповедей Божиих. В свое время Господь не оставит нас в неведении и относительно всего, нам потребного... Надо всегда помнить, что тайны раскрываются не любопытствующему, а смиренномудствующему, кто помнит заповедь: *высших себе не ищи и креплеших не испытуй: яже ти повеленная в сих пребывай*. От любопытствующих премудрых и разумных Господь утаивает, а младенчествуящим в простоте веры открывает тайны Своего Божественного Промысла и обличает тайны «глубин сатаниных». У Бога и свои меры, и свой «календарь»: у Него и день един, яко тысяча лет, и тысяча лет, яко день един. Но для возлюбивших Его и возлюбленных Им у Него тайн нет; только открываются они не тогда, когда хотели бы люди, а когда Его премудрое промышление укажет...

8

Митрополит Иоанн (Снычев)
Санкт-Петербургский и Ладужский

[О «ПРОТОКОЛАХ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»]

...И вот на свет появился любопытнейший документ.

Он широко известен миру под названием «Протоколы сионских мудрецов». Пожалуй, ни один другой документ не вызывал за последние

восемьдесят лет столь яростных споров. Да и немудрено — в нем детально и одновременно сжато изложен план завоевания мирового господства, столь циничный и подлый, преисполненный столь явного презрения и откровенного поклонения злу, столь искусно составленный, что не хочется верить в существование организма, в недрах которого могла найти свое воплощение эта страшная идея.

Одни историки безусловно признают подлинность «Протоколов». Другие — столь же безусловно — ее отрицают. Я далек от того, чтобы становиться арбитром в этом споре. История появления «Протоколов» довольно путанная. Впервые они увидели свет в широкой печати, когда в 1905 году русский духовный писатель С. А. Нилус включил их в свою книгу «Великое в малом». (Сегодня переиздание книги вышло «усеченным», соответствующие главы просто выброшены). Это дало впоследствии повод утверждать, что «Протоколы» фальсифицированы царской охранкой, чтобы свалить вину за разгоравшуюся революцию на несуществующие «темные силы». Обвинение, однако, не соответствует действительности хотя бы потому, что первые сто экземпляров «Протоколов» были отпечатаны на гектографе прокурором московской синодальной конторы Ф. П. Сухотиным уже в 1895 или 1896 году. Годом позже «Протоколы» были размножены в губернской типографии по заказу А. И. Клеповского, состоявшего тогда чиновником особых поручений при Великом князе Сергее Александровиче. Как бы там ни было, до конца не проясненным остается вопрос, как они вообще попали в Россию. Нам, впрочем, интересно другое: подлинны «Протоколы» или нет, но восемьдесят лет, прошедших после их опубликования, дают обильный материал для размышления, ибо мировая история, словно повинувшись приказу невидимого диктатора, покорно прокладывает свое прихотливое русло в удивительном, детальном соответствии с планом, изложенным на их страницах. Не миновала на этот раз общей участи и Россия.

Судите сами.

«Наш пароль — сила и лицемерие, — провозглашают анонимные авторы документа. — Насилие должно быть принципом, хитрость и лицемерие правнлом... Чтобы скорее достигнуть цели, нам необходимо притвориться сторонниками и ревнителями вопросов социальных... особенно тех, которые имеют задачей улучшение участи бедных; но в действительности наши стремления должны тяготеть к овладению и управлению движением общественного мнения... Действуя таким образом, мы сможем,

когда пожелаем, возбудить массы. Мы употребим их в качестве орудия для ниспровержения престолов (Россия) и для революции, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело и приближать к цели — владычеству над всей землей».

Первейшее основание успеха «мудрецы» видят в том, чтобы разрушить и осквернить национальные святыни народа. «Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип Божества и Духа и все это заменить арифметическими расчетами, материальными потребностями и интересами... Священничество мы позаботимся дискредитировать... С каждым годом влияние священников на народы падает — повсюду провозглашаются свободы: следовательно, только какие-нибудь годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой опасной для нас противницы...»

Тем, кому памятна страшная решительная роль, сыгранная средствами массовой информации в нашем недавнем прошлом небезынтересно будет ознакомиться со следующими строками, написанными «сионскими мудрецами» сто лет назад: «Если золото первая сила в мире, то пресса — вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями. Мы хитры, ловки и владеем деньгами, которыми умеем пользоваться для достижения наших целей. Нам нужны большие политические издания — газеты, которые образуют общественное мнение, уличная литература и сцена. Этим путем мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклинать. С прессой в руках мы можем неправое обратить в правое, безчестное в честное. Мы можем нанести первый удар тому, до сего дня еще священному учреждению — семейному началу, которое необходимо довести до разложения. Мы тогда уже будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели... и взамен этого воспитать армию увлеченных страстями... Мы можем открыто объявить войну всему тому, что теперь уважает и перед чем благоговекют еще наши враги.

Мы создали безумную, грязную отвратительную литературу, особенно в странах, называемых передовыми... Мы затронули образование и воспитание, как краеугольные камни общественного быта. Мы одурачили, одурачили и развратили молодежь...»

Для приверженцев конкретных фактов скажем, что «Протоколы» предсказали мировые войны, политическую форму устройства государств

на десятилетия вперед, ход развития мировой экономики, черты кредитно-финансовой политики и множество других деталей жизни «мирового сообщества» с потрясающей точностью. Вот картина политической гибели независимого национального государства, описанная «Протоколами» в конце прошлого века. Сравните ее с тем, что происходит сейчас в России.

«Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью — разложением крови. Остается ожидать конца их агонии. От либерализма родились конституционные государства, а конституция, как вам хорошо известно, есть не что иное, как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций — одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Парламентская трибуна не хуже прессы приготовила правительства к бездействию и к бессилию... Тогда мы заменили правительство его карикатурой — президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур...

Все государства замучены, они взывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего интернационального Сверхправительства открыто, с покорностью».

Выводы каждый разумный человек сделает сам. Со своей стороны отмечу, что разрушительные принципы, отраженные в цитированных выше документах, не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней. Причем порой это происходит вполне открыто, на самом высочайшем политическом уровне.

* * *

Ответы митрополита Иоанна на вопросы газеты «Московские новости», на которых она настаивала, но не решилась напечатать.

Вопрос: В последние годы печать определенного направления уделяет много внимания «Протоколам сионских мудрецов». Как Вы относитесь к Бернскому процессу 1934 года, во время которого было доказано, что «Протоколы» — фальшивка? Известно ли Вам, что именно «Протоколы» стали основанием для уничтожения фашистами миллионов невинных людей?

Ответ: Я благодарен Вам за то, что Вы затронули этот вопрос. В нем действительно пора разобраться. Жаль только, что конструктивное,

ответственное обсуждение проблемы подменяется большей частью истерической полемикой и наклеиванием на оппонентов разнообразных политических и идеологических ярлыков.

Итак, давайте по порядку. В вашем вопросе я усматриваю намек на то, что в своей статье «Битва за Россию» («Советская Россия», 20.2.1993) я процитировал некоторые места из «Протоколов». Действительно, есть разные точки зрения на происхождение этих текстов, но, на мой взгляд, важно не то, кем они были составлены, а то, что вся история XX века с пугающей точностью соответствует амбициям, заявленным в этом документе.

Что касается Бернского суда, то я позволю себе предположить, что вы сами с его материалами не знакомы, иначе вы не датировали бы 1934 годом процесс, решение по которому на самом деле было вынесено 14 мая 1936 года. Впрочем, в этом нет ничего удивительного — до последнего времени все, что связано с «Протоколами», находилось (а кое-что и сейчас находится) в спецхранах. Так вот, в течение двух лет суд в Берне действительно рассматривал вопрос о происхождении «Протоколов». В 1934 году советские власти даже послали туда фотокопии 4 страниц редкого гектографированного издания этих текстов, хранившегося тогда в собрании Пашуканиса в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени Ленина.

По результатам суда, признавшего «Протоколы» фальшивкой, была подана апелляция и апелляционный суд в Цюрихе 1 ноября 1937 года признал несостоятельным утверждения о подложности документа. Надо сказать, что оба суда — в Берне и в Цюрихе — были явно небезпристрастными. Для установления истины необходимы серьезные, комплексные, профессиональные исследования в области истории, текстологии, религиоведения, политологии и многих других дисциплин.

В таком направлении делаются лишь первые робкие шаги. Интересен, например, доклад доктора филологических наук Юрия Константиновича Бегунова — ведущего научного сотрудника Российской Академии Наук, — прочитанный им в январе сего [1993] года на конгрессе [«Близ есть, при дверех»] в Петербурге.

Впрочем, некоторые предварительные результаты исследований уже есть. Например, версию о фальсификации «Протоколов» Царской охранкой уже сейчас можно считать практически несостоятельной — в ней слишком много очевидных нелепостей.

Что касается утверждения о том, будто «Протоколы» стали основанием для уничтожения фашистами миллионов невинных людей, то оно для меня ново. Этот аргумент рассчитан на эмоциональное, а не рациональное, разумное восприятие и не имеет под собой достаточных оснований. Разве что предположить, что массовый геноцид, развязанный нацистами против народов России являлся одним из элементов осуществления плана, описанного «Протоколами», — там ведь предсказаны разрушительные мировые войны.

Если же речь идет о преследовании по национальному признаку — евреев и, цыган, русских или поляков, — то они были обусловлены не «Протоколами», а расовой и идеологической доктриной нацизма. При этом не надо упрощать вопрос — в основании этой доктрины были положены самые разные элементы: от философии Фридриха Ницше до культурологических исследований Хьюстона Стюарта Чемберлена. Если Альфред Розенберг, главный идеолог германского фашизма, в своих работах ссылается на «Протоколы», это еще не повод для того, чтобы делать какие-либо выводы. Он ссылается и на Маркса, и на Достоевского...

ПОД ОСОБЫМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Это было в первые годы революции. Мы сидели втроем на веранде настоятельских покоев Св.-Троицкого монастыря в Киеве: известный духовный писатель С. А. Нилус, кн. В. Д. Жевахов, (брат бывшего товарища обер-прокурора Св. Синода) и я. Несмотря на значительную разницу лет, меня связывала с князем глубокая дружба и этим связывающим звеном был Преп. Серафим. Князь тогда жил в монастыре, готовясь к принятию монашества (он это и сделал), окончив впоследствии свою жизнь священномучеником архиепископом Астраханским Иоасафом.

С. А. Нилус только что приехал в Киев, пережив очередной арест. Его внутренний и внешний облик произвели на меня сильное впечатление (это было мое первое знакомство с ним). Он много в этот вечер рассказывал о своих поездках в Саров и Дивеево.

— Сергей Александрович, — спросил я, — вы имели такую возможность ознакомиться с архивами и преданиями Сарова и Дивеева, не встречали ли Вы каких-нибудь указаний о грядущей судьбе нашей много-страдальной Родины? Ведь Вы имели радость беседовать еще с инокинями-современницами Преп. Серафима и с супругой самого Мотовилова, Еленой Ивановной.

С. А. долго молчал, а потом — поднявшись во весь свой богатырский рост, стал взволновано ходить по веранде.

— Никто не ведает судеб Божиих, — неожиданно произнес он, — хотя великому прозорливцу и многое было открыто. Скажу только, что о переживаемом нами страшном времени не раз говорил он близким людям и горько плакал при этом, но говорил также, что по времени Господь даст еще известный срок, около 15 лет, России на покаяние и что при освобождении нашей родины какую-то положительную роль сыграет Польша. Если после этого Россия все же не покается, то гнев Божий изольется на нее в еще больших размерах. И это несомненно так, — продолжал он далее, — если Россия не услышит этого призыва и не возродится духовно, именно духовно, так как политически, возможно, она и не будет играть ведущей роли, то мир будет еще спасен, ибо без православной России на земле воцарится царство тьмы, а с ним и неизбежная эсхатологическая гибель человеческая.

С. А. продолжал ходить по веранде большими шагами, взволнованный, бледный, и на его лице, окаймленном длинными седыми волосами, легко можно было прочесть душевную муку человека, безгранично любящего свой народ, давший миру столь великое множество гигантов духа, а ныне изнемогающего в лапах апокалиптического зверя.

Наступило длительное томительное молчание. Каждый из нас по-своему переживал сказанное, но вот могучий удар монастырского колокола словно встряхнул нас и отогнал тягостные думы. С.А. широко перекрестился.

— Бог милостив! — добавил он при этом. В это время вошел о. настоятель. — Как хорошо, — обратился к нему С.А., — звон-то у вас совсем как в Оптиной.

Беседа завязалась снова, но уже на другую тему. Отец настоятель попросил С. А. рассказать что-нибудь о случаях благодатной помощи по молитвам Преп. Серафима, свидетелем коих был С.А.

— Да что ж лучше, — отвечал С.А., — здесь среди своих друзей я с радостью поделюсь несколькими дивными знамениями от Угодника Божия, совершившимися надо мною грешным в последние годы. Когда я жил еще в имени ки. Владимира Давидовича, а кругом уже начался разгром помещечьих усадеб и разгул возвращающихся с фронта солдат, мы с женой переживали тревожное время. Одна надежда была на Бога и на Преп. Батюшку Отца Серафима. Ежедневно перед большим его образом читали мы ему с женой акафист, а затем параклис Царице Небесной по Дивеевскому уставу. Шли дни и нас пока не трогали. Только возвращались мы как-то с женой в воскресный день из церкви домой, как догоняет нас какой-то крестьянин, запыхавшись: «Барин, а барин! Постой-ка, что я тебе скажу. Послушай меня, уезжай, Господа ради, от нас, а то мы боимся, что не уберезем тебя». Удивленный таким разговором, я стал расспрашивать его, почему он так думает. «Да как же, ведь наши-то ребята, грешным делом давно хотели тебя убить, даже в засаде сидели под твоим домом, ожидая ночи. Только несколько раз выходил из твоих ворот старичок, сторож-то твой, верно, и все грозил палкой на наших и такой страх нападал на них тогда, что не могли и шагу ступить. Так и поняли, что неспроста все это и, боясь беды, порешили до поры не трогать тебя, а теперь невоготу стало. Соседние села донимают, что это вы, мол, бар спасаете, вот и боимся мы, что не удержать их, так ты уж, сделай милость, уезжай подальше».

Измученный его рассказом, поблагодарил я его за совет, уразумев, кто был нашим спасителем и защитником от неминуемой гибели. Приняли мы с женой слова крестьянина за указание Свьше и начали потихоньку собираться к отъезду. Прошло около недели и вдруг ночью стук в двери. Вошло несколько до зубов вооруженных солдат с чекистом во главе из соседнего городка с обыском искать оружие у нас. А нужно Вам сказать, что на столе у меня хранились в конверте некоторые документы, которые, попадись они в руки чекнсту, могли бы много горя причинить и мне и ряду близких мне людей. Конверт мной был положен в одну из книг лежавших на столе и приготовленных к упаковке. Сердце у меня сжалось, когда чекнст подошел к моему столу, открыл ящик и стал просматривать бумаги. Некоторые, интересующие его, он откладывал в сторону, другие прямо бросал на пол. Затем очередь дошла и до книг. Он перелистывал их и большинство из них швырял на пол. Я обратился к нему: «Разрешите мне помолиться». Он недоуменно взглянул на меня, но ничего не возразил. Я взял акафист Преп. Серафиму и стал молиться перед образом, буквально крича внутренне о помощи к угоднику Божию. Что же случилось? А случилось явное чудо, как передала мне потом жена. Она также горячо молилась, стоя за мной и с ужасом наблюдая, что чекнст взял ту книгу, где лежал конверт, и вдруг в это самое время его позвал один из солдат. Он повернул к нему голову, а конверт, выскользнув из книги, упал на пол, где в куче лежали выброшенные и просмотренные документы. Обыск в этот раз кончился ничем. Оружие не нашли и чекнст, забрав интересовавшие его книги и документы, ушел, не причинив нам никакого вреда.

— И еще один случай вспоминается мне, — продолжал С. А. — Однажды, будучи арестованным и доставленным на Лубянку, я просидел несколько месяцев в тюрьме, а затем был неожиданно выпущен из нее с предупреждением покинуть город через 24 часа. Вечером, зимой в трескучий мороз, плохо одетый, без копейки денег, вышел я из ворот тюрьмы, не зная абсолютно, что с собой делать. Ни друзей ни знакомых в Москве у меня не было, а если бы даже и были, то я не рискнул бы зайти к ним, чтобы не причинить им своим присутствием больших неприятностей. От жены же за все эти несколько месяцев я не имел никаких вестей, так как переписка была мне строжайше воспрещена и я страшно беспокоился о ее судьбе.

— Куда же все-таки идти? К кому обратиться за помощью? Конечно к Всеблагому Господу, Царице Небесной и Преп. Серафиму, никогда

не покидавшему меня в беде. В то время в Москве еще много было небольших храмов, где можно было помолиться. Пройдя несколько улиц, завернул я в какой-то переулок, за ним в следующий, на углу которого увидел совсем запрятанную в глубине двора маленькую церковку. Я вошел в нее. Полутемно и пусто. Теплятся несколько лампад. Старичок-псаломщик, погромыхивая ключами, возится у свечного ящика. Разглядел слева большой образ Богородицы и около него на коленях какую-то молящуюся фигуру. Встал и я на колени подальше, чтобы не мешал и весь отдался горячей молитве. Сколько я так молился не помню и только пришел в себя тогда, когда псаломщик, зазвенев ключами, сказал, что запирает церковь. Я поднялся с колен и направился к выходу. Молитва облегчила душу. Фигура рядом тоже встала. У входа мы сошлись и я узнал в ней свою жену. «Лена, ты!» — мог только воскликнуть я и мы оба залились слезами. Как оказалось впоследствии, жена, не имея от меня никаких вестей, решила на последние деньги ехать в Москву хлопотать обо мне. Пробираясь с вокзала и имея адрес одних добрых людей, она по дороге почувствовала непреодолимое желание помолиться и вот угодник Божий свел нас в миллионном городе, — закончил С. А. свой рассказ.

И судьба этого человека, бывшего под особым покровительством Преп. Серафима, была удивительной. Несмотря на то, что за одно нахождение книг С. А. собственникам их грозило многолетнее заключение, сам он, будучи неоднократно арестовываемым и освобождаемым, закончил жизнь свою на свободе в тот момент, когда ударили ко всенощной под 2-е января 1929¹ года, т.е. дня памяти блаженной кончины угодника Божия Серафима.

Е. Ю. Концевич

**СХИГУМЕННИЯ СОФИЯ —
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КИЕВЕ
1873–1941**

Две встречи с игуменьей Софией

Матушку игуменнию Софию я имела счастье встретить дважды в жизни. О ней я предварительно много слышала от моей тетушки Е. А. Нилус, ее близко знавшей. Но мое личное впечатление превзошло все мои ожидания.

Первая встреча с ней была в 1917-м году в самом начале лета. Матушка приехала к своим старым друзьям С. А. и Е. А. Нилусам, только что переехавшим из Валдая Новгородской губернии в имение «Линовица», принадлежавшее князю В. Д. Жевахову, будущему епископу Иоасафу.

Матушку сопровождал о. Дмитрий Иванов, молодой священник ее Покровской обители¹. Он только недавно принял сан священства. До этого он служил по судебному ведомству, был судебным следователем. Будущий знаменитый проповедник и мученик.

Какими словами описать и передать то светлое обаяние, которое исходило от облика матушки Софии?

Конечно, я была подготовлена рассказами моей тети. Да, все это было так, когда тетя ее знала молодой настоятельницей общины «Отрада и Утешение». Но теперь ей 44 года, она духовно созрела, возросла, возмужала и предстояла во всем своем величии, Божия избранница. Это был самобытный, неповторимый человек, ни с кем не сравнимый... Она была совершенно непохожа на типичную монастырскую игуменнию, но ни светского, ни мирского в ней не было ничего. Она была воплощением простоты, такая, какую ее создал Бог: воплощение ума и доброты, при том редкой изящности, с тонким вкусом, талантливая. Она сотрудничала в духовных журналах стихами и прозой и подписывалась: «И.С.».

Она была цельной натурой, вождем, с ярким волевым характером. Но это совмещалось с женственностью, с нежностью души. За ней можно

было идти без колебаний... Во мне загорелось желание отдать в ее руки свою жизнь, стать ее ученицей*.

В этот момент м. София была важной, влиятельной киевской игуменьей. Но сюда она приехала, чтобы хоть на миг быть самой собой, сбросить с плеч, лежащую на ней тяжесть управления огромным монастырем со всеми его учреждениями, и прежде всего повидать дорогих ее сердцу людей, с которыми ее связывала память об Оптиной Пустыни и тамошних старцах, память о блаженных днях, когда она была настоятельницей, созданной ею обители в честь иконы Божьей Матери «Отрада и Утешение». Она торопилась возможностью встречи с друзьями перед наступлением худших времен. Эти времена были уже не за горами...

Перед моим взором навек запечатлелась картина: М. София сидит на диване, на полу сидит молодой батюшка о. Димитрий, скрестив по-турецки ноги. Они веселы, шутят, смеются... Мать София рассказывала о забавных случаях из жизни приютских детей, про мальчика, который, запыхавшись, прибежал, чтобы сообщить: «Цыпленок выскочил из чулана и бежит без чулана!» Но несмотря на такое благодушное настроение все они отлично знают, что «день грядущий» не пощадит их, что надо быть готовыми ко всему. Но твердая вера в Бога не давала им падать духом и потому они были такие радостные и веселые...

С тех пор прошло более 50-ти лет, но я их вижу как-будто вчера... Матушка мне казалась молодой и прекрасной с ее чудными голубыми глазами на ее милом лице. С Нилусами ее связывала, как уже сказано, «оптинская» дружба, создавшаяся, когда она приезжала в Оптину Пустынь к старцам. Ее собственная мать и сестра долгие годы от нее отрекались в досаде на нее за принятие монашества. В лице же Нилусов она нашла сердечное понимание. Особенно же в лице Елены Александровны. Но самое главное с Нилусами ее связывало единство взглядов и чаяний.

Не помню ночевали ли м. София и о. Димитрий в Линовице, или отбыли в тот же день вечером?

---

* Матушка согласилась принять меня послушницей. Условившись, что, когда немцы покинут Белоруссию, я со всей семьей переберусь в Киев, где Матушка нас приютит в Покровском монастыре. Когда же вскорости наступил этот ожидаемый момент, мы сели на пароход и поплыли по Днепру в направлении Киева. Ночью стала река. Затрещал лед. Пришлось возвращаться назад поездом и путь взять на Запад. Так что мы очутились сначала в Польше, оттуда попали в Западную Европу. К великому горю желанию моему не удалось сбыться...

В течение этого же лета 1917 года в жизни «садового дома» в Лино-вице произошло большое событие: Архиепископ Феофан Полтавский дал Нилусам разрешение на устройство домово́й церкви, посвященной преп. Серафиму и Покрову Божией Матери. Игуменья София приняла в этом деле деятельное участие. Для устройства этого храма и освящения его прибыл о. Димитрий — с монахинями. Угол комнаты во 2-м этаже был отделен перегородкой, образуя алтарь. Перегородка была обтянута синим атласом с позументами по краям. Этот же позумент обрамлял иконы Спасителя и Божией Матери. Над ними висели лампы. Царских врат не было, висел лишь голубой атласный занавес. По бокам стояли подсвечники. Обо всем этом позаботилась Матушка, прислав все нужное из Киева. За престолом висела дивная семейная икона С. А. Нилуса, изображавшая Спасителя в терновом венце. Отец Димитрий освятил церковь. Монахини пели. Церковь эта просуществовала 8 лет и имела немалое значение. Туда съезжались люди отовсюду. Из писем Елены Александровны стало известно, что однажды к ним съехалось ко дню памяти преп. Серафима 17 священников. Одно время при церкви этой нашел себе приют схиархимандрит Иоасаф, изгнанный из Густынского монастыря, где он жил на покое.

Революционный дух в начале революции коснулся даже монастырей... Изгнанный Схиархимандрит был благодатным старцем и удостоился перед кончиной духовных видений.

Вторичная моя встреча с Игуменней Софией была краткой. Мне пришлось быть в Киеве 2 дня и я останавливалась в Покровском монастыре. Это было летом 1918 года. Глубокой осенью того же года мне пришлось навсегда покинуть пределы родины и очутиться в Западной Европе.

Прошло 17 лет. Я была замужем и мы жили в Париже. В церкви на улице Дарю муж мой встретил сестру м. Софии Марню Евгеньевну Попову². Узнала его она, т.к. жила в Харькове, где неоднократно видела моего мужа в начале войны в студенческой форме, прислуживавшим в церкви праведному Харьковскому протонерею отцу Николаю Загоровскому³. С М. Е. Поповой у нас завязались дружеские отношения. Мария Евгеньевна вручила мне тетрадь с записью о детстве и юности игуменнии Софин. О ее монашеской жизни Мария Евгеньевна ничего не могла сказать, т.к. в этой области она не разбиралась. Она послала Матушке в Россию мой адрес, и я получила от нее следующее письмо:

«Дорогая, далекая Леночка,

Что это за неожиданность такая? Откуда принесся ко мне этот краткий звук о тебе? Каким образом после стольких лет молчанья и разлуки, похожей на смерть, опять встал передо мной твой милый образ, туманный абрис которого я ловлю и ищу через разделяющую нас даль?

Вспоминается прошлое в связи с твоими тетей и дядей. Воскресают в памяти знакомые картины и лица... Звучат давно замолкшие голоса... Леночка! Деточка! А ты жива и встретила с моей сестрой и ее горем, которое она день и ночь носит в своем сердце. Я слышу от сестры, что кто-то из вас узнал ее, подошел и сразу протянул ей руку своей помощи... Спешу сказать тебе несколько слов по этому поводу: я безконечно рада вашей встрече и благодарю за нее Господа! И я прошу тебя и твоего друга: поддержите Манюшу нравственно, согрейте ее сердце вашим участием! Я прошу вас об этом во Имя всего Святого... Теперь в глазах моих посветлело при взгляде на Запад, при думах о родной мне душе... Какими-то счастливыми судьбами вы подошли к ней. Я вас знаю... Я вам верю... я на вас надеюсь... Помощью и милостью Божиею вы утешите мою дорогую страдальцу скорбящую...

Усердно и сердечно вам кланяюсь, желаю всего самого прекрасного. Будьте здоровы и счастливы. Храни вас благодать Божия. С любовью *ваша Бабушка*».

Мы побоялись ответить Матушке Софии. Она вскоре умерла.

Жизнь Софии Евгеньевны Гриневой до ее вступления в монашество

Род Гриневых древний. Их предки были людьми служилыми. И за военные подвиги были награждаемы земельными угодьями. Все в роду были помещиками в средней России.

Софья Евгеньевна родилась в 1873 году в Москве, где ее отец в то время кончал университет. Вскоре он получил место в Тульском Окружном Суде в качестве кандидата права. Из Тулы семья Гриневых переехала в Белев Тульской губ., куда их отец — юрист был переведен по службе. На одной сессии Суда он простудился и умер. Его похоронили в Белеве.

В самом начале осиротевшие дети были помещены в Белевском монастыре, где Игуменней была мать Евгения, бывшая гувернантка в семье

Гриневых. Она очень любила всю семью. Дети, живя в Белеве, часто бывали в монастырской церкви и в покоях настоятельницы. Возвращаясь домой, Соня Гринева в играх любила изображать игуменню. Она облачалась в длинную пелерину, становилась на возвышенне, в то время как ее брат и сестра ей кадили, размахивая катушками, привязанными на нитках. Маленькая игумення их благословляла, они же ей низко кланялись.

Из Белева семья Гриневых переехала в Воронеж, где было их родовое имение. Брат поступил там в кадетский корпус, а Соню мать отвезла в Москву в Александро-Мариинский институт. Однако, свое среднее образование она окончила в Киеве, поступив в последний класс Фундуклеевской гимназии.

У бабушки Гриневых было именно в Калужской губ., в 60-ти верстах от Оптиной Пустыни. В одну из поездок туда, семья Гриневых во время обеда стояла отдельной группой. Служил Оптинский старец. Можно предположить, что это был о. Анатолий (Зерцалов), ибо о. Амвросий по состоянию своего здоровья в это время давно прекратил служение в храмах обители. Это было в 1885-ом году. «Служба кончилась, — пишет Мария Евгеньевна, — старец вышел с крестом». «Пропустите игуменню», — сказал он, обращаясь в нашу сторону. Мы недоумевали пока не выяснилось, что он зовет нашу сестру Соню. Он подал ей крест, чтобы она приложилась, погладил ее по голове и сказал: «Какая игуменья будет!» «В то же время там в Оптиной, — продолжает Мария Евгеньевна, — был схимник, живший в лесу в отдельном домике. (Не старец ли Амвросий? — Е.К.) Именно его не помню. Он ничего никому не сказал, но сестре поклонился в ноги. Когда сестра поступила в монастырь, все эти случаи пришли нам на память».

Был еще подобный случай. Однажды Софья Евгеньевна была с матерью в овине на молотье. Вдруг подходит к ним калека-крестьянка, много лет лежавшая неподвижно, и говорит ее матери: «Ты свою дочь замуж не выдавай. Я сегодня сон видела. В иконостасе вместо иконы Божьей Матери была твоя дочь». Известно, что игуменья считается заместительницей Божией Матери. Таковы были предвещения о дальнейшей судьбе игуменни Софии. Но пока время шло и еще не наступило исполнение предсказаний.

Закончив среднее образование, София Евгеньевна поступила в Киевскую консерваторию по классу пения. Ее профессора были очень высокого мнения о ее голосе и даровании и предвещали ей блестящую

будущность оперной певицы. Голос ее был необычайной красоты. Жизнь Сони Гриневой походила в это время на непрерывный праздник: балы чередовались со спектаклями, живыми картинами. Но среди этого веселья Софья Евгеньевна внезапно становилась серьезной, задумчивой, молчаливой. Она прекращала светские выезды и принималась ходить по церквям, молиться, поститься. Потом это настроение проходило, она снова принималась за веселье. Тем не менее зов Божий в ее душе не прекращался, пока Господь не призвал ее окончательно оставить мир.

Первым толчком в этом направлении оказался случай встречи с волком, происшедший еще в пору ее ранней молодости. Это произошло в Калужской губернии, где она гостила в имении своей тети. Там она познакомилась с Анной Захарьевной Знаменской, дочерью помещика Тарусского уезда Калужской губ.: Анна Захарьевна служила учительницей и устраивала собеседования для сельских молодых девиц. София Евгеньевна пожелала присутствовать на одной из этих бесед. Вот как рассказывает об этом случае Мария Евгеньевна: «Соня пошла одна за две версты. Зима была необычайно снежная, суровая. В поле ни души. Кругом рыщут стан голодных волков. Там местность лесистая и водится множество волков. Один молодой офицер приехал на праздники навестить своих в деревню, поехал прогуляться верхом. Но оказалось, что стая волков напала на него и растерзала его и лошадь. Нашли его сапоги со шпорами. И в такую зиму сестра отправилась одна к приятельнице! Вдруг к ней подбежал огромный волк и остановился. Она рассказывала, что у нее не было сомнения, что она погибнет. Она широким крестом перекрестила волка и читала молитву. Пока она читала, волк стоял, как бы слушал, потом медленно отошел и скрылся в овраге». Мать София говорила позднее Е. А. Нилус, что, не видя ниоткуда спасения, она дала Богу обет принять монашество, если останется жива. И хотя исполнение этого обета затянулось, но Провидение вело ее неотступно по пути ей назначенному Свыше.

Окончательным поводом для разрыва с миром послужило следующее обстоятельство. Привожу слова Марии Евгеньевны:

«Случилось это так: почти перед самым окончанием консерватории, когда сестре было 22 года, она после урока пения не побереглась. Полагалось полчаса не выходить на морозный воздух. Но Соня сразу же после урока поспешила домой. По дороге встретила знакомых, весело с ними разговаривала. Пришла домой радостная, покрасневшая от мороза. Но скоро ее юная веселость обратилась в печаль: Соня через два дня

заболела дифтерийной ангиной в очень сильной форме, после которой она совершенно лишилась голоса. Девять месяцев сестра не могла говорить. Свои просьбы или вопросы должна была писать. Очень сожалели профессора в консерватории о ее болезни. Вернуть ей голос было невозможно, несмотря на все усилия самых знаменитых киевских и московских докторов. Моя сестра впала в полное отчаяние. Нельзя было узнать прежней моей веселой сестрицы! С каждым днем ей становилось все хуже и хуже и, наконец, ей стало совсем плохо. Врачи предполагали у нее туберкулез горла и советовали послать ее в Швейцарию в Давос. Ничего иного не оставалось делать, как согласиться на это далекое путешествие. Но Господь готовил ей иное место, где она силою Божественною получила исцеление.

Приятельница моей сестры, о которой речь уже была выше, Анна Захарьевна Знаменская, наша соседка по имению, в это время успела уже осуществить свое пламенное желание послужить Богу в иноческом чине. Ее отец выделил ей часть имения, где ею первоначально была создана маленькая община с пятьюдесятью сестрами, помещавшимися первые месяцы в шалашах. В описываемое время община успела возрасти в Свято-Троицкую обитель. Настоятельница мать Анна пригласила свою любимую подругу отдохнуть перед дорогой за границу в чудесной местности и набраться сколько возможно сил. Сестра приняла это приглашение и прибыла в обитель. Но вопреки ожиданиям, ее не поправил сосновый воздух. Ее здоровье стало ухудшаться быстрым темпом и дело дошло до того, что стали опасаться, что приближается роковой исход. Настоятельница поспешила пригласить к тяжело больной духовника обители, старенького священника для напутствия милой моей сестрицы в иной, лучший мир. На глухой исповеди, больная говорить не могла, Соня плакала на груди добрейшего старца, который ободрял ее и утешал. После причастия моя сестрица, потрясенная и усталая, тихо заснула. Подле нее дежурила монахиня. Ночь прошла спокойно. К утру Соня проснулась и, к радости и удивлению дежурившей сестры, она вдруг обратилась к ней с несколькими словами. Настоятельница с сестрами, узнав о чуде, поспешили в келью к больной. Соня заговорила с ними и попросила позвать батюшку и отслужить благодарственный молебен. Здоровье сестры стало быстро восстанавливаться».

Всякая мысль о возвращении в мир с этого момента отпала. Жизнь в миру Софии Евгеньевны была окончена.

Монашеское служение игумении Софии. Обитель «Отрада и Утешение»

Когда именно имело место пострижение м. Софии в рясофор осталось неизвестным. Вероятнее всего, что это произошло в Св.-Троицкой обители, где она положила начало, где была настоятельницей ее добрая подруга в миру мать Анна.

Окончив епархиальное училище, м. Анна загорелась желанием создать обитель. Своими беседами и лекциями она собрала вокруг себя группу девиц. Она выпросила у отца-помещика подарить ей 80 десятин земли и начала созидать обитель. Сначала были поставлены из досок шалаши, где на лето поселились послушницы в ожидании постройки теплого дома. Этих первых сестер прозвали «шалашицами». Монастырь бысто начал процветать. Построили церковь, создан был приют и возникло два подворья в обеих столицах. Но деятельная игумения, очевидно мало знакомая с аскетической литературой, с Добротолюбием, поддалась духовному соблазну. Не желая подчиниться увещанию епархиального епископа, она навсегда покинула созданную ею обитель и умерла вне ее стен.

Мать София не долго пробыла в Свято-Троицкой обители. Она перешла в Николаевскую обитель. Можно предположить, что причину этого перехода была смута, связанная с уходом м. Анны. Но и в новой обители м. София не нашла желанного мира. Ее полюбили сестры, которым она в своей келье читала духовную литературу. За это ее невзлюбила казначея. Тогда она, совместно с м. Екатериной Метцендорф, которая также ушла из Троицкой обители, стали вместе искать, где бы они могли обосноваться самостоятельно.

Место, которое они выбрали — Дугнинский завод — крайне нуждался в духовном просвещении. Это был самый незадачливый угол в пре-красной Калужской губернии. На Дугнинский завод ссылали из Калужской и соседних губерний бывших арестантов, отбывших тюремное заключение. Место, где жили эти рабочие, имело очень непривлекательный вид, но того нельзя было сказать о чудесной, окружающей его природе. Местность была холмистая. На одной из гористых возвышенностей стояла заброшенная церковь во имя Иоанна Милостивого. Окна были выбиты, крыша провалилась, царило полное запустение. Вокруг разрослась кудрявая березовая роща, внутри церкви находился образ Божией Матери «Отрада и Утешение». Вид с холма был восхитительный. Внизу

виднелась красивая долина, покрытая ковром полевых цветов, за ней вилась река Ока, раскинувшаяся далеко причудливыми зигзагами. С другой стороны холма образовался отвесный обрыв, на дне которого змеится речушка Дугна, впадающая в Оку. Отсюда вид на огороды местных обывателей. Возле церкви было расположено кладбище. Обе монахини были главным образом привлечены действительной красотой заброшенного храма. Икона «Отрада и Утешение» стала покровительницей их будущей обители.

Вначале обе монахини поселились недалеко от церкви в доме заводского рабочего. В то время местные жители Дугны были духовно одичавшими, грубыми. Вследствие этого монахиням пришлось от них вынести много оскорблений и потому не трудно себе представить, что должна была вынести юная мать София, привыкшая с детства к общей любви. Здесь она очутилась среди подонков человеческого общества, поставившего себе целью вынудить монахинь бежать из Дугны. Однако, Господь послал им помощь и поддержку в лице священника о. Владимира Лебедева из села Солопенки, прилегающего к этому месту со стороны Алексинского уезда Тульской губернии. Он дал им указания в деле хождения по сборам.

К сожалению, нет ни устных, ни письменных преданий, указывающих на столь быстрое возникновение новой обители в честь иконы «Отрада и Утешение». Откуда явились средства для полного ремонта церкви, постройки скромных монастырских зданий, как собралось полторы сотни монахинь и возник детский приют? Все это совершилось в крайне короткий срок времени. Теперь среди Дубнинской неприглядности возник духовный центр, духовная лечебница, живой образец истинной христианской жизни.

Отныне, по словам писателя Быкова, для плывущих на пароходе вдоль р. Оки, после крутого поворота, появляется церковь во имя св. Иоанна Милостивого уже не в виде руины, но как некая труженица в белом одеянии, покрытая изумрудным апостольником, озаренная розовыми лучами заходящего солнца, нося проповедь о глубоком смысле личного подвига в служении Христу и нашему исконному Православию.

М. Екатерина недолго оставалась в обители «Отрада и Утешение». Произошло следующее: она, как старшая годами стала настоятельницей, но сестры больше любили мать Софию и тем возбуждали ее недовольство. Ради сохранения мира, м. София решила удалиться в Белевский монастырь Тульской губ., где была похоронена ее отец и где были вложены их

семейные вклады. Уход м. Софии сильно огорчил сестер новосозданной обители. Была среди них одна юродивая, так называемая «Марьюшка-блаженная», прозвавшая м. Софию Серафимой. Она взбиралась на дерево и взывала к ней: «Серафима, Серафима!» Наконец, м. Екатерина написала м. Софии, что без нее жизнь обители расстроилась и что ради ее сохранения м. София должна вернуться, а она, м. Екатерина, покинет обитель. Так они и сделали. Впоследствии м. Екатерина основала около г. Бологое Новгородской губ. общину, где и скончалась 95-ти лет от роду.

Итак, м. София приняла на себя крест настоятельства в беднейшей до крайности обители, где даже постройки не были основательными и большей частью сырыми и холодными. Но молодая настоятельница жила твердой верой в Бога, в Его помощь и эту веру умела передать и сестрам. Рассказывает писатель Быков*: «Очень часто бывали и бывают моменты, когда в течении дня предстоит предложить трапезу 170-ти инокиням и 30-ти приютским детям, а у доброй, отягощенной постоянной заботой о сегодняшнем дне, назначен матушки Марфы, всего 25—30 рублей денег и несколько писем с требованием уплаты денег то за дрова, то за разные произведенные работы. Приходят к м. Софии удрученные заботами старшие монахини с докладом об истинном положении дел. М. София убеждает их, говоря, что Господь не может не придти к ним на помощь и напоминает им все предшествующие случаи Свыше пришедшей чудесной помощи. Зажигается большая, поставная свеча у Распятая, находящаяся в келье у Матушки. Растроганные инокини напоминанием о многих прежних случаях помощи, посланной им от Бога, становятся на молитву вместе с Матушкой и уходят умиротворенные. Искренняя их вера не оставалась посрамленной».

Об особом случае чудесной помощи после общего моления рассказывала нам Е. А. Нилус. Матушка неожиданно получила указ из консистории о том, что обитель в честь иконы «Отрада и Утешение» является обязанной в самый короткий срок приобрести в собственность те 40 десятин вокруг церкви св. Иоанна Милостивого, которые обитель занимала и которые ей не принадлежали. По закону монастырь не мог существовать

---

* Бывший спирит, обращенный м. Софией, В. П. Быков, автор книги «Тихие приюты для отдыха страдающей души» Москва. 1913. Этой книгой, ныне библиографической редкостью, мы отчасти пользуемся, как источником. М. София направила Быкова в Оптину Пустынь и к старцу Герасиму и настояла на закрытии журнала «Спирит». [Ныне книга В. П. Быкова переиздана (Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993). — *Сост.*]

на не принадлежащем ему лично участке земли. Был поставлен Матушке ультиматум немедленно внести в епархиальное управление, требуемые им 6 тысяч рублей.

Но откуда взять такой капитал? Ведь бедная обитель жила буквально по Евангельской заповеди: «Довлеет дневи злоба его» (Мф. 6, 34). Прошел у них день и слава Богу!

Матушка немедленно созвала всех сестер, объяснила им то критическое положение, в котором находилась обитель. Можно себе представить волнение сестер! Начался молебен с акафистом преп. Серафиму, к которому они всегда прибегали в тяжелых обстоятельствах. Сестры молились со слезами, а по окончании службы они, плача, стали обнимать друг друга. Какова же была радость, когда на следующий день пришел странник и подал Матушке конверт, в котором было 6 тысяч рублей. Оказалось, что он присутствовал на служении акафиста, но никто не обратил на него внимания. Он сразу же обратился к лицам, его знавшим, и, очевидно, глубоко его почитавшим, которые, не задумываясь, вручили ему и доверили столь большую сумму денег. Странник был несомненно не простым человеком, а Божиим странником. В память этого чудесного события каждую Пятницу во время всеобщего бдения служился с пением акафист преп. Серафиму Саровскому.

По поводу подобных случаев непрестанной надежды на помощь Божию Быков говорил так: «Матушка София всей своей сущностью понимает, что только такие уроки, а ничто другое, поднимают в ее инокинях прежде всего любовь к Богу, непоколебимо укрепляют веру в Него и этим заставляют их с радостью служить Ему и исполнять Его великие заветы.

А как неотразимо воспитательно действует это на пребывающих около этой обители мирян, трудно себе представить!

Я знаю многих людей, принадлежавших к цвету интеллигенции, проживавших временно в этой обители, которые приезжали туда абсолютно неверующими, но после близкого наблюдения внутренней жизни обители, делались искренно верующими. Матушка же никому ничего не навязывала и никого не стесняла».

Быков неоднократно наблюдал с какой тоской и грустью уезжали лица, которым удалось погостить в обители некоторое время. Они говорили: «Ведь это рай земной. Ведь только здесь поймешь смысл и полноту счастья исполнения великих заветов Христовых».

«Дух, который вносила мать София в жизнь своей маленькой обители невольно напрашивается на сравнение с жизнью первохристиан, когда

Евангельские заповеди буквально исполнялись в повседневной жизни.

Один стихотворец восклицает:

*Если хочешь здесь на земле увидеть небесную правду,
Скорее, скорее спеши в дивный храм Утешенья,
В святую обитель небесной Отрады.*

«Все это истина, — говорит Быков, — и никто не дерзнет сказать, что это неправда».

Далее Быков рассказывает, как посетившая обитель по его совету некая серьезная и глубокая особа, решила присоединиться к лику сестер монашескующих. Многие лица из простого народа поселились при монастыре в качестве трудников. «Вот некто, — говорил Быков, — Василий Иванович, ремеслом столяр, человек богобоязненный и дитя душой, живший раньше в Москве и служивший в одном из магазинов столярных изделий. Побывав в «Отраде», он ликвидировал все свои дела, пришел сюда и остался навсегда жить при обители, за трапезу и помещение, исполняя все столярные работы в обители...

Вот глухонемой мужичок Алеша, который отказался от полученного в деревне наследства, от манящей жизни зажиточного мужика и предпочел остаться работником при доме Божиим, под покровом Царицы Небесной «Отрада и Утешение». Но эти люди не были единственными...

Обладая недюжинным даром слова, прекрасным слогом и стильностью, мать София чрезвычайно часто устраивала собеседования со своими сестрами, избирая своими темами, или жизнь великих подвижников, или Евангельские изречения, или какой-нибудь из обительской жизни эпизод. Собеседования заканчивались роскошным пением монастырского хора под управлением матушки Евгении. На собеседование допускались и миряне. И не хотелось уходить из этого чудного во Христе братства!

А какие чудные богослужения совершаются в этой обители вообще!

Каждый двенадцатый или иной большой церковный праздник бедная, но изумительной чистоты и большого вкуса церковь, украшается самыми затейливыми гирляндами из зелени, венками из чудных цветов цветника обители.

Всенощная... Храм переполнен молящимися... Справа и слева стройными рядами стоят монашескующие сестры. Впереди, на месте настоятельницы, стоит олицетворенное смирение — мать София, рядом с ней ее келейница, сестра Екатерина. Более преданного и более любящего человека я никогда и нигде не встречал. Она за Матушку и ради Матушки готова пойти и в огонь

и в воду... Мне приходилось видеть такие факты ее самопожертвования, перед которыми я благоговею и посейчас...

Чистенький, замечательной художественной работы иконостас. Налево, напротив иконы Царицы Небесной «Отрада и Утешение», выстроены приютянки. Их в обители до 30-ти человек. Самая маленькая из них трехлетняя Маня Турицына, поражает и своим ростом и своей серьезной выдержанностью. Все девочки в сапожках и чистеньких чулочках, одного цвета платьях, с белыми платочками на головах...

Отворяются царские врата, из алтаря выходит о. Алексей с дьяконом. Хор поет «Хвалите имя Господне». Все молящиеся зажигают розданные им заранее свечи.

Удивительно хорош этот обычай, строго выполняемый в обителях Калужской губернии. Когда взглянешь на это море огней — тогда сердцем почувствуешь какую-то непонятную, но в то же время очевидную связь между этим пением и между этими огоньками, которые, как пылающие сердца великой любовью к Промыслителю, рвутся, колеблются, стремятся в высь!

Нет! этот обычай положительно неоценим!

И вдруг сзади престола в алтаре перед вами озаряется каким-то неземным светом и оживает лучезарная фигура Божественного Спасителя со знаменем Воскресения!

Сама любовь подсказала Матушке устроить хорошее освещение позади образа Воскресения Христова, написанного на стекле алтарного окна.

Еще не умрут в памяти моей души два факта, тоже происходящие во время всенощной.

Матушке подают на блюде частицы благословленных на литии хлебов, она берет блюдо и им обносит ряды своих прихожан.

О, какая близость к простому народу!

Недаром Матушку так любит местное население, недаром идут к ней со всякой нуждой, со всякой скорбью. Делают ее и судьей в своих человеческих отношениях и поверенным всех своих тайн, невзгод и переживаний. И как Матушка сказала, так уже и кончено.

Кроме того трогательно наблюдать прощание с Матушкой приютских детей, которых уводят спать до конца службы. Матушка благословляет каждую из девочек и те также осеняют ее крестным знаменем, для чего она склоняется к каждой из них, как любящая мать.

Такое прощание с детьми перед их сном происходит каждый вечер».

Таково впечатление от пребывания в обители «Отрада и Утешение»

В. П. Быкова, бывшего редактора журнала «Спирит», спасенного игуменьей Софией от его погибельного заблуждения.

Если любовь Матушки Софии привлекала под сень обители разнообразных мирских лиц, то эта любовь коснулась и забытых могил на старинном кладбище, расположенном вблизи церкви св. Иоанна Милостивого. Вот как об этом повествует в письме к Братству преп. Германа Аляскинского о. архимандрит Герасим (1886 † 1969), спасшийся как отшельник в течение 35-ти лет в скиту преп. Германа на Еловом острове: «В 1914-ом году, в конце Апреля, я посетил женский монастырь «Отрада и Утешение». Он был построен на высоком берегу реки Оки и вид с балкона гостиницы был прекрасен. Вечером, сидя на балконе, я увидел множество огоньков, что сияли за кустами сирени и за березками. Меня потянуло туда. Я спустился, прошел недалеко и увидел чудную картину: на монастырском кладбище сияло много, много цветных лампад. Господи! какая то была красота! Помню, мне и не хотелось даже покидать тот дивный уголок!» Правда, игум. Софии в 1914 году уже не было там, но в ее любимом детище свято соблюдалось все, что было ею заведено, все традиции. (Не был ли тот вечер днем Родительской Субботы? — Е.К.)

О тяжелом испытании, выпавшем на долю м. Софин во время ее настоятельства в обители «Отрада и Утешение» нам поведала Е. А. Нилус. М. София, будучи духовной дочерью Оптинских старцев, когда только могла, ездила в Оптину Пустынь и при встречах с Еленой Александровичей делилась с ней своими переживаниями. Произошло следующее: в обитель долго не назначали священника. Наконец, к великой радости Матушки и сестер, они узнали, что батюшка к ним едет. Собралась все сестры с Матушкой для торжественной встречи. Подъезжает тарантас и из него, к всеобщему ужасу, выходит совершенно пьяный священник. Матушка спокойно, точно ничего не случилось, проводит встречу. Затем собрала сестер, взволнованных и разочарованных, и твердо им сказала, что раз произошло таковое попущение Божие, что к ним послан этот священник, то их долгом является почитать его и не соблазняться его слабостями. Сестры, как всегда, приняли ее слова с полным доверием, а для Матушки началось жестокое испытание. Характер у этого священника оказался ужасным. Оказалось, что его собственная семья от него сбежала. Он бил приставленную к нему старушку-послушницу, во время богослужений возмутительным образом громко бранил пономарок и клирошанок.

Вся обитель была в отчаянии, но Матушка умоляла всех терпеть. Она видела во сне, что она поднималась по воздуху все выше и выше, ведя за собой этого священника: из этого она сделала заключение, что он неспроста к ней послан. Между тем положение делалось все труднее и труднее. Священник ее возненавидел. Он отыскал среди ее послушного и мирного стада двух-трех паршивых овец, не смевших доселе проявлять открыто свое недовольство. Он составил против настоятельницы партню и начал писать против нее жалобы, что было до тех пор неслыханно в ее мирной обители. Но м. София твердо стояла на своем: молилась за него Богу и настойчиво требовала от возмущенных сестер, чтобы они почитали его ради его сана.

Было, однако, у этого священника одно великое достоинство: он искренно молился и старался не пропустить дней, когда полагалось совершение Божественной Литургии.

Однажды ночью Матушка внезапно заболела и так сильно, что пришлось волей-неволей позвать обительского священника для напутствования на случай фатального исхода ее недомогания. До тех пор она никак не могла заставить себя исповедоваться у него. Между тем произошло неожиданное: идя к игуменни по подмосткам, положенным от ее кельи в церковь, священник споткнулся и пролил св. Дары.

Этот несчастный случай вызвал со стороны Матушки чувства самого глубокого сожаления и сочувствия. Священник увидел ее в истинном свете, у него открылись глаза. По уставу он должен был доложить архиерею о случившемся. Епископ его послал к духовнику. Но вернулся в обитель он совсем другим человеком и заявил, что он едет к о. Герасиму на исправление.

Отец Герасим⁴ был необычайным явлением — он был целителем душ человеческих. В его обитель стекалось все то, что не годилось в обыкновенной житейской обстановке: люди-физические инвалиды и полукалеки, а также люди, требующие морального исправления.

С молодых лет о. Герасим был учеником старца Герасима, отчасти юродствовавшего и жившего вне монастыря. Старец сказал о нем: «Миша, — так звали его тогда, — будет меня выше». Эти слова сбылись.

После смерти своего наставника о. Герасим, по предсказанию своего старца, в том месте, которое им было названо «прекрасным» и где по его словам возникнет монастырь, построил шалаш. К нему присоединился второй. Вскоре здесь действительно возник благоустроенный монастырь под покровительством Палестинского Общества, коего представителем

был Вел.Кн. Сергей Александрович, родной брат Императора Александра III. Обитель эта была посвящена преп. Сергию Радонежскому, имя которого носил Великий Князь. Это был самый энергичный, волевой человек в Царской Семье. Он служил опорой для своего племянника Императора Николая II. Убийство Великого Князя нанесло тяжелый удар по строю государства Российского.

Великий Князь недаром покровительствовал обители отца Герасима, в лице которого соединилась подлинная святость вместе с поразительной энергией и хозяйственными способностями. Монастырь был благоустроен и его настоятель прекрасно управлял 400-ми десятинами земли. Была устроена ферма, сдавались дачи благочестивым дачникам. Перед монастырем был пруд с фонтаном и были насажены цветники. Все это благоустройство было создано для опекаемых больных и калек. Лежащие из них пользовались хорошим уходом, а те, которые могли двигаться, были приспособлены каждый к подходящему ему занятию.

Любвеобильность старца отца Герасима была поразительная, она не имела предела и имела дар перерождать человеческие сердца.

С м. Софией у них существовала духовная близость и они посылали друг к другу своих духовных чад.

По данной ему благодати, о. Герасим старчествовал и давал прозорливые указания и ответы на задаваемые ему вопросы, волновавшие толпившихся вокруг него посетителей.

Вот в эту «лечебницу» и пожелал определиться на покаяние священник из обители «Отрада и Утешение». Вскоре он совершенно вылечился от алкоголизма и попросился вернуться к Матушке. Но она в то время была уже в Киеве.

Когда же совершилось назначение м. Софии игуменией Киевской Покровской обители? Согласно сохранившемуся церковному журналу «Русский инок» (1911 год. Февраль. Вып. 3. С. 66) сказано, что 23-го января в Киево-Покровском монастыре произошли выборы новой игумении на вакантное место за смертью игумении Валентины. Выбрана была игумения Магдалина Абабковского монастыря Нижегородской губернии. Она была ранее главной сестрой больничных бесплатных учреждений в Покровском монастыре. Акт избрания был послан в Петербург митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану для утверждения.

Остается открытым вопрос — был ли выбор иг. Магдалины утвержден м. Флавианом? Если и был, то иг. Магдалина пробыла в Киеве

на этой должности всего лишь около года. Быков пишет в своей книге, что он еще застал м. Софию игуменней в «Отраде и Утешении» в 1912 году. Но в следующем 1913 г. там была уже игуменней м. Евгения. Следовательно, м. София была назначена игуменней Покровского монастыря или в конце 1912 года, или в начале следующего года.

Монашеское служение игуменни Софии. Покровский монастырь

Скажем несколько слов о том, что из себя представлял Покровский монастырь⁵ в начале этого века. Он был основан Вел. Кн. Александрой Петровной, в монашестве м. Анастасией⁶, 20-го июля 1889 года. Это был как бы самостоятельный городок в Лукьяновской части города Киева на склоне Кудрявой горы. Площадь, занимаемая монастырем, была обширная, на ней прежде всего помещались обительские здания, вмещавшие келлии для 1200 монашествующих сестер обители. Затем настоятельские покои и здание больницы и лечебницы имени Императора Николая II. При этих двух зданиях были две церкви: 1) во имя преп. Агапита-врача и 2) во имя Божьей Матери [Всех] Скорбящих Радости. Кроме этого был детский приют и богадельня. Между домами росли сосны, всюду были разбиты цветники, и общий вид имел вид парка.

Главный монументальный храм во имя Святителя Николая Мирликийского был заложен в 1896-м году и строился почти 20 лет и, хотя был закончен, но из-за войны не был расписан и освящен. Вследствие этого другой храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделами во имя Св. Пророка Илии и другого придела во имя Всех Святых — служил для совершения всех богослужений в обители. Еще была трапезная церковь во имя Архангела Мханла.

Кроме того с 1894-го года в ведение Покровского монастыря поступил Межигорский Преображенский монастырь, находящийся на берегу р. Днепра, в нескольких верстах выше Киева, в долине, окруженной с трех сторон горами. Межигорский монастырь был основан не позже XII века. Он подвергался много раз опустошениям, после которых восстанавливался. С XVII века считался казацким монастырем. С 1687-го года получил от патриарха Иеремии, своего бывшего постриженника, права ставропигии. В царствование Екатерины II был обращен в военный госпиталь и до последнего времени находился в большом запустении. Попав в ведение м. Анастасии, он стал восстанавливаться и украшаться.

Таким образом Покровский монастырь был крупнейшим учреждением. Со смертью его основательницы ни одна из назначаемых на ее место игумений не могла справиться с возложенной на нее задачей. Ведь помимо духовной стороны, здесь требовались и практические способности, особая тактичность и наблюдательность. Игуменни приходилось иметь дело с различными деловыми людьми, как со строителями собора, с докторами больницы, с членами городского управления, да мало еще с кем! Великокняжеский дом считал этот монастырь своим наследием и здесь требовалась особая тактичность. Одна бухгалтерия чего стоила! Какие суммы проходили через монастырскую кассу!

Огромная ответственность лежала на настоятельнице такой огромной обители! Заурядному человеку такая задача была бы не под силу. Помимо всего, насельницы монастыря, привыкшие к управлению мудрой и святой старицы, какой была покойная мать Анастасия, часто бывали недовольными порядками той, или другой игуменни, и в епархиальное управление текли непрерывные жалобы. Переменилось несколько настоятельниц...

Назначение матери Софии игуменней Покровского монастыря вышло совершенно случайно: она поехала в Петербург хлопотать по делу своей обители. Между тем в этот самый момент киевский митрополит Флавиан, находившийся в Синоде, тщетно искал подходящую игуменню для Покровского монастыря.

Теперь перед его глазами стояла умная, толковая, молодая игуменья скромной, небольшой, но ее руками созданной обители. Она внушала доверие и выбор на ней остановился. Никто не подозревал тогда, какой ими был богатый улов сделан, какую жемчужину выловили. Это показало время! Таков слышанный нами рассказ из уст Е. А. Нилус.

Этот неожиданный поворот судьбы причинил Матушке невыразимое горе. Она срослась душой со своей «горкой», как она называла свою обитель. И вот, приходилось теперь вместо привычной мирной ладьи пересечь на огромный океанский корабль, чтобы пересекать бурные житейские волны... Горе ее усугублялось при мысли о разлуке с монашествующими сестрами, с райским уголком ею созданным, с детьми ею призреваемыми, с мирянами около нее поселившимися, с простым народом ей доверившим свои невзгоды, со всем тем, что с помощью Божией ею было создано! Матушка проплакала всю ночь! Ее вырвали, как вырывают дерево с корнями!

Возведение матери Софии в сан игуменни и перед этим ее пострижение в ангельский образ очевидно произошло в Петербурге в Новодевичьем

монастыре. Оно не могло иметь место в Киеве, т.к. ей невозможно было прибыть в Киев в чине рясофорной монахини. Ей оставили ее прежнее имя, оттого, что была спешно составлена бумага о ее назначении, где она была названа Софией. Так рассказала об этом Е. А. Нилус.

Итак, мать София оказалась поставленной на высокий свешник и как яркий огонь, она горела и светила до тех пор, пока не погас всюду свет и не наступила повсеместная тьма. Имя Софии-мудрости она носила провиденциально от рождения и до смерти.

Вот как описывает ее сестра Мария Евгеньевна прибытие Матушки в Покровский монастырь: «Было получено известие о дне и часе прибытия новой игумении. Все сестры и духовенство стали готовиться к торжественной встрече настоятельницы... У монахинь и причта была одна мысль: какова будет новая игумения? Монахини, послушницы, духовенство вышли встречать мою скромную сестру. Дорога от игуменских покоев до собора была устлана коврами. Торжественно загудели могучие обительские колокола — и вот показалась карета! В силу какой-то необъяснимой причины, дверцы кареты, из которых должна была выйти игумения София никак не могли открыться при всем усилии. Все ждали, волновались, недоумевали... А моя сестрица перекрестилась и сказала: «В этом как бы предсказание тюрьмы!» Так впоследствии и случилось: большевики вывезли мою сестру из монастыря в тюрьму. Игумения София вышла из противоположной стороны и ей пришлось обойти карету.

Со страхом приняла новая настоятельница свой ответственный пост. Но своей необычайной добротой, смирением и простотою, она, как и в «Отраде и Утешении», приобрела сердца сестер. Полюбили все смиренную игумению. Много добра творила игумения София. Дар исключительной любви к Богу и людям имела она: щедрой рукой благодетворила она бедным. Никто из нуждающихся не уходил без помощи, никому не отказывала она в поддержке. Ко всем относилась она с лаской и любовью. Игумения София не забывала ни на минуту и дорогой ее сердцу обители «Отрада и Утешение». Помогала ей непрестанно, заботясь о ее нуждах и всяческих печалях».

Такая возможность приходиться на помощь «Отраде», этому детищу ее души, служило утешением для Матушки, а также переход под ее крыло наиболее ей близких сестер из прежней обители. Из этих сестер особенно была ей близка бывшая казначея инокиня Марфа. Мария Евгеньевна говорит: «Это была святая, родная душенька. Сорок лет она была

неразлучна с сестрой, горячо ее любя. Впоследствии ее посвятили в великую схиму с именем Маргариты. Она разделяла с сестрой все ее скорби, все мытарства при большевиках и отошла к Господу на вечный покой».

Елена Александровна Нилус бывала у Матушки в Покровском монастыре в Киеве и описывала картину, ею виденную, общей любви к Матушке со стороны как и старого, так и малого. Ее любили и капризные старушки и приютские дети, которые кидались к ней с радостными криками. Ее приход вызывал всюду восторг и ликование.

В нашей памяти сохранился из жизни иг. Софии в киевский период ее жизни случай, ставший известным нам, конечно, со слов Е. А. Нилус: одна дама-помещица, соседка Гриневых по имению, знавшая м. Софию еще в ее ранней молодости, умоляла ее оказать влияние на умозрение ее единственного сына, который был совершенным атеистом. Этот человек, исключительно блестящий, талантливый, редкого ума, делавший завидную карьеру инженера, не поддавался никаким убеждениям, что причиняло его верующей матери глубокое горе.

Мать София попробовала на него подействовать, но дело оказалось очень трудным: они тщетно спорили. Однако м. Софии удалось его уговорить побывать в Сарове. И сама там была вместе с ним. Поездик между игуменией Софией и атеистом был нелегий.

Но случилось, по ее молитвам, какое-то необыкновенное чудо, которое потрясло инженера до мозга костей. Он стал не только верующим, но как бы родился вновь. Прежняя жизнь ему опостылела совершенно, он не мог уже более ее продолжать. Он бросил службу, надел крестьянскую одежду и ушел на Валаам, в Соловки. Бывший атеист стал странником...

Во время игуменства м. Софии в Киеве произошли следующие события общего характера: приближалась война и на горизонте собирались черные тучи. С наступлением рокового 1914-го года началась война с немцами. В Покровском монастыре был открыт лазарет. Его посетил в первые годы войны Государь Император. В 1917 году последовало отречение Государя от престола. Осенью того же года был убит митрополит Киевский Владимир. Настало смутное время, безправие. Весной Киев заняли немцы и с ними началось призрачное украинское управление во главе с гетманом Павло Скоропадским. С уходом немцев осенью того же года свирепствовали разные банды, пока Киев не заняла добровольческая армия... С ее отступлением утвердились большевики... Это наступило с начала 20-х годов... Покровский монастырь был закрыт ранее других. Прежде всего арестовали игуменню

Софию. Мария Евгеньевна пишет: «Увезли мою сестру в тюрьму (как она это раньше предчувствовала). Увезли в открытом автомобиле, посадив между двумя комиссарами. При виде этой тяжелой картины, бедные, осиротевшие сестры с воплем и слезами бежали за машиной. Они теряли в лице игуменни нежную, любящую мать. «С этого момента, — продолжает Мария Евгеньевна, — начались страдания м. Софии. Ее переводили из одной тюрьмы в другую». Это же самое теми же словами подтверждает мать игуменния Ангелина, бывшая монахиня Покровского монастыря, уехавшая в Сербию в 1926 году в письме от 21-го ноября 1950 года. Она пишет: «Господь посреде нас, дорогая госпожа Елена. Письмо ваше я получила и все поняла, что вы спрашиваете. Я жила в Киеве до 1926 года. Игуменния София много страдала все время, ее водили из тюрьмы в тюрьму. После этого игуменния София получила свободу и жила 25 верст за Киевом. После этого вернулась в Киев, поместилась у своей родственницы, у близини монастыря Покровского.

Когда я верталась на свою родину, м. иг. София меня благословила. Последнюю, т.е. при разлучении, напоила меня чаем с печеньем, прекрестила и поцеловала меня в горьких слезах, мы расстались, разлучились. Долго прошло времени, что я ничего не знала об любимой Матушке и любимом Покровском монастыре. Я решилась и написала письмо у Покровский монастырь. Ответ скоро получила. Пишет мне новая игуменния Е., что м. София умерла.

Теперь я пишу от себя: я жила у Игуменнии Софии 13 лет. Очень много научилась от нее. Игуменния София была просто святая душа, полна духовных подвигов и милосердия. Игуменния София каждого скорбящего утешала, помогала. Было когда я возьму св. богослов* и поцелую ручку Иг. Софии, а в этот день, как на крылах, полна духовной радости. Я очень уважала и духовно любила Иг. Софию, а Иг. София меня также, всегда меня жалела, что я так далеко от своей родины. Имела бы еще писать о доброй, мудрой Иг. Софии, но кончаю. Бог милосердный принял И. С. у вечность, там на небе, где правда живьет.

Вечная упомена и духовечная память доброй, духовной, мудрой мученице Иг. Софии.

Остаюсь грешная игуменния Ангелина.
21.XI. 1950».

Сколько раз арестовывали м. Софию, сколько времени она провела в тюрьмах — этого мы не знаем. Известно, что настоятель храма

---

* Благословение. — *Сост.*

в Покровском монастыре о. прот. Димитрий Иванов, также, как и м. София, долго просидел в заключении. Но то был их личный исповеднический подвиг. Главный же исторический их подвиг развернулся уже гораздо позднее. Это было тогда, когда митрополит Сергей официально отказался быть защитником Церкви и объявил открыто, будто церковные интересы вполне совпадают с интересами безбожного правительства: «Ваши радости — наши радости».

Здесь надо сказать, что церковные нестроения начались сразу после революции. Возникла «Живая церковь», образовавшая раскол. В Киеве «живисты» расположились прежде всего в Покровском женском монастыре, из которого в первую очередь были выселены все монахини, а больница национализирована. Так как среди местных архиереев живцам не удалось завербовать кого-нибудь в свои ряды, то епископов начали присылать из других городов с тем, чтобы они насадили в Киеве живизм. Одним из первых прибывших туда, был митрополит Тихон. На его первое объявленное богослужение в большом соборе Покровского монастыря собралось довольно много женщин. Обедня прошла спокойно. Но когда митрополит в белом клобуке и знаменитой голубой мантии вышел благословлять народ, он получил незабываемый урок. Первая подошедшая, как будто, под благословение женщина, быстро с гримасой бросила: «Сколько взял?» — и плюнула на поднятую для благословения руку митрополита. Следующая за нею, заглядывая умльно в глаза Тихону, быстро подхватила: «Золотом, или советскими?», — и в свою очередь плюнула. Плевки продолжались, пока, растерявшийся митрополит не вышел из состояния окаменения и не скрылся поспешно в алтаре. Больше он не служил и очень скоро уехал из Киева. Года через два стало слышно, что он скончался в Курске, принеся покаяние еще при жизни Святейшего Тихона.

Один из архиереев-исповедников, проведший всю жизнь после революции в тюрьмах и ссылках и там ее закончивший (епископ Дамаскин. — *Е.К.*), случайно попал на короткий срок на свободу, с горечью высказался по этому поводу: «Если не женщины, то кто же будет защищать Церковь? Пусть хоть они защищают как могут»*.

Возникновение «Живой церкви» внесло большое неустройство в церковных делах... Положение все ухудшалось и со смертью Патриарха Тихона. Церковь была так стеснена, что не было возможности собрать собор

---

* Елена Л[опушанская—Е.К]. Русские Мироносицы // Православная Русь. 1948. № 20.

для избрания нового патриарха. Заранее предвидя такое положение, Патриарх Тихон указал на трех кандидатов, которые, не будучи в тюрьме, ни в изгнании, могли бы быть временными заместителями Патриаршего престола. Из этих кандидатов только митр. Петр Крутицкий оказался на свободе. Его избрание было подписано 50-ю епископами. Митрополит Петр, в свою очередь, назначил на случай своего ареста или смерти трех лиц, как заместителей престола. В их числе были м. Иосиф Ростовский и м. Сергей Нижегородский. Митрополит Петр продержался у власти всего несколько месяцев, т.к. он отказался подписать требуемую правительством декларацию и был сослан на край света, в полярную зону. Требование большевиков исполнил м. Сергей, выпущенный ими из тюрьмы, где побывал несколько месяцев. Это была полная капитуляция, отказ от самозащиты. М. Сергей стал во главе управления Церковью, подобрал и посвятив себе послушных членов Синода. Остальные же, не примкнувшие иерархи, оказались вне покровительства Церкви и отданными на расправу советской власти*.

Один из первых опротестовавших декларацию м. Сергея был митрополит Иосиф, бывший Ростовский, в тот момент Петербургский-Ленинградский. С его стороны это был героический жест. Он знал, что за свое стояние за Истину он заплатит кровью. Такие исключительные герои в истории Церкви являются Божиими избранниками, не «наемниками». И потому, будучи «пастырем добрым», митрополит Иосиф в этот критический момент решил действовать решительно, объявив себя вождем малого стада Христовых овец, будущих мучеников. Церковь, им возглавленная, стала называться иосифлянскою, а впоследствии катакомбною. Он в ссылке был расстрелян. Ему мы обязаны тем, что в России до сих пор сохранилась «Истинная Церковь»,

---

* Нами в свое время было получено письмо от Елены Александровны Нилус в котором она, заменяя церковные слова медицинскими, старалась объяснить нам сущность церковной катастрофы. Она пишет:

«У нас никто из наших не имеет ничего общего с докторами Сергиева и в его лечебницах не лечимся. Он совершенно незаконно действовал, т.к. старик д-р Петров его только назначил своим заместителем для текущих дел, когда должен был уехать, а он незаконно без пленума всех докторов выбрал управление, которое всеми делами правит. Старик Петров и Кирялов это управление не признают и оба в гонениях и скорбях. Муж мой был сильно возмущен действиями д-ра Сергиева, и т.к. все ревнители истинной Гомеопатии [Православия] лишены возможности лечиться, ибо все аптеки в руках тех, которые все захватываю. Трудно тебе объяснить, но если все знаешь, то неприемлемо. Одно тебе скажу: я все время в Чернигове была без доктора и сядла в Киев [к м. Софии] когда нужно было, т.е. раз или два в год. Здесь тоже: дети не лечились [т.е. не причащались]. Я была в последний раз в Киеве к Покрову, т.е. в 1933 году».

хотя и в потаенном, скрытом состоянии. И мы верим, что будет день, когда Церковь эта выйдет на свет Божий, как незапятнанная невеста Христова и займет принадлежащее ей место.

В своих неизданных записках архиепископ Леонтий Чилийский⁷ оставил нам, как очевидец того времени, важное свидетельство о событиях, происходивших в это время в Киеве. Он говорит: «Владыка Иосиф принял на себя, как митрополит, всех отколовшихся от митрополита Сергия и потому их стали называть иосифлянами, а оставшихся сергианами. Как в Петербурге были отколовшиеся, так были и в Киеве. Среди них протонерей Димитрий Иванов, наш Покровский монастырь, мать игумения София с приближенными 20 сестрами, о. прот. Виктор, настоятель Александро-Невской церкви, о. Анатолий Жураковский⁸, о. Л(ео)нид Гес?), настоятель Покровской церкви и один профессор Академии. Не откладывая, сестры Покровского монастыря себе избрали в игумении мать казначею, старицу 75 лет Антонию, а м. София приобрела себе дачу вблизи Киева в дачном месте Ирпень, там устроила церковь и при ней находились оставшиеся сестры и о. Димитрий Иванов⁹. В остальных монастырях отдельных не замечалось, кроме Троицкого монастыря о. иеромонаха Феодосия».

В этом своем свидетельском показании архиепископ Леонтий запечатлевает факт исторического подвига протонерея о. Димитрия Иванова и м. Софии в их решительном отпадении от сергианства и вступлении в ряды иосифлян. Таким образом, в Ирпени образовался некий центр.

О. Адриан Рымаренко¹⁰, ныне архиепископ Андрей, сообщил нам лично подробности о жизни м. Софии в Ирпени. В той же вилле жил и о. Димитрий Иванов со своей семьей. Вилла, принадлежавшая г-же Бабенко, в прежнее время была собственностью польского магната. Стены были увешаны гобеленами. В зале висело огромное изображение преподобного Серафима, молящегося на камне, в вышину всей стены. Там же висел прекрасный образ Божий Матери и стоял крест. Но зала имела вид салона. Ночью в 3 часа зала преобразовывалась и превращалась в церковь. Пел чудесный монашеский хор. Монахини жили в частных домах и собирались ночью к богослужению.

Из книги прот. М. Польского «Новые мученики Российские» мы черпаем дальнейшие сведения о судьбе насельников этой дачи.

Несмотря на всю конспиративность, монашеская община была обнаружена в Ежовское время (1937). Монахинь арестовали и вывезли в оленеводческий совхоз, на Крайний Север, на какой-то остров в сторону

Камчатки. Г-жа Бабенко прислала об этом телеграмму Покровским монахиням, проживавшим потаенно в Киеве. Они написали туда и послали денег, но ответа никогда не было получено. В своей телеграмме г-жа Бабенко сообщала, что их везли на пароходе.

На даче в Ирпени в монашеской общине настоятелем потаенного храма был о. прот. Дмитрий Иванов. Он был известен в Киеве, как замечательный священник и проповедник. В начале революции он долго просидел в тюрьме и был заключен в Темниковском концлагере. Во время разгрома монашеского общежития он был вторично арестован, подвергся в тюрьме истязаниям, а затем его, истерзанного, измученного, отправили в Архангельск. Он прибыл туда со своей женой, но уже не мог держаться на ногах. Его подобрал проходивший мимо врач-еврей, отнес его на свою квартиру, окружил заботой и уходом. И на его руках о. Дмитрий умер. Об этом рассказала его жена. По словам о. Адриана Рымаренко, ныне архиепископа Андрея, он скончался 4-го марта.

Мать иг. София при разгроме Ирпенского общежития не была захвачена. Очевидно в это время она находилась в другом месте.

Из писем Е. А. Нилус видно, что она ездила причащаться в Ирпень в 1933 году. Можно думать, что в это время Матушка жила в Ирпени. Было небезопасно упоминать ее имя в письмах.

В последнее время до нас дошли сведения, относящиеся к последним годам жизни м. Софии. Во-первых, что она была пострижена в схиму епископом Дамаскиным. Во-вторых, что она жила в колхозе в центральной части Россин, близ города Серпухова, где она и умерла.

Пострижение м. Софии в схиму могло произойти исключительно только в 1934-м году. Ибо как раз в это время епископ Дамаскин прибыл в Киев из Соловецкой ссылки и пробыл там несколько месяцев. Вскоре еп. Дамаскин был снова арестован и выслан на Восток, к границам Азии. Оттуда он уже не вернулся обратно. Следовательно, постриг матери игуменнии Софии с схиму мог произойти только в 1934-м году. Естественно и понятно, что между этими подвижниками существовало особое взаимное понимание: оба они прошли через тюрьмы и заключения и оба были борцами за правду. Но к этому моменту еп. Дамаскин пришел к заключению, что время борьбы за церковную правду уже миновало. Осталось одно: уйти в молитву и умозрительную духовную жизнь. Такому его настроению соответствует и пострижение игуменнии Софии в схиму. Мать Схиигуменнии София прожила семь лет после принятия великого ангельского образа.

О ее последних минутах жизни Мария Евгеньевна получила письмо, которое во время войны пришло через Швейцарию во Францию. Оно написано 6-го апреля и получено 15 июня 1941 года. Мария Евгеньевна заказала сорокоуст. Вот копия письма Н. А. Григорьевой:

«Многоуважаемая Мария Евгеньевна! Пишет вам одна из дочерей вашей сестры Софьи Евгеньевны. Она поручила мне еще года два тому назад в случае ее смерти известить вас об этом. И вот этот страшный момент наступил! Наша ненаглядная София Евгеньевна скончалась 4-го апреля нового стиля в 1 час 25 мин. дня. Последние три года она страдала мучительной болезнью. У нее была бронхиальная астма, которая вначале выражалась легкими припадками, затем они стали учащаться, прибавилось еще и заболевание сердца. Несмотря на то, что она неоднократно обращалась к лучшим московским врачам и аккуратно исполняла их советы, болезнь нисколько не уступала лечению. В последние три дня своей жизни она пила только боржом и все боялась, что вообще скоро не сможет больше пить. Исхудание у нее под конец было ужасное. Как и всю свою жизнь, она была окружена любящими ее душами и так под конец ее окружали преданные и безконечно ее любящие дети и окружали ее самой нежной заботой и лаской. Материально она не нуждалась, и в этом отношении ее обстановка жизни была хорошая.

Смерть ее наступила неожиданно, несмотря на то, что ожидать это горькое событие можно было каждый день. С утра она чувствовала себя не хуже обычного. Она попросила одну из любимых ею книжек и, отправив бывших при ней детей, осталась одна... Из соседней комнаты было слышно, как она переворачивала страницы книжки и вдруг она закашлялась. Ей стало трудно дышать... Это продолжалось три часа... Дыхание становилось все труднее, все реже, глаза были ясные, все понимающие, они смотрели на иконы, потом она перевела в другой угол, на любимый свой образ, потом быстро и крепко закрыла их и больше эти дорогие, ясные глазки уже не открывались...»

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

НАХОДКА НОВОЙ РУКОПИСИ
С. А. НИЛУСА

В 1934 году мне посчастливилось найти рукопись Нилуса — его послесловие к пятому изданию всемирно известной книги о «сионских протоколах», продолжающей производить и до настоящего дня сильное волнение в безбожных кругах. Эту находку мне пришлось не без борьбы изъять из корыстных рук некоторых безсовестных людей, попросту присвоивших чужое добро и намеревавшихся задешево сбыть его в общую продажу, где, несомненно, рукопись могла погибнуть навсегда. Спасенная рукопись мною передана законным наследникам автора, с разрешения которых она ныне и печатается мною¹.

История написания этого послесловия представляется в таком виде — на основании сведений от родственников автора. В конце 1917 года Государыня Императрица Мария Феодоровна пожелала прочесть книгу Нилуса о сионских протоколах, о чем сообщено было автору. Ввиду преследований и уничтожения Керенским только что вышедшего к началу революции четвертого издания автор мог послать Государыне только единственный свой личный экземпляр, который благополучно дошел по назначению, был прочитан и возвращен близкой родственнице автора, бывшей передатчицей в этом деле, которая из Крыма выехала за границу во время общей эвакуации и скончалась во Франции в 1925 году. Она вывезла книгу за границу. В этот экземпляр книги вложена была упоминаемая рукопись.

Приходится догадываться, что С. А. Нилус, посылая книгу свою для прочтения Государыне, имел надежду на выпуск пятого издания вместо уничтоженного четвертого. Никаких подробностей по поводу этой возможности пятого издания я не имею. Но, очевидно, дело это не могло состояться. Вот к этому предполагаемому пятому изданию книги и написано автором его послесловие, здесь впервые печатаемое. Из лекций профессора С.-П[етербургской] Духовной академии Малахова в Севастополе, в 1920 году я узнал, что в Ростове-на-Дону было выпущено издание книги Нилуса во время гражданской войны². Но экземпляра этого издания я не видел. Во всяком случае там не было напечатано настоящее послесловие, и мною оно печатается впервые.

Книга С. А. Нилуса о сионских протоколах, совершенно независимо от намерений и предположений автора, произвела необычайное действие во всем мире. Она в короткое время сделалась одной из самых знаменитых и острых книг, волнующих целые народы, она стала книгой всемирно-исторической, и с годами сила ее не только не падает, но, наоборот, возрастает. Это книга — чудо, книга — факел, возбуждающий мировые пожары, вероятно, не для одного нашего столетия.

Долгое время у книги не было людей, способных дать ей государственное значение. Сочувствие предреволюционных властвующих русских кругов к книге было вяло и бездейственно. Лучше поняли книгу ее враги. Эти враждебные силы быстро организовали истребительную борьбу против столь слабого, как казалось всем, нового явления. Но и их сила и наглость не могли одолеть беззащитного произведения.

Фашистская Германия, можно сказать, выросла именно на книге Нилуса. И здесь впервые книга нашла государственную защиту. Противная сторона, пользуясь послевоенными своими завоеваниями, решила поставить книгу Нилуса на своего рода мировой суд, каковым стал Бериский процесс³. В связи с этим процессом на книгу Нилуса и на него самого врагами вновь выливались целые потоки лжи, самой грубой и беззастенчивой.

Но обе эти силы — и германский фашизм, и мировое еврейство, и защитники Нилуса, и его враги — одинаково не понимали Нилуса и его книги. Непонимание и пристрастие еврейства легко объяснимо как результат протравления всякой истине с их стороны. Еврейство и Христа не желает понять и сгорает ненавистью ко всякой добродетели не первое уже тысячелетие... Ныне оно особенно нетерпимо, потому что торжествует свою мнимую победу над миром.

Противники еврейства в лице Германии, мечтающие парализовать еврейство только в политике и политикой или воскрешением старого язычества и этими способами надеющиеся одолеть иудейское богоборчество, не менее заблуждаются, чем и сами евреи.

Одно только политическое понимание книги Нилуса есть полное ее непонимание. Этому вопросу и посвящены мои последующие строки.

Хотя Нилус и пишет об антихристе как о близкой политической возможности, но подходит он к этому вопросу не от политических предпосылок, а от церковного, святоотеческого учения. Вот эти два момента и важны: 1) вся его речь посвящена против антихриста и 2) все его предпосылки

православно-церковные. Исходя же из других предпосылок, Нилуса понять правильно нельзя. Отсюда должно быть ясно, почему Нилуса не понимают враги — евреи. Они просто отвергают Христа и в душе уже поклонились грядущему антихристу. Германия же не понимает и не поймет Нилуса потому, что она чужда Православия, и потому ее увлечение Нилусом непрочное и ошибочное, чисто внешнее. Не для этой почвы посеяно благодатное слово!

Книга Нилуса написана для Православной России, которая в свое время, покаявшись и очистившись от мерзости греховной, примет эту книгу и сделает все, чему она учит православного человека...

Книга Нилуса прежде всего православная, и вне православия ее никому не понять. Сорвался на ней американский миллионер Форд⁴, сорвутся на ней и увлекшиеся ею гитлеровцы⁵, столь далекие от православного духа и учения. А для понимания книги Россией время еще не пришло. Но несомненно придет.

Почему же книга Нилуса православная? Этому вопросу до сих пор никем совсем почти не посвящалось внимание. Указывалось — и это вполне соответствует действительности — что Высшая Церковная власть в России, Св. Синод, прошли мимо книги Нилуса, даже отстранились от нее, как от чего-то зачумленного и опасного. Между тем, в Синоде были архиереи-консерваторы, а Государь Николай II открыто не любил евреев, и его считали антисемитом. Можно ли при таком отношении Синода говорить, что книга Нилуса православная? Дальнейшее мое изложение ответит на этот вопрос и вполне точно, в положительном смысле.

Хотя Синод отвернулся от книги Нилуса и прямо не одобрил ее, но и запретить ее он побоялся, и в этом направлении не было сделано никаких попыток. Следовательно, поведение Синода в этом деле просто нейтральное.

На фоне этой нейтральности особенное значение приобретает роль в создании и распространении книги Нилуса приснопамятного молитвенника Земли Русской и чудотворца отца Иоанна Кронштадтского. Нилус обращался к нему за наставлениями, между прочим, и по поводу книги. Об этом сам же он и напечатал подробно. О. Иоанн отнесся к Нилусу совершенно положительно, а по поводу нерешительности и колебаний автора относительно печатания книги о сионских протоколах решительно ему сказал: «Печатай, книгу будут читать и покупать». Только это святое слово праведника и решило все дело. Нилус напечатал книгу, и она пошла по мировой дороге.

Для Православия авторитет Отца Иоанна Кронштадтского слишком высок и совершенно непререкаем. Перед его авторитетом смирился

не только Синод, но и сам Государь, которого Праведник обличал в слабости власти, обличал хотя и отечески, но совершенно твердо⁶. Приводимые в настоящей книге письма об отношении Батюшки отца Иоанна к Нилусу и его книге еще более уточняют дело.

На основании всего этого должно сказать, что книга Нилуса есть плод православного послушания автора. Она написана и появилась на свет Божий по благословию Отца Иоанна Кронштадтского, и на ней исполнились предсказания Праведника⁷. Исполнится и последующая слава.

* * *

В чем же дух этой замечательной книги?..

В ПРАВОСЛАВИИ.

Книга Нилуса — глубоко православная книга. Она православным духом проникнута. Она им — и только им — и порождена. Она и писалась автором после его возвращения к живому Православию, писалась вдохновенно и даже соборно... Форма изложения, конечно, у Нилуса единоличная. Но вся духовная разработка, поиски, определившееся направление, все это не единоличное Нилусовское, а соборное православное. Оно заключается в том, что Нилус, возродившись духом, странствовал по монастырям, много и сладко беседовал со старцами, духовными светильниками Святой Руси. В этих странствиях и духовном горении и написана книга. И она не просто православная книга, а даже, можно сказать, и церковная, хотя официальная Церковь ее сторонилась. Но и собор духовных светильников России почти всегда был в стороне от официальной Церкви, хотя смиренно и уживался с нею, и незримо, но могущественно помогал ей.

Нилус строго церковно, на основании святоотеческих писаний подходил к вопросу о признаках проявления антихриста в наше время. По апостольскому слову: «тайна беззакония в действии» с давних времен, и быть бдительными к действию этой тайны — долг и обязанность всех православных людей. Нилус осторожно с этой точки зрения и рассматривает наше время. У него нет ни полемики, ни раздражения, ни натяжек. Он обстоятельно и вполне объективно рисует картину действующего тайного беззакония в наше время. И делает это с единственной целью: по любви к ближним предупреждая их об опасности, угрожающей спасению души. Никакой политики и партийности у Нилуса нет, а есть только одна духовность. Об исключительной объективности Нилуса ярко говорит, например,

все то, что он пишет про обстоятельства, сопровождавшие появление так называемых протоколов⁸. Все крикливые возражения и опровержения, выдвигаемые против Нилуса и его протоколов... с полной ясностью предложены читателю самим автором с самого первого издания и учитываются как автором, так и внимательным читателем. И потому-то эти возражения и вся травля нисколько не останавливают мирового хода книги, ибо воистину «свет во тьме светит, и тьме его не объять».

Яркою печатью православности и духовности и истинности книги Нилуса является благословение о. Иоанна Кронштадтского о будущем успехе его книги. Сам Нилус не верил в возможность интереса читателя к его книгам. Под влиянием такого своего уныния и пессимизма он мог и не написать своего знаменитого труда. Но именно для устранения этого препятствия дивный прозорливец о. Иоанн уверенно предсказывает успех: «Пиши, твои книги будут покупаться и читаться». Эти слова сказаны в феврале 1906 года, когда революционный мрак и буря покрывала всю Россию... Вот это благодатное и могущественное слово о. Иоанна есть пример той соборности в труде Нилуса, о которой я упоминал и без которой и самого труда, несомненно, не появилось бы...

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Если бы кому все же показалось бы сказанного недостаточно для того, чтобы признать духовность и православность книги Нилуса, то можно добавить и другие факты, оглашение которых, впрочем, необходимо и независимо от единичных сомнений, а просто ввиду исключительного значения этих фактов.

Что такое представляет из себя сам Нилус как человек... Он был образованным интеллигентом, далеко отошедшим от всякой церковности. Он был убежденным либералом. Он сам описывает, как в зрелом уже возрасте он благодатно возродился духовно при наличии целого ряда чудес, им же описанных. Отмечу только одно из таких чудес: отыскание и расшифровку рукописи Мотовилова, излагающей божественную беседу Св. Серафима Саровского о цели христианской жизни. Приводимые мною при сем абсолютно достоверные сведения о личности Нилуса отмечают, как главную сущность его личности, пламенную любовь к Богу и к людям и совершенно нестяжательное житие до конца дней своих. Свою любовь он преображал даже большевиков и приводил их не только к вере в Бога, но даже и к слезам. И если мы забудем хотя бы на минуту этот основной

в жизни Нилуса факт, его христианскую, глубоко просветленную любовь, мы ничего не поймем в его книге об антихристе... Не только вторая половина жизни Нилуса, но и его смерть были дивны и воистину чудесны: он мирно скончался в Советской России, в которой за одну привязанность к его книге грозил всем и каждому расстрел. Это ли не чудо?.. И будучи совершенно нищим, у большевиков Нилус при содействии чудес получал пропитание и сам делился последней своей одеждой с другими.

Так вот что такое Нилус как личность... Русский Савл. И он, конечно, не единственный. Наоборот, пора уже нам внести поправку в наши ходячие представления об интеллигенции. Мы привыкли видеть только темные стороны ее истории: ее безбожие, нигилизм, революционность. Все это, конечно, печально, но есть и отрадные стороны, и их-то нам нельзя упускать из виду, дабы не погрешить в окончательных заключениях. Пора о наших Савлах интеллигенции говорить как о характерной черте ее развития. Победоносцев⁹ и Император Александр III из безнадежных либералов стали не только «реакционерами», но искренне православными людьми. Далее: террорист Лев Тихомиров довольно круто перешел к Самодержавию и Православию и написал, пожалуй, лучшую книгу в защиту самодержавия¹⁰. Кроме таких политических или литературно видных людей были многие рядовые Савлы или вот такие, как Нилус. Хотя Нилус никого не убивал, но прежде его духовное безразличие равносильно было убийству или хотя бы самоубийству.

После сказанного станет понятно, почему, немало иногда увлекаясь книгой Нилуса, совершенно ее не понимают и потом начатое под влиянием ее дело бросают. Нилус написал Православную книгу о спасении души от дьявольской тайны беззакония, а маловерующие в Бога политики пытаются превратить его книгу в обоснование погромной политики. Можно воспользоваться книгой Нилуса и для политики, ибо политика при правильном к ней отношении совсем не противна благочестию. Но... для такого политического употребления книги Нилуса надо иметь в своем сердце его пламенную любовь к Богу и к человеку совершенно независимо от его внешних признаков... В частности, надо подойти с любовью даже к... большевикам как к людям несчастным и заблуждающимся, помраченным тьмою князя мира сего. Нам это особенно трудно и понять, и принять, но любовь именно этого требует, а сам Нилус нам показал делом такую любовь к большевикам, которую пробудил от сна помрачения несчастного человека.

Нет никакой необходимости доказывать, что Нилус от всего сердца любил и еврейский народ, хотя всем известно из Священного Писания, что, следуя за своими слепыми вождями, евреи стали предателями и богубийцами (Деян. 7, 52). Но не только злоба людей, но и все силы ада побеждаются только любовью и смиренным Христовым. И надо, наконец, понять, что именно этим и только этим духом написана книга Нилуса. Надо быть безпристрастным и объективным и своих личных симпатий и политических программ не приписывать Нилусу.

И в политике должна торжествовать любовь и правда, что несколько не исключает строгих мер и наказаний. Это нам трудно понять, но без этого мы решительно ничем не отличаемся от большевиков. И вместо одной злобы и утопии насаждать другую злобу и утопию просто нецелесообразно, и затрата на это сил и средств просто бессмысленна... с православной, конечно, точки зрения.

ВОСПОМИНАНИЕ О НИЛУСЕ БЛИЗКОГО ЕМУ ЧЕЛОВЕКА

Батюшка о. Иоанн лично знал и любил супругу С. А. Нилуса. Когда он их встретил на Волге после их свадьбы, он поклонился ей и сказал: «Благодарю тебя, что ты вышла за него замуж». Это был, кажется, единственный человек, который ее поблагодарил. Остальные так злобно относились, так глумились над ними и их браком, что им нельзя было оставаться в Петербурге. Про него говорили, что он безнравственный пройдомец, который на ней женился, чтобы пробраться во Дворец, а про нее, — что она на старости с ума сошла. Оба были жертвами таких страшных и злобных клевет. Даже родственники не бывали у них в доме. Одна я постоянно у них гостила и спорила со всеми остальными, стараясь их защитить¹¹. Сколько я огорчалась и скорбела, когда их при мне поносили. Ведь я знала, что они не только просто хорошие, но и праведные люди.

В доме у них царила прямо благодать Божия, это чувствовалось при входе в дом. Всегда царствовала радость, никто не ссорился. У С. А. Нилуса был пламенный дар любви ко всем и к каждому. При мне был случай, когда явился какой-то большевистский комиссар с нахальным видом осматривать дом. Конечно, шапки не снял и имел вид очень грубый. С. А. повел его по всему дому и завел в церковь, которая помещалась наверху. Долго они оттуда не выходили. Супруга С. А. решила

заглянуть туда и увидела большевика, который плачет в объятиях С. А. И у самого С. А. слезы текут. Видно, он сумел сказать большевику несколько таких слов, от которых сердце растопилось...

С. А. мне читал то, что он писал. Мы всегда были с ним единомысленны. Если я не могла чего понять умом, то чувствовала сердцем так же, как он. Мы с ним до конца переписывались, и некоторые письма его сохранились у меня. Мне все хочется начать записывать свои воспоминания о нем...

Он был такой яркий человек по пламенности своей души. Он все время горел любовью к Богу, к святым и людям. К нему приходили иногда издалека разные люди. Иногда приплетется какая-нибудь старушонка безобразная на вид, от нее запах неприятный. А С. А. находит для нее самые нежные слова. И это без усилия над собой, а потому, что он полон любви ко всем.

Случалось, что он раздевался и в окно подавал свою одежду нищему. С. А. с супругой при большевиках никогда не голодали, но были бедны. После революции жили прямо чудом Божиим. И чудо это было неизменное. При мне было, что раз нечего было есть. И вдруг приходит неизвестная женщина и приносит огромную миску вареников и сметаны. Оказывается, что ей кто-то во сне приснился и строго приказал сделать вареники и их нам принести. В этот день буквально нечего было есть.

Чудо повторялось в разных видах, тысячекратно, по вере моих стариков.

А вера у них была твердая.

ПИСЬМО С ОТЗЫВАМИ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО О НИЛУСЕ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ

5 июля (1908)

Здравствуйте мои дорогие С. А. и Е. А.! Спешу поделиться своею радостью и вкупе Вашей. 1-го июля в 8 ч. утра пароход подошел к конторке, я выхожу и узнаю, что Батюшка о. Иоанн на Святом Ключе в имени купцов Стахеевых в 17 верстах от Елабуги. Я сейчас же багаж сдала конторщику и сама побежала на другую конторку, где Стахеевский пароход дождал гостей, которые были приглашены. Первым долгом увидела Филиппа Гр. Стельмаховича с семьей. Все были рады, что я подросла и еще увижу Батюшку. К обедне мы уже не успели, Батюшка уже отслужил.

Когда Батюшка меня благословил, то я ему под ухо говорю, что Сергей Александрович Нилус шлет Вам земной поклон и просит Вашего благословения. Батюшка говорит: **«Передай ему, что я глубоко, глубоко уважаю его и люблю его любовью брата о Христе»**. Я говорю ему: **«Батюшка, ему хочется чего-нибудь получить от Вас на память»**. — **«К сожалению, у меня ничего нет здесь»**.

Целый день почти я была с ним. Вечером была всенощная, правило. Все исповедовались у священника, Батюшка не служил всенощную. На следующий день успели человек 30 у него приобщиться, а тут Св. Даров не хватило — и остались. Я, славу Богу, приобщилась. В 11 ч. Батюшка сел на пароход Стахеева. Хозяйка парохода предложила мне Батюшку проводить до Казани. Ну, я думаю, Вы представляете себе мою радость. Моя заветная мечта была, чтобы когда-нибудь с Батюшкой ехать, и вдруг она осуществляется. Стахеева послала свой пароход на Шексну в Леушинский монастырь¹², где был Батюшка. С ним поехала игуменья¹³ с шестью певчими монашками. С Батюшкой был иеромонах о. Феофан и две дамы: Вера Ив. и Екат. Ив. Те же самые поехали обратно, но только присоединились до Казани. Еще Филипп Григорьевич и я грешная удостоилась ехать.

На другой день около Казани пароход остановился. Батюшка служил обедню. Батюшке позволено иметь походную церковь. Все приобщились, и я тоже. За обедней Батюшка плакал, часто слезы утирал. Господи-Господи! Такой праведник плачет, так нам-то нужно рыдать от множества прегрешений. Я все плакала, жаль было расставаться. Хоть бы пароход на мель сел, еще бы хоть минута расставанья продолжилась! Пароход уже подходил к самой Казани. Батюшка вышел из каюты, я встала на колени и прошу благословения. Он благословил меня. Я ему подаю записочку, где написала, что мне нужно. Батюшка говорит: **«Хорошая просьба! Хорошее желание»**. Встаю и говорю: **«Батюшка, что благословите написать С. А. и Е. А.?»** **«Передай, что я их крепко люблю. Хорошо Нилус пишет. Я с великим удовольствием прочитал его сочинения. Его сочинения — чистый алмаз»**. Батюшка, — говорю, — ведь они оба очень хорошие, религиозные и гостеприимные. А Батюшка говорит: **«От хорошего дерева, хорошие и плоды»**. Батюшка, — говорю, — благословите их! Он снял шляпу, перекрестился и говорит: **«Бог их благословит»**. Да я еще ему говорю, что С. А. еще три тетради написал и будет издавать. **«Скажи, скорее бы издавал да мне прислал прочитать»**.

Видно, дорогой Батюшка не думает долго жить. Глядя на него, думается, как и чем живет: такой худенький, слабенький.

Простите. Остаюсь любящая Вас

Глафира Лобовикова.

ПИСЬМО [Е. А. НИЛУС] С ИЗВЕСТИЕМ О СМЕРТИ С. А. НИЛУСА

23 февр. 1929 г.

Ты знаешь¹⁴, как вся радость жизни теперь ушла, как стало одиноко и пусто. А все-таки я благодарю Бога за все и за прошлое, разумеется, и за его чудную кончину.

Он явился во сне одному умирающему иеродьякону и много говорил ему о благодати Божией и о том, как легко умирать; никакого страдания, душа легко разлучается с телом. Этот бедный очень боялся смерти, и всякая болезнь прошла после этого видения. Он, муж мой, был очень светлый и приятный. Говорил о том, что все проникнуто благодатию Божией, что благодать не отвлеченное понятие, как мы думаем, а совсем другое. Много еще говорил, но больной был очень слаб и не мог всего передать, но все главное сказал и скончался вечером перед 40 днем мужа. Разве это не поразительно?!

Еще милая Марина (дочь Филиппа Петр. Степанова) в самый день и час его кончины заснула после бессонной ночи при больном ребенке и во сне видела, что кто-то стучит в окно — что встала, смотрит: муж и я стоим под окном, и такое у него светлое лицо, как когда солнце освещает снег. И все-таки она ничего не подумала, только, что, может быть, мы скоро опять будем в Москве и к ней зайдем, как часто заходили. Мы очень ее полюбили, она очень хороший человек.

С.А.НИЛУС

Послесловие к 5-му изданию «Близ есть, при дверех»

Книга моя о грядущем антихристе, в 4-м своем издании названная «Близ есть, при дверех», вышла из печати в январе 1917 г., а уже 2-го марта того же года состоялось отречение от Всероссийского Престола за себя

Послєсловіє къ 5^{му} изданію
„Близъ есть при дверехъ“

Книга моя о грядущемъ антихристе въ 4^{омъ} изданіи
своемъ названная „Близъ есть при дверехъ“ вышла
въ печать въ Январѣ 1917 г., а уже 2ое Марта того же года
сообщилось о рѣшеніи отъ Всероссійскаго Императора, за
себя и за сына, Царя Николая II. Дома Романовыхъ,
какъ династіи Самодержавцевъ, прекратить существованіе
и временно русское правительство не замедлило объявить
Россію республикой. Это книгой моею предвидѣлось,
какъ возможность, стало уже совершившимся фак-
томъ, достояніемъ прошлаго.

Удерживающей взоръ отъ православной русской среды
не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать о гряде-
ніи въ ближайшемъ будущемъ и отъ всякаго другаго монар-
хическаго Государства, какъ испанскаго и поблѣдннскаго, Германіи
съ ея союзниками. Яромъ не миновать быть не позже
того: мѣрнаго и вселеннаго конкурса, который доласка
заключится въ еще продолжающаяся, но уже близкая къ
своему законченію монарху, мировая революція
Катастрофа.

По слову св. Ап. Павла и по святоотеческому преданію
отъ о гряде-ніи удерживающаго предсказанія о гряде-
ніи и самымъ главнымъ признакомъ, знаменіемъ наступленія
того времени, когда откроется беззаконникъ, придетъ сѣміе
котораго, по дѣйствію сарани, будетъ со всякою силою и
знаменіемъ и чудесами ложными, и всякими неправд-
ными обольщеніемъ побуждаться за то, что они не правды
любви и веры для своего спасенія. (2 Сол. II 7-10.)

Насколько приблизилось къ намъ время явленія „Безза-
конника“ еще судать самъ читатель.

Въ Петроградѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ и въ
провинціи, съ Января 1917 г. начались публич-
ныя лекціи делаются уже знакомого характера

Послєсловіє к книге «Близъ есть, при дверехъ».

Автографъ С. А. Нилуса

и за сына Царя Николая II. Дом Романовых как династия Самодержцев прекратил свое существование, и временное русское правительство не замедлило объявить Россию республикой. Что в книге моей предвиделось как возможность, стало уже совершившимся фактом, достоянием прошлого.

Удерживающий взят от православной русской среды. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать изъятие его в ближайшем будущем и от всех других монархических государств, не исключая и «победоносной» Германии с ее союзниками. Этому не миновать быть не позже мирного и всемирного конгресса, которым должна закончиться все еще продолжающаяся, но уже близкая к своему завершающему моменту мировая человеческая катастрофа.

По слову Св. Ап. Павла и по святоотеческому преданию, это отъятие удерживающего представляет собой ближайший и самый главный признак, знамение наступления того времени, когда откроется беззаконник, пришествие которого по действию сатаны будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными и со всяким неправедным оболъщением погибающим за то, что они не приняли любви истины для своего спасения (2 Сол. II, 7-10).

Насколько приблизилось к нам время явления «беззаконника», пусть судит сам читатель. В Петрограде и в Москве, а затем и в провинции, с апреля 1917 г. начался ряд публичных лекций делегатов уже знакомого читателю «Ордена Звезды на Востоке», неких В. Н. Пушкиной и Е. А. Нелидовой. Цель лекций — пропаганда идеи «нового неба и новой земли» в понимании ее и толковании того «ордена», которого они являются предстительницами. Вниманию читателей предлагается нижеследующая афиша лекции В. Н. Пушкиной, состоявшейся 29 апр. 1917 г. в Петрограде, в зале Тенишевского училища:

«Зал Тенишевского училища (Моховая 33). В воскресенье 29 апр. 1917 г. представительница Ордена Звезды на Востоке В. Н. Пушкина прочтет лекцию «Новое небо и новая земля». Программа: современное положение мира и России. Несостоятельность европейской цивилизации. Миссия России как провозгласительницы нового века. Братство, сотрудничество, жертвенность властей. Творческая роль идеалистов. Всеобщие чаяния. Всеобщий великий брат».

В этой лекции представительница люциферианской пентаграммы говорила о «титанической борьбе двух миров»* и о грандиозной разрухе европейской** цивилизации, приведшей мир к кризису, потрясающему теперь

---

* Все тот же символ «Мохин-Довида».

** Подразумевается — христианской.

народы до самых их глубин, — к всемирной войне. Обнажив язвы современного общественного строя, лекторша с негодованием обрушилась на Церковь Христову, бросив ей жестокий упрек в том, что в это тяжкое время «она не стала на защиту правды, не нашла огненного слова любви, бездушно отгородилась от жизни... Прошло почти три года войны, и Европа поняла, — по мнению лекторши, — что она стоит на грани перелома, и народы сознали это и единодушно бросились уничтожать цитадель, в которой укрепился старый мир и со страстным отчаянием борется за свое существование. Но этот мир разрушится, потому что существование его психологически невыносимо. Из космического костра войны первая шагнула Россия, совершив революцию. Все старое рушилось, и надо создавать новое. Новая жизнь должна иметь своей основой братство, сотрудничество, жертвенность власти, ее служение слабым. Перестроить жизнь на этих «новых» (?) началах — задача космического размаха, подразумевающая коренной переворот в психологии человека. Нужно выяснить в человеке Лик Божий, ушедший в глубину человеческой души под напором звериного образа. Это выявление Божьего Лица и есть задача, стоящая в наши дни пред человеком».

«Кому же по плечу задача эта?» — спрашивает лекторша и отвечает вслед: «В наши дни, — говорит она, — существует горсточка людей-идеалистов, которые, объединившись под знаменем Звезды на Востоке, возрастили в тайниках своей души грезу о том, что в великую космическую минуту существования человечества в рядах его появится Великий Брат и Сотрудник, который освободит в человеке Лик Божий. Все последние годы эта мысль все настойчивее стучится в сознание людей. Ожидание Высокой Сущности распространено среди всех народов и во всех религиях. Индусы ждут Ягад-Гуру, буддисты — Бодисатву (господа Матрейю), парсы — нового Заратустру в лице Саокианта — Спасителя. Магометане соорудили в Медине, рядом с могилой Магомета, пустую гробницу для ожидаемого ими грядущего пророка. В Персии шииты ждут возвращения имама — Махди, взятого, согласно их преданию, живым на небо и пребывающего ныне в небесном граде Ябуика. Бабиисты ждут Великого Мирового Учителя, который объединит религиозную мысль Востока и Запада. Евреи ждут Мессию. В Бирме одно высокое духовное лицо по имени Мадуй-Сайдан Цан Тика, живущий в Гайк-Дунге, в Мейктильском округе, проповедует о пришествии Бодисатвы-Матрейи, который, по его словам, сошел с неба, тузита, и живет на земле в виде юноши. У этого проповедника 80 тыс. последователей. В северной Индии один брамин провозвещает пришествие Кальки-Аватара, который, как он утверждает, уже находится на земле. У суфиев в Персии существует предание, что Великий Учитель

явится среди людей в 1918 году, а одно древнее индусское предсказание говорит, что он придет между 1918–1947 гг. Ученый астролог Тиссон-Виллог писал в журнале «Рекорд» в Филадельфии в декабре 1910 года, что на Востоке явится новый Учитель, и из этого источника разольется поток духовности, питаемый группой людей, которые разойдутся по всему миру, проповедуя учение внутреннего очищения и любви к ближнему. Среди христиан распространено ожидание Христа, вылившееся в проповеди отдельных лиц и разных духовных общин, как то адвентистов и других. Их особенно много в Америке. Наконец, существует громадная литература по этому вопросу. Упомянем книгу, написанную венгерским священником и озаглавленную «*Albescit populus, Christus venit*» («Заря занимается, Христос грядет»). В Швеции известный профессор говорил на ту же тему в 1910 году с кафедры университета в Упсале. В Италии католический священник издал брошюру под заглавием «Пришествие Христа»¹⁵.

В Бельгии Ж. Дельвиль издал книгу «*Le Christ Viendra*» — «Христос придет». В Англии священник Scott-Moncrieff (Скотт-Монкриф) написал брошюру «Грядущий Христос», и в английских церквях раздаются теперь нередко проповеди о близком пришествии Христа... Все эти предсказания являются, — по мнению лекторши, — ярким доказательством того, что атмосфера мира в настоящее время насыщена ожиданием какого-то великого явления, которое каждая религия и каждая страна называет именем наиболее близким к его религиозной психике, к его духовному облику вообще».

И это явление, по утверждению лекторши, совершится: Великий Учитель придет и соединит все религии в одну религию братства и поклонения Богу в духе и истине, придет такой простой и любящий и совсем не страшный ни своим величием, ни святостью. Придет же он не в том образе, какой мы создали е[му] в нашем соображении, не в образе пророка, ходящего в белой одежде по солнечной стране со своими учениками среди спелых колосьев или в красочных восточных городах: Великий Учитель явится в другом, чуждом нашему представлению о нем виде, и наши глаза, ослепленные тем прекрасным видением, могут не суметь сквозь новое одеяние разглядеть Высокую Сущность. Нам необходимо помнить, что Учитель придет в тот железнодорожный, трамвайный, автомобильный век, что мы называем современной цивилизацией. Он приноровится к нашей жизни и примет тот внешний облик в смысле одежды, общего склада жизни, способов передвижения, которые мы же сами уготовили ему нашими уродливыми формами жизни. Ввиду этого мудро составленные правила Ордена Звезды Востока

предписывают приучиться распознавать величие, в ком бы и в какой форме оно ни проявилось¹⁶.

* * *

Почти одновременно с лекциями Пушкиной и ее подголосков по России стало распространяться воззвание некой «Универсальной Лиги» нижеследующего содержания:

«Русские граждане! Вы блестяще начали дело свободы. Остается с такой же решительностью довести начатое до конца. Вы должны теперь понять, что христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено согласно миропониманию провидевших его и некогда казвивших позорной смертью того, кто создал это рабство. Вся сила теперь у нас: промышленность и торговля у нас; банки и биржа — у нас; общественное мнение и печать с нами и за нас; железные дороги — наши. Мы проникли всюду и перенесли свою деятельность в войска. Результаты у вас на глазах. Вскоре армия будет тоже нашей. Наконец, в наших руках золото всего мира. Мы держим в своих руках весы Европы, и, когда наступит время, сотрем силу Вильгельма II способом, еще неизвестным миру, так как среди нас ОБЛАДАТЕЛЬ могущественных воли и разума в полном расцвете духовных сил. В целях безопасности имя его не подлежит еще оглашению*. Идите к нам, мы вас избавим от духовного рабства, в которое свергло вас христианство. Знаком сочувствия целям лиги служит треугольник всякого цвета, обращенный вершиной вниз»¹⁷.

* * *

---

* У составителя настоящей книги имеются некоторые данные, требующие, однако, подтверждения, что имя грядущего, не подлежащее еще оглашению, есть Давид. Логически оно и не может быть иным, ибо его именная печать носит это имя — «Мохин-Довид» — «Цит (печать, герб) Давида». Если именная печать антихриста есть печать Давида, ergo, антихрист — Давид. Доселе исследователи данного вопроса число зверя искали так называемым буквоцифленным способом, подставляя буквам числовое их значение. Результат такого рода исследований известен. Нам разрешение этого вопроса представляется достижимым путем не арифметическим, а логическим, вышеуказанным способом. И если в печати имени заключается, как мы в этой книге показали, число звериное шестьсот шестьдесят шесть, то это же число логически находится и в самом имени. Не так же ли был развязан Гордиев узел, не так же ли было поставлено Колумбово яйцо? Ошибаемся ли мы или нет, покажет близкое будущее.

Это же воззвание распространялось от имени евреев в Сибирь еще в 1909 году¹⁸. Редакция его видоизменена и дополнена в зависимости от тех исторических событий, которые совершались с того времени.

Таковы знамения времени, явленные внимательному наблюдателю в течение марта и апреля 1917 года, вслед за выпуском в свет 4-го издания моей книги.

Но что скажет читатель при чтении приказа по Военному Ведомству от 24 декабря* 1897 года за № 344, по которому «знаком сочувствия целям лиги» должно было быть заклеимлено обязательно и заклеимляется все обмундирование русской армии. Привожу в точной копии часть этого приказа, непосредственно касающуюся этого клейма:

Правила клеймления в войсках предметов обмундирования и снаряжения

.....
.....

§ 8

Означенное в § 7 клеймо налагается треугольное в отличие от интендантского клейма и от круглого клейма части, строившей это обмундирование. Клеймо это одного размера для всех предметов обмундирования.

§ 9

Клеймо на обмундировании накладывается: а) на мундире и шинели — на правой поле (с изнанки) ниже талии, по сукну; ниже круглого клейма части, если оно имеется; б) на шароварах, с правой стороны пояса, с лицевой стороны по сукну; и в) на шапке, фуражке, башлыке, рубахе и сапогах, как указано в § 6, при этом, если обмундирование войсковой постройки, то оно накладывается рядом с круглым клеймом части, строившей эти предметы.

§ 6

Клейма накладываются на шапке и фуражке по середине дна, на подкладке (по холету), на башлыке — по середине правой щеки с внутренней стороны по сукну, на полотнянной рубахе — на ее внутренней задней стороне, у нижнего края, на сапогах — сверху, с лицевой стороны.

Натуральная величина треугольного клейма (снято с приложения к приказу по Военному Ведомству за № 344, чертеж 2-й).

---

* В Рождественский Сочельник.

(В подлинной рукописи автора в этом месте сделан от руки треугольник вершиной вниз с написанными в середине его следующими знаками: «Л. Гв. Сп. Б. зап. 898». Это обозначает: Лейб-Гвардии Саперный Батальон запас 1898 года.)

* * *

Из вышеизложенного читатель может видеть, что Израиль и руководимое им богоотступническое масонство, одолев с помощью сатаны лежащий во зле грешный и прелюбодейный мир, уже не стесняется с ним, как с рабом своим, и кладет на него свое клеймо, печать рабства греху и диаволу и отступления от Триипостасного Бога. Соблюдая полноту антихристовой печати (Мохин-Довид), как священный символ Израиля, как хоругвь «избранного племени», только для себя, они для «гоев», т.е. для всех не-евреев, установили как печать антихриста ту ее половину, которая символически изображает собою диавола в масоно-иудейском «миропонимании», иными словами, нашего Бога, побежденного и долу поверженного якобы победоносным люцифером-сатаню. Принятие на себя гоями-христианами этой печати, таким образом, является знаменем их отречения от Бога и от Христа Его и добровольного рабства диаволу. Это грех хулы на Духа Святаго (Бог есть Дух), и ему нет прощения ни в сем веке, ни в будущем — кара за него та же, что и диаволу: вечная мука в озере огненном.

Быть может, читатель спросит, каким же образом число зверя 666, заключающееся в Мохин-Довиде, в полной антихристовой печати, будет сохраняться в ее половинной части? Ответим: каждый угол равностороннего треугольника равен 60 градусам. Значащая цифра, следовательно, 6. Три угла — три значащие цифры:

666

Число гео-метрическое, земле-мерное, число человеческое («И создал Господь Бог человека из праха земного». **Бытия II, 7**).

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (**Апок. XIII, 18**).

* * *

Чтый да разумеет.

Выпуская в свет издание посильного труда моего и не питая надежды увидеть его в изданиях дальнейших¹⁹ по причинам, читателю понятным, заключаю его Божественным глаголом Первоверховного Апостола языков:

«О временах же и сроках нет нужды писать вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо

когда будут говорить мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно, как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут.

Но вы, братие, не во тьме, чтобы день вас застал, как тать. Ибо все вы сыны света и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы. Итак не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться, ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения, потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения чрез Господа нашего Иисуса Христа» (1 Сол. V, 1–9).

Ему же честь и слава и держава во веки. Аминь.

**2 ноября 1917 г. Четверг 24 седмицы
по Пятид. (Апост. дня 1 Солун. V, 1–8).**

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

1

В. Г. Доброправов, В. Д. Березин

ПРИХОД КРУТЕЦКИЙ

Село Крутец на реке Серой отстоит от губернского города [Владимира] в 118-ти и от уездного [Александрова] в 3-х верстах.

В XVII столетии село Крутец было вотчиною Василия Федоровича Бутурлинна; во владении этого рода оно оставалось до 70-х годов текущего [XIX-го] столетия, а затем перешло к купцу Зубову. В XVIII столетии с 1727 по 1738 г. здесь жил в ссылке один из любимых птенцов Петра Великого генерал-аншеф, кавалер ордена Андрея Первозванного, Иван Иванович Бутурлин; в этом изгнании навещала его цесаревна Елизавета Петровна во время своих приездов в Александрову слободу.

Основателем первой церкви в Крутце был Андрей Васильевич Бутурлин, прозвищем Кривой; это видно из надписи на сохранившемся древнем храмовом кресте: «лета 7182 (1674) в июле велением околичаго Андрея Васильевича Бутурлина в вотчине ево в Переславле Залесском уезде в деревне Крутце зделана эта церковь». Но довершить начатое дело, освятить новопостроенную церковь пришлось уже сыну храмовладельца Ивану Андреевичу Бутурлину, о чем свидетельствует дальнейшая надпись на том же кресте: «лета 7184 (1676) велением сына ево стольника Ивана Андреевича Бутурлина иконы все написаны и утварь церковная зделана в августе освящена во имя Успения Пресвятыя Богородицы и светил Александровы слободы девича монастыря строитель иеромонах Корнилий».

Эта церковь была деревянная; неизвестно, долго ли она существовала, ныне же стоящая в селе Крутце церковь, зданием деревянная на каменном фундаменте с таковою же колокольнею, перестроена и освящена в 1844 году по грамоте Высокопреосвященного Парфения, архиепископа Владимирского и Суздальского, свидетельствующей: «Благословили мы по прошению дочери чиновника 4-го класса девицы Антонины Михайловы Потуловой перестроить существующую Александровского округа в селе Крутце деревянную церковь в честь Успения Пресв. Богородицы на собственное ея иждивение». Едва ли пере-

строена эта церковь из первоначальной деревянной церкви: сохранившаяся на оборотной стороне вышеупомянутого креста надпись, к сожалению, в поврежденном виде: «Бутурлина приписная Успенская церковь всю разобра... да церковь в иконостас вновь перестроены» свидетельствует, что первоначальная церковь была уже заново вновь перестраиваемая. Сохранилось предание, что Успенская церковь была приписана к церкви села Далматова.

Наружный вид церкви представляет вид корабля с одною главою: кресты на церкви и колокольне осьмиконечные, позолоченные. В 1891 году пристроен к церкви деревянный придел.

Престол в настоящей церкви один — в память Успения Пресвятыя Богородицы, обложен он вокруг медными чеканными изображениями — Воскресения Христова, Снятия со креста, Успения Пресв. Богородицы и Св. Троицы. Антиминс — прежней церкви; в приделе престол во имя Николая Чудотворца.

Утварью, ризницей, Св. иконами и богослужебными книгами церковь снабжена достаточно. Из Св. икон сохранились в настоящей церкви замечательные по древности письма и ценности украшений следующие: 1) Успения Пресв. Богородицы, 2) Знамения Пресв. Богородицы, по свидетельству предания, привезенная генералом Иваном Ивановичем Бутурлиным из Польши и

3) Николая Чудотворца, явленная, по преданию, недалеко от села Крутца, явившаяся на кочке. Сохранилось св. Евангелие древней Московской печати 1677 года; вообще все богослужебные книги древней печати.

Вблизи церкви стоит каменный столб на месте престола древней деревянной церкви.

Церковные документы хранятся в целости: копии с метрических книг с 1802 года, исповедные росписи с 1805 года.

Причта по штату положено священник и псаломщик. На содержание причта получается: а) от Александровского купца Зубова по условному акту 100 руб., б) процентов с капитала, внесенного прихожанами в обеспечение причта, 214 руб. в) от служб и требоисправлений до 200 руб. и г) от земель до 50 руб., а всего 564 рубля.

Земли при церкви: усадебной поддесятины, пахотной и сенокосной 33 десятины: копия с плана на эту землю есть. Дома у причта церковные.

Приход состоит из села Крутца* и деревни Ведевой (в 2 верстах от церкви), в коих по исповедным росписям числятся 117 душ мужского пола и 150 женского, все православные.

В приходе есть школа грамоты, учителем местный священник, учащих-ся в 1892—93 учебном году — 12.

2

М. В. Смирнова-Орлова

**ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
И ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНЫ НИЛУС**

14-го января 1929 года в доме моего отца, священника Василия Арсеньевича Смирнова¹, в селе Крутец, Александровского уезда, Владимирской области, скончался Сергей Александрович Нилус.

Отцу моему выпала честь приютить этого замечательного человека в своем доме вместе с женой его Еленой Александровной, урожденной Озеровой, в последний год его жизни и проводить его в последний путь.

В живых, кроме меня, не осталось больше свидетелей его кончины и последних месяцев и дней его жизни.

Поэтому я считаю долгом написать все, что я об этом помню.

О Сергее Александровиче мой отец и вся семья наша впервые услышала от моего покойного мужа Льва Александровича Орлова², который был большим его почитателем. Он привозил нам книгу Сергея Александровича «Великое в малом» в последнем ее издании³, и ее мы с большим интересом и вниманием прочли вслух, читая по очереди по вечерам.

---

* Сохранившееся между крестьянами с. Крутца предание повествует, что на горе в Крутце был мужской небольшой монастырь, разоренный во время нашествия Литвы и поляков на Александрову слободу в 1609 г.; уцелевшую от него икону крестьяне сохранили в сусеке в амбаре; как на следы бывшего монастыря указывают, что в горе обнаружены гроба, а в них, говорят, находили иноческую одежду; при постоянном выветривании песку из этой горы обнаруживаются черепа и кости; говорят, что это кладбище — остаток древнего Успенского монастыря.

За рекою Серою вблизи села Крутца есть место, окруженное как будто валом и ровом, именуемое *городок*, а вокруг него болото; в 10 саж. от этого места — деревянная часовня на месте явления иконы св. Николая Чудотворца.

Последнее издание книги «Великое в малом» отличалось от первых изданий тем, что в него были включены «Сионские протоколы». О том, как к нему попали «Сионские протоколы», Сергей Александрович рассказывал так: после того как были изданы первые его книги, к нему пришла одна старушка, бывшая небогатой помещицей где-то в Орловской губернии. Она спросила, не решится ли Сергей Александрович поместить в своей книге и напечатать эти протоколы. Они остались у нее после смерти сына, который в свою очередь получил их от жены своей, еврейки, когда по каким-то обстоятельствам находился в Париже. Там его любила девушка-еврейка, принявшая потом христианство и вышедшая за него замуж.

Она взяла их тайком со стола своего отца, который был одним из главных «сионских мудрецов», и отдала своему жениху, сказав, что они могут пригодиться в России.

Она тайно от родителей бежала с ним в Россию, и здесь они оба умерли. Перед смертью сын попросил мать напечатать эти протоколы. Она обращалась с ними в различные издательства и к разным лицам, но везде получала отказ. Тогда она обратилась к С.А., и он их напечатал. Имена этих людей он нам не говорил, но я помню, под протоколами было написано: «читатель, помяни душу усопшего боярина Алексея!»⁴

На всех они произвели большое впечатление, заставили по-инному смотреть на все происходящее.

В то время мы не могли и предположить, что автор этой книги будет у нас жить и нам придется проводить его в последний путь.

Но пути Господни неисповедимы, и все произошло так, как мы не могли и представить.

Способствовал этому целый ряд стечения различных обстоятельств. Вот как все произошло. В 1926 году, по случаю рождения у меня первой дочери, я жила в Крутце у родителей, так как была неопытной молодой матерью и нуждалась в помощи моей мамы. Это было в январе 1926 года.

Вскоре отцу моему зачем-то понадобилось поехать в Александров. Возвратясь вечером из поездки, он с волнением рассказал, что встретил в Александрове хорошего своего знакомого, священника из села Велехова. Священник этот, звали его о. Михаил, рассказал, что на днях, возвращаясь откуда-то домой, он застал около своего дома двух старичков, мужа и жену, которые ждали его возвращения, сидя на ступеньках крыльца.

Старички представились ему, и о. Михаил был поражен, услышав, что это писатель Нилус с женой. Фамилия была достаточно известной.

Сергей Александрович объяснил о. Михаилу, что он выслан «минус б» из предыдущего места жительства и ищет себе пристанища. Высланные «минус б» не имели права жить в шести главных городах Союза.

Какие-то московские знакомые направили их в Велехово, к своим знакомым. Но эти люди побоялись поселить у себя Сергея Александровича и послали его к отцу Михаилу, зная, что он живет один в большом доме, и думая, что он не побоится пустить их жить у себя.

«Но я тоже побоялся», — сказал о. Михаил. На вопрос моего отца, где же сейчас находятся эти бедные старики, о. Михаил ему сказал, что они уехали обратно в Москву.

Трудно себе представить, что испытали С. А. и Е. А., ожидая на морозе о. Михаила, и каково было им потом услышать его отказ! Но они никогда, ни одним словом об этом не упомянули, не промолвили ни слова укоризны, приняв, как всегда, безропотно и это испытание.

Рассказывая нам об этом, отец сказал: «А я бы не побоялся».

Обо всем услышанном я тотчас же написала мужу, правда, иносказательно. Я написала: «Человек, которого ты очень уважаешь и которого ты был бы очень рад увидеть, был в Александрове».

Через два дня муж мой приехал, и как только мы ему все рассказали, он тотчас же отправился пешком в Велехово — это в 18 верстах от нас, чтобы узнать адрес людей, у которых в Москве останавливались Сергей Александрович и Елена Александровна. Адрес ему дали, и он стремглав бросился в Москву, надеясь застать там Сергея Александровича с женой и привезти к нам. Но оказалось, что он опоздал, и накануне его приезда они уехали в Чернигов, где нашлись люди, которые рады были принять их у себя⁵. Мой муж сразу же написал в Чернигов о готовности моего отца принять С. А. и Е. А. в своем доме и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в этом нужда.

И вот, в 1928 году эта нужда настала. Сергея Александровича выслали и из Чернигова ввиду возросшей его известности и авторитета.

Он написал мужу, спрашивая, не изменились ли обстоятельства и решение моего отца, и, получив от моего мужа подтверждение в неизменности этого решения, в конце апреля 1928 года приехал в Крутец к моему отцу⁶.

Мой муж поехал в Крутец вскоре после приезда их туда, так как очень хотел скорее познакомиться с Сергеем Александровичем.

У меня уже в марте родился второй ребенок, и я поехала туда только в конце мая. В холодный, ветряный майский день приехала я в Александров. На вокзале меня встречал отец на тарантасе, запряженном нашей доброй смирной лошадкой.

Дорога от Александрова занимала около часа, но я замерзла и все кутала своего сына, боясь, что он простудится. Но подъехав к дому, я с удивлением увидела, что на этом ветру и холоде меня встречает Сергей Александрович и Елена Александровна, сидя на скамейке возле дома.

Сергей Александрович был в черном пальто и черной вязаной шапочке и опирался на толстую палку, стоящую впереди, а у Елены Александровны вид был совсем замерзший, и лицо ее даже посинело от холода, так как на голове у нее была только маленькая шапочка, надетая по старинной моде совсем поверх головы. Но поза ее была величавой, и голову она держала высоко поднятой. Вероятно, это было следствием ее аристократического воспитания.

Сергей Александрович выглядел совсем библейским патриархом с своим светлым, ясным лицом и большой белой бородой. Глаза его смотрели добро и пылливо, испытующе, словно сразу ему хотелось заглянуть в душу человека и сразу увидеть, что этот человек из себя представляет, чем живет и дышит. Лицо Елены Александровны сначала показалось мне некрасивым, но когда она подошла и заговорила со мной, лицо ее засветилось такой добротой, что и мысль всякая отпала о том, красиво оно или нет, и потом оно всегда казалось прекрасным⁷.

Они оба очень ласково поздоровались со мной и в дальнейшем всегда относились ко мне с неизменной добротой, как, впрочем, и ко всем остальным.

Я прожила у родителей до поздней осени, и лето это в моем воспоминании представляется каким-то сплошным воскресным днем. Так все освещалось присутствием в нашем доме Сергея Александровича и Елены Александровны.

Как-то лет за пять до личного моего знакомства с Сергеем Александровичем я встретила двух женщин, когда-то близко знавших о. Павла Флоренского⁸. В одном из разговоров кто-то упомянул Нилуса, и они сказали, что о. Павел однажды сказал о нем: «А мне он (Нилус) кажется чересчур “спаси Господи”». Видно, С. А. представлялся о. Павлу таким

«елейным» старичком. Но в этом он ошибался. Ничего «елейного» ни в С. А., ни в Е. А. не было. Сергей Александрович и с виду был богатырем: высокого роста, широкоплечий, с красивым лицом, красивыми карими глазами и ясным, добрым взглядом. Он был очень жизнерадостным человеком, у него был чудесный баритон, а у Елены Александровны была великолепная школа, и вдвоем они иногда устраивали концерты. Пели они и церковные вещи, я помню чудесное «Хвалите имя Господне», «Иже Херувимы», нигде больше мною несслышанный напев.

Иногда он садился за рояль, или импровизировал, или играл этюды и вальсы Шопена⁹. Играл он их на память и играл так, как никто из слышанных мною пианистов. Иногда они вдвоем пели старинные романсы, русские старинные песни, украинские. Пел он, я помню, цыганский романс «Расставаясь, она говорила, ты забудешь меня на чужбине...» Хотелось плакать.

Как-то отец мой пригласил в какой-то праздник одного певчего, который всегда пел в церкви на клиросе. Сидели, пили чай, разговаривали, а потом С. А. и Е. А. решили спеть для гостя. Сели за рояль и под аккомпанемент С. А. спели несколько украинских и русских песен. «Видно, что образованные» — сказал наш гость. После мы все смеялись над этой простодушной похвалой.

И внутренне он был колоссом духа, так твердо стоящим «на камени веры», что ни гонения, ни лишения, ни злословие не могли поколебать его веру и любовь к Богу. Раз избрав свой путь, он шел по нему, не оглядываясь назад. Такова же была и Елена Александровна. Оба они любили друг друга верно и самоотверженно, всегда были вместе, во всем были единомысленны. Они были аскетами в своем безропотном, даже как бы радостном перенесении всех лишений, гонений и различных житейских зол.

Были они строгими постниками, но и аскетизм, и пост их был, по слову Евангельскому, с «главой, умащенной елеем, и лицом умытым».

Все церковные службы, которые совершались в нашем храме, они посещали неукоснительно. Очень часто исповедовались и причащались. Оба они пели на клиросе. У Е. А. было большое умение петь.

Они были как бы христианами апостольских времен, и все Евангелие было им так близко, как если бы они жили в те времена и были очевидцами тех событий. И своим любовным отношением к людям они также были близки к первым христианам.

Вся их жизнь была как-бы непрерывным стоянием перед Богом, и каждый свой шаг они представляли на Его суд. Никакие земные расчеты и соображения не принимались ими во внимание, всецело они предали свою жизнь в волю Божию. Поэтому такое большое влияние на окружающих они имели, так могли пробуждать в людях добрые чувства. Я помню, как-то раз в праздник мы всей семьей пили чай на террасе нашего дома. Перед террасой проходила дорога, на которой показался изрядно подвыпивший мужичок. Посмотрев на наши окна, он начал выкрикивать какие-то ругательства в адрес «попов». В этот день с нами был и мой муж. Он возмутился и хотел выйти и обрушить громы и молнии на дерзкого. Но Сергей Александрович остановил его, сказав: «Подожди, Левушка, я сам с ним поговорю».

Он вышел на крыльцо, позвал к себе прохожего и что-то стал ему говорить. Мы даже немножко испугались, что С. А. услышит какие-нибудь оскорбления. Но, к удивлению нашему, после слов Сергея Александровича мужичок заплакал, начал креститься. Сергей Александрович попросил нас вынести воды, мы вынесли ковш воды, прохожий напился и, крестясь, плача и благодаря за что-то Сергея Александровича, пошел своим путем.

Был еще один случай, изумивший моего мужа. Как-то Сергей Александрович пригласил прогуляться моего мужа после чая. Видно, в этот день он чувствовал себя хорошо.

Они отправились по дороге, рядом с которой был парк бывшего помещичьего владения. Парк этот был огорожен дощатым забором, местами проломанным. По дороге навстречу им показалась телега с двумя седоками. Один был пожилой мужчина, другой — подросток. Мой муж, опасаясь опять услышать какую-либо грубость, предложил Сергею Александровичу пройти в пролом забора и идти по другую его сторону, чтобы избежать столкновений.

«Нехорошо, Левушка, людей бояться, пойдем прямо», — сказал С. А., и они пошли навстречу едущим. И вот, слышат они, что старший говорит младшему: «Смотри, смотри, вон навстречу отец Серафим идет», — и указывает на Сергея Александровича. Это — вместо ожидаемого моим мужем злословия! Они оба вернулись домой со слезами на глазах. Особенно был растроган Сергей Александрович, бывший большим почитателем Преподобного Серафима.

Сергей Александрович и Елена Александровна занимали в нашем доме маленькую комнатку, бывший кабинет моего отца¹⁰. Каждый день проходил

у них по раз установленному порядку. Сергей Александрович вставал очень рано, часа в 4, и исполнял свое особое утреннее правило, затем, часов в семь вставала Елена Александровна, и они уже вместе читали утренние молитвы. Затем, часов в 8, они шли на прогулку до завтрака.

Сергей Александрович был тяжело больным человеком¹¹. Неоднократные аресты, пересылки из одного места в другое привели к тяжелому заболеванию сердца. Я помню, как-то раз он сказал моему дедушке: «Ах, отец дьякон, я, как червивое яблоко, — снаружи как будто все хорошо, а внутри никуда не годится».

Действительно, выглядел он богатырем, а сердце было совсем больное.

Прогулка их длилась около часа, и к общему завтраку они возвращались. Возвращались они всегда с букетиком цветов, так как в наших местах их росло очень много. Елена Александровна во время прогулок собирала то одни, то другие и насчитала 85 видов цветов. Они любили наслаждаться красотой природы.

Помню, как однажды Сергей Александрович позвал моего мужа: «Левушка, иди, посмотри, какие облака красивые».

Все, что готовила мама, им всегда нравилось, и самые простые кушанья они так торжественно вкушали, как будто это был царственный обед.

После завтрака все принимались за свои дела. Старшие во главе с отцом отправлялись что-нибудь делать по хозяйству. Сергей Александрович после завтрака уходил в свою комнатку и работал. Он брал в церковной библиотеке журнал «Церковные ведомости» и выписывал оттуда в свои тетради все, что находил знаменательным, продолжая отыскивать «великое в малом»¹².

Елена Александровна находилась по большей части около него, а иногда выходила в общие комнаты и занималась с детьми, на что была большая мастерица. Она или пела им разные милые песенки, или рассказывала сказки, или придумывала занятные игры. При помощи носового платка и пальцев она могла показать целое представление, и дети всегда слушали ее, затанув дыхание.

Для взрослых у Елены Александровны было тоже много различных интересных и полезных рассказов. Они с Сергеем Александровичем несколько лет жили в Оптиной Пустыни, общались с Оптиными старцами и много о них рассказывали.

Елена Александровна рассказывала нам о старце оптинском Нектарии, что он любил рассказывать маленькие поучительные истории, две из которых

я запомнила. Первая из них: один царь должен был выбрать себе советника. Чтобы найти достойного и верного человека, он решил подвергнуть их испытанию и сделал так: аккуратно снял кожу с апельсина, сложил его так, что издали можно было принять его за целый апельсин. Положив сложенную кожицу на стол, он позвал своих приближенных и спросил их: «Что это такое?» Все, кроме одного, поспешили сказать: «апельсин». И только один сначала подошел, взял в руки и сказал: «это кожа от апельсина». Его и взял себе в советники царь.

Вторая история. Так же один царь искал себе советника. Взял своих приближенных в лес и, гуляя по лесу, лег на землю, приложил ухо к земле и, встав, сказал, что он слышал, как растут грибы. Тотчас же все его приближенные сделали то же самое и, встав, сказали, что и они слышали, как растут грибы. Только один сказал, что он ничего не слышал. Его и взял себе царь советником¹³.

А вот подлинная история, относящаяся к о. Нектарию. Однажды приехала в Оптину Пустынь какая-то дама из Петербурга и попросила, чтобы ее принял о. Нектарий, о котором она много слышала. О. Нектарий ее принял, и при этом как раз присутствовал Сергей Александрович с Еленой Александровной. Дама эта начала рассказывать старцу о своей жизни и перечислять невзгоды, какие ей пришлось перенести. Тон ее рассказов был такой, что эти страдания как бы должны обезпечить вечное спасение.

О. Нектарий выслушал ее молча, потом, помолчав, сказал: «Два разбойника были распяты на кресте вместе со Спасителем, оба страдали одинаково, но Царствия Небесного сподобился только один».

Так вот каждый день мы получали какое-либо назидание в общении с Сергеем Александровичем и Еленой Александровной. По вечерам Сергей Александрович иногда приглашал нас к себе в комнату, что-нибудь читал или рассказывал нам из того, что встретилось ему за день. Иногда читал из Четьи-Миней житие святого, память которого праздновалась на следующий день. Иногда с нами же читал вечерние молитвы, которые всегда заканчивал молитвой к Божией Матери: «Царице моя Преблагая, Надеждо моя, Богородице...»

Все, кто видел Сергея Александровича и Елену Александровну в церкви, сразу начинали относиться к ним с особым уважением. Но ни в какие разговоры Сергей Александрович ни с кем не вступал, вероятно, боясь повредить отцу. Тем не менее, в сентябре, как раз накануне праздника Воздвижения Креста Господня, у нас был сделан тщательнейший обыск.

Чудом мне удалось спасти тетради с записями Сергея Александровича. Опять помогло стечение обстоятельств. Я в этот день решила постирать, и после завтрака, который был приготовлен на террасе, так как день был удивительно теплый, я пошла на кухню, из окна которой было видно все, что происходит на террасе. Мама там убирала со стола. Вскоре я увидела, что на террасу вошли люди в военной форме, с ними двое крестьян, живших по соседству — понятые. Я прислушалась и слышу: «А вот ордер на обыск». Вижу испуганное лицо мамы, и тотчас в голове мелькает мысль о тетрадях Сергея Александровича. Иду быстро в комнаты через коридор, дверь из которого на террасу открыта. Быстро захожу в комнату Сергея Александровича и беру у него тетради.

Он тоже уже все услышал, так как окно из их комнаты тоже выходило около террасы. Как-то успела быстро пройти в свою комнату, завернула тетради в простыни и пошла обратно в кухню. Выйдя в коридор, слышу слова: «Никому никуда не выходить». Но я продолжаю идти в кухню, и один из военных подходит ко мне, берет рукой за край простыни и спрашивает: «Что вы несете?»

Я довольно резко выдергиваю из его рук простыню и говорю: «Грязное белье, видите, я стираю». Он идет за мной следом, и я у него на глазах бросаю сверток на кучу грязного белья, которое я приготовила к стирке, думая с ужасом, что он сейчас все развернет.

Но... слава Богу, он этого не сделал, только сказал: «Прекратите стирку». Я пожала плечами и говорю: «Ну, если нельзя, не буду». Он уходит.

Начался тщательный обыск сначала в комнате Сергея Александровича, потом в других комнатах.

У нас в доме было много книг, хранились письма родственников, друзей и даже жениховские письма моего отца. Все досконально перечитывалось, и это заняло весь день до сумерек. За это время я улучила момент и бросила тетрадку за печку в кухне, между задней ее стеной и стеной кухни. Уже в сумерках, обозленные тем, что понапрасну проделали такую работу, начали обыск в кухне. И хотя в доме ничего противозаконного не было обнаружено, в кухне искали везде, в печке, на печке, даже в печной трубе. Глядя на это, я очень волновалась, что найдут тетради, но, слава Богу, за печкой они искать не стали.

Очень тяжелый день мы пережили, хотя все кончилось благополучно. Вероятно, и на Сергея Александровича это событие оказало плохое действие, потому что после этого приступы болей в сердце участились.

Он чувствовал себя виноватым перед моим отцом, хотя отец мой старался убедить его, что нисколько, ни в чем его не обвиняет¹⁴.

Потом он рассказывал, что был арестован в Киеве и долго находился в какой-то очень строгой тюрьме, которая носила название «каменный мешок». Рассказывал, как грозил ему расстрелом киевский прокурор за то, что Сергей Александрович якобы способствовал тому, что его книга «Великое в малом» была переведена на иностранные языки и попала за границу.

Сергей Александрович отвечал ему, что ни в переводе книги на иностранные языки, ни в пересылке ее за границу он не только не участвовал, но и не знал. «Кроме того, — сказал Сергей Александрович прокурору, — если вы меня расстреляете, то этим докажете правильность написанного мною в книге».

«Вот в том-то и дело!» — стукнул по столу кулаком прокурор. Сергей Александрович говорил, что книга его «Великое в малом» с сионскими протоколами была в Петербурге скуплена в первый же день поступления ее в продажу. Так что даже Сергей Александрович сам не мог приобрести ни одного экземпляра, и у него этого издания книги не было.

В конце концов, Сергея Александровича освободили, признав его «коечным больным» или, может быть, боясь применить к нему суровые меры, так как книга его была известна за границей, и Сергей Александрович говорил, что он даже получил посылку от Форда.

Но этого «коечного больного» потом все время высылали из одного места в другое, лишив совершенно спокойствия. Вскоре после этого события я уехала с детьми в Москву и к родителям приехала только на Святки.

Елена Александровна часто мне писала и нередко упоминала в своих письмах о том, что Сергей Александрович чувствует себя хуже, что несколько раз были у него тяжелые сердечные приступы с потерей сознания. Когда мы с мужем и детьми приехали к родителям, Сергей Александрович встретил нас словами: «Уже последние звонки мне даны, Левушка»¹⁵. Но и сам он, и Елена Александровна были по-прежнему спокойны и светлы духом, а также со всеми ласковы и приветливы.

Пробыв в Крутце несколько дней, мой муж уехал в Москву на работу, я с детьми осталась еще погостить у родителей.

В комнате Сергея Александровича был образ Преподобного Серафима Саровского, где он изображен согбенным с палочкой. Сергей Александрович как-то сказал: «Вот батюшка идет с палочкой и указывает мне дорогу. Куда он приведет меня, там я и буду».

Слова эти оказались пророческими. Наступило 1 января старого стиля. Новый год церковный. Накануне вечером мы сидели в комнате Сергея Александровича, и он читал нам вслух житие святителя Василия Великого из славянской Четьи-Минеи, хранившейся в нашем доме с давних пор. Я до сих пор помню многое из того, что содержалось в прочитанном житии.

Утром, как обычно, они с Еленой Александровной были у заутрени и литургии и, вернувшись, завтракали со всемн. После завтрака Сергей Александрович отправился к себе и, встретившись в дверях с моим дедушкой, пошутил: «Вот, отец дьякон, хорошо, что вы худенький. Вам в Царство Небесное легко будет войти, а вот я как войду». Дедушка в ответ улыбнулся.

И никто из нас в тот момент не предполагал, что остаются считанные часы, и Сергей Александрович оставит нас навсегда.

В своей комнате Сергей Александрович прилег отдохнуть, а Елена Александровна занялась около него каким-то делом.

Как обычно, в 3 часа дня мы собрались обедать на кухню, где всегда обедали. Папа позвал через стенку: «Сергей Александрович, Елена Александровна, идемте кушать».

Мы пришли в кухню, уселись за столом, но обедать не начинали, ожидая, когда придут Сергей Александрович и Елена Александровна. Но пришла одна Елена Александровна и сказала, что Сергею Александровичу плохо, и он прийти не может. Сама она набрала в плоскую металлическую фляжку холодной воды, чтобы положить ему на сердце, как они делали всегда.

Все это произошло 50 лет тому назад, медицинских сведений о стенокардии у нас не было тогда, врачебной помощи на селе тоже не было, поэтому и применялись неправильные средства, как холод на область сердца при сердечном спазме.

Но, видимо, ему стало легче, так как, когда мы, пообедав, возвращались в комнаты, он позвал нас: «Батюшка, Манечка, зайдите».

Мы с отцом вошли к ним в комнату и присели на сундук, который там стоял. Сергей Александрович сидел в кресле около письменного стола, повернувшись лицом к двери и к нам. Елена Александровна стояла позади него и держала на его голове мокрое полотенце. Сергей Александрович начал говорить о том, что приближаются тяжелые времена для Церкви, что «держай от среды отъят есть», т.е. некому удерживать людей в их устремлении все к большему злу. Он так всегда говорил и повторил теперь.

Когда его иногда спрашивали, неужели он считает, что жизнь человеческая не может снова пойти по правильному пути, он отвечал: «Чтобы зажарить зайца, нужно иметь зайца», т.е. чтобы устроить правильную человеческую жизнь, нужны правильно мыслящие люди, а таких, считал он, недостаточно.

Положив руку на колено отца, он сказал: «Ах, батюшка, батюшка, жаль мне вас». Мне тоже положил руку на голову с какими-то словами. Но я вспомнить их не могу, так как они напрочь выгеснились из головы последующей за тем страшной и горестной минутой¹⁶.

Елена Александровна пыталась удержать Сергея Александровича от разговоров, повторяя: «Мужочек, не говори, тебе вредно».

И Сергей Александрович, сказав еще несколько слов, внезапно откинулся назад, и что-то в груди его заклокотало и захрипело.

Отец мой взял полотенце с его головы и побежал намочить его водой похолоднее, я же вышла из комнаты, думая, что так будет лучше для больного. На меня нашло какое-то оцепенение, я не знала, что мне делать. Молиться? Но что значат мои молитвы, когда умирает, уходит такой человек, как Сергей Александрович? В мыслях и чувствах было полное смятение. Думала: значит, Господь призывает его, и молитва моя не поможет. Мысли эти, конечно, были совсем неправильны и возникли от большого потрясения.

Вошел отец с мокрым полотенцем, а я все стояла в таком оцепенении, как вдруг услышала горестный возглас Елены Александровны: «Господи! помоги мне!».

Я скорее вошла в их комнату и увидела, что Сергей Александрович недвижим. Елена Александровна сзади поддерживает его голову, а отец мой, обливаясь слезами, читает отходную по требнику.

Так вот и привел Сергея Александровича Преподобный Серафим в жизнь вечную в навечерие своего праздника.

Было около шести часов вечера, канун праздника Преподобного Серафима, чудотворца Саровского, которого всю жизнь почитал Сергей Александрович и которому поручил свою жизнь. Сходили за церковным сторожем¹⁷, он пришел, помог одеть Сергея Александровича и положить его на кровать, так как другого места в их маленькой комнате не было.

Лицо Сергея Александровича было совершенно спокойно и как-то торжественно. В руки ему Елена Александровна вложила большой деревянный крест, и он и по смерти своей как бы исповедовал свою непоколебимую веру.

Как ни велико было горе Елены Александровны, но еще сильнее была ее вера и преданность Богу, и поэтому она могла превозмочь свою скорбь.

Утром, на следующий день, она позвала меня прочитывать с ней вместе службу Преподобному Серафиму. Мне пришлось читать паремии, и вот я прочитала слова: «Скончался в мале, исполнив лета долга, угодна бо бе Господеву душа его. Сего ради потщахся от среды лукавствия. (Поэтому постарался уйти из среды лукавствия). Люди не видеша и не разумеша, яко благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его».

Как непосредственно относились эти слова к Сергею Александровичу в данный момент!

Вечером в этот день мой отец поехал в Александров и привез следственного врача, чтобы констатировать смерть и установить ее причину. Приехал молодой врач и, открыв дверь в их комнату и увидев умершего, остановился и сказал: «Какой красавец!» Так он был поражен красивым и спокойным лицом покойного, лежащего с крестом в сложенных на груди руках. Он осмотрел тело и написал заключение: разрыв аорты.

Я отправила телеграмму мужу: «Сергей Александрович скончался». В тот же день вечером мой муж приехал, и 17 января (нов. стиля) 1929 года мы похоронили Сергея Александровича.

Могилу приготовили у южной стены колокольни нашей церкви, против придела во имя святителя Николая, как раз против правого клироса, где была большая икона Преподобного Серафима.

Смерть его вызвала сожаление у всех, кто его знал. В селе нашем жили две женщины — мать с дочерью. Были они из числа озлобленных и «отпетых». Никто их не любил, со всеми они ссорились. Дочь, Катя, была первой комсомолкой в селе¹⁸.

Когда Сергей Александрович и Елена Александровна совершали свои ежедневные прогулки, им каждый раз приходилось проходить мимо дома этих женщин. Если они видели этих женщин около их дома, они всегда ласково с ними здоровались, а иногда и разговаривали, ничем не выражая никакого пренебрежения.

И вот эта Катя, узнав о смерти Сергея Александровича и о времени погребения, пришла, стояла все отпевание и даже помогла опустить гроб в могилу.

Так вот умели они пробуждать добрые чувства даже в сердцах ожесточенных¹⁹.

Елена Александровна пробыла у нас только 9 дней после кончины Сергея Александровича и уехала в Чернигов, где в прежнем месте их

обитания оставалась близкая им старушка, больная, и Елена Александровна считала своим долгом быть около нее и ходить за ней. Их обеих не касалось предписание о высылке из Чернигова.

Очень пусто и грустно стало без Сергея Александровича и Елены Александровны в нашем доме. Да вскоре оправдались и слова сожаления, сказанные перед смертью Сергеем Александровичем моему отцу. Меньше чем через полгода²⁰ отцу моему было предписано освободить дом, в котором он прожил 30 лет и который был построен по его плану, когда он вступил в должность священника. Дом был построен на церковные средства, или, как ему заявили, на средства общества, и поэтому он должен был его покинуть.

Оставили ему сарай, построенный им на свои личные средства, и отец с семьей долгое время ютился в этом сарае, пока с трудом не удалось ему построить другой, маленький дом на другом месте, в саду. А церковный дом был сломан и продан куда-то в другое селение. При этом, конечно, был большой ущерб, но с этим не посчитались.

А еще через год²¹ мой отец был арестован, имущество «раскулачено», мама с детьми выселена, вернее, выброшена на улицу, и из жалости ее пустила на квартиру одна женщина из соседней деревни.

На могиле Сергея Александровича мой брат поставил крест, сделанный им самим. На кресте, под именем покойного мы написали: «Честна пред Господем смерть преподобных Его» [Пс. 115, 6], а на обратной стороне: «Тайну цареву добро хранити, дела же Божия проповедати честне» [Тов. 12, 7].

После ареста моего отца церковь наша перешла в руки обновленцев, антонинцев²². Служил в ней священник, бывший когда-то в хороших отношениях с моим отцом, но с которым отец мой порвал всякие отношения после того, как тот стал обновленцем.

Затем церковь была закрыта, ее перед[ел]али в клуб, потом в магазин, а когда я была там лет 10 тому назад, от нее оставалась только часть фундамента, по которому, однако, можно было определить место могилы Сергея Александровича.

С Еленой Александровной велась у нас переписка, затем, в 35–38-м годах, после кончины той старушки она жила у нас в селе Городок Калининской области, где работал тогда мой муж. Она помогала мне в уходе за детьми и была незаменимой воспитательницей и забавницей. Она, как всегда, находила возможность оказать кому-нибудь добро.

Недалеко от дома, в котором мы жили, стояла ветхая избушка, в которой жила одинокая старушка, как ее там звали, бабка Паликашиха. Были ли у нее родные или дети, не знаю. Жила она одна и кормилась тем, что собирала милостыню. И вот, каждый праздник Елена Александровна брала у меня или пирогов, или еще чего-нибудь и шла поздравить «бабушку Поликарповну», как она ее называла, не желая умалять ни по каким причинам ее достоинство, человеческое достоинство создания Божия, нкупленного Кровию Спасителя.

В 1938 году работа мужа в Калининской области кончилась, нам было необходимо вернуться в Москву, так как нас всех грозили выписать из квартиры как непроживающих.

Мы переехали в Москву, а Елену Александровну пригласила к себе ее бывшая черниговская хозяйка²³, которая в то время жила в гор. Кола, Мурманской области.

Там Елена Александровна скончалась. День кончины ее мне неизвестен, так как письма оттуда прекратились.

Елена Александровна Нилус, урожденная Озерова, происходила из аристократической семьи. Отец ее, Александр Петрович Озеров, занимал многие придворные должности. Был он, кажется, посланником в Греции, где и родилась Елена Александровна. Был посланником посольства в Персии, а затем был обер-гофмейстером Двора Его Императорского величества, только именно кого — не помню. У него было семь человек детей. Старший сын Александр погиб в Болгарии при осаде Шипки. Старшая дочь Ольга, в замужестве княгиня Шаховская, после смерти мужа приняла монашество и скончалась в Дмитровском женском монастыре Московской области²⁴ в сане игумении, приняв в монашество имя Софии. Один из сыновей — Давид ведал состоянием Зимнего дворца²⁵. Елена Александровна нам говорила, что однажды, когда под его наблюдением шли какие-то работы в Зимнем Дворце, то в кабинете Александра I, на оборотной стороне его портрета была обнаружена укрепленная фотография старца Феодора Кузьмича.

Сын Борис тоже находился на государственной службе, только я совсем не помню, где именно он служил. Знаю только, что его дочь Ольга была замужем за летчиком Андерсом. Елена Александровна пыталась ей писать, но ответа не получила. Дочь Мария была замужем за Гончаровым, имени и отчества которого я не помню. Потом она овдовела и скончалась во Франции, где-то недалеко от Парижа²⁶.

Младший сын, Сергей, был военным и погиб в империалистическую войну.

Елена Александровна была фрейлиной при дворе Им[ператрицы] Марии Феодоровны. В котором году она вышла замуж за Сергея Александровича я не помню, знаю только, что это было еще при жизни Иоанна Кронштадтского. Елена Александровна говорила, что родные ее и окружающие очень не одобряли ее замужества. Родителей ее уже не было в живых.

И вот однажды, на пароходе, рассказывала Елена Александровна, она оказалась вместе с о. Иоанном Кронштадтским и сказала ему, что она выходит замуж за Нилуса. «Вот молодец, вот молодец», — говорил о. Иоанн, похлопывая ее по плечу. Елена Александровна говорила, что он столько раз это повторял, как будто в противовес всем неодобрительным словам, которые ей пришлось услышать по поводу своего намерения.

Сергей Александрович говорил, что в мире произошла переоценка ценностей, т.е. то, что люди привыкли ценить высоко, не оправдало своей оценки и не спасло от катастрофы. По мнению его, с чем полностью была согласна и Елена Александровна, существует только одна абсолютная ценность — Евангельская Истина.

Помяни, Господи, верных рабов Твоих во Царствии Твоем!

3

[Е. Ю. Концевич]

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К СВЯТО-ИЛЬИНСКОМУ ПЕРЕИЗДАНИЮ КНИГИ
«СВЯТЫНЯ ПОД СПУДОМ» (1977)**

Ныне выходит в свет последняя книга С. А. Нилуса из серии написанных им книг и высланных за границу его супругой в момент его ареста в гор. Пирятине Полтавской губ. в 1925 году. Высылка этих книг была явным чудом. Тогда посылки из России вообще не высылались, тем более посылки с книгами духовного характера. Произошло это самым необычайным образом: книги прибыли в Берлин в дипломатической вализе, высланной немецким посольством. Такие дипломатические вализы не подлежат вскрытию.

Для того, чтобы подобная вещь могла осуществиться, понадобилась сцепление ряда обстоятельств... Судьбой С. А. Нилуса сочувственно заинтересовался видный правый германский политический деятель граф Эрнст фон Ревентлов²⁷. Немцы разыскали немецких родственников Елены Александровны

Нилус, рожденной Озеровой. Брат ее отца в пятидесятых годах прошлого столетия был посланником при дворе одного из королевств в Германии. Его дочь вышла замуж за немецкого графа. Озеровы в России утратили связь с немецкой родней. Но теперь был найден племянник Елены Александровны, который оказался советником посольства в Москве. Он соглашался вывезти из России тетушку и ее супруга, если они прибудут в посольство в качестве колонистов²⁸. Но это не состоялось. Когда же понадобилось спасти книги, они были отосланы племяннику, который переслал их в Берлин. Вот какой сложный клубок должен был развернуться, чтобы не пропали записи о жизни и деяниях последнего русского монашества.

«Великое в малом», недавно вышедшее из печати в Канаде, переизданное священником о. Владимиром Мальченко, перепечатанное с приобретенного им экземпляра, разумеется, не входит в серию присланных из России книг. «Великое в малом» — это первая книга, написанная Нилусом. В эту книгу входит «Беседа преп. Серафима с Мотовиловым о стяжании Духа Святаго». В России вышли два издания: 1905 и 1911 гг.

Книги, прибывшие из России, только через 50 лет стали выходить в свет в Америке одна за другой. Первой из них вышла из печати книга «На берегу Божьей реки», часть вторая. Она издана Братством преп. Германа Аляскинского в 1969 г. и представляет собой новые, доселе неизданные материалы, которые служат продолжением первой книги, изданной в Св. Троицкой Сергиевой Лавре в 1916 г. После этого в 1975 году была переиздана эта именно основная первая книга «На берегу Божьей реки» в издании Свято-Ильинского Братства. В этих двух книгах отразилось, как в зеркале, Оптиное благочестие, лебединая песнь русского монашества, современного Нилусу.

Затем, в 1976, г. Братством преп. Германа Аляскинского переиздана книга «Сила Божия и немощь человеческая» — автобиография старца Феодосия, ученика великого старца Амвросия.

Настоящая же книга «Святыня под спудом», издаваемая Свято-Ильинским Братством, является последней из серии книг, присланных из России в дипломатической вализе. Книга эта охватывает духовное состояние русского общества и монашества в первой половине прошлого столетия. Текст ее представлен в виде записей отца Евфимия Трунова, одного из главных столпов Оптиного благочестия, ближайшего ученика Великого старца неросхимонаха Льва. Здесь, как на экране, проходят события духовной жизни этой эпохи. На этих страницах немало выражено предчувствий и предостережений. Очень интересны рассказы, характеризующие старообрядчество.

Они ценны для историка. Наконец, читатель найдет для себя в этой книге много ценного, назидательного. Недаром она названа «Святыня под спудом».

4

Е. Ю. Концевич

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

С радостью прочла я в «Вестнике Западно-Европейской Епархии» (№ 8 за март месяц [1977 г.]) сообщение современника о том, что построение храма в г. Шелль в 1934 г. во имя преподобного Серафима Саровского было связано с благодатным воздействием на души тамошних жителей при прочтении ими книг С. А. Нилуса, повествующих о Саровсеой обители и о беседе преподобного Серафима с Мотовиловым, об Оптиной пустыни.

Книги эти были незадолго перед этим чудесным образом присланы из Советской России за границу. В это время они существовали в единственных экземплярах. В России за хранение их грозил расстрел, их там уничтожали. М. А. Чистякова, супруга инженера Д. С. Чистякова, главного деятеля по постройке храма, списала для себя лично от руки одну из этих книг.

Теперь в Америке вся серия книг переиздана и стало возможным приобрести любую [...].

Теперь я хочу рассказать каким образом совершилось неожиданное прибытие за границу книг С. А. Нилуса.

С возникновением коммунизма племянницы С. А. Нилус оказались в Германии. Тогда еще у немцев существовало посольство в Москве и немцы пользовались авторитетом. Племянницы пытались найти способ вывезти автора с женой за границу и обращались за помощью к благомыслящим немцам. через них удалось разыскать в Германии родственников Е. А. Нилус. Брат ее отца — Озеров был в половине прошлого столетия Российским послом в Вюртембергском королевстве. Его дочь вышла замуж за немецкого графа. А этот момент совершенно providенциально оказалось, что ее сын служит советником посольства в Москве. Удалось установить связь между этим, доселе неизвестным племянником и Нилусами. Был предложен способ выехать, но они не воспользовались. Но когда Нилус был посажен в тюрьму, Елена Александровна переслала племяннику сочинения своего мужа. Он переслал посылку в дипломатической вализе на свою родину. Так они были спасены по промыслу Божию.

Александр Стрижев

НА МОГИЛЕ НИЛУСА

Тихой, ясной погодой отмечены ныне Кузьминки, день ледовых кузнецов — Кузьмы и Демьяна. То было накануне поездки. А заутро, как и вчера, все то же благоутишие. Открытое, лучистое небо, благорастворенный, чуточку с прохладцей воздух, жолклые до последнего листа деревья — ну и осень. Видать, ненароком насылается теплынь, она — покой и радование ко здравью сущего. И за что нам такие щедроты? Люди разжигают сердца гневом и гордением, попадаются завистью, в грехе умерщвляются, а им даруются неоскудные Божии благодати: возрастайте! Взамен — измена святому делу, подложная жизнь.

Поглядите, сердце бледнеет, как поравняешься с обобраным и обезглавленным Параклитом. Колокольня скита, его храм, келлии — все исказила, повергла в запустение черствая рука невера. Святыня почила и, может быть, жива лишь для тех, кои помнят ее сами или по рассказам о ней сведения.

А далее — Зосимова пустынь. Там монахи-трудники теплую молитву творили во славу Бога, исцеляли поврежденные души, расслабленным надежду на выздоровление подавали. Там закаленный молитвою старец Алексий Соловьев (1846 †1928), горячая православная душа, пас словесное стадо. Сюда наезжало интеллигенции со всей судьбоносной Москвы опоры искать в себе, утверждать самовозрание.

И в крутые времена пустынь попервости оживлялась духом Господним, свободою. «Остер топор, да и сук зубаст», — поговаривала вокруг простая чадь, миряне. Здесь многожды молился отец Павел Флоренский. В голодные годы в окрестном лесу приходилось ему собирать и грибки для семьи. Истинствовал в любви к живому благоуханию бытия до последнего вздоха...

Мимо Параклита и Зосимовой пустыни, тогда уже закрытых и пустеющих, с воцарением восьмилегиионного беса, когда людей, как волков, обкладывали красными флажками, не раз проезжал гонимый Сергей Нилус. Он проезжал в лесную сторону, в деревню Гагино, где некоторое время скрывался в семье местного священника; но и тот впоследствии, в 28-м году, отказал ему в прибежище. Кого не трясет боязнь?

В Крутец едем этой стороной, но в Гагино крюк не даем, расстояние порядочно, а день короток. Отлогости, распадки, подъемы на местности — поднесь, как было, одни поля невозделанные тошнят нынешней тошнотой. Наконец, Александров. Река Серая, где Грозный утопил очередную жену с каретой и кучером на облучке... Светлейшие стены духовной лечебницы — монастыря. Почти безошибочно берем направление к Крутцу, но все же спросили долговязого парня, и тот показал правильно: версты четыре отсель.

Крутец и вправду на взвозе, на горушке. Вот изреженный елушник расступился, обнаружив крутой подъем проселка, и выглянула ровная, как стол, улица — теперешнее село.

Первое, что бросилось в глаза, — старинный бревенчатый дом с «галдареями» по бокам, по-теперешнему с верандами, с непременным мезонином. Оказывается, это охотничий особняк купца Зубова Павла Васильевича, александровского богача и землевладельца. Вон внизу зубовские заливные луга с нанятыми покосчиками. Кому-нибудь и сейчас слышится хруст срезаемых трав, задиристый говорок и смех среди благовонный поляны. А где же в селе храм ненаглядный, где он? Ровная, пустая улица, грязная дорога накатывается на нас, и более ничего.

Идем спрашивать старушку Овчинникову, Марьей Яковлевной кличут. Вот она с веселым взглядом и резвая на ногу, а ведь на девятом десятке. Запричитала, де был бы Николай Петрович, муж ее, он бы все показал, Нилуса хорошо помнил, а то помер как шесть недель, и осталась она горькая вдовица без опоры и рассказчика, с внучками о чем потолкуешь. С печки высунулись хорошенькие головки юниц, греются с холода, велят дверь поплотнее прикрывать.

Овчинникова бадик в руки, с ним способнее идти старому человеку, и тыча этой палкой в землю, повела нас к краю села.

— Вот тут стоял наш храм Успенский. Вот остатки каменных привратных столбов, повыше земля — тут была колокольня, уронили в 46-м году и кирпич растащили. А это место, к нам поближе, под храмом было. Церковь закрыли перед войной, в тридцать шестом, тогда же и разобрали.

А была она вся деревянной, кроме колокольни, но на высоком каменном основании (от него теперь и следов нет). Сынове российские, что вы творили! Впрочем, помрачение нравов держалось всеобщее, сюда ль ему не докатиться?

Опять рассказывает Марья Яковлевна:

— Могилка Нилуса, вот она, с правой стороны алтаря, напротив окна, где Никольский придел отгорожен. Как не упомянуть, ведь пела я на клиросе,

ни одной службы не пропускала, отца Василия чла за доброту и ровный голос. Могилку Нилуса и муж потом не раз показывал, любил о нем говорить.

Священник Василий Арсеньевич Смирнов, приютивший в мае двадцать восьмого года благочестивого писателя (в его доме Сергей Нилус и умер), жил большой семьей. У него было шестеро детей: Юлия, Александра, Сергей, Маруся (оставила воспоминания), еще один Сергей и Валентина. Матушку звали Юлией Алексеевной, на ту пору еще был жив ее отец, дьякон Алексей Михайлович.

Обширный дом Смирновых располагался у дороги, на улицу выходили четыре окна, по бокам тоже имелись окна. За домом сад и терновник, перед крыльцом чайные кусты — жасмин. Дом раскатали по бревну и свезли в соседнюю деревню Сорокино, пошел под школу. А отец Василий после гонения за неподчинение обновленцам, после отсидки, поставил себе совсем небольшой домик на другом месте, двора через три, вон там. И его сейчас нет. Был домик при двух итальянских окошках внизу, с крошечным верхом на маленькую светелку, со скворещенку. Это строилось уже после смерти Сергея Александровича. В этом домике потом ряд лет жила Елена Александровна Нилус, воспитывая четверых Марусиных детей. Когда клыкастый стиль жизни безпощадно утвердился и терпение истощилось, все Смирновы рассеялись кто где, то в Крутце доживала одна матушка. А как ее не стало, хороминку оттяпал сельсовет. Под сельсоветом-то она и сгорела перед войной.

Стою посредине улицы и размышляю. Вот то село, куда майским ветреным днем 28-го года приехал в тонком, изношенном пальто Сергей Александрович. Присел на крылечке рядом с подругой жизни, со своей Еленой Александровной, дожидаясь хозяев. Пригласил его с согласия отца Василия Левушка, муж Маруси. И вот хозяйева пришли, гости встречены, усажены в покойной комнате. Потекла беседа, благостная, прикровенная.

Измученный угрозами и допросами, чуждый массовому человеку и опаляемый ненавистью властей, духовный писатель, некогда с веселым и светлым взором, выглядел совершенно дряхлым и больным. Внешне он напоминал своего небесного наставника, Преподобного Серафима Саровского. Только фигурой крупней, но также согбен и сед, и ликом похож, в руках палочка. Журнальная работа оставлена давно, потенциал надежды исчерпан, но собранности духа не утратил, и даже возросла укорененность в Православии. Все тот же темпераментный стиль письма — вел дневниковые записи, и кое-что из них читал потом за столом новым друзьям —

благовествовал, как живу быти нам. Тело тело, но здравствовали духовные дарования его, покоряла умственная зоркость. Церковь подает благодатные средства спасения, ведь, по слову Игнатия Богоносца, Господь облагоухал Церковь нетлением. Все так же «мы сильны есмы в делах и словесах». И чувствовалась большая сосредоточенность в себе, проявлялась неуклонное духовное восхождение...

Как ни велика повсюду утвердилась пропасть, а все же и в селе кое-что было не за скобками жизни. Колокола звонили, служба в храме правилась истово, значительная часть крестьян не растеряла живого опыта Богопознания и не поддавалась нажиму неверов. Не о них ли было когда-то сказано архимандритом Феодором Бухаревым: «Можно и землю пахать, и дрова рубить, приобретая себе за этим делом Христа Господа...» Но гонимый Нилус ни с кем не входил в общение, всякое слово могло разозлить надсмотрщиков из центра и повредить давшим приют. Снял красотою христианства и молчал. А рядом слышалась многошумящая речь селян, порою вырывался огонь общественных страстей, комсомольцы таили звериную серьезность. Но дух есть свобода и творчество, Нилус оставался свободен в себе.

Не дремали и бесы. Обыски, посулы расправиться, доносительство — весь бесовский букет налицо. Нет черты, за которую не переступят. Книжной силы боятся, но и ее переселят злодейством. Сохраняла помощь свыше, помогало заступничество угодников Божиих. Были и вонтели, были и защитники. Вменилось праведнику слово Господне во спасение. В воспоминаниях Маруси Смирновой все это хорошо описано.

Почил Сергей Александрович 14 января 1929 года, накануне памятного дня Серафима Саровского, чудотворца. Мерзлую землю рыли с большим трудом, отогреть нельзя — деревянный храм впритык. Хоронили всем селом семнадцатого числа, пришли даже комсомольцы. Крест поставлен был высокий, на нем надпись словес вечных.

Вот теперь могилка эта и отыскана, благо дорога обочь прошла. Ее проводили прямо по кладбищу, и все размешано колесами. Думается, спас остов звонницы, он не попустил супостатам разъезжать, где встрапятся. И вот уцелела святая земля храмовая, а подле заветная могилка.

Марья Яковлевна повела поговорить со старушкой Катей, ей 90 лет. Катерина Ивановна Рыбакова предстала совсем блаженненькой, улыбка не сходит с лица, а рассказ один и тот же:

— Отца Василия летошний год видала. Едет на лошади, на станке сидит (так тут называют телегу), веселый такой. Я ему: «Батюшка Василий,

батюшка Василий», — а он повернулся, не узнал что ль меня, и дальше поехал вон с той горки.

Старушке Кате объясняют: отец Василий давно умер, нету его. А она все свое: встретила батюшку. И счастливо улыбается. Не стали мешать ее счастью.

Неугомонная Марья Яковлевна остановила с ведрами какую-то бабу помоложе себя. Та поглядела недобро, показала две вставные челюсти:

— Не американцы ли вас послали русских учить молиться?

Пуговка носа ввалилась, одни челюсти металлические. Пятилетняя старуха — из особого людского материала. Чтобы загладить нанесенную обиду, пошла уговаривать: да я так, да я пошутила.

— Отвяжись, отстань.

...Пойду-ка лучше к любимой могилке, поклонюсь еще раз. «Дым есть житие сне, пар, персть и пепел», — припомнился Нил Сорский, светильник Святой Руси. Могилка сия свята, духовный писатель зарыт в ней.

А мы — «кую похвалу приобретаем?» Эх, как быстро опустошили полную чашу природных богатств. Земля стонет под напором массового человека. И уже отравлена химией, избита неразумными переделками. Вся Божия тварь на краю гибели, а в нашем случае и домашний скот страдает от измывательств и невозможного содержания. «Вся тварь, — по словам Апостола, — совоздыхает человеку» (Рим. 8, 22). Не о теперешнем ли времени написано отечестволюбом, святителем Тихоном Задонским: «Человек грешит, а прочая тварь страдает: земля не дает плода, воздух и вода растлеваются». Впрочем, духовные подвижники всегда современны. Их мистические озарения оплотневают в нашей сущности. Воздадим им почитание.

Напоследок поглядели с Крутца на окрестности. В дюжине шагов от дома, где жил Нилус, открывается вид на речную долину и помещичий луг, откуда крестьяне на Петров день приносили душистые ягодки Зубову, а он их оделял деньгами и гостинцами. Вот и Зубовские кирпичные конюшни, в которых нынче мается несчастный скот. Заметим, что в других деревнях он мается еще больше, ибо там дворы куда хуже старинных.

Село Крутец
15 ноября 1986 года

IV-V

**КОММЕНТАРИИ
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

КОММЕНТАРИИ

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДУХ БОЖИЙ, ЯВНО ПОЧИВАЮЩИЙ...

Печатается по: Русский паломник. 1990, № 2. С. 73—92. Хотя в основу данной публикации положена последняя прижизненная редакция текста, при перепечатке в «Русском паломнике» в ней допущен ряд неточностей и опечаток. За отсутствием брошюры «Об участии последних христиан» в рукописи, текст корректировался по изд. 1911 г. «Великое в малом» [№ 25].

Настоящая «Беседа» была записана Н. А. Мотовиловым по памяти и имелась в его архиве не в одном экземпляре, сводившихся в основном к двум вариантам, различающимся между собою по полноте и некоторым словосочетаниям. Работая над архивом Н. А. Мотовилова, переданным его вдовой Еленой Ивановной; С. А. Нялус подготовил к печати сводный текст (19 мая 1903 г.), учитывающий обе редакции. Первая публикация: «Московские ведомости». 1903. 18, 19, 20 июля (№№ 195—197). Наибольшую известность «Беседа» приобрела после публикации С. А. Нялусом книг «Великое в малом» по изд. 1903 г. [№ 5], 1905 г. [№ 11] и 1911 г. [№ 25], включающих ее в себя.

Впоследствии выходил сокращенный вариант редакции С. А. Нялуса: *Денисов Л. И.* Жизнь, подвиги, чудеса, духовные наставления и открытие святых мощей преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. С историческими очерками Саровской пустыни и женских монастырей, основанных под благодатным воздействием преподобного Серафима. М., 1904. С. 319—335; *Новоселов М. А.* О цели и смысле жизни. Ч. 2. Христианское мировоззрение. Вышний Волочок. 1909. [Религиозно-философская библиотека. Вып. XXI]. С. 39-72.

Обе первоначальные редакции «Беседы» были изданы в 1914 г. [№ 4г].

Наконец, перед революцией 1917 г. С. А. Нялус, заново обследовав рукопись Н. А. Мотовилова, подготовил к печати окончательный вариант «Беседы», который мы и публикуем.

¹ См. прим. 47 к «Краткому жизнеописанию».

² *Монахиня Ермиония* († 1900) — поступила в монастырь в 1829 г., скончалась 81 года.

³ *Монахиня Еванфия* († 1902).

⁴ См. прим. 45 к «Краткому жизнеописанию».

⁵ *О. Павел*, сосед по келье Преп. Серафима.

⁶ *Игумен Нифонт Саровский* (в миру Василий Черныцын, 1762 † 8.3.1842) — девятый настоятель Саровской пустыни (с 1807), выдающийся подвижник начала

XIX в., переписывался с архимандритом Фотием, настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. См. о нем: *Еп. Никодим*. Указ. соч. Март. С. 80—89.

⁷ Преподобный Пафнутий Балахонский (Балахинский). Память 1 мая ст. ст. См. о нем: *Барсуков Н.* Источники русской агнографии. СПб. 1882. С. 428.

⁸ Православной Церковью почитаются 12 Сивилл-пророкиц, целый ряд древних («эллинских») философов, прорицателей, ученых и поэтов (Гермес, Гомер, Валаам, Анахарсис, Кентавр Хиронский, Платон, Аристотель, Вергилий, Менандр, Плутарх, Овидий и др.).

⁹ Александр Федорович Лабзин (1766—1825) — известный мистик масонского толка, литератор, издатель. В 1799 г. был назначен конференц-секретарем Академии Художеств, в 1805 — членом адмиралтейского департамента. Мистические книги издавал большей частью под инициалами У. М. («ученик мудрости»). Руководил масонской ложей «Умиравший сфинкс». В 1806—1807 гг. издавал религиозно-просветительский журнал *Сионский вестник* под псевдонимом Феопемпта Мисаялова. В 1806—1815 гг. выпустил 30 книжек под псевдонимом *Угроз Световостоков*, сделавшихся популярным семейным чтением в среде интеллигенции. В 1817 г. благодаря протекции министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына (личного друга А. Ф. Лабзина и масона) был возобновлен выпуск «Сионского вестника». Деятельность Лабзина и Голицына встретила сильное противодействие со стороны антимасонской партии при дворе Императора Александра I в лице архимандрита Фотия, кн. А. С. Стурдзы, кн. С. А. Ширинского-Шихматова. Последний использовал труды московского православного богослова Степана Федоровича Смирнова «Победоносный вестник торжествующего Сиона, или изложение обличений на различные системы и умствования тайных обществ касательно религии и гражданства», «Вопль Жены, облеченной в солнце, или победная песнь Православной Греко-Российской Церкви противу победной повести Юнга Штллингера» (неопубликованы; хранятся у друга Н. В. Гоголя, оптинского монаха Порфирья (Григорова), ныне: ОР РГБ. Ф. 214.156—158), в которых были показаны еретические и кощунственные положения, присущие учению А. Ф. Лабзина (произвольное толкование учения о благодати, отрицание священного значения Книги Царств, кощунственное учение о первородном грехе и т. п.). Кн. Голицын вынужден был запретить выпуск журнала. В 1821 г. Лабзин был сослан в Сибирь, откуда в 1823 г. переведен в Симбирск, где и умер.

¹⁰ Святитель Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский (в миру Авраамий Смирницкий 29.10.1773 † 21.12.1846) — с 1815 г. наместник Киево-Печерской Лавры. К нему благоволил Император Александр Павлович. На Воронежской кафедре с 1826 года. Преп. Серафим особенно почитал вл. Антония, а лица, близкие Дивеевской обители, обращались за духовной помощью к нему после кончины Саровского старца.

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ?

Печатается по: *Нилус С. А.* Что ждет Россию? // Московские ведомости. 10.3.1905. № 68. С. 3.

Собственно слова преп. Серафима (в записи Н. А. Мотовилова), составляющие III—V разделы публикуемого текста, печатались в соч. С. А. Нялуса, но без обозначения их статуса (что весьма важно!): «беседа» преп. Серафима с Н. А. Мотовиловым «о Царской Власти», как это видно из предисловия С. А. Нялуса (раздел. I—II). Наряду с послесловием (разд. VI), предисловие не публиковалось в соч. духовного писателя.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Печатается по: Из пророчеств Преподобного Серафима Саровского/ Публ. игумена Андроника (Трубачева), Стрижева А.Н., прил. иг. Андроника// Литературная учеба. 1991. Кн. 1. С. 131—134. Предисловие игумена Германа печатается по: Русский паломник. 1990. № 2. С. 74.

С нашей публикацией связан текст, найденный в бумагах о. Павла Флоренского, предположительно полученный им от С. А. Нялуса, который, в свою очередь, нашел его в бумагах Н. А. Мотовилова:

[Антихрист в России]

«До рождения антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению о. Серафима, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...

Неизменный счет войны всемирной и русской будет 10 лет... Так как мне самому (Н. А. Мотовилу. — Сост.) сказано еще в 1834 году, здесь, в Воронеже, что я не умру прежде, как узнаю лично, как самого себя, того человека, который доживет до рождения антихриста, чтобы подобно Симеону Богоприимцу, давшему знать о рождении Истинного Христа, дать знать о рождении истинного антихриста. Проповедь эта будет официально объявлена всем людям, не только русским, но и вселенским, во всеобщее известие. Тогда легко будет предузнать воцарение его вселенным в старом Иерусалиме, на всей поверхности земного шара, кроме нынешней территории России и внутренней Азии, где живут 10 колен царства Израильского. Россия сольется в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрек устами всех святых: «Грозное и непобедимое царство всероссийское, всеславянское — Гога Магога, пред которым в трепете все народы будут». И все это, все верно, как дважды два — четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрекший о нем и его грозном владычестве над землею. Соединенными силами России и других Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией, и Россия соединенными силами со многими другими государствами возьмет Вену, а за до-

мом Габсбургов останется около 7 миллионов коренных венцев, и там устроится территория Австрийской империи. Франции за ее любовь к Богородице — Св. Мадонне — дастся до семнадцати миллионов французов со столицей городом Реймсом, а Париж будет совершенно уничтожен. Дому Наполеонидов дастся Сардиния, Корсика и Савойя. Когда Империя Русская получит сто восемьдесят миллионов в свое владение, должно ожидать явления антихриста. 1) Антихрист родится в России между Петербургом и Москвой, в том великом городе, который по соединении всех племен славянских с Русией будет второй столицей царства Русского и назван будет «Москво-Петроградом», или «Градом конца», как именует его Господь Дух Святой, издалече все предусматривающий. 2) До явления антихриста должен состояться Восьмой Вселенский Собор всех Церквей под Единую Главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Божией Матери, Единой по Бозе Всемогущей, с оставлением за первым патриархом его царственной власти, как первообраза вечного царства Иисуса Христа, также для объединения и воссоединения всех святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под Единую Главу Христа-Жизнодавца и под единый покров Его Пречистой Матери и для окончательного проклятия всего масонства и всех подобных партий (под какими названиями они не появлялись бы), главные руководители которых имеют одну общую цель: под предлогом полного равноправного благоустройства на земле с помощью фанатизированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всем мире и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству, в лице единовластного самодержавного царя, царя Богоборного, одного над всем миром.

Сатана был первый революционер, и чрез это спал с неба. Между учением последователей его и учением Господа Иисуса Христа нет ничего общего, здесь — огромная пропасть. Господь через делание данных Им заповедей призывает человечество на небо, где обитает правда. Дух тьмы обещает устройство рая на земле.

Так все революционные общества, тайные или явные, под какими бы названиями они ни появлялись и какой бы благовидной видимостью ни прикрывались, имеют одну общую цель — борьбу и общее разрушение христианства, подготавливая почву антихристианству в лице грядущего в мир антихриста.

Евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые; прочие же все народы как бы сиюна, которую извергает Господь из уст Своих. За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа, они рассеяны по лицу всей земли. Но во времена антихриста множество евреев обратится ко Христу, так как они поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия — не кто иной, как Тот, про Которого Господь наш Иисус Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не приняли Меня, иной придет во имя свое, и примут его». Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный пред Богом народ. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа. Во времена антихриста они совершенно отвергнут и не признают его Мессией, и за то удостоятся великого благодеяния Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого царства более всемогущественного Русско-Славянского не будет на земле.

Во Израиле родился Иисус Христос, истинный Богочеловек, Сын Бога Отца навигем Св. Духа, а среди славян и русских родится истинный антихрист-бесочеловек, сын

жены блудницы Данова поколения и сын дьявола через искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселятся в утробу ея дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рожденного антихриста и возвестит миру, что он есть истинный антихрист».

Текстуально близко к Великой Дивеевской тайне и записи, названной ее публикаторами «Антихрист и Россия», — «Извлеченные из воспоминаний Е. И. Мотовиловой из записок ее мужа Н. А. Мотовилова о преподобном Серафиме». Этот текст исходил непосредственно от вдовы Н. А. Мотовилова, минуя С. А. Нилуса:

«Так будет время, говорят батюшка о Серафим, когда нечестие архиереев русских превзойдет то нечестие архиереев греческих, которое было во времена Императора Феодосия Юнейшего (См. Четия Минея. 4 авг. Память 7 отроков Ефесских) и исполнится сказанное: «Приближаются ко мне люди сии устами своими и чтут Мя языком, сердца же их далече отстоят от Меня. Но тщетно чтут Меня, уча учением заповедям человеческим». Ибо под предлогом церковного и христианского прогресса, в угоду требованиям мира сего, будут изменять и извращать догматы (учение) и уставы Святой Церкви*, забывая, что они имеют начало от Самого Господа Иисуса Христа, научившего и давшего указания Своим ученикам, Св. Апостолам, о создании Церкви Христовой и ее правил, и заповедавшего им: «Шедше научите все народы тому, что Я заповедал вам.» (Мф. 28, 19).

Отсюда донныне сохранились дошедшие до нас правила и предания Св. Апостолов, которые разъяснены и утверждены окончательно раз навсегда и Св. Преемниками — Св. Отцами, руководимыми Духом Святым на семи Вселенских Соборах.

«Горе тому, кто одно слово убавит или прибавит, говорят батюшка о Серафим, — наша Церковь не имеет никакого порока; горе тому, кто дерзнет внести какие-нибудь изменения в Богослужение и уставы той Церкви, которая есть «Столп и утверждение Истины» и о которой Сам Спаситель сказал, что даже врата ада не одолеют ее; т. е., что она пребудет неизменно до конца — до второго пришествия.

Всякое желание внести якобы усовершенствование, изменения в правила и учение Св. Церкви, есть ересь, желание создать свою особую Церковь по измышлению разума человеческого, отступление от постановления Духа Святаго и есть хула на Духа Святаго, которая не простится во век. Так поступали и будут поступать все отпавшие от единения со Святой Апостольской Церковью, о чем Апостол Павел говорит: «Такие апостолы — лукавые делатели принимают вид апостолов Христовых и не удивительно, ибо и сам сатана принимает вид Ангела Света, повтому не великое дело, что и служителей его принимают вид служителей правды, но конец их по делам их». (2 Кор. 11, 13—14).

По этому пути пойдут архиереи Русской земли и духовенство и гнев Божий поразит их. Иисус Христос вчера, днес и во век все тот же и учения заповедей Его и все постановления утверждены Им раз навсегда без изменения, ибо все это есть истина, принесенная с Неба Самим Сыном Божиим. Науки, учения человеческие должны подлежать изменению в своем развитии, усовершенствовании, но данное нам Божественное учение не может быть изменено людьми, как неизменяем Сам Господь, установивший

---

* «Исаия, 19, 13» — рукописная пометка на полях машинописи. — *Сост.*

Св. Церковь и ея Таинства, поэтому, говорят батюшка о. Серафим, умствованиям человеческого здесь нет места. Почему Апостол и говорит: «Аще мы, или Ангел с Небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал. 1, 8).

И вот тогда-то произойдет то, о чем батюшка о. Серафим, часто говорил всем: «Не то будет диво, что мои кости поднимут, а то будет диво, когда убогий Серафим плоть свою перенесет в Дивеев. Тогда Дивеев будет диво всемирное, ибо из него изведет Господь Бог Свет Спасения не только для России, но и для всего мира во времена антихриста. Антихрист родится в России между Петербургом и Москвой, в том великом городе, который образуется (по соединении всех племен славянских с Россией) из Москвы и Петербурга, будет столицей русского народа и назван Москва-Петроградом, или градом конца, как его именует Господь Бог — Дух Святой.

До рождения антихриста в Церкви Русской будет Патриарх, затем будет созван 8 Вселенский Собор, цель которого: 1. Последнее предупреждение миру против всеобщего антихристианского ослепления — отступления от Господа Иисуса Христа; 2. Также для объединения и воссоединения всех Святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под единую Главу — Христа Жизнедавца и под единый покров Его Пречистой Матери; 3. Для окончательного проклятия всего масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства и всех подобных партий, под какими бы названиями они не появлялись, главные руководители которых имеют одну единую цель: под предлогом полного равноправного благоустройства земля с помощью нафанатизированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всем мире, и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству в лице единого самодержавного богоборного царя — одного над всем миром.

До рождения антихриста произойдет продолжительная война и страшная революция в России. По точному выражению о. Серафима, «превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунт Разинский, Пугачевский, Французская Революция ничтожны в сравнении с тем, что будет в России, произойдет гибель многих верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение Церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей; реки крови русской прольются, но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе.

Сатана был первый революционер и через то спал с Неба и между учением последователей его и учением Господа Иисуса Христа нет ничего общего, здесь огромная пропасть; Господь (через делание данных Им заповедей) призывает человечество на Небо, где обитает правда, дух тьмы обещает устройство рая на земле. Почему попытки лиц (даже духовных) доказать, что эти учения вытекают одно из другого, что они сходны между собой, слять эти учения воедино, помирать Бога с Велларом, есть дело безумное и не только Богу не угодное, но даже Богопротивное. И Господь, о сем предупреждая, сказал: «Многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я» (т.е. многие похожие на Мое будут проповедывать) — не верьте им». Собака белая, черная, пестрая, — все останется собакой, так все тайные и явные революционные общества, под какими названиями они не появлялись бы и какой бы благовидной видимостью они не прикрывались, имеют одну общую цель — борьбу и разрушение христианства, подготавливая почву антихристианству в лице грядущего в мир антихриста.

Евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые, прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь из уст своих. За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа — они рассеяны по лицу всей земли, но во времена антихриста множество евреев обратится ко Христу, т.к. поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия есть никто иной, как тот, про которого Господь наш Иисус Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего и не принял Меня, иной придет во имя свое и примут его». Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный Богом народ. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа, совершенно отвергнув антихриста и не признают его Мессией, и за это удостоятся великого благоволения Божия — будут первый и всемогущественный язык на земле, и другого царства, более могущественного Русско-Славянского в мире не будет, и сие и глагола Господь Бог устами древних пророков Святого Израильского Божьяго народа. Изыдет из уст Его глагол и не возвратится к Нему тот дондеже исполнит вся елика восхоте душа Его.

Во Израиле родился Иисус Христос — истинный Богочеловек — Сын Бога Отца — наитием Святого Духа, а среди русских родится истинный антихрист бесочеловек, сын жены блудницы из Данова поколения и сын дьявола чрез искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ее дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста (подобно Симеону Богоприимцу, благовестившему отрока Иисуса и возвестившего рождение Его миру), — проклянет рожденного и возвестит миру, что он есть истинный антихрист» (Россия перед Вторым пришествием. С. 404—408).

¹ *Архиепископ Аверкий (Таушев)* — см. прим. 10 к разделу «Архипастырское благословение»

² *Свято-Германовское братство* — основано в 1963 г. по благословению блаженного архиепископа Иоанна (Максимовича, память 19 июня/2 июля) и аляскинского пустынножителя Герасима в Сан-Франциско (США). После кончины Святителя Иоанна переместилось в горы северной Калифорнии, близ Платины. Членом этого братства являлся иеромонах Серафим (Роуз, 1934 †1982), замечательный подвижник нашего времени. Главное послушание братства — издательское. (См.: Русский Паломник. 1991. № 4. С. 15). С 1992 г. действует представительство братства в Москве.

³ В дневниках Л. А. Тихомирова имеются следующие записи по поводу прославления Преподобного Серафима:

«8.1.1903 г.

[...] Третьего дня заходил Погожев*, приехавший из Сарова. Там самые странные слухи: будто бы в могиле о. Серафима один пустой гроб, совсем без тела... В Дивеево говорят по этому поводу, что о. Серафим чудесно явится, согласно предсказанию, у них, ибо в Сарове его никогда не чтли. Монахи Саровские и теперь недовольны проектом открытия его мощей.

---

* *Евгений Николаевич Погожев* (21.4.1870 †1931) — русский духовный писатель, писавший под псевдонимом *Поселянин*. Расстрелян большевиками в феврале 1931 г. — *Сост.*

Все это очень странно. Между тем окончательная [?]. Комиссия для освидетельствования мощей должна быть в Сарове 10 Янв. В ней наш Митроп. Владимир, кн. Ширинский[-]Шихматов* и — по Высочайшему повелению — арх[имандрит] Серафим Чичагов. Последний во время Пажеского праздника (он был в Пажеском Корпусе) — имел аудиенцию у Государя, глаз на глаз, 40 минут.

Чичагов выходит главным членом, ибо Митрополит едет от Синода, Ширинский — от Обер-Прокурора, а Чичагов — от самого Государя. По расчету Комиссия должна была выехать вчера, но сегодня в газетах ничего не сказано.

Насчет исчезновения мощей — вероятнее всего — простая болтовня. Но что если правда? Что думать? И где мощи объявятся? И как же их открывать, если они исчезли?

Все это какие-то загадки.

По предсказанию о Серафима, передаваемому [?] по преданию, его мощи должны объявиться «при Царе Николае, в тяжелое для России время».. Ну, увидим, кто доживет. [...]

13 Янв. Видел Нилуса (Сергея Александровича), который из СПб. Передавал все те же толки, что гроб о. Серафима пуст. Передавал, что Митроп. Владимир говорил перед отъездом о. Анастасию (ректору), что народ нужно приучать к мысли о возможности причисления праведного к лику святых[,] хотя бы и не было мощей...

Это очень знаменательно, вернее [?] всяких толков.

Ну, конечно, — народ верит в святого, а не в постановление Синода. Уж если нет мощей, то постановление Синода ничего для народа не составит.

Я думаю, что факт явления чудес святых мощей даст в глазах народа некоторый авторитет Церковному Правительству. И уж особенно Синод[у]! Чтят священника, Епископа, Митрополита... Но о Синоде народ даже и не думает. Никогда за всю жизнь я не видал и не слышал ни единого факта, в котором можно было бы усмотреть какое-нибудь почтение у народа к Синоду.

15 Янв. Митрополит проехал прямо в СПб. Члены Комиссии вообще молчат. Но Нилус, бывший сегодня у меня, сообщил, что мощи несомненно имеются.

---

* Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (6.11.1862, Вильна †9/22.12.1930, Севр, Франция) — князь. По окончании Имп. Училища правоведения (1884) чиновник особых поручений при Эстляндском губернаторе кн. С. В. Шаховском. Прокурор Московской синодальной канцелярии (1894—1903), Тверской губернатор (1903), сенатор (1904), товарищ обер-прокурора Св. Синода (апр.—окт. 1905), уполномоченный Красного Креста в Манчжурии, обер-прокурор Св. Синода (26.4.—9.7.1906), член Государственного совета (с 9.7.1906), гормейстер. Член Русского собрания, вице-председатель (после гибели вел. кн. Сергея Александровича — председатель) Императорского Православного Палестинского общества, основатель Общества возрождения художественной Руси (1915). После революции переехал в Москву, где создал тайную группу монархистов для материальной поддержки Царской Семьи (см. запись в дневнике Государя 12/25.3.1918). Выехал в Литву по подложным документам (1.9.1918), отсюда в Польшу, Чехословакию, обосновался в Берлине (1920). На Общероссийском монархическом съезде в Рейхенгале (Бавария) в 1921 г. избран членом Высшего Монархического Совета. Последние годы жизни посвятил делам Палестинского общества.

Арх[им]. Чичагов, по осмотре, сказал Ломану*: «Доложите Государю, что все обстоит благополучно». Это, вероятно, условленная фраза. Путятин** же, занятый исполнением раки, спросил Митрополита Владимира: «Как же уготовлять раку — для открытых мощей или для закрытых?» Митрополит сказал: «Делайте для открытых»... Надо заметить, что рисунки раки делались Государыней, с участием и Государя.

Ну, если рака для «открытых» мощей, то стало быть действительно «все обстоит благополучно»...

Для меня лично, это было бы большим счастьем, я так нуждаюсь в чуде, что это истинная Божья милость. Я знаю о предсказаниях старца Серафима, когда еще не было и речи об открытии мощей. Все это сказано и записано много десятков лет назад: «При Царе Николае, в тяжкое для России время»... И я это знаю, т.е. слышал, еще до Николая II... Чудо документальное, из таких, какие годятся именно для типа «Фомы неверного [?]»...

Я и теперь еще сомневаюсь. Но когда мощи будут явно для всех открыты — это будет для меня великая помощь Божья. Хотелось бы помолиться: Преподобный Отче, Серафиме, моли Бога о нас грешных!

Очень отрадно также слышать о вере и благочестии Государя и Государыни, невыразимо отрадно. Со всем можно примириться, если есть у Царя и Царицы такая теплая, сердечная вера. [...]

18.1.[1903]

[...] Читал описание Серафимо-Дивеевского монастыря Чичагова. Какое невероятное обилие чудесного! Во всех событиях, во всех делах — чудо, чудо и чудо. Какое-то особое место Божьей благодати и происков сатаны. Кстати сказать, послал Архим. Чичагову свою брошюру [«Запросы жизни и Церковное Управление», М., 1902. — Г.К.] и маленькую поправочку к исторической проглядке в его прекраснейшей книге. Он не знает, кто такой Родышевский, по делу которого было первое гонение на Сарово. Объяснил ему, что это архимандр[ит] Маркелл, враг и обличитель Феофана Прокоповича. Оказывается, что гонение на новый зародыш святости произошло от первого служителя антихриста в России. Это тоже любопытно. [...]

29.1. Ночь.

[...] Получил письмо от Николая Японского (с карточкой).

Письмо от Новоселова.

Письмо от отца Серафима Чичагова.

---

* Д. Н. Ломан (1868 †1919) — офицер для поручений при Дворцовом управлении (с 3.6.1913), полковник. Ктитор Государева Феодоровского собора в Царском Селе. Уполномоченный Императрицы Александры Феодоровны по Царскосельскому санитарному поезду № 143. Начальник Царскосельского лазарета № 17 Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны.

** Михаил Сергеевич Путятин (1861 †?) — князь, штаб-офицер для поручений при Управлении гвардейской части Министерства Императорского Двора (1900—1911), позже генерал-майор, начальник Царскосельского Дворцового Управления.

Последнее очень приятно, давая надежду с ним познакомиться. Жаль только, что он еще не прочел брошюры. Он пишет из СПб. [...]

Самый счастливый из нас человек — Епископ Николай. Ясен, доволен, трудится, видит плоды трудов... Ну конечно[,] он вполне заслужил это. Пошла ему Господь и впредь.

Мы же все [...] мучаемся, нервничаем, бьемся как рыба об лед, и не видим ни искры толка от своей деятельности белки в колесе...

Кто виноват? Мы ли сами, Россия ли? Или то и другое? Вероятно, и у нас есть счастливые люди, как старец Варнава [sic! Гефсиманский], о. Иоани Кронштадтский... Живут в той же смятенной, несчастной России, сбившейся с панталыку. И однако счастливы, хотя, как о. Иоани, прекрасно видят все безобразия и их облачают. О. Иоани даже говорят о «последних временах», но — счастлив.

Выходит, что только те и счастливы, кто с Богом. Из нас самый счастливый Новоселов, но он, конечно, более всех с Богом.

18.2.

[...] Меня крайне огорчает то, что по всем слухам (Еписк. Трифон знает от Митрополита) — мощи о.Серафима не нетленны... А я так нуждался бы в чуде наглядном, которое не столько в мощах[,] как в предсказании...

Елена Петровская пишет сегодня, что мощи — нетленные. Но, что они там знают в Дивееве? Никому этого не показывали...

Это мне большой удар».

(ГАРФ. Ф. 634.1.11. Л. 104–105, 113, 114, 119, 128, 137. Выписки предоставлены Г. Кремневым).

ИГУМЕН МАНУИЛ...

Печатается по: *Нилус С. А.* Игумен Мануил (в схиме Серафим), основатель Рождество-Богородичного монастыря в Церковщине под Киевом и Свято-Георгиевского Скита близ [города] Умани Киевской губ[ернии]: I. Автобиография, составленная С. А. Нилусом по материалам, собранным послушником Саввою Буренком; II. Келейные записки Саввы Буренка. Киев: Типография бывшей 1-й Киевской Артели Печатного Дела (Трехсвятительская, 5), 1919. 143 с.

Единственный доступный для настоящего издания экземпляр книги оказался дефектным — часть страниц имеют обрезанные края. Утраченный текст обозначается квадратными скобками. Предположительное чтение оговаривается особо в постраничных сносках.

¹ *Епископ Серафим (Аретинский) Воронежский (1865–1886)*. Архиепископ с 1871 г.

² *Белгородский женский Рождество-Богородичный монастырь*, 3 кл. Основан в XVII в. Имел при себе школу.

³ Успенский Валуйский мужской общежительный монастырь, заштатный. Основан в 1613 г. Царем Михаилом Феодоровичем. Там находилась чудотворная икона Свт. Николая.

⁴ Белобережская Иоанно-Предтеченская общежительная мужская пустынь, за штатом. Располагалась на урочище Белые Берега, при р. Снежоти. Основана ок. 1661 г. иеромонахом Серапионом (в схиме Симеоном). Здесь находилась принесенная им Белобережская икона Божией Матери Треручица. В монастыре подвизались многие старцы.

⁵ Воскресенский, Новый Иерусалим именуемый, ставропигиальный мужской монастырь, 1 кл. Основан Свят. Патриархом Никоном в 1657 г. по образцу Иерусалимского храма Воскресения Господня и прилегающих мест Святой Земли.

⁶ Площанская Богородицкая мужская пустынь, за штатом. Существовала с XVI в., после разорения литовцами восстановлена ок. 1620 г. иеромонахом Киево-Печерской Лавры Прокопием.

⁷ Звенигородский Саввино-Сторожевский мужской монастырь, 1 кл. Основан преп. Саввою Звенигородским и кн. Юрием Дмитриевичем в 1398 г. — учеником и крестником Преподобного Сергия Радонежского.

⁸ Иеромонах Даниил Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом — неустановленный подвижник.

⁹ Гефсиманский (Черниговский) скит при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре основан в 1844 г. святителем Филаретом (Дроздовым). В 1852 г. в скит была передана чудотворная икона Черниговской-Ильинской Божией Матери.

¹⁰ Пустынь Параклит (от греч. *paraclitos*, Утешитель — одно из имен Духа Святаго, присвоенное Самим Спасителем) при Черниговском Гефсиманском скиту основана в 1861 г.

¹¹ Отец Иаков, насельник Свято-Духовой пустыни Параклит — неустановленный подвижник.

¹² Ятер (дял.) — сеть, мережа. Происходит от глагола «ятн» — брать, поймать, овладеть.

¹³ Святогорская Успенская заштатная общежительная пустынь в Харьковской епархии при р. Северном Донце, в местности «Св. горы», в 35 верстах от уездного гор. Изюма. Основана, по одним сведениям — в 1-й пол. XIII в. киевскими иконами, бежавшими после погрома Киева Батыем в 1240 г., по другим — в XIV в. Неоднократно подвергалась набегам татар. В 1787 г. упразднена с обращением монастырского храма в приходскую церковь. Восстановлена в 1844 г. по просьбе и на пожертвования местных помещиков А. М. и Т. Б. Потемкиных. Имела 8 храмов. В соборном — над царскими воротами находилась древняя икона Успения Божией Матери, подаренная наместником Патриарха Иерусалимского Мисаилом послушнику Глинской Пустыни Алексею Митрофанову (впоследствии по возобновлении Святогорской пустыни настоятель — архим. Арсений). От входа в пещеры на гору, называемую Фавором, где находится храм Свт. Николая Чудотворца, была устроена так называемая Кирилло-Методиевская лестница в 511 ступеней, представляющая крытую галерею с 16-ю площадками, 2-мя башнями и 22 переходами.

В возобновленную Святогорскую обитель вместе с архимандритом Арсением (Митрофановым) был переведен из Глинской пустыни на должность эконома

о. Иоанникий (Крюков) — впоследствии затворник *церосхимонах* Иоанн. Будучи экономом, он расчистил и расширил двумя вновь выкопанными приделами древний пещерный храм, засыпанный с прошлого столетия и поросший лесом. Об этом древнем храме рассказал настоятель монах Мафусаял, бывший в обители послушником еще до ее закрытия в 1787 г. Он говорил, что над тем местом, где устроили пещерный храм, монастырский духовник видел по ночам свет. Храм был открыт под руководством эконома Иоанникия, который собственноручно вырубил из цельного дикого камня престол.

В 1849 г. о. Иоанникий рукоположен во иеромонаха и назначен духовником для богомольцев. Через некоторое время по благословению епископа Фларета Харьковско-го (Гумилевского) ушел в затвор. Через полтора года после этого тем же преосвященным пострижен в схиму с именем Иоанн. Прославился многими духовными подвигами — необыкновенным воздержанием и смирением. Избегая славы от людей, принимал в своих словах облик юродивого, делал вид, что беспокоится о земном. Мирно отошел ко Господу 11 сент. 1867 г. После кончины его могила была ознаменована множеством исцелений и чудес. Особенно часто получала избавления от недугов одержимые нечистыми духами (*Поселянин Е. Русские подвижники XIX в. СПб., 1910. С. 442—452*). Интересно, что труды подъятые впоследствии игуменом Мануилом по восстановлению пещерных храмов Церковщины, напоминают деяния о. Иоанна.

¹⁴ *Выдубецкий (Выдубицкий) Михайловский мужской монастырь*, 1 кл. Расположен на окраине Киева. Основан Вел. Кн. Всеволодом Ярославичем в сер. XI в.

¹⁵ *Свято-Троицкий мужской монастырь*, на окраине Киева, рядом с Выдубицким монастырем. Основан в 1864 г. архимандритом Ионою (Мирошниченко, см. след. прим.) на пожертвования Киевского генерал-губернатора кн. А. Васильчикова.

¹⁶ *Архимандрит Иона*, основатель Свято-Троицкого Киевского монастыря (в миру Иоанн Мирошниченко, в схиме — Петр, 1874 † 9.1.1902).

¹⁷ *Петропавловская мужская пустынь*, за штатом. Находится рядом с городом Раненбургом. Основана в 1711 г. иждивением кн. Меншикова.

¹⁸ *Святой Феодор-столпник Едесский*. Здесь, по-видимому, ошибка. 9 июля совершается память Святителя Феодора епископа Едесского (IX в.). Он часто посещал столпника Феодосия, подвизавшегося около монастыря Св. вмч. Георгия близ Едессы, с которым проводил духовные беседы. Рассказ, приведенный ниже, был услышан свт. Феодором в ответ на его просьбу преп. Феодосию рассказать сколько времени он живет на этом столпе и «ничего не скрывая... все о своей жизни» (см.: *Житие святого отца нашего Феодора, епископа Едесского // Жития Святых... Св. Димитрия Ростовского*. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1992. Кн. 11. Июль. С. 231—234).

¹⁹ *Святитель Феодор, епископ Едесский*. См. предыд. прим.

²⁰ *Митрополит Исидор (Никольский) Санкт-Петербургский* (1860—1892).

²¹ *Киево-Введенский женский общежительный монастырь* (на Печерске). Учрежден в 1901 из женской общины, основанной в 1878 г.

²² *Казанский общежительный женский монастырь* в г. Вышнем Волочке. Основан в 1881 г. из существовавшей с 1872 г. женской общины.

²³ *Митрополит Феогност Киевский и Галицкий* (в миру Георгий Иванович Лебедев, 1829 † 22.1.1903) — почетный член Московской, Санкт-Петербургской и Казанской Духовных Академий. Возведен в сан митрополита 13.8.1900 с определением

на Киевскую и Галицкую митрополию и Киево-Печерские Успенские Лавры Священно-архимандритом. Погребен в Киево-Печерской Лавре.

²⁴ *Архиепископ Димитрий Одесский и Херсонский* (в миру Михаил Георгиевич Ковальницкий, 26.10.1839 † 3.2.1913) — с 1898 г. ректор Киевской Духовной Академии и настоятель Киево-Братского монастыря, с 26.3.1905 — архиепископ Херсонский и Одесский. С 22.4.1906 по 1907 — член Государственного Совета. «В качестве епархиального владыки Высокопреосвященный Димитрий проявил широкие и многосторонние административные способности, всюду быстро приводя в порядок епархиальные дела и организуя просветительные и миссионерские учреждения... В личных отношениях с подчиненными глубоко симпатична была та особая искренность, умение понять и простить их. Будучи епископом Тамбовским, в 1903 году участвовал в освидетельствовании мощей преподобного Серафима Саровского перед их открытием и в самом открытии мощей» (*Митрополит Мануил (Лемешевский)*). Указ. соч. Т. III. С. 45–46).

²⁵ *Преподобный Феодосий*, игумен Печерский (1009 † 3.5.1074), ученик преп. Антония († 10.7.1073). Память 3 мая и 14 августа (ст. ст.).

²⁶ Древнее поселение в *Ходосовке* является одним из памятников археологической зарубинецкой культуры (II в. до Р.Х.—II в. по Р.Х.).

²⁷ *Св. Симон (Шимон) варяг* — «зодчий греческой земли», архитектор Киево-Печерского Успенского собора. В середине XI в. во Влахернском храме Богородица являлась двенадцати святым греческим зодчим, во главе с мастером Симоном и, дав им чудотворную икону Своего Успения, венчик Христов, мощи 7 мучеников и золото, показала на воздухе церковь, заповедав воздвигнуть ее в Киеве. За модуль храма Богоматерь повелела взять пояс, висевший на домашнем Распятии Симона. Прибыв под начало преп. Антония, греки начали строительство в 1068 г. Как показал кандидат архитектуры В. Я. Клименко, размеры пояса и закладной иконы утвердились в русском храмоздательстве, как числовые соотношения архитектурных элементов, освященные Самою Пречистою Девой.

²⁸ *Князь Изяслав Мстиславич* (1096 † 1154) — сын Великого Князя Мстислава Владимировича, внук Великого Князя и Царя Владимира Всеволодовича Мономаха. С 1146 г. — Великий Князь Киевский. Соперничал с Вел. Кн. Юрием Долгоруким.

²⁹ *Половцы* (команы, кяпчаки) — кочевой тюркоязычный народ, кочевавший по Восточной Европе в X—XIII вв.

³⁰ *Преподобный Герасим Вологодский* († 4.3.1178), основал в августе 1147 г. *Троицкий Кайсаровский монастырь*, разоренный поляками в 1612 г. После того была возобновлена только Свято-Троицкая церковь (с 1717 г. каменная).

³¹ *Киевский Гнилецкий (Глинецкий, Глушенский) Богородицкий скит* в урочище «Церковщина» близ с. Лесники (ныне Ходосовки).

³² *Архиепископ Иннокентий* (в миру Иван Алексеевич Борясов, 15.12.1800 † 26.5.1857), *Херсонский и Таврический* — духовный писатель, проповедник. В 1823 г. окончил Киевскую духовную академию, где уже проявил свою одаренность. Преподавал в Петербургской духовной семинарии, вскоре назначен ректором Александро-Невского духовного училища. Книга «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» (1828—1830) приобрела широкую известность. С 1830 по 1841 г. — ректор Киевской Духовной Академии. Владыка Иннокентий поддерживал близкое знакомство

со многими русскими писателями, деятелями науки и культуры: Н. В. Гоголем, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным, А. С. Хомяковым, А. С. Норовым, С. С. Уваровым. Переписывался с историками и археологами (О. М. Бодянским, И. М. Снегиревым, Н. Н. Мурзакевичем). По его инициативе велись раскопки в Крыму, изучение и реставрация собора в Пицунде и т.п.

³³ *Киворий* (от лат. *siborium*) — ковчег или дарохранильница, в которой хранятся Божественные дары после их освящения. Полагается на престоле.

³⁴ *Параман* (от греч. *paramandy*, т.е. прибавление к мантии) — часть монашеского облачения: четырехугольный наплечник со шнурками, объемлющий все плечи инока.

³⁵ *Аналав* (от греч. глагола *analambanein*, воспринимать) — часть монашеского облачения. Не следует путать с параманом (см.: Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леониды (в схиме Льва). Введенская Оптина пустынь, 1991. С. 63).

³⁶ *Сандалии* — монашеская обувь.

³⁷ *Епископ Платон Чигиринский* (в миру Порфирий Рождественский 23.2.1866 †20.4.1934). Овдовевший сельский священник (поступил в Киевскую Духовную Академию в 1891), пострижен в 1894 г. С 1902 — ректор Киевской Академии, 3.6.1902 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, был настоятелем Киево-Братского монастыря. С 8.6.1907 — архиепископ Алеутский и Северо-Американский. С 1914 — архиепископ Кишиневский и Хотинский, в 1915-1917 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. Именно он благословил Вел. Кн. Николая Николаевича просить Императора Николая II об отречении. Участник Собора 1917–1918 гг. С 9/22.2.1918 — митрополит Одесский и Херсонский. В 1920 г. эмигрировал в США. В сентябре 1923 г. Свт. Тихоном назначен Управляющим Северо-Американской епархией с освобождением от управления Херсонской и Одесской еп. в России. Назначен на эту же кафедру Синодом Русской Православной Церкви Заграницей. С 16.1.1924 уволен Свт. Тихоном от управления Северо-Американскими приходами, однако приказа не выполнил и продолжал управлять епархией. В 1923 объявил Американскую Церковь автономной. 16.8.1933 запрещен в священнослужении Митрополитом Сергием, в расколе не покаялся. 19.4.1946, внимая просьбе папсты митрополита Платона, Свят. Патриарх Алексий разрешил совершать панихиды по митрополите Платоне.

³⁸ *Базилика* — прямоугольное в плане храмовое здание, состоящее из трех или пяти частей (нефов), отделенных друг от друга рядами колонн.

³⁹ *Ризница* (*диаконик*) — хранилище риз (священнических одежд). В обычном храме туда ведут южные двери иконостаса.

⁴⁰ *Пономарня* — помещение, где сохраняются уголья, вода, свечи и т.п., находящиеся в ведении пономарей. В обычном храме туда ведут северные двери иконостаса.

⁴¹ *Притвор* (предхрамие, трапеза, паперть) — ближайшая ко входу часть храма, от молитвенного или среднего храма отделяется стеной, в которой находятся одни или три двери. Знаменует собой благочестивых людей, разделяющихся на переев, верных и находящихся в покаянии.

⁴² *Епископ Антоний Черниговский и Нежинский* (в миру Яков Григоревич Соколов, 9.10.1850 †20.4.1911) с 3.9.1893. Подвижник и аскет, в течение последних лет вел затворническую жизнь. Избегал фотографироваться.

⁴³ *Иеросхимонах Варнава* (в миру Василий Ильич Меркулов, 24.1.1831 † 17.2.1906) — знаменитый «старец-утешитель» Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре.

⁴⁴ *Киево-Слуцкий Николаевский мужской монастырь*, 1 кл. Находится в г. Киеве на ул. Никольской. Основан в начале XII в. Вел. Кн. Мстиславом I.

⁴⁵ *Митрополит Флавиан Киевский и Галицкий* (в миру Николай Городецкий, 26.7.1840 † 29.8.1911) с 1.2.1903. Проводил чрезвычайно добродетельную жизнь, прославился как нищелюбец. Почитал Митрополита Павла Тобольского (Конюсевича), возбуждал ходатайство пред Свят. Синодом в его прославлении в 1914—15 гг. Скончался в день его преставления. Перед кончиной вл. Флавиану были возвещены в видении грядущие судьбы Русской Православной Церкви (см.: *Всероссийский Церковно-Общественный Вестник*, 1915, ноябрь).

⁴⁶ *Антоний «Болящий»* († 1905) — насельник Грановского Подольского монастыря. Неустановленный подвижник.

⁴⁷ *Спасо-Преображенский Грановский мужской монастырь*, 2 кл. Существует с XVII в.

⁴⁸ *Прокламация* (лат. *proclatio*) — воззвание, листовка агитационного (в данном случае революционного) характера.

⁴⁹ *Епископ Павел Чигиринский* (в миру Павел Григорьевич Преображенский, 1843 † 18.9.1911) — первый викарий Киевской епархии. С 1.7.1900 служил кафедральным протоиереем Киево-Софийского собора. До пострижения в монашество (1908) являлся членом многих благотворительных и просветительных обществ. Хиротонисан 26.10.1908, одновременно был назначен настоятелем Киево-Михайловского Златоверхого монастыря. Кончина его последовала при следующих обстоятельствах: он облачился, чтобы служить панихиду, произнес возглас «Благословен Бог наш...», вдруг зашатался и упал (*Митр. Мануил. Указ. соч. Erlangen, 1987. Т. V*).

⁵⁰ *Штундиам* (от нем. *stunde*, час) — славшаяся с баптизмом секта немецкого происхождения, распространившаяся в России с 1860-х годов.

⁵¹ Пс. 41, 2.

⁵² *Епископ Феодосий Уманский* (в миру Петр Николаевич Олтаржевский, 1.12.1867 † 26.7.1914) — с 3.1.1908, второй викарий Киевской епархии, ректор Киевской Духовной Академии. Впоследствии — епископ Оренбургский и Тургайский. Духовный писатель, аскет.

⁵³ Тов. 12, 7.

⁵⁴ *Епископ Иннокентий Каневский* (в миру Илья Ястребов, 16.7.1867 † 22.5.1928) с 29.6.1906, викарий Киевской епархии. Магистр богословия, исполнял должность доцента в Казанской Духовной Академии. Председатель Киевского отделения Союза Русского Народа. 6.10.1910 назначен ректором Киевской Духовной Академии и управляющим на правах настоятеля Киево-Братским Благовещенским монастырем. В 1914—15, 1917—18, 1918—22 гг. — епископ Полоцкий и Витебский. С 1927 г. — архиепископ Астраханский.

⁵⁵ Мф. 7, 16—20.

⁵⁶ 1 Пет. 5, 8.

⁵⁷ 1 Кор. 15, 41.

⁵⁸ *Едем (Эдем)* (от древнеевр. приятность, сладость) — один из эпитетов Рая, насажденного Богом на Земле (Быт. 2,8). Местонахождение Эдемского сада пока не выяснено, хотя существует несколько предположений относительно этого (Северный и Южный полюса, Африка (Ефиопия, Абиссиния), Армения, Палестина, Сирия, Месопотамия, о. Цейлон).

⁵⁹ *Мантия* (от греч. *manteia*, пророчество; лат. *pallium*, епанча) — верхняя монашеская одежда, которую имеют право носить только после пострига.

⁶⁰ *Эпитрахиль* (епитрахиль, от греч. *trachelos*, шея; букв. нашейник) — главное священническое одеяние. Символизирует совершительную и свыше сходящую благодать Св. Духа.

⁶¹ *Антидор* (греч. *agia dwga*, святые дары) — часть той просфоры, из которой взята была часть св. агнца во время литургии.

⁶² *Корчик (корец)* — ковшичек.

⁶³ *Теплота* — вскипяченная горячая вода, вливаемая в потир после освящения святых даров. Символизирует животворность Тела и Крови Господней.

⁶⁴ *Пономарка* — то же, что и пономарня. См. прим. 40.

⁶⁵ «*Птицы же — это наша певчая братия*». Сказанное о Мануилом раскрывает символику христианского города и, шире, Христианского Домостроительства. Согласно этим представлениям, улицы города воспринимались как ветви Древа Жизни, дома — как листья, кладбища — как корни, храмы — как плоды, а монастыри и их насельники — как певчие птицы.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Печатается с сокращениями по: Воспоминания кн. Н. Д. Жевахова. Новый Сад, 1928. Т. 2.

⁶⁶ *Владимир Давидович Жевахов*. См. прим. 41 к Краткому жизнеописанию., 1 ч. наст. изд.

⁶⁷ Н. Д. Жевахов излагает здесь, по памяти, несколько иную версию жизни игумена Мануила, нежели та, которая присутствует в книге С. А. Нилуса.

⁶⁸ *Святитель Митрополит Владимир (Богоявленский)* Киевский и Галицкий. См. врезку к разд. «Архипастырское благословение».

⁶⁹ *Князь Димитрий Владимирович Жевахов (1870 †1919)*, председатель Киевского окружного суда, был расстрелян по приговору ЧК 14 июля 1919 года. (Киевлянин/ ред. В. В. Шульгин. 1919. № 3. С. 1; № 14. С. 1). См. о нем: Воспоминания кн. Н. Д. Жевахова. Т. 2. С. 103–109.

II

ПИСЬМА

1

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 213.104.46. Л. 1–3. Впервые опубликовано: Багдасаров Р., Стрижев А. Сергей Нялус в Оптиной Пустыни // Литературный Иркутск. 1991. Январь. С. 12–13.

¹ *Монахиня Юлия*, насельница Казанской Горской Амвросиевской женской пустыни в Шамордино. Пока неустановленное лицо. Письмо относится к недолгому периоду в жизни Сергея Александровича, когда он, после продажи родового имения, был вынужден поступить на государственную службу.

² Имеется в виду «письмо одной русской учительницы, попавшей в знаменитый женский монастырь средней России», опубликованное В. В. Розановым в пору его антимонашеского запала: Лемонкина О. Призрение детей в монастырях/ [Вступ. зам-ка] В. В. Розанова // Новое Время. 10.4.1905. № 10452. С. 2. Исполнявшую монастырское послушание в школе-приюте учительницу возмущали физические наказания детей, спящих и соблюдение ими положенных постов. Статья характерна для газетной кампании, проводимой тогдашней интеллигенцией за либерализацию Церкви.

2

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 765.10.78. Л.3.

Адресовано «Его Преосвященству Никону Епископу Серпуховскому» в Московский Данилов монастырь. На обратной ст. цв. открытки «Вид Николо-Бабаевского монастыря Костромской губернии и уезда на р. Волге».

³ Судя по всему, имеется в виду архимандрит Иосиф настоятель Иверского Валдайского монастыря (см. Краткое жизнеописание... в 1 ч. наст. изд.). По всей вероятности, письмо относится к периоду между пребыванием супругов Нялусов в Николо-Бабаевской обители и на Валдае, в гостях у о. Иосифа.

⁴ *Николо-Бабаевский мужской монастырь*, заштатный. Находился близ посада Большие Соли, в 35 верстах от Костромы на берегу Волги. Основан в XV в. Здесь находились чудотворные иконы Божьей Матери: Казанская и Иверская, и икона Свт. Николая, являвшаяся на бабайках (весла от плотов).

3

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 765.10.78. Л.1.

⁵ *Игуменья София* (в миру княгиня Ольга Александровна Шаховская, урожд.

Озера, кон. 1840-х †1926), принявшая управление Вировским монастырем во имя Спаса Всемилостивого (на Западном Буге) и Зарайскою общиной. См. о ней подробные сведения в: *Мон. Таисия [Карцова]. Русское православное женское монашество XVIII—XX вв.* Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 192–194, а также прим. 54 к «Краткому жизнеописанию» в 1 ч. наст. изд.

⁶ Речь идет о книге «Святые под спудом: Тайны православного монашеского духа» (Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911), первоначально публиковавшейся в 1910–1911 гг. журналом «Троицкое Слово», редактором которого являлся Преосвящ. Никон (Рождественский).

⁷ Владыка Никон мог переписываться с настоятелем обители *Архимандритом Иосифом*.

⁸ По-видимому сотрудник еп. Никона по «Троицкому Слову» в др. изданиях — *архимандрит Неофит* (агнограф северных подвижников благочестия нового времени, в будущем — епископ).

⁹ «Жатва жизни: пшеница и плевелы» (С. Посад, Тип. Св.-Троицк. Серг. Лавры, 1908 (Троицкая народная беседа, кн. 46)) была впоследствии дополнена VI и VII записями. См.: На берегу Божьей реки, часть 2 (Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992, с. 82–88).

4

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л.294.

¹⁰ Имеется в виду книга протоиерея С. Четверикова. См. прим. 18 к разд. «Архипастырское благословение» наст. изд.

5

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л.293.

Пометка письмоводителя наверху письма:

«К личной переписке».

6

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л.18.

Приписка письмоводителя: «Уже послано поздравление». Открытка с видом: «Г. Валдай. Паром на Валдайском озере».

7

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л.64.

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.96.29. Л. 17. На оригинале проставлена галочка синим карандашом (знак письмоводителя, что ответ отправлен).

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.96.29. Л. 18.

¹¹ *Назаретская женская пустынь* (основана в 1864) — в 16 верстах от Костромы, была приписана к Богоявленскому Анастасииному женскому монастырю. При пустыни находилось начальное училище для девочек и санитарное учреждение, возникшее по мысли Императрицы Марии Феодоровны. Оно (как и три других лечебницы при Анастасиином монастыре) содержалось при ежегодном пособии от главного управления Общества Красного Креста, в котором до замужества сотрудничала Елена Александровна. В начальное училище, скорее всего, Нилусы пристроила, находившуюся у них на воспитании девочку Любочку.

¹² В августе 1915 г. С. А. и Е. А. Нилусы вновь просили разрешить им поселиться при Оптиной Пустыни. См. раздел «Оптнская смута...» ниже.

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.96.29. Л. 19. Там же отметка письмоводителя об отправке ответа 5 мая 1916.

¹³ Екатерина А. Львова — духовная дочь старца Нектария. См. ее письмо к о. Нектарью: ОР РГБ. Ф. 213.96.27. Л. 10, а также прим. 36 к «Краткому жизнеописанию».

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.104.47. Л.1—2. Частично опубликовано в кн.: Россия перед Вторым Пришествием. С. 110—111.

¹⁴ *Иеродиакон Кирилл* (в миру Кирилл Евдокимович Зленко, 1888 †19.7/1.8.1929). Родился в дер. Паск Пирятинского у., Полтавской губ. Происходил из крестьян, окончил сельскую школу. В Оптинский Скит переведен из монастыря 26.1.1907. Письмоводитель старца Варсонофия, был близок с братьями Николаем (будущим иеромонахом Николом) и Иваном Митрофановичами Беляевыми (см. прим. 13 и 16 разд. «Оптнская смута»). В ноябре 1908 выбыл на военную службу. *И. М. Беляев* в своих «Воспоминаниях» записал о нем: «Кирилл Зленко... Вот имя, которое мне до сего времени так же дорого и близко, как имена брата, о. Кукши, о. Геронтия! Се человек! Се, воистину израильянин, в нем же льсти несть! Он был письмоводителем личным у Батюшки. [...] Его нельзя было не любить и не уважать,

и не преклоняться перед его кристально-чистой душой. Долго давалась его военная служба среди соработников, чуждых духовной жизни и нравственности. Но, к нему, как к ртути, никакая грязь не пристала. И ничто не вознесло его мыслей о себе. Всегда он искренно считал себя ниже других, как та же самая ртуть. Вернулся он с военной службы только в Голутвни [куда был в 1912 г. переведен настоятелем схархим. Варсонофий. — *Сост.*]. Там нужно было заниматься и монастырским письмоводством, и старческой перепиской. Теперь мне это странно, но прежде Кирюши я просил Батюшку освободить меня от его писем и передать их Кирюше, а за мною оставить казенную переписку. Батюшка никак не согласился, и на официальную монастырскую переписку поставил Кирюшу. [...] И был Кирюша при Батюшке во изгнании со мною и о. Григорием Ермаковым (впоследствии иеромонахом Геронтием), до самой кончины его, когда только мы трое стояли у смертного ложа его. Потом все трое, вместе с гробом Батюшки вернулись в Оптину» (цит. по списку мон. Марии (Добромысловой)).

В момент возвращения в Оптину о. Кирилл был уже монахом (по-видимому пострижение произошло в Старо-Голутвинском монастыре): 9.4.1913 «вместо поучения на литургии [перед погребением старца Варсонофия. — *Сост.*] мон[ах] Кирилл сказал прощальную речь старцу от духовных чад его» (ОР РГБ. Ф. 214.367).

С 1913 г. о. Кирилл подвизался в монастыре, где 24.6.1913 был посвящен в иеродиаконы преосв. Георгием, еп. Калужским. В 1916 г. — снова в Скиту, исполнял должность «библиотекаря и учителя». Именно к этому периоду относится письмо С. А. Нилуса.

После окончательного разгона обители в 1924 г. иеродиакон Кирилл жила в г. Козельске на одной квартире с иеромон. Никоном (Беляевым). Оба посещали Успенский собор, где пели на клиросе. «Есть сведения, что в... 1925 году о. Никон с о. Кириллом неделю гостили в Кieve, в Покровском монастыре, где по просьбе игуменья Софии постригла много послушниц в мантию». В 27.1/19.2.1927 выслан в Туркестан с келейницей Анастасией Бобковой. Там его здоровье было окончательно подорвано (еще будучи скитским послушником, о. Кирилл заболел туберкулезом). Вернувшись из Кзыл-Орды, они поселились в Белеве, откуда были высланы после ареста последнего оптинского настоятеля схархимандрита Исаакья (Бобрикова, см. прим. 11 «Оптинская смута»).

«О. Кирилл почитал себя недостойным великого дара жизни и не устал благодарить Бога. «Слава Тебе, Господи, слава Тебе», — восклицал он по многу раз на дню, а на смертном одре непрестанно. За несколько дней до кончины у него пошла горлом кровь, и о. Севастиан [Фомни] привообщил его. Рано утром 19 июля (1 августа) в день Преп. Серафима... о. Кирилл принес свою последнюю в жизни исповедь. «Слава Тебе, Господи», — произнес, приложившись к Евангелию, и перекрестился. Это были его последние слова. [...] Отпевали на Пророка Илью» (Ильинская А. В. Страницы жизни шамордянской схимонахини Серафимы // Литературная учеба. 1990. Кн. 5. С. 29–30). Знаменательно, что оба — и С. А. Нилус, и о. Кирилл скончались в 1929 г. в дни памяти Преп. Серафима (зимний и летний).

¹⁵ Имеется в виду письмо епископа Феофана (Быстрова) Полтавского от 24.11.1915. См. раздел «Архипастырское благословение».

¹⁶ Им мог являться А. И. Введенский, профессор Московской Духовной академии, разделявший многие взгляды С. А. Нилуса.

¹⁷ См.: Россия перед Вторым Пришествием. С. 109–111, 266–270.

¹⁸ *Свято-Троицкий женский монастырь*, 3 кл., в 3 верстах от местечка *Сатанова* [румунско-молдавское *Satul Nou*, *Новое Село*]. Основан в XVI в.; в XVIII в. им завладела унвата, в 1795 г. обращен сначала в православный мужской, а затем — женский монастырь.

12

Рукопись письма находилась в Оптином архиве. Печатается по машинописной копии из архива А. Н. Стрижева. Большая часть письма впервые опубликована в кн.: *Россия перед Вторым Пришествием*. С. 111—114, 177—180.

Иеродиакон Зосима (в миру *Стефан*, 1872 † после 1917) — келейник оптинского старца *Иосифа*, после его кончины — о. *Нектария*. Из крестьян *Жиздринского у.*, *Калужской губ.* Поступил в Скит 3.12.1896, пострижен в рясофор 16.4.1899, в мантюю — 16.12.1907, рукоположен во иеродиакона 1.4.1911. До назначения келейником старца проходил послушание пасечника (так упомянут *Оптинской Летописью* в 1900 г.).

¹⁹ Об обстоятельствах записи видения свидетельствует племянница духовного писателя:

«Видение послушницы *Ольги*» было записано в *Киевском Покровском монастыре* заботами Матери игумении *Софии* (*Гриневой*) в апреле 1917 г.

Юная Ольга была послушницей *Ржищева монастыря*. Если я не ошибаюсь, этот монастырь был подчинен *Покровскому*. В последнем была устроена встреча *Ольги* и ее старшей с писателем *С. А. Нилусом*, который и записал все, что ими было рассказано.

Еще в самом начале правления временного правительства, когда церковью не закрыли и монахов не преследовали, а Государь с Августейшей Семьей еще находился под арестом в *Царском Селе*, а именно в мае 1917 года, мне пришлось быть на *Украине*. Здесь я имела счастье познакомиться с игуменией *Софией*. С этих пор мне известно и все содержание рукописи. Позднее я ее получила на хранение.

Сан-Франциско.
Июнь 1955».

(*Православная жизнь*. *Джорданвилль*, 1955. № 10. С. 8—9).

²⁰ *Ржищевский Спасо-Преображенский женский монастырь*, 2 кл. Находятся в 83 верстах от *Киева*, близ места *Ржищева*. Основан в XVII в. и сначала был мужским. В 1735 г. обращен в женский. При монастыре находилась школа грамоты с обучением рукоделю, богадельня и странноприимница.

²¹ *Послушница Ольга Зосимовна Бойко* (1903 †?). См.: *Россия перед Вторым Пришествием*. С. 177—190.

Суть этого видения была известна и оптинскому старцу *Нектарию*. Об этом свидетельствует, хотя искаженная (неверно названа дата; видение до 1955 г. не печаталось), запись *Е. Г. Рымаренко* (1894 † 1.10.1967), супруги о. *Адриана* — впоследствии архиеп. *Андрея* (15.3.1893 † 12.7.1978), *Рокландского*. Вспоминая беседу 27.1.1923, она пишет: «Зашел разговор о последних временах. Батюшка [о. *Нектарий* — *Сост.*] сказал: «*Нилус*, правда, написал свою книгу давно, когда еще мало говорил об этом, но он все-таки очень увлекается в своих заключениях. Вот ты в этом деле и батюшке своему

[о. Адриану — Сост.] почаще говори: “Умерьте свои восторги”. Нилус в своей книге поместил письмо одной девятицы, в котором она описывает свой сон. Ей видялись святые на небе, которые сказали, что конец будет в [19]24-м году, но может еще будет отсрочка” » (Рымаренко Е. Г. Воспоминания об оптинском старце иеромонахе Нектарии. // Православная жизнь. Джорданвилль, 1954. № 6. С. 13).

Примечательно, что старец Нектарий пересказывал это видение своим духовным чадам. Вот что говорил он одному из них: «Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на Престоле, а около Него двенадцать апостолов, и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: когда же, Господи, прекратятся эти муки, и отвечает ему Иисус Христос, даю Я сроку до [19]22 года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут» (Прот. Василий Шустин. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М., 1991. С. 46–47).

²² *Голосеевская пустынь* была приписана к Киево-Печерской Лавре и находилась в 8 верстах от Киева. Основана в 1631 г. митрополитом Петром Могилою.

Иеромонах Алексей (в миру Владимир Иоаннович Шепелев, 14.4.1840 †11.3.1917) — старец-духовник Киево-Печерской Лавры. 27.7.1993 Св. Синод Украинской Православной Церкви Московского Патриархата благословил для местного почитания пять подвижников Лавры и среди них о. Алексея. Подробнее см. в кн.: Киевские подвижники благочестия. Т. III. Издательский отдел Украинской Православной Церкви. Киев. 1994. С. 279–334.

²³ Тот же текст был включен в предисловие к 5-му изданию «Близ есть при дверех» и опубликован с небольшими пропусками в брошюре «Пламенная любовь». См. одноименный разд. наст. изд.

²⁴ *Вильгельм II Гогенцоллерн* (1859–1941) — германский император.

²⁵ В образе *петуха-Феникса* заключен целый комплекс космологических представлений, присущих русской православной культуре и, частично унаследованных от дохристианских верований, частично о византийско-византийско-египетской традиции. Петуху посвящен целый ряд аллегорических сказаний в составе «Слова о Троице, о сотворении небеси и земли», «Книги Еноха», «Откровения Варуха», «Прения Панагиота с Азимитом» и др., где он сближается с символическим значением птицы Феникса (образом Церкви Христовой). Так, в «Сказании о великом Куре» говорится: «Е[сть] коурь емоу же глава до неб[е]си, а море емоу до колена. Ег[д]а же с[о]лице омывается въ окяне, тог[д]а окянь вськолиблется и начнюуть вълны морьския бити кура по[д] перье. Курь же, почютивъ вълны морския, вспоеть тоже протлькоуеть: «Светодавче. Г[оспод]и! дай же светъ мирови!» Ег[д]а же тотъ коурь воспоеть «Светодавче. Г[оспод]и» и тог[д]а вси куры въспоют въ един го[д] въ всей вселенней, тогда же с[о]лице ом[ы]вается от акяна, окя[я]нь отъ солнце, а от акяна вси воды» (Никитин А. Л., Филипповский Г. Ю. Хтонические мотивы в легенде о Всеславе Полоцком // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М. 1978. С. 144). Здесь символическим языком описано молятельное предстояние Церкви (Феникса-Кура) пред лицом Божиим (солнце). Океан является аллегорией моря молитв, прибывающих к престолу Господню.

Символ Феникса-Кура-церкви в силу своей древности присутствует и в аллегориях

нехристианского мира. Например, в мусульманстве считается, что у Аллаха есть белый петух: одно крыло его простерто на восток, другое — на запад, голова — под престолом славы, а ноги в преисподней (*Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 53–54*). В гностической традиции, унаследовавшей некоторые знания, присущие каббале, и явившейся, в свою очередь, фундаментом для многих масонских представлений (интересовавших Нилуса), с образом Феникса-Кура соотносится божество Абракас (Абрахас). Числовое значение букв этого имени, по Г. Хиггинсу, равно 365 (т.е. 365 зонам гностического учителя Василида, на которые, согласно его учению, поделена Вселенная). Обычно Абракас изображался как составное существо с человеческим телом, головой петуха и змеиными оконечностями ног (см.: *Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской... символической философии. Новосибирск, 1993. С. 62,66*).

²⁶ Пока не установленное лицо.

²⁷ *Дискос* — церковная утварь, используемая во время литургии для освящения и раздробления Тела Христова.

²⁸ *Агнец* — главная просфора, приносимая в качестве жертвы на проскомидии в воспоминание страданий Господа Иисуса Христа, как Агнца, закланного на кресте во очищение грехов всего мира (1 Ин. 1, 7, 29).

²⁹ *Потир* — церковный сосуд,местилище Святых Даров — Тела и Крови Христовой.

³⁰ Ср. Ин. 10, 1–2.

13

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 765.10.78. Л. 2.

Подана в 13 ч. 22.XI.1917, принята на следующий день в 10.39 за № 67.

³¹ С. А. Нилус имеет в виду готовившееся совместно с Владыкой 5-е издание книги «Близь есть, при дверехъ». См. раздел «Пламенная любовь».

В неизданных дневниках профессора Московской Духовной Академии *Александра Димитриевича Беляева* (†29.10.1919) имеются следующие записи, касающиеся книги С. А. Нилуса и издательской деятельности Лавры:

«1917. 27 [января]. 4-е изд[ание] книги Нилуса стоило Никону 4 1/2 т.р. 5 т. экз., несмотря на то, что бумага б[ыла] приобретена еще весной, дешевле, чем теперь. Материал[ьная] сторона издания вся взята Никонем на себя. Нилус — юрист, брат Председ[ателя Московского окружного] Суда; карьера его шла, но совершался какой-то переворот, служба брошена, он разорился. Теперь живет тем, что жена его фрейлина получает 3 т.р. пенсии, а ему его литерат[урные] труды, разумеется, приносят пустяки. В книге всего 18 л., но рисунки увеличили ее ценность, а главное — теперешние двойные и тройные цены бумаги и типографского труда. У Никона машинка Ундервуда, и он пишет на ней уже 30 л.: для глаз легче, и держать стан можно прямее. А Никон очень близорук» (ОР РГБ. Ф.26.4.6).

[7.4.1917]: «Будто бы вчера арестовали Наместника [Троице-Сергиевой Лавры] Кронида*, притом за то, что в лаврской типографии печатали брошюры об антихристе. Вот она какова свобода-то!» (Там же. Л. 39об.).

Автограф письма Л. А. Орлову не сохранился. Печатается впервые по машинописной копии, сделанной М. В. Смирновой-Орловой.

³² К Свету. [1993]. № 3–4. С. 51.

³³ Иоанн (Снычев), митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия: [Текст магистерской диссертации 1966 г.]. Сортавала, 1993. С. 133, 138–139, 269 (№ 105).

³⁴ Ваал — см. прим. 108 к «На берегу...»

³⁵ Митрополит Сергей, Нижегородский и Арзамасский (в миру Иоанн Николаевич Страгородский, 11.1.1867 † 15(2).5.1944) — выдающийся богослов, деятель Русской Церкви. После ареста Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) — его Заместитель. С 1.1.1937 — Патриарший Местоблюститель, с 1943 г. — Патриарх Московский и всея Руси. В результате опубликования им «Декларации» 1927 г. раскол в Церкви еще более углубился. Далеко не все, даже из оставшихся верными ему епископов, соглашались с его действиями. В конце 1927 г. издал указ № 549 об обязательном поминовении за богослужением советской власти и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке.

Главная цель — легализация — была достигнута. Но какой ценой. Фактически теперь через ГПУ, путем регистрации, происходила апробация всех приходов, всех церковно- и священнослужителей — от митрополита до псаломщика. Тщетность переиграть коммунистическую сатанократию человеческими силами осознал в конце концов и сам митр. Сергей, с горечью признавшийся в начале 1941 г.: «Церковь доживает свои последние дни. Раньше они нас душили, но, душа, выполняли свои обещания нам. Теперь нас продолжают душить, но обещаний уже не выполняют». Но невозможное человекам, возможно Богу. Началась война. Испытание для народа. И, одновременно, милость Божия через предстательство Пресвятой Богородицы.

И все-таки прислушаемся еще раз к современникам митрополита Сергея. Митрополит Евлогий (Георгиевский): «Что было бы, если бы Русская Церковь осталась без епископов, священников, без Таинств, — этого и не представить. [...] Во всяком случае не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергея». Философ Н. О. Лосский: Митрополиту Сергию «удалось, несмотря на сатанинскую ненависть большевиков к религии, сохранить громадную церковную организацию и, следовательно, предохранить русский народ от двух тяжких бедствий — от пол-

---

* Архимандрит Кронид (Любимов, 1858 † 10.12.1937) — наместник Троице-Сергиевой Лавры (1915–1919). После закрытия Лавры был оставлен как староста для ее охраны до 26.1.1920. В 1920–1922 гг. жил в с. Братовщина у старосты храма, в 1926–1929 гг. — в Параклитском скиту, в 1929–1937 гг. — у Кокуевского кладбища Сергиева Посада. Расстрелян в пос. Бутово под Москвой. — Сост.

ного безверия и от патологических форм сектантского мистицизма. [...] Сохранение церковной организации в России достигается путем мученического жертвоприношения своим добрым именем вследствие компромиссов с советской властью» (Лосский Н. О. Воспоминания. Мюнхен, 1968. С. 267). Архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Не явил еще Господь миру вполне его [Патриарха Сергия] сокровенного подвига. Он продолжает нести и по смерти тяготу непонимания от многих, а часто и откровенной лжи».

³⁶ *Канафа* — иудейский первосвященник, осудивший Спасителя на казнь. Вскоре после того, как Понтий Пилат был лишен прокуратуры, Канафа был замещен в чине первосвященника Ионафаном (36 г. по Р.Х.). Анна (Анан) был первосвященником ранее Канафы и его тестем, незаконным образом разделял с ним власть.

³⁷ Имеется в виду «Послание митрополита от 16/29 июля 1927 г.», более известное под названием «Декларация». Посланию предшествовали два других во многом сходных документа: «Памятная записка» Соловецких епископов от 27.5/9.6.1926 г. и Проект декларации митрополита Сергия от 28.5/10.6.1926 г.

«Памятная записка» была составлена проф. И. В. Поповым (1867 †1938) при участии и под руководством возглавлявшейся архиепископом Благовещенским Евгением (Зерновым) группой из 20 архиереев-узников (некоторые называют еп. Иларiona (Троицкого) инициатором создания этого документа). Практически все соловецкие епископы, исключая епископа Прилуцкого Василия (Зеленцова), не порвали впоследствии отношений с митр. Сергием. За исключением епископа Мануила (Лемешевского), умершего на свободе, все остальные, в большинстве своем освобожденные между 1926 и 1928 гг., погибли мученической смертью в 1930-е гг.

Одновременно митр. Сергей составил и разослал по епархиям Проект декларации, близкий по духу Соловецкому обращению: лояльность советской власти, несовместимость христианства и марксизма, полное отделение Церкви от государства, отмежевание от эмигрантского политиканства.

Расылка Проекта, а также секретное Обращение митрополита Сергия к епископам для избрания Патриарха путем сбора подписей (в результате митр. Кирилл (Смирнов) набрал 72 подписи, т.е. подавляющее большинство) привели к его четвертому аресту в ноябре 1926 г.

Освобождение митр. Сергия из тюрьмы в конце марта 1927 г. было обусловлено дальнейшими уступками владыки богоборным властям, которые нашли отражение в Декларации 1927 г., означавшей компромисс, несомненно, весьма тяжелый для Церкви.

Профессор о. Хризостом (Блашкевич), ссылаясь на сведения, полученные от священника, близко знавшего митр. Сергия, утверждает, что ГПУ угрожало владыке, в случае отказа, расстрелять всех находившихся тогда в заключении епископов, которых насчитывалось в местах заключения от 117 до 130 (Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва, 1990. № 158. С. 67). И все-таки эта причина, сколь бы весомой она ни являлась, для митр. Сергия была, несомненно, частной (см. высказывание крупного русского философа Н. О. Лосского выше в прим. 35).

Однако устремления митр. Сергия не нашли понимания ни в России, ни среди эмигрантов. Отпечатанная в количестве 5000 экземпляров и разосланная по епархиям и приходам, Декларация была возвращена автору 90 процентами адресатов (Иоанн (Снычев), митр. Состояние Русской Церкви при Сергии в период его заместительства,

Не было понимания и среди священноначалия Зарубежной Церкви, но уже, видимо, по другим, личностным мотивам. В том, что причина была вовсе не в тексте Декларации как нельзя лучше свидетельствуют слова митр. Антония (Храповицкого) из его статьи «Не надо смущаться», опубликованной в 1923 г. в связи со сходной ситуацией — заявлением Святителя Тихона о лояльности его к советской власти: «Настоящее заявление Патриарха имеет для Церкви уже несомненно благотворное значение: оно избавило ее от духовного безначалия, от опасности превратиться в безпоповскую секту. Православная Церковь снова приобретает в совдепии, если не правовое, то терпимое положение и получает возможность постепенно освобождаться от той шайки лжеепископов и лжепопов, не верующих в Бога, не стыдящихся людей и совершенно незаконно признавших себя «живою церковью», — вместо принадлежащего им по праву названия: «церковь лукавствующих» [...]

Мы убеждены, что с 27 июня 1923 года Православной Церкви и православным христианам в сов. России будет легче жить и более возможно спастись во Св. Церкви, нежели в предыдущие годы.

А тех, которые говорят, какая же польза в том, что мы восстановили Патриаршество, если оно не могло оградить нас от гонений на Церковь, мы, в свою очередь, спросим: а что было бы с Церковью в настоящее время, если бы у нее не было местной главы, т.е. Патриарха? Тогда бы при духовном невежестве русского общества и народа две трети населения даже и не знали бы, где Православие и где кривославие: у «живой ли церкви», или у «трудовой», или — у «обновленческой» и т.п., и блуждали бы эти овечки без пастыря между волками, не имея никакой возможности найти истинный путь в духовный двор Христов, который отверз им нынче Святейший Патриарх Тихон своими смелыми обличениями современных новых раскольников, еретиков и безбожников» (*Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. Т. 4. С. 165, 168*).

С. А. и Е. А. Нелусы не приняли действия митрополита Сергея (см. прим. 52 к «Краткому жизнеописанию»). По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой, Сергей Александрович чтит всех умученных и сосланных архиереев (в особенности митр. Кирилла, см. прим. ниже), как о первоверховном молвлялся о митр. Петре (Полянском).

³⁸ В состав Временного Патриаршего Священного Синода при митр. Сергии вошел: митрополит Серафим (Александров) Тверской; архиепископ Сильвестр (Братановский) Вологодский; архиепископ Алексий (Симанский) Хутынский; архиепископ Севастьян (Вести) Костромской; архиепископ Филипп (Гумлевский) Звенигородский; епископ Константин (Дьяков) Сумской и митрополит Арсений (Стадницкий). Двое из них (архиепископы Сильвестр и Алексий недавно были обновленцами), один (архиеп. Филипп) переходил в секту беглопоповцев, митрополита Серафима (Александрова) знали как сотрудничавшего с ГПУ. Что касается митрополита Арсения (Стадницкого), то, по некоторым данным, в работе Синода он фактически не участвовал. «Синод, — писал митрополит Сергей, — ни в какой степени не правомочен заменить единоличное возглавление Российской Церкви, но имеет значение лишь вспомогательного органа при мне, как Заместителе первого епископа нашей Церкви.

Полномочия Синода проистекают из моих и вместе с ними падают [...]» (Христианское чтение. СПб., 1991. № 3. С. 8).

³⁹ Имеется в виду книга «Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность» (1905) с ее последующими переизданиями. Последнее, под названием «Близ есть, при дверех», вышло в 1917 г.

⁴⁰ Обновленчество — общее название модернистского, направленного на уничтожение Православной Российской Церкви, движения, активно поддерживавшегося советской властью. В 1922–24 гг. наибольшую известность получала группа «Живая церковь», возглавлявшаяся священниками Красницким, Белковым и Каляновским и активно сотрудничавшая с карательными органами.

⁴¹ Думается, что немаловажное значение в выборе тона и формулировок «Декларации» имели внешнеполитические интересы советского руководства. С сер. 1920-х гг. на Западе широко стали распространяться свидетельства о вопиющих преследованиях (ссылках, тюрьмах, лагерях, расстрелах) верующих в СССР. Дело дошло даже до подготовки, по инициативе Ватикана, «крестового похода» против гонимой Церкви в России. Вся эта шумиха вызывала раздражение властей, которые стали оказывать давление на церковных деятелей, чтобы те засвидетельствовали перед всем миром, что, де, никакого гонения ни на Церковь, ни на верующих христиан в СССР нет.

Ставка вначале делалась на обновленцев, как на наиболее послушных, но они на этот раз не дали ожидаемого результата; тогда решили давить на «тихоновцев», возглавлявшихся митр. Сергием. В декабре 1926 г. уполномоченный ГПУ Е. А. Тучков встречался с митр. Петром, в марте 1927 г. — с архиеп. Серафимом (Самойловичем), в том же году — с митр. Кириллом (Смирновым) (Резельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Paris, 1977. С. 408, 412–413). Все эти иерархи отвергли предложенные коммунистами условия «легализации». Между 20 и 30 марта 1927 г. вдруг неожиданно освобождается из заключения митр. Сергий. Этот факт, «когда репрессия против Церкви по всей России все возрастала... сразу же возбудил тревогу, которая усилась, когда 9/22 апреля 1927 г. был освобожден и еп. Павлин (Крошечкин) и когда 25 апр./8 мая в Москве неожиданно создан был Синод. Стало несомненным, что между митр. Сергием (Страгородским), во время его тюремного заключения и советским правительством, т.е. ГПУ, состоялось какое-то соглашение, которое поставило и его самого, и близких ему епископов в совершенно исключительное положение по сравнению с другими. Митр. Сергий... получал право жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста» (Там же. С. 415).

В этом отношении заслуживает внимания малоизвестное свидетельство, высказанное в личной беседе лидером обновленцев «митрополитом» А. И. Введенским в 1939 г. По его словам, на требование властей опровергнуть информацию о гонении на Церковь и верующих в СССР, он ответил якобы так: «Я могу свидетельствовать, что моя [т.е. обновленческая] Церковь не гонима, и меня не преследуют, но говорить за всю Церковь нашей страны и за всех верующих в ней я не имею права...» На вопрос «Как Вы, Владыко, судите ныне о причинах появления в прошлом «Декларации» митрополита Сергия?», Введенский, осенив себя крестным знаменем, тут же ответил: «Совесть не позволяла мне, грешнику, совершить еще один тяжкий грех لكي касательно положения Церкви и верующих в нашей стране, на что, к сожалению, пошел падкий на власть

митр. Сергей, Бог ему судья. С этого времени я и оказался особой лишь терпимой, а особой пользующейся благоволением стал митр. Сергей».

После послания Папы Пия XI с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь от 2.2.1930 и выступлений Фомы (Девизена), архиеп. Кентерберийского, митр. Сергей дважды (15 и 18 февраля 1930 г.) выступил с отрицанием фактов гонений на Церковь в СССР. Впоследствии эта ложь так и не была опровергнута. В том, что это так, сомневаться не приходилось, особенно после присылки Сталиным ответа на телеграфный запрос американской газеты «Ивнинг Уорд», преследуется ли духовенство в России: «Да, преследуется, и я жалею только о том, что не смог до сих пор покончить со всеми ними» («Новое время», № 2656. 5.3.1930).

⁴² Ср. с высказываниями Святейшего Патриарха Тихона. *Заявление в Верховный суд РСФСР от 3/16.6.1923*: «...Я заявляю Верховному Суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции». *Послание от 15/28.6.1923*: «В том преступлении, в котором я признаю себя виновным, по существу виновато то общество, которое меня как главу Православной Церкви постоянно подбивало тем или иным ходом против Советской власти. Отныне я определенно заявляю всем тем, что усердие их будет совершенно напрасным и бесполезным, ибо я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что я Советской власти не враг. Я понял всю ту неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественников и иностранных врагов и которую они устно и письменно распространяют по всему свету». *Послание к Церкви от 18.6/1.7.1923*: «Сознавая свою провинность перед Советской властью, я желаю, чтобы так же поступили и те священнослужители, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа православного — монархистами и белогвардейцами и одушевленные одним желанием с ними стремились свергнуть Советскую власть при помощи Церкви и для этого не чуждались даже вступить в ряды белых армий. Как ни тяжело было сознаться в этом преступлении против трудового народа Российского и Советской власти, но Мы должны сказать хотя и горькую, но истинную правду сию. Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитичная и не желает быть ни «белой», ни «красной» церковью. Она должна быть и будет Единой Соборной Апостольской Церковью, и всякие попытки, с чьей бы то ни было стороны они не исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены» («Известия», 27.6; 4.7 и 6.7.1923).

В высшей степени интересна реакция на заявления Святейшего председателя Архидиоцезисного Синода митрополита Антония (Храповицкого), нашедшая отражение в его статье 1923 г. «Не надо смущаться» и свидетельствующая о существовавшем тогда понимании дел на Родине: «...Святейший Патриарх почти ничего не прибавил нового к своему посланию осенью 1919 года, в котором он воспрещал русскому духовенству открытую борьбу с советской властью, как бездельную, и даже приводил в подтверждение своих мыслей слова ап. Павла: «всякая власть от Бога». Тогда это послание не произвело подавляющего впечатления на читателей, а если они чувствуют себя подавленными по поводу последних событий нашей церковной жизни, то повторяем — напрасно. [...]

Но если скажут, не лучше было бы Патриарху проклясть и самую советскую власть и мужественно обречь себя на лютую смерть, призвав к тому же подведомственное духовенство и всех мирян?

Да, ответим мы, если бы от него требовали прямого отречения от истин Христовой веры, ее святых заповедей и канонов; а так как этого не было, то требовать от предстоятеля Церкви нарочитого стремления к мученичеству и притом не только своей собственной личности, но и без малого почти всей Православной России, — незаконно.

Может быть кто скажет: но ведь Патриарх знает, что так называемая гражданская власть враждебна Христу и всякой вообще религии, что она состоит на 85 процентов из христоненавистников иудеев, точнее сказать, безбожников, издающих даже журнал под таким заглавием. Совершенно верно; а разве не под безбожную власть были древние христиане святые мученики, св. апостолы и, наконец, Христос Спаситель, повелевший выплачивать подати безбожному язычнику Пилату. И, однако, ни мученики, ни апостолы ведь не боролись против безбожной власти, а, наоборот, требовая к ней послушания, когда не было возможности низвергнуть ее военной силой и заменить властью справедливой.

В непоколебимой уверенности в том, что Св. Патриарх, примирившийся внешним образом с советской властью, сделал это вовсе не для сохранения собственной жизни и собственного благополучия, которого он, как известно, лишен со времени большевицкого восстания, а с позапрошлого года поставлен в условия гонимого узника, мы смело можем заявить, что Патриарх Тихон с чисто церковной точки зрения не совершил преступления ни против веры, ни против народа своими последними поступками. Если эту мысль нужно подтвердить авторитетными примерами св. угодников, то мы сошлемся на св. Тарасия и других учителей Церкви, которые во время царей иконоборцев, ради общественной церковной пользы не выступали с проклятиями и обличениями, оберегая не себя, а Церковь. Не говорим уже о том, что гонения на Христа со стороны царей языческих переносились молча почти всеми Святыми отцами, ввиду практической бесполезности обличений» (*Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 4. С. 165—168*).

Цитирование С. А. Нилусом Декларации митрополита Сергия сродни второму посланию Соловецких епископов 14/27.9.1927: «...мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед Государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать «все радости и успехи Государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами», т.к. всякое правительство может принять решения безрассудные, несправедливые или жестокие, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться и одобрять их» (*Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 12*).

В действительности это место в Декларации выглядит так: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успеха которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (*Известия. 19.8.1927*).

Ссылаясь на книгу митрополита Елевферия (*Богоявленского*) «Неделя в Патриархии» (Париж, 1933, с. 54—58), современный исследователь пишет: «Беседуя с навещавшим его митр. Елевферием Литовским, которого митр. Сергей назначил Патриаршим Экзархом московских приходов в Западной Европе, митр. Сергей выразил досаду и

недоумение, что на Западе не поняли тонкий смысл его формулировки — «радости и успехи нашей родины — наши радости и успехи»; не замечая, что с Советского Союза мужского рода он перешел на Родину — женского, и затем — «которой», чтобы подчеркнуть связь Церкви с исторической Россией, а не с временным политическим понятием «Советский Союз». И добавил: «...Разумеется, если в стране нашей... Церковь будет преследоваться, мы не можем этому радоваться...» (*Поспеловский Д. Митрополит Сергий и расколы справа // Вестник РХД. 1990. № 158. С. 80*).

Примечательно, что в Окружном послании Архидиоцезисного Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 27.8/9.9.1927 это место также процитировано с ошибкой, грубо искажающей смысл, вложенный митр. Сергием: «...сознавать Советский Союз гражданской родиной, радости и успехи которого — наши радости» (*Церковные ведомости. 1927. № 17–18. С. 1*).

Не исключено, что в указанной формулировке, вызвавшей столько споров, митрополит Сергий сознательно использовал первую часть фразы считавшегося «правым» В. В. Шульгина из вышедшей в январе 1927 г. его книги «Три столицы», пользовавшейся среди русских эмигрантов большой популярностью: «Можно всеми силами души быть против советской власти и вместе с тем участвовать в жизни страны: радоваться всяким достижениям и печалиться всяким неудачам, твердо понимая, что все это актив и пассив русского народа, как такового» (*Шульгин В. В. Три столицы. Берлин. 1927. С. 310*).

⁴³ *Николай Иванович Бухарин (1888–1938)* — один из руководящих деятелей большевизма, член Исполкома Коминтерна, зам. его председателя (Зиновьева), гл. редактор газеты «Правда». В 1925–27 гг. вместе с И. В. Сталиным пользовался наибольшим влиянием в Политбюро.

⁴⁴ *Митрополит Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский, 27.9.1854 † 16.10.1928), Ярославский и Ростовский* — новый мученик Российский. В 1891 закончил Московскую Духовную Академию, занимался преподавательской работой в духовных училищах. После смерти жены и сына принял монашество (7.3.1885), затем рукоположен во иеромонаха (10.3.1885). 7.12.1886 возведен в сан игумена, 28.2.1888 — архимандрита и определен ректором Иркутской духовной семинарии. 10.9.1889 хиротонисан во епископа Киренского. 17.7.1893 переведен в Тобольск, где занимался активно миссионерской деятельностью. 4.10.1897 назначен еп. Рязанским и Митавским (с 6.5.1904 — архиепископ). 13.8.1910–22.12.1913 занимал Литовскую и Виленскую кафедру, затем назначен архиеп. Ярославским. В апреле 1917 возведен в сан митрополита. Был избран в постоянные члены Священного Синода при Патриархе Тихоне. 29.4/12.5.1922 Свт. Тихон, ввиду невозможности самому управлять Церковью, назначил его Временным Заместителем Патриарха, вслед за чем владыка Агафангел был сослан в Сибирь. В своем завещании от 25.12.1924/7.1.1925 Патриарх поставил его вторым (после митрополита Кирилла) кандидатом в Патриаршны Местоблюстители (о подложности Завещания заявил в Послании от 25.3/7.4.1925 председатель Архидиоцезисного Синода митр. Антоний (Храповицкий), причем безосновательно).

Весной 1926 г. власти неожиданно разрешили владыке вернуться в Ярославль. В пермской тюрьме митрополит был задержан для встречи с главой секретного отдела ОГПУ по уничтожению церкви Е. А. Тучковым, который, обрисовав тяжелое положение Церкви в связи с борьбой за власть между архиеп. Григорием и митр. Сергием,

предложил владыке ради установления мира вступить в управление Церковью в качестве Патриаршего Местоблюстителя, пообещав со своей стороны всяческую поддержку. Через несколько дней после подписания митр. Агафангелом Послания от 18.4.1926 и рассылки его во многие епархии, состоялось заседание Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства (Ярославский, Путинцев, Дерябас, Тучков), постановившей: «Проводимую ОГПУ линию на разложение тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием — как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным» (*Дамаскин (Орловский), иеромон. Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого (Полянского, 1862—1937)*// Вестник РХД. 1992. № 166. С. 224—225).

После ареста митр. Петра и воззвания митр. Агафангела от 18.4.1926, где он объявил себя Местоблюстителем, митр. Сергей срочно известил об этом первого. Суждение митр. Петра, что «он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы и не на свободе» (см.: *Иоанн, митр. Церковные расколы...* С. 91) послужило главным аргументом для владыки Сергея в борьбе против митр. Агафангела. На встрече 30.4/13.5.1926 митр. Сергей задал ему вопрос: «На каком основании он (митр. Агафангел) отменил в своей епархии возношение имени митр. Петра за богослужением?» (Там же. С. 93).

В то время как митр. Сергей развернул широкую кампанию по отстранению от церковной власти митр. Агафангела, Местоблюститель обратился к последнему с письмом от 9/22.5.1926, где просил его для блага Церкви принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя и, в частности, указывал: «А от митр. Нижегородского Сергея права Патриаршего Местоблюстителя я отнимаю с тем, чтобы митр. Сергей выдал немедленно Советской Власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя» (Там же. С. 98). Тем не менее, ради церковного мира, митр. Агафангел от местоблюстительства окончательно отказался (см. его письмо 12.6.1928. Там же. С. 100), хотя далеко не оправдывал пребывания митр. Сергея у кормила высшего управления. Решающую роль сыграв предусмотрительно сказанные митр. Петром слова из его письма 9/22.5.1926: «В случае отказа Митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления, — права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а Заместительство — Митрополиту Сергию» (*Дамаскин, иеромон. Указ. соч.* С. 226).

К «Декларации» 1927 г. митр. Агафангел отнесся резко отрицательно. 24.1/6.2.1928 он (совместно с архиепископом Серафимом (Самойловичем), митрополитом Иосифом (Петровых), архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым) и епископом Евгением (Кобрановым)) обратился к митр. Сергию с заявлением, где объявлял об отделении Ярославской епархии. В феврале 1928 г. митр. Иосиф и архиеп. Серафим были удалены из Ярославской области советскими административными органами. 14/27.3.1928 состоялось постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода о лишении кафедр архиеп. Серафима, архиеп. Варлаама и еп. Евгения

с запрещением их в священнослужении. 10.5.1928 владыками Агафангелом, Варлаамом и Евгением было отправлено примирительное письмо к митр. Сергию. 3/16 мая после приезда посланников митр. Сергия (архiep. Иувеналия (Масловского) и прот. Владимира Воробьева) к митр. Агафангелу произошло окончательное примирение (*Иоанн, митр. Церковные расколы...* С. 119–120). Через 5 месяцев владыка Агафангел скончался в Кинешме.

⁴⁵ *Архиепископ Григорий* (в миру Гавриил Яцковский, 13.7.1866 † 26.4.1932) *Екатеринбургский*. По окончании Подольской духовной семинарии, 4.8.1890 принял постриг в Киево-Печерской Лавре. 9.9.1890 посвящен в иеродиаконы, 29.6.1894 — в иеромонахи (в том же году закончил Казанскую Духовную Академию). 21.11.1897 возведен в сан архимандрита. 21.11.1908 хиротонисан во еп. Козловского, викаря Тамбовской епархии. 13.12.1912 назначен еп. Бакинским, а в 1918 — Екатеринбургским. В 1922 г. возведен в сан архиепископа. С его именем связана одна из первых попыток профессиональных создателей церковных смут из ОГПУ расколоть Церковь. Сигналом было решение, принятое 11.11.1925 на заседании Комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б): «Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев. [...] В целях поддержки группы [архiep. Григория], стоящей в оппозиции к [митр.] Петру [...], поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих [митр.] Петра, воспользовавшись для этого материалом недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить гг. Стеклову И.И., Красикову П.А., и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой [архiep. Григория] декларации против [митр.] Петра. [...] Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против [митр.] Петра следствие» (*Дамаскин, иеромон. Указ. соч. С. 218*). Митрополит Петр был арестован 10.12.1925: 14 декабря митр. Сергий уведомил о том, что в соответствии с распоряжением Патриаршего Местоблюстителя он приступает к исполнению обязанностей Местоблюстителя. 22 декабря девять епископов во главе с Григорием собрались в Донском монастыре, где заявили о создании Высшего Временного Церковного Совета (ВВЦС). В принятых документах подчеркивался «контрреволюционный» характер деятельности Патриаршего Местоблюстителя. ВВЦС легализован органами 2.1.1926, а 29 января архiep. Григорий с остальными единомысленными ему епископами запрещены митр. Сергием в служении.

ВВЦС был окончательно упразднен митр. Петром в письме от 9.6.1926 митр. Агафангелу. В его же письме от 1.1.1927 архiep. Григорий назывался «самочинником», не состоящим в молитвенно-каноническом общении с Местоблюстителем (*Иоанн, митр. Указ. соч. С. 51–53*). После этого «григорьянство» окончательно откололось от Русской Церкви. Архiep. Григорий скончался в Екатеринбурге в 1932 г. Последние «григорьянцы» принесли покаяние в 1943 г. и этот раскол был окончательно ликвидирован.

⁴⁶ Прежде всего следует подчеркнуть, что уже решение Поместного Собора 1917–1918 гг., поручившего Патриарху Тихону единолично назначить себе преемников трудно назвать каноничным (*Полицук Е. С. Патриарх Сергей и его Декларация: капитуляция или компромисс? // Вестник РХД. 1991. № 161. С. 236*). Одновременное сосуществование Завещания Патриарха Тихона 25.12.1924 и Распоряжения Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра 23.11.1925 г. не способствовали упрощению

создавшейся ситуации. Попытку разъяснить положение дел предпринял в статье «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя» (*Журнал Московской Патриархии*. 1931. № 1. С. 3—5) митр. Сергей, слышший, по словам еп. Григория (Габбе), «выдающимся знатоком церковной администрации» и отличавшимся «тонкостью и точностью языка в определении канонических вопросов». Но тут и он был безсилен. Хотя распоряжением митр. Петра полномочия Патриаршего Местоблюстителя передавались им своему заместителю временно, но в полном объеме, факт остается фактом: Поместный Собор 1917—1918 г. не оговаривал такого права Патриаршего Местоблюстителя (*Иоанн, митр. Состояние Русской Церкви...// Христианское чтение*. 1991. № 2. С. 37). В этом одна из причин, что, по словам митрополита Иоанна (Снычева), «объем полномочий митр. Сергея большинством, если не сказать всем российским епископатом, был ограничен, а сам митр. Сергей [...] был поставлен в прямую зависимость от Патриаршего Местоблюстителя» (Там же. № 3. С. 29). Эта зависимость была вполне определена: Заместитель сохранял свои полномочия до тех пор, пока Патриарший Местоблюститель оставался в своей должности. Вот почему, когда митр. Петру уполномоченным ОГПУ было предложено оставить местоблюстительство, он категорически отказался. В заявлении Менжинскому 27.3.1931 он писал: «...Моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергея...» (*Дамаскин, иеромон. Указ. соч.* С. 233).

Отдавая себе отчет в неустойчивости своего положения, митр. Сергей 14/27.4.1934 г. «торжественно принял на себя титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского. Получился канонический и литургический нонсенс: заместитель стал выше того, кого он замещает. Официальная формула поминования гласила: «О Патриаршем Местоблюстителе, Высокопреосвященнейшем Петре, Митрополите Крутицком, и Заместителе его, Блаженнейшем Сергии, Митрополите Московском и Коломенском» (*Краснов-Левитин А. Лихие годы, 1925—1941: Воспоминания. Paris: YMCA-PRESS, 1977. С. 251*). 15/27 декабря 1936 г. датируется «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему Митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому), в связи с последовавшей 29.8/11.9.1936 г. кончиною в ссылке Митрополита Крутицкого Петра (Полянского)». Оказываются забытыми слова, сказанные митр. Сергием в № 1 «Журнала Московской Патриархии» за 1931 г.: «...Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и под.), в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя». Что касается митрополита Петра, то он ушел из жизни только в октябре будущего (1937) года.

⁴⁷ *Митрополит Петр* (в миру Петр Федорович Полянский, 1860 † 10.10.1937) Крутицкий и Коломенский, Патриарший Местоблюститель (с 1925) — новый мученик Российский. Окончил Московскую Духовную Академию (1892). Работал в составе Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 г., был привлечен Свт. Тихоном в качестве одного из своих ближайших сотрудников. В 1920 он постриг Петра Федоровича в монашество (с оставлением имени), 25.4.1920 рукоположил во епископа Подольского, с назначением на должность Патриаршего викария; впоследствии возведен в сан митрополита Крутицкого (1924). 17.4.1925, согласно завещанию Патр. Тихона, был избран Патриаршим Местоблюстителем. На одной из проповедей в Донском монастыре, обращаясь к усопшему Святителю, митр. Петр сказал: «Обласканный твоей любовью,

я постараюсь оправдать твое доверие» (по воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой). 10.12.1925 — арестован. 5.11.1926 приговорен к трем годам ссылки. В декабре этапом отправлен через пересыльные тюрьмы в Тобольск. В конце 1926 г. на предложение Тучкова отказаться от Местоблюстителства, твердо заявил, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви». 1.1.1927 подтвердил полномочия митр. Сергия.

С февраля 1927 г. поселен на территории упраздненного Абалакского монастыря. В начале апреля арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. Решением ВЦИК СССР 9.7.1927 сослан за полярный круг в поселок Хэ. 11.5.1928 постановлением особого совещания ОГПУ срок ссылки продлен еще на два года. Арестован ОГПУ 17.8.1930. После трехмесячного пребывания в тобольской тюрьме переведен в екатеринбургскую. 23.7.1931 особое совещание ОГПУ постановило заключить владыку в концлагерь на пять лет. Содержался во внутреннем изоляторе Верхнеуральской тюрьмы под стражей. Постановлением особого совещания при НКВД СССР 9.7.1936 г. срок заключения продлен еще на три года. 2 октября 1937 г. тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Петра к расстрелу.

⁴⁸ *Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси* (в миру Васильев Иван Иванович Беллавин, 19.1.1865 † 25.3/7.4.1925). Прославлен Русской Православной Церковью в 1989 г.

⁴⁹ С. А. Нилус имеет по-видимому в виду опубликованное в «Известиях» (№ 86 за 1925 г.) воззвание Патриарха Тихона («Завещание»), а также следующие пассажи из «Декларации»: «Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. [...] наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и безповоротно становится на путь лояльности...»

⁵⁰ *Высшее Церковное Управление (ВЦУ)* — самозванный орган, созданный в мае 1922 г. обновленческой группой «прогрессивного духовенства». Посланием от 23.11/6.12.1922 Святителя Тихона ВЦУ «и все имеющие с ним какое-либо общение» преданы анафеме.

⁵¹ *Лубенский раскол* — антицерковное автокефалистское течение на Украине в 1920-е гг. Возглавлялся епископом Феофилом (Булдовским) Лубенским, викарием Полтавской епархии, являвшимся тайным агентом ГПУ. Создал самосвятский «Лубенский собор», произведя самого себя в митрополиты. Во время гитлеровской оккупации в 1941 г. объявил себя «митрополитом всієї України». Умер в Харькове, после 1943 г. (см.: *Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Jordanville, 1957. Т. 2. С. 43*).

⁵² Об отношении Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра к Декларации 1927 г. имеются неоспоримые свидетельства. Побывавший в Москве в октябре 1928 г. митрополит Елевферий (Богоявленский) докладывал митрополиту Евлогию (Георгиевскому): «Местоблюститель м. Петр здравствует, живет в Тобольской области, Обдорском округе, в селе, в отдельном маленьком домике. Один иерарх, возвращаясь из ссылки, посетил его и прожил с ним две недели. Местоблюститель познакомился с декларацией м. Сергия из газеты «Известия», в которой она была помещена полностью. По словам этого иерарха, м. Петр согласен с деятельностью м. Сергия, находя, что это

— единственный выход при существующих там условиях. Это мнение м. Петра епископ засвидетельствовал в особом рапорте Синоду. С этим иерархом беседовал и я. Он и мне подтвердил то же самое» (Вестник РХД. 1990. № 158. С. 291).

Митрополит Иоанн (Снычев) приводит и сам доклад Патриаршему Синоду епископа Василия (Беляева, † после 1929), Спасо-Клепиковского, vicария Рязанской епархии от 11.11.1927: «С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хв, Обдорского района, Тобольского округа, вместе с митр. Петром Местоблюстителем, и по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочесть декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев» (Христианское чтение. 1991. № 3. С. 10).

⁵³ Имеется в виду следующее место из Декларации 1927 г.: «Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Учреждение советской власти многим представлялось недоразумением, случайным и потому недолговечным.

Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божья, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знаменней времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. [...] Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и безповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в церковь только веру и работать с нами только во имя веры, или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православная жизнь остаются неизблемы.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между Правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая-22 апреля 1922 года). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы» (Известия. 19.8.1927).

«Я решил, — вспоминал возглавлявший в то время западноевропейские русские православные приходы митрополит Евлогий (Георгиевский), — исполнить требование митрополита Сергея не безусловно, а при условии, что термин «лояльность» означает для нас аполитичность эмигрантской Церкви, т.е. мы обязуемся не делать амбона ареной

политики, если это обязательство облегчит положение родной нашей Матери-Церкви; быть же «лояльными» по отношению к советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и таковыми нас СССР не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно. [...] В ответ на мое разъяснение о «лояльности», митрополит Сергей написал мне, что считает его удовлетворительным [...]» (*Евлогий, митр. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 619–620*).

Объясняя свою позицию митрополиту Елевферию (Богоявленскому), Литовскому в октябре 1928 г., митрополит Сергей «подчеркнул, что, требуя лояльности от эмигрантского духовенства, он имел в виду только воздержание духовенства от антисоветской политики, ибо: «Нас заподозривают в нелегальном сношении с эмиграцией, нам не доверяют; а ведь нам нужно устраивать церковную жизнь» (*Вестник РХД, 1990. № 158. С. 80*).

Священник Георгий Митрофанов подчеркивает, что «содержавшееся в «Декларации» обращение митрополита Сергея к Русской Православной Церкви за границей, не предусматривавшее даже возможности привлечения русских зарубежных епископов к церковному суду, о которой со всей определенностью говорилось в Послании Свят. Патриарха Тихона от 25 марта/7 апреля 1925 г., ясно свидетельствовало о том, что, несмотря на оказывавшееся на митрополита Сергея со стороны государственной власти давление, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1927 г. не только исключал возможность применения к русскому зарубежному епископату церковных наказаний, но и всячески стремился к тому, чтобы даже в случае отказа русских зарубежных епископов от подписки о лояльности и переходе их в другие Поместные Православные Церкви между русским зарубежным духовенством и Русской Православной Церковью было сохранено как евхаристическое общение, так и взаимное каноническое признание» (*Митрофанов Георгий, свящ. Из истории Русской Православной Церкви XX века// Христианское чтение. СПб., 1991. № 3. С. 47*).

⁵⁴ Копия «Обращения» не сохранялась. Скорее всего речь идет об обращении епископов Сергея (Дружинина) и Дмитрия (Любимова) от 12/26.12.1927 и резолюции митр. Иосифа на доклад Петроградских викариев от 23.12.1927/5.1.1928 (см.: *Иоанн, митр. Церковные расколы... С. 173–174; Польский М., протопресв. Указ. соч. Т. 2. С. 5*).

⁵⁵ Митрополит Иосиф (в миру Иван Семенович Петровых, 15.12.1872 † после 1937), Петроградский (Ленинградский) — новый мученик Российский. В 1899 г. окончил МДА. 26.8.1901 принял иноческий постриг, 14.10 рукоположен во иеромонаха. В 1904 возведен в сан архимандрита. Был настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриева монастыря Холмской епархии, Юрьевской Новгородской обители. 15.3.1909 хиротонисан во епископа Угличского. На этой кафедре пребывал много лет, будучи викарием архиеп. Тихона (Беллавина), затем — митр. Агафангела (Преображенского). В 1920/21 гг. назначен архиепископом Ростовским. В 1920–25 гг. временно управлял епархиями Новгородской и Старорусской. По ходатайству верующих назначен в авг. 1926 митрополитом Ленинградским, однако почти сразу же задержан властями в Ростове по обвинению в покровительстве «секте иоаннитов» (в терминологии большевиков, борющихся с любыми формами почитания св. прав. о. Иоанна Кронштадтского).

После ареста в ноябре 1926 г. митрополитов Сергея и Квиралла (Смирнова) владыка Иосиф вступил в должность Заместителя Местоблюстителя (во исполнение

Распоряжения митр. Петра о своих временных заместителях на случай своего ареста от 6.12.1925); 25.11/8.12.1926 впервые обратился с посланием к пастве. В последних числах декабря арестован. В марте 1927 г. был освобожден из заключения митр. Сергей, в июле вышла его «Декларация». В сентябре постановлением Временного при митр. Сергии Патриаршего Священного Синода митр. Иосиф был переведен на Одесскую кафедру, перевод не принял, продолжал управлять Ленинградской епархией из Ростова. 8/21.10.1927 митр. Сергей издал указ о поминовании во всех храмах Русской Церкви за богослужением предержавшей власти («О богохранимой стране нашей и о властях ея, о еже мирное и безмятежное житие поживем во всяком благочестии и чистоте, Господу помолимся») и об отмене такого поминования всех епархиальных архиереев, находящихся в ссылках. Оба этих мероприятия положили начало движению «непоминающих», несогласных с методикой легализации Церкви митр. Сергия. В их храмах провозносилась другая формулировка поминования на великой ектении: «О богохранимой стране Российской и о спасении ея Господу помолимся». Епископы и священники отказывались от регистрации и от любых сношений с властью.

24.1/6.2.1928 митр. Иосифом вместе с ярославскими архиереями был отправлен митр. Сергию акт об отделении. 27.3.1928 запрещен в священнослужении митр. Сергием. В 1929 г. вл. Иосиф арестован и выслан в Казахстан, где мученически погиб после 23.9.1937.

Знаменательно упоминание С. А. Нилуса у митрополита Иоанна (Снычева). Как он считает (Цит. соч. С. 164), крайний взгляд противников митрополита Сергия «заключал в себе узко-национальное понимание христианства и подмену идеи Вселенской Церкви идеей православно-русского государства, что ни в какой мере не согласовалось с учением Христовым о Царствии Божием. Можно не сомневаться в том, что подобный взгляд образовался у них под действием эсхатологических влияний иоаннитов и Нилуса, проповедывавших близкий конец мира и внушавших, что с уничтожением монархии наступит гибель Православия». Следует учитывать, что по более позднему признанию самого Владыки Иоанна, «гонения и притеснения Православия со стороны богоборческих властей наложили свой неизбежный отпечаток на форму подачи материала и тон комментариев» (От автора// Там же. С. 4). «...Ссылки на «Протоколы синодских мудрецов», — вспоминал очевидец, — и даже на дело Бейлиса (не говоря уже о монархических идеях) были той питательной средой, в которой развивалось иосифлянство. [...] Стремление к мученичеству, беззаветная преданность своим идеям, экстазическая религиозность внушала невольное уважение» (Краснов-Левитин. Указ. соч. С. 108).

В Ленинграде многочисленные сторонники митр. Иосифа сохранялись вплоть до самого начала войны, уйдя в подполье, породив Катакомбную Церковь. Сами себя они называли Древне-Православной или Истинно-Православной Церковью.

⁵⁶ Епископ Димитрий (Любимов, 1857 † 1934, по др. источн. 1936), Гдовский, викарий Ленинградской епархии. Окончил С.-Петербургскую Духовную Академию. Много лет настоятельствова в Покровской церкви Петербурга на Садовой ул. 30.12.1925 хиротонисан во еп. Гдовского, викария Ленинградской епархии. В декабре 1927 г. вместе с еп. Сергием отделался от канонического подчинения митр. Сергию. Допускал хулу в отношении таинств, совершавшихся в сергианских храмах, называя их «храмами сатаны», священников — их служителями, а Причастие — «бесовскою пищею». Митр. Иосиф оставил его в Ленинграде своим заместителем, возвел

(к Рождеству 1928 г.) в сан архиепископа. В 1929 г. арестован. По сведениям протопресв. Михаила Польского расстрелян в 1938 г.

⁵⁷ *Епископ Сергей (Дружинин), Нарвский*, викарий Ленинградской епархии — новый мученик Российский. Выходец из простецов. Воспитывался в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. Там же, вероятно, пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. Был настоятелем пустыни вплоть до революции. В конце окт. 1924 г. хиротонисан свт. Тихоном по настойчивым просьбам почитателей во еп. Нарвского. В конце 1927 года с еп. Дмитрием (Любимовым) вышел из канонического подчинения митр. Сергию. 30.12.1927 последним наложено на него запрещение в священнослужении. 25.1.1928 лишен титула Копорский и предан каноническому суду. Арестован в 1930 г. Год смерти неизвестен.

⁵⁸ *Епископ Виктор (Островидов †19.7.1934), Ижевский и Воткинский* — новый мученик Российский. Окончил С.-Петербургскую Духовную Академию и в сане иеромонаха был направлен в Палестину одним из штатных членов Иерусалимской духовной миссии. 22.11.1910 назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря С.-Петербургской епархии, с возведением в сан архимандрита. Управлял обителью до самой революции, затем был заместителем Александро-Невской Лавры. 26.12.1919 хиротонисан во еп. Уржумского, викария Вятской епархии. В 1923 г. назначен еп. Глазовским и временно управляющим Вятской епарх. В 1926 г. ему поручено управление Ижевской и Воткинской епархий.

Еще с 1911 г. считал митр. Сергия заблуждающимся относительно Церкви и спасения в ней человека: «Придет время, и он потрясет Церковь» (*Регельсон*. Указ. соч. С. 601). Это мнение еще более усугубило недолговременное отпадение вл. Сергия в обновленчество. Получив Декларацию 1927 г. и сочтя ее «предательством Церкви Христовой», «чтобы не быть участником этого греха», не порывая с митр. Сергием и не прекращая возношения его имени за богослужением, отослал документ обратно, объяснив свое к нему отношение. В том же году стал во главе оппозиции в Вятской и Воткинской епархиях. Известны 2 письма еп. Виктора митр. Сергию, которые мог привести С. А. Нилус (окт./нояб. 1927 и 16/29.12.1927).

В конце апр. 1928 г. вл. Виктор был арестован и отправлен в Соловецкий Лагерь Особого Назначения. По сведениям митр. Мануила примирился с митр. Сергием под влиянием бесед с архиеп. Иларионом (Троицким), о чем в начале 1929 г. сообщил своей вятской пастве (*Иоанн, митр.* Указ. соч. С. 248—249).

⁵⁹ *Житие бл. Августина*. — Прим. С. А. Нилуса.

Адеодат — внебрачный сын бл. Августина, рожденный им в конкубинате (узаконенном моногамном сожительстве по римскому праву) с горячо любимой женщиной, на которой он, однако, не мог жениться из-за противодействия своей семьи (Исповедь 6.XV.25). Бл. Августин был очень привязан к Адеодату, путешествовавшему вместе с ним. На диалоге с сыном построена книга «Учитель». Скончался Адеодат молодым.

С. А. Нилус иносказательно именует «Адеодатом» своего сына Сергея, рожденного от *Наталии Афанасьевны Володимировой* (см. прим. 12, 13 к «Краткому жизнеописанию»).

⁶⁰ В 17-м правиле Св. Апостолов говорится: «Кто по святом крещении двумя браками обязан был, или наложнице имел, тот не может быть епископ, ни пресвитер,

ни диакон, ниже вообще в списке священного чина». В толковании епископа Никодима (Милаша), Далматинско-Истрийского читаем: «Наложничество есть блуд, и если второбрачный не может быть терпим в клире и не должен священнодействовать пред св. престолом, тем менее может быть терпим в клире такой человек, который держит наложницу и, следовательно, является явным блудником. По предписанию этого правила, двубрачный клн имевший наложницу не только не может стать епископом, пресвитером и диаконом, но и вообще не может занимать места в ряду церковнослужителей [...]» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911. Т. 1. С. 79).

⁶¹ Елена Александровна Озерова — жена писателя.

⁶² Иеродиакон Георгий (Лавров, † 21.6.1932). Явился одним из зачинателей т.н. «Оптинской смуты» (см. прим. 8, 10 к соотв. разделу), боролся со священноначалем Пустыни. Впоследствии о. Георгий был переведен из Оптиной Пустыни и назначен настоятелем Мещевского Георгиевского монастыря. По сведениям *Е. В. Чичериной* содержался 5 лет в Таганской тюрьме, откуда был освобожден по поручительству настоятеля Данилова монастыря архиепископа Феодора (Поздеевского). Проживая в Даниловом монастыре, архим. Георгий приобрел широкую известность и авторитет среди верующей московской интеллигенции. Умер, возвращаясь из нижегородской ссылки.

Показательно, что духовная дочь архим. Георгия *Е. В. Чичерина* в своих «Воспоминаниях» (Сергиев Посад, 1968—1969) совершенно не раскрывает оптинский период его жизни, ограничиваясь туманными указаниями на то, что о. Георгий поселился там по благословению преп. Амвросия. Этот далеко неоспорный источник использовался при подготовке «Даниловского благовестника» № 2—3 (Ч. 1) 1992 г., посвященного духовным связям Оптиной со Свято-Даниловым монастырем в Москве. Архим. Георгий именуется здесь уже «старцем» (с. 63) и даже «преемником старчества Оптиной Пустыни» (! — с. 86).

⁶³ Схиархимандрит Ксенофонт — (см. прим. 16 к «Краткому жизнеописанию»).

⁶⁴ Схиархимандрит Варсонофий (в миру Павел Иванович Плиханков, 5.7.1845 † 1.4.1913) — великий Оптинский старец, духовник Нилусов. Родился в дворянской казацкой семье под Оренбургом. Служил полковником при штабе Казанского военного округа, участвовал в пограничных боях в Туркестане, 46-ти лет оставил мир и 26.12.1891 вступил в братство Оптиной Пустыни (в этот же день в штаб дошел приказ о его произведении в генералы). Был учеником старца Анатолия (Зердалова). В 1902 г. открыл тайный постриг, принятый несколько лет назад 30 ноября с именем Варсонофия, а 1.1.1903 был рукоположен во иеромонахи. В том же году назначен духовником братии и Казанской Горской Амвросиевской женской пустыни в Шамордино. После возвращения с русско-японской войны вступил в должность Начальника Скита. 11.7.1910 о. Варсонофий был келейно пострижен в схиму. По наущению врагов Церкви старца перевели в Старо-Голутвин монастырь настоятелем, где он скончался. Честные останки схиархим. Варсонофия покоятся у юго-восточной стороны Введенского собора.

⁶⁵ Имейте в виду, что мне, жене и матери сына (без 26 лет) втроем в то время было около 200 лет (двухсот). — Прим. С. А. Нилуса.

Это замечание вызвано тем, что одним из обвинений, выдвинутых против архим. Ксенофонта и схиархим. Варсонофия синодской комиссией, приехавшей по доносу

о. Георгия для ревизии Оптиной, было, якобы предосудительное, проживание при монастыре Нилуса с женой и Н. А. Володимировой. Те же безосновательные обвинения выдвигались ранее в пасквильях бывшей крестьянки помещика Н. С. Кашкина Дарьи Финяевой (Свиняевой). Как отмечал в своем рапорте 19.8.1911 в Калужскую Духовную Консисторию архим. Ксенофонт, прошения Финяевой «есть продолжение возникших в 1910 году доносов на администрацию Пустыни, со стороны трех монахов, руководимых мирскими лицами [...]» (ОР РГБ. Ф.213.29.12. Л.4).

⁶⁶ Митрополит Кирилл (в миру Константин Илларионович Смирнов, 26.4.1863 † 20.11.1937), Казанский и Свияжский — новый мученик Российский. Окончил СПб. Духовную Академию (1887), 21 ноября того же года был рукоположен во иерея. С 1900 г. — настоятель Кронштадтской Троицкой церкви. Овдовев, 10.5.1902 пострижен в монашество. С возведением в сан архимандрита назначен начальником духовной миссии в Урмии (Персия). 6.8.1904 хиротонисан во еп. Гдовского. Св. прав. о. Иоани Кронштадтский просил перед кончиной, чтобы его отпевал вл. Кирилл.

В «На берегу Божьей реки» (Ч. 1) С. А. Нилус специально отмечает отказ еп. Кирилла кипятить крещенскую воду по требованию санитарной комиссии (зап. 9.1.1909). В 1910 г. определен еп. Тамбовским и Борисоглебским (архиеп. с 6.5.1913). Проявил инициативу в прославлении свт. Пятирима Тамбовского. Будучи убежденным монархистом, признал, однако, во временном правительстве законную власть (Политические деятели России, 1917. М., 1993. С. 150). Во время Собора 1917–1918 гг. был одним из самых деятельных его участников. Возглавлял делегацию Собора к А. Ф. Керенскому с требованием о восстановлении Патриаршества, член Синода, один из 25 кандидатов в Патриархи. В дни Октябрьского переворота пребывал в осажденном Кремле у юнкеров, выражая им поддержку. 19.3.1918 назначен митр. Тифлиским и Бакинским, экзархом Кавказа, но к месту назначения прибыть ему не удалось ввиду военных действий. С сер. 1918 г. — митр. Казанский. Его встреча летом 1924 г. со свт. Тихоном повлияла на отказ последнего примириться с обновленцами.

В завещании Патр. Тихона был поставлен первым кандидатом на Местоблюстительство, но из-за постоянных арестов и ссылок принять эти обязанности не имел возможности. Осудил самовольное учреждение ВПСС и «Декларацию» митр. Сергия, был устранен им от управления епархией (находился в это время в Сибири). «До тех пор, пока митр. Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием т.н. Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению. Такое отношение к митр. Сергию и его Синоду я не понимаю как отделение от руководимой митр. Сергием части Православной Церкви, т.к. личный грех митр. Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения... Литургия с митр. Сергием и единомысленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертельной опасности, со спокойной совестью приму елосвящение и последнее напутствие от священника сергиева поставления...», — писал он 2/15.5.1929. В 1934 г. жил в Гжатске, где вел активную деятельность по организации «непоминающих». Ему принадлежит известное пророчество: «Филадельфийская Церковь — это не мы, а те, которые придут после нас». Сослан в Казахстан, расстрелян по постановлению «тройки» УНКВД.

По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой, С. А. и Е. А. Нилусы глубоко почитали митр. Кирилла, их позиция, занятая во время смуты, более всего близка была к нему.

⁶⁷ Митрополит Михаил (в миру Михаил Ермаков, 31.6.1862 †17.3.1929), Киевский и Экзарх Украины — (см. прим. 56 к «Краткому жизнеописанию»).

⁶⁸ Преп. Мария Египетская (†14.5.24) — великая подвижница и пустынноница; бывшая блудница. Преп. Зосима Палестинский (VI в.) встретил ее в Заорданской пустыне и причастил перед кончиной.

⁶⁹ Имеются воспоминания одного «еврея-сиониста» о пребывании весной 1926 г. в одной камере с С. А. Нилусом. См.: Дудаков С. Владимир Соловьев и Сергей Нилус // Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Setman. Jerusalem, 1989. P. 163–169.

⁷⁰ Неясно о каком сневидении идет речь. На рис. 15 «Близ есть, при дверех» (1917) имеется изображение «бога тамплеров» Бафомета в козлином виде.

⁷¹ Религиозно-философские Собрания в С.-Петербурге под председательством еп. Сергея (тогдашнего ректора СПб. Духовной Академии) проходили с ноября 1901 по март 1903 г. по благословению митр. Антония (Вадковского). «Записки» собраний публиковались в прил. к религиозно-модернистскому журналу «Новый путь» (1903; отд. изд. 1906). Собрания впервые открыто объединяли околоцерковную (подчас, даже, околорелигиозную) интеллигенцию и реформаторски настроенных церковных деятелей. Как отмечает прот. Г. Флоровский влияние вл. Сергея в этих Собраниях «было решающим» (Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Paris, 1983. С. 471).

По иронии судьбы, именно на этих собраниях еп. Сергей высказывался по поводу церковно-государственных взаимоотношений так: «Задача не в том, чтобы “освободить” Церковь от государственной опеки (грубее: лишить ее элементарной помощи), а в том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими (в самих государственных функциях), чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу как орудие» (см.: Степанов (Русак) В., о. Свидетельство обвинения. М., 1993. Ч. 3. С. 38).

⁷² Митрополит Антоний, Санкт-Петербургский и Ладужский — (см. прим. 133 к «На берегу...»).

⁷³ Митр. Сергей подписал воззвание трех иерархов о признании каноничности обновленческого ВЦУ (см. прим. 50 выше) от 3/16.6.1922 («меморандум трех»). Около года выступал на стороне обновленцев против свт. Тихона. Публично покался перед ним 14/27.8.1923. В 1927 г. в беседе с проф. Комаровичем и Аничковым перомонах Нектарий (Тихонов, †29.4.1928) Оптинский назвал митр. Сергея «обновленцем». На возражения собеседников, что владыка, мол, покался, последовал ответ: «Да, покался, но яд в нем сидит» (Концевич. Указ. соч. С. 545–546).

⁷⁴ Митрополит Арсений (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий, 22.1.1862 †28.8.1936), Новгородский — новый мученик Российской. Закончил Киевскую Духовную Академию. С 1887 г. — инспектор, затем — ректор МДА (1898). В 1899 г. возведен в сан епископа. С 1903 по 1910 гг. — еп. Псковский (с 1907 — архиеп. и член Государственного Совета). В 1910 г. назначен на Новгородскую кафедру. В 1917 г. ему принадлежало 2-е место по количеству собранных голосов среди кандидатов в Патриарха (после митр. Антония (Храповицкого)). 22.11.1917 возведен в сан митрополита.

Впервые арестован в 1919 г. в Новгороде и осужден трибуналом на ссылку за то, что в 1916 г. при посещении Императрицей Александрой Феодоровной Новгорода возил ее «по юродивым», из коих одна (старуца Десятинного м-ря Мария Михайловна) «предсказала ей революцию и гибель всей Императорской Семьи» (*Польский М., прот.* Указ. соч. С. 281; *Россия перед Вторым Пришествием.* С. 163—164). После 1922—1923 гг. сослан в Туркестан, проживал в Ташкенте.

Имя вл. Арсения было вписано в состав Временного Патриаршего Св. Синода, хотя он не давал на это своего согласия и (находясь безвыездно) в ссылке не участвовал ни в одном его заседании. Отмежевываясь от соглашений с богоборными властями, митр. Арсений, в то же время, избегал открытых заявлений об отделении от митр. Сергия. Так, в письме митр. Сергию от 28.3/4.4.1928, он заявил о том, что не одобряет действий митрр. Агафангела и Иосифа, еп. Дмитрия и еще с ними (*Иоанн, митр.* Указ. соч. С. 196).

Митр. Арсений шел путем личного исповедничества и мученичества за Веру Христову. Так как в 30-е гг. обновленцами в Ташкенте были захвачены все три действующих храма (Иосифо-Георгиевский, Пантелеимоновский и Александро-Невский), сосланный туда вл. Арсений служил на кладбище в склепе, приспособленном под алтарь, а храмовым пространством для молящихся служили места между холмиками находившихся захоронений, над которыми на высоких местах был натянут брезентовый тент, защищавший летом от палящих лучей, а зимой — лишь от снегопада, но, понятно, не от мороза. В своих проповедях владыка подчеркивал близость каждого христианина (и свою особенно) к смерти, необходимость покаяния. Однажды, разговаривая с ним, В. М. Комаровский заметил, что «врата адава не одолеют» Церкви. «Уже одолели», — с горечью ответил митрополит (*Регельсон.* Указ. соч. С. 416).

⁷⁵ *Епископ Сергей* (Гришин, 12.2.1889 † 1/14.10.1943), *Серпуховской*, — из крестьянской семьи Олонекской губ. Окончил Петрозаводские Духовные училище и семинарию, Санкт-Петербургскую Духовную академию, на III курсе которой принял монашество. Рукоположен во иеродиакона (6.5.1914), отправлен на фронт военным священником (1915). С 1917 г. в течение 8 лет — наместник и настоятель Пафнутьево-Боровского монастыря. Хиротонисан во епископа Серпуховского (23.4.1927) с назначением управляющим делами Временного Патриаршего Св. Синода. Епископ Олонекский и Петрозаводский (3.4.1928), епископ Полтавский (5.5.1928), архиепископ (9.4.1930). Архiep. Горьковский и Арзамасский (1942). Посещавшим митр. Сергия епископам Зиновию (Дроздову) и Серафиму (Звездинскому) казалось, что епископ Сергей «здесь больше имел власти, чем митрополит». Арестовывался в 1936 г.

⁷⁶ 2.12.1917 Свт. Тихоном была направлена приветственная телеграмма королю Великобритании по случаю взятия Иерусалима английскими войсками (см.: *Регельсон.* Указ. соч. С. 220). Именно в 1918 г. в Иерусалим был приглашен член Королевского института британских архитекторов Э. Т. Ричмонд с целью ведения восстановительных работ на месте Храма Соломона (*Россия перед Вторым пришествием.* М., 1993. С. 221).

⁷⁷ *Патриарх Дамиан I Иерусалимский* — (см. прим. 30 к «На берегу...»).

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду *кувуклия* (см. прим. 29 к «На берегу...»).

⁷⁹ В обновленческом «Вестнике Св. Синода» (1927, № 9–10) сообщалось: «11 июля 1927 г. в 3 ч. дня в Иерусалиме и других местах Палестины произошло сильное землетрясение. Иерусалим, особенно старая часть города, серьезно пострадал. Несколько десятков домов и лачуг разрушены, сотни дали трещины. Много убитых, в т.ч. одна русская. Раненых еще больше. Колокольня, воздвигнутая архим. Антонинном на Елеонской горе, дала кое-где трещины. Немного пострадала и церковь на Елеонской горе. Русский Собор на русском месте пострадал больше. Средний купол дал большую трещину, один малый купол погнулся. Малый купол Гроба Господня (под ним храм Воскресения греческий) сильно растрескался. В храме запретили служить... Сильно пострадал Ноблус, старая часть которого вся обвалилась. Сильно пострадала за Иорданом города... Иерихон тоже сильно пострадал: человек 10 убитых, а монастырь Иоанна Предтечи на берегу Иордана совершенно разрушен...» (цит. по: Регельсон. Указ. соч. С. 429).

⁸⁰ Государственное политическое управление (ГПУ, см. прим. 21 к очерку кн. Н. Д. Жевахова в наст. изд.).

⁸¹ В послании 28.8/10.9.1919 в связи с закрытием Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Свт. Тихон говорил: «...Священным долгом нашим почитаем оповестить всех духовных чад наших о ходе настоящего дела. Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о Преп. Сергии и о значении его и основанной им лавры, предвещал: «Ворота лавры Преподобного затворятся, и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как Преподобный Сергий». Ныне закрываются ворота лавры и гаснут в ней лампы. Что же? Разве мы уже не растратили внешнее свое достоинство и остались при одном голоде и холоде? Мы только носим имя, что живы, а на самом деле уже мертвы. Уже близится грозное время, и, если не покаемся, отнимется от нас виноградник Царствия Божия и передастся другим делателям, которые будут давать плоды в свое время».

⁸² 16.2.1919 было принято постановление Народного Комиссариата Юстиции об организованном вскрытии мощей. Мощи Преп. Серафима Саровского были вскрыты 17.12.1920 (см.: В. А. Святотатство // Московский журнал. 1994. № 4. С. 41–42), свт. Митрофана Воронежского — 3.2.1919, свт. Тихона Задонского — 28.1.1919 (два последних вскрытия фиксировались на киноленту, см.: Степанов. Указ. соч. Ч. 1. С. 127).

⁸³ 27.10–3.11.1917 Московский Кремль подвергся ритуальному обстрелу под руководством П. К. Штернберга. Последние богослужения там состоялись в 1918 г. 16.8.1922 по специальному разрешению властей в Успенском соборе состоялся молебен живоцерковников (см.: Расстрелянные святые. Москва, 27 октября–3 ноября 1917 г. /Собр. С. Фомин// Град-Китеж. 1992. № 4(9). С. 8–11).

⁸⁴ Киево-Печерская Лавра была окончательно закрыта в 1926 г. и превращена в музей, но еще в 1918 г. подверглась обстрелу и осквернению (Из Летописи Киево-Печерской Лавры. Киев, 15–25 января 1918/ Подг. к печ. В. Симицыной, И. Гирича// Град-Китеж. 1992. № 4(9). С. 11–13).

⁸⁵ К дек. 1923 г. число заключенных в Соловках превысило 2000. 18 июня 1918 г. во время ночного молитвенного бдения под горой Голгофо-Распятского скита керомон. Иову

(в схиме Инсусу) явилась Богоматерь в небесной славе и сказала: «Сия гора отселе будет называться Голгофою и на ней устроится Церковь и Распятский скит. И убелится она страданиями неистысланными».

⁸⁶ Священномученик митрополит Вениамин (в миру Василь Павлович Казанский, 1873 †12.8.1922), Петроградский и Гдовский. Расстрелян по обвинению в сокрытии церковных ценностей. Причислен к лику Святых Архерейским Собором Русской Православной Церкви 31.3–4.4.1992 года.

⁸⁷ Священномученик митрополит Владимир (см. прим. 1 к разделу «Архипастырское благословение»).

⁸⁸ Цитируемое Нилусом послание соловецких епископов-мучеников, насколько нам известно, в литературе до сих пор не приводилось.

⁸⁹ Последняя служба в Дивеевской обители проходила на праздник Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня 1927 г. в храме иконы Божией Матери Всех скорбящих Радости. Серафимо-Дивеевский монастырь был закрыт под Рождество Пресвятой Богородицы 7/20.9.1927.

⁹⁰ После передачи Собора во имя Христа Спасителя обновленцам (1923) Л. А. Орлов, состоявший в «Братстве Храма Христа Спасителя» и исповедывавшийся братскому духовнику о. Илье (Гумилевскому), стал ходить на исповедь в Свято-Данилов монастырь, где также окормлялся у иеромонаха Григория и о. Александра. Даниловская обитель и группировавшееся вокруг нее духовенство во главе с еп. Феодором (Поздеевским) еще во времена Патр. Тихона считалась оплотом Православия. Письмо С. А. Нилуса заставило Л. А. Орлова отказаться от окормления у архим. Георгия.

III

МАТЕРИАЛЫ

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

ЗАПИСЬ В ДВОРЯНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ КНИГЕ

Орловский областной архив. Фонд 6. Запись в Дворянской родословной книге. Ч. 2. Продолжение. Печатается по: *Стрижев А. Н. Сквозь архивную пыль // К Свету. 1993. № 3–4. С. 34.*

¹ О деде писателя см.: *Кутузов М. И.*: Сб. док-тов. М., 1954. Т. 4.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Печатается с сокращениями по: *Жевахов Н. Д.*, кн. *Сергей Александрович Нилус: Краткий очерк жизни и деятельности*. Новый Сад (Сербия), 1936. 91 с.

² Князь Николай Давидович Жевахов — товарищ обер-прокурора Св. Синода (1916—17). Эмигрировал (16.1.1920 из Новороссийска). Жил в Бари (Италия) и Новом Саде (Югославия). Накануне второй мировой войны переехал в Карпатскую Русь и там скончался.

³ *Протоколы Сионских мудрецов* — Первый из известных на сегодняшний день текстов Протоколов был отпечатан в 1895 в Туле на гектографе тиражом в 100 экземпляров Ф. П. Степановым (будущим прокурором Синодальной Канторы, камергером, действительным статским советником) с рукописи, озаглавленной «Древние и современные протоколы встреч сионских мудрецов» (2-е изд. было осуществлено в 1897 в Московской губернской типографии при поддержке Великого Князя Сергея Александровича). Изучение гектографического издания показало, что оно «практически идентично тексту, позже изданному Нилусом и являющемуся основой для всех последующих изданий во всем мире» (*Кон Н.* [Оправдание геноцида: по всей вероятности, намеренно переведено как:] *Благословение на геноцид*. М., 1990. С. 61).

Следующим по времени изданием была публикация в 9 номерах петербургской газеты *Паволакця (Павла) Александровича Крушевана* (1860 † 1909, впоследствии члена II Государственной думы) «Знамя» (28.8—7.9.1903). Протоколы вышли под названием «Программа завоевания мира евреями». Автор статьи из «Краткой еврейской энциклопедии» С. Ю. Дудаков (Т. 6. Иерусалим, 1992. Стб. 845) утверждает, что в газете «Знамя» была опубликована «версия Нилуса (вероятно, с его предисловием)». После словие «От переводчика» действительно принадлежит С. А. Нилусу. Таким образом, публикацию в «Знамени» можно считать самой ранней из подготовленных Сергеем Александровичем.

1905 год принёс сразу же три издания. Это, во-первых, публикация в ежедневной газете «Казанский телеграф» (№№ 3895—3898, 3901 от 26—29.1 и 1.2.1905) под заглавием «Роль евреев и еврействующих в русской революции. Ключ к уяснению главного источника и главного двигателя всех смут, волнений и несчастий, охвативших и разоривших Россию в последние годы». По свидетельству редакции, «Протоколы» «ходили в публице в рукописном виде и были напечатаны в газете по просьбе подписчиков». Во-вторых, «Древние и новые Протоколы собраний Сионских мудрецов» (М., 1905). В-третьих, книга С. А. Нилуса «Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного» (Изд. 2-е, испр. и доп. Царское Село: Типография Царскосельского Комитета Красного Креста, 1905. Протоколы, С. 325—394). Издание было одобрено Московским цензурным комитетом 28.9.1905, но вышло в свет лишь в декабре 1905 г. тиражом 2000 экз.

Наконец, 9.12.1905 в Петербургский цензурный комитет было передано и в том же месяце отпечатано еще одно, несколько отличное от нилусовского, издание: «Корень наших бед. Где корень современной неурядицы в социальном строе Европы вообще и России в частности: Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов» (СПб.: Императорская гвардия, 1905).

Начиная со следующего года, эта брошюра вышла несколькими изданиями. На обложке появляется имя публикатора: Г. Бутми — *Георгия Васильевича Бутми де Кацмана* (1856 †?), дворянина, отставного офицера, одного из основателей и члена Главного совета Союза Русского Народа. Брошюра получила новое название — «Обличительные речи. Враги рода человеческого: Протоколы, извлеченные из тайных хранилищ Сионской Главной Канцелярии. (Где корень современной неурядицы в социальном строе Европы вообще, и России в частности)» (СПб.: Типография Училища глухонемых. 1906 — три издания; 1907 — два издания). Во 2-м издании приводится дата перевода рукописи — 9.12.1901.

Все это были «Протоколы» полные. Существовали и сокращенные. Под названием «Тайны политики, способы ее действий и результаты, достигнутые ею при помощи науки и жеманберализма» одно из таких изданий было напечатано в журнале «Мирный труд» (1905, № 8). Перевод «Протоколов», говорится в публикации, сделан с французского Н. Л. Мордвиновым, который сделал об этом доклад в Петербурге в Русском Собрании. Этот перевод выходил отдельной брошюрой в издании журнала «Мирный труд», а также был издан в Кременчуге «Союзом правового порядка сельских хозяев» (но уже под другим названием — «Еврейская политика и ее результаты») и в киевской газете «Самодержавие».

Сохранялись сведения о книге «Выдержки из древних и современных протоколов Сионских мудрецов Всемирного общества Фран-Массонов» (Казань, 1907).

Вскоре выходят новые издания Протоколов С. А. Нилуса: «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» (Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. 10 000 экз. Протоколы, с. 57—133); «Близ грядущий антихрист» (М.: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. Протоколы, с. 45—108); «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» (Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1912. 5000 экз. Протоколы, с. 59—135); «Близ есть, при дверях. О том, чему не желают верить и что так близко» (Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1917. 5000 экз. Из уничтоженных по приказу А. Ф. Керенского в Сергиевом Посаде 2.3.1917 г. осталось 600 экз.).

Отдельными изданиями Протоколы в версии С. А. Нилуса стали выходить в годы гражданской войны, несмотря на противодействие вождей Белого движения — А. И. Деникина, П. Н. Врангеля и А. В. Колчака (*Бурцев В. Л.* В погоне за провокаторами. «Протоколы Сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991. С. 275—277, 280—281).

Одно из первых подобного рода изданий было отпечатано в 1918 в большевистской Москве (!) монархистами (судя по всему, прогерманской ориентации) и послано с «несколькими своими уполномоченными на Юг — в Добровольческую армию» (*Бурцев В. Л.* Указ. соч. С. 279). Среди этих представителей был присяжный поверенный А. Н. Варламов и протоиерей Владимир Востоков (1868 †1957). Московское издание было перепечатано в Таганроге.

Среди других изданий «Сюнские протоколы, план завоевания мирового господства евреями и масонами» (Изд. И. А. Роднонова, Новочеркасск, 1918). Есть сведения о Протоколах, изданных в Ростове-на-Дону, Харькове, Омске, Иркутске, Владивостоке, Хабаровске.

Первое русское издание «Сюнских Протоколов» в Берлине было выпущено в 1920 г. в 3-й книге «литературно-политического издания» «Луч света», редактировавшегося белым офицером *П. Н. Шабельским-Борком* (1896 †1952). Вместе с ним в редактировании «Луча света» принимал участие другой известный монархист полковник *Ф. В. Винберг*, переведший и выпустивший позже в очередном сборнике (и отдельным оттиском) книгу «Ахад-Хам (Ашер Гницберг). Тайный вождь иудейский. Подлинность «Сюнских Протоколов». Перевод с французского» (Берлин, 1922). К русскому берлинскому изданию «Протоколов» 1920 г. было приложено «Введение к немецкому изданию книги *С. А. Нялуса*», подписанное инициалом «М» — *Готфрид цур Бек* (псевдоним немецкого полковника *фон Ганаена*). Во введении дается, между прочим, другая версия открытия «Протоколов»: «Русское правительство никогда не поддавалось уверениям сионистов. Когда из газет стало известно, что сионисты осенью 1897 г. решили созвать съезд в Базеле, русское правительство, как нам сообщило лицо, много лет занимавшее видное место в одном из министерств в Петербурге, послало туда тайного агента. Последний подкупил еврея, пользовавшегося доверием высшего управления масонов и в конце съезда получившего поручение доставить отчеты тайных заседаний, о которых, естественно, ничего не проникло в общество, во Франкфурт-на-Майне, откуда основанная 16 августа 1807 г. еврейская ложа со знаменательным названием «К занимающейся заре» в течение столетия поддерживала связь с «Великим Востоком» Франции. Эта поездка представляла великолепный случай для осуществления задуманного предприятия. Гонец по дороге переночевал в маленьком городке, где русский агент ожидал его с группой переписчиков, которые за ночь сняли с документов копии. Отчеты заседаний поэтому, может быть, не полны: люди переписали то, что они могли выполнить за ночь, с французского текста оригинала. Копия была вручена в России надежным лицам, в том числе ученому *С. А. Нялусу*, который в декабре 1901 г. перевел эти отчеты на русский язык».

Следующее по времени издание «Протоколов» вышло также в Берлине в 1922 г. под названием «Протоколы Сюнских мудрецов. (По тексту *С. А. Нялуса*). Всемирный тайный заговор». Кроме «Протоколов» в этом издании дано предисловие *А. Роговича* и указанная уже статья в переводе *Ф. В. Винберга*.

Очередное издание — «Сюнские Протоколы» — увидели свет в Париже в 1927 г. в издательстве «светлейшего князя *М. К. Горчакова* «Долой зло!». Книга снабжена предисловием *М. К. Горчакова* «От издателя».

Последнее из известных русских эмигрантских изданий «Протоколов», напечатанное в Буэнос-Айресе в 1955 г., практически повторяет состав берлинского издания 1922 г., отличаясь лишь публикацией избранных страниц из сочинений *С. А. Нялуса*. Полное его название: «Протоколы Сюнских мудрецов. По тексту *С. А. Нялуса*. Всемирный тайный заговор».

Наконец, еще одно издание «Протоколов», связанное с русской эмиграцией, вышло в Париже на французском языке: *Netchvolodow A. L'Empereur Nicolas II et les juifs. Paris, 1924.* Автор книги, включающей «Протоколы», — *генерал-лейтенант А. Д. Нечво-*

лов (25.3.1864 † 25.12.1938), автор известных четырехтомных «Сказаний о Русской земле», сохранивший верность Государю Императору Николаю II, несмотря на преследование со стороны командования Русской, а потом и Белой армии.

Приводим ставшие ныне малодоступными тексты, сопровождавшие первую точно атрибутируемую С. А. Нилусу публикацию ПСМ 1903 г. в газете «Знамя»:

[ОТ РЕДАКЦИИ «ЗНАМЕНИ»]

Нам прислана рукопись, являющаяся переводом протоколов заседаний «Всемирного союза франмасонов и сионских мудрецов». Таково заглавие, данное рукописи переводчиком. Как, где, каким образом могли быть списаны протоколы этих заседаний во Франции, кто именно списал их, мы не знаем, но безусловно убеждены в их подлинности и не сомневаемся, что лица, более или менее разгадавшие план завоевания мира евреями, согласятся с этим: слишком характерен их тон, слишком типичен в них холодный, изверившийся, поражающий свой «логикой цинизма» ум еврея, слишком глубоким скептицизмом и презрением к другим народам проникнуты они, слишком часто прорываются в них *tapia grandiosa* «избранного народа», для того чтобы можно было усомниться в их подлинности.

Тем не менее, если бы даже допустить, что «протоколы» апокрифичны, то и в этом случае они представляют исключительный интерес и имеют огромное значение: несмотря на несовсем удачный и местами туманный перевод, они, очевидно, написаны очень умным человеком, не только хорошо знакомым с еврейским вопросом, но и глубоким наблюдателем, сумевшим в современном движении и завоевательной политике евреев уловить основанья программы, которую они так неуклонно проводят в жизнь, стремясь завладеть миром и создать «сверхправительство».

И потому, действительны ли помещаемые ниже протоколы или апокрифичны, знакомство с ними может принести пользу хоть бы уж тем, что позволит читателям еще полнее осветить еврейский вопрос и еще яснее увидеть, чем грозит всему христианскому миру торжество еврейства и осуществление в Европе плутократического «сверхправительства», особенно теперь, когда для достижения этой цели в их распоряжении имеется такое могучее орудие, как сионизм, призванный объединить всех евреев на земле в союз еще более сплоченный и опасный, чем Генуэзский орден.[...]

От переводчика

Изложенные протоколы написаны сионскими представителями (не смешивайте с представителями сионистского движения) и выхвачены из целой книги, протоколов, все содержание которой переписать не удалось, по случаю краткости времени, данного на прочтение их переводчику этих протоколов. К ним было приложено еще небольшое прибавление и план завоевания мира евреями мирным путем. Этот рисунок в протокол добыты из тайных хранилищ сионской главной канцелярии, ныне находящейся на французской территории. На приложенном рисунке значится весь политический план Сиона, по отношению к имеющим быть пройденным этапам этого шествия и способам перехода от одного к другому. Сказанный политический план осуществляется с 929 года до Р. Х.,

он был измышлен Соломоном и мудрецами иудейскими в теории, по мере же исторических событий, разрабатываем и дополняем посвященными в этот план последователями. Эти мудрецы решили мирно завоевать мир для Сиона, с мудростью символического змея, главу которого должно было составлять посвященное в планы мудрецов правительство евреев (всегда замаскированное даже для народа) и туловище — народ иудейский. Переползая в государственные недра, змей этот подтачивал или пожирал все нееврейские государственные силы по мере их роста на разных континентах, но особенно в Европе, что он должен делать и в будущем, при точном следовании по предначертаниям плана, до тех пор, пока цикл пройденного им пути не сомкнется возвратом головы змея из Сиона, т. е. пока этот змей не заключит в сферу своего круга всю Европу, а через нее и весь мир, пользуясь всеми силами, завоеванными экономическим путем, чтобы завлечь в сферу своего цикла остальные страны... Так как возврат главы змея мог совершиться лишь по развалинам государственной мощи всех европейских стран, через падение этой мощи от экономического расстройтва и разорения, всюду вносимого Сионом с помощью нравственного упадка и растления, с помощью распутных евреек, испанок, то эти женщины в руках Сиона служат приманкой для тех, которые, благодаря им, всегда нуждаются в деньгах, а потому охотно торгуют совестью, чтобы добыть денег во что бы то ни стало... Конечно, для успеха предприятия надо было, чтобы ни государство, ни отдельные личности не заподозрили, какую роль они играли в руках Сиона; и потому иудейские правители учредили из себя якобы религиозную касту, ревнивую блюстительницу моисеевых законов и талмудических предписаний. И вот все поверяли, что маска моисеевых законов есть истинный руль управления евреев, никто не стал присматриваться к деятельности этого самоуправления; никто не замечал, как велись национальные дела народа без территории, тем более, что глаза всех отводились на золото, из-за которого все спорили, пока евреи потихоньку забирали его в свои кассы... Поэтому-то и была представлена полная свобода действия в экономическо-политических интригах Сиона.

Первый этап змея в Европе был в 429 году до Р. Х. в Греции, где во время Перикла I он начал подтачивать величие и мощь этой страны. Второй этап был в Риме во времена Августа с 69 года до Р. Х., где он пробыл 16 веков и где положил начало кредитно-политической мощи евреев. Третий этап был в Мадриде во времена Карла Пятого с 1558 года по Р. Х. Четвертый этап был в Париже в 1700 г., во времена Людовика XIV. Пятый — в Лондоне с 1814 г. после падения Наполеона I. Шестой — в Берлине с 1871 года после франко-прусской войны. Седьмой — в С.-Петербурге, на котором нарисована ныне глава змея, а год водворения ее там значится с 1880 г.

Все вышеназванные государства, пройденные змеем, действительно подточены в своем основании либерализмом и экономическим расстройством, внесенными евреями. Далее глава змея движется или двинулась по указанному стрелками пути на Москву, Киев, Одессу. Константинополь значится восьмым и последним этапом до Иерусалима. Следовательно, осталось змею немного пройти до сомкнутия цикла через соединение главы его с хвостом. Чтобы указанное «проползание» совершилось безпрепятственно, были проведены следующие меры. Прежде всего была создана обособленность евреев, чтобы никто не проник в их среду и не открыл тайны и [х] патриотической работы вредной для приютивших их стран. И вот им пророчески объявили, что они избраны самым Богом из среды людей, чтобы владеть землею, нераздельным царством. Кроме того, внушали, что только евреи сыны Божья и они одни достойны названия «человека», остальные же

люди созданы, как рабочий скот и рабы для евреев, а человеческие лица им даны для того, чтобы евреям не были слишком противны их услуги, заключающиеся в создании престола Сиона над всем миром. Раз им было внушено, что они высшие существа, или сверхчеловеки, то поэтому они не могут сочетаться браком со скотским племенем — с другими народами, которые по сравнению с евреями суть скоты. Такие принципы, внушаемые воспитанием в тайных и явных школах и в семьях иудейских, были причиною самовозвеличения евреев над остальным человечеством, самообогащения их якобы сынов Божьих. Обособленности евреев еще служила кагалная система, вынуждавшая каждого еврея оказывать поддержку соотечественникам, независимо от поддержки, которую они все получают от местного управления Сиона, носящего разные названия — кагала, консистории, комитета по еврейским делам, канцелярии по сборам податей и проч. и проч., прикрывающих сионскую администрацию от взоров других правительств, всегда усердно охранявших и охраняющих почему-то сионское самоуправление, сделавшееся, благодаря этому, вполне автономным, якобы религиозным. Считая всех неевреев своим рабочим скотом (см.: Арам Хайим п. А, стр. 1; Эбен Гайзер п. 44, стр. 8, 24; Иебанот 98, 25; Катубот 3, 34; Санхедрия 74 и в. 30; Кидушин 68), созданным для возвеличения Сиона, евреи и обращаются с ними как с таковыми; собственность и даже жизнь народов они считают своим достоянием и распоряжаются ими по своему усмотрению, когда это можно сделать безнаказанно. Администрация их это санкционирует отпущением всех злодейств, содеянных евреями против неевреев. Такое отпущение производится в день Иом Кипура (еврейского нового года), давая вместе с тем разрешения на таковые же деяния для наступающего года. Помимо всего сказанного, желая усилить непримиримость и ненависть своего народа к другим народам, сионская администрация удачно пользовалась движением антисемизма [sic], полезного Сиону в том отношении, что будя ненависть в сердцах евреев, он вызывал к ним жалость в сердцах многих христиан, как к несправедливо гонимому племени. Запугивая еврейскую массу (глава Сиона никогда не страдала от антисемизма в своей автономии и целостности) руководители Сиона еще больше подчиняли ее себе. Антисемизм удерживал массу в повиновении пастырей стада, которые умели вовремя защитить свой народ. Но главная заслуга антисемизма заключается в том, что он разбрасывал еврейский народ во все концы мира, что дало возможность создать всемирный союз сионистов, ныне сбросившего маску, потому что он достиг положения сверхправительства, имея возможность незаметно руководить по своему усмотрению нитями, исходящими из всех канцелярий мира. Ныне крепкий трон Сиону воздвигнут, остается возвести лишь царя иудейского. Этому царству не будет границ, потому что оно сумело расположиться интернационально. Главным завоевательным средством в руках евреев было золото, а для сего надо было не только добыть его, но и увеличить его ценность. Возрождению золота послужила золотая валюта, а наживе его послужили международные распри, как это доказала история Ротшильдов, напечатанная в Париже. Этими-то распрями создавалась монополярная сила капиталов под флагом либерализма и социально-экономических вопросов. В избирательной борьбе евреи стали действовать подкупом большинства голосов. Массы, вечно нуждающиеся, или жадные интеллигенты, недалёковидные либералы и т.п. слепой народ тоже хорошо послужили Сиону. Поэтому для последнего самым желательным, удобным государственным строем является республиканское управление: оно дает полный простор деятельности армии Сиона — анархистам, называемым социалистами мысли и дела. Таково дело

рук безтерриториального народа, составляющего каплю в океане человечества, но располагающего силой кагала и капитала и властью невидящего правительства. Отсюда ясно, за кем должны остаться победа и руководство миром.

[Редакционное резюме «Знамени»]

На этом заканчиваются «протоколы заседаний франмасонов и сионских мудрецов».

Вторую половину этих протоколов мы напечатали со значительными сокращениями.

Несмотря, однако, на это и плохой перевод, мы не сомневаемся, что читатели составили достаточно определенное представление о программе завоевания мира евреями и вынесли убеждение, что программа эта действительно выработана евреями и является пламенной мечтой всего еврейства. В этом убеждают не только внешние признаки, как, например, характерные для еврейской речи обороты и гебраизмы, но и тот холод души, и тот скептицизм, и то презрение к христианским народам, которые свойственны только евреям.

Как бы ни старался христианин, он не сумел бы фальсифицировать эти еврейские чувства. Впрочем, не только эти соображения, но и другие данные убеждают, что рукопись является не апокрифической, а что пред нами действительно подлинный протокол заседаний франмасонов-евреев, что программа завоевания мира евреями не бред душевно-больного, а строго обдуманый жестокий умом евреев план, часть которого, как мы видим, уже осуществлена.

⁴ Ульшер (Ашер) Гири Гинзберг (Гинцберг, 1856—1927) — крупнейший идеолог «духовного» сионизма, предполагаемый автор «Протоколов». Писал под псевдонимом Ахад-ха-ам («один из народа»). В 1884 г. поселился в Одессе, где вошел в группу Ховевей Цион. Исследовавшая с 1922 г. ПСМ американка Лесли Фрей (по мужу Шишмарева) считала А. Гинзберга их автором. «Книга Протоколов, — писала она, — есть перевод с древнееврейского языка. Такое мнение подтверждается экспертами, исследовавшими книгу. Еще более веским доказательством являются свидетельства людей, живших в Одессе в 1890 году и видевших этот документ, написанный на древнееврейском языке, в руках евреев — жителей Одессы, и даже державших его в своих руках»* (цит. по ст.: *Бегунов Ю. К.* Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // *Русский вестник.* 1993. № 7. С. 11; *Кон Н.* Благословение на геноцид С. 22—23).

«Неужели мы столько страдали, чтобы в конце концов основать крохотное государство, которое будет мячом в руках великих держав?» — писал Гинзберг (цит. по: *Хонигсман Я. С., Найман А. Я.* Евреи Украины. Киев, 1992. Ч. 1. С. 122). В 1889 г. основал орден «Бней-Моше» (1889—1896). С 1896 г. возглавлял издательство «Ахисаф» и редактировал журнал «Ха-Шиллоах» (1896—1903). На 1-м Сионистском конгрессе в Базеле окончательно выявились расхождения между ним и лидером

---

* Еще один, пока что не получивший объяснения факт: «...В Польше в 1934 году «Протоколы» были изданы стотысячным тиражом по цене четверть гроша на языке идиш. Кому и зачем могло понадобиться распространение «антисемитской фальшивки» специально среди евреев?» (*Иванов А.* На всяких мудрецов довольно протоколов // *Русский вестник.* 1991. № 15. С. 9).

«политического» сионизма *Т. Герцлем*. Вопреки утверждениям Н. Кона (С. 22—23) Гинзберг отнюдь не был кротким агнцем. «Единственное, что он хотел бы перенести из Европы, — писал о нем сионист М.-С.-Э. Нордау (1849—1923), — это принципы инквизиции, приемы и способы действий антисемитов, ограничительные законы Румынии в той форме, в какой они нынче принимаются против евреев. Такие чувства и мысли, им высказанные, могли бы вызвать ужас и негодование против человека, не способного подняться выше гетто [...]. Идея свободы — выше его понимания. Он представляет себе свободу в виде гетто, но только с переменной ролей; так, например, по его мнению, преследование и угнетение должны существовать по преданию, но с той разницей, что уже не евреи будут их жертвами, а христиане» (*Винберг Ф. В.* Подлинность «Сионских протоколов» // *Старая Франция*. № 218. 1921. 31 марта—6 апреля). А. Г. Гинзберг выступал за создание отрядов еврейской самообороны в России после кишиневских событий. В 1907 г. переехал в Лондон, в 1922-м (окончательно) — в Париж.

До сих пор не привлекали исследовательского интереса документы Всемирных сионистских конгрессов: первого (1897, Базель): *Пэн С.* Первый всемирный конгресс сионистов в Базеле. Полный отчет. Одесса, 1897 (доп. переиздание. СПб., 1898). [«Особенно интересны, — пишет по поводу этого издания *Б. И. Пинчуков*, — комментарии к этим документам св. Иоанна Кронштадтского. [...] Не следует путать с «Протоколами сионских мудрецов», фривольным литературным пересказом документов конгресса» (*Пинчуков Б. И.* Хазары: Историческая поэма для устного чтения в трех частях. СПб.; М.: Владивосток, 1985—1993. С. 46)]; второго (1898, Базель): *Пэн С.* Второй всемирный конгресс сионистов в Базеле. Полный отчет. Одесса, 1898.; третьего (1899, Базель): *Пэн С.* Третий всемирный конгресс сионистов в Базеле. Полный отчет. Одесса, 1900.; четвертого (1900, Лондон): *Шляпошников М.* Четвертый всемирно-еврейский конгресс сионистов в Лондоне. Критический очерк. Харьков, 1901.; пятого (1901, Базель): *Шляпошников М.* Пятый всемирно-еврейский конгресс сионистов в Базеле. Харьков, 1902.; шестого (1903, Базель): *И. Я.* Шестой всемирный конгресс сионистов в Базеле. Отчет. Одесса, 1903.; седьмого (втор. пол. июля 1905, Базель): *свящ. А. А. Глаголев* Седьмой всемирный сионистский конгресс в еврействе // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1906. Т. II; восьмого (1-8.8.1907, Гаага): еженедельный журнал сионистов-палестинофилов в России «Рассвет» за 1907 г.

⁵ Имеется ввиду издание: *Нилус С. А.* Великое в малом или антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного. Изд. 2-е, испр. и доп. Царское Село: Тип. Царскосельского Ком-та Красного Креста, 1905. X+419 с.

⁶ *Бостунич (Шварц) Григорий В.* (1.12.1883—?) — журналист, писатель, исследователь масонской проблемы. Среди его предков были русские, сербы, немцы. Получив высшее образование, стал адвокатом (1908), профессор одного из институтов в Киеве (1914), директор Железнодорожного театра в Киеве. В 1917—1918 гг. на Кавказе вступил в контакт с теософом Г. И. Гюрджиевым. Член киевского отдела теософского общества (1919). Выступал с антимасонскими, антибольшевистскими лекциями в Крыму перед офицерами и солдатами Белой армии, за что заочно приговорен большевиками к смерти. Эмигрировал (1920): сначала в Болгарию (где сошелся с Петром Деуновым, соединившим эзотерический расизм со славянским мессианизмом), попал в Югославию, а затем в Германию (август 1922). С 1924 г. германский подданный. Находился в близких

отношениях с видным немецким философом Гербертом Рейхштейном и известным исследователем масонства Карлом Гейзе. Г. Бостуничу принадлежала идея о создании Института по изучению теорий всемирного заговора, фундаментом которого должна была стать его уникальная личная библиотека по истории этого вопроса, насчитывавшая 40 000 томов. С 1942 г. — почетный профессор СС. В начале 1944 г. с женой и библиотекой эвакуируется из Берлина в Силезию. В конце 1944 г., по личной рекомендации рейхсфюрера Г. Гимлера Г. Бостуничу присваивается звание штандартенфюрера СС. Дальнейшая его участь, как и судьба библиотеки неизвестны. Перу Г. Бостунича принадлежат книги: «Из вражеского плена: История мытарств русского журналиста в Германии» (Пг., 1915); «Спор небожителей» (Пг.; 1915); «У отставного царя: Веселые похождения коммивояжеров в Царском Селе» (М., 1917); «В помощь ищущему»; «Правда о Сионских протоколах» (Митровица, 1921); «Масонство и русская революция: Правда мистическая и правда реальная» (Новый Сад, 1922; 2-е изд. Белград, 1928 — «Масонство в своей сущности и проявлениях»); «Антихрист»; Die Freimaurerei: Ihr Ursprung, ihre Geheimnisse, ihr Wirken. 2. Aufl. Weimar. 1935; Die Freimaurerei: Weltanschauung: Organisation und Politik. Berlin. 1942; «Современные результаты исследования вопроса о происхождении «Протоколов Сионских мудрецов»» (Welt Dienst, 1943, 1-ая нед. августа).

⁷ Теодор Герцль (Беньямин Зеев, 1860—1904) — вождь движения «политического» сионизма, ратовавшего за немедленное переселение евреев со всего мира на «историческую родину» в Палестину. Основал Всемирную сионистскую организацию, по его инициативе в 1897 г. был собран Всемирный сионистский конгресс в Базеле. В 1902 г. вел сепаратные переговоры с министром внутренних дел России В. К. Плеве. Последний «высказался в поддержку условий [сторонников Герцля] по стимулированию эмиграции евреев из Империи и обещал покровительство в переговорах с правительством Османской империи, облегчение деятельности эмиграционных обществ в России и даже материальную поддержку» (Хонигсман Я.С., Найман А. Я. Указ. соч. С. 123). Умер в Вене; в 1949 г. останки Герцля были перевезены в Израиль. По мнению С. А. Нилуса, высказанному им в последнем, прижизненном (в согласии с волей автора) издании «Протоколов» (1917), Т. Герцль являлся их докладчиком на Базельском конгрессе в августе 1897 г. (Близ есть, при дверях С. 88—89).

Погибший при невыясненных до сих пор обстоятельствах ученый Е. С. Евсеев (1932—1990) в статье «Что скрыто за “Библией сионизма”» (Советская культура. 25.9.1979), анализируя книгу Т. Герцля «Еврейское государство» (1896), нашел множество примеров скрытого цитирования сионистом «Диалогов...» М. Жюли* без ссылок

* «Самым важным, — высказывал пожелание после знакомства с Протоколами крупный английский политик лорд Сайденхэм (Sydenham), — было бы, разумеется, узнать источник, из которого Нилус получил “Протоколы”. Большевики не могли истребить всех, кто знал Нилуса и его труд. Его книга... не была переведена целиком, хотя это могло бы сообщить о нем кое-какие данные... Что сильнее всего поражает читателя в “Протоколах”? Ответ гласит — редкое знание особого рода, охватывающее самые широкие области. Для разгадки этой тайны, если она действительно является таковой, нужно выяснить, откуда пришло это таинственное знание, лежащее в основе пророчеств, которые исполняются теперь буквально» («Spectator». 27.8.1921)

Одним из таких источников (но никак не единственным и, конечно, не главным) для авторов Протоколов являлась книга французского адвоката Мориса Жюли (1829—1879) «Диалог между

на источник: «Я сравнил тексты этих двух публикаций... и тогда выяснились прелюбопытные вещи: «пророк» Герцль просто переписал работу француза Жоли». Примечательно, что до этого к таким же выводам пришли, проведя сравнительный анализ текстов, А. Розенберг* («Конгресс мировых заговорщиков в Базеле». 1927) и Г. Бостунич («Современные результаты исследования вопроса о происхождении «Протоколов Сионских мудрецов»». 1943)

⁸ Фантастические инсинуации с целью компрометации С. А. Нилуса распространял и, к сожалению, продолжают распространять и некоторые представители правого лагеря (как правило, это люди или неправославные, или прошедшие в молодости школу «окультистских наук»). С. А. Нилус, утверждал Г. Бостунич, «сам в молодости соблазненный и посвященный в масонство знаменитым Теодором Герцлем, ...был обращен и спасен из этого омута о. Иоанном Кронштадтским и с тех пор стал верным служителем Церкви в родины» (Бостунич Г. Масонство и русская революция: Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922. С. 41). Позже еще откровеннее: «Труд Нилуса был бессмертным достижением, но идейно мы оставались астрономически далеки от человека, который реально ожидал пришествия антихриста и для которого средневековый дьявол был реальностью» (Schwartz-Bostunich G. Jüdischer Imperialismus. S. 359). Или вот недавние, граничащие с провокацией, изыскания автора журнала «Молодая гвардия», гл. редактора газеты «Сокол Жвириновского» С. Жарикова: «Еще более любопытным является тот факт, что еврей Сергей Нилус, посвященный в тайны масонства самим Гессеном, после того, как опубликовал «Протоколы» в своей книге «Великое в

Маккиавели и Монтескье в аду, или политика Маккиавели в XIX столетии» (напечатана в Брюсселе с выходящими данными Женевы 1864). Обычно считалось, что книга эта является памфлетом, направленным против Наполеона III. Но «сатира ли это? — засомневался недавно журналист-международник А. П. Замойский — Или шиничный, наглый манифест, от которого пахнет серой? Что за фигура — сам Жоли?» (Замойский А. П. За фасадом масонского храма. М., 1990. С. 178).

М. Жоли — французский публицист еврейского происхождения, был масоном, членом ордена розенкрейцеров, спиритом и уже потому вполне мог использовать для составления своих «Диалогов» масонские документы. Настоятель церкви Св. Августина в Париже пастор Жуэн (ум. 1932) утверждал, что не Протоколы являются плагиатом, а, наоборот, это Морис Жоли совершила плагиат, используя тайные масонские документы. Другие в качестве источника «Диалогов» называли «Пражские речи» (Мирный труд. 1906. № 1). Характерна дружба Жоли с основателем Всемирного израильского союза Исааком Кремье (1796–1880), участие его в терроре 1870–1871 гг. во время Парижской коммуны, самоубийство, которым он покончил со своей жизнью.

Даже беглый взгляд на биографию автора одного из источников Протоколов и само его содержание блестяще подтверждает мысль, высказанную еврейским писателем Артуром Требишем по поводу РСМ: «Если сочинитель этих тайных актов так основательно выражает наши мысли, цели и устремления в хозяйственной, политической и духовной жизни, то можно с полной ответственностью признать, что их выражения — самые подлинные и нефальсифицированные, и что воледеления нашей еврейской души о мировом господстве столь действительны, что вообще арийский мозг никогда не способен выдумать и выработать таких способов борьбы, таких планов, такого коварства и такого мошенничества» (Россия перед Вторым Пришествием. С. 490).

* Любопытная подробность: в кн. А. Розенберга «Мир XX века» «целые страницы синхронно совпадают с текстами Жоли» (Ravencroft T. The Spear of Destiny. Jork Beach. Maine. USA. 1982. P. 110.; Замойский А. П. За фасадом масонского храма С. 178).

малом», преспокойно почил в Советской России никем не преследуемый, в то время как за одно хранение этой книги людей отправляли на Соловки!» (Жариков С. Когда падают звезды // К топору. 1993. № 5. С. 29–30). Этот «факт» позаимствован из одиозного памфлета «Красная каббала» Гр. Климова.

⁹ См. прим. 45 к «На берегу Божьей реки».

¹⁰ Говоря о «Дневнике», Н. Д. Жевахов имеет в виду кн. С. А. Нилуса «Святые под спудом». Рассказ об отроке содержится во «Вражьей силе», вошедшей в состав кн. «Сила Божия и немощь человеческая». Пророчества о Илюдора приведены С. А. Нилусом в книгах «Великое в малом», «Святые под спудом», «Близ есть, при дверях».

¹¹ Одно из последних научных исследований на эту тему: *Безунов Ю. К.*, доктор филологич. наук. Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // *Русский Вестник*. 1993. № 7 (90). С. 10–11.

¹² *Полковник Федор Викторович Винберг (1871 † 1927)* — видный монархический деятель, член Русского собрания, Филаретовского общества, Союза Михаила Архангела. Один из организаторов и руководителей Союза воинского долга в мае 1917. Был арестован и осужден вместе с В. М. Пуришкевичем временным правительством. С 11.12.1917 по 12.3.1918 во время следствия находился в Петропавловской крепости, где вел дневник (см. его: *В плену у обезьян*. Харьков, 1918). После выезда за рубеж сотрудничал в журнале «Луч света» (Берлин), издавал газету «Призыв». Был тесно связан с Высшим монархическим советом, входил в общество «Балтикум». Издатель «Протоколов» по тексту С. А. Нилуса (см. прим. 3 выше). Автор статьи «Подлинность «Сионских протоколов»» (Старая Франция. № 218. 1921. 31 марта–6 апреля) и книги «Via dolorosa (Крестный путь)» (Мюнхен, 1922; вышла только 1-я часть).

¹³ *Граф Эрнест фон Реветлов (Reventlow)* — историк, публицист, член Пангерманского союза. Ведущий сотрудник его органа *Deutsche Tageszeitung* (1914–1917). Автор книги «Запечатанное Северное море» (*Die versiegelte Nordsee*. Berlin, 1915. 28 S.) и статьи «Сионские протоколы». Любопытное сообщение о нем см.: *Бурцев В. Л.* «Протоколы Сионских мудрецов» — доказанный подлог... М., 1991. С. 327.

¹⁴ Т. е. Св. Апостолом Павлом.

¹⁵ *Александр Федорович Керенский (22.4.1881–11.6.1970)*. Родился в г. Симбирске, окончил юридический факультет Петербургского университета, вступил в коллегию адвокатов, присяжный поверенный. С 1912 г. избран депутатом IV Государственной Думы от Самарской губ. по списку трудовиков, входил в думскую масонскую ложу, в Верховный Совет масонов России. Глава масонского послушания «Великий Восток России». После победы временного правительства занял в нем доминирующее положение. После прихода к власти большевиков эмигрировал, жил во Франции, с 1940 г. в США.

По одной из версий является ребенком революционерки Геси Гельфман (умершей от родов в тюремной больнице), последовательно усыновленным семьей Кирбиз, а затем Ф. М. Керенским (выкредом из г. Керенска, получившим дворянское достоинство) (см. подробнее: *Бостунич Г.* Масонство и русская революция. С. 123–124).

¹⁶ Нилусы поселились в усадьбе «Жеваховщина» села Линовница (ок. г. Пирятина, Полтавской губ.), принадлежавшей брату Н. Д. Жевахова — Владимиру Давидовичу Жевахову. См. «Краткое жизнеописание» в 1 ч. наст. изд.

¹⁷ *Всероссийская Чрезвычайная комиссия* (ВЧК, 1917–1922) — следственный и карательный орган советской республики по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Основана решением Совета народных комиссаров от 7/20.12.1917 по инициативе В. И. Ленина во главе с Ф. Э. Дзержинским. В 1922 г. реорганизована в ГПУ (см. прим. 21, ниже). Методы работы ЧК, и наследовавших ей органов отличались крайней жестокостью, изуверством. Интересно, что полное название ВЧК, по свидетельству старых чекистов — *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями и антисемитизмом* (*Побеизинский А. Кому принадлежит власть в современном мире? // Царь-колокол. М., 1990. № 4. С. 12*).

¹⁸ *ВОХР* — войска внутренней охраны, из которых впоследствии сформировались внутренние войска.

¹⁹ Имеется в виду издание: В. А. Шмаков. *Великая книга Тота*. М., 1916.

²⁰ «*Возрождение*» (июнь 1925—июль 1940) — парижская эмигрантская газета. Выходила ежедневно до 1936, еженедельно — до 1940. Основана нефтепромышленником А. О. Гукасовым; редактировалась П. Б. Струве (до 1927), затем — Ю. Ф. Семеновым.

²¹ *Государственное политическое управление* (ГПУ, 1922–23) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР — орган по охране безопасности. Создан при реорганизации ВЧК (см. прим. 17, выше), на основе ее аппарата. В 1923 г. преобразован в Объединенное ГПУ (ОГПУ).

²² *Алексей Петрович Рогович* (1861 ?) — сенатор, член Государственного Совета, гофмейстер. В 1906–1912 гг. товарищ обер-прокурора Св. Синода С. М. Лукьянова. Исследователь «Протоколов», автор предисловия к книге «*Всемирный Тайный Заговор...*» (см. выше прим. 3). Придерживался мнения о принадлежности авторства «Протоколов» А. Гинзбергу.

²³ См. раздел «Император Николай II читает С. А. Нилуса».

²⁴ *Великий Князь Сергей Александрович* (1857 †1905) — сын Императора Александра II, муж Св. мученицы благоверной Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. В 1891–1905 гг. — московский генерал-губернатор. Убит эсером-террористом И. П. Каляевым 4 февраля 1905 г.

²⁵ *Иван Платонович Каляев* (1877–1905) — русский дворянин, член Боевой организации партии эсеров. В 1904 г. участвовал в покушение на министра внутренних дел В. К. Плеве. 4 февраля следующего года убил бомбой московского генерал-губернатора Вел. Кн. Сергея Александровича (см. прим. 24, выше). Особым присутствием сената в апреле 1905 г. был осужден к смертной казни.

²⁶ *Схиархимандрит Иоасаф*, настоятель Густынского монастыря, исполненный невыразимой небесной кротостью и святостью. Прожил с четой Нилусов в Ливовице, имении Жеваховых, до самой своей чудной праведной кончины. Скончался 26 мая 1922 г. Перед смертью собирался уехать в Густынь, но до назначенного дня отъезда (28 мая) не дождался. В остаток дней сподобился видения Пресвятой Троицы, а до этого видения и после него он лицезрел двух Ангелов.

²⁷ *Сестра владельца усадьбы кн. В. Д. Жевахова и Н. Д. Жевахова*. После кончины матери Екатерины Жеваховой (†30.10.1917), она «оставалась [в Киеве] до конца праздников Рождества Христова, а затем, вместе с... на редкость энергичной сестрой

милосердия кн. О. И. Лобановой-Ростовской, уехала обратно в свою усадьбу, где и осталась... Эта усадьба спасла сестру от тех ужасов [...], когда большевики воздвигли гонение на Церковь и началось поголовное истребление христианского населения Кшева [...]» (*Жевахов Н. Д. Воспоминания. Новый Сад, 1928. Т. 2. С. 26*).

²⁸ *Е. Ю. Карцовой* (в замужестве Концевич). См. прим. 37 к «Краткому жизнеописанию».

²⁹ По другим сведениям при схархимандрите Иоасафе келейником состоял перомонах Феофан.

³⁰ При почти ежедневных богослужениях, С. А. Нилус, по усердию к храму, нередко прислуживал священнослужителям во время службы, что и дало повод называть его в домашнем кругу «псаломщиком». Между тем неосведомленные люди распространяли ложные слухи о том, что Нилус занимал должность псаломщика при церкви по назначению епархиальной власти. Это неверно.

³¹ *Синагога* (гр. *synagoge*, собрание) — молитвенный дом иудеев, а также община верующих.

³² *Хедер* (ивр. *хедер*, комната) — еврейская начальная школа для обучения основам иудаизма. В дореволюционной России сложилась 3-ступенчатая система образования в хедерах. Полный курс обучения составлял обыкновенно 10 лет.

³³ *Пароксизм* (гр. *paroxysmos*, раздражение) — припадок, приступ (болезни), внезапный приступ сильного душевного возбуждения (гнева, отчаяния).

³⁴ Этот случай предстательства преподобного Серафима о С. А. Нилусе запечатлелся в народном предании, что нашло отражение в рассказе *Бывалого* (псевдоним) «Восемь месяцев в царстве Ленина» (Православный путь. Джорданвилль, 1965. С. 51–81). Рассказчик относит случившееся к лету 1918 г. Примечательно, что описанное происшествие он локализует в Орловской губернии — на родине С. А. Нилуса. Тому же автору, несомненно, принадлежит анонимный рассказ «О. Иоанн Кронштадтский и внутренняя Россия» (Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна, Кронштадтского Чудотворца / Собрал, перепечатал и дополнил иллюстрациями архимандрит Пантелеимон. Б.м., 1976. С. 183–208; перепечатано: «К Свету». № 9–10. С. 11–22). Рассказчик пишет:

«А напоследки я вам расскажу одно чудо преподобного отца Серафима Саровского, которое случилось прошлым летом в наших краях, на хуторе Сухие Дворы. Хуторяне все народ замяточный, избы хорошие. Вот и поселился на хуторе один старичок, помнится, Нилусом прозывается. Никуда он не выходил, никуда не выезжал, и у него, почитай, никого не бывало. Жил — ну как есть отшельник. И все же прознали о нем комиссары. Не знаю, кто это натравил их, да только постановили они за что-то убить его. Взаялся за это дело комиссар соседнего села, верстах в трех от хутора, парень из демобилизованных, у которого — ну ни Бога, ни совести. Ночью по местному положению это и не трудно было сделать. Вот отправился парень в одну лунную ночь, чтобы исполнить свой замысел. А домик-то весь обведен палисадником. Выходит он к палисаднику со стороны леска и видит: кругом избы ходит старичок сторож и усердно наступкивает в свою сторожевую колотушку. Посмотрел, посмотрел комиссар и ушел ни с чем, решил отложить дело на другой день, авось, мол, не будет сторожа. А оно так же случилось и на другую ночь — все тот же старик ходит вокруг избы и наступкивает в свою

колотушку, словно хочет отпугнуть именно его. На третью ночь ретивый комиссар решил: "Что я буду валандаться с этим делом, уже товарищи смеются надо мной, прикончу я этого сторожа, в делу конец, кто будет теперь дознаваться да допытываться". Около полуночи, вооружившись топором, пошел. Стрелять не хотел, чтобы не делать большого шума. Подходит — видит, старичок, как и раньше, спокойно похаживает кругом избы и усердно постукивает в свою колотушку. Парень, как все это он сам рассказывал, подкрался к нему сзади и ударил его топором по голове. Старичка сразу же не стало, а комиссар упал парализованный. Утром нашли его, хуторяне его знали и отвезли его в село к матери. Мать-то еще не старая, рассудительная, богобоязливая женщина. Остановилась она над ним, покачала головой и говорит: "Как я уговаривала тебя, увещала, отстань от этого безбожного дела, не отступай от Бога. Он и наградит, Он же и накажет. Не послушал; вы, мол, сами дураки, что верите в какого-то Бога. Теперь вот и лежи без движения, будешь живым трупом на всю жизнь". Мать тогда же приехала ко мне, рассказала все и просит, чтобы я ехала туда с ней. Жалко стало бабу, поехала я. Вижу лежит парень на полу, сделала ему мать постель, малость шевелит руками и ногами, а взять что-нибудь или подняться не может. Мычит, хочет что-то сказать, а говорить не может, язык, значит, не действует, как подобает, заплетается. Узнал он меня. Подхожу к нему и спрашиваю: "Что ты сделал такое непотребное, что Господь так наказал тебя?" Натуживался, натуживался он, да все-таки кой как прошепелявил: "Я, говорит, ночью старика убил топором. Да он, как я ударил его по голове, сразу пропал, а я и упал, у меня руки-ноги отнялись, и язык вот не ворочается, как следует". — "Кайся, — говорю, — в своем грехе, чтобы не остаться вот таким навсегда, ничем эту болезнь не вылечишь, как только покаянием". Я посоветовала матери отвезти его в свою сельскую церковь. Поднесите его, говорю, к иконам святых угодников, не узнает ли он того старца, которого ударил топором. Бывает, что святые и видимо оберегают и спасают человека. Отвезли его, внесли на носилках в церковь и стали подносить к иконам. Поднесли к Николу угоднику — мотает головой — нет, не он; поднесли к Сергию преподобному — нет, показывали и еще иконы, все нет. А когда, напоследок, поднесли к образу преподобного отца Серафима Саровского, то он как-то вздрогнул весь, выпучил на него глаза и стал сляпаться встать, убежать хотел, своим мычанием показывая, что это тот самый старичок. Что тут делать? Надо звать священника. По счастью в селе был старичок священник, который уже не подходил для трудовой повинности. Вот его и позвали. Носилки с расслабленным поставили перед иконой. Так он впился глазами в Преподобного, словно узнавал его, и начал дергаться плечами и шевелить ногами, словно хотел встать и скрыться от него. Да и священник-то такой седенький был. Когда он подошел к носилкам, парень, видно, перепугался его. Преступник, ведь, всегда преследуется своим преступлением. Спрашивает его священник: "Не этого ли старичка ты хотел убить топором ночью?" — "Да, его я убил, такой же он седенький, сгорбленный был, в этой вот самой шапочке", — с трудом прошепелявил расслабленный. "Вот оно какое дело, — крестясь, произнес священник, — значит батюшка, преподобный Серафим сам охранял этого человека". И что-то призадумался. Потом так ласково обращается к парню: "Батюшка, преподобный отец Серафим, был очень милостивый и добрый и многих, многих исцелял. Кайся в своем злодеянии, проси у него прощения, да дай обет, что уже совсем отстанешь от этой антихристовой кампании, может и смелуется он, батюшка, простит тебя и вымолит тебе у Бога исцеление. В твоём

недуге тебе никакой доктор не поможет, а Преподобный возрадуется твоему покаянию, потому что святые Божии не хотят, чтобы человек погиб, да и Сам Господь Бог хочет всем спастись и в разум истины прийти”.

Начали служить молебен Преподобному. А расслабленный так воззрелся на образ, вижу, что-то шепчет губами, и лицо у него простое, детское стало, а глаза полны слез. Потом, глядим, начал пробовать поднимать правую руку, чтобы перекреститься. Мать помогла ему, а второй раз, хоть еще и с трудом, но перекрестился сам. Принесли ему маленькую икону отца Серафима и дали приложиться. Схватил он икону и не хотел из рук выпускать, целует ее. Потом сам поднялся с своих носилок, два мужика хотели его поддержать, а он отстранил их, приблизился к иконе и начал целовать ноги отца Серафима, потом стал на колени и в покаянии, должно быть, начал биться головой об пол. Поднял его, он глядит на всех, словно не понимает, что случилось. Окончив молебен, священник и обращается к нему: “Ты, раб Божий, исполнял сатанинскую волю, и она тебя погубила. Принес покаяние Богу, и Он немедленно спас тебя через того же отца Серафима, которого ты ударил топором ночью. Вот и подумай, отец Серафим умер уже с сотню лет тому назад, значит он с того света явился охранять того человека, которого ты хотел убить, и поймешь, что человек не пропадает, не исчезает после смерти, истлел, мол, и нет ничего, как учат ваши безбожники, а после смерти человека для него начинается какая-то новая, уже безконечная жизнь. Для добрых людей, которые в этой жизни угождали Богу, начинается райская жизнь, а для тех, которые работали сатане, он берет их сам в свою преисподнюю для вечного мучения. Грехи человека вечно будут мучить его. Вот теперь Господь Бог по молитвам святого преподобного отца Серафима вернул тебе здравие, иди и больше не грехи, чтобы не случилось с тобой чего хуже!”

Вскоре этот парень с одним своим закадычным другом, куда-то скрылись. Оба ушли в какой-то монастырь».

³⁵ Крутец, в четырех верстах от Александровой слободы (Владимирская губ.).

В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

1

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л. 204-об.

¹ Протоиерей о. Павел Николаевич Левашев — близкий друг о. Варсонофия и С. А. Нилуса, о. Павел Левашев являлся настоятелем церкви Главного Штаба в Петербурге. Письмо отправлено после возвращения на дачу после 1-го посещения Оптиной Пустыни. См.: «На берегу...» (Ч. 1, С. 225). По благословению прот. П. Н. Левашева Оптину стали посещать некоторые офицеры Штаба. После революции о. Павел переехал в Москву и священствовал в Ново-Девичьем монастыре. Жил в Гомеле, поддерживая связь с Оптинским старцем Нектарием, находившимся в Холмищах, через работавшую одно время в доме о. Павла шамординскую послушницу Ирину Бобкову (впоследствии схимонахиня Серафима, 1885 †1990).

² «Доброе Слово» (Санкт-Петербург) — еженедельный духовно-нравственный патриотический журнал, выходил с 1907. Редакция располагалась на Екатерининском канале, 138-5. Кроме журнала, о. Павел выпускал просветительские листки для народа и войск «Правда и знание» (ред. подполковник П. Ф. Заустинский). Помещение редакции: Петропавловская крепость, архивный флигель, № 7.

2

Печатается с сокращениями по: ОР РГБ. Ф. 213.5.14. Л. 46—56.

³ Митрополит *Филарет Московский и Коломенский* (в миру Василий Михайлович Дроздов, 26.12.1782 † 19.11.1867) — выдающийся русский подвижник и деятель Православной Церкви XIX в. Занял московскую кафедру 24.3.1821, еще в сане архиепископа. Благословлял и поддерживал многие начинания старцев Оптиной Пустыни и их духовных чад. Вовремя вмешавшись в деятельность масонизированного Библейского Общества (1813), предотвратил возможные искажения в русском переводе Ветхого Завета с древнееврейского и в донесении Св. Синоду настоял на параллельном печатании нового русского перевода и Славянской Библии (переложенной с греческой Септуагинты; см.: О тексте 70 толковников // ОР РГБ. Ф. 316.202). Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1994 г.

⁴ *Монах Ераст* (в миру Эразм Козьмич Вытропский, 1829 † 17.7.1913) — заведующий Оптинской канцелярией, «правая рука о. Архимандрита Ксенофонта» (С. А. Нилус), принимал участие во многих оптинских изданиях. Титулярный советник, служил в Тверской удельной конторе, овдовел по 1-му браку. Находился на добровольном послушании в Скиту с 1889, вступил в братство 5.4.1899, долго не постригся в мантию.

⁵ Епископ Никон отрицательно относился к отделению благотворительных институтов общества от монастырей.

3

Печатается по: Переписка Оптиной Пустыни по разным литературным вопросам // ОР РГБ. Ф. 213.39.3. Л. 30—32, 9—9об., 12—13, 10, 14—15об.

⁶ № 17 — согласно внутренней описи оптинского дела. Надпись на конверте: *Его Высокоородию Сергею Александровичу Нилусу.*

⁷ № 18 — по внутренней описи. Машинопись.

⁸ Чрезвычайно любопытный факт, показывающий непосредственное участие еп. Никона в напечатании книги «Откровенные рассказы странника духовному отцу», вызвавшей в скором времени серьезную полемику об имени Божием, где сам владыка проводил жесткую официальную линию Св. Синода, судя по всему, далеко не полностью разделявшуюся им лично. См. также: [О. Павел Флоренский.] Архиепископ Никон — распространитель «ереси» // Материалы к спору о почитании Имени Божия. Изд 2-е. М., 1913. С. 101—104.

⁹ № 5 — по внутренней описи. Надпись на конверте: *Козельск, Калужской губ., Оптина Пустынь. Его Высокоородию Сергею Александровичу Нилусу.* Письмо написано карандашом.

¹⁰ *Игнатий Лукьянович Тузов* — один из крупнейших книгопродавцов православной литературы начала века. Его главный магазин располагался в С.-Петербурге по адресу: Садовая ул., Гостиный двор, № 45. В том же деле хранится письмо И. Л. Тузова 27.10.1904 об издании книги преп. Варсонофия и Иоанна (№ 32) и ответ тогдашнего настоятеля Оптиной архимандрита Досифея (ноябрь 1904, № 33). См.: ОР РГБ Ф.213.39.3. Л.61—66 об. Сохранился также ответ И. Л. Тузова о Варсонофию (тогда еще иеромонаху) 9 мая 1906 г. на его просьбу выслать «Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету» П. А. Гильтебрандта. Тузов извещает старца о кончине ученого и предлагает продать последний экземпляр, оставшийся в его магазине. См.: ОР РГБ. Ф.213.61.28. Л. 1.

¹¹ № 4 — по внутренней описи. Написано черными чернилами.

¹² Еще 9.3.1904 врач Троице-Сергиевой Лавры, доктор медицины Петр Якуб[ов?] выдал архим. Никону свидетельство (№ 22), где говорилось, что тот «[...] болен в настоящее время нижеследующими болезнями: 1) неврастенией, выражающейся значительными головными болями (иногда мигрень, иногда "неврастеническая шапка"), болями в разных местах туловища и конечностей, бессонницей, рвотой нервного характера; 2) катарром желудка и кишек, появившемся еще в семинарии и значительно усилившимся после брюшного тифа, перенесенного о. архимандритом в 1880 г. и сопровождавшегося нарывами в печени, вскрывшимися в желудок или двенадцатиперстную кишку» (ОР РГБ. Ф. 765.1.4. Л.1).

В 1908 г. владыка в «Записке о состоянии своего здоровья», предназначенной лечащему врачу, рассказывает: «На правый бок я жаловался давно: лет 6—10 назад, приписывая боля страданиями в печени. Но было сносно. Когда в ноябре 1906 г. я почувствовал уже такую боль, которая заставила обратиться к врачу. Тот прописал успокаивающую мазь. Не помогло. Написал профессору Голубцову. Он ответил.

К 20 февраля 1907 я должен был явиться в Г[осударственный] Совет. В П[етер]б[урге] я обратился к доктору С. С. Бочкину. Он прописал литий, контрамевит [?], уротропин. После Пасхи он объявил мне, что у меня блуждающая почка. Предписал резиновый пояс и бандаж, ибо замечена была и грыжа. Весь май я пил Боржом и Эмс [?]. Лето прошло сносно: я путешествовал на параходе (до 700 верст); к осени было опять плохо: правый бок ныл нестерпимо. С 1 ноября я снова был [слово неразборч.] у С. С. Бочкина. Воды, литий, уротропин не помогали. Немного облегчило боля согревание фиолетовым электричеством.

На Святки ездил в Вологду. В Рождество Христово едва меня довели из церкви: боля в ногах замучила. Молоко в больших приемах облегчило боля. 4-го я поехал чрез Москву в П[етер]б[ург]. С трудом отслужил в Москве. В Петербурге я перенес инфуэнду. Лежал 10 дней в жару, с горловой жабой. В конце января стал высезжать в Синод и Государственный Совет. Но с половины февраля меня стали беспокоить нервная лихорадка и боля в правом боку. Припадки лихорадки стали учащаться» (Ф. 765.1.8. Л. 1; на об. рецепт врача из 5 пунктов).

¹³ № 6 — внутренней описи. 1-й черновик см. л. 14, публикуется 2-й черновик.

Печатается по: *Концевич И. М. Оптина Пустынь в ее время. Джорданвилль, 1970. С. 345—346, 482—483.*

¹⁴ *Ивану Михайловичу Концевичу* (см. прим. 57 к «Краткому жизнеописанию») и его супруге *Елене Юрьевне Концевич* (урожденной *Карцовой*).

¹⁵ *Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков)*, духовный отец *Нялусов*.

¹⁶ *Монахиня Таисия (Карцова)* — сестра *Елены Концевич*, племянница *С. А. Нялуса*. Автор книг: *Жития святых. 1000 лет русской святости. 2-е изд. Т. 1—II. Джорданвилль. 1983—1984 [включает далеко не все собранное]; Русское православное женское монашество XVIII—XIX вв. Джорданвилль. 1985. Живет во Франции.*

5

Печатается по: *Концевич И. М. Оптина Пустынь в ее время. Джорданвилль, 1970. С. 349 (см.: 346—348).*

¹⁷ *Игумен о. Иннокентий (Павлов)* вступил в братство Оптинской Пустыни в конце 1908 г., духовно окормлялся у старца *Варсонофия*. После октябрьской революции проживал в Бразилии (где и скончался), оставил воспоминания об о. *Варсонофии*, изложенные в переписке с *И. М. Концевичем* (см. напр. его письмо от 16 сент. 1957, там же, С. 347—348). С последним о. *Иннокентий* встречался еще в России во время гражданской войны и научил его резать деревянные ложки, как это делали оптинские монахи.

«ЛЖЕЦ, ВОЗВЕЩАЮЩИЙ ПРАВДУ»

1

Печатается по: *Последние Новости. 18.5.1920. № 18. С. 3.*

¹ *Барон, генерал Петр Николаевич Врангель* (1878 †1928) с апреля 1920 г. — Главнокомандующий Русской Армией в Крыму. В ноябре того же года выехал за границу. Им был создан в 1924 г. Русский общевоинский союз (РОВС).

² *Генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский* (27.12.1872 †21.10.1934) — в Добровольческой армии с самого ее основания. Участник 1-го Кубанского похода. Председатель Донского правительства (с мая 1918), после отказа от власти ген. *П. Н. Краснова* избран войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского (6.2.1918), оставаясь им и в эмиграции (с 1920) пожизненно. Назначен генералом *Деникиным* председателем Южно-Русского правительства (январь 1920). В марте 1920 г. прибыл в Крым, где остался при ген. *Враигеле* до самой эвакуации в ноябре. В эмиграции:

в Константинополе, Белграде (окт. 1922), Париже (1923), где сотрудничал с Главным командованием РОВСа. Был женат на вдове графа Келлера.

³ *Генерал-лейтенант Владимир Ильич Сидорин* (1882 †1943, по др. данным в 1939, в Праге) — борьбу с большевиками начал на Дону в 1917 г. Начальник штаба походного атамана Войска Донского генерала П. К. Попова в Степном походе (1918). Командующий Донской армией (15.2.1919—27.3.1920). После эвакуации Новороссийска командовал остатками Донской армии, прибывшими в Крым, сведенными в Донской корпус. 18 апреля 1920 г. по приказу ген. Врангеля отрешен от должности и предан суду. Будучи приговоренным к 4 годам каторги, помилован и уволен в отставку без права ношения мундира. В мае 1920 г. выслан за границу. Жил в Болгарии, Сербии и Чехословакия, служа чертежником в топографическом отделе штаба армии.

⁴ *Генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов* (23.12.1870 †9.3.1963) — с 1920 г. командир Донского корпуса, которым считался и в эмиграции. Исполнял должность начальника Второго отдела РОВС на территории Болгарии и Сербии. После Второй мировой войны эмигрировал в США.

⁵ *Генерал-лейтенант Анатолий Киприанович Келчевский* (Кельчевский, 1869 †1923) — начальник штаба группы войск ген. К. К. Мамонтова, позже — начальник штаба Донской армии (февр. 1919—27.3.1920). Назначен ген. Деникиным военным министром Южно-Русского правительства (к. марта 1920). После снятия с должности выехал в мае за границу. В 1920—1923 гг. жил в Берлине, где редактировал военнo-научный журнал «Война и мир» сменовеховской ориентации.

⁶ *Генерал-майор Александр Ильич Кислов* (1875 †1937) — в Добровольческой армии с конца 1918 г. Генерал-квартирмейстер штаба Донской армии (с 1919). Составитель «Особого доклада», поданого генералом В. И. Сидорным 8.8.1919, в котором предлагалось перемешать добровольческие и казачьи части. Отрешен от должности генералом Врангелем и выслан. В эмиграции в Сербии.

⁷ «По имеющимся сведениям оба генерала ввиду их прежних боевых заслуг будут совершенно освобождены от наказания». Оно было заменено «увольнением от службы в дисциплинарном порядке», с лишением права ношения мундира в отставке. См.: Осуждение генералов Сидорина и Келчевского// Последние Новости. 10.6.1920. № 36. С. 1; К делу генерала Сидорина// Там же. 24.6.1920. № 50. С. 3. По ходатайству Донского атамана генерал П. Н. Врангель своею властью заменил наказание «увольнением их от службы в дисциплинарном порядке, лишая их, с согласия Донского атамана, права ношения в отставке мундира».

2

Печатается по: *Дю-Шайла А. М., граф.* С. А. Няус и «Сионские Протоколы»// Последние Новости. 12.05.1921. № 326. С. 2; № 327. С. 2—3.

⁸ «Последние Новости» (1920—1940) — газета, издававшаяся в Париже бывшими кадетами, объединившимися в «Демократическую группу партии народной воли». Главный редактор с февраля 1921 г. — историк-либерал, политический деятель, масон П. Н. Милюков (в эмиграции с 1920). Зимой-весной 1918 г., во время формирования

белогвардейского добровольческого движения, Мялюков входил в «Донской гражданский совет».

Публикация воспоминаний о С. А. Нилусе нашла широкий отклик в зарубежной и русской эмигрантской печати: С. Поляков (*Литовцев*). Воспоминания А. М. дю-Шайла (Манусевич-Мануйлов и Головинский)// Последние Новости. 18.5.1921. № 331. С. 2; Отзвывы в печати о документах А. М. дю-Шайла// Там же. 24.5.1921. № 336. С. 3 и т.д.

⁹ Имеется в виду издание епископа Жуэна (Monseigneur Jouin, ум. 1932). Служил настоятелем церкви Св. Августина в Париже, с 1912 г. разоблачал иудео-масонство. Главный труд — многотомная энциклопедия «Иудо-масонская опасность» (*Le repit Judeo-Macanique. Paris, 1920—?*. Т. 1, 2, 3—?). В 3-м томе «Иудо-масонство и Католическая Церковь» (*La Judeo-Maconnerie et l'Eglise Catholique*), рассматривая версию о том, что Протоколы были сознательным плагиатом книги М. Жюли («Диалог в аду между Макквавели и Монтескье», Вихеллес, 1864; 2-е изд. 1868), личного секретаря принцессы Матильды, пришел к выводам, что если и был «плагиат», то его мог сделать только Жюли, имевший доступ к секретным документам масонов.

¹⁰ Митрополит Антоний (Вадковский).

¹¹ Алексей Степанович Хомяков (15.1804 † 23.9.1860) — русский религиозный философ, историк, публицист, поэт. Один из основателей славянофильства. Близкий друг Киреевских, но в Оптиной не был.

¹² Братья Аксаковы: Константин Сергеевич (29.3.1817 † 7.12.1860) — русский историк, публицист, филолог, поэт, идеолог славянофильства; Иван Сергеевич (26.9.1823 † 27.1.1886) — общественный деятель, публицист, поэт, в 1858—78 гг. один из руководителей Славянского Комитета. Оба (добавим сюда их отца Сергея Аксакова) в Оптиной не были.

¹³ К. Н. Леонтьев принял тайный постриг в Иоанно-Предтеченском скиту, в келье послушника (еще не зачисленного в число братства) П. И. Плиханкова (будущего старца Варсонофия) 23.8.1891 в день отдания праздника Успения Божией Матери с именем Климента. См. подробнее: Багдасаров Р., Вовченко А. Возвращение Леонтьева// Литературная Россия. 22.11.1991. № 47 (1503). С. 20—21.

¹⁴ Об отношениях Оптиной Пустыни с Н. В. Гоголем см. фундаментальное исследование: Воропаев В. «Духом схимник сокрушенный...»// Прометей. М., 1990. Т. 16. С. 262—280; и др. труды того же автора.

¹⁵ Ошибка: переписки с Ф. М. Достоевским оптинских старцев не существовало.

¹⁶ Спорное мнение. См. например неопубликованное подробное исследование С. И. Фуделя (31.12.1899 † 7.3.1977) «Наследство Достоевского».

¹⁷ Л. Н. Толстой посещал Оптину Пустынь 3.8.1841 (в детстве на похороны тетки А. И. фон-дер Остен-Сакен), 22.7.1877, 14.6.1881, 22.2.1890 (посещал преп. Амвросия). 5 и 6 раз писателя принимал старец Иосиф. Последний визит, без захода к старцам — 28—29.10.1910. Возможны и другие неучтенные приезды.

¹⁸ Имеется в виду «старец» Г. Е. Распутин.

¹⁹ *Валентин Александрович Тернавцев* (1866 †1940) — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, религиозный философ, один из основателей модернистского Религиозно-философского общества в Москве.

²⁰ *Cour des miracles* (фр.) — историческая реминисценция.

²¹ Имеется в виду по-видимому, прежде всего, рассказ гениального русского писателя *Н. С. Лескова* (4.2.1831 †5.3.1895) «Запечатленный ангел» (1872–73).

²² ...*кровь Малюты Скуратова* — Малюта Скуратов (Григорий (Малюта) Лукьянович Скуратов-Бельский, †1573) — думный дворянин Царя Иоанна IV Грозного, член Опричного войска, воевода. Родство С. А. Нилуса с родом Скуратовых подтверждается надписью на фамильной иконе Божией Матери «Живоносный Источник» 15.7.1854.

²³ Своим последним земным пристанищем Сергей Александрович избрал с. Крутец, рядом с Александровой слободой (одной из столиц Опричного удела). Почитание Нилусом памяти Царя Иоанна Грозного подтверждается свидетельством *М. В. Смирновой-Орловой*.

²⁴ *Михаил Александрович Стахович* (1861–1923) — крупный орловский помещик (2600 десятин земли), губернский предводитель дворянства, действительный статский советник, либеральный политический деятель, один из организаторов Союза 17 Октября, член ЦК (вышел в июле 1906), член Государственного Совета. Депутат Первой и Второй Государственной Думы. Выступал против амнистии террористам, за осуждение Думой революционного террора, против идеи парламентаризма, за министерство, ответственное только перед Государем. Русский посланник в Испании. После революции остался в Мадриде. Масон. В эмиграции — член «Русского национального комитета».

Ведший в 1901 г. Оптинскую Летопись будущий старец о. Варсонофий, отметил: «2 [октября 1901 г.] Почти во всех духовных журналах и газетах продолжают помещаться статьи, в коих излагаются веские и вполне основательные возражения на кощунственную и возмутительную речь Губернского Предводителя Орловского дворянства Стаховича, произнесенную им на миссионерском съезде в г. Орле в июле месяце сего года. Стахович выражает мысль о необходимости предоставить православному русскому народу право избирать исповедание той веры, какую каждый сам пожелает, т.е. свободный переход православных русских людей не только в католичество и лютеранство, но и в разные ереси и даже в язычество, магометанство и жидовство. Стахович признает это справедливым во имя свободы совести каждого исповедывать ту или другую веру. По частным заявлениям приходящих в Оптину Пустынь богомольцев из Орловской губернии, Стахович принадлежит тайно к последователям толстовской ереси и враг Церкви Православной.

Скитская братия глубоко возмущены этою нечестивою речью, и один из числа братья высказался так: «Толстой сеял и продолжает сеять на Божьей ниве Христовой плевелы — семена своей богопротивной ереси, а Стахович представляет собою зрелые колосья этих зерен. «Стахович» — происходит от имени Стахий, которое в переводе с греческого языка означает «колос!»» (ОР РГБ. Ф. 214.367. Л.73об.-74).

²⁵ *Фридрих Ницше* (1844–1900) — немецкий антихристианский философ, представитель волюнтаризма, один из основоположников иррационализма.

²⁶ Биарриц — курорт на юго-западе Франции, излюбленное место отдыха Великих Князей. См., например: *Великий Князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 188–191. Дал название неизвестному роману Джона Редклифа [Г. Гедше (1815–1878)] «Биарриц», включавшему «Пражские речи раввина».

Дю-Шайла произвольно смещает события во времени. Разорение Нилуса произошло гораздо позже. См. запись из дневника Л. А. Тихомирова № 9 (1.5.1903–1.3.1904): «13.11.1903 [...] Был у меня также Нирус. Он совсем идет в трубу: имение будет продаваться... Жаль его» (ГАРФ. Ф. 634.1.12. Л. 83. Выписка предоставлена Г. Кремневым).

²⁷ Возвращение С. А. Нилуса в лоно Русской Православной Церкви произошло не «около 1900 года», а значительно ранее — в середине 1890-х годов.

²⁸ *Аничков дворец* — рядом с Аничковым мостом (1841, от имени подполковника М. О. Аничкова и Аничковской слободы, выстроенной им) Санкт-Петербурга, на месте двора лесоторговца Д. Л. Лукьянова (куплен Императрицей Елизаветой Петровной для графа А. Г. Разумовского в августе 1741). Строительные работы под руководством архитекторов Земцова и гр. Растрелли продолжались до 1749 г.

²⁹ Постоянным местом жительства Ниусов в этот период была усадьба Жеваховых в Ляновце, Полтавской губ.; в Киевском Покровском монастыре они бывали наездами.

³⁰ ...*фрейлины Карцевой* — невыясненное лицо.

³¹ Ложные сведения: Ниусы не выезжали за границу. Возможно, речь идет о сыне С. А. Нилуса — Сергее, бежавшем за границу зимой 1918/1919 гг.

³² ...*мерзость запустения* — Дан. 11, 31; Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

³³ *Католический модернизм* — движение, возникшее в конце прошлого века среди западных богословов и околоцерковной интеллигенции под воздействием рациональной научной критики. Модернисты не считали Библию Священным Писанием, а расценивали ее как исторический памятник, несущий на себе печать того времени, в которое создавались ее книги. Отделение «Христа веры от Христа истории» было осуждено папой Пием X в декрете *Lamentabili*, а затем в энциклике *Rascondi* (1907). По некоторым сведениям, очагом деятельности модернистов стало аббатство Сен-Сюльпис в Париже, что указывает на их связь с «Свионской Общиной». См.: *Байджент М., Лей Р., Линкольн Г.* Священная загадка. СПб., 1993. С. 129–130.

³⁴ *Старокатолики* — приверженцы течения отколовшегося от католичества после I ватиканского собора (1869–1870), провозгласившего догмат о непогрешимости папы. В 1871 г. отлучены от Римской церкви, образовали самостоятельную церковную общину. Отрицают верховную власть папы, отвергают добавку к Символу Веры *filioque*, догмат о непорочном зачатии Девы Марии, отказались от celibата духовенства. Русской Церковью была сформирована комиссия по диалогу со старокатоликами.

³⁵ *Таксиль Лео* (псевд., настоящее имя — Габриэль Антуан Жоган-Пажес, 1854–1907) — французский журналист, вероотступник, известный мистификатор. Его книги пользовались особенной любовью атеистической пропаганды в СССР, выходили массовыми тиражами.

³⁶ *Папа Лев XIII* (в миру граф Джоаккино Печчи, 1878–1903) — автор известной энциклики 16.5.1881 *Regum potentia*, в которой сформулированы первые наброски

официальной социальной доктрины католицизма. Склонял французских католиков к примирению с республиканским строем.

³⁷ «Сим победиши» — надпись на составившемся из света и лежавшем на солнце знамени Креста, явленного Св. равноапостольному Императору Рима Константину Великому в 312 г. перед его выступлением против Максенция. После явления св. Константину Господа нашего Иисуса Христа, он велел изобразить Крест на знамени, шлемах и щитах воинов. Дю-Шайла прав: подобная же надпись над крестом, есть и в рукописи «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле» (1911// ОР РГБ Ф. 765.13.27).

³⁸ ...иконой Смоленской Божией Матери, копией знаменитого образа, перед которым накануне Бородинской битвы молилась русская армия — См. об этой святыне в статье близкого друга С. А. Нилуса: Прот. П.[Н.] Левашев. Историческое сказание о Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии, шествовавшей в рядах Русской Армии в Отечественную нашу войну 1812 г.// Душеполезное Чтение. 1912. Ч. 2. С. 199—218, 418—427; Ч. 3. С. 29—39 (в той же части помещена статья С.А. П. Смоленская икона Божией Матери Одигитрии в юбилейные дни настоящего года. С. 387—393).

³⁹ Генерал Петр Иванович Рачковский (1853 †1911) — заведующий заграничной агентурой Департамента полиции со штаб-квартирой в Париже (1885—1902). В 1902 г. вышел в отставку. Заведующий политической частью Департамента полиции Министерства внутренних дел (1905—1906). С 1906 г. окончательно вышел в отставку. Погиб при загадочных обстоятельствах.

⁴⁰ См. прим. 3 раздела «В Оптинной Пустыне».

⁴¹ Папа Пий X (в миру Джузеппе Сарто, 1903—1914) — в 1954 г. объявлен католической церковью святым. Преемник Льва XIII, проводил более консервативную политику, осудил модернизм (см. выше, прим. 33), как «новую ересь».

⁴² Генрик Ибсен (1828—1906) — норвежский драматург и писатель. Выразил уверенность, что современное общество находится накануне своей гибели.

⁴³ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866 †1941) — русский поэт, прозаик, драматург, критик. Автор трилогии «Христос и Антихрист».

⁴⁴ Орден Почетного Легиона (*Legion d'honneur*) — учрежден Наполеоном Бонапартом во время его консульства 19.5.1802 и расценивался как шаг к возвращению монархии. 14—15.7.1804 на Марсовом поле в Париже происходила первая торжественная раздача знаков ордена. Он представлял из себя звездообразный 5-лучевой (10-конечный, т.к. концы лучей раздвигались) крест с медальоном, окруженным дубовым и лавровым венком; на лицевой стороне медальона — изображен Наполеон I, на оборотной — орел с надписью «Honneur et Patrie» [Честь и Отечество], над крестом — императорская корона. Первоначально орден состоял из 16 когорт, которым соответствовали 16 районов Франции. Эта организация, однако, не осуществлялась на практике.

Во времена реставрации изображение Наполеона было заменено изображением Генриха IV, а императорский орел — тремя лилиями. Современная С. А. Нилусу форма знака ордена Почетного Легиона на лицевой стороне имела фигуру, олицетворяющую республику, с надписью «*Republique Française*», на оборотной — два трехцветных знамени и надпись «*Honneur et Patrie*». Вместо короны наверху креста — лавровый и дубовый венки.

Гроссмейстером ордена состоит (и поныне) президент Французской Республики. Орден имеет 5 степеней и управляется великим канцлером из числа кавалеров двух высших степеней и орденского совета. Общее число кавалеров не ограничено. В 1892 году общее число военных кавалеров составляло 31393, гражданских — 12458.

⁴⁵ Скорее всего имеется в виду треугольное фабричное клеймо товарищества *Российско-Американской резиновой мануфактуры* — первой (СПб., 1860) и самой крупной фабрики резиновых изделий в России.

⁴⁶ *Гермес (Ермий) Тривеликий (Трисмегист)* — легендарный царь Египта яфетического происхождения, считался родоначальником многих естественных наук. Почитался Православной Церковью в лике «вавилонских философов», известны его изречения о Пресвятой Троице и пророчества о грядущем Рождестве Бога-Слова (Господа нашего Иисуса Христа). Книги приписываемые Трисмегисту были широко распространены среди алхимиков, его авторитет (равно как и авторитет многих античных мыслителей и подвижников) пыталось использовать масонство.

⁴⁷ *Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм Парацельс* (1493—1541) — швейцарский врач, алхимик и маг. Противопоставлял изучение Св. Писания и познания творения Божия (природы). Активно пользовался теорией и практикой каббалы.

⁴⁸ *Доктор Папюс* (наст. имя — Анкос (Encausse) Жерар, 13.7.1865—25.10.1916) — по определению С. А. Нилуса, «один из опаснейших люциферов нашего века», великий мастер мартинизма, популяризатор каббалистики и масонского учения. Родился в Испании. При его непосредственном участии была организована целая сеть тайных обществ в конце XIX — начале XX вв. Среди высоких постов в масонстве, которые он занимал, современный автор указывает следующие: маршал великой манчестерской ложи, председатель великой сведенбургской ложи во Франции, великий жрец Часовни и Храма 33-й, 90-й и 96-й степеней посвящения, почетный член гранд альянс эзравалт; состоял в руководстве приората Сиона. В 1891 г. сформировал «Верховный Совет» ордена мартинистов в Париже, великим пожизненным магистром которого стал. «В 1899 г. его друг Филипп [Низье-Ансельм-Вашо, см. прим. 63] из Лиона отправился в Россию, где при дворе императора основал ложу мартинистов, в следующем году Папюс присоединился к нему и быстро стал другом и доверенным лицом царя и царицы. Он предпринял много путешествий по России, последнее — в 1906 г., и, таким образом, имел случай познакомиться с Распутиным»* (*Байджент М., Лей Р., Линкольн Г.* Указ соч. С. 329). Внешним проявлением деятельности д-ра Папюса являлась организация спиритических сеансов для представителей высшего света. Его книги активно переводились и тиражировались вплоть до самой революции (в настоящее время широко переиздаются).

Появление Папюса при Дворе стало возможно благодаря посредничеству Великой Княгини Милицы Николаевны (урожденной княжны Черногорской, 1866 † 1951), жены (с 1899) Вел. Кн. Петра Николаевича, увлекавшейся спиритизмом и другими эзотерическими учениями.

---

* Пока что документально засвидетельствовано два приезда Папюса в Россию: в 1900 и 1905 гг.

О попытке создания Папюсом и Филиппом мартинистско-масонской ложи «Крест и Звезда» с разной степенью достоверности свидетельствуют дневники А. А. Половцева, Н. А. Бобринского, воспоминания С. Ю. Витте, видного масона А. П. Бурышкина и др.

Весьма достоверные, хотя и скудные, сведения об оккультной интриге вокруг Царской Семьи сообщает в своих мемуарах начальник канцелярии Министерства Императорского Двора А. А. Мосолов (1854 †1939): Великий Князь Николай Николаевич-младший (1856 †1929) «под влиянием супруги Анастасии Николаевны [1868 †1935, дочери Князя Черногории Николая II Негоша, 1868 †1895] увлекся Филиппом и Папюсом и чуть не втянул в это увлечение Императрицу Александру Феодоровну, о чем петербургское общество в мое время много говорило. Полагаю, что со временем откроются факты, выясняющие эти события, и, быть может, они переложат ответственность за крушение Империи с одних плеч на другие... Мне стало потом известно, что Папюс, один из медиумов, был выслан по повелению Государя; с другим же Филиппом долго возились...» (Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993. С. 88,49).

Из дневника Л. А. Тихомирова № 8:

«16.11.1902. [...] Вл[адимир] Андр[еевич] Грингмут [1 сл. нрзб]:

“Филиппида кончилась. Филиппа нет не только в Ливадии, но и в России”. Слава Богу. Но как могла быть эта история? В заграничных газетах о ней пишут, и довольно много.

[...] По поводу Филиппа. [вклеено]

Этот Филипп — позорнейшее явление для Императорской семьи. Он какой-то заграничный шарлатан, гипнотизер, магнетизер, фокусник, выдающий себя за обладателя оккультными силами. Его где-то подхватила одна из Великих Княжен, кажется — черногорка, и познакомила с Государыней. Государыня в каком-то странном мистическом состоянии: она и святым молится, она и с тайными силами оккультными готова знаться. Не знаю кто внушил ей, вероятно, этот самый шарлатан, что посредством гипнотизма можно достигнуть того, чтобы у ней рождался не девочка, а мальчик. И вот, говорят, Филипп занимается этой ее гипнотизацией и магнетизацией. Он сделался при дворе persona grata. Придворные ухаживают за ним, а он их удивляет и поражает своими “чудесами”, просто фокусами. Например — вынул будто бы из носа протопресвитера Янышева два вареных яйца! И протопресвитер хохочет, конечно, считая это простым фокусом (как оно и есть). Но другие-то верят в него, как в обладателя таинственными силами.

Говорят, полиция утверждает, что этот Филипп — агент какой-то иностранной державы, и даже представила будто бы доказательства этого. Но Государь только рассердился, считая это только подвохом, имеющим целью отбить Филиппа от Государыни... Но агент ли Филипп или нет, но скандально и его влияние в Царской семье, и самые эти магнетические способы рождения дитяти мужского пола. Изгнание Филиппа[а] произошло только вследствие письма к Государю отца Иоанна Кронштадтского.

19 Ноября.

Приехал Влад. Андр. Разумеется целая куча рассказов. Между прочим, подробные сведения о прискорбно-знаменитом Филиппе... Оказывается, что только о. Иоанн Кронштадтский спас от него Царскую семью.

История столь грустная, что и записывать тяжело... Дай Бог, чтобы забылось, но к несчастью ее уже эксплуатируют враги России (об этом писано в № 8 "Освобождения", и в № 9 о Рачковском*, даже в распространяемых в народе листовках.)

(ГАРФ. Ф. 634.1.11. Л. 69, 68а-68а об., 73, 72а. Выписки предоставлены Г. Николаевым). См. также прим. 63.

Несмотря на несомненно хорошую осведомленность, к сведениям, сообщаемым Л. А. Тихомировым, следует подходить все же с известной долей осторожности. Вот что записывал он, например, в своем дневнике за 1916 год:

«21 Сентября. [...]

Вчера Нилус рассказал мне "чудо", как он выразился. И вправду чудо, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было в действительности. Узнал он это от какого-то человека (имени которого не открыл), который слышал это будто бы от [архиепископа] Антония Храповицкого, лично участвовавшего в деле. В то время, когда возник вопрос о восстановлении Патриаршества и созвании Церковного Собора, архиерей, как известно, собрались у Государя, и он, выразив свое сочувствие этому, спросил владык, намечали ли они между собою кандидата на Патриарший Престол? Владыки (среди которых чуть ли не каждый мечтал быть Патриархом) — молчали. После тщетных попыток добиться у них какого-нибудь мнения, Государь будто бы сказал: "Тогда, владыки, выслушайте мое мнение, и скажите, согласны ли вы на мое предложение". И затем он будто бы сообщил им такой неожиданный план: он, Государь, отказывается от Престола в пользу сына, разводится с женой, поступает в монахи — и его выбирают в Патриархи. Одобряют ли владыки такой план?

Ошарашенные владыки хранили глубокое молчание. Государь переспросил, но у них языки не могли пошевеливаться... Тогда Государь, помолчав, повернулся и ушел, оставив владык в их оцепенении.

[Архиепископ] Антоний, будто бы, потом рвал на себе волосы из досады, что они пропустили такой случай получить для Церкви такого Патриарха, который имел бы даже большее значение, чем [святитель] Филарет Романов. Но момент был упущен.

Никогда ничего подобного я доселе не слышал, и, признаюсь, не верю. Мысль Государя, — если это имело место, — это была бы единственная комбинация, при которой Патриаршество восстало бы из могилы в небывалом величии. Однако, нельзя не сказать, что [Царь] Михаил Романов, при всей юности своей, все-таки уже имел царский возраст, тогда как Наследник Цесаревич Алексей — тогда был еще совсем ребенком, и стало быть Россия должна была иметь Регента. Это значительно изменяло бы положение Патриарха.

---

* [Вклеено] "Именно, что Рачковский произвел, за границей дознание о Филиппе — самостоятельно, без приказа, и раскрыл его шарлатанные похождения, а также, что Филипп — агент (кажется английский). За это неурочное усердие — Рачковский будто бы прогнан со службы".

Впрочем, повторяю, я совершенно не верю этому рассказу. Если бы что-либо подобное произошло, то я бы, конечно, слышал от кого-либо» (ГАРФ. Ф.634. Оп. 1. Е.х. 27. Лл.25—26 об. Выписка предоставлена Г. Николаевым)

Запись С. А. Нилуса о встрече зимой 1905 г. Императора Николая II с членами Св. Синода во главе с первенствующим Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским) теперь хорошо известна благодаря публикации ее во втором томе кн. «На берегу Божьей реки» (Сан-Франциско. 1969. С. 182—183). Эти сведения С. А. Нилуса подтверждает в своих воспоминаниях товарищ обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахов:

«В 4-й книге “Луч Света”, периодического издания Ф. В. Винберга, на страницах 393—394 помещена коротенькая статья г. Б. Потоцкого, под заглавием: “К материалам новейшей истории”.

Статья эта до того знаменательна, что мы приводим ее целиком.

“В зиму 1904—1905 года, — пишет Б. Потоцкий, — в покоях Петербургского митрополита Антония (Вадковского) имел место следующий случай, достойный занесения его в анналы истории.

Сообщивший мне его свидетель состоял в то время студентом Петербургской Духовной Академии и, по рекомендации академического начальства, был привлечен к работам по приведению в порядок библиотеки митрополитского дома. В конце каждого рабочего дня студент должен был являться к митрополиту с докладом о результатах своей дневной работы по разборке книг. Так было и в тот памятный для него день, когда он вошел в комнату, где ежедневно докладывал о своих изысканиях в богатом книгохранилище. Увлеченный успехом своих занятий в тот день, он не обратил внимания на то, что митрополит находился не один, и с жаром приступил к докладу, хотя и заметил, что митрополит был не в скуфейке, как обыкновенно, а в белом клобуке, который он надевал лишь в официальных случаях. Студент был очень удивлен тем, что митрополит, обыкновенно с интересом слушавший его доклады, на этот раз сразу прервал его словами: “Потом расскажете, разве не видите, что у меня гости?”

Тут только студент заметил сидевших против митрополита офицера и даму. Однако, считая свой дневной труд в книгохранилище особо выдающимся по результатам изыскания, он рискнул еще раз привлечь внимание митрополита на свой доклад, но на этот раз был строго остановлен: “Вы не узнаете, кто у меня?”

На лице студента ясно выразилось недоумение; тогда митрополит добавил: “Это Их Величества — Государь и Государыня”.

Молодой человек крайне смутился и, раскланываясь, растерянно произнес: “Очень приятно”. Радостное лицо юноши выдало, однако, волновавшее его чувство удивления при виде Царственной Четы в такой обстановке.

Государь и Государыня переглянулись и, улыбнувшись, ответили на приветствие. Вслед за тем митрополит встал, повернул студента за плечи кругом и, направляя его к двери, сказал: “Идите, после расскажете”.

Конечно, этот проезд Государя к митрополиту вызвал большой интерес среди обитателей митрополитского дома, и, разумеется, все стали быстро доискиваться причин этого посещения.

Оказалось, что Государь приезжал просить благословения на отречение от прародительского Престола, в пользу недавно перед тем родившегося Наследника Цесаревича

ревича Алексея Николаевича, с тем, чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей.

Митрополит отказал Государю в благословении на это решение, указав на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении без крайней необходимости Своего Царственного долга, Богом Ему указанного, иначе Его народ подвергнется опасностям и различным случайностям, кои могут быть связаны с эпохой регентства во время малолетства Наследника. По мнению митрополита, лишь по достижении Цесаревичем совершеннолетия Государь мог бы оставить Свой многотрудный пост.

Этот случай ясно показывает, как чутко и проникновенно сознавал Государь Император Николай Александрович все непомерно трудные условия Своего Царствования, при котором Венец Мономахов становился терновым венцом*.

Вскоре после описанного случая Государь Император сделал и другой раз попытку принять ниотесский сан, но тоже неудачно. Об этом последнем факте, какой передаю по рассказам иерархов и других лиц, у меня сохранялись также воспоминания.

Принимая депутацию духовенства, в лице его высших представителей, ходатайствующих о созыве Всероссийского Собора для избрания Патриарха, Государь Император спросил, имеется ли у иерархов намеченный кандидат на патриарший престол. Этот вопрос озадачил депутацию, какая не была к нему подготовлена... После некоторого замешательства последовал отрицательный ответ. Тогда Его Величество осведомился у депутации, согласились бы иерархи, чтобы на патриарший престол Государь Император выставил бы Свою собственную кандидатуру? Произошло еще большее замешательство, а на вопрос Государя последовало гробовое молчание» (Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. II. Новый Сад. 1928. С. 385—388).

Еще одно подтверждение рассказанному находим в неопубликованных воспоминаниях супруги Князя Никиты Александровича (1900 †1974), правнука Императора Николая I (по линии «Михайловичей»), — Княгини Марии Илларионовны (урожденной графини Воронцовой-Дашковой, род. 1903): «Как-то после революции митрополит Антоний [(Храповицкий)], Киевский посетил дом своих хороших друзей, чету Безак, — Феодора Николаевича и Елену Николаевну*. Муж и жена пользовались особым доверием Императрицы Марии Феодоровны, знавшей Елену Николаевну с детства, ибо отец последней, генерал Шипов, был в свое время командиром Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. И вот владыка, в Киеве, передал чету Безак свой знаменательный разговор с Царем, введший место в Петербурге вскоре после рождения Наследника Цесаревича:

— Старшие иерархи были вызваны к Государю, в том числе и я. В то время по воле Царя велась подготовительная работа для созыва Собора, на котором должно было быть восстановление в России Патриаршества. И Государь, следуя за ходом дела, пожелал нас видеть. Когда мы собрались во дворце, Царь нас спросил, выбрали ли мы кандидата. Переглянувшись между собою, мы молчали. Каждый из нас, вероятно, думал

* Именно Е. Н. Безак могла быть источником информации для С. А. Нилуса (через его жену, знавшую Елену Александровну). Была с ней знакома и племянница Нилуса — Е. Ю. Концевич. См. воспоминания последней Е. К. Елена Николаевна Безак. 1880—1971// Православная Русь. Джорданвилль. 1971. № 16. С. 11—12. Монахиня Таисия (Карцова) дополнила воспоминания своей сестры (Е. Ю. Концевич): Православная Русь. 1971. № 17. С. 13. — *Сост.*

о себе, как о самом подходящем Патриархе. После довольно длительного раздумья мы ответили: "Нет, Ваше Величество". Прошел недолгий срок; Царь снова вызвал нас к себе, и задал нам тот же самый вопрос. В смущении мы вынуждены были, как и прежде, дать отрицательный ответ. Тогда Государь, молча посмотрев на нас, задумался. Прошла мгновения, Царь снова заговорил: "Если вы не нашли кандидата, то я имею в виду кого-то". Мы все внимательно слушали и ожидали, на кого из нас укажет Государь. Но каково было наше изумление, когда Царь нам объявил: "Я сам — кандидат". Пораженные, мы даже не нашли, что нам ответить. А Государь продолжал: "Родился Наследник Престола. Когда он немного подрастет, Великий Князь Михаил Александрович станет регентом. Императрица согласна уйти в монастырь. Я же постригусь в иночество" (*Архив П. Паламарчука*).

Таким образом, сведения, сообщенные С. А. Нилусом, находят бесспорное подтверждение.

В приведенной выдержке из дневника Л. А. Тихомирова затронут и еще один аспект предложения Императора Николая II членам Синода: исторический — Царь Михаил Феодорович и Патриарх Филарет.

Вот что по этому поводу пишет современный историк Церкви: «...Промыслу Божию угодно было устроить так, что Россия дан был еще и особый, наглядный образ того, какими должны быть отношения главы Церкви и главы Государства. Это случилось, когда Патриархом всея России стал Филарет. [...] Соборное определение о причинах избрания его на этот престол характеризует Филарета как "...мужа во учениях божественных апостола и отец zelo вязишна, и в чистоте жития и благих нрав известна; наипаче же и сего ради [он избирается Патриархом — *Авт.*] яко по плоти той царев отец, и сего ради да будет царствию помощатель и строитель, и сирым заступник и обидимым предстатель". [...]

...В России сложилась ситуация, уникальная, пожалуй, не только для русской истории, но и для всемирной истории Церкви, когда родные отец и сын становятся двумя главами единой Православной державы! Патриарх Филарет титулуется "Великим Государем", как и Царь (тогда как для патриархов был принят иной титул — Великий Господин).

Между Церковью и государством устанавливаются, таким образом, подлинно родственные (в прямом и переносном смысле) отношения, обеспечивающие особую внутреннюю крепость всей русской жизни. Этот промыслительный урок как определенное Божие указание был хорошо понят в России» (*Прот. Лев Лебедев. Москва Патриаршая. «Столица». «Вече». М., 1995. С. 19–20*).

Хорошо понимал это указание, несомненно, и Государь Николай II. Но те, кому это было сказано, промолчали. Как писал С. А. Нилус — «было поздно и непоправимо: великий момент был не понят и навеки упущен — "Иерусалим не познал времени посещения своего"... (Лк. 19, 44)» (На берегу Божьей реки. Т. II. С. 183).

⁴⁹ Станислав (Станислас) де Гуайта — маг, близкий сотрудник доктора Папюса, мартинист. Основал вместе с ним и другим учеником Папюса, Ж. Пеладаном «Каббалистический орден Розы и Креста» (*Ordre Kabbalistique de la Rose-Croix*) в 1888 г. Некоторое время был главою этой, формально обособленной от масонов, организации. Совершал кощунственные действия над христианской святыней, погиб во время черномagicского ритуала.

⁵⁰ *Израильная колода карт Таро (Tarot)* — состоит из 78 карт и предназначена для магических операций. По общераспространенному толкованию, слово «Тарот» происходит от двух египетских слов: «тар», означающего «дорогу», и «ро», означающего «королевский». Таким образом, Тарот в целом означает «королевскую дорогу [к мудрости]».

Подробному анализу в книгах С. А. Нилуса подвергнут 7-й ключ Таро «Колесница Гермеса», который он воспроизводил по фундаментальному труду *Элифаса Леви «Догма и Обряд Высшей Магии» (Levy Eliphas. Dogme et Rituel de la Haute Magie, 1856)*. «Рисунок этот, — писал Нилус, — символически изображает «грядущего», жемесью Израэля, как царя и первосвященника. [...] Таро, по оккультному чтению, есть Тора — извращенная талмудом Библия евреев. «Седьмой ключ» есть ключ к познанию высшей тайны, которая есть ничто иное, как «тайна беззакония» и антихриста, она же и тайна Колесницы Талмуда и Каббалы» (Близ есть, при дверех. Рис. 1. С. 4, 289).

⁵¹ *Алексей Александрович Допухин (1864–1928)* — действительный статский советник, директор Департамента полиции (1903–1905), Эстляндский губернатор, масон. Уволен в отставку в конце 1905 г. Явился главным разоблачителем Е. Ф. Азефа как агента Охранного отделения. В 1909 г. был осужден к 5 годам каторжных работ, замененные на ссылку в Сибирь. Проживал в Красноярске. После помилования (1912) — вице-директор Сибирского торгового банка в Москве. О его действиях против П. И. Рачковского см. разд. «Император Николай II...». Умер в СССР.

⁵² *Евно Азеф* — см. прим. 7 к разд. «Император Николай II...».

⁵³ *Валаамова ослица* — библейская аллегория, основанная на тексте Чис., гл. 22, где рассказывается о том, как Ангел Господень (некоторыми толкуемый, как Архистратиг Михаил) невидимо преградил путь магу и прорицателю Валааму, схавшему на ослице проклинать Израэль. При виде Ангела Господня (невидимого для самого Валаама), трижды возникавшего перед нею, ослица не шла дальше, подвергаясь побоям хозяина. После того, как Валаам в третий раз побил ее, Господь отверз уста животному, и известие о том, что его не пускает дальше Ангел, Валаам получил вначале от нее, а уже затем раскрылась очи его, чтобы видеть посланца Божия. Этим Господь посрамил жемудрствовавшего дотоле Валаама.

Как аллегория это выражение употребляется, когда речь идет об истинах, которые возвещаются людьми, явно неподходящими для того, чтобы возвещать данную истину.

⁵⁴ *Махмуд-Шефхет-паша* — турецкий военачальник, посланный парламентом для окончательного низложения султана Абдул-Хамида в апреле 1909 г.

⁵⁵ О *Символическом Эмие* см. прим. 3 к «Несколько слов...» 1 ч.

⁵⁶ *Абдул-Хамид II (Abdulhamit II, 1842–1918)* — турецкий султан (1876–1909). 27.4.1909 низложен младотурками за попытку вернуть себе не ограниченную конституцией власть.

⁵⁷ С. А. Нилус никогда не проявлял непослушания в исполнении духовнического благословения, тем более невероятно, что он мог поступить так по отношению к такому великому старцу как о. Варсонофий, глубину духовного зрения, которого он сам неоднократно подчеркивал. Оценка Нилусом Абдул-Гамида была весьма скептической: «Еще накануне свержения... некоторые политики-добровольцы указывали нашей растерявшейся власти на величественную мощь падишаха Абдул-Гамида, который, де, на все дерзает и все может... И се — где Абдул-Гамид?!...» (Великое в малом. Сергиев Посад, 1911.

С. 154). Однако, тот факт, что масоно-сионистская подоплека младотурецкой революции была известна Сергею Александровичу, — вне сомнения (см. также недавно опубликованный документ о связях с международным масонством и сионизмом младотурецкого комитета «Единение и Прогресс» в статье: Дорба И. Подлинник!// Дорогами тысячелетий. М., 1991. Кн. 4. С. 266—270). В этой связи небезынтересны сведения, сообщенные монархистом Н. Е. Марковым 2-м (1866 †1945) о контактах «русских» думцев-масонов с их «турецкими» коллегами в 1908 г. «в только что завоеванном турецкими масонами-революционерами Константинополе» (Марков Н. Е. Войны темных сил. Кн. 1. Париж. 1928. С. 147—149).

⁵⁸ Алексей Николаевич Сухотин — черниский уездный предводитель дворянства, впоследствии ставропольский вице-губернатор. Один из первых владельцев и распространителей «Протоколов», полученных им от некоей черниской помещицы. В 1895 г. вместе с Ф. П. Степановым (см. прим. 60 к Краткому жизнеописанию..., 1 ч. наст. изд.) отпечатал на гектографе их 1-й (?) тираж. (Опираясь на экспертизу Б. И. Николаевского можно утверждать, что они носили название «Древние и современные протоколы встреч сионских мудрецов»). В 1898 г. Сухотин, Степанов и чиновник особых поручений при Вел. Кн. Сергее Александровиче Аркадий Ипполитович Каменновский отпечатал 2-й тираж в одной из губернских типографий. По утверждению Ф. П. Степанова текст положенный в основу этих изданий был перепечатан в своих книгах С. А. Нилусом. ([Свидетельство] Ф. П. Степанова 17.4.1927. Старый Футог (Сербия)// ГАРФ. Ф. 5802.1.31. Л.358). В «Близ есть, при дверех», вышедшем в 1917 г. после кончины А. Н. Сухотина, Нилус впервые полностью называет его имя.

⁵⁹ ...Сухотин стал ширмой... — Подробный анализ см.: Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 10—11.

⁶⁰ Возвращение С. А. Нилуса в Россию произошло в середине 1890-х годов.

⁶¹ Ошибка. Издание к этому времени называлось «Московские Церковные Ведомости» (выпускалось Обществом любителей древней письменности). Рецензий архимандрита Никона на какие-либо книги Нилуса в этом органе не появлялось.

⁶² Св. преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна (1864 †5/18.7.1918) — урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, старшая сестра Императрицы Александры Феодоровны, вдова убитого эсерами Вел. Князя Сергея Александровича (†4.2.1905). Настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве. В апреле 1918 г. арестована большевиками. 18 июля 1918 вместе с Вел. Князем Сергеем Михайловичем, князьями Иоанном, Константином и Игорем Константиновичами ок. г. Алапаевска были живыми сброшены в шахту, после чего их забросали гранатами.

⁶³ Филипп (Низье-Ансельм-Вашо, 1850—20.7/12.8.1905) — сын мясника, французский медик, мартинист, сотрудник доктора Папюса в организации мартинистской ложи в России. Дата его приезда (как и дата появления в России Папюса, нуждается в уточнении), по сведениям А. А. Мосолова — 1901 г. По др. данным несколько раз секретно приезжал в Россию, начиная с 1902 г. Ездил за ним О. Р. Коцебу (1860 †?) — адъютант Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего (1890 †1891) и Вел. Кн. Петра Николаевича (1897 †1911). Благодаря рекомендациям Великих Княжен-черногорок и Вел. Кн. Николая Николаевича-Младшего сблизился с Императорской Семьей

(см. прим. 48). Есть сведения об устроенной кем-то встрече Филиппа со св. прав. о. Иоанном Кронштадтским. Военный министр А. Н. Куропаткин записывал в своем дневнике (14.10.1902): «Говорят, будто летом отец Иоанн вошел в комнату во дворце, где находился Филипп, и, подойдя к нему, обнял и поцеловал его» (Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб. 1994. С. 63). Впоследствии принужден был уехать «после того, как наш агент министерства внутренних дел в Париже Рачковский собрал о нем исчерпывающие сведения. Хотя они были безусловно достоверны, но Рачковский меньше чем через год лишился места. Позже, сколько я слышал, Государю угодно было вернуть ему свое доверие» (Мосалов. Указ. соч. С. 49). После случая с Филиппом отношения Императорской Четы с Миацей Николаевной и Николаем Николаевичем-Младшим стали ограничиваться лишь официальным общением.

⁶⁴ ...Нилус явился в 1901–1902 гг. в Царское Село — На самом деле имя С. А. Нилуса при Императорском Дворе тогда еще было неизвестно. См.: Бегунов. Указ. соч.

⁶⁵ В 1903, а не «в 1902 г.» вышло 1-е издание книги «Великое в малом: Впечатления от событий своей и чужой жизни (Записки православного)» (Москва: Унив. тип., VIII+179 с.), «Протоколы» туда не включались.

⁶⁶ На самом деле представление «Великого в малом» издания 1905 г. с включенными «Протоколами» могло происходить лишь, начиная с середины 1905 г., когда Филиппа уже давно не было в России (он умер 2.8.1905 в Лионе).

⁶⁷ «Протоколы Сионских мудрецов» никогда не включали в себя «материалов, касающихся Серафима Саровского».

⁶⁸ ...издание местной общины Красного Креста — В действительности это и было 1-м изданием С. А. Нилусом «Протоколов».

⁶⁹ Георгий Васильевич Бутми-де-Кацман (1856 †?) — дворянин, отставной офицер, член главного совета Союза Русского Народа, автор книг, разоблачающих талмудический иудаизм и масонство.

⁷⁰ Произвольное мнение Дю-Шайла, выдаваемое за истину.

⁷¹ Митрополитом, Антонием (Храповицким) и архиепископом Сергием (Страгородским).

⁷² Григорий Ефимович Распутин-Новых (1869 †17.12.1916) — тобольский крестьянин, приобретший широкую известность как «старец» и целитель. Мог облегчать приступы гемофилии (плохой свертываемости крови) у Наследника-Цесаревича Алексея Николаевича (заболевание последнего держалось в тайне). Благодаря этому, по настоянию Императрицы Александры Феодоровны, был приближен ко Двору. Убит в результате заговора Великого Князя Дмитрия Павловича, В. М. Пуришкевича и кн. Ф. Ф. Юсупова.

Укажем здесь на до сих пор малоизвестный факт покушения на жизнь Распутина 29.6.1914 (на Петров день) крестьянки Симбирской губернии, духовной дочери иеромонаха Илюдора (Труфанова, 1881-?), вдохновившего, как неопровержимо доказано следствием, ее на этот шаг, Хионии (Феонии, а в действительности Пелагеи) Кузьминичны Гусевой (1873-?). Попытка убийства в с. Покровском была предпринята в присутствии специально заблаговременно приехавшего туда корреспондента «Петербургского курьера» В. Б. Дувидзона. Все это случилось за месяц до начала войны с Германией,

противником которой был Распутин. Освобожденная из-под стражи по распоряжению Временного правительства (27.3.1917, по личному указанию министра юстиции Керенского), П. К. Гусева ровно через пять лет после первого покушения, 29.6.1919, и тоже на Петров день (1), также после литургии, на этот раз у храма Христа Спасителя в Москве, покушалась на жизнь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. В результате судебного разбирательства Гусева, мать двоих красноармейцев, наверняка продолжавшая поддерживать связи со своим «духовным отцом», превратившимся к тому времени из иеромонаха Илиодо́а в чекиста С. М. Труфанова, была, как «психически невменяемая», от судебного преследования освобождена и определена на лечение. И еще одно немаловажное обстоятельство: и Патриарх и Распутин в дни покушений на них прятались Св. Таин.

⁷³ Произвольное мнение Дю-Шайла, выдаваемое за истину.

⁷⁴ На самом деле старец Варсонофий Оптинский прямо связывал приход антихриста с усилением роли евреев в Христианском мире: «50 лет тому назад евреи молчали, их не было слышно. В Пруссии, не то в Австрии еврея всякий мог без всякого наказания обидеть, даже убить. Я не говорю, что это законно или хорошо. Я хочу только сказать, насколько бессильны и ничтожны были они... и почти вдруг какую они приобрели силу. Не знамение ли это времени? Ведь они существовать начали не вчера, не 50 лет тому назад, а несколько тысячелетий. Они были отвержены со времени Распятого Христа и Его Воскресения, — и почему они не могли приобрести такую силу в десятки столетий, какую приобрели в столь короткое время?.. Всюду упадок разложение. Антихрист явно идет в мир. И этого в мире не признают» (Дневник послушника Николая Беляева. 29.12.1908).

⁷⁵ ...Козельского старообрядческого купца — Возможно, имеется в виду автор предисловия к [№ 24] М. Д. Усов.

В «Беседах старца схияриямандрита Варсонофия» имеется любопытное свидетельство оптинского скитоначальника об этом издании: «Не так давно России грозила погибель [имеется в виду революция 1905—1907 гг. — Сост.]. Мятельники хотели взять Москву, и уже привезены были в разобранном виде гильотины для казни всех тех, которые стоят за самодержавие, а не за республику. Но Господь спас Царя и Отечество наше от страшной погибели, а мы здесь сидели и ничего не знали.

Телеграф был прерван, железные дороги забастовали. Мы только молялись Господу о спасении Руси, не зная тех ужасов, которые происходили. Господь еще пощадил нас, грешных, за святые молитвы всех почивших и подвижающихся святых Своих, так как Он — безпредельная благодать, и всегда внемлет молитвам преподобных Своих.

Святый Варсонофий Великий, современник Аввы Дорофея, говорил, что еще в VI-м веке Господь назначил Страшный Суд, но трое встали на молитву — один в Коринфе (преп. Иоани), другой в Александрии и некто в Палестине (по великому смирению своему преп. Варсонофий скрыл свое имя) — Господь пощадил мир. Как раз в это время явился Магомет, совративший многих в свое лжеучение.

С. А. Нилус написал книгу «О кончине мира». Она очень быстро идет. Уже все издание распродано, и приступают к новому. Дело издания этой книги поручено двум купцам. Один из них имеет огромное богатство — он поставляет зелень не только в России, но и за границей.

Недавно они были у меня:

“Ну, — спрашиваю, — как идет книга?”

“Книга-то идет хорошо, только от ее чтения приходим мы в полное уныние”.

“Как? — говорю. — Вы, верующие люди, и вдруг унываете? Пусть неверы унывают, а вам нет туда пути”.

“Как же не унывать, батюшка? Если последнее время, то и торговать не хочется и ничего заводить, все равно все равно конец”.

“Да, что с вами, ну если бы даже кончина была; как вы думаете, если ученик отлично подготовился, нужно ему бояться экзамена?”

“Чего ему бояться, если хорошо знает предмет”.

“Ну, так и вам нечего бояться Страшного Суда. Ведь вы в Бога веруете?”

“Конечно, веруем”.

“И любите Его, Он вам дороже всех?”

“Истинно, дороже всех”.

“Так и не страшитесь. Господь не отринет вас. А о времени Пришествия Господня никто не знает, ни Ангелы Божии, ни Сын, токмо Отец”» (*Скит Оптиной Пустыни. Старо-Голутвин монастырь. Беседы старца схиархимандрита Варсонофия // Архив Введенской Оптиной Пустыни. Машиннопись.*)

Здесь речь идет несомненно об очередном издании 2-й части «Великого в малом» — «Близ есть грядущий антихрист». Так же книга именуется и в сохранившемся автографе титульного листа рукописи 1911 г. (ОР РГБ. Ф. 765.13.27). Беседы записывались со слуха духовными дочерьми о. Варсонофия, и они могли понять слова «книгу о кончине мира» как само название. Других свидетельств о такой книге Нилуса мы пока не имеем, хотя одна из заключительных глав «Близ грядущего...» называется «Несколько слов о дне второго страшного пришествия Господа Иисуса Христа и кончины мира» (см. в 1 части наст. изд.).

⁷⁶ Изложенные в этой главке сведения частью — прямая ложь, частью — весьма сомнительны. Одно то, что Нилусы поселился в Оптиной не по служебному письму обер-прокурора Св. Синода, как сам мемуарист, а по личному приглашению настоятеля и скитоначальника, свидетельствует не просто о «снихождении», но о доверии. В отношении к международному еврейству и его влиянию внутри России, Оптиные старцы занимали недвусмысленную обличительную позицию, зачастую более непримиримую, чем взгляды С. А. Нилуса. Корни «оптинской смуты» гораздо серьезнее, чем кажется Дю-Шайла — см. подбор материалов «Оптинская смута» ниже.

⁷⁷ *Генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов* (1869 †1947). 3/16.5.1918 в Новочеркасске «Кругом спасения Дона» был избран атаманом Всевеликого войска Донского. 2(15).2.1919 подал в отставку, с сентября того же года ведал пропагандой в армии Н. Н. Юденича. После окончания гражданской войны жил в Берлине и Париже, активно занимаясь литературной и политической деятельностью. Среди прочих им написан роман «Largo» («Лярго»), изданный только один раз — в Париже в 1930 г. В. Спяльским, вскрывающий подоплеку «дела Бейяса». Казнен по приговору Верховного Суда СССР.

⁷⁸ *И. А. Родионов* (ок.1880 †24.1.1943) — донской казак, войсковой старшина, писатель, земский деятель монархического направления. Активно противодействовал Распутину. В 1918 — феврале 1919 г. издавал в Новочеркасске газету «Часовой». Автор книг «Наше преступление» (Не бред, а быль). Из современной народной жизни»

(СПб., 1909; выдержало 6 изданий), «Жертвы вечерние», «Сыны дьявола» (Белград, 1932), «В чем гибель».

⁷⁹ *Николай Елпидифорович Парамонов* (ок.1878 †1952) — донской казак, крупный промышленник, товарищ председателя Донского Круга, член партии кадетов, издатель либерально-демократических газет «Ростовская речь» (1915—1916), «Донская речь». После революции 1917 г. разочаровался в прежних идеалах, вернулся в Ростов-на-Дону, вошел в правительство атамана П. Н. Краснова. С середины января по 9/22 февраля 1918 г. в его особняке располагался штаб Добровольческой армии и жил генерал Л. Г. Корнилов. С января по март 1919 г. руководил Отделом пропаганды при Особом совещании в Ростове-на-Дону у генерала А. И. Деникина («Осваг»). Пытался развить горную промышленность на территории казачьего Юго-Восточного Союза. После гибели этого государства эмигрировал. Скончался в Бейруте. Свое участие в подготовке революции на склоне лет признавал ошибкой, говорил откровенно: «Лучше бы этого не было» (Казачий словарь-справочник/ сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо (Калифорния), 1968. Т. 2. С. 258—259).

⁸⁰ *Владимир Митрофанович Пуришкевич* (1870 †1920) — крупный помещик, до февраля 1907 г. государственный чиновник. Один из основателей «Союза Русского народа» в 1905—1906 гг. В 1906 г. вышел из него и основал «Союз Михаила Архангела». Лидер крайне правых во II, III и IV Государственных думах. Участник убийства Г. Е. Распутина. Во время гражданской войны в тылу ген. А. И. Деникина основал Народно-государственную партию. По некоторым данным являлся тайным масоном.

⁸¹ *Протоиерей Георгий Иванович Шавельский* (1871 †1951) — родился в с. Дубокрай Витебской области, окончил Витебскую духовную семинарию. В 1895 принял сан священника. В 1902 г. окончил Петербургскую Духовную академию, служил настоятелем Суворовской церкви. Во время Русско-японской войны — дивизионный благочинный, с 1905 — главный священник Маньчжурской армии, за свою доблесть был возведен в сан протоиерея. С 1910 г. — профессор богословия Историко-филологического института, член духовного правления военного протопресвитерства. В 1911 г. был назначен протопресвитером военного и морского духовенства Российской Империи. С начала Отечественной (I Мировой) войны — в ставке Верховного Главнокомандующего, с 1915 г. — член Св. Синода, в 1917 г. военное и морское духовенство (около 5 тыс. человек) на своем Всероссийском съезде избрало его своим пожизненным протопресвитером. Подозревался — и небезосновательно — в принадлежности к масонству. Станный для православного священника рационализм, осуждение Государя и в особенности Государыни сделали его в конце концов лидером движения, получившего название «церковный большевизм», возникшего сразу после февральской революции 1917 г. Его представители требовали радикальных реформ и, в частности, повышения роли белого духовенства и мирян. Чисто внешне распавшееся после большевицкого переворота, движение это проросло позже в обновленчестве. Недаром среди питомцев о. Георгия был — в то время военный священник, а позже лидер обновленчества А. И. Введенский, который вывел о. Шавельского «бунтарски» настроенным переем в своей злобной книге «Церковь и государство». После большевицкой революции уехал в Витебск, осенью 1918 г. переехал сначала в Крым, потом в Ростов. С 26.11(9.12).1918 — протопресвитер Добровольческой армии, с января 1919 г. — протопресвитер Вооруженных сил Юга России, с мая — член Временного Высшего Церковного Управления на юго-востоке

России. В апреле 1920 г. был освобожден от своих обязанностей генералом П. Н. Врангелем и эмигрировал. Поселившись в Болгарии стал рядовым священником, затем преподавал в Софийском университете; стал профессором богословского факультета, одновременно являясь директором и законоучителем русской гимназии. Скончался в Софии.

⁸² Профессор Малахов преподавал до начала гражданской войны не в Московской, а в Петербургской Духовной академии. В 1920 г. он читал лекции для воинов Белой Армии в Севастополе, где разбирал содержание «Протоколов». На его лекциях присутствовал будущий церковный историк, женившийся на племяннице С. А. Нилуса, — И. М. Концевич.

⁸³ Генерал-лейтенант Семенов — неустановленное лицо.

⁸⁴ Гетман Павел Петрович Скоропадский (1873 †1945) — праправнук И. И. Скоропадского, гетмана Украины в 1708—1722, крупный землевладелец. С 1916 — генерал-лейтенант. 6.10.1917 на съезде Вольного казачества провозглашен атаманом. 10.3.1918 возглавил «Украинскую народную громаду», 12.11.1918 узаконил автокефалию Украинской Церкви. Через месяц после провозглашения Директории (см. прим. 86) отрекся от власти и 14.12.1918 выехал в Германию. Во время 2-й Мировой войны сотрудничал с нацистами.

⁸⁵ Симон Васильевич Петлюра (1879—1926) — украинский военно-политический деятель левой ориентации, с апреля 1917 г. — председатель Украинского Фронтного Совета войск Западного фронта. Руководил вооруженным восстанием против гетмана П. П. Скоропадского. После прихода к власти Директории возглавил армию Украинской Народной республики. С 4.2.1919 — глава Директории. В октябре 1920 вместе с правительством УНР эмигрировал в Польшу. 26.5.1926 убит евреем Ш. Шварцбартом (Шварцбордом), считавшим его главным виновником еврейских погромов на Украине в период гражданской войны.

⁸⁶ Украинская Директория — центральный орган власти на Украине, образованный лидерами украинской буржуазно-националистической партии и ночью на 14.11.1918 в Белой Церкви. Председателем Директории был В. К. Виниченко, с февраля 1919 — С. В. Петлюра. 16.1.1919 Директория объявила войну Советской России. В августе-октябре того же года была разгромлена армией Деникина. Окончательно ликвидирована 20.11.1920.

⁸⁷ Митрофорный протоиерей Владимир Востоков (11.7.1868 †1957) — церковный писатель, проповедник. В 1912 г. приглашен вел. кн. Елисаветой Феодоровной лектором при ее Общине милосердия. Служил в московском храме Св. мученика Никиты, издавал журнал «Откляки жизни». За статью, направленную против Распутина, переведен в Уфу. Законоучитель детей будущего обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина. Делегат Собора 1917 г. Один из гонителей митрополита Московского Макария (Парвизкого). За обличительные речи объявлен большевиками вне закона. Организовал при армии А. И. Деникина «Братство Животворящего Креста» (дружину для борьбы с большевиками). Духовник и проповедник в армии генерала Врангеля в Крыму. В письме от 27.2.1938 Дю-Шайла сообщал В. Л. Бурцеву, что «под влиянием событий Востоков сделался ярым антисемитом»; «...увы! ...тот самый, кто служил в Москве молебн, притом в в красной ризе, по случаю Февральской революции» (ГАРФ).

Ф.5802.1.682. Л.23-об.). Переселился в Сербию. Законоучитель русской гимназии в Кякинде. Монархист-кирилловец. В 1945 г. вместе с о. Василием Бошановским вел службу в лагерном храме под Мюнхеном, с которой англичане депортировали прихожан-казаков для выдачи Советам. С 1951 г. и до смерти — настоятель церкви Св. Тихона Задонского в Сан-Франциско.

⁸⁸ *Галата* — район Константинополя (Стамбула).

⁸⁹ В этом абзаце Дю-Шайла ясно формулирует основные постулаты экуменизма и «вудеохристианства».

3

Печатается по: ГАРФ. Ф. 5802.1.682. 24 л.; Л. 21-об., 2-об., 23—24, 10—11, 1, 12-об.

Владимир Львович Бурцев (1862—1942) — известный революционер и публицист, террорист. Прямых к эссерам, формально в их партию не входил. За пропаганду терроризма высылался из Швейцарии и Франции, осуждался в Англии. Известен разоблачениями среди революционеров агентов и осведомителей полиции, в частности Азефа. Именно он шантажировал бывшего директора Департамента полиции *А. А. Лопухина* (см. прим. 51), предлагая ему в обмен на похищенную в Лондоне дочь, выдать польского агента, находившегося в верхах партии. Так узнали об Азефе. С началом войны, изменив свои взгляды и став «оборонцем», сдался на границе властям (1915). Последовал суд, ссылка, а потом амнистия. Участвовал в сокрытии рукописи клеветнической антираспутинской книги неромонаха Ильядора (Труфанова). После октябрьского переворота эмигрировал.

⁹⁰ *И. М. Чериковер* — еврейский историк. Член «Редакционной коллегии по сборанию и опубликованию материалов о погромах на Украине», работавшей с 1919 г. в Киеве. В 1935 г. написал подробное исследование о «Протоколах Сионских мудрецов» на французском языке.

⁹¹ В будущем — митрополит *Серафим (Чичагов)* см. прим. 35 к «Краткому жизнеописанию».

⁹² *Присяжный поверенный Лившиц* — адвокат со стороны обвинения на Бернском суде против швейцарских издателей «Протоколов Сионских мудрецов» 29.4—14.5.1935 г. Масон в ложе «Великого Востока».

⁹³ *Полковник В. В. Муравьев-Амурский* — граф, русский военный атташе в Париже, поклонник Папюса. Именно он познакомил сестер-черногорок с Фляппом, а те ввели его во Дворец.

⁹⁴ *Георг Бруншвиц* — швейцарский адвокат еврейского происхождения, профессор. В 1933 г. вместе с проф. Матти, от имени еврейских общин в Швейцарии подал жалобу в Бернский суд и возбуждал уголовное преследование за распространение «Протоколов» против их издателя, публициста Фишера (16.11.1933). Выступал со стороны обвинения на втором (29.10—1.11.1934) и третьем Бернском судах (29.4—14.5.1935).

⁹⁵ *Т. А. Алишеров* — неустановленное лицо.

⁹⁶ Прямая ложь. Аббат Морель, «посетивший Оптину, кажется, за год до» него, не мог фигурировать под именем «француза» в «Записках православного», которые С. А. Няус вел именно в 1909 г. (году приезда Дю-Шайла). Сроки появления и отъезда «нашего француза» из Пустыни явно совпадают с зафиксированными в Скитской летописи данными, прямо называющими этого «француза» — А. М. Дю-Шайла.

⁹⁷ Сергей Григорьевич Сватиков (1880—1942) — масон, историк, доктор философии, помощник присяжного поверенного при Петроградской судебной палате. В 1917 г. был назначен Временным правительством комиссаром по ликвидации тайной полиции за границей, «чистил» царский дипломатический корпус в Европе. В денкинском тылу занимал пост товарища министра ведомства народного просвещения. Пытался доказать подложность «Протоколов» (см.: *Общественное Дело*. 20.9.1921. № 430). Сотрудничал в «Донской летописи». В эмиграции — член правления Тургеневской библиотеки в Париже, представитель Русского зарубежного исторического архива в Праге. Автор книг: «Донской Войсковой Круг. 1549—1917» (Вена, 1923); «Россия и Дон: 1549—1917. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону» (Б.м.: Донская историческая комиссия, 1924).

⁹⁸ См.: *A. M. du Chayla. Lettre a Wladimir Lwovitch Bourtsseff*. [Машинопись на фр. языке]// ГАРФ. Ф. 5802.1.682. Л. 14—20.

4

Печатается по: Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2. С. 59—61.

⁹⁹ Описываемые события относятся к первым числам апреля 1920 г.

¹⁰⁰ Согласно другим сведениям газета называлась «Сполох». Всего вышло 10 номеров (*Слашов-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы*. М., 1990. С. 245, 259).

¹⁰¹ Вот только две цитаты из «Вестника Донской армии»: «Какое нам дело до России?! Хочет она себе коммуны — пусть себе живет, хочет Царя — пусть наслаждается, мы хотим жить, как нам разум, совесть и дедовский обычай велит»; «Истекали мы, казаки, кровью до последней степени [...] Мы еще можем драться с врагом по пути нашего движения в родные опустевшие станицы, но нет у нас сил для борьбы с врагом по пути к сердцу русского народа — Москве. Пусть по Московскому пути идут русские люди [...] Помните это, наши руководители, и не перенапрягайте наших сил». Редактор, сотник А. М. Дю-Шайла, был обвинен в государственной измене, а ген. В. И. Сядорин и его нач. штаба ген. А. К. Кельчевский — в попустительстве, «имея сведения о преступной деятельности обвиняемого, сотника Дю-Шайла, не приняли зависящих от них должных мер» (Цит. по: *Казацкий словарь-справочник*. Сан-Ансельмо (Калифорния), 1969. Т. 3. С. 81—82). В мемуарах генерала-лейтенанта А. Я. Слашова (1887 † 1929) подрывная работа газеты характеризуется как «разложение донцов эсеровской пропагандой самостоятельности Дона» (*Слашов-Крымский А. Я. Белый Крым 1920 г.* С. 86).

¹⁰² Расследованием занимался следователь по особо важным делам Гиршиц.

¹⁰³ Севастопольскому военно-полевому суду.

¹⁰⁴ Генерал от кавалерии *А. М. Драгомиров* (1868 † 1956).

¹⁰⁵ «К лишению воинского звания, чинов, орденов, дворянства и к четырем годам каторжных работ».

¹⁰⁶ Кроме публикуемых мемуаров, *Дю-Шайла* напечатал в газете *П. Н. Милюкова* серию клеветнических статей «Монархическая идея и действительность» (I. Магнетизер Флипп в Рачковский // Последние новости. 1.7.1921. № 369. С. 2; II. При царском дворе // Там же. № 370, 2.7.1921. С. 2; III. Борьба за влияние. Заключение // Там же. № 371. 3.7.1921. С. 2).

5

Печатается по: *Даватц В. Х.* Годы: очерки пятилетней борьбы // Кубанец. Изд. Кубанского казачьего союза. Нью-Йорк. 1993. Август-сентябрь. С. 25–26.

¹⁰⁷ См. прим. о *Флиппе*, *Папюсе*.

¹⁰⁸ Имеются в виду организованные ярими противниками «Протоколов» — федерацией еврейских общин Швейцарии — суды в Берне: 1-й суд 16.11.1933, 2-й суд 29.10–1.11.1934, 3-й суд 29.4–14.5.1935. Суд шел с грубейшими нарушениями процессуального кодекса. Из 16 свидетелей со стороны истца были допрошены все, из 40 свидетелей со стороны ответчика только двое (*Иванов А.* На всяких мудрецов довольно *Протоколов* // *Русский Вестник*. 16.7.1991). В подготовке процесса со стороны ответчика участвовали русские эмигранты *Н. Е. Марков* 2-й, *А. И. Спиридович*, *А. Д. Нечволодов*, генерал *П. Н. Краснов*, *А. П. Рачковский* (сын *П. И. Рачковского*), *С. С. Нилус*, *П. Н. Шабельский-Борк*, *С. В. Таборицкий*, *Степанов*, *К. В. Родзаевский*, *Шеляхов*, *Баранов*, *Ланской*, *Н. Д. Жевахов*. О Бернском процессе см.: *Jonak von Freywald H.* Der Berner Prozess um die Protokolle der Weissen von Zion: Arten und Gutachten. Erfurt, 1939. Bd. 1; *Vash, Stefan Dr.* (Budapest). Der Berner Fehlurteil; *Fleischer U.* Die echten Protokolle der Weissen von Zion. Менее известен, к сожалению, другой факт: апелляционный суд в Цюрихе 1.11.1937 признал несостоятельность мнения о подложности «Протоколов», отменив решение Бернского суда как необоснованное.

¹⁰⁹ См. «На берегу...», ч. 1 наст. изд. под соотв. числом.

¹¹⁰ См. «На берегу...», ч. 1 наст. изд.

¹¹¹ См. его мемуары выше.

¹¹² См. «На берегу...», ч. 1 наст. изд. под соотв. числом.

¹¹³ На берегу Божьей реки. Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. С. 296.

¹¹⁴ См.: *Еврейская Трибуна*. 14.5.1921. С. 3–4.

¹¹⁵ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени *В. И. Ленина*: указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 282.

¹¹⁶ В бумагах указанного послушника *Виктора Алексеевича Вейденгаммера* (13.12.1843 † 17.4.1916) находится переведенное им «Письмо француза графа *Александра Максимовича Дю-Шела* [sic] (*vicomte A. Du Chayla*), поступившего в Оптину Пустынь, к Преосвященному Митрополиту *Антонию Петербургскому*»:

«Христос Воскресе!»

Ваше Высокопреосвященство

Долгом для себя считаю выразить Вам почтительные и искренние поздравления по случаю праздника святой Пасхи. Мое еще недостаточное знание русского языка не позволяет мне пользоваться этим языком для исполнения долга, который мне указывает моя признательность. Внимание, которое Ваше Преосвященство мне благоволило оказать, и решение, которое последовало из него, были для меня неоценимым благодеянием. Мое участие в монастырской жизни, чрез сверхъестественный свет, озаряющий внутренний православный быт, открыло мне воистину неисчерпаемую красоту Православия и освятило мое духовное развитие.

Живой и всегда действенный смысл празднования нашею Церковью Святой Пасхи произвел на меня глубокое впечатление.

С давних пор, со времени X столетия, согласно свидетельству греко-латинского писателя Allatus'a, западная церковь оставила нам обычай приветствовать друг друга словами «*зихтхит Christus*» [sic]. Обычай этот составляет предание первейших христиан и является положительным свидетельством действительности нашей веры в воскресение и имеет, таким образом, высокое апологетическое значение.

Самое Воскресение латинская церковь понимает лишь как символическое воспоминание исторического факта, имевшего место и исчерпанного уже две тысячи лет тому назад.

Православная церковь, напротив, исповедует вечное действительное значение Воскресения. Она понимает его как факт, существенно указывающий на неизменяемость божественных свойств. Она ожидает воскресения с тою нетерпеливою любовью, которая так прекрасно выражена в тропаре «*Се Жених грядет*». Она это положительным образом подчеркивает в двойном исповедании веры: «Христос Воскресе» и «Воистину воскресе» — которые есть высшая форма жизни и воли, а не воспоминание только недействительное.

Все таинственное благолепие, явно выражающееся в монашеской жизни Оптиной Пустыни, чрез чистую и пламенную веру, которою проникнуто исполнение всех священных обрядов, и учение, которое из этого вытекает, обязывает меня к живой и постоянной признательности Вашему Высокопреосвященству.

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять уверения глубокого почтения, и поздравления от покорного слуги Вашего, просящего Вашего благословения и Ваших молитв —

Графа А. М. Дю-Шела».

(ОР РГБ. Ф. 213.62.6. Л.111—111 об.).

На л. 110—111 той же рукой В. А. Вейденгаммера переписан с отправленного адресату оригинала французский текст письма. Можно предположить, что перевод был сделан им по просьбе Скитона начальника (или Настоятеля), ибо Дю-Шайла, как неизвестная им личность, по указанию петербургского церковноначальника внедренная в Оптину Пустынь, не вызывала (что оправдалось впоследствии) их особого доверия.

Само письмо было опубликовано в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» (16.5.1909. С. 910—912). Ему было предпослано небольшое вступление, озаглавленное «Обращение католика-француза к Православию»:

«Нынешнюю зиму прибыл к нам в Россию из Франции молодой француз граф Александр Максимович Дю-Шела (vicomte A. Du-Chayla), принявший недавно Православие по глубокому искреннему убеждению и присоединенный к нему в одной из заграничных православно-русских церквей (жневской). Граф Дю-Шела происходит из знатного дворянского рода с историческою фамилиею. Его родной дед был национальным французским героем, отличившимся во многих сражениях французского флота, почему и в настоящее время один из броненосцев этого флота назван его именем: «Du-Chayla».

Родителя А. М. — ревностные католики. Они всех своих детей отдавали на воспитание в гимназию, содержимую и руководимую иезуитами в г. Лионе, для того, чтобы дать им на всю жизнь возможно более строго католическое направление. Однако старший сын их А. М. за время прохождения курса этой гимназии познал много дурных сторон иезуитского воспитания. Дух иезуитов не пришелся ему по вкусу, а некоторые приемы их внушали прямо отвращение. Он много читал книг духовного содержания, между прочим книгу отца В. Гетте «Схизматическое папство и разные истории Церквей». При этом он убедился, что в римско-католической церкви содержится много отступлений от учения древне-вселенской неразделенной кафедральной Церкви первых веков. Это и побудило его искать истину в Православном исповедании. Он переселился в г. Женеву, где под руководством тамошнего русского священника о. Орлова ознакомился ближе с учением Православной Церкви и был присоединен к ней. Два года после этого в нем созрела мысль посвятить себя на служение Богу с принятием монашества. Он прибыл в Петербург. Здесь он представился Его Высокопреосвященству митрополиту Петербургскому Антонию [(Вадковскому) — *Сост.*] и просил указать ему монастырь. Владыка-митрополит милостиво выслушав молодого человека, благосклонно принял участие в его судьбе и благословил его отправиться в Оптину пустынь (Калужской губернии) под руководство игумена Варсонофия, снабдив его к сему последнему письмом, где он в настоящее время и находится. Пробыв два месяца в Оптиной пустыни, он послал владыке-митрополиту письмо, которое может искренно обрадовать всякого православного, ревнующего о своей Церкви, как свидетельство искреннего чувства верующего христианина, из инославия пришедшего к исповеданию Святой Православной веры» (Сергей Александрович Нилус (1862—1929). Жизнеописание. М., 1995. С. 279—280).

Кстати, сам Виктор Алексеевич Вейденгаммер (потомственный дворянин, по образованию — инженер-механик) не мог остаться незамеченным для пытливого гостя. Скорее всего именно Вейденгаммер является загадочным «монахом о. Алексием (бывшим инженером)», у которого после кончины о. Даниила (Болотова), по словам графа, хранились «Протоколы». Ошибку в имени легко объяснить: 1) Дю-Шайла мог спутать отчество Вейденгаммера (по которому его безусловно величали) с его именем; 2) единственным бывшим инженером в Скиту (продолжавшим «проходить послушания по техническим работам» — ОР РГБ. Ф.213.3.15. Л.9) был именно он; 3) 14.8.1901 вместе с послушником Алексием (Соболевым, с 1911 — мон. Амвросием) В. А. Вейденгаммер переместился в новый корпус (Ф. 214.365. Л.63об.), и в период пребывания в Скиту Дю-Шайла жили там, что могло также запутать «нашего француза» спустя 12 лет.

Печатается по: *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. С. 382—383, 385—390.

¹ *Епископ Виталий (Иосифов)*, Калужский и Боровский (1890—1892) более симпатизировал старцу Иосифу. По свидетельству монаха *Нафанаила* (в миру Николая Осиповича Жураковского, 1834 †1917), будучи осенью 1891 года в Оптиной по случаю похорон отца Амвросия, он «выразился пред Белевскими монахинями, которые во множестве стояли у трапезы: «Весь дух отца Амвросия лежит на отце Иосифе». Епископ Виталий шел в это время в трапезу» (*Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков)*). Келейные записки 1892—1896 гг. М., 1991. С. 38).

² *Казанская Горская Амвросиевская женская пустынь в Шамордино* была основана преп. Амвросием в 1883 на земле, купленной монахиней *Амвросией* (Ключаревой, †23.8.1881), духовной дочерью Святого. Первой настоятельницей была назначена *схиигуменья София* (Астафьева, рожденная София Михайловна Болотова, в первом замужестве Янькова, †24.1.1888). К началу века Шамординская Пустынь стала самой многочисленной женской обителью России. В ней спасалось более 1000 инокинь и послушниц, существовал сиротский дом, процветали рукоделия и ремесла.

³ *Архимандрит Венедикт* (в миру свящ. о. Виктор Дьяконов, 1858 †ок.мая 1915) — ученик Оптинского старца Анатолия, духовный брат старца Варсонофия. Окончил Смоленскую Духовную семинарию по II разр., рукоположен в диаконы 27 мая, а в священники 3 июня 1873 г. Приход имел в с. Чеботово Дорогобужского у., Смоленской губ. Награжден набедренником 30.12.1879. В 1881 г. овдовел и уволился за штат 31 декабря. 21.6.1883 был согласно прошению определен в Оптину Пустынь, где пострижен 14.3.1887. Наперсный крест возложен 6.5.1900. Определением Св. Синода от 11—20.3.1903 № 1207 назначен настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря с возведением в сан архимандрита (ОР РГБ. Ф. 213.13. 1902).

⁴ *Иеромонах Илиодор* (в миру Иоанн Михайлович Головин, 1847 †25.12.1908) — благочинный Оптиной Пустыни. Поступил в братство 29.2.1873, пострижен в мантию 8.5.1883, посвящен в иеромонахи 24.9.1895. См. о нем: «На берегу...» 12.1.1909.

⁵ В будущем игумен *Феодосий* (в миру Александр Васильевич Поморцев, 1854 †9.3.1920) — последний Оптинский скитоначальник (с 10.7.1912), старец. Из мещан, пострижен в мантию 21.11.1899 в Крестовой ц. Олонецкого Архиерейского Дома, 24.11.1899 назначен его казначеем. Перемещен, будучи уже иеродиаконом, в Оптину Пустынь 24.8.1900, где 27.10.1902 посвящен в иеромонаха. 7.9.1904 был награжден набедренником.

⁶ Ср. записи в *Дневнике послушника Николая Беляева*, ближайшего ученика отца Варсонофия: «Вообще постарайтесь еще при моей жизни утвердиться здесь[— ска-

зал Батюшка]. А то, что будет после меня — неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода, или год, чтобы вас укрепить».

Мы помолились. Батюшка меня благословил. Меня иногда смущали мысли о том, что монашество уклонилось от своего идеала. Я это высказал.

«Да-да. Уклонилось. Однако дьяволу и это не очень нравится. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд». Здесь Батюшка привел какой-то текст в подтверждение своих слов, но я забыл его» (22.1.1908).

«Потом Батюшка начал говорить о старчестве. «Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества. У нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его сети. Везде он старается его погасить и погасил! Есть монахи исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась только одна форма монашеского жития, одна внешность»» (23.2.1908).

⁷ Неточность. Имеется в виду скитский монах *Патрикий* (1865 †?) — поступил в скит 16.8.1900. «До 1898 года жил в Оптиной Пустыни, а затем перешел в монастырь Св. Лаврентия в Калуге. Послушание ему благословлено проходить на кухне — старшего повара помощника» (ОР РГБ. Ф. 214.367. 16.8.1900. *Запись о. Варсонофия*). В 1912 г. занимал должность заведующего соборной келлией. Проживал в скиту вплоть до 1917 г.

⁸ Неточность: *Георгий* был иеродиаконем в монастыре. См. прим. 62 к письму № 14. О монахах-буитовщиках см. запись «На берегу...» 12.1.1909.

⁹ *Мария Михайловна Булгак* (урожд. *Бартенева* †1914). См. также известие о. Александра Михайловича Аваева о кончине Булгак в Скитской Летописи от 3.7.1914 ниже.

¹⁰ Судя по всему — иеродиакон *Георгий*.

¹¹ *Схиархимандрит Исаакий II* (в миру *Иван Николаевич Бобриков**, 1865 †8.1.1938) — последний настоятель Оптиной Пустыни, старец, новомученик. Родился в с. Остров, Малоархангельского р-на. Его отец — схимонах *Николай* (в миру *Николай Родионович Бобриков*, 1836 †1908) также был насельником Оптиной. О. *Исаакий* поступил в обитель в возрасте 19 лет в 1884. Пострижен в мантию 7.6.1898, посвящен в сан иеродиакона 20.19.1898, иеромонаха — 24.10.1902. 7.9.1904 награжден набедренником. По сообщению *Л. Ильюниной*, основанному на сведениях из дела о. *Исаакия* (№ 9953, Тульского архива КГБ), впервые арестован в 1919, с 1930 проживал в г. Белеве. 17.12.1937 был арестован по ст. 58, п. 10–11 вместе с епископом Белевским *Никитой* (*Прибытковым*) и схимигуменией *Августой* (в миру *Лидией Васильевной Защук*, бывшей директрисой музея «Оптина Пустынь»). Расстрелян на 162 км Симферопольского шоссе. См.: *Лукьянов Е.* Последний настоятель «старой» Оптины; *Ильюнина Л.* О мученической кончине Оптинского старца *Исаакия II*// *Глаголы Жизни*. 1992. № 2. С. 66–71.

Другую точку зрения излагает свящ. *Василий Шустин* (духовный сын старца *Варсонофия*, затем — о. *Нектария*). Согласно ей, причиной гонения на о. *Варсонофия* было

* В документах НКВД — *Бобраков*.

выселение им из Скита Мяти Косноязычного, «пьяницы и тайного развратника» (*Шустин Василий, о. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптиных старцах. М., 1991. С. 31–32*). К этой версии присоединяется В. В. Черная-Чичагова (Краткое жизнеописание Высокопреосвященного Митрополита Серафима (Чичагова) // *Серафим (Чичагов), митр. Да будет воля Твоя. М.; СПб., 1993. Ч. 2. С. 26–27*).

Сложное отношение митрополита Серафима (Чичагова) к С. А. Нилусу нашло отражение и в протоколе допроса владыки, проведенном уполномоченным сотрудником ОГПУ Казанским 18 апреля 1924 г., т.е. еще при жизни писателя: «Приблизительно лет за 5 до открытия мощей [преп.] Серафима я написал с разных источников «Летопись Серафимо-Дивеевского м[онасты]ря». Конспект лекции о Преподобном Серафиме, найденный у меня, представляет собою конспект, составленный по этой книге, что доказывают ссылки на страницы.

Говоря о «канавках» в этом конспекте, я подразумеваю распоряжение [преп.] Серафима о вырытии канав и предсказании его в связи с будущей историей Лавры, которая должна быть выстроена на этом окопанном месте, о судьбе этой Лавры и канавок в дни антихриста. Но никаких намеков на смуту в государстве, в Церкви, в обществе моя книга не содержит.

Записки Мотовилова, которыми я пользовался, наравне с другими источниками, мной доверием не пользовались, ввиду того, что Мотовилов знал [преп.] Серафима всего два года, а также вследствие ненормальности в последние годы жизни самого Мотовилова*.

Кроме того я знаю, что какие-то записки Мотовилова были похищены писателем Нилусом у жены Мотовилова**» (Печатается по ксерокопии «Протокола допроса», присланной из архива КГБ внучке митрополита Серафима В. В. Черной — ныне игумения Серафима).

В связи с вышензложенным явным курьезом выглядит всплывшее в последние годы «предание» Р. К. Ребана и В. И. Старикова, по которому владыка Серафим «хорошо

---

* «Вражья злоба, — писал С. А. Нилус, — не одолел Серафима, навалилась всею тяжестью на Мотовилова и постаралась очернить и оклеветать его память в глазах всех тех, кто по Серафиме был заинтересован этою из ряда вон выходящею личностью. Она ославила его «сумасшедшим»» («Великое в малом...», 1992. С. 102). — *Сост.*)

** Об обстоятельствах передачи ему рукописей Н. А. Мотовилова С. А. Нилус свидетельствовал совершенно определенно: «По просьбе моей и с разрешения игумении (еще до прославления преп. Серафима — *Сост.*), Елена Ивановна [Мотовилова] дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа, Николая Александровича» («Великое в малом...». С. 173). «...В бумагах Мотовиловских, доставшихся мне для разбора, беспорядок был страшный — точно чья-то рука кому-то назло, истрепала, раскидала и разорвала эти рукописи, таившие часто в себе драгоценнейшие сообщения» (там же. С. 122). И в другом месте: «По вере моей, чудом преподобного Серафима, спасенный в 1902-м году от смерти, я в начале лета того же года ездил в Саров и Дивеев благодарить Преподобного за свое спасение и там, в Дивееве, с благословения великой Дивеевской старицы игумении Марии и по желанию Елены Ивановны Мотовиловой, я получила большой короб всякого рода бумаг, оставшихся после смерти Николая Александровича Мотовилова с разными записями собственной руки его, и в этих-то записях я и обрел то безценное сокровище, тот «умный бисер», который я называю Дивеевской Тайной — тайной Преподобного Серафима, Саровского и всея России Чудотворца» («На берегу Божьей реки». Сан-Франциско. Ч. 2. С. 191–192). — *Сост.*

понимал значение духовного наследия Ницше для Русской Православной Церкви и, опасаясь надругательств большевиков над могилой писателя, перезахоронил его (!) в Зосимовой пустыни в 1929 г., когда там уже размещалась военная часть» (!?). Подробное изложение см.: *Жоголев А. Дорога в Святую Русь // Благовест. 1994. № 18. С. 4; № 19. С. 4-5.*

2

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л. 212. Получено в Пустыни 29.1.1909.

¹² Митрополит Антоний (Вадковский) Санкт-Петербургский и Ладужский.

3-12

Дневник публикуется по: Дневник послушника Николая Беляева. Скит Оптиной Пустыни. [Список монахини Марии (в миру Марии Семеновны Добромысловой) с рукописи иеромонаха Никона (Беляева)] //Издательский Отдел Московской Патриархии. Скитская Летопись публикуется по: ОР РГБ. Ф. 214.367.

¹³ Иеромонах Никон (в миру Николай Митрофанович Беляев, 26.9.1888 † 25.6/8.7.1931) — ученик отца Варсонофия Оптинского, старец, брат послушника Ивана Беляева. Поступил в Скит 1.1.1908, с октября — письмоводитель у скитоначальника. 15.5.1915 переведен в монастырь, 24 мая пострижен в мантию. 10.4.1916 рукоположен в иеродиакона, 3.11.1917 — иеромонаха. После закрытия Оптиной переехал в Козельск, где служил в Успенском соборе до самого ареста 3/16.6.1927. 27.1/9.2.1928 отбыл по этапу в Соловецкий концлагерь, но из-за цинклизма оставлен в Кемском пересыльном пункте. В апреле 1929 переведен на Попов остров Карельской республики. В июне 1930 г. переехал в Архангельск, а в августе — в г. Пинегу. Скончался в дер.Валдокурье. Автор «Дневника», многих духовно-нравственных писем и проповедей, «Скитского кладбища Оптиной Пустыни» (совм. с оо. Иоанном (Полевым), А. М. Аваевым и др.).

¹⁴ У о. Варсонофия было два келейника Никиты. Старший — в будущем игумен Макарий (до пострига Никита Максимович Харьков (1871 † после 1917) — из крестьян с. Гордунова Гомельского у. Могилевской губ. Поступил в Скит 19.10.1903, одет в подрясник 27 октября, облечен в рясофор 20.4.1907, пострижен в мантию 19.1.1914. По свидетельству И. М. Беляева, «никогда выпускал острые словечки. Вообще, был спокойного характера, и ни в чем крайностей нельзя было у него заметить. Батюшке Варсонофию по хозяйственным делам был прекрасный помощник». Скончался после революции в Гомеле в сане игумена.

Младший келейник — брат Никита Минич Баркалов (1889 †?) — из крестьян с. Здоровца Ливенского у. Орловской губ. Поступил в Скит 1.5.1905, одет в подрясник 27.5.1905, принят на военную службу по жребию 9.11.1910 и выбыл из Скита. По словам И. М. Беляева — «характера тоже довольно спокойного, но не такой выдержанный, как о. Никита. Отличался по внешности роскошными, длинными, до пояса, густыми

светло-каштановыми волосами. С нами был очень хорош. Прекрасно пел солядным басом. В 1910 году был взят на военную службу в Главный Штаб. Остался там работать и по вольному найму, сверхсрочно. Я встречал его в 1920-х годах в Москве с женой и дочкой. Потом потерял из вида».

¹⁵ ...не выпитывал у него — Когда И. М. Беляев вернулся в Оптинский Скит после своей неудачной попытки поселиться на Афоне, ему была отведена «келлия на правиле» в Ключаревском корпусе рядом с о. Патрикеем.

¹⁶ ...оба были у Батюшки — т.е. вместе с братом, также послушником Оптинной Пустыни Иваном Митрофановичем Беляевым (1890 †9/22.10.1969), также учеником старца Варсонофия (поступил в Скит одновременно с братом), праведником нашего времени. Иван Беляев вместе с о. Варсонофием был переведен в Старо-Голутвин монастырь и закрыл ему глаза. См. о нем подробнее: Лукьянов Е. Оптинский старец Никон // Глаголы Жизни. 1991. № 1. С. 43.

¹⁷ Иеромонах Климент (в миру Константин (до принятия в Православную Церковь — Карл) Карлович Зедергольм, 1830 †30.4.1878) — сын протестантского интенданта в Москве, обратившийся в Православие под влиянием знакомств с патристически-настроенными товарищами по Университету (присоединение произошло в Оптинной 13.8.1853), Константин Карлович некоторое время служил чиновником особых поручений под началом обер-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстого (также духовно окормлявшегося в Пустыни) по ведомству Православного исповедания; побывал на Православном Востоке. 9.9.1863 вступил в оптинское братство, пострижен в мантию 16.12.1867, посвящен во иеромонахи 8.8.1873. Являлся духовным сыном преп. Амвросия, духовником К. Н. Леонтьева, бытописателем обителя.

¹⁸ Епископ Вениамин Калужский (в миру Василий Антонович Муратовский, 18.4.1855 †6.5.1930) — занимал Калужскую кафедру с 10.7.1901 по 31.10.1910. С 1915 — архиепископ. В 1922 г. уклонился в обновленчество и умер без покаяния.

¹⁹ Новый храм во имя Свт. Льва Катанского с храмом (в нижнем помещении) во имя Собора Св. Архистратига Михаила.

²⁰ Следующий приезд преосв. Вениамина в скит состоялся 15–16 августа того же года.

²¹ Рясофорный монах Максим (в миру Максим Алексеевич Ляхов, 1857 † после 1917?) — происходил из орловских крестьян Ливенского у., малограмотный. Поступил в Скит 11.6.1901, облечен в рясофор 26.3.1904. 1.1.1914 исполнял должность ночного сторожа. В 1915 г. либо выбыл из Скита по какой-то причине, либо был пострижен в мантию с именем Маврикия и назначен на должность эконома.

²² Из воспоминаний духовного сына отца Варсонофия, протоиерея Василия Шустина (†6.8.1968): [Старец] «мне показал ряд деревьев — кедров, посаженных под какими-то углами. Эти деревья, говорил он, посажены старцем Макарием в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана, при помощи деревьев, великая тайна, которую прочтет последний старец скита. Затем он указывал на деревья, посаженные им самим» (Концевич И. М. Указ. соч. С. 338). Скитская Летопись упоминает, что в июне 1910 г. «по распоряжению отца скитона начальника сосчитано количество яблонь и груш в скитском саду, причем оказалось 300 яблонь плодоносящих, 100 не приносящих плода и 50 груш» (ОР РГБ. Ф. 214.367).

²³ *Иеромонах Пиор* (в миру Павел Васильевич Шестаков, 1849 † после 1917) — из купеческого звания, вдовец. Вступил в скитское братство 20.1.1881, пострижен в мантию 21.3.1892, посвящен в иеромонахи 19.11.1900. 24.3.1906 награжден набедренником. Окормлял шамординских инокинь.

²⁴ *Иеромонах Адриан* (в миру Архип Акильев, 1859 † после 1915) — один из духовников Оптиной Пустыни. Пострижен в мантию 17.3.1890, посвящен во иеромонахи 20.6.1899. Вместе со старцем Варсонофием был командирован 4.4.1904—6.10.1905 для службы в лазаретах и госпиталях во время Русско-японской войны. Неоднократно награждался Св. Синодом. В 1915 г., согласно желанию, поехал на фронт. По свидетельству *И. М. Беляева*: «О. Адриан — один из старейших, — первый после о. Нектария, — скитский иеромонах. Пожлой, болезненный. Страдал одышкой. Хотя был очень худ, но сильно задыхался, и при этом издавал какой-то звук вроде шипения, или глубокого вздоха — «а-а». В движениях был быстр, в служении и чтении — также. Очень чтимый старец. К нам он всегда относился приветливо».

²⁵ *Иеромонах Ираклий* (в миру Илья Глебович Дорогавцев, 1847 † 30.9.1915) — вступил в братство 17.12.1869, пострижен в мантию 8.5.1883, посвящен во иеромонахи 5.7.1899. Скончался «от старческой дряхлости», погребен на скитском кладбище 2.10.1915 (ОР РГБ. Ф. 213.11.3. Л. 2).

²⁶ *Иеромонах Кукша* (1860 † после 1917) — родился в Курской губ., Путивальского у., из крестьян. Поступил в Скит 7.4.1885, пострижен в мантию 7.12.1899, посвящен в иеродиаконы 1.3.1908, в иеромонахи — 8.2.1909. По свидетельству *И. М. Беляева*: «Из всех, кого я знал в Оптиной, самое лучшее и самое теплое воспоминание оставил во мне по себе этот старый младенец. Когда мы поступали, он был манатейным монахом, четвертым по старшинству (Ионья, Иов, Патрикий, Кукша), а потом — иеродиаконом и иеромонахом. Превосходный уставщик. Начало полагал в Главинской пустыни, еще мальчиком. Кротость, детская простота, строгость к себе, нежность к другим, усердие к службам, — исключительные его черты. Самый вид его был пленителен. Он со всеми был мирен, и его все любил. Особенно любил его Батюшка Варсонофий. Вечная тебе память, блаженный старче!»

²⁷ *Игумен Авраамий* (1755 † 14.1.1817) — строитель Оптиной Пустыни с 24.9.1796. Начинал иноческий подвиг в Дмитровском Николаевском Пешношском монастыре (вступил в братство 18.5.1790, пострижен в мантию 16.4.1791, посвящен во иеромонахи 10.1.1792). Приложил много сил к восстановлению угаснувшей было Оптиной обители.

²⁸ *Иеромонах Моисей* (1868 † после 1917) — духовного звания, родился в г. Бузулук, Самарской губ., окончил духовное училище. Поступил в Скит 22.9.1892, пострижен в мантию 23.6.1899, посвящен в иеродиаконы 26.3.1906. Переведен в монастырь 19.5.1908. По свидетельству *И. М. Беляева*, о. Моисей — «главный письмоводитель о. Иосифа. При нашем поступлении был скитским иеродиаконом, хотя многие его в продвижении дальше перегибали. Наконец, он ушел из Скита в монастырь, и сразу же стал иеромонахом. Мы с ним ни разу не произнесли ни одного слова».

²⁹ О. *Ираклий* — монастырский иеромонах (?), личность пока не выяснена.

³⁰ О. *Михей* — монастырский монах, личность пока не выяснена.

³¹ *Старо-Голутвин Богоявленский заштатный общежительный монастырь* находился в 4 верстах от г. Коломны, при впадении р. Москвы в Оку. Был основан св. благоверным Великим Князем Дмитрием Донским по благословению Преп. Сергия Радонежского в 1385 г.

³² *Послушник Григорий Яковлевич Ермаков (1886 †?)* — из крестьян Тамбовской губ, и у., с. Горелого. Поступил в Скит 7.4.1910. В 1913 г. облечен в рясофор, после возвращения из Голутвина исполнял послушание келейника у нового скитоначальника иеромон. Феодосия. В 1914 г. мобилизован, был в плену и вернулся в Скит в начале 1916 г. Пострижен в мантию с именем Геронтия, затем рукоположен во иеромонаха.

³³ *Послушник Михаил Михайлович Ежов, в будущем — протоиерей (1882 †1967)* — из мещан Московской губ. Поступил в Скит 19.6.1909. В 1913 г. облечен в рясофор. В 1915—16 гг. возвратился на родину по домашним обстоятельствам. Был особенно близок к И. М. Беляеву.

13

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л. 288-об. Надпись письмоводителя о. Ксенофонта об отправлении ответного письма: «11 сент. 1912 г.».

³⁴ *Василий Михайлович Скворцов (1859 †?)* — редактор-издатель журналов «Миссионерское обозрение», «Голос истины» и газеты «Колокол». Близкий сотрудник Владыки Никона и постоянный корреспондент архим. Ксенофонта. См. его письма: ОР РГБ. Ф. 213.74.22. Л. 92—94, 96, 258.

³⁵ Имеется в виду книга свящ. о. Сергия Четверикова «Описание жизни Оптинского старца иеромонаха Амвросия» (Шамордино, 1912; перензд.: Platina, USA, 1980). Материалы для нее были предоставлены ему Пустынью, имеется переписка (ОР РГБ. Ф. 213.74.22).

14

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.29.12.

³⁶ Кроме того, С. А. Нилус занимался описанием и систематизацией части монастырских рукописей. См., например, пронумерованное его почерком (№ 5) «Максима Исповедника Толкование на молитву “Отче наш” (рукопись Тертия Филиппова с отметками о. Матвея Константиновского)» (ОР РГБ. Ф. 213.43.15. Л.1).

15

Скитская Летопись публикуется по: ОР РГБ. Ф. 214.367.

³⁷ *Рясофорный монах Никита Иванович Костинский (1846 †3.4.1913)* — оптинский подвижник. Из мещан г. Покрова (Владимирской губ.), остался вдов по 1-м

браке. Вступил в братство 21.11.1902 (58-ми лет), облечен в рясофор 28.5.1905. Как указано в *Летописи*: «Сосед его, канонарх, возвратясь от вечерни в 7 час[ов], нашел его стоящим в углу без сознания. В таком положении он был отнесен на постель и обследован; по прочтении же отходной, не приходя в сознание скончался. Перед вечерней был совершенно здоров и весел.

Отличался детской простотою, незлобием, приветливостию и милосердием. Если у него с кем из братьев происходило неудовольствие, — первый просил прощения и не стеснялся делать земной поклон; укоризны принимал без смущения и обращал их в шутку, успокаивая укоряющего. Братья любили его и большею частью звали его «Никита Иванович». Любил церковное пение, но не имел слуха, и добродушно жаловался братьям, что его не берут на клирос, хотя он и старается петь как ему велят: погромче, потише, 1-м тенором, 2-м тенором, басом и т.д. Скит звал «райком». Имел немощь, запрещенного в Скиту, гостеприимства, но сия немощь покрывалась смиренным терпением выговоров и укоризн. От родителей наследовал большое состояние, но неудачи, простота и нищелюбие истощили его средства. Путешествовал в Старый Иерусалим и на Афон и жил там некоторое время. В Скиту прожил 10 лет. Росту был среднего, полный, лицом очень походил на известного старца Т[ронце]-Сергиевой Лавры неросхям. Варнаву».

³⁸ *Схимонах Рафаил* (в миру Роман, 1877 †13.4.1913) — один из сокровенных подвижников Оптиной Пустыни. Вступил в братство 22.5.1898, пострижен в мантию 16.12.1907.

16

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 213.3.26. Л. 38.

³⁹ Содержание упомянутого указа послужило недоброжелателям формальным основанием для удаления С. А. Нилуса из Оптиной в 1912 году. Интересно, что требования ограничить проживание мирских лиц при монастырях были выдвинуты в решениях иноческого съезда 1909.

17

Печатается по: За кулисами царяэма: Архив тибетского врача Бадмаева/ под ред. В. П. Семенникова. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 13—14.

Судя по содержанию, письмо должно было предварить отчет преосв. Серафима (Чичагова) перед Государем о ревизии Оптиной Пустыни.

Митя Козельский — мещанин г. Козельска *Димитрий Попов*, по прозвищу Коляба, по дарованной Государем фамилии — Ознобышини. «Уже перед кончиной, последовавшей в 1907 году, отец Даниил Болотов [неромонах Оптиной Пустыни — Сост.] пишет знаменитую картину, сюжет взят из грядущих времен. На огромном холсте изображены Император, Императрица и Наследник, восхищенные на Небеса. Сквозь облака, по которым Они ступают, мчатся роя бесов, рвущиеся в ярости

к Цесаревичу. Но сатанинский порыв сдерживает Митя Козельский, отстраняющий от Наследника вражеские полчища. Картина, имевшая глубокий пророческий смысл, была послана Царю; при Дворе не остались равнодушны. Вскоре в Петербург затребовали блаженного Митю Козельского, который удостоился приема от Самого Императора. Сергей Нилюс с Еленой Александровной во всем этом деле принимали живейшее участие» (*Стрижев А. Н. Нилюс и Государь // Царь-колокол. № 6. М., 1990. С. 51*). Был настроен антираспутинский. Вместе с *Бадмаевым* помогал иеромонаху *Илиодору (Труфанову)* скрываться от властей. После революции был арестован большевиками, послан в Соловецкий лагерь, где был расстрелян.

Петр Александрович (до крещения *Жамсаран*) *Бадмаев* (1849 †16/29.7.1920), в архиве которого хранилось публикуемое письмо, — родился в бурятской семье в Восточной Сибири, где его отец владел большим скотоводческим хозяйством. После окончания Иркутской гимназии поступил на факультет восточных языков (китайско-монголо-маньчжурский разряд) Петербургского университета (1871). В столице, к тому времени, при сухопутном военном госпитале, практиковал тибетскую медицину его старший брат — Сультим. По примеру его *Жамсаран* принял Православие, крестным отцом его стал Цесаревич Александр Александрович (впоследствии Император Александр III). По окончании университета служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1875—1893), преподавая (с 1890) монгольский язык в Петербургском университете. Практиковать тибетскую медицину стал с 1875 г. Действительный статский советник.

Еще в 1893 г. он подает Имп. Александру III Записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке», в которой писал, что скорое падение маньчжурской династии откроет пути для мирного присоединения к Российской Империи Китая, Тибета и Монголии. В результате *Бадмаев* получил два млн. руб. на организацию в Бурятии торговой компании для налаживания контактов с китайской и монгольской знатью. И хотя планы продвижения Империи на Восток по разным причинам оказались нереализованными, предвидения *Бадмаева* о падении маньчжурской династии и отрыв от Китая Внешней Монголии исполнились в точности. Восточными делами он продолжал заниматься и впоследствии. Так, во время русско-японской войны 1904—1905 гг. он весьма умело выполнял миссию объединения вождей монгольских племен в интересах России.

Интересны его Имперские проекты 1916 г. Создание акционерного общества для постройки и эксплуатации железной дороги Семипалатинск-Улан-Даба (на границе с Монголией). По проекту *Бадмаева* это был лишь один из участков грандиозной, транс-монгольской железной дороги (к изысканиям по ее постройке приступили еще в 1914 г.). Другой проект — организация русско-армянского акционерного общества для постройки путей сообщения и разработки естественных богатств Закавказья и сопредельной с ним территории только что занятой русскими войсками турецкой Армении. Наконец, третий проект — продовольственный: организация бесперебойного и в достаточном количестве снабжения мясом и молоком Петрограда, России и всего мира. План этот был развит *Бадмаевым* в брошюре «Мудрость в русском народе» (Пг. 1917). Царская Семья получила ее за несколько дней до революции.

Первоначально *Бадмаев* был настроен антираспутински, прятал у себя дома иеромонаха *Илиодора (Труфанова)* и даже передал, по поручению последнего, сфальсифициро-

ванные письма Царской Семьи председателю Думы М. В. Родзянко, который и пустил их по рукам. Позже, раскаявшись, сблизился с Распутиным. После убийства последнего в «Памятной записке» Имп. Николаю II, в частности, писал: «Враги Трона и Отечества называют нас темными силами, но ведь они действуют так потому, что они вне веры, полные атеисты, мы же идем вперед с Богом».

В августе 1917 г., по распоряжению временного правительства, выслан из России в Финляндию вместе с А. А. Вырубовой и И. Ф. Манасевичем-Мануйловым. Через какое-то время вернулся в Петроград, где и скончался.

18

Печатается по: О. Василий Шустин. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М. 1991. С. 31–33.

Протоиерей Василий Васильевич Шустин (18.5.1886 †24.7.1968) — из благочестивой семьи. Будучи студентом С.-Петербургского электротехнического института познакомился и духовно окормлялся у о. Иоанна Кронштадтского и Оптинских старцев. Участвовал в первой мировой и гражданской войнах. Воевал в рядах Добровольческой Армии. В эмиграции преподавал физику в Кадетском корпусе в Белой Церкви (Югославия). Рукоположен во иерея (1930). В течение 30 лет был настоятелем православного прихода в Алжире. Скончался в Каннах.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ЧИТАЕТ С. А. НИЛУСА

¹ *Бурцев В. А.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991. С. 291.

² Там же. С. 293. Варианты: Там же. С. 291.

³ Там же. С. 293.

⁴ Там же.

⁵ *Посев.* Франкфурт-на-Майне. 1991. № 2. С. 146. В основе «информации» Столыпина-младшего были, разумеется, не рассказы отца, а что-то вроде статьи Ю. Делевского «Загадка» подлога и плагиата (Столыпин о «Сионских протоколах») (Еврейская трибуна, 28.12.1922).

⁶ Военный министр генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (1848 †1925) записал слова, сказанные о С. Ю. Витте министром юстиции Н. В. Муравьевым (1850 †1908) 13.10.1902: «...Он [Витте — *Сост.*], благодаря своей жене, еврейке чистой крови, Матильде, заключил тесный союз с евреями и опутывает Россию. [...] Инспирируемый своею Матильдою, он тоже ненавидит Государя. [...] Что в своей ненависти он, неразборчивый в средствах, может зайти очень далеко. В его руках евреи, в его руках особые органы своей тайной полиции. [...] Что он готовится, если бы была перемена царствования, захватить власть в свои руки. У него масса своих людей, всюду организовано свое влияние» (Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб. 1994. С. 65). О том, что это были не пустые слова, свидетельствует сам А. А. Лопухин,

к которому после своего смещения с поста министра финансов в 1903 г. обратился Витте со следующим предложением: «...У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и Царя, — так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого я, С. Ю. Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе» (Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте. М.-Пг. 1923. С. 73).

⁷ Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — революционный террорист, одновременно тайный агент Охранного отделения, сатанист. Занимался революционной деятельностью в Ростове, откуда эмигрировал в Германию (1892), поступил в политехнический институт в Карлсруэ. Там он стал членом группы российских социалистов и, одновременно, платным агентом Охранного отделения. Являлся одним из организаторов партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1901. С 1903 г. руководил ее боевой организацией. Участвовал в планировании многих террористических актов: убийства министра внутренних дел России В. К. Плеве (1904), Великого Князя Сергея Александровича (1905). В 1908 г. был разоблачен товарищами по партии и бежал за границу. Во время Отечественной войны 1914 года (I Мировой) был арестован в Германии, по обвинению в шпионаже, и умер в тюрьме.

⁸ Николаевский Б. И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 33—35; Бурцев В. Л. Указ. соч. С. 368.

По-видимому, в 1915—1916 гг. Государю были представлены еще две рецензии на очередное издание «Великого в малом» [№ 21]. Первая из них, более пространная, не сохранилась. Вторая принадлежала проживавшему в Петрограде инженеру-технику Н. В. Монахову.

На сопроводительном письме, адресованном пока неустановленному титулованному лицу, отпечатан служебный адрес Монахова: *Пг., Вознесенский просп., 18, тел. 424—16; адрес для телеграмм — Долкон, Петроград.* Письмо гласит:

«

Ваше сиятельство!

Пожалуйста, не рассердитесь, но позвольте и мне предложить Вам рецензию на книгу Нилуса. Моя рецензия имеет то достоинство, что кратка до минимума.

Делаю это не ради конкуренции с Михаилом Павловичем [имя и отчество автора 1-й по времени рецензии. — *Сост.*] и не из зависти к нему, а параллельно ему, вполне сознавая, что его труд серьезный, а мой — просто шалость старого неисправного семинариста.

Ваш слуга Н. Монахов.

13 янв. 1916 г.».

(ГАРФ. Ф. 601.1.2076. Л. 1).

Текст рецензии был отпечатан на пишущей машинке крупным шрифтом (за искл. 3 л. архивн. пагинации, отпечатанного более мелким) и хранился в Царской библиотеке Зимнего Дворца за № 42, откуда поступил не позднее 20.8.1924 в Государственный архив РСФСР (Указ. ед. хр. Л. 1—25). Общий тон рецензии отрицательно-скептический. Не обсуждая свидетельств Нилуса о святости общепризнанных право-

славных подвижников: преподобных Серафима Саровского, Амвросия Оптинского, св. прав. о. Иоанна Кронштадтского, прот. Георгия Коссова, автор сдержанно-пренебрежительно отзывается о Н. А. Мотовилове, о Данииле (Болотове), о Николае (Турке), самом С. А. Нилусе. Деление текста соответствует структуре «Великого в малом». Основную часть занимает пересказ содержания, из которого приводим характерные оценочные моменты:

«Нилус является представителем крайнего религиозного мистицизма. Основные мысли его рассказов следующие:

— Бог и Его враг дьявол находятся в постоянной борьбе. Все, что ни происходит в жизни человека, завясят или от Господа Бога, или, по Его попущению, от дьявола. [...]

Эти воззрения Нилуса проходят чрез все его рассказы и доводятся до крайних пределов. Такое обычное явление, как поломка колеса у ямщицкого экипажа на пути его в Саровскую пустынь, он рассматривает как покушение со стороны дьявола помешать ему приехать в пустынь к началу богослужения, а появление тут же помещицкой тройки, доставившей его на ближайшую почтовую станцию — как акт заступничества за него со стороны Господа Бога. Так или подобно этому трактуется им и все события жизни человека. [...]

Цель книжки Нилуса — обратить внимание людей на кажущиеся им малыми явления в жизни их и показать в них великое проявление к людям милости Божией. [...]

[О Н. А. Мотовилове:] Написав историю этого странного человека, Нилус говорит, между прочим: «Блаженный он был, блаженно и умер. Кто посмеется над этой историей, а кто, может, и горько задумается. О, как бы я желал задуматься над этой историей моему читателю!» Действительно, по изображению Нилуса, многострадальна была жизнь Мотовилова. Обыкновенные люди должны были назвать его и называли ненормальным, сумасшедшим, по мнению же верующего в простые души Нилуса и подобных ему лиц, это святой человек, веру и терпение которого испытывал Бог и на котором совершал Он изобильно чудеса и знаменья истинные. Если эти чудеса и знаменья Нилус видел в своей жизни, то тем более их было в жизни Мотовилова. [...]

С ним [Н. А. Мотовиловым. — Сост.] случаются чудеса в дороге. В него входит бес и мучает его 30 лет — это на людском наречии — нервное и душевное расстройство. [...] В общем, нельзя не признать, что Мотовилов был, может быть, и больным, но незаурядным человеком. [...]

«Небесные обитатели» [...] — самый слабый очерк. [...]

Человеческая жизнь течет между двух противоположных начал ... Так идет волна за волной. [Цитата из С. А. Нилуса].

По существу, автор сходится с той сектой, которая утверждает, что для спасения души надо грешить. (*Блажен муж, иже претерпит искушение. Иак. 1, 12.*)

Вывод: Под личиной благочестия нравственное учение автора сводится к оправданию зла или, выражаясь мягче, — к извинению зла. [...]

По мнению Нилуса, вся история рода человеческого есть, собственно, борьба Бога и Его врага дьявола через созданного Богом человека. Первое проявление этой борьбы было в грехопадении первых людей, продолжалось в сыне их Каине, затем особенно резко наблюдалось в потомстве сына Ноя — Хама, от которого произошел еврейский народ. Еврейство и является, собственно, орудием богоборчества дьявола. [...]

Царство евреев-масонов уже наступило. Остается явиться видимому царю их — антихристу. Заявляя это, Нилус, однако говорит, что безапелляционное решение вопроса о том, наступило или нет время антихриста, принадлежит будущему вселенскому собору (восьмому). [...]

Справедливость требует сказать, что интересный сам по себе вопрос об антихристе разработан автором ненаучно и, в частности, бесзастенчиво (много повторений). Как благочестивый христианин, верующий в простоте сердца, он основывает свои смелые суждения часто на свидетельствах таких же, как и он сам, благочестивых простецов, подвижников веры, которые если и могут быть признаны авторитетами в решении настоящего вопроса, то лишь людьми одной с автором религиозно-мистической настроенности. Ценность этих свидетельств понижается и тем еще, что они были получены автором не из первоисточников, а из вторых и третьих рук. В подтверждение своих мыслей автор ссылается, между прочим, на так называемые «Протоколы собраний Сионских мудрецов», иначе — масонов. [...]

Название рукописи не соответствует ее содержанию. Это не протоколы, а скорее доклад, или точнее — отрывки доклада с изложением плана действий масонов. [...]

Подлинность этого документа нельзя признать достоверной. В этом сознается и автор, и если, тем не менее, он основывается на них и признает их подлинными, то лишь потому, что переживаемые миром и в частности Россией события оказываются точно соответственными указанным в «Протоколах» планам и задачам масонства. Соответствие между «Протоколами» и жизнью действительно есть, но вопрос о том, жизнь ли идет по изложенному в «Протоколах» плану или «Протоколы» составлены под жизнь, остается открытым. Вообще все суждения автора в настоящем труде очень односторонни и субъективны. Автор не отрицает того, что с ним могут не согласиться. [...]» (ГАРФ. Ф. 601.1.2076. Л. 3—21об).

⁹ *Зинаида Львовна Менштел (Манчест)*, часто упоминаемая Государыней в переписке из заточения, — жительница г. Смоленска, одна из почитательниц Г. Е. Распутина. Императрица Александра Феодоровна, познакомившаяся с ней, вероятно у А. А. Вырубовой, очень ее любила.

¹⁰ *Письма Царской Семьи из заточения* / под ред. Е. Е. Алферьева. Джорданвилль, 1974. С. 321.

¹¹ *Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.* М., 1991. Ч. 1. С. 180—181.

¹² *Гибель Царской Семьи: Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 — февраль 1920)* / составитель Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 45.

¹³ Там же. С. 469; *Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи.* М., 1990. С. 347.

¹⁴ *Соколов Н. А. Указ. соч.* С. 243.

¹⁵ *Дневник Императора Николая II.* М., 1991. С. 672. В комментариях (с. 692) ошибочно указывается, что Государь читал 4-е издание книги С. А. Нилуса (1917), при этом спутано название с 3-м изданием.

АРХИПАСТЫРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

1

Печатается по: Московские Ведомости. 16.10.1905. № 275. С. 1–2.

¹ Священномученик митрополит Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский, 1.1.1848 † 25.1.1918) в 1898–1912 годах был митрополитом Московским, в 1912–1916 гг. — митрополитом Санкт-Петербургским, затем — Киевским и Галицким. Один из старейших иерархов России, единственный, который последовательно занимал все три митрополичьи кафедры. В сентябре 1917 г. предрек Святителю Тихону Патриаршее служение в Русской Церкви (*Сергий Голубцов. Из жизни Патриарха Тихона* // Московский журнал. 1992. № 2. С. 60). Зверски убит большевиками в 1918 г. День его мученичества (25 января) решением Всероссийского Поместного Собора стал «днем ежегодного молитвенного поминования всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников» (Определение 5/18 апреля 1918 г.). Причислен к лику Святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 31.3–4.4.1992 года. Этим же Собором 25 января (ст. ст.) «в случае совпадения сего числа с воскресным днем или в ближайший воскресный день после него» установлено празднование Собора новомучеников и исповедников Российских.

Участие владыки Никона в составлении проповеди вскоре стало известно демократической общественности. По требованию прореволюционно настроенного духовенства, поддержанному синодальным обер-прокурором кн. А. Д. Оболенским, викарный епископ был удален из Москвы. Автор «Русской Речи» даже в 1913 писал: «... вот за что ненавидят нуден Никона, вот почему обливают его при всяком случае грязью... Они не могут забыть ему... проповедь, читанную 16-го октября [1905] года во всех церквях древлепрестольной столицы, проповедь против забастовок, после которой на другой день рабочие стали служить молебны и становиться на работы...» (См. подробнее: *Архиепископ Никон [Рождественский]. Мои дневники: 1913, 181, 182. Сергиев Посад, 1914. С. 118–124*).

² Епископ Трифон (в миру князь Борис Петрович Туркестанов, 29.11.1861 † 14.7.1934) Дмитровский, викарий Московской епархии (с 1.6.1901), духовный сын преп. Амвросия Оптинского. 14.7.1931 возведен в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре.

³ Всенародное моление о прекращении смуты // Московские Ведомости. 17.10.1905. № 276. С. 2.

⁴ Сочувствующее наметившимся в стране демократическим переменам духовенство зачитало проповедь с сокращениями, либо вообще не читало. 76 священников опубликовало заявление о своей «полной несолидарности» со «Словом...» (Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 412–413). См. обращение группы священнослужителей к митрополиту Владимиру: *Русское Слово*. 21.10.1905. № 276. С. 2; а также: *Свящ. Г. Петров. Почему молчат пастыри* // Там же. 23.10.1905. № 278. С. 1.

⁵ См.: *Ответ Митрополита Владимира: Письмо в редакцию «Русского Слова»*// Там же. С. 1; перепечатано: *Московские Ведомости*. 24.10.1905. № 282. С. 1.

⁶ *Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль*, 1949. Т. 1. С. 13.

⁷ *Неурожайными* были 1891, 1897, 1898, 1901 годы.

⁸ *Русско-японская война 1904–1905 годов*.

2

Печатается по: *Нилус С. А. На берегу Божьей реки: Записки православного. Ч. 1. Форрествилль (California), 1975*. Письмо было включено Нилусом в раздел «Вместо предисловия», предназначалось для возможных последующих переизданий книги.

3

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф.765.12.35. Л.1-об. В письме упоминается книга С. А. Нилуса «*Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко*» (Сергиев Посад, 1917) — 4-е издание «Великого в малом».

⁹ Слова об «останке» России — духовного Израиля (ср.: Рим 9, 27; 11, 5) вл. Феофана можно сравнить с пророчеством старца Глинской пустыни иеромонаха Порфирия (†1868): «...Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепят разум, слова истины будут в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное» (Русский инок. 1912. № 14. С. 50).

4

Печатается по: *Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав. Духовник Царской семьи. Святитель Феофан Полтавский (1874–1940). Российское отделение Валаамского общества Америки. М., 1994. С. 272–276*.

5

Печатается по: *Е. Ю. Концевич. Архиепископ Феофан Полтавский: Личные воспоминания*// *Православная Русь*. 1974. № 24. С. 6–8.

¹⁰ *Святитель Иоанн (Максимович, 1896 †2.7.1966)*, архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский. Прославлен Русской Православной Церковью Заграницей 19 июня/2 июля 1994 г.

¹¹ *Архиепископ Аверкий (Таушев, 19.10.1906 †31.3/13.4.1976)*, Сиракузский и Троицкий. Имеется в виду кн. вл. Аверкия «*Высокопреосвященный Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский*» (Джорданвилль, 1974. 88 с.). См. также:

Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи. Святитель Феофан Полтавский (1874–1940). М., 1994.

¹² К этому году относятся 2-е издание «Великого в малом...» (Царское Село: Тип. Царскосельского Комитета Красного Креста, 1905. X+419 с.).

Описывая Китайскую деревню в Царском Селе («продолговатые дома с красной крышей, загнутой по краям кверху»), Е. Ю. Концевич вспоминает: «В таких домах проживали свой век отставные придворные, их вдовы и незамужние дочери. Из нескольких таких домиков состояла эта «деревня». [...] Мне пришлось в детстве прожить две зимы в таком китайском доме, которым пользовалась по праву, указанному выше, моя тетька Елена Александровна Озерова, которая меня воспитывала. [...]

В те зимы, когда я жила в Царском Селе, Китайская деревня была пустынной. Сверкал ослепительный снег. Воздух был изумительно чистый и приятный. Но лет 20 перед этим в Китайской деревне летом царяло оживление. Тогда многочисленные Озеровы и сестры Перовские были молоды, вокруг них собиралась молодежь, связанная искренней дружбой. Здесь бывала и моя мать — кузина Озеровых. Три девушки — горячие патриотки, объединились между собой как почитательницы Государя Александра III. Это были: Вера Перовская, моя мать и София Исленева. Иногда они анонимным образом передавали Государю свои рукоделья через фрейлину Ек. Сер. Озерову. Много лет спустя, когда Государь скончался (это мне рассказывала мать), она заказала металлический венок из незабудок для возложения на его гроб. Незабудка — этот скромный цветок — был самым любимым цветком Государя. Когда я однажды проезжала весной в поезде через всю Центральную Россию, меня поразила бесконечный бирюзовый ковер из незабудок, которым было устлано все ее пространство. В Польше, в местечке вблизи нашего имения, моя мать начала постройку церкви, оконченную уже после ее смерти. Церковь была построена в честь образа Нерукотворного Спаса в память Государя Александра III» (Концевич Е. Ю. Люди Божия, встреченные мною в жизни. Графиня Вера Борисовна Перовская. 1852-1922) // Православная Русь. Джорданвилль, 1971. № 4. С. 7–8).

¹³ По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой, С. А. Нилус избегал даже произносить имя Распутина. Единственный раз он отозвался о «старце», когда беседовал с Владимиром Николаевичем Нарожницким (убежденным марксистом), дядей Л. А. Орлова, которого сильно желал убедить в правоте христианского вероучения и потому с готовностью разъяснял его недоумения по любым темам. Сергей Александрович сказал, что Распутин стал для Царской Семьи той огромной злой силой, которая в числе прочего привела к столь трагичной гибели Православного Царства. Причиной постоянного пребывания Распутина при Их Императорских величества С. А. Нилус называл тревогу Александры Феодоровны за здоровье Наследника-Цесаревича и способность «старца» временно облегчать страдания мальчика. Рассказывая это, Сергей Александрович несколько раз осенял себя крестным знаменем, как бы ограждаясь от действия неприятной силы.

Перед высшей церковной властью Г. Распутина разоблачил еще его епархиальный архиерей блаженный старец Антоний епископ Тобольский (в миру Александр Николаевич Каржавин, 15.5.1858 † 16.3.1914). В 1910 г. он был срочно перемещен в Тверь, где возведен в сан архиепископа, а на его место был назначен близкий друг «опытного странника» — епископ Варнава Каргопольский (Митрополит Мануил Лемешев-

ский). Указ. соч. Т. I. С. 286). Пытаясь заручиться авторитетом всероссийски чтимого пастыря св. прав. отца Иоанна Кронштадтского, Распутин дважды являлся к нему. «В первый раз о. Иоанн ему сказал: «Ты, как говорят, вполне оправдываешь свою фамилию». Во второй раз о. Иоанн не принял Распутина» (О. Иоанн Кронштадтский и Распутин // Новое Время. 21.2.1912. № 12911. С. 3—4). Впоследствии Григорий ссылался на некую «связь», якобы существовавшую между ним и св. Иоанном, но был опровергнут, близко стоявшими к старцу его духовными чадами*.

Обличение Г. Распутина в духовной прелести одними из первых напечатали «Московские Ведомости». В № 49 от 3.2.1910 (С. 2—3) была помещена статья известного церковного публициста М. А. Новоселова (1864 †1938) «Духовный гастролер Григорий Распутин», где (не указывая имен) цитировалось письмо умудренного духовным опытом старца-схимника к другому старцу-иноку:

«Ваше Высокпреподобие, досточтимый о Господе и Боголюбивейший Батюшка ...!

Христос посреде нас!

Вы изволите спрашивать меня через послушника Вашего, брата А. о известном страннике «блаженном» Григории тобольском, но что реку Вам и что возглаголю о нем, аз убогий и немощный? — Ради только св. послушания и ради спасения верующих душ Христовой Церкви, обольщенных мнимой святостью Григория, понуждаюсь высказать Вам свое мнение о нем. Я никогда не доверял сему Григорию, ибо при первом с ним знакомстве видел, что он стоит на ложном пути, а его поступки, особенно по отношению к женскому полу, явно доказывали, что они не суть плоды Святаго Духа. Многих вводила в заблуждение его мнимая святость, но что тут удивительного, ведь враг всегда бывает силен, когда сочетается с «праведностью», и кому больше знать тайные грехи и падения наши, как не участнику в сем, тому же бесу, и служителям его? А Григорий именно и обличал всех только в пороках, да еще намеренно, с желанием внешней славы, через что и впал в духовную прелесть и других ввел в заблуждение. Что же касается теперешней жизни Григория, то я, хотя и не видал его уже несколько лет, но приходилось не раз слышать от многих своих духовных чад, лично и близко знающих Григория, что он далеко зашел в своем заблуждении и теперь явно обнаруживает свое сектантство. Поэтому мое мнение — держаться его как можно дальше, дабы, прельстившись им, не подпасть Суду Божию.

Испрашиваю Ваших свв. моляtv, остаюсь «убогий богомолец»...»

Уже в этой статье Новоселов подчеркнул совершенно отрицательное отношение вл. Феофана к Распутину, хотя тот приехав в конце декабря 1909 г. в Царицын, на вопрос, «а по какому адресу вам писать, братец?» без колебаний ответил: «Пишите в Петербург, в духовную академию, епископу Феофану, для Григория Ефимовича Новых» («Московские Ведомости», 2.3.1910, № 49, с. 2).

---

* Широко пользовавшийся материалами Гуверовского института (США) А. Амальрик, тем не менее, пишет: «Примерно в то же время [осенью 1904 г. — Сост.] Распутин познакомился с [о.] Иоанном Кронштадтским. По одной версии, о. Иоанн заметил Распутина в толпе в соборе, призвал к себе, благословил и сам попросил благословения, так сказать, определил себе преемника. По другой — а с Распутиним мы почти всегда имеем две версии — о. Иоанн, спросив его фамилию, сказал: «Смотри, по фамилии твоей и будет тебе». Распутин всю жизнь почитал о. Иоанна, и поэтому версия с благословением кажется более вероятной» (Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. «Слово». М. 1992. С. 49—50).

В статье «Еще нечто о Григории Распутине» («Московские Ведомости», 30.3.1910, № 72, с. 2) М. А. Новоселов приводит письмо к нему «одного из самых верных епископов Церкви» (судя по всему, еп. Никона Вологодского):

«Достоуважаемый о Господе Михаил Александрович! Собрался написать Вам, когда прочитал Вашу статью о Григории. Спасибо Вам за разоблачение хоть одного еретичествующего обманщика». «Оказывается, — добавляет М. А. Новоселов, — что сей Григорий «пытался подделаться» и к этому епископу, но «...оставил в нем недоброе впечатление святоши» и был обличен им в том, что «бросив семью шатается по столице»...

Там же, с разрешения епископа Феофана, его позиция была прояснена окончательно: «Относясь раньше с симпатией к Григорию (каковой симпатии временно не были чужды и некоторые другие епископы и духовные лица разных рангов), преосвященный Феофан еще с прошлого [1909. Ред[Еп(1)6].] года стал прозревать в нем то, что с особенной яркостью и выпуклостью обнаружилось в нем за последнее время. Результатом наблюдений его и некоторых близких к нему людей над личностью и деятельностью Распутина было признание, что последний находится в состоянии, которое на языке церковном именуется «прелестью». Руководясь заповедью Спасителя — не отвергать брата без братского обличения, епископ Феофан обличал его сначала наедине, указывая ему его нравственные заблуждения, а затем — совместно с иеромонахами Венямином (кандидатом С.-Петербургской Духовной Академии) и Макарием (смотрителем Смоленского духовного училища). При этом последнем обличении Григорий Распутин сначала пытался оправдываться, а потом, когда попытка эта не удалась и пришлось признать себя виноватым в нарушении элементарных требований Евангелия и учения св. Отцов, он обещал отвергнуть свое нечестие и исполнить одно требование, которое было ему предъявлено с целью, с одной стороны, его нравственного исцеления, с другой — как испытание искренности его раскаяния. Но это торжественно данное обещание он нарушил.

Вскрывшиеся затем и доселе продолжающиеся вскрываться все новые факты в жизни нашего «духовного гастролера» привели епископа Феофана к тому, что он совершенно отверг от общения с собой Григория Распутина и в письме ко мне по поводу моей статьи написал: «Новые данные, открывающиеся из деятельности Г., еще более подтверждают, что он заблуждается более и более и подпадает под власть бесовскую, помрачился окончательно и упорствует в неправде всяческими неправдами». В другом письме преосвященного Феофана сказано еще больше, еще точнее...»

Весной 1910 г. владыка Феофан решил, по словам, «поведать все бывшему Императору [...] Однако принял меня не Император, а его Супруга Александра Феодоровна в присутствии фрейлины Вырубовой. Я говорил вполголоса и доказывал, что Распутин находится в состоянии «духовной прелести». Бывшая Императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских, причем видно было, что ее кто-то, скорее всего Распутин, научил так говорить» (*Амальрик А. Распутин. М., 1992. С. 115; см. также: игумен Серафим (Путьтин). Православный Царь-Мученик. Русская тип. при Духовной миссии. Пекин, 1920*). В ноябре 1910 г. вл. Феофан отправлен был в Крым епископом Таврическим и Симферопольским, но из-за нежелания Царской Семьи встречаться с ним там переведен в 1912 г. в Астрахань, из которой по причине неподходящего климата в 1913 г. переведен епископом в Переяславскую и Полтавскую епархию.

Что касается М. Н. Новоселова, то он продолжал антираспутинские публикации. Его статью «Голос православного мирянина» публикует, финансируемая масоном А. И. Гучковым газета «Голос Москвы» (24.1.1912) полностью, а «Вечернее время» — в отрывках. В 1912 г. в Москве выходит его нашумевшая брошюра «Григорий Распутин и мистическое распутство», основанная на давно и авторитетно опровергнутых фактах. Несмотря на конфискованный тираж, эта брошюра, тайно размноженная во множестве экземпляров, широко ходила по рукам. Вот как, между прочим, оценил ее довольно известный сектовед: «Многое из сообщенного в брошюре, по тщательной проверке, оказалось ложью, многое крайне преувеличено. Вл. Бонч-Бруевич. СПб. 17 августа 1912 г.» (Амальрик А. Распутин. С. 151).

¹⁴ См. прим. 40 к «Краткому жизнеописанию»

¹⁵ Имеется в виду загадочная смерть в январе 1914 г. епископа *Иоанникия (Ефремова) Белгородского*, викария архиепископа Курского Пятирима (Окнова) с 1905 (Белгородское викариатство в Св.-Троицком монастыре было учреждено в том же году). Запись в Скитской Летописи 26.1.1914: «На днях получено известие, что викарий курской епархии пр[еосвященный] Иоанникий еп. Белгородский покончил жизнь самоубийством: повесился в уборной. Случай, кажется, небывалый» (ОР РГБ. Ф. 214.367).

¹⁶ *Всероссийский Церковно-Поместный Собор* (Москва, 15 августа 1917—август/сентябрь 1918) собравшийся впервые с конца XVII века восстановил Патриаршество в Русской Церкви (Патриархом Всероссийским был избран по жребию Святитель Тихон (Беллавин)), принял целый ряд важнейших суждений и постановлений на долгие годы, определявших церковное бытие.

¹⁷ *Имябожие (имяславие)* — аскетическо-богословское течение, оформившееся в 1910—1912 гг. в среде православного монашества Св. Афонской Горы, с 1913 г. — ересь. Считается, что заблуждение имяславцев заключается в неправильном учении относительно невозможности человеком (по его греховности) прославлять Самого Господа (он, якобы, должен славить лишь Его Имя). Из этого делались ошибочные выводы относительно имени Божия, его соотнесенности с Богом. Неправильное учение, действительно распространившееся среди «имяславцев» было осуждено Св. Синодом, как новая ересь. Наиболее упорные его сторонники высланы со Святой Горы. Подобные убеждения, однако, не были присущи всем, кто, пострадав в результате произошедшего, но нежелание их смиренно подчиниться воле церковноначалия, привело к фактическому отпадению от Церкви. Дейтельное участие в разборе дела имябожников принял архиепископ Никон (Рождественский). Думается, что вопрос о зарождении и развитии «имяславчества» требует обстоятельного богословского, канонического, исторического и церковно-политического исследования. Недаром этот вопрос предполагалось заслушать на Поместном соборе 1917—1918 гг.*; но он был отложен из-за сложной внешней обстановки.

Отношение Оптинского старчества к этому вопросу характеризовалось последовательностью и рассудительностью. Известно, что начальник Скита о. Варсонофий

---

* Подотдел об Имени Божием на Соборе возглавлял архиепископ Феодан Полтавский. См.: Начала. Религиозно-философский журнал. М. 1994. № 4. С. 86, 87, 89, 91, 93.

читал сам и благословлял читать книгу схимонаха Иларiona «На горах Кавказа»* (на которую, в свою очередь, опирались и «имябожники») своим духовным чадам, углубленно занимавшихся молитвой Иисусовой (см. «Дневник послушника Николая Беляева», «Беседы старца Варсонофия...»). В то же время, старцы неодобрительно относились к желанию некоторых своих учеников проходить иноческий подвиг в афонских монастырях; неизвестно ни одного положительного отзыва о позиции, занятой наиболее рьяным «имябожником», перосхимонахом Антонием (Булатовичем). Один из главных облачителей ереси архиепископ Никон (Рождественский) находился в близких, доверительных отношениях с о. Варсонофием и настоятелем монастыря архим. Ксенофонтом.

После опубликования в «Церковных Ведомостях» (№ 20, 18.5.1913) послания Святейшего Синода с осуждением неправильного учения об имени Божием, Калужская Духовная консистория запросила архим. Ксенофонта: «...не происходило ли и не происходит ли во вверенной Вам пустыне среди монашествующих споров об имени Божием?..» (указ № 26// ОР РГБ. Ф.213.3.25. «Дело об имябожниках», 1913—14 гг. Л. 4). 10.6.1913, после молебна об обращении заблудших, состоялось заседание Собора старшей оптинской братии, на котором обсуждалось предложение настоятеля «как поступить для приведения в ясность, есть ли в Пустыни среди монашествующих держащиеся взглядов осужденного учения схимонаха Иларiona об имени Божием». Собор постановил: «Предложить братии: иеромонахам, иеродиаконам и мантийным монахам письменно засвидетельствовать свое согласие с посланием Св. Синода [...]» (там же. Ф.213.3.26. Л.1 об-2, 4). Скитская Летопись свидетельствует: «Июнь, 10. Сегодня скитяне ходили в монастырь на молебен, который был отслужен по следующему поводу: в недавно изданной книге схимонаха Иларiona «На горах Кавказа» Св. Синодом и Восточным патриархом найдено ложное учение о Имени Иисуса Христа. Святая Православная Церковь верует, что Имя Иисуса Христа Божественно, а о. Иларion учит, что оно — Бог, и, таким образом, ставит Бога в зависимость от человека, а это богохульство. Кроме того, о. Иларion и его единомысленик афонский перосхимонах Булатович [к тому времени о. Антоний (Булатович) находился уже в своем киевском поместье. — *Сост.*] и прочие их последователи, из этого нового догмата делают и другие выводы, противные учению Православной Церкви. Книга «На горах Кавказа», как содержащая учение о молитве Иисусовой, нашла большое распространение среди монашествующих и угрожала заразить многих своей ересью. Св. Синод, призывая всех православных отвергнуть новое богохульное учение и уничтожить книгу, у кого она имеется, указал во всех монастырях отслужить молебен, при сборе всех братий, о том, чтобы Господь вразумил заблудших и обратил их на путь истины» (там же. Ф. 21.367).

Список подписавшихся под синодальным посланием открывается словами: «Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что вполне принимаем все изложенное об имени Божием в послании Святейшего Синода, и вполне согласны с голосом Матери нашей Святой Церкви...», а заканчивается подписями всех без исключения братий монастыря и Скита, среди которых видим собственноручные — оо. Ксенофонта, Агапита, Феодосия, Нектария, Анатолия (Потапова), Гавриила, Адриана, Пантелеямона, Кукуши, Пюора. За тех, кто по какой-либо причине отсутствовал или не имел такой возможности,

* Книга была издана на средства Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны. С 1908 по 1912 гг. вышло три издания.

расписывался ближайший ученик о. Варсонофия послушник Николай Беляев (Ф. 213.3.25. Л.2—3).

В ответном рапорте консистории о. Ксенофонт доносил, что «споров об имени Божием среди монашествующих в Козельской Введенской Оптиной Пустыне не замечено и по прочтении перед молебном об обращении заблудших в Соборном храме Пустыни 10 июня сего года послания Святейшего Синода [...], среди братии не было никакого возбуждения» (там же. Л.5).

20 марта 1914 г. в Пустыни был получен указ Калужской консистории № 5221 от 18.3.1914, в нем говорилось: «Московской Святейшего Синода Конторой постановлено: вызвать в Москву [...] о. архим. Агапита и о. иеромонаха Анатолия для келейного увещания подсудимых Афонских монахов, о времени же выезда [...] будет сообщено дополнительно» (там же, л. 9). 21.3.1914 козельским уездным врачом Карасевым было выдано свидетельство «для представления в Московского Св. Синода контору о. Архимандриту Агапиту 72-х лет и о. Иеромонаху Анатолию — 60 лет [...], в том, что о. Агапит страдает старческим перерождением сердца и сосудов, склонностью к простудам, требует постоянного медицинского наблюдения, а потому 9-ть лет живет в монастырской больнице, отец же Анатолий страдает 2-хсторонней паховой грыжей из которых каждая величиной в детскую голову, не могут удерживаться никакими повязками. На основании вышесказанного, они оба, без опасности для своей жизни, никуда выехать не могут [...]» (там же, л. 13). На следующий день на имя настоятеля о. Ксенофонта поступил прошения от этих старцев о разрешении им не ездить в Москву (л. 11—12). Тогда же архимандрит Ксенофонт отправил письмо с этой же просьбой епархиальному Владыке Георгию (л. 10) и Московскому викарию, оптинцу, еп. Трифону (Туркестанову) (л. 18). От последнего 30.3.1914 получали телеграмму: «Освободить старцев от послушания не имею права. Просите Синод. Епископ Трифон» (л. 19).

Хотя оо. Агапит и Анатолий, так и не выехали в Москву, они оставили свое довольно развернутое суждение по поводу учения «имябожников», и тех обвинений (к сожалению, не всегда оправданных), которые выдвигались против них. Изданный 29.3.1914 указ Калужской консистории № 5930 гласил: «[...] два экземпляра опровержения (за №№ 14—15) имябожнического учения выдать архимандриту Агапиту и иеромонаху Анатолию с тем, чтобы они сделали свои поправки и замечания и сообщили их в самом непродолжительном времени Прокурору Московской Синодальной Конторы» (получено 31.3.1914; л. 14). Днем получения указа датируется записка о. Агапита послушнику Николаю (Беляеву) в канцелярию: «Отзыв мой о присланной из Консистории тетради потрудитесь написать начерно, и доставить мне. Может быть придется что-нибудь прибавить или убавить [...]. Да узнайте от о. Анатолия, будет ли он согласен с моим грешным мнением [...]» (л. 16).

Сохранилось свидетельство послушницы Казанского Головина монастыря *Елены Шамониной*, духовной дочери старца Варсонофия, участвовавшей в издании книги «Венок на могилу Батюшки: К 40-му дню кончины схимандрита Варсонофия» (М., 1913). В ее письме оптинскому скитона начальнику, игумену *Феодосию*, датированном маем-июнем 1913 г. (сразу после выхода книги) читаем: «...не могу не сказать о недоумении моем по поводу одной из прилагаемых бесед [имеется в виду беседа старца Варсонофия 19.6.1911. — Сост.]. Дело в том, что батюшка очень хвалил нам книгу “На горах

Кавказа”, дарил ее духовным детям, и у меня есть экземпляр с его подписью. Темой для одной из бесед он взял выдержки из этой книги. Между тем, сейчас из-за нее поднята целая буря, и даже теперь Св. Синод запретил монашествующим читать ее.

Мне батюшка подарил эту книгу в последнее Рождество, что он был в Оптиной, то есть в конце 1911-го и начале 1912 года, а когда я приехала к нему уже в Голутвине в июне 1912 года, он при первом разговоре спросил меня: “Читала что-нибудь за это время?” Я ответила, что два раза перечла “На горах Кавказа”. “Вот о ней-то я хотел сказать тебе. Вот дело-то какое выходит. Оказывается, есть там неправильности. Помни, сила не в слове, не в имени, а в Самом Христе, именуемом. Вот оно, что. Оказывается, предисловие этой книги все бы выкинуть надо, но сама по себе книга хорошая!”

Это последнее, что я слышала об этой злополучной книге от батюшки. Самое меня все это не смущает: ну, ошибся батюшка, или просто, не вдаваясь в богословские тонкости, увидел, что в книге этой было и есть хорошего, — вот и все. Великие святые ошибались — ошибся, не доглядел и батюшка, вот и все, и ничуть это не уменьшает моей любви к нему и благоговения к его памяти. Но если об этом узнают недоброжелатели батюшки, как бы не подать повода к новым злорадным выходкам, а хочется уберечь его хоть почившего-то от них, если не уберечь живого. Можно бы вовсе пропустить эту беседу, но очень уж хороша она, очень ясно и просто учит, как прибегать к молитве Иисусовой, как жить ею. Думается, не выпустить ли в начале ссылки на “Горы Кавказа”, а в середине — несколько слов о составителе этой книги? Зная батюшкино строгое послушание Церкви, я знаю, что он теперь бы подчинился распоряжению Синода, но ведь разве поймут все это те, кто злословил, клеветал, сплавил в Голутвине?» (*Беседы священно-архимандрита схимонаха Варсонофия (продолжение)*// Архив Введенской Оптиной Пустыни. Рукопись. С. 479–483.).

Судя по тому, что текст беседы от 19.6.1911 (см. в указ. рукописи: С. 321–339) в дальнейшем переписывался и вошел в текст рукописного сборника «Бесед...», можно заключить, что о Феодосий благословил м. Елену оставить смущавшее место нетронутым. Характерное для оптинцев «осуждение» имяславчества см. в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) «Божия людя» (М., 1991. С. 18–19):

«...Однажды он [оптинский инок, заведовавший гостиницей для обыкновенных богомольцев. — Сост.] пригласил к чаю афонского монаха, удаленного со Святой горы за принадлежность к группе “имябожников”, а теперь проживающего в Оптиной. Сначала всё было мирно. Но потом между иноками начался спор об Имени Божием. Оптинец держался решения Св. Синода, осудившего это новое учение о том, что “имя Бога есть Сам Бог”. Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуясь тогда этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее; и после долгих и резких споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец, хотя и не сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг, — к глубокому моему удивлению, — победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет кулаком по столу и, вопреки своим прежним доказательствам, с энергией заявляет: “А все-таки имя Бог есть Сам Бог!” Спор больше не возобновляется. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это мне было непонятно. Одно лишь было ясно, что обоим монахам чрезвычайно дорого было “Имя Божие”. Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову (“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”), они оба знали и силу, и пользу, и сладость призывания имени Божия;

но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями учения богословских формулировок».

Между тем, церковноначальне запрашивало письменное мнение об афонских спорах настоятеля Смоленско-Зосимовой пустыни, игумена Германа* (20.3.1844 †17.1.1923), духовный опыт которого высоко ценится в Св. Синоде. По свидетельству архиепископа Арсения (Жадановского, 6.3.1871 †27.9.1937), о. Герман ответил на это, что «молитва Иисусова есть дело сокровенное, а потому поднятый вопрос следовало бы покрыть любовью», что и выполнял на деле митрополит Макарий (Парвицкий, 1.10.1835 †16.2.1926), Московский и Коломенский — архипастырь, весьма близкий (я прежде всего духовно) Оптиной пустыни.

Духовный сын Владыки, о. Алексия и о. Сергия Мечевых К. К. Апушкин (1898 †10.6.1965) в неопубликованной рукописи пишет: «В истории Церкви должен быть отмечен, как отрадный, поступок Московского Митрополита Макария в вопросе об имяславцах. Совесть владыки Макария не могла одобрить тех грубых, нетактичных действий, которые были допущены, как на Старом, так и на Новом Афоне против имяславцев, и Митрополит Макарий, по мере своих сил и возможностей, старался смягчить и отменить допущенные нарушения. [...]

В России главные представители имяславцев в числе 25 были преданы Духовному суду в Московской Синодальной Конторе под председательством Митрополита Макария. На этом суде иерархи, найдя в исповеданиях имяславцев ясные доказательства того, что Имя Божие, называемое ими Богом или Самим Богом, понимается ими в смысле неотделимости призывания от Призываемого, а не в смысле обожествления тварных элементов имен Божиих; найдя, что исповедание Божества и Божественной Силы Имени Господня основывается имяславцами не на собственных измышлениях их разума, а на словах Святых отцов и Писания; наконец, найдя в исповеданиях имяславцев такое категорическое заявление: «Повторяю, что, именуя Имя Божие и Имя Иисусово Богом и Самим Богом, я чужд почитания Имени Божия отдельно от Бога, как какое-то отдельное Божество, так и обожествление самих букв и звуков, случайных мыслей о Боге» (Имяславие по документам имяславцев. С. 24), — иерархи вынесли обвиняемым оправдательный приговор. Резолюция Московского суда иерархов была утверждена Св. Синодом 24 мая 1914 года. Обвинявшиеся были приняты снова в Церковное общество, а вскоре было разрешено имеющим священный сан и священнослужение. [...]

Если же мы обратимся к Митрополиту Макарию, то для него характерно то, что он никогда и никого не принуждал, а старался путем убеждения и примера примирить окружающих его. Поставленный Промыслом Божиим на Свещник Московской Митрополии в 1913—1917 гг., он оказался в самом центре Афонского спора. Тем не менее, он никого не осуждал: ни архиепископа Антония (Храповицкого), ни греческих богословов, подвергших разбору (спешному) вопрос об Имени Божием, ни Патриарха (Константинопольского), поспешившего объявить имяславцев еретиками» (Рукопись без названия из архива Е. В. Апушкиной. С. 41, 45—46, 49).

¹⁸ Мария Феодоровна Герингер, урожд. Аделунг — обер-камерфрау Императрицы

* Примечательно, что известный всей России старец Алексий Зосимовский (Соловьев, 17.1.1846 †19.9.1928) перестал высказывать свои взгляды в Афонском споре лишь из послушания первоначальному постановлению Св. Синода.

Александры Феодоровны, внучка генерала Аделунга, воспитателя будущего Императора Александра II. Ее рассказ С. А. Нилусу об обретении Государем Николаем II утром 12.3.1901 в Гатчинском дворце пророчества монаха Авеля (Васильева, 1757 †1841), записанного Императором Павлом I, вошли во вторую часть кн. «На берегу Божьей реки».

¹⁹ Протоиерей Сергей Иванович Четвериков (12.6.1867 †29.4.1947). Окончил Московскую Духовную Академию (1896). Священник Неплюевского братства, законоучитель в Полтавском кадетском корпусе (1907—1920), вместе с которым эмигрировал. Приходской священник в Югославии (1920—1923), настоятель русского прихода в Братиславе (1923—1928), духовник Русского студенческого христианского движения и настоятель его храма в Париже (1928—1939). Умер в Братиславе. Церковный писатель, автор духовно-назидательных книг: «Беседы законоучителя» (Полтава, 1909), о преп. Амвросии Оптинском, Оптиной Пустыни («Описание жизни Оптинского старца вероисихмонаха Амвросия», Калуга, 1912; «Оптина Пустынь», Paris, 1926; то же, 1988 — 2-е доп. изд.), истории старчества в России («Молдавский старец архимандрит Пансий (Вельчковский)», Петсеры, 1938, Ч. I—II; 2-е изд. Paris, 1988) и др.

Союз Христианских Молодых Людей (Young Man Christian Association, YMCA) — одна из зарубежных парамасонских организаций. Основан протестантскими деятелями в США. Знак YMCA представляет из себя перевернутый треугольник красного цвета (окультистский триангль дьявола) перечеркнутый наверху черной полосой с инициалами союза (сочетание черного цвета с красным — ведущий мотив жреческого облачения сатанистов). «Вся Сибирь покрылась сетью организации YMCA, — сообщалось 1.6.1921 в журнале «Двуглавый Орел» (вып. 9), — состоявшей почти исключительно из американских и русских евреев, снабженных громадными денежными средствами, ведущими деятельную социалистическую, сионистскую, антиправительственную пропаганду в самой толще войск и населения. Тот же союз, имея свои отделения в советской России, с ними сносился через фронт, причем часто его агенты оказывались военными шпионами и почти всегда экономическими». Издательство ИМКА-Пресс (YMCA-Press) было основано председателем общества Джоном Моттом в Праге (1921, переведено в Берлин (1923), в Париж (1925)) с целью издания и последующей пересылки книг для России. Издательством руководил П. Ф. Андерсон, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев. С самого начала книги набиралась в новой (советской) орфографии, что негативно расценивалось консервативными кругами русской эмиграции и во многом способствовало переходу на новую орфографию части русских людей, живших за границей. Для издательства характерно отсутствие книг, поднимающих вопрос об антихристианской сущности талмудического иудаизма и масонства и их борьбе с Христианством. В 1988 г. ИМКА-пресс перевезло две книги о С. Четверикова.

²⁰ Материалы, составившие впоследствии второй том «На берегу Божьей реки», были написаны С. А. Нилусом в Валдае и Ливовицах. Еще не опубликованы, отмечает доктор М. Хагемейстер, «материалы для III части и о старцах Ионе Киевском и Феодоре Кузмиче» (Hagemeister M. Wer war Sergei Nilus? S. 61). Изумен Герман (Подмошеский), судя по объявлению, предполагает опубликовать в своем журнале «неизданные главы “На берегу Божьей реки”», которые попали к нему вместе со всем

архивом и библиотекой Е. Ю. Концевич (Русский паломник. Chico (California), 1990. Январь. № 1. С. 65).

²¹ Вскоре после переезда Владыки во Францию (16/29.4.1931) и водворения его в дом Пороховых в пригороде Парижа Кламаре (рю Паскаль, 2) была обнаружена слежка за ним. На пути его следования не раз замечались ловушки. Позже стало известно, что архиеп. Феофан должен был быть похищен подобно генералу А. П. Кутепову (26.1.1930) и генералу Е. К. Миллеру (ноябрь 1937) советскими спецслужбами. Похищение готовил известный провокатор, бывший командир Корниловского полка генерал-майор Н. В. Скоблин (1894—1937?), завербованный советской разведкой в сентябре 1930 г., осуществивший указанные выше похищения генералов, после последнего из которых бежал в СССР, где был ликвидирован новыми своими сотоварищами.

²² Владыка Феофан переехал из местечка Моун (см. прим. 22) 1.9.1939 в Лимерэ в усадьбу полтавской помещицы Марии Васильевны Федченко (†1972), знакомой Владыки по Петербургу и Полтаве.

²³ Федор Васильевич Порохов (1871 †1936) — генерал, профессор. Лидия Николаевна Порохова (1877 †1839), урожденная Герингер. Супруги в свое время были близки ко Двору, особенно к Императрице-Матери Марии Феодоровне. Духовно окормлялась у старца Варнавы Гефсиманского. В апреле 1936 г., беспокоясь о безопасности архиеп. Феофана Полтавского, оставили Кламар, переехав в местечко Моун, близ г. Амбуаз на Луаре (тупик де ла Фонтен, 1).

²⁴ Анастасия Васильевна Порохова считалась дочерью убитого большевиками старшего родного брата Ф. В. Порохова — Василия Васильевича.

²⁵ Иеромонах Варнава — духовник архиеп. Феофана, жил в селении неподалеку от Лимерэ. Отпевал и хоронил Владыку.

²⁶ Подробнее см.: Концевич Е. Ю. Люди Божии. Ротмистр Иркутского гусарского полка А. И. Диковский // Православная Русь. Джорданвилль, 1970. № 22. С. 11-12.

6

Печатается по: Прибавления к Церковным Ведомостям. 1911. № 26. С. 1120—1123.

²⁷ Толь [урожд. Толстая] С. Д., графиня. Ночные братья: Опыт исторического исследования о масонстве в Германии. СПб., 1911. 92 с. Рец.: Прибавления к Церковным Ведомостям. 1911. № 24. С. 1048—1049. [Подписано инициалом:] Б. Была автором и др. кн.: Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914.

²⁸ Курфюрст и архиепископ Кельнский (с 1515) Герман фон-Вид (Негмапп, ум. 1552). На Аугсбургском сейме высказывался против Реформации и разделения Церкви. Однако, желая реформировать церковные порядки, созвал местный собор. После того, как решения последнего не удовлетворяли Германа, и он вошел в сношения с курфюрстом саксонским, пригласил в Кельн Меланхтона (см. прим. 29) и Буцера для выработки проекта реформ. После попытки осуществить его на практике был лишен кафедры папой Павлом III. В 1547 г. сложил с себя все чины и удалился в Видское графство, где умер.

²⁹ *Граф Гаспар де Шатийон Колиньи* (1519–1572) — французский адмирал, после смерти принца Конде — вождь гугенотов. После заключения сен-жерменского мира (1570) между гугенотами и католиками, пользуясь своим влиянием на короля Карла IX, пытался осуществить политическую программу, направленную на ослабление абсолютизма и расчленение Франции на ряд самоуправляющихся провинций. Соблюдал политические интересы герцогов де Гизов. Был убит во время Варфоломеевской ночи.

³⁰ *Филипп Меланхтон* (Melancthon), настоящая фамилия *Шварцерд* (Schwarzerd, 16.2.1497–19.4.1560) — немецкий филолог и гуманист, главный теоретик лютеранской Реформации в Германии. После смерти М. Лютера — вождь реформаторов.

³¹ *Мартин Лютер* (Luther, 1483–1546) — бывший священник в Вюртемберге, глава Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства).

³² *Реформация* (от лат. *refortatio* изменение, преобразование) — общее название социально-политического и религиозного движения XVI в. в Западной Европе, поводом для которого послужили неправильности в вероучении и злоупотребления властью римского католицизма. Реформаторы отторгли от папы почти половину католического мира, образовав особые протестантские церковные общества, на самими ими измышленных началах. В Англии была создана англиканская церковь, во Франции движение получило название гугенотов, в Германии образовалась «евангельческая» лютеранская церковь, а в Швейцарии — реформатская («кальвинистская»).

³³ *Иллюминатство* (от лат. *illuminatio* просвещение [человека свыше]) — масонский орден. Основан в 1776 г. в Ингольштадте (Бавария) профессором местного университета *А. Вейсгауптом*. Иллюминатство стремилось к политическому влиянию в Европе, перенимало многие черты устройства иезуитского ордена.

³⁴ *Адам Вейсгаупт* (Weisgaupf, 1748–1830) — основатель ордена иллюминатов, был профессором естественного и канонического права в Ингольштадтском университете. Вступил в масонскую ложу, активно противодействовал иезуитам. Не удовлетворившись умеренностью масонства, основал новый орден (иллюминатов). В 1785 г. удален с кафедры и вскоре переехал в Готу, под покровительство герцога Эрнста II, своего последователя. Вейсгаупт дожил до глубокой старости, постоянно занимаясь пропагандой своего учения.

7

Печатается по: *Архиепископ Никон (Рождественский)*. Мой дневник, 374// Троицкое Слово. 1917. № 374. С. 381–383.

В дневнике профессора *А. Д. Беляева* за 1918–1919 гг. содержатся уникальные сведения о кончине владыки Никона:

«1918. 30 [декабря]. Воскресенье. Ныне после ранней обедни скончался архиепископ Никон в своих кельях. Будто бы он ныне был у ранней обедни в церкви Зосимы и Савватия. В Рождество он не служил; вероятно, по слабости сил. В Никольный день он служил в соборе, кажется, в последний раз. Думал ли тогда, что это уже последнее его служение. Трудолюбив и талантливый, но малолюбимый за строгость.

31 [декабря]. Ныне после поздней обедни тело в гробе Никона вынесли в Трапезную церковь — наместник, казначей Досифей и ризничий Аполлос. По внесении они отслужили панихиду. Я был на выносе и панихиде. Открыта только рука правая, держащая крест, около креста малое Евангелие. Лице закрыто плотно плевковым черным одеянием с белыми словами и изображениями. Рука бледна, но как живая, не опухшая, не измененная ни в чем» (ОР РГБ. Ф.26.4.7).

«1919. 2 [января]. Ныне в Трапезной после обедни б[ыло] совершено отпевание Никона Митрополитом Новгородским Арсением в сослужении наместника и прочей братии Лавры. Речи сказали: Арсений пред отпеванием; от лица академии — студентом во время отпевания; наместником после отпевания. Наместник заявил, что его считали скупым, это неправда; он помогал нищим, но тайно. Его листки оказали огромное благотвор[ное] влияние. Один из падших уведомил наместника, что он уверовал и ожил благодаря писаниям Никона. Никон же прославил Лавру, и она благодарит его. Отпевание было очень продолжительно, но зато и умилительно. Читали 5 Апостолов и 5 Евангелий (Апост. Солун. обычн., 2 Римл., 2 Кор.; все 5 ев. Иоанна). Пели ирмосы: Велик. субботы, Великое славословие. Умилительно припевали: помилуй раба Твоего и Аллалуя. Да мало ли умилительного пели пение и хор служащих. Последние слова Никона б[ыли]: да будет воля Господня. Народа было довольно много. Похоронили его около алтаря Духовск[ой] церкви. Все служение и погребение окончены в 1 1/2 ч. пополудни. Отпевание с прощанием и погребением продолжались свыше двух часов».

«3 [января]. Мой хозяин говорит, что от Никона остались деньги. Я на это возражал, что на барыши от листов сделана новая стройка в Лавре миллионной ценности. Сколько он себе оставлял, неизвестно. Деньги могли остаться разве потому, что он одевался и вообще жил просто; никакой роскоши не допускал, был монах-аскет. Сочинения Никона хозяин называл задушевными; а еще их следует признать умными, самостоятельными, простыми и сильными. Припомнили его полемику против [Н.Ф.] Каптерева и С.[И.] Смирнова, как он сильно поражал их. Приятели Каптерева (Полячек и другие) собирали даже голоса, чтобы протестовать против Никона коллективно; подъезжали и ко мне, но ушел от меня Полячек с носом, а пришел с хардыбачеством. П. П. Соколов со свойственною ему насмешливостью говорил: «Никон подвел мину и взорвал броненосец, да не стошло: броненосец устаревший, негодный для борьбы, на слом». А ведь Никон только семинарист и поражал академич[еских] профессоров низшего разбора, больше напористых и задорных, нежели ученых» (Там же. Е.х.8). Выписки предоставлены И. И. Ковалевой.

Печатается по: Иоанн [Снычев], митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский. Битва за Россию. Саратов, 1993. С. 31–34; он же. «Я не политик, я - пастырь» // Советская Россия. 11.6.1993. С. 3.

ПОД ОСОБЫМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Печатается по: Тимофиевич Анатолий, д-р. Преподобный Серафим Саровский. (К пятидесятилетию прославления, 1903—1953). N.Y.: Издание Успенского женского монастыря «Новое Дивеево», Spring Valley, 1953. С. 69—74.

Анатолий Павлович Тимофиевич (†1976) — врач из г. Киева, духовный сын о. Адриана Рымаренко. Во время Великой Отечественной войны эмигрировал. Жил в «Новом Дивееве» (США). Автор духовных очерков о киевских и ново-афонских исповедниках и подвижниках благочестия, о паломничестве в Саров и Дивеево в 1926 г.

¹ В кн. ошибочно: 1932 г.

СХИИГУМЕННИЯ СОФИЯ...

Печатается по: Концевич Е. Схиигуменния София, настоятельница Покровского монастыря в Киеве, 1873—1941. Forestville (Cal.): Свято-Ильинское издание, 1976. С. 3—37.

О схиигуменнии Софии см. прим. 28 к «Краткому жизнеописанию»

¹ Священник Димитрий Иванов (7.2.1883 †4.3.1930) — духовник Покровского монастыря в Киеве, известный проповедник и молитвенник, был духовно близок епископу Дамаскину (Щедрику, 29.10.1877 †10.9.1937), епископу Глуховскому, находившемуся в оппозиции к митр. Сергию (Страгородскому).

² Автор воспоминаний: Игуменния София Покровского монастыря города Киева. Рассказ ее родной сестры Марии Евгеньевны Поповой (урожд. Гриневой)// Православная жизнь. Джорданвилль. 1959. № 1. С. 10—15.

³ Протоиерей Николай Михайлович Сангушко-Загоровский (в монашестве — Серафим, 27.7.1872 †30.9.1943) — старчествовать начал по благословению Оптинского старца Анатолия (Потапова). См. его жизнеописание, составленное его духовным сыном И. М. Концевичем в его кн. «Оптина пустынь и ее время» (С. 437—451).

⁴ Игумен Герасим (†31.7.1918) — будучи мальчиком, был келейником пользовавшегося большой известностью в Калужской губернии старца Герасима (†1898). Постриженник Тихоновской пустыни. Основатель Сергиева скита, находившегося в 12 верстах от Калуги и бывшего в ведении Калужского отдела Императорского Палестинского Общества, председателем которого был Вел. Кн. Сергей Александрович (†1905). Небесным покровителем его был Преп. Сергей Радонежский. Вместе с супругой Вел. Княгиней Елизаветой Феодоровной они покровительствовали обители старца Герасима. В последней был домик Великой Княгини. О. Герасим принимал в свою обитель «исключительно только бездомных и совершенно неспособных калек», обладал даром прозорливости. Тесная духовная близость существовала у старца Герасима с м. Софией (Гриневой), пославшей к нему бывшего спирита В. П. Быкова, описавшего посещение Сергиева скита в своей книге «Тихие приюты для отдыха страдающей души» (М. 1913. С. 79-105).

⁵ Покровский общежительный женский первоклассный монастырь был основан в 1889 г. Примерно за полвека до этого блаженный киевский подвижник и прозорливец версхимонах Феофил (Горенковский, 1788 †28.10.1853) предсказал основание обители: «Место, на котором мы стоим, — свято, здесь воссияет благодать Божья, и на том месте, на котором мы стоим, будет воздвигнут храм Божий. Дуб же сей будет срублен и послужит местом построения церковного престола, а весь сад будет обращен в девичий монастырь, а царственная жена будет строительницей и правительницей его». Сохранилось предсказание и святителя Феофана Затворника: «Будут пчелки, да еще какая матка!» Место построения монастыря было освящено 11.1.1889. Благословение на устройство обители от Св. Синода было получено 10.7.1889. В монастыре был принят устав преп. Феодора Студита.

В период с конца 1912 г. до начала 1920-х годов (т.е. до самого закрытия монастыря) его настоятельницей была схигуменья София (Гринева, 1873 †4.4.1941) — основательница известной женской обители «Отрада и Утешение» Калужской епархии, близкая знакомая Нилусов.

Монастырь был вновь открыт в годы немецкой оккупации. Духовником Покровского монастыря стал в 1941 г. духовный сын оптинского старца Нектария о. Адриан Рымаренко. О. Адриан создал при обители дом для престарелых и увечных, больницу, помогал всем нуждающимся. В этот период на Страстной седмице скончалась в Ромнах мать о. Адриана. В память о ней он построил церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери, а при ней «старческий дом». О. Адриан эвакуировался из Киева на Запад в 1943 г. В настоящее время Покровский монастырь — действующая обитель.

⁶ Великая Княгиня Александра Петровна (2.5.1838 †13.4.1900) — дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, супруга Вел. Ки. Николая Николаевича (Старшего, 1831 †1891), брата Императора Александра II. Приняла Православие 25.1.1856. Занималась широкой благотворительной деятельностью в Петербурге, основав в Галерной гавани Покровскую общину сестер милосердия, больницу, клиническую амбулаторную лечебницу, училище для подготовки фельдшерниц, впоследствии преобразованное в женскую гимназию. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на личные средства организовала санитарный отряд. Тяжело заболев, в 1879 г. она уехала лечиться за границу. С 1881 г. постоянно жила в Киеве, где основала Покровский женский монастырь, в котором приняла иночество с именем Анастасия. Постриг, совершенный 3.11.1889 до самой ее смерти остался тайным.

⁷ Архиепископ Леонтий (Филиппович, 7.8.1907 †2.7.1971), Буэнос-Айресский и Аргентинский, Чилийский, Парагвайский и Уругвайский — принял постриг в Китаевской пустыни под Киевом (1925). Трижды был в тюремном заключении. Война застала его в Почаевской Лавре. В 1941 г. хиротонисан во епископа Житомирского (до ноября 1943). За это время рукополагает свыше 300 священников, несколько епископов, открывает сотни храмов. Путь его изгнания пролегал через Варшаву, Вену, французскую зону оккупации Германии, Мюнхен. Был епископом в Австрии и Германии. С 1969 г. — в Аргентине. Сохранились воспоминания владыки Леонтия, частично опубликованные.

Об архиепископе Леонтии см.: «Православная Русь». Джорданвилль. 1971. № 14. С. 2—3; «Православная жизнь». Джорданвилль., 1971. Декабрь. С. 18—20.

⁸ Священник Анатолий Жураковский (1897 †10.10.1939) — окончил Киевский университет Св. Владимира (1915). Рукоположен во иерей (1920). Был сослан в Краснококшайск (1923).

⁹ Валентина Николаевна Яснопольская вспоминала (6.2 и 16.3.1990): «В августе или в начале сентября 1923 г. я хлопотала в ОГПУ за священника женского Покровского монастыря в Киеве отца Дмитрия Иванова. Были собраны подписи под прошением об освобождении. Через некоторое время сообщили, что отца Дмитрия отпускают на поруки. И вот я пошла встречать его к тюремным воротам. Вскоре вышел отец Дмитрий и С. А. Нилус. Нилус показался мне интеллигентным, скромным, худым, изможденным. Он был похож на портреты Владимира Соловьева. Нилус рассказал, что «Протоколы» ему принесли студенты. Была целая цепочка, пока они дошли до Нилуса. Перед одним из арестов киевская газета писала, что арестован Сергей Нилус, написавший бульварный роман «Протоколы сионских мудрецов». Нилусы поселились на даче в Ирпени (ул. Высокая, 4). Здесь же устроили церковь. Престол складной. Служил отец Дмитрий по Оптинскому уставу. На службах часто бывали игуменья София (Гринева) и другие монахини. Нилусы были очень церковны. Какие были службы! Это было лучшее время моей жизни» (Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание. / Сост. С. Половинкин. М., 1995. С. 221–222). По воспоминаниям киевских старожилов С. А. Нилус во время пребывания в Киеве особенно часто ходил в Ольгинскую церковь (в Печерске), ныне разрушенную.

¹⁰ О. Адриан Рымаренко (15.3.1893 †12.7.1978) — впоследствии архиепископ Андрей Рокландский, основатель монастыря «Новое Дявеево» в США. Духовный сын Оптинского старца Нектария (Тихонова), умершего под спитражалью о. Адриана. Покинул Россию во время Великой Отечественной войны.

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Печатается по: Пламенная любовь. New York, 1937. 24 с.

¹ Одним из таковых «знакомых наследников автора», к тому же проявлявших интерес к наследию С. А. Нилуса, была племянница писателя — Е. Ю. Карцова. Автором же публикуемой брошюры был, скорее всего ее супруг И. М. Концевич. Таким образом, найденная автором в 1934 г. рукопись С. А. Нилуса могла быть вскоре передана законной наследнице: с будущей своей супругой Иван Михайлович познакомился в 1935 г. в доме иконописца Орловой, женитьба состоялась в июне того же года. В эту версию вписывается и присутствие (см. ниже) автора на лекции проф. СПб. Духовной Академии Малахова в Севастополе в 1920 г., разбиравшего содержание «Протоколов» (сходятся и интересы И. М. Концевича и факт биографии — пребывание как раз в это время в тех местах в рядах врангелевской армии). Косвенным доказательством является наличие в составе брошюры письма Е. А. Нилус Е. Ю. Карцовой о смерти дяди, а также тот факт, что первая по времени ссылка на «Пламенную любовь» находится в «Кратком жизнеописании» С. А. Нилуса, помещенном во втором томе «На берегу Божьей реки» С. А. Нилуса, вышедшем в Сан-Франциско в 1969 г.

Это последнее обстоятельство, а также факт переезда Концевичей в США в 1952 г., позволяют подвергнуть сомнению достоверность, обозначенных на титульном листе брошюры, выходных данных: Нью-Йорк, 1937. Либо она вышла не в Нью-Йорке, либо не в 1937 году. Первая версия объяснима: издать в некоторых своих фрагментах антинационал-социалистическую книжку в 1937 г. во Франции было небезопасно. Однако, скорее всего, издание было предпринято в послевоенное время в Америке и, возможно, даже не в США (где в государственных библиотеках долгое время ее безуспешно пытались разыскать исследователи), а в Аргентине, откуда, кстати, через посредство русских эмигрантов-монархистов один экземпляр ее был привезен в Россию П. Г. Паламарчуком.

В пользу послевоенной версии говорят не только зрелость самой статьи и употребление словосочетания «фашистская Германия», но и полное молчание о самом факте существования брошюры в довоенных изданиях. Выдает автора и фраза: «Ныне оно [еврейство — *Сост.*] особенно нетерпимо, потому что торжествует свою мнимую победу над миром». Вряд ли эта фраза подходит к 1937 году, зато к послевоенному времени — вполне

² См. библиографию в конце издания.

³ См. прим. 108 к разд. «Лжец...».

⁴ Речь идет о знаменитом американском автомеганте *Генри Форде* (1863–1947), печатавшем в 1920–1927 гг. в приобретенной им газете «Dearborn Independent» (Дирборн — юго-западный пригород Детройта (шт. Мичиган), где находились правление, заводы и лаборатории компании Ford) статьи, перепечатка которых составила первоначально четырехтомник «Международное еврейство». Постепенно тираж газеты вырос до полумиллиона экземпляров, а книга была переведена на 16 языков (русский перевод — Берлин, 1925). Одних немецких изданий к 1933 г. насчитывалось 29. Значительная часть фактологического материала для книги Г. Форда была собрана русским эмигрантом *Борисом Л. Бразолем* — одним из помощников министра юстиции И. Г. Щегловитова, следователя петербургского суда (1913), связным русской контрразведки в США (с 1916). Будучи главой Ассоциации русских офицеров Армии и Флота, а также представителем адмирала А. В. Колчака в Нью-Йорке, Б. Л. Бразоль в 1918 г. перешел в штат секретной службы Америки, офицеров которой познакомил с «Протоколами» (по второму изданию 1897 г.; по его просьбе на английский их перевела Наталья Дебагорий). Именно Б. Л. Бразоль помог Г. Форду установить связь с А. Гитлером. Между тем, еврейская община США нашла способ воздействовать на Г. Форда, от имени которого в американской прессе было опубликовано «отречение» и «извинительное письмо». Впрочем, как стало известно после, подпись Г. Форда была подделана его помощником Гарри Беннетом, рассказавшим об этом в 1951 г. (Подробнее см.: *Пруссаков В. Окультизм и его рейх. М., 1992. С. 208–238*). По некоторым сведениям еще в 1894 г. Г. Форд получил степень мастера в масонской ложе Палестина № 357, а затем до самой смерти состоял в ложе Сион № 1. (*Holtorf I. Die Verschwiegene Bruderschaft. München. 1984; Путилов С. Э. «Дымовая завеса» над тайной кагала. (О «Протоколах сионских мудрецов») // Наш современник. 1994. № 3 С. 170*). Известно о посылке, отправленной Фордом С. А. Нилусу.

⁵ Адольф Гитлер (Hitler, наст. фам. Schicklgruber, 1889—1945) — фюрер (с 1920 г.) германской фашистской (национал-социалистической) партии, глава Германского фашистского государства (1933—1945).

⁶ Митрополит Антоний (Храповицкий) писал по этому поводу (14/25.5.1930): «При казавшемся внешнем благополучии в России уже назревал кризис, его предчувствовал такой праведник, как о. Иоанн Кронштадтский, который, будучи горячим поборником самодержавия, весьма печалился тем, что во дворце стали свивать себе гнездо теософия и оккультизм, и он перестал, к огорчению Государя и Государыни, посещать дворец» (Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1962. Т. 9. С. 236). И несколько ранее (9/22.12.1929): «В отношениях с о. Иоанном Кронштадтским, который присутствовал при кончине Императора Александра III, у последнего Государя не было близости, так как о. Иоанн, несмотря на неоднократные пожелания Государя в последние годы Его Царствования, уклонялся от посещения дворца. О. Иоанн был большой враг всякой конституции и понимал, что с колебанием самодержавия колеблется и Россия» (Там же. С. 238).

Разумеется, Владыка писал как современник, к тому же безпристрастный. Однако отзывы сказанного им находим в писаниях архимандрита Константина (Зайцева, 1887 †13.11.1975), видевшего в Царе-мученике и св. прав. о. Иоанне Кронштадтском «двоицу», «симфоническое единение Великой России и Святой Руси», «образцы, совместно определяющие наше идеальное будущее»: «Ничего не говорил о. Иоанн о личности нашего последнего Царя. Не было у него с ним и какой-либо особой личной связи. Эти две личности самостоятельно и раздельно стояли перед глазами духовно-зрячего народа русского. И не к Царю персонально, в это судьбоносное время на престоле Царском восседавшему, обращался о. Иоанн. Он вещал в форме общей и с тем большим пророческим пафосом — что грозит крушением Престола умоначертанне другой, ему чуждой, части народа русского. И подлинное значение явления о. Иоанна определяется не чудотворением его, как таковым — безпримерным для всей эры Царства Благодати — а сочетанием этого несказанного благотворения с ПРОРОЧЕСКИМ вещанием о. Иоанна» (Архим. Константин (Зайцев). Чудо Русской истории. Jordanville, 1970. С. 234).

⁷ По словам старицы Ольги (Богдановой-Бары, 30.6.1876 †16.10.1960), духовной дочери о. Иоанна Кронштадтского, праведник после выхода 2-го издания книги «Великое в малом» (с «Протоколами», 1905) сказал С. А. Нилусу: «Ты за эту книгу (как набат, всему миру сделал предупреждение) без поклонов в Царство Небесное войдешь».

⁸ «В 1901 году мне удалось получить в свое распоряжение от одного близкого мне человека, ныне уже скончавшегося (Примечание: Помяни, боголюбивый читатель, о упокоении боярянина Алексия.), рукопись, в которой с необыкновенной отчетливостью и ясностью изображены ход и развитие всемирной роковой тайны еврейско-масонского заговора, имеющего привести отступнический мир к неизбежному для него концу. Лицо, передавшее мне эту рукопись, удостоверяет, что она представляет собою точную копию-перевод с подлинных документов, выкраденных женщиной у одного из влиятельнейших и наиболее посвященных руководителей франк-масонства, после одного из тайных засе-

даний «посвященных» где-то во Франции, этом ожидавшем гнезде франмасонского заговора. Эту-то рукопись под общим заглавием «Протоколы собраний Снонских мудрецов» я и предлагаю желающим видеть, слышать и разуметь» (Нилус С. А. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1911. С. 52—53).

«В 1903 году мне удалось получить в свое распоряжение одну рукопись [...] Рукопись эта [относительно небольшая по величине тетрадь] — Сост.] была озаглавлена «Протоколы собраний Снонских мудрецов» и передана мне покойным Чернским уездным предводителем дворянства, впоследствии Ставропольским вице-губернатором, Алексеем Николаевичем Сухотным. [...] Попутно Сухотин сообщил, что он, в свою очередь, рукопись эту получил от одной дамы, постоянно проживавшей за границей, что дама эта — Чернская помещица (он называл, помнится, и фамилию, да я забыл), и что она добыла ее каким-то весьма таинственным путем (едва ли не похищением). Говорил Сухотин и том, что один экземпляр этой рукописи эта дама передала, по возвращении своем из-за границы Спягину, бывшему в то время министром внутренних дел, и что Спягина вслед убил...» (Нилус С. А. Близ есть, при дверех. Изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1917. С. 86).

«Я [Александр Дю-Шайла. — Сост.] — заинтересовался, неужели через госпожу К. «Протоколы» дошли до С. А. Нилуса. «Мне казалось странным, что эта огромная, едва движущаяся, разбитая испытаниями и болезнями женщина могла когда-либо проникнуть в «тайны Кагала Снонских мудрецов». «Да, — сказал Нилус, — госпожа К., долго жила за границей, именно во Франции; там, в Париже получила она от одного русского генерала эту рукопись и передала мне. Генералу этому прямо удалось вырвать ее из масонского архива». Я спросил, является ли тайной фамилия этого генерала. «Нет, — ответил Сергей Александрович, — это генерал Рачковский. Хороший, деятельный человек, много сделавший в свое время, чтобы вырвать жало у врагов Христовых» (см. раздел «Лжец...»).

«О том, как к нему попали «Снонские протоколы», Сергей Александрович рассказывал [М. В. Смирновой-Орловой. — Сост.] так: после того, как были изданы первые книги, к нему пришла одна старушка, бывшая небогатой помещицей где-то в Орловской губернии. Она спросила, не решится ли Сергей Александрович поместить в своей книге и напечатать эти протоколы. Они остались у нее после смерти сына, который, в свою очередь, получал их от жены своей, еврейки, когда по каким-то обстоятельствам находился в Париже. Там его полюбила девушка-еврейка, принявшая потом христианство и вышедшая за него замуж. Она их взяла тайком со стола своего отца, который был одним из «снонских мудрецов», и отдала своему жениху, сказав, что они могут пригодиться в России [...]» (См. наст. изд., воспоминания М. В. Смирновой-Орловой).

⁹ Константин Петрович Победоносцев (21.5.1827 † 10.3.1907) — русский государственный деятель, юрист, сенатор (с 1868), член Государственного Совета (с 1872), обер-прокурор Св. Синода (1880—1905). Преподавал законоведение Великим Князьям, в том числе будущим Императорам Александру III и Николаю II. После издания Манифеста 17.10.1905 вышел в отставку. Автор перевода Нового Завета на современный русский язык.

¹⁰ Речь идет о книге Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность» (М., 1905).

¹¹ Е. Н. Яблонская, с которой С. А. и Е. А. Нилусы вели переписку.

¹² *Иоанно-Предтеченский Леушинский женский монастырь*, 1 кл., общежительный, в 29 в. от г. Череповца. Основан в 1885 из существовавшей с 1875 г. женской общины. При монастыре действовал церковно-учительская женская школа. Ближайшее участие в духовном окормлении сестер и благоустройении обители принял Св. Иоани Кронштадтский. В начале века в Леушинском монастыре подвизалось 700 сестер. Затоплен в 1941 г.

¹³ Речь идет об игуменнии *Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря м. Таисии*. Духовным отцом м. Таисии являлся старец схиархимандрит Лаврентий, настоятель Иверского Валдайского монастыря. См. прим. 39 к «Краткому жизнеописанию».

¹⁴ Адресат письма — племянница С. А. Нилуса — Е. Ю. Концевич.

¹⁵ Современный обзор неправославной эсхатологии см.: *Noorbergen Rene. A.D. 2000: A book about the End of Time. Indianapolis (N.Y.), 1984. XV, 166 p.*

¹⁶ В связи с этим вспоминается «письмо махатм», приветствовавших большевиков, которые «упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий», и привезенное в Россию *Н. К. Рерихом*, и вот эти строчки из книги «Община», изданной в 1927 г. при ближайшем его участии: «Надо предпочесть того Учителя, который идет новыми путями. С этим люди Северной страны имеют отличный пример — их Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны» (Цит. по кн.: *Иванов В. Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935. С. 108–109*). О масонской деятельности *Н. К. Рериха* и его жены, «теософской мадонны» см. в той же книге на С. 97–115.

¹⁷ Подробнее о применении масонского треугольника, обращенного вершиной вниз см.: *Бостунич Г. Указ. соч.*

¹⁸ *Нилус С. А.* Близ есть, при дверех. Изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1917. С. 172–173.

¹⁹ Отрывок из другой неизвестной работы С. А. Нилуса, написанной после революции 1917 г., имеется в кн. *Александра Покровского «Русские масоны в эмиграции» («Маленькая библиотека», № 2. Париж. 1941. С. 13–14)*:

Смертный приговор Царской Семье

Уничтожение России было предрешено незадолго до 1905 года пятью американскими евреями-миллиардерами, членами американской ложи. Эта ложа состоит исключительно из евреев и является центром управления всем мировым масонством. Здесь был выработан план разрушения России и прежде всего уничтожение Династии Романовых. Протокол этого постановления был похищен и передан в Российское Императорское Посольство в Вашингтоне, которое с нарочным переслало его в Петроград. Премьер-министром России был тогда князь Святополк-Мирский, который, считая эти откровения ерундой, конечно, оставил их без последствий. Князь был либералом, пытавшимся создать “весну” освободительного движения в России.

Решение, принятое пятью еврейскими главами Америки, было следующее: истратить миллиард долларов и пожертвовать миллионом евреев, чтобы вызвать революцию в России. Деньги были даны евреями Исааком Мортимером, Шустером, Руном, Левин и Я. Шиффом. Эти средства должны были служить для пропаганды, а миллионы еврей-

ских тел — возбудить мировую прессу против царизма. До русского Двора дошли сведения об этом деле. Царь спросил у министра документы, присланные из Вашингтона. Они исчезли. Нарочный был послан в Вашингтон, чтобы привезти копии, но его уже больше никогда не видели. Через некоторое время вспыхнула революция 1905 г. Она была исключительно еврейская, как и последующая 1917 г.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

1

Печатается по: *Добронравов Василий Гаврилович, Березин Василий Доросеевич. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1895. Вып. 2. Переславский и Александровский уезды. С. 305—307.*

2

Печатается по: *Орлова-Смирнова М. В. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус: [Из материалов Самиздата]// Православный путь. Джорданвилль. 1985.*

¹ См. прим. 53 к «Краткому жизнеописанию...», ч. 1 наст. изд.

² *Лез Александрович Орлов (25.8.1889 † 14/27.11.1967)* — муж автора воспоминаний М. В. Смирновой-Орловой, в тот период работал бухгалтером. См. письмо к нему С. А. Нилуса в наст. изд.

³ Имеется в виду издание 1911 года (Свято-Троицкой Сергиевой Лавры).

⁴ *А. Н. Сухотин*. См. прим. 58, 59 к разд. «Лжец...».

⁵ *Князь М. Н. Комаровский* и его дочь, *О. М. Комаровская*. См. прим. 51 к «Краткому жизнеописанию»

⁶ После приезда Н. А. Володямировой к Нилусам в Оптину Пустынь, это, по словам Елены Александровны, был первый случай, когда они с Сергеем Александровичем оказались вдвоем, без нее. Предписание о высылке не касалось ни Натальи Афанасьевны, ни Е. А. Нилус, к тому же первой из-за болезни было тяжело переезжать, а последняя обязана была сопровождать больного супруга.

⁷ По свидетельству *М. В. Смирновой-Орловой*, имущество Нилусов умещалось в двух старых чемоданах. Сергей Александрович был сердечником и не мог поднимать большие тяжести. Поэтому с ним были даже книги только самые необходимые: Библия, Евангелие, его заветный церковный календарь, тетради рукописей.

⁸ *Священник о. Павел Александрович Флоренский (9.1.1882 † 8.12.1937)* — русский религиозный философ, богослов, филолог, исследователь в разных областях науки. В магистерской диссертации есть ссылка на кн. Нилуса с «Протоколами». В его архиве содержатся некоторые рукописи, принадлежавшие С. А. Нилусу, что указывает

на их знакомство (состоявшееся, вероятно, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре). Две знакомые о. Павла (старушки) были административными ссыльными и одно время жили в семье Смирновых.

⁹ *Фредерик Францишек Шопен* (Chopin, 1810–1849) — великий польский композитор и исполнитель. Его сочинительское дарование проявилось в раннем возрасте: в 1817 г. написал два полонеза в духе М. К. Огньского, в следующем — впервые выступил публично и имел огромный успех. В виртуозном творчестве Ф. Шопена ярко проявлялись национально-патриотические настроения, на него сильно повлияло Польское восстание 1830–1831 гг. Шопен считается основоположником польской музыкальной классики. Скончался в Париже, однако, сердце композитора, согласно его воле, было перевезено в Варшаву и замуровано в одной из колонн костела Св. Креста.

¹⁰ Площадь кабинета была примерно 6 кв. м. Там стояли иконы, привезенные Сергеем Александровичем, среди которых особенно выделялся образ идущего Преп. Серафима.

¹¹ «Все время жизни у нас Сергей Александрович чувствовал себя довольно плохо, но виду не показывал, терпеливо это все переносил. Больше сидел у себя в кабинете и переписывал сведения из старых «Церковных Ведомостей»» (М. В. Смирнова-Орлова).

¹² «Он собирал замечательные случаи, которые там приводились. Однажды он пересказал нам заметку об одном священнике, которого выжила вражья сила из дому (сейчас это называется «полтергейстом»).

Тетрадей у С. А. была целая стопочка (обычных школьных и кожаных). После кончины его, Е. А. забрала их с собой в Чернигов, но потом к нам в Городок их уже не привезла. Еще у С. А. был замечательный старинный календарь-альбом, где указывались все церковные праздники, были святцы. На его широких полях С. А. постоянно оставал заметки. С. А. придавал очень большое значение связи какого-либо происшествия с дневным Евангелием, праздником, памятью святого или иконы Божией Матери. Эту связь он всегда отмечал» (М. В. Смирнова-Орлова).

¹³ См.: На берегу Божьей реки, 1910, наст. изд.

¹⁴ Это был единственный обыск у С. А. Нилуса за время его проживания в Крутце.

¹⁵ По словам Л. А. Орлова, после своей кончины Сергей Александрович явился ему во сне и сказал: «Левушка, я тебе должен еще 5 рублей».

¹⁶ С. А. благословил также маленькую дочь М. В. Смирновой-Орловой.

¹⁷ *Иван Алексеевич Ольнев* (†1967).

¹⁸ *Вдова Евдокия Авдотьевна и ее дочь Екатерина* (фамилия пока не установлена). В селе их называли «Шарашинными».

¹⁹ «Когда отпевали и хоронили Сергея Александровича был пасмурный очень морозный день, снег не шел. Человеком С. А. был грузным, кто-то пришел из села — помочь опускать гроб в могилу. Елена Александровна все новые вещи мужа (которых и не было почти) отдала И. А. Ольневу, а в старые одела покойного. На поминальной трапезе, кроме нашей семьи, народу было немного: церковный староста, сторож, певчие... Елена Александровна держалась твердо, плача и рыданий не было, хотя чувствовалось, что ей очень тяжело... 40 дней после кончины Сергея Александровича все читали Псалтырь...» (М. В. Смирнова-Орлова).

²⁰ В марте 1929 г.

²¹ В феврале 1930 г.

²² Последователи председателя обновленческого Собора, возглавившего затем отдельную ветвь ереси обновленчества, епископа Антонина (в миру Александра Андреевича Грановского, 21.11.1865–14.1.1927).

²³ Последняя, кого воспитала Е. А. Нилус в семье Орловых, была Анастасия Львовна (род. 9.5.1936 н. ст.). В семейном архиве М. В. Смирновой-Орловой сохранилась «песня, которую Елена Александровна Нилус пела детям». Приводим ее ноты и слова:

Сеятель

от Е. А. Нилус

*Было весеннее раннее время.
В ясное утро, забывши покой,
Сеятель сеял здоровое семя,
Мерно бросая умелой рукой.*

*Полный заботы, любви и тревоги,
Жатвы он ждал от труда своего...
Первое семя легло при дороге,
Стаи пернатых склевали его.*

*Семя второе на камень упало.
Быстро явились живые ростки.
Солнышко вешнее знойное встало
И засушило молодые листки.*

*Третье семя легло между терний.
Тернии силой могучей своей
В летнюю пору, зарю вечерней
Семя от солнечных скрыли лучей.*

*На землю доброе семя иное
Пало и, вызревши дало свой плод.
Так и Господнее слово Святое
В почве сердечной живет и растёт.*

²⁴ Причины, повлиявшие на переезд О. М. Комаровской в Колу пока не выяснены.

²⁵ Спасо-Влахернский женский монастырь (2 кл.) при с. Новоспасском в 13 верстах от г. Дмитрова. Учрежден в 1861 г. из основанной в 1852 г. А. Г. Головиной женской общины.

²⁶ По другим сведениям Д. А. Озеров был управляющим Аничкова дворца.

²⁷ В замужестве *М. А. Гончарова* была несчастна, так как ее муж стал морфинистом, долго и безуспешно лечился. Она жила после его смерти вместе с графиней Клейнмихель под Парижем, скончалась уже после 1917 г.

3

Печатается по: *Нилус С. А.* Святыня под спудом: Тайна православного монашеского духа. Форэствилль (California), 1977. С. I—III.

²⁸ См. прим. 13 к очерку кн. *Н. Д. Жевахова*.

²⁹ Об освобождении *С. А. Нилуса* с супругой и их выезде в Германию должен был позаботиться германский посол в Москве граф Брокдорф-Ранцау (*Jonak von Freyenwald H.* Der Berner Prozess um die Protokolle der Weissen von Zion: Arten und Gutachten. Erfurt, 1939. Bd. 1. S. 67).

4

Печатается по: *Концевич Е. Ю.* Книжки имеют свою судьбу // Православная Русь. Джорданвилль. 1977. № 8. С. 13

5

Печатается с испр. по: *К Свету*. [1993.] № 3—4. С. 18—21.

СОЧИНЕНИЯ С. А. НИЛУСА И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

СОЧИНЕНИЯ

1. Корень зла: Истинная болезнь России. М.: Университетская тип., 1899. 51 с.
2. Поездка в Саровскую пустынь и Серафимо-Дивеевский женский монастырь// Московские Ведомости. 1901. Ноябрь.
  - 2а. Голос веры из мира торжествующего неверья: Поездка в Саровскую Пустынь. М.: Университетская тип., 1902. 76 с. [Входило во все издания книги «Великое в малом».]
  - 2б. [Переиздание]// Родник: Литературно-художественный сборник. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1991. С. 252–291.
3. Речь С. А. Нилуса в Мценском комитете о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. М., 1903. 38 с.
4. Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском// Московские ведомости. 1903. №№ 195, 196, 197. 18, 19, 20 июля.
  - 4а. Дух Божий, явно почивающий на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым. (Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова). М.: Университетская тип., 1903. 36 с. [Входило во все издания книги «Великое в малом».]
  - 4б. Беседа старца Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни. М., б.г.
  - 4в. Цель Христианской жизни: Из беседы преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым// Христианин. 1910. Ноябрь.
  - 4г. О цели Христианской жизни: Беседа Преподобного Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым (По собственноручным записям последнего с предисловием Н. П.). Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1914. XXXI+56 с.
  - 4д. Беседа Преподобного Серафима Саровского о цели Христианской жизни: Из рукописи Мотовилова. Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым. (Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова). [?], 1917. [Дефинитивный текст.]
  - 4е. [Переиздано с предисловием Глеба Подмошенского]. Издание Св. Германовского Братства (USA), 1968.
  - 4ж. [2-е переиздание с врезкой]// Русский Паломник. 1990. № 2. С. 73–92.
  - 4з. Беседа Преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым. Белая Церковь, 1929.
  - 4и. Беседа преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым. Алма-Ата: Алмаатинский филиал агентства печати «НБ-пресс»: Алтын-Орда, 1991. 26[1] с. Тир. 25 000.

4к. Беседа старца Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели Христианской жизни. М., 1991.

4л. Беседа преподобного Серафима с Мотовиловым: О цели жизни нашей христианской // Преподобный Серафим Саровский. Мюнхен; Москва: Обитель преп. Иова Почаевского (München), «Воскресенье» (Москва; «Библиотека святых Кирилла и Мефодия»), 1993. С. 165—194. Тир. 30 000.

5. Великое в малом (Впечатления от событий своей и чужой жизни): Записки православного. М.: Университетская тип., 1903. VIII+179 с.

6. [Без подписи]. Программа завоевания мира евреями // Знамя. СПб. 1903.

28.8. № 190. С. 2; 29.8. № 191. С. 2; 30.8. № 192. С. 2;

31.8. № 193. С. 1—2; 1.9. № 194. С. 1—2; 2.9. № 195. С. 1—2;

3.9. № 196. С. 2; 4.9. № 197. С. 2; 7.9. № 200. С. 6.

7. Служка Божией Матери и Серафимов: Сибирский [sic!] совестный судья Николай Александрович Мотовилов. М.: Университетская тип., 1904. 119 с. Тир. 100. [Входило во все издания книги «Великое в малом».]

8. Отец Егор Чекряковский. М.: Университетская тип., 1904. 66 с. Тир. 25. [Входило во все издания книги «Великое в малом».]

9. Блаженной памяти игумена Серафимо-Дивеевского женского монастыря Марии // Московские ведомости. 1904. № 247. 7/20 сентября. С. 2.

10. Что ждет Россию? // Московские ведомости. 1905. № 68. 10(23) марта. С. 3

10а. [Переиздание] // Душеполезный собеседник. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. 1905. Август. С. 238—244.

10 б. [Переиздание] // Православная жизнь. Джорданвилль. 1971. № 9. С. 10—15.

11. Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного. Изд. 2-е, испр. и доп. Царское Село: Тип. Царскосельского Комитета Красного Креста, 1905. X+419 с. («Протоколы...», с. 325—394).

12. Духовные очи: Из бесед со старцами. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1906. 15 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 33). [Основная часть вошла в очерк «Святая Русь...» книги «Великое в малом».]

13. Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Ея Иверскаго явления и о чудотворной Ея иконе Иверской, что в Богородичном Иверском Валдайском монастыре Новгородской епархии. К 250-летию пребывания Святой Иконы в Валдайском монастыре, исполнившемуся 16 декабря 1906 года. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. 28 с. (Отд. оттиск из: Церковное Слово. 1908).

14. Марко Фраческий. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. 31 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 45). [Входило во все издания книги «Сила Божия и немощь человеческая».]

14а. [Переиздание там же]. 1915. Тир. 5000.

15. Повесть о пяточисленных молитвах. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 43). [Входило во все издания книги «Сила Божия и немощь человеческая».]

15а. Пяточисленные молитвы. Творение Святителя Дмитрия Ростовского. [С предисл. С.А. Нилуса]. Издательство православного братства во имя св. Александра Невского. Нижний Новгород. 1994. Тир. 50 000.

16. Сила Божия и немощь человеческая. В двух частях. Части I и II. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. 316 с. Тир. 2600.

16 а. [Репринт]. (Оптинский старец Феодосий). Platina, Cal.: Издание братства преподобного Германа Аляскинского чудотворца, 1976. 316 с.

16 б. [То же]. 1979. (Новые отцы Российские. Сер. первая: Оптинская агрография. Т. 3).

16 в. [Репринт изд. 1908]. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. Тир. 50 000.

16 г. [Репринт изд. 1908]. М. «Паломник». 1994. Тир. 10 000.

17. Жатва жизни: пшеница и плевелы. (Из личных воспоминаний и свидетельств истинных). Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. 94 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 46). [Расширенный вариант входил во все издания книги «На берегу Божьей реки. Ч. 2».]

17 а. [Репринт]. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. 96 с. Тир. 50 000.

18. Один из тех немногих, кого весь мир недостойн: Блаженный Христа ради юродивый священник Феофилакт Авдеев. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 44 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 50). Тир. 5000.

19. Звезды пустыни. Житие святого преподобного отца нашего Онуфрия Великого и с ним некоторых иных св. пустынножителей (Память 12 июля): Повесть, написанная преподобным Пафнутием, Египетским пустынножником. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 43 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 54).

20. Для чего и кому нужны православные монастыри. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 52 с. (Троицкий Цветок. № 57). Тир. 5000.

20 а. [Переведен отрывок]// Домострой. 1991.

20 б. [То же]// В № 34. С. 187–190. [Отрывок с необозначенными купюрами.]

20 в. [То же]// К Свету. [1993]. № 3–4. С. 48–49.

21. Небесные пестуны. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 16 с. (Троицкий Цветок. № 59). Тир. 3000.

22. Тайна печати антихриста/ [с предисл.] Л.[А.] Тихомирова. Мировая борьба добра и зла: По поводу письма С. А. Нилуса//Московские ведомости. 5.10.1910. № 228. С. 1–2.

23. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского Духа. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. 229+III с. Тир. 3100.

23 а. [Предварительная журнальная публикация:] Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа: Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива// Троицкое Слово.

1910.

№ 2. С. 27–29; № 3. С. 41–47; № 4. С. 58–60; № 5. С. 76–77;
№ 6. С. 90–94; № 7. С. 108–109; № 8. С. 121–123; № 9. С. 136–138;
№ 10. С. 153–155; № 12. С. 184–189; № 13. С. 197–200; № 14. С. 214–215;
№ 15. С. 232–238; № 16. С. 252–254; № 17. С. 263–269; № 18. С. 280–283;
№ 19. С. 300–302; № 20. С. 312–315; № 21. С. 328–333; № 22. С. 345–348;
№ 23. С. 259–264; № 24. С. 377–379; № 25. С. 392–396; № 26. С. 411–412;
№ 27. С. 425–431; № 28. С. 442–443; № 29. С. 458–461; № 30. С. 469–472;
№ 31. С. 491–494; № 32. С. 502–508; № 33. С. 518–522; № 34. С. 533–535;

№ 35. С. 548—552; № 36. С. 564—569; № 37. С. 585—588; № 38. С. 602—604;
№ 39. С. 616—621; № 40. С. 632—637; № 41. С. 648—651; № 42. С. 663—666;
№ 43. С. 681—684; № 44. С. 693—696; № 45. С. 708—710; № 46. С. 728—730;
№ 47. С. 743—748; № 48. С. 760—765; № 49. С. 778—780; № 50. С. 789—790;

1911.

№ 51. С. 9—12; № 52. С. 25—27; № 53. С. 42—45; № 54. С. 52—58;
№ 55. С. 70—72; № 56. С. 84—91; № 57. С. 102—104; № 58. С. 117—120;
№ 59. С. 137—140; № 60. С. 153—154; № 61. С. 167—169; № 62. С. 181—184;
№ 63. С. 198—200; № 64. С. 217—218; № 65. С. 247—252; № 67. С. 261—264;
№ 68. С. 280—284; № 69. С. 294—300.

23 б. [Переиздание/ предисловие Е. Ю. Концевич]. Forestville: Свято-Ильинское изд., 1977. III+317 с.

Рец.: Православная Русь. Джорданвилль. 1978. № 2. С. 12.

23 в. [Репринт изд. 1977 без предисловия]. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. 318 с. Тир. 50 000.

24. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле [/ предисл. «От издателя» М. Д. Усова]. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. 205 с. Тир. 10 000. [Ч. 1. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле; Ч. 2. Тайна беззакония. Печать антихриста. Зверниное число 666. «Протоколы», с. 57—133].

24 а. Близ грядущий антихрист. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. 168 с. [«Протоколы», с. 45—108].

25. Велкое в малом: Ч. I. Записки православного. Ч. II. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Изд. 3-е, испр. и доп. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911[1912]. Ч. I. XIII+334 с; Ч. II. 220 с. Тир. 3100 [5000]. [Отд. оттиск: Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. 1912; «Протоколы», с. 59—135; Послесловие, с. 204—217].

25 а. [Репринт без «Протоколов»]. Scarborough, Ont.: Свято-Сергиевское изд., 1974.

25 б. [Репринт без «Протоколов»]/ изд. подгот. священник Владимир Мальченко. Scarborough, Ont., 1982. 418 с.

25 в. [Репринт Ч. 1 изд. 1911]. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. XVI+336 с. Тир. 50 000.

25 г. [Переиздание 1911 без «Протоколов» с предисл.]. Новосибирск, 1992.

25 д. [То же с «Протоколами»]. Ново-Николаевск: Изд-во «Благовест», 1993. 543 с.

25 е. [То же с «Протоколами», с предисл.]. Изд-во «Благовест». Новосибирск. 1994. 543 с.

26. На берегу Божьей реки: Записки православного. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. 352 с. Тир. 2100.

26 а. [Предварительная журнальная публикация:] На берегу Божьей реки: Записки православного, 1909-й год// Троицкое Слово.

1913.

№ 175. С. 392—395; № 178. С. 436—442; № 181. С. 486—493;
№ 182. С. 501—507; № 183. С. 520—522; № 184. С. 533—539;
№ 185. С. 552—555; № 187. С. 582—586; № 188. С. 601—603;
№ 190. С. 631—633; № 191. С. 648—652; № 192. С. 666—670;

№ 193. С. 679–682; № 194. С. 697–700; № 196. С. 728–731;
№ 198. С. 757–763; № 199. С. 773–778; № 200. С. 791–795;

1914.

№ 201. С. 9–12; № 202. С. 23–28; № 206. С. 85–90;
№ 210. С. 151–155; № 211. С. 167–169; № 214. С. 217–221;
№ 220. С. 312–316; № 221. С. 327–329; № 222. С. 344–348;
№ 223. С. 362–366; № 225. С. 391–397; № 227. С. 425–427;
№ 228. С. 440–443; № 229. С. 457–461; № 230. С. 473–476;
№ 231. С. 489–491; № 234. С. 536–538; № 235. С. 552–555;
№ 237. С. 585–589; № 238. С. 598–600; № 240. С. 629–632;
№ 243. С. 680–683; № 244. С. 694–697; № 245. С. 710–713;
№ 246. С. 730–733; № 249. С. 775–778; № 250. С. 794–796;

1915.

№ 251. С. 6–10; № 252. С. 24–29; № 253. С. 43–46;
№ 254. С. 57–59; № 255. С. 71–75; № 256. С. 87–91;
№ 257. С. 105–109; № 258. С. 119–120; № 259. С. 135–138;
№ 262. С. 184–189; № 263. С. 201–205; № 264. С. 219–222;
№ 265. С. 235–237; № 266. С. 249–254; № 267. С. 263–267;
№ 268. С. 280–282; № 269. С. 294–296; № 270. С. 309–313;
№ 271. С. 326–331; № 272. С. 342–348; № 273. С. 361–363;
№ 274. С. 377–380; № 275. С. 392–395; № 276. С. 409–413;
№ 277. С. 424–429; № 278. С. 440–444; № 279. С. 460–462;
№ 280. С. 472–478; № 281. С. 490–493; № 282. С. 506–509;
№ 283. С. 520–524; № 284. С. 537–541; № 285. С. 555–557.

266. [Перездание с пропусками]/ Приложение: Архимандрит Варсонофий: некролог [Кормчий. 1913. Май. № 19]. Forestville, Cal.: Свято-Ильинское изд., 1975. [IV]+321 с.

Рец.: Концевич Е. Ю. «На берегу Божьей реки» // Православная Русь. Джорданвилль. 1975. № 22. С. 13–14.

26 в. [Репринт изд. 1975]. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. [IV]+321 с. Тир. 50 000.

27. На берегу Божьей реки, 1910-й год // Троицкое Слово.

1916.

№ 301. С. 6–12; № 302. С. 20–23; № 303. С. 37–39;
№ 304. С. 52–55; № 305. С. 69–74; № 306. С. 87–90;
№ 307. С. 104–109; № 308. С. 122–123; № 310. С. 149–151;
№ 313. С. 200–203; № 320. С. 311–316; № 321. С. 325–330;
№ 322. С. 346–348; № 323. С. 357–363; № 332. С. 501–506;
№ 333. С. 520–522; № 345. С. 713–718; № 346. С. 725–730;
№ 347. С. 743–747; № 348. С. 761–765; № 350. С. 791–796;

1917.

№ 353. С. 41–45; № 354. С. 54–58; № 357. С. 105–108;
№ 359. С. 134–139; № 369. С. 295–299; № 373. С. 362–365;
№ 374. С. 375–378; № 375. С. 391–392; № 381–383. С. 441–442;

№ 384—386. С. 456—460; № 387—389. С. 469—473 [публикация прервана в связи с закрытием журнала].

28. «Близ есть, при дверех». О том, чему не желают верить и что так близко. 4-е изд. книги «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле», переработанное и значительно доп. позднейшими исследованиями и наблюдениями. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1917. 288+VIII с. Тир. 5000 [уделено 600]. [С «Протоколами»].

28 а. [Репринт.] ТОО «Ослябя». Екатеринбург. 1993. Тир. 10 000.

29. Об участи верных христиан. [?], 1917.

29 а. Переиздано: Великая Дявеевская Тайна/ [предисл.] игумена Германа [Подмошенского]// Русский Паломник. 1990. № 2. С. 93—94.

30. Игумен Мануил (в схиме Серафим) — основатель Рождество-Богородичного монастыря в Церковщине под Киевом и Свято-Георгиевского Скита близ г. Умань Киевской губ. Киев: тип. бывшей I-й Киевской Артели Печатного Дела, 1919. 143 с.

30 а. [Переиздано.] в кн.: Киевские подвижники благочестия. Т. III. Издательский отдел Украинской Православной Церкви. Киев. 1994. С. 3—225.

31. Велюкое в малом. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Одесса: Тип. Епархиального Дома, 1919. 176 с.; с «Протоколами», С. 54—122.

32. Послесловие к 5-му изданию «Близ есть, при дверех»// Пламенная любовь. N.Y., 1937. 24 с. [Подлинное время выхода книги более позднее. Изд. подгот. И. М. и Е. Ю. Концевичи?]

32 а. [Переиздано]// К Свету. [1993]. № 3—4. С. 44—47.

33. Видения послушницы Ольги Ржищева монастыря Киевской епархии. С предисл. Е. Ю. Концевич // Православная жизнь. Джорданвилль. 1955. № 10 С. 8—20.

34. На берегу Божьей реки. Записки православного. Ч. II/ [Предисловие Е. Ю. Концевич?]. San Francisco, Cal.: Изд. братства преподобного Германа Аляскинского чудотворца, 1969. 224 с.

Рец.: Свящ. Валерий Лукьянов. «На берегу Божьей реки». Новая книга С. А. Нилуса //Православная Русь. Джорданвилль. 1970. № 4. С. 9—11.

Прот. С.[ергий] Щ.[укин] «На берегу Божьей реки». //Православная Русь. Джорданвилль. 1970. № 6. С. 13.

34 а. [Репринт без предисловия]/ Приложение: С. Нилус. Для чего и кому нужны православные монастыри? [отрывок]; А. Стрижев. Грозное небо Сергея Нилуса. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. 204 с. Тир. 50 000.

34 б. [Фрагмент:] Великая Дявеевская Тайна: Из рукописи Мотовилова [по списку Е. Ю. Концевич (1924—28)]/ [предисл.] игумена Германа [Подмошенского]// Русский Паломник. 1990. № 2. С. 93—96.

35. Великая Дявеевская Тайна [по списку из архива свящ. П. А. Флоренского (1917—1918)]. Приложение к «Великой Дявеевской Тайне» (Из семейного архива Флоренских)// Стрижев А. Преподобный Серафим Саровский о грядущих судьбах России// Московский литератор. 21.9.1990. № 32—33.

35 а. [То же под назв.:] Из пророчеств Преподобного Серафима Саровского/ Приложение игумена Андроника (Трубачева)// Литературная Учеба. 1991. Кн. 1. С. 131—134.

[Список не учитывает публикаций писем С. А. Нилуса, а также многочисленных (в том числе на иностранных языках) отдельных изданий «Протоколов Сионских мудрецов». Последнее по времени (с подстрочными примечаниями Нилуса): Сенсации XX века: Протоколы сионских мудрецов // Молодая гвардия. 1993. № 10. С. 130–176]

Из литературы о С. А. Нилусе

1. *Дю-Шайла А. [М.]*, граф. Воспоминания о С. А. Нилусе в Сионских протоколах: (1909–1920) // Еврейская Трибуна: Еженедельник, посвященный интересам русских евреев. Paris, 14.5.1921. № 72. С. 1–7.
- 1а. *Он же*. С. А. Нилус и «Сионские Протоколы» // Последние Новости. Paris, 12.05.1921. № 326. С. 2; 13.05.1921. № 327. С. 2–3.
2. *Фрей Л.* Тайный вождь иудейский. Ахад Хам. (Ашер Гинцберг). О подлинности «Протоколов сионских мудрецов». Перевел с французского *Ф. Винберг*. Berlin, 1922. 32 с.
3. Всемирный тайный заговор. Протоколы сионских мудрецов. (По тексту С. А. Нилуса) / предисл. *А. П. Rogovicha*. Berlin, 1922. 127 с.
4. *Иеромонах Иоанн (Шаховской)*. Сионские протоколы. Диалог двух православных // Вестник русского студенческого христианского движения. Paris, 1927. № 12. С. 11–14.
5. Сионские протоколы. Paris: Издательство князя М. К. Горчакова «Долой зло». 1927. 64 с.
6. *Жевахов Н. Д.*, кн. Сергей Александрович Нилус: Краткий очерк жизни и деятельности. Новый Сад (Сербия), 1936. 92 с.
7. Пламенная любовь. N.Y., 1937. 24 с.
8. *Бурцев В. Л.* «Протоколы Сионских мудрецов» — доказанный подлог. Paris, 1938.
- 8а. [Перевязано:] // В погоне за провокаторами. «Протоколы Сионских мудрецов» — доказанный подлог / предисл. *Ю. В. Давыдова*; примечания *Л. Г. Аронова*. М., 1991. С. 210–351; примеч. С. 384–426.
9. *Концевич Е. Ю.* Валдайские впечатления // Владимирский Календарь. 1954.
10. Всемирный тайный заговор / По тексту С. А. Нилуса. Vuenos-Ajres, 1955. 192 с.
11. *Орлова-Смирнова М. [В.]*. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус. (Из материалов самиздата) // Православный Путь: Церковно-богословский ежегодник. Jordanville, 1986. С. 54–69. (Приложение к журналу «Православная Русь» за 1985 год).
- 11а. [Перевязано в сокр.] Последние дни Нилуса // Домострой. 19.11.1991. № 45. С. 8–9.
- 11б. [Перевязано] // К Свету. [1993]. № 3–4. С. 50–59.
12. *Стрижев А.* Духовные писатели и Оптина Пустынь // Вече. Мюнхен, 1989. № 36. С. 142–153.
13. *Багдасаров Р., Стрижев А.* Сергей Нилус в Оптиной Пустыни // Литературный Иркутск. 1990. Январь. С. 12–13.

14. *Стрижев А.* Нилус и Государь // Царь-Колокол. М., 1990. № 6. С. 39–55.
- 14а. [Перездано под назв.:] Сергей Нилус и Государь: Сорадование в Духе // К Свету. [1993]. № 3–4. С. 8–15.
15. *Стрижев А.* Преподобный Серафим Саровский о грядущих судьбах России // Московский литератор. 21.9.1990. № 32–33.
- 15а. [То же под назв.:] Из пророчеств Преподобного Серафима Саровского / Приложение игумена Андроника (Трубачева) // Литературная Учеба. 1991. Кн. 1. С. 131–134.
- Рец.: *Шумский А.* Необходимы уточнения // Московский литератор. 23.11.1990. № 44–45. С. 6.
16. *Кон Н.* Благословенне на геноцид. М., 1990.
- Рец.: *Фомин С. В.* МифоКОНья // Московский литератор. 1991. № 14.
17. *Von Michael Hagemeister (Marburg).* Wer war Sergej Nilus? Versuch einer bibliographischen Skizze. Ostkirchliche Studien. Würzburg. 40 Band. Heft 1. Мдгз 1991. S. 49–63.
18. *Стрижев А.* Грозное небо Сергея Нилуса // Домострой. 9–16.4.1991. № 13. С. 12–13.
- 18а. [Перездано] // На берегу Божьей реки. Ч. 2. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 191–202.
19. «Протоколы Сионских мудрецов»: фальшивка или подлинник? *Фридман М.* Конечно, фальшивка!; *Дорба Ив.* Подлинник! // Дорогами тысячелетий. М., 1991. Кн. 4. С. 228–279.
- 19а. [Перездано] // Молодая гвардия. 1993. № 11–12. С. 123–153.
20. *Стрижев А.* На могиле Нилуса // Домострой. 4.2.1992. № 5. С. 10.
- 20а. [Перезд. под назв.:] На могиле Нилуса // К Свету. [1993]. № 3–4. С. 18–21.
21. *Брачев Виктор.* Постигший тайну беззакония // Молодая гвардия. 1992. № 8.
22. *Стрижев А. Н.* К Нилусу; Пристань Духа Святаго: Сергей Нилус в Оптиной Пустыни; Сергей Нилус и Государь: Сорадование в Духе; Миловка; Крины благоуханные; Могилка найдена! [= На могиле Нилуса]; Побеждается естества чин; Величайший акт веры; Нет дороги унывать!; Сквозь архивную пыль // К Свету. [1993]. № 3–4. С. 1–35.
23. *Бегунов Ю. К.* Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // Русский Вестник. 1993. № 7(90). С. 10–11.
24. *Паламарчук П. Г.* Пламенная любовь: Памяти С. А. Нилуса // Вече: Независимый русский альманах. München, 1993. [Вып.] 49. С. 129–139.
25. *Бегунов Ю. К.* Памяти Сергея Александровича Нилуса // Русский Вестник. 1994. № 1(136). С. 12.
26. Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание / Составитель С. М. Половинкин [Приложение / Сост. Е. А. Лукьянов]. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М. 1995. 351 с.

[Список не учитывает многочисленной литературы о С. А. Нилусе как о публикаторе «Протоколов Сионских мудрецов»; сведения, содержащиеся в этих изданиях, большей частью мало достоверны.]*

* *Выражаем благодарность доктору Михаэлю фон-Хагемейстеру за оказанную помощь.*

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХ БОЖИЙ, ЯВНО ПОЧИВАЮЩИЙ НА ОТЦЕ СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ В БЕСЕДЕ ЕГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ	5
ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ?	38
ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА	44
ИГУМЕН МАНУИЛ... ..	48
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. В СКИТУ ПРЕЧИСТЫЯ	162
<i>Запись в дворянской родословной книге .....</i>	211
<i>Н.Д.ЖЕВАХОВ. Сергей Александрович Нилус .....</i>	211
<i>В Оптиной Пустыни .....</i>	234
<i>«Лжец, возвещающий правду» .....</i>	244
<i>Оптинская смута и кончина Старца Варсонофия .....</i>	274
<i>Император Николай II читает С.А.Нилуса .....</i>	318
<i>Архипастырское благословение .....</i>	322
<i>А.П.ТИМОФЕВИЧ. Под особым покровительством Преподобного Серафима .....</i>	352
<i>Е.Ю.КОНЦЕВИЧ. Схиигуменья София... ..</i>	356
<i>Пламенная любовь .....</i>	382
<i>В последние дни .....</i>	400
<i>Комментарии .....</i>	427
<i>Сочинения С.А.Нилуса и литература о нем .....</i>	550
<i>Содержание .....</i>	558

ЛР № 060430 от 25.11.1991 г.
Формат 70 ×100/16.
Печать офсетная. Бумага офсет № 2.
Тираж 12 000 экз.
Заказ № 1164

Издательство «Православный Паломник»
при участии Издательства «Храм»
128010 г. Москва, Б. Спасская д. 10/1

Отпечатано с готовых диапозитивов.
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.